

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

ВОЕННАЯ ДЕРЖАВА ЧИНГИСХАНА

Р.Л. ХРАПАЧЕВСКИЙ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Р.П. ХРАПАЧЕВСКИЙ

**ВОЕННАЯ ДЕРЖАВА
ЧИНГИСХАНА**

асТ ЛЮКС
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛУКС
Москва • 2005

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4
Х88

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 9.11.04. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 29,40. Тираж 5000 экз. Заказ № 3174.

Храпачевский Р.П.

Х88 Военная держава Чингисхана / Р.П. Храпачевский. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 557, [3] с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-027916-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9660-0959-7 (ОАО «ЛЮКС»)

Для мировой истории возникновение в XIII веке военной державы Чингисхана, сумевшей подчинить себе многие более развитые цивилизации того времени — Китай, почти весь мусульманский мир, Русь и часть Восточной Европы, — явление чрезвычайное. Особое значение оно имело для формирования российской государственности.

На основании многочисленных письменных источников автор рассматривает особенности государственного механизма монгольской империи, благодаря эффективности которого сравнительно малочисленный народ сумел завоевать полмира.

Большое место в книге отведено вкладу монголов в развитие военного искусства Средневековья, их тактике и стратегии в ходе завоевательных походов первой половины XIII века.

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4

© Р.П. Храпачевский, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Введение

«Монголо-татарское иго» — кто не помнит этих слов из учебника еще младших классов? Так или иначе, но это понятие известно всем. Более того, в последние годы иго поминают все чаще — одни его проклинаяют, почитая в нем причины всех бед нашего народа, другие считают его благом, третьи отрицают самоё его существование, четвертые находят свой политический интерес в поисках истоков государственности своего народа в монголах или татарах, пятые, шестые... Можно продолжать до бесконечности этот перечень. Одно ясно и неоспоримо — уникальность такого явления, как мировая империя монголов, которая была создана Чингисханом и его ближайшими преемниками. Личность Чингисхана сама по себе тоже вызывает громадный интерес, о нем пишут и знаменитые ученые, и авторы бульварных романов, снимают фильмы — как строго исторические картины, так и просто незатейливые боевики.

Для русского человека и — шире — для людей, живущих на территории России и бывшего СССР, период существования Монгольской империи — неотъемлемая часть их истории. Оцениваться он может по-разному, но его значение было решающим для судеб народов нашей Родины. Да и с точки зрения всемирно-исторической империя, протянувшаяся от берегов Желтого моря на востоке до берегов моря Адриатического на западе, от полярной тундры на севере до бассейна Инда на юге, которую населяли сотни миллионов человек, и притом созданная народом численностью едва в 1—1,5 миллиона человек, явление просто беспрецедентное. Беспрецедентным представляется и другое обстоятельство — эта империя включила в себя почти все развитые цивилизации того времени: Китай, почти весь мусульманский мир, Русь и часть Восточной Европы. Такое положение создавало возможность вести практически на всей территории евразийского континента не только обмен товарами, но и обмен людьми,

знаниями и идеями, в том числе религиозными. Просто поразительными по своим возможным последствиям для стран и народов Евразии представляются такие ситуации, когда западноевропейец управлял густонаселенной китайской провинцией, китайский ученый-конфуцианец был министром у «ильхана Ирана и Ирака», а мусульманский баскак или «численник»-битекчи сидел на Руси. Скорее всего, мы так и не осознаем до конца все те следствия монгольского владычества, которые реализовались в итоге завоевания Чингисханом и его наследниками большей части тогдашней Ойкумены. Если точнее — мы, видимо, пользуемся повседневно наследием той эпохи, но не задумываемся, откуда и что к нам пришло, или, наоборот, бездумно употребляем расхожие штампы наподобие «татарщины» и «азиатчины».

Историки-востоковеды давно занимаются изучением различных аспектов существования монгольской империи — от проблем ее зарождения, личности Чингисхана и до последствий распада империи Чингисхана и бытования ее отдельных частей уже как самостоятельных государств. По разным причинам отдельные стороны этой проблематики изучены значительно лучше других. Так, огромную часть литературы занимает тема жизни и деятельности создателя монгольской государственности Чингисхана. Пожалуй, это самый популярный предмет изучения, что естественно. Другие распространенные направления исследований — социально-экономическая система монгольских государств, вопросы этногенеза народов на их территориях, исследования составных частей империи как самостоятельных государств (Золотая Орда, юаньский Китай, государство ильханов Ирана и Чагатайское государство) и общие обзорные или историософские работы по всему периоду существования как монгольской империи, так и отдельных ее частей-государств.

Русские ученые чаще всего занимались следующими вопросами в связи с монголо-татарской тематикой: жизнь и деятельность Чингисхана, история Золотой Орды и роль Русского государства в ней. Историки и востоковеды советской

школы больше интересовались, по понятным причинам, социально-экономическими аспектами этой проблематики. Надо отметить, что русские, советские исследователи добились значительных успехов на поприще изучения монгольской империи. Их работы оказали большое влияние на исследователей других стран, многие выводы таких ученых, как В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, до сих пор составляют основу для работ последующих поколений монголистов и историков. Можно назвать среди самых выдающихся работ отечественных ученых, не потерявших своего значения и сегодня, следующие: «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» В. В. Бартольда, «Общественный строй монголов» Б. Я. Владимирцова, «Золотая Орда и ее падение» Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, «Распад Золотой Орды» М. Г. Сафаргалиева. Отдельным направлением наших востоковедов была работа по переводам восточных источников. Отечественная школа востоковедения блестяще с ней справилась — практически весь корпус основных письменных источников по рассматриваемой тематике ныне доступен на русском языке, причем в виде не просто переводов, но переводов критически подготовленных текстов, снабженных всем необходимым научным и справочным аппаратом. Работа над такими переводами продолжается и в настоящее время.

Сложнее обстоит дело с обзорными, систематизирующими работами — если отдельные аспекты бытования монгольской империи разобраны иной раз весьма тщательно, то обобщающие работы грешат перекосами в ту или иную сторону. Один из самых распространенных сводится к рассмотрению исследователями биографии Чингисхана, в которой только попутно, часто до крайности сжато, касаются всей картины сложения монгольского раннефеодального государства и его истории при первых преемниках Чингисхана. Кроме того, авторы не могут не быть связанными с естественной склонностью исследователя в сторону отечественной (для данного исследователя) истории. Так, русские и советские исследователи более всего занимались вопросами, касающимися истории взаимоотно-

шений монголов с Русью, китайские авторы — с Китаем и т. д. Отдельные исключения из правила, как например «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» В. В. Бартольда, в свою очередь ограничивались определенным регионом и периодом, не охватывая проблематики в целом.

Все это говорит о том, что назрела необходимость в новой обзорной и систематизирующей работе по истории раннефеодального государства монголов, как учитывающей достижения предыдущих исследователей, так и вводящей в оборот новые данные источников. Ведь со времени выхода таких работ, как «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» или «Монголы и Русь» А. Н. Насонова и совместной монографии Б. Д. Грекова с А. Ю. Якубовским «Золотая Орда и ее падение», прошло от 50 до 100 лет, за которые историческая наука заметно обогатилась с помощью трудов востоковедов как новыми источниками, так и новыми редакциями переводов источников, ранее введенных в научный оборот.

Работами Б. Я. Владимирцова, в частности его итоговой книгой «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», выявлены многие особенности социального устройства раннефеодального монгольского государства, созданного Чингисханом. В последующей литературе появились разработки и иных аспектов генезиса и существования этого государства. Среди них важнейшей является концепция о его военно-полицейском характере. Эта военная и экспансионистская сущность государства монголов представляется основой самого существования мировой империи монголов на ее раннем этапе.

Представляется важным через анализ источников выявить основные черты монгольской военно-феодальной системы, с одной стороны, и через критическое рассмотрение свидетельств о ней обобщить их и привести в систему, с другой. Интересна также задача осмысления комплекса как собственно монгольских нововведений в военное искусство Средневековья, так и обзор тактики и стратегии монголов в ходе завоевательных походов первой половины XIII в. Упор на военное

дело не случаен — при экспансионистской сущности государства Чингисхана, которая будет показана в данной работе, военная его составляющая была самой заметной, и естественно, что значительная часть книги посвящена военному делу монголов XIII в. Другим принципиально важным моментом является рассмотрение всех вопросов, затрагиваемых в книге, на систематической основе. Последнее понимается автором в виде последовательного рассмотрения функционирования структур раннего монгольского государства как единого целого. В связности этих структур и концентрации властных рычагов в руках единого правителя было главное и существенное обстоятельство успехов Чингисхана в его деятельности. Ведь он не просто вел войны, имея хорошую армию, но обладал системой, которой была обеспечена слаженная работа и действенность всех частей его военного государства.

Системность эта проявлялась в следующем: у Чингисхана имелась сбалансированная армия, с ее обученными и дисциплинированными воинами, талантливыми полководцами, совершенными по тому времени структурой организации, тактикой, вооружением, осадными технологиями, военным планированием (стратегией); действия армии не были самостоятельными, они подкреплялись: разведкой — армейская (ближняя/тактическая), дальняя (стратегическая), ее активными мероприятиями (подрывная деятельность, пропаганда и т. п.) и дипломатией — внесением раздоров между государствами, гибким выбором временных союзников и т. д.; тыл был подкреплён — внутренним аппаратом, т. е. удачно составленным законодательством и охранными органами, налогообложением, почтой, системой рогации административного аппарата, системой управления захваченными территориями.

Таким образом, в державе Чингисхана были впервые заложены системные принципы государственного строительства, что по тем временам, на фоне рыхлых и несвязанных гособразований соседей монголов, и давало им большое преимущество в экспансионистской политике. Так что если посмотреть на историю создания их империи, мы видим знакомые нам

сейчас реалии: массовые армии; действия отдельных корпусов в рейдах на больших пространствах в глубине территорий противника, координированные общей стратегией; качественная разведка всех видов; использование элементов психологической войны и пропаганды; тесная увязка военных и дипломатических мероприятий; большое внимание к проблемам связи и их решение на тогдашней технологической базе и т. д. При этом надо заметить, что противникам монголов было очень далеко до многих конкретных их достижений (хотя по частям они многое из них знали), но самое главное — они так и не поднялись, в отличие от монголов, до понимания увязки всего этого в единое целое, чем зачастую подписывали приговор своим государствам.

Очертив круг предметов, которые будут рассматриваться в книге, надо сказать, что основной упор в их исследовании будет делаться на такие моменты, которые отличают государство монголов от прочих кочевнических образований. Дело в том, что если имеются какие-то одинаковые характеристики для всех кочевников, то сравнительный метод даст для них только углубление понимания связей между ними, но не объяснит феномена монголов. В то время как изучение различий поможет понять, в чем причина уникальности монгольской государственности, а значит, поможет понять и саму сущность державы Чингисхана. Поэтому таким уникальным чертам будет оказываться особое внимание в ходе анализа.

Прежде чем перейти к изложению авторской концепции, рассмотрим характеристику основных источников и пособий — это в дальнейшем значительно упростит понимание причин, по которым автор принимает в расчет сведения данного источника, а не иного, в котором есть сведения противоречащие или расходящиеся в чем-либо с первым. Изложение основ критического анализа источников не входит в задачу автора, но интересующиеся могут с ними ознакомиться по соответствующему пособию [151].

Источники и пособия

Основными источниками можно считать письменные известия, созданные как непосредственно в период монгольских завоеваний, так и поколением позже. Более поздние источники могут быть также привлечены в состав этой группы — но только при наличии там информации, восходящей к источникам, современным событиям, и при тщательной проверке их сведений. К первой группе источников относятся: монгольские — «Сокровенное сказание»^I, ярлыки и письма монгольских ханов; китайские — «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хуна, «Хэй-да ши-люе» Пэн Да-я и Сюй Тина, «Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой», «Чан Чунь си ю цзи» Ли Чжи-чана, надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая, сделанная Сун Цзы-чжэнем, «Шэн-у цинь-чжэн лу»^{II} Чагана, хроника «Юань ши»^{III}; арабские — исторические сочинения Ибн ал-Асира и ан-Насави; персидские — «Табакаат-и Насери» Джузджани, «Таарих-и джахангушай» Джувейни, «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина^{IV}; армянские летописи и сочинения — «История Армении» Киракоса Гандзакеци, «История инока Магакии», «Летопись Себастаци», «Летопись Степаноса», «Летопись Смбата Спаралета» и некоторые другие документы (письма, договора и памятные записи); грузинские — хронограф «Карглис цховреба»; сирийские — «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» и хроника Григория Абуль Фараджа; тибетские — «Дэбтэр-марбо» Гунга-Дорчжэ; европейские — записки венгерского монаха Юлиана, «История монгалов» Плано Карпини, «Путешествие в восточные страны» В. Рубрука, «Книга Марко Поло», хроники Фомы Сплитского и Матвея Парижского, некоторые другие работы европейских авторов XIII в.; русские летописи, повести и жития, восходящие к XIII в. Ко второй группе относятся: монгольские летописи и исторические сочинения XVII—XVIII вв. — анонимная ле-

^I Далее — СС.

^{II} Далее — ШУЦЧЛ.

^{III} Далее — ЮШ.

^{IV} Далее — РА.

топись «Алтан Тобчи», «Шара туджи», «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана (XVII в.) и «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна; китайские — сочинение «Чжогэн лу» Тао Цзун-и (XIV в.) и свод «Тунцзянь ганму»; известия поздних арабских авторов, таких как Рукн ад-Дин Бейбарс, ал-Омари; и персидских — Вассафа и анонимного «Продолжение Сборника летописей» (XV в.); тибетская хроника «Пагсам-джонсан» Сумба-Хамбо (XVIII в.); русские — позднейшие летописи и труды В. Н. Татищева. Источники второй группы привлекаются для уточнения и сверки данных основной группы источников. Более подробный разбор всех этих источников дан в Дополнении. Данные иных источников, помимо письменных, получаемые с помощью вспомогательных исторических дисциплин (т. е. археологии, нумизматики, сфрагистики и прочих) и смежных наук (языкознания, этнографии, социологии, антропологии и географии), будут также привлекаться, но без специального критического анализа — только со ссылками на литературу, в которой они введены в научный оборот. Кроме того, в качестве вспомогательных используются письменные источники, прямо монголов не касающиеся, но дающие представление о народах и государствах в те периоды, в которые монголы имели с ними дело. Данная группа источников важна для понимания внутренних причин падения (или, наоборот, упорного сопротивления) в ходе монгольской экспансии, что в свою очередь позволяет более четко выделять в событиях собственно монгольский фактор.

Ниже перечислены главнейшие источники первой группы, в порядке их первоочередности и важности для целей данной книги, а также дана их краткая характеристика, нужная для понимания степени их достоверности и полезности:

1. «Сокровенное сказание» или «Тайная история монголов» (используется также и такой вариант перевода названия, как «Секретная история монголов», далее в сокращении или СС, или ТИМ, в зависимости от используемого авторами цитируемой литературы варианта перевода) — историческое повествование, написанное в 1240 г. в жанре богатырского эпоса.

Его значение особенно велико потому, что это единственный собственно монгольский письменный источник, рассказывающий историю «золотого рода» Чингисхана вплоть до Угэдэя, в чье царствование ТИМ и была завершена. К сожалению, монгольские письменные источники времен Чингисхана сохранились только в считанных экземплярах — это собственно СС (ТИМ) и так называемый «Чингисов камень», несколько пайцз, условно датируемых этим периодом. Да и более поздних монгольских документов XIII в. дошло до нас крайне мало, причем в основном это различного рода грамоты-ярлыки и письма ханов. Крупных исторических произведений, равных ТИМ, не имеется не только от XIII века, но и от XIV—XVI вв. Эти века, называемые «темным периодом», не сохранили ни единого оригинального монгольского исторического сочинения. Поэтому ТИМ — это исключительно ценный источник, как современный эпохе Чингисхана (пусть и записанный немного позднее) и, возможно, составленный одним из выдающихся сподвижников Чингисхана, его приемным сыном Шиги-Хутуху. Кроме того, нужно отметить одно немаловажное практическое обстоятельство — на русском языке есть два перевода СС, С. А. Козина и Б. И. Панкратова. Перевод первого был опубликован в 1941 г. и вызвал ряд критических замечаний. В основном этот перевод носит литературный характер, хотя и сохраняющий смысл СС, но в ряде моментов достаточно неточный. Лингвистически более точным является перевод Б. И. Панкратова, вместе с его замечаниями к переводу Козина. При этом, если Козин перевел СС целиком и опубликовал этот перевод, то от панкратовского перевода 243 параграфов СС (всего в СС 282 параграфа) сохранились не все тексты и имеется ряд лакун, всего имеется в наличии перевод около двух третей от объема СС [29, с. 42—43]. Но при использовании полного текста поправок Панкратова к переводу Козина возможно (пользуясь работами [16] и [29]) адекватно понимать текст СС. Суммируя сказанное, можно заключить, что при условии вычленения традиционных формул сказительства и фольклорно-эпических элементов, проведения

сверки хронологии¹, значение «Сокровенного сказания» как источника сведений о монголах времен Чингисхана невозможно переоценить.

2. «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Дина — создан в начале XIV в. Выдающееся собрание сведений о средневековом Востоке. При его использовании надо учитывать немаловажные моменты: а) «Сборник летописей» действительно сборник разнообразных летописей и официальных документов, которые велись в разных частях современной Рашид ад-Дину монгольской империи, причем как до монгольского завоевания, так и после; б) Вся эта разнообразная масса письменных документов сводилась не самим Рашид ад-Дином, а большим коллективом сводчиков, и уже результат этой их работы редактировали Рашид ад-Дин и несколько его ближайших помощников. Степень проработанности всех этих разноречивых документов — как в буквальном смысле (ведь они были написаны на множестве языков), так и в фигуральном (они писались в разных странах без сравнения с записями соседей) — была неодинаковой. И сводчики пропускали противоречивые данные, не отредактировав их, и сам Рашид ад-Дин не все проверил и привел к единому знаменателю. Следы таких нестыковок разбросаны по всему «Сборнику». Однако есть обстоятельства, которые заставляют признать «Сборник летописей» источником по крайней мере столь же ценным, сколь и «Сокровенное сказание», — Рашид ад-Дин был в преимущественном положении по отношению ко многим авторам, так как он был не просто визирем у монгольских ильханов, но и личным другом Газан-хана, который увлекался историей своего великого предка и потому мог допустить Рашид ад-Дина к тем документам, которые были разрешены для чтения только чингизидам. Нельзя сбрасывать со счетов и саму фигуру Рашид ад-Дина — не просто средневекового энциклопедиста, но настоящего ученого, который впервые на Востоке пришел к мыс-

¹ Она основана на косвенных датировках и весьма приблизительна для событий периода до 1206 г.; при этом изложение СС для этого периода изобилует перестановками событий — некоторые эпизоды предшествуют их реальным датам и, наоборот, описываются СС намного позже их.

ли о критическом использовании источников. Как точно заметил знаменитый отечественный востоковед И. П. Петрушевский: «Джами ат-таварих» занимает совершенно исключительное положение среди средневековых персоязычных источников. Рашид ад-Дин... преодолел традиционную узость их мысли» [142, с. 23]. Важно и то, что он старался составить свой «Сборник летописей» насколько мог беспристрастно, что отмечается исследователями его наследия [142, с. 35—36]. К вопросам критики «Сборника летописей», как одного из важнейших источников, придется еще не раз возвращаться по ходу изложения — этот очень ценный источник страдает рядом технических ошибок его сводчиков и редакторов, которые приходится оговаривать отдельно, по мере необходимости.

3. «Мэн-да бэй-лу» (Полное описание монголо-татар) Чжао Хуна. Чжао Хун в 1220 г. был отправлен послом к монголам от южгосунского¹ командующего пограничными войсками. Дело в том, что Сунский Китай был с чжурчжэнями в постоянно враждебных отношениях и искал союзников против них. Среди монголов Чжао Хун пробыл год, вел в Янцзине¹¹ переговоры с наместником Чингисхана в Северном Китае гованом¹ Мухали. Отчет о миссии, написанный Чжао Хуном сразу же после возвращения, т. е. в 1221 г., соединенный с его записями информационного характера о монголах, и есть «Мэн-да бэй-лу». Обстоятельства создания «Мэн-да бэй-лу» — а Чжао Хун был направлен к монголам с разведывательно-дипломатической миссией — необходимо обуславливают предельно практический характер этой записки, а значит и достоверность ее сведений. Написано оно сразу по возвращении от монголов, его название «Полное описание», что при достаточно скромном объеме сочинения означает, что там затронуты все аспекты жизни монголов, интересовавшие южгосунские власти. По сути это меморандум верховным властям Сун, который должен был снабдить их основными

¹ По названию китайской династии Сун или Южная Сун, так как она контролировала Китай южнее Янцзы, уступив 100 лет назад Север захватчикам чжурчжэням, которые основали там свою династию Цзинь.

¹¹ Современный Пекин.

сведениями о истории, системе власти, правителях, военном деле, экономике etc монгольского государства, необходимыми для принятия серьезных внешнеполитических решений. Исключительная ценность «Мэн-да бэй-лу» еще и в том, что это единственный прижизненный Чингисхану китайский источник, притом представляющий собой деловой отчет-записку китайского посла (и по совместительству разведчика) своему правительству о монголах.

4. Ибн ал-Асир — арабский историк, автор гигантского исторического труда «ал-Камиль фи-т-тарих» (Всемирная история), умер в 1232/33 г. [105, с. 170]. Он хотя и не наблюдал лично событий монгольского нашествия, но был их современником, традиционным арабским хронистом, который аккуратно записывал рассказы очевидцев. Очень важно, что он обычно ссылался на источники своих сведений, что придает достоверность его записям. При этом он настроен антимоногольски, что позволяет с помощью его данных корректировать сообщения промонгольских авторов. Арабские авторы вообще, как правило, имели возможность не оглядываться на монгольских властителей — и Сирия, и Египет монголами так и не были завоеваны. В сочинении Ибн ал-Асира монголов касается только небольшая часть его работы, носящей характер всемирной истории, стандартной для арабской историографии.

5. «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны), написанное Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави — личным секретарем последнего хорезмшаха Джелал ал-Дина. «Жизнеописание» было, видимо, написано вскоре после гибели в 1231 г. султана Джалал ад-Дина. Оно важно как труд, относящийся к перу противника монголов, при этом очевидца и участника событий. Принадлежность ан-Насави к верхушке государственного аппарата хорезмшахов делает многие его сообщения просто неоценимыми для историков — они дают возможность заглянуть внутрь «кухни» политической жизни сельджукских властителей половины мусульманского мира накануне и во время монгольского нашествия.

6. «Таарих-и джахангушай» (История Покорителя вселенной), принадлежащая перу Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни (1225—1283). Ее автор, высокопоставленный потомственный чиновник правительства монгольских ханов Ирана, Месопотамии и Закавказья (ильханов), чингизидов-хулагуидов¹, написал ее около 1260 г. Джувейни был губернатором Багдада, Ирака и Хузистана с 1259 по 1282 г. Многие его данные использовал в своем труде Рашид ад-Дин, однако пользоваться этим источником надо весьма осторожно — это парадное, заказное описание деятельности предка основателя династии хулагуидов, на службе которой состоял как сам Джувейни, так и его отец. Достоинством сочинения является то, что все же его писал младший современник событий, к тому же имевший доступ к официальной документации одного из государств в составе мировой империи монголов. Кроме того, Джувейни вместе с отцом и в отдельности не раз путешествовал по империи, бывал в Монголии и других ее улусах.

7. «Табакат и-Насири» («Насириновы разряды») написаны около 1260 г. Джузджани (родился около 1193 г.), который служил при дворе султанов области Гур². Сочинение Джузджани — это яркий представитель источников антимонгольской направленности. Джузджани — старший современник Джувейни, а в своем творчестве — антагонист его «Истории Покорителя вселенной». Те его сведения о монголах, что относятся к периоду до 1226 г. являются наиболее достоверными — с 1226 г. Джузджани живет в Индии, и позднейшие известия у него записаны с чужих слов. Однако в целом его работа более достоверна, чем тенденциозная, носившая официальный характер книга Джувейни — в отличие от последнего, Джузджани был современником и очевидцем вторжения войск Чингисхана в мусульманские государства Средней и Передней Азии и беженцем от них.

8. «Си ю цзи» т. е. «Описание путешествия на Запад» китайского монаха Чан Чуня в ставку Чингисхана. Чан Чунь, даосский монах, знаменитый китайский ученый и поэт, жил

¹ По имени основателя династии — Хулагу, внука Чингисхана от его сына Толуя.

в конце XII — начале XIII в. Данное сочинение представляет собой путевой дневник его путешествия вместе с учениками от Пекина до Балха в 1221 г. Маршрут его проходил через Северный Китай, Монголию, Тянь-Шань в Туркестан. На всем его протяжении путевые наблюдения и впечатления Чан Чуня и его учеников заносились в дневник, ставший основой «Си ю цзи». В нем даны подробные сведения о климате, физической и экономической географии местностей, пройденных путешественниками, нравах населяющих их народов. Кроме того, в сочинении отмечены памятники старины, которые путешественники видели в пути. Также были ими тщательно описаны следы недавних завоевательных походов монголов, которые им встречались повсюду. Весьма важную часть сочинения составляет изложение бесед Чан Чуня с Чингисханом, что делает памятник уникальным источником.

9. «Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия» — дневник путешествия южносунского путешественника в Северный Китай и Монголию в 1248 г. Очень важен для сверки географических и этнографических реалий XIII в.

10. «Шэн-у цинь-чжэн лу»¹ или «Записки о личных походах священо-воинственного [Чингисхана]» — предположительно сочинение Чагана, датируемое концом XIII в. — началом XIV в. Оно сохранилось в китайском варианте, сильно отредактированном позднейшими компиляторами и комментаторами. Это самостоятельное сочинение, которое, однако, базируется в основном на «Сокровенном сказании» и не дошедшей до нашего времени монгольской летописи «Алтан дебтер». Дело в том, что основной работой Чагана в определенный период его жизни был перевод с монгольского языка «Сокровенного сказания» и некоторых других монгольских сочинений на темы династийной истории чингизидов, хранившихся в специальном, секретном архиве. По сведениям «Юань ши», Чаган по приказу императора переводил на китайский язык

¹ В переводе архимандрита Палладия (Кафарова) — «Старинное китайское сказание о Чингисхане. Шэн-ву-цин-чжэн-лу».

те монгольские документы, которые были в закрытом доступе для всех, кроме членов правящего в Китае дома Юань¹ и их доверенных лиц. Эти переводы, которые Чаган отредактировал с учетом требований монгольской цензуры и переработал с привлечением дополнительных источников, и были основой «Шэн-у цинь-чжэн лу». Некоторые аспекты критического исследования этого сочинения будут затронуты ниже в Дополнении. Сочинение особенно ценно своей номенклатурой собственных имен, географических и этнических названий, которые помогают восстанавливать искаженные названия в «Юань ши», так как они представляют собой промежуточный этап их транскрибирования китайскими иероглифами. Кроме того, ряд его сведений не восходят прямо к «Сокровенному сказанию», но уточняют его.

11. «Юань ши» — китайская официальная хроника, составленная в 1368—1369 гг. и являющаяся важнейшим источником на китайском языке. Она была начата в 1368 г. по приказу первого императора династии Мин Чжу Юань-чжана. Составление ее носило неслыханный дотоле в китайской историографической традиции характер — «Юань ши» была составлена всего за 331 день коллективом из 16 сводчиков и 14 помощников-ученых под руководством известных историков Сун Ляна и Ван Вэя. Это огромный по объему труд, созданный на базе официальных документов монголов, попавших в руки победившей китайской династии сразу после падения власти монгольских ханов (династии Юань). По ряду причин эти документы неполны и противоречивы, их свод проводился по меркам китайской историографии поспешно — менее чем за год. Несмотря на многие ошибки касательно периода первых монгольских каанов², ЮШ имеет большое значение, особенно в ее части «Лечжуань», т. е.

¹ Потомков Хубилая, первого императора Юань, внука Чингисхана от его сына Голюя.

² Каан — это персидская огласовка более привычного тюркского титула хаган/каган в его монгольском звучании — qa'an; далее в тексте будет использоваться для подчеркивания различия хаганов «кочевых империй», иных чем созданное Чингисханом государство, от монгольских императоров-каанов; кроме того, слово каан в виде «кан» точно зафиксировано русскими летописями самого начала монгольского ига, см. [ПСРА т. 2, стб. 782].

жизнеописаний знаменитостей. В частных архивах сохранилось больше информации и у сведчиков ЮШ, не столь связанных канонами составления «Бэньцзи» («Основных записей», т. е. записей о деятельности императоров династии, которые составлялись строго по наличным материалам шилу, официальных записей, ведшихся еще при жизни императора, а значит, и жестко редактировавшихся; их к тому же очень мало сохранилось — подробнее см. в Дополнении «Критический обзор источников и литературы»). При составлении жизнеописаний было и больше информации, и больше возможностей ее проверки. Сравнение данных жизнеописаний и «Основных записей» часто позволяет вычленить достоверные сведения, которые оказываются очень ценными, особенно при сравнении с независимыми источниками. Более слабое место ЮШ — её датировки периода первых четырех монгольских каанов. Они могут быть использованы только через их сравнение с более надежными (с точки зрения хронологии) источниками — например с Рашид ад-Дином. Дополнительно вопрос истории создания ЮШ будет еще затронут в главе о рождении Чингисхана.

12. Венгерские миссионеры, Плато Карпини и Вильгельм Рубрук, Марко Поло.

Перед вторжением монголов в Русь и Восточную Европу в Приволжье побывали венгерские миссионеры, которые оставили современные событиям документы. Важнейшими являются письма монаха Юлиана, побывавшего в 1235—1237 гг. в Булгаре, землях башкир и через Русь вернувшегося в Венгрию. Накануне монгольского вторжения на русские земли он был в Суздале, где общался с тамошним князем и передал рассказы болгарских беженцев от монгольского погрома 1236 г.

Джиованни дель Плато Карпини, францисканский монах, родом из Перуджи, был направлен римским папой Иннокентием IV послом к монгольскому каану в Каракорум, куда он добрался в 1246 г. после длительного путешествия по Восточной Европе, Руси и Дешт-Кишчак¹. Отчет об этом путешествии

¹ Букв. «Степь кипчаков» или «Половецкая степь», полоса степей, от Дуная и до Иртыша, где кочевали куманы-кипчаки-половцы.

и пребывании у монголов и составляет содержание его «Истории монгалов».

Вильгельм (Гильом) Рубрук, монах-минорит, был направлен с дипломатической миссией к монголам французским королем Людовиком IX. Король, более известный как Людовик Святой, хотел заручиться помощью монголов против арабов в планируемом им крестовом походе. Рубрука он выбрал как человека, знакомого ему по шестому крестовому походу, притом обладающего хорошими способностями к языкам и дипломатии. Путешествие Рубрука в Монголию произошло в 1253—1255 годах. Его книга, написанная на материале этого путешествия и пребывания у монголов, оказалась очень удачной. В том числе и потому, что он двигался по стопам Карпини и мог использовать его опыт в своей миссии.

Сочинение Марко Поло довольно позднее — записано с его слов Рустичано в 1298 г. во время его пребывания в генуэзской тюрьме. В силу этого, а также ряда иных обстоятельств и, например, ввиду языковых проблем (Поло говорил на венецианском диалекте, Рустичано — на тосканском, а записывал на старофранцузском, который знал не очень твердо) географическая и этническая номенклатура «Книги Марко Поло» имеет большие искажения. И хотя «Книга» писалась в жанре дорожного руководства купцам, она сохранила много бесценных свидетельств по истории, культуре и экономике как мировой монгольской империи, так и юаньского Китая.

13. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцай (1189—1243), первого министра у монгольских каанов, — важный китайский источник о первых двух из них, т. е. о Чингисхане и Угэдэе, которым Елюй Чуцай служил многие годы. Практика написания подобных пространных эпитафий была обычной в юаньском Китае, что позволяет нам теперь иметь достаточно достоверный документ о жизни и государственной деятельности одного из высших сановников Чингисхана и его наследников. Она была написана китайским ученым Сун Цзычжэнем в 40-х годах XIII в.

14. Пэн Да-я, Сюй Тин «Хэй-да ши-люе» («Краткие све-

дения о черных татарах») — компиляция 1237 г., из записок Пэн Да-я (побывал у монголов в 1233 г.) и Сюй Тина (побывал у монголов в 1235—1236 гг.). Записи Пэн Да-я поабзацно дополнены отрывками из Сюй Тина, почему последнего иногда считают комментатором Пэн Да-я. Это дорожные записки-отчеты китайских послов к монголам, соединенные в один документ. Хотя записки и написаны после смерти Чингисхана, но в период, близко примыкающий ко времени его деятельности, и потому не менее ценны, чем аналогичные сочинения европейских путешественников, а в некоторых отношениях даже более информативны.

15. Армянские источники являются одними из самых многочисленных. Наиболее важными из них являются: «История Армении» Киракоса Гандзакеци, «История инока Магакии», «Летопись Себастаци», «Летопись Степаноса», «Летопись Смбата Спарапета», «Летопись царя Гетума», «Хроника» «продолжателя Самуэла Анеци», «Хроника Мхитара Айриванеци», «История» Давида Багишеци, текст договора между Мэнгу-кааном (Мункэ-ханом) и царем Гетумом I из «Истории Гетума Падмича» и письмо Смбата Спарапета кипрскому королю от 1247 г. Они достаточно подробно рассказывают о хронологии нашествий монголов, их обычаях и быте, их вооружении и способах военных действий, системе управления и налогообложения в захваченных областях. Выдающийся отечественный востоковед И. П. Петрушевский отмечает, что «армянские нарративные исторические сочинения времени монгольского владычества... весьма важны для истории монгольского завоевания» [5, с. 7]. Это связано с тем, что по оценке исследователя армянских источников К. П. Патканова «армянские писатели выгодно отличаются от других, особенно мусульманских и византийских, трезвостью взгляда и правдивостью относительно происшествий, современниками которых были сами» [там же].

16. Русские летописи — в первую очередь это Лаврентьевская, Ипатьевская и 1-я Новгородская. Все они включают сообщения о монголах, восходящие к современным им извес-

тиям. Вопросы критического исследования этих летописей — предмет многолетних успешных исследований отечественных историков, поэтому работа с ними дает достаточно надежные с точки зрения достоверности результаты. В них находятся сведения о монголах как времени самого Чингисхана, так и ближайших его преемников. Особенно велико их значение для истории Великого западного похода армии Батыя и Субэ-дэя в Восточную Европу.

17. Европейские хроники и исторические сочинения XIII в.

Важнейшие из них — хроники Матфея Парижского и Фомы Сплитского, «Горестная песнь о разорении Венгрии» Рогериуса (1244 г.), отрывки из сочинений Роджера Бэкона, анналы ряда европейских монастырей. Несмотря на свою вторичность (кроме Рогериуса и Фомы Сплитского), они современны событиям и в основном передают информацию очевидцев монгольского нашествия на Европу, в том числе рассказ очевидца — русского епископа Петра, который участвовал в Лионском соборе в 1245 г. Особенно выделяется «Великая хроника» Матфея Парижского, которая писалась синхронно событиям и доведена до 1259 г. В то же время Рогериус и Фома Сплитский были очевидцами монгольского вторжения в Венгрию, их сочинения писались сразу после него.

Помимо временной и языковой классификации, надо упомянуть о жанре произведений. Они написаны в следующих формах: всеобщие истории; хроники и анналы; истории ханов и выдающихся личностей; путевые записки; официальные, деловые и частные документы; исторический эпос; эпиграфика; компиляции разнообразных жанров из чужих сочинений, не дошедших в оригинале.

Их более подробная характеристика и элементы источниковедческого анализа находится в Дополнении. В работе, как правило, приведены только выводы из анализа источников, которые важны для дальнейшего понимания изложения. Необходимо также иметь в виду, что сообщения источников часто не согласуются между собой, особенно в датировках.

Поскольку данная работа ориентирована на широкий круг читателей, подробная аргументация выбора источника в качестве основного приводится только в самых важных случаях.

Список пособий также ориентирован на широкий круг читателей, поэтому они выбраны как по степени их значимости и объему предлагаемой информации, так и по доступности изложения.

1. Б. Я. Владимирцов «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм».

Фундаментальное исследование по общественно-политической и этносоциальной истории монголов как на предгосударственном, так на государственном и имперском этапах, вплоть до исчезновения мировой монгольской империи. Без учета данной работы невозможно себе представить современного состояния исследований по любым аспектам истории монголов. Выводы Б. Я. Владимирцова о родоплеменной структуре, государственном характере (в терминах кочевого феодализма) державы Чингисхана в основном принимаются автором данной книги в качестве ориентира в изложении соответствующих тем.

2. М. Г. Сафаргалиев «Распад Золотой Орды».

Этапная работа по истории улуса Джучи в отечественной науке. На основе всего доступного на то время (конец 50-х) материала источников в книге дана связная — от становления государства Чингисхана до исчезновения Золотой Орды — история монгольских государств в их становлении и развитии. Как ясно из названия, основной упор в ней сделан на историю Золотой Орды, однако затрагиваются вопросы истории и других монгольских улусов, в первую очередь — периода единства мировой монгольской империи. В этом качестве она полезна и для проблематики, рассматриваемой в данной работе.

3. В. В. Бартольд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

Сильной стороной исследования является большой фактический материал по мусульманским источникам и тщатель-

ная проработка истории Туркестана; недостатки для целей настоящей книги — относительно малый материал по собственно государству Чингисхана, так как это не главная тема сочинения; устарелые данные по монгольским и китайским источникам, основанные на старых переводах, которые сейчас во многом пересмотрены и исправлены; недооценка Рашид ад-Дина как источника по монгольскому государству.

4. Е. И. Кычанов «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир».

Отличное исследование жизни Чингисхана, написанное на базе современных научных знаний по данному вопросу. Беллетризованная форма позволяет легко усваивать предлагаемый материал. К сожалению, относительно небольшой объем книги помешал обобщенно рассмотреть вопросы создания и существования государства Чингисхана, за исключением непосредственно связанных с личностью Чингисхана и фактами его биографии. Кроме того, в ней неравномерно изложены детали и ход военных кампаний монголов (как не входящие в основную задачу работы — изложить биографию Чингисхана) — одни войны рассмотрены более подробно, чем другие, а в описании отдельных походов монголов нет полного изложения всей военно-стратегической картины кампании. Тем не менее это интересная работа, которая дает очень хорошее представление о современном уровне знаний о личности Чингисхана и весьма полезна еще и тем, что впервые с 1829 года предоставляет широкому кругу читателей в современном переводе на русский язык цитаты из фрагментов «Юань ши», касающихся жизни Чингисхана.

5. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский «Золотая Орда и ее падение».

Надо признать сильной ее стороной то, что до сих пор она является одной из центральных работ по истории Золотой Орды в плане общего охвата ее и наличия в ней связного очерка взаимоотношений Руси и Золотой Орды на протяжении всего ее существования; для целей настоящей работы данная монография имеет следующие недочеты — концентрация

на ряде частных вопросов вроде полемики с концепцией украинских националистических историков В. Антоновича и М. Грушевского, большой охват тем, который не дал места тщательному исследованию генезиса государства Чингизидов в плане выявления его уникальной эффективности в сравнении с окружавшими его государственными образованиями.

б. А. Н. Насонов «Монголы и Русь».

Это очень важная работа по проблемам взаимоотношений Руси и монголов. Чрезвычайно насыщенная фактическим материалом, при достаточно небольшом объеме, она не потеряла своего значения до сих пор. Некоторые недостатки, связанные с устаревшими переводами китайских источников, не могут помешать считать эту работу одним из самых главных пособий по данной теме.

Глава I

Ранние монголы (X—XII вв.) и их развитие в рамках традиционной кочевнической модели чифдома

§ 1. Происхождение монголов и их ранняя история

Предки монгольских племен издавна жили на территориях современной Монголии, Восточной Сибири и северо-востока Центральной Азии. Добывали они средства к существованию по-разному — были среди них племена пастушеские или «степные» и звероловные, последних в монгольской традиции принято называть «лесными племенами». Но и пастушеские племена жили не исключительно скотоводством — важным занятием была охота, которая являлась не только способом пополнить свои запасы продовольствия, но была, пожалуй, вторым после скотоводства их основным занятием. Поэтому нельзя проводить серьезную разделительную грань между так называемыми «лесными» и «степными» монгольскими племенами. Рядом с монгольскими племенами и даже попеременно с ними жили племена тюркские и тунгусо-маньчжурские. В далекой древности все они были частями так называемой алтайской языковой общности. Собственно говоря, монгольскими их называют по позднему наименованию времен монгольского единства при Чингисхане, а племена периода Тюркского каганата и ранее правильнее называть протомонгольскими. Определенным указателем для их различения являются китайские источники начала I тысячелетия н. э. Тогдашние китайские авторы выделяли протомонгольские племена в группу под названием дунху-шивэй. Впрочем, иногда разные авторы вносили в ее состав не только чисто монголь-

ские племена, но и племена исходно не монгольские¹, которые пользовались, однако, монгольским языком (например, у Рашид ад-Дина есть примеры слов из монгольского языка таких племен: «на языке найманов и некоторых монголов букаула называли кишат, а монголы говорят кичат» [38, с. 124], с указанием на некоторую разницу в произношении) и вели сходный с монголами образ жизни. Споры об этногенезе ряда таких народов до сих пор не окончены.

Основным способом отличить монгольские племена от других, соседних, народов является языковой. В рамках так называемой алтайской языковой семьи лингвисты четко выделяют три группы языков: тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские. К XI веку различия между ними стали весьма ощутимыми, хотя еще сохранялись следы общей лексики — как, например, слово «Тенгри»¹, «тенгиз» («море, океан») и многие другие¹. Понятно, что существовали и племена смешанного происхождения, выбиравшие в конце концов для себя основным язык, принадлежавший к той или иной группе из вышеуказанных, при этом сохраняя в разных своих подразделениях второй язык². Поэтому есть серьезные основания считать, что знаменитые «татары», с которыми так много придется воевать Чингисхану, были смешанного происхождения — исходно тюркского, но, живя по соседству с монгольскими племенами и постоянно с ними контактируя, они в конце концов перешли на один из вариантов монгольского наречия. По крайней мере на материале «Сокровенного сказания» можно утверждать, что языкового барьера между монголами и татарами не было, а найманы и кэрэиты были или монголоязычны, или по крайней мере двуязычны [96, с. 17]. По данным китайских источников, племена группы дунху-шивэй, т. е. монгольские и монголизированные тюркские племена, кочевали на территории современной МНР, в верхнем течении р. Хэйлунцзян (Амур) и прибайкальских степях [199, с. 353].

Распространение этнонима «татары», впервые зафиксиро-

¹ В частности тюркские, такие как татары и киргизы.

² «Небо», важное понятие в духовной жизни кочевников Центральной Азии.

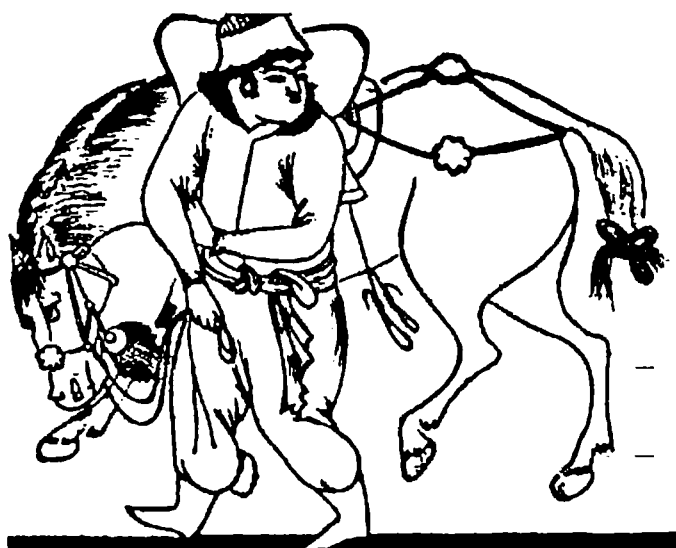

Рис. 1. Монгол с лошадыю
(персидский рисунок с китайского оригинала XIII в.)

ванного в письменных источниках VIII в. как название тюркского племени, на все монгольские племена является отдельной важной проблемой, дискуссии по которой не утихают. Здесь же автор считает необходимым только кратко изложить ту точку зрения исследователей (конкретно М. В. Воробьева и Н. Ц. Мункуева), с которой он согласен: обобщающее название «татары» произошло от распространения китайской традиции обозначать терминами «та-та» или «та-тань»¹ более культурные (с точки зрения тогдашних китайцев) племена из той пестрой по своему этническому составу группы монголо-татарских племен², кочевавших по соседству с государствами Сун, Цзинь и Си Ся, на всю группу племен, которые после объединения вошли в состав кочевого государства Чингисхана ([75, с. 329], [128, с. 89—91]).

Дальнейшее использование этнонима «татары» продолжалось и после истребления Чингисханом в 1202 г. собственно татар. Ведь даже и потом, когда созданное Чингисханом объединение монголо-татарских племен с самоназванием

¹ Которые действительно восходят к более раннему знакомству китайцев с другими, изначальными, татарами, т. е. еще тюркскими племенами.

² Название условное, включает кочевые племена чисто монгольские и племена смешанного происхождения.

«Хамаг монгол улус» («Улус всех Монголов») стало для них самих «монгольским», то для соседей они все равно оставались «татарами». Это явление, видимо, можно объяснить словами Рашид ад-Дина: «Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды при всем различии их разрядов и названий стали известны под их именем, и все назывались татарами» [37, с. 102]. Позже сами эти племена, ранее желавшие из-за «чрезвычайного величия» татар называться их именем, вошли в «Хамаг монгол улус», где теперь надо было называться монголами: «Племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем], — а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен... все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами» [37, с. 102—103]. Но ставшие теперь монголами племена и сами помнили, что еще недавно им было выгодно называться татарами, и, видимо, иной раз так себя и называли, будучи «официально» монголами. Да и в самом составе монголов были татары, попавшие к ним еще за несколько лет до уничтожения татар в 1202 г. — во время войны с татарами во второй половине 90-х годов XII в. часть татарских родов, таких как «племена» Алак-Удура и Кыркыр-тайши, вошла в состав коренных монгольских племен: «Объединились с каждым племенем монгольского народа и с другими племенами, [союзными с монголами], и сражались вместе с Чингиз-ханом» [37, с. 106].

С другой стороны соседи не сразу привыкли называть их монголами, нет нет да и продолжали именовать по-прежнему всех их скопом «татары». Особенно это касалось отдаленных мест: «Еще и поныне в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине

и Мачине, стране киргизов, келаров и башкиров в Дешт-и-Кипчаке, в северных от него районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко [Магрибе].. называют татарами» [37, с. 103] — все перечисленные тут области, Китай, Индия, Поволжье и Северная Африка за отдаленностью не успевали приспособиться к изменениям. Данное обстоятельство хорошо известно этнографам — более ранние названия соседей часто устойчивее, чем их более поздние самоназвания, даже если они приходится на период могущества и известности последних. Например, в Латвии помнят древних кривичей и называют русских «криве», а в Эстонии с Финляндией и вовсе легендарные венеда памятны — и русские для них «вене». Тем более эта консервативность проявлялась, когда недавние найманы, чжалаиры и прочие могли в разговорах с иностранцами использовать более привычное и понятное соседям «татары». Так, южнокитайский посол Чжао Хун, пробывший год у монголов в Пекине в 1220—1221 гг., когда монголы уже завоевали полмира, продолжает их называть татарами, хотя знает и имя монгол: «[Я], Хун, лично замечал, как их временно замещающий императора гован Мо-хоу каждый раз сам называл себя „мы, татары“ [22, с. 53], т. е. гован Мухали (чжалаир по происхождению) в разговоре с китайцем называет себя татарин³. Разобравшись с употреблением этнонима «татары» по отношению к подданным державы Чингисхана как синонима «монголов», далее в изложении будем придерживаться термина «монгольские племена» или «монголы» к «татарам» источников, описывающих реалии уже созданного Чингисханом «Хамаг монгол улус»¹.

Собственно монгольской группой, которая была ядром объединения «Хамаг монгол улус», можно считать следующие племена/обоки²: собственно монголы, жившие в бассейне рек Орхон и Керулен; чжалаиры — в долине р. Онон; тайчжиуты, которые кочевали в долинах рек Онон и Селенги; кэрэиты — в

¹ Поэтому в дальнейшем будем оставлять без специальных пояснений употребление названия «татары» в цитатах из таких источников.

² О термине обок — ниже.

долинах рек Орхон и Тола и в бассейне р. Онгин, между Хангайским и Алтайским хребтами; татары — у озер Буир-Нур, Кулун-Нур и вдоль Великой китайской стены; меркиты — в бассейне р. Селенги. В дальнейшем под монгольскими племенами обычно будем понимать те собственно монгольские и монголоязычные племена, которые вошли в состав «Хамаг монгол улус» Чингисхана. В случае необходимости различения отдельных его составляющих в целях конкретного рассмотрения этнической принадлежности их собственные этнонимы будут оговариваться отдельно, обычно с указанием подразделения, к которому они относятся, например — «племя (или обок) тайчжиутов».

§ 2. Родовая и этносоциальная система монгольских племен на предгосударственном этапе

Важнейшей составляющей социальной жизни монгольских и монголоязычных племен была их система родоплеменных отношений. Почти до самого конца существования уже полноценного государства — так называемого «Великого улуса Монголов» — для представителей его элиты имело значение, какого они рода и каково место этого рода в общей системе. Отголоски этого явления существуют по настоящее время у народов, которые так или иначе связаны с историей монголов, — например, у казахов, узбеков и многих других народов Средней и Центральной Азии. Конечно, корни этого явления находятся глубже — они восходят и к их тюркским предкам, но наличие в существующих сейчас названиях подразделений их родов названий чисто монгольских, известных нам по «Сокровенному сказанию» или Рашид ад-Дину, демонстрирует сохраняющееся до сих пор влияние монгольских племен на их этногенез.

Эту систему родоплеменных отношений можно представить следующим образом: семьи, имеющие общего родоначальника, жившего за несколько поколений до них, состав-

ляли «ясун» («кость» по-монгольски), который состоял из линиджей — т. е. поколений кровных родственников по прямой мужской линии¹. Ясуны, как правило, составляли так называемый обок или омук². Обок обычно принято переводить как «род», но на самом деле это уже более сложное явление, так как кроме близкородственных ясунов туда могли входить ясуны, родственные по женской линии, т. е. по матери (такие родственники по матери или жене назывались торгуд), и вообще не родственники, при этом в обоке на поздних стадиях уже существовало социальное неравенство и имущественное расслоение. По мнению исследователей, есть значительные сложности с понятием рода у кочевников: «Границы рода у кочевников значительно более расплывчаты и неопределенны. Между семьей и племенем существует целый ряд таксономических подразделений. Поэтому исследователи нередко находятся в затруднении, какое именно из них считать родом, тем более что последний даже терминологически не всегда отделяется от других подразделений» [190, с. 105].

Обок вначале действительно объединял близкородственные ясуны, но со временем он становился формой организации и объединения для ясунов, отдельных семей и даже людей, не находившихся в родственной, кровной связи. В результате в обок могли входить как близкородственные ясуны, так и не связанные прямым родством. Могло быть и так, что какой-нибудь ясун, входивший в определенный обок, был во враждебных отношениях с другим обоком, в котором большинство составляли родственники данного ясуна, поскольку тот враждовал с его собственным обоком. Например, небольшое племя джарэит, по сути тот же ясун, было во враждебных отношениях с обоком тайчжиутов, которое выросло на основе родственных ему ясунов. Поэтому джарэиты и говорили: «Тайчжиуты с нами хоть и братья, но часто крали наши повозки и коней, отбирали наши еду и питье» [56; цз. 1, с. 4]. Таким образом обок

¹ По монг. «уруг» — что означало или потомка данного рода применительно к одному человеку, или сообщество членов одного линиджа вообще.

² Монг. обох в другой огласовке.

можно считать началом социальной организации, выходящей за пределы простейших родовых отношений. Рашид ад-Дин так описывает начало этого процесса: «Каждая ветвь их стала известной под определенным именем и названием и стала отдельным обаком, а под термином обак имеются в виду те, кои принадлежат к определенным кости и роду» [37, с. 153—154].

Дальнейшее развитие системы обоков привело к тому, что они стали все чаще складываться вокруг удачливых вождей, а не вокруг родственных ясунов-костей. Причем чем дальше, тем больше реальные родственные связи внутри обока заменялись номинальными — называвшие себя родственниками ясун-кости или отдельные люди могли в реальности таковыми уже не быть, но при этом называться «родственниками». Это явление давно известно: «У кочевников же родственный (фактически псевдородственный) принцип охватывает всю общественную структуру, в которой родство сородичей выступает лишь как одна из отметок на вертикальной шкале» [190, с. 105—106]. Разумеется, вождь обока опирался на своих настоящих родственников в обоке¹, но социальные связи в нем цементировались уже не только и не столько родственными взаимоотношениями (хотя, конечно, они играли определенную роль), но связями более высокого порядка, такими как эффективность хозяйствования в обоке; эффективность руководства вождя, которое давало повышенное количество благ всем членам обока; отношения на основе уже складывающихся морально-этических представлений, зачатках права². Поэтому роль верхушки такой общины становилась все более значимой для ее жизни, что со временем привело от функциональных властных структур (типа выборных вождей в военной демократии) к формированию власти на постоянной основе. Собственно такое образование можно называть племенем, обычно по-монгольски называемым иргэн. Но в текстах, описывающих реалии монгольских племен XII—XIII вв.,

¹ Все сородичи составляли уруг, т. е. «потомки, отпрыски данного рода», а чужие родные лица и ясуны в обоке назывались жад, т. е. «чужой» [74, с. 59].

² Т. е. обычное право.

например в «Сокровенном сказании», «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина или «Юань ши», обок и иргэн часто выступают взаимозаменяемыми словами — это отражает тот факт, что и самим монголам того времени привычнее было мыслить в категориях недавнего прошлого, называя развитое и полиродовое объединение по имени его костяка, т. е. конкретного обока его вождя.

Такая сложная структура, которая противоречит обычным представлениям об обязательности генеалогического старшинства и прямых генетических линиях поколений как основе монгольского (вообще кочевого) рода или племени, на самом деле присуща всем кочевым обществам. Исследователи кочевых общностей Евразии пришли даже к некоторым важным обобщениям на этот счет: «Почти неизменным атрибутом любого кочевого общества является наличие развитой и многоступенчатой родо-племенной структуры, бывшей, по-видимому, условием его нормального функционирования. Основой этой структуры повсеместно является тот институт, который С. М. Абрамзон называет «генеалогическим родом», Е. Бэкон — «обоком», а Л. Крэдер — «генеалогическим кланом». Она имеет черты сходства и с «коническим кланом» П. Кирхоффа, но принцип генеалогического старшинства редко проводится у кочевников сколько-нибудь последовательно» [190, с. 105]. Кстати, именно дальнейшее развитие «конических кланов» по мнению специалистов приводило к появлению первого этапа государственности у народов, которые создавали ее самостоятельно без внешнего влияния, т. е. к протогосударству в виде «чифдома»¹.

Уже на самых ранних этапах складывания обоков/иргэнов происходило выдвигание в них руководителей, причем на основе личных качеств. Их функции не были еще подкреплены чем-то более существенным, нежели просто признанием со стороны пока еще равноправных общинников их полезных личных качеств в разрешении тех или иных проблем жизни

¹ Термин в этнографии и социологии, из англ. «chiefdom», примерно переводимый как вождизм или вождество.

Рис. 2. Монгол
(Китайский рисунок XVII в.)

общины, т. е. признания их заслуг. С развитием отношений внутри такой социальной группы складывалась целостная система выявления предводителей — вождей, в зависимости от их заслуг. Такая форма организации руководства в первоначальных обществах называется меритократией⁴. Только со временем, вместе с расширением хозяйственных и иных функций в общине, меритократическая система выдвижения стала подменяться системой имущественной и наследственной, но при этом часто облакаемой в привычные формы «заслуг» вождя. Отсюда и почитание одних людей или родов как более «знатных» по сравнению с другими — в основе этой «знатности» лежит, конечно, не «дворянский» принцип, а признание заслуг предков-родоначальников, перенесенное на их потомков. Вначале это было вполне альтруистическое почитание потомков людей, которые сделали много хорошего для общины, но со временем это превратилось в прикрытие властного и имущественного расслоения в ней. Привычная, старая система учета заслуг стала освящать новые, властные прерогативы верхушки общины, которая превращалась из равных, хотя заслуженных членов в ее властителей, сосредоточивших в своих руках властные и имущественные рычаги управления. Эта новая суть взаимоотношений, базирующаяся

уже на принципе власти, идеологически носила для простых членов общины по-прежнему меритократический характер, т. е. власть и новые имущественные возможности вождей в сознании общинников все еще связывались как с их личными «заслугами», так и с «заслугами» их предков.

Таким образом, и среди свободных общинников протомонгольских племен происходило расслоение, породившее позднее довольно сложную систему стратификации. В развитом обоке уже имелись высшие и низшие прослойки как свободных людей, так и зависимых: высшими были нойоны (ноуад), за ними следовали простые общинники — араты [114, с. 95], затем лично свободные, но неполноправные члены или простолюдины — карачу и, наконец, настоящие рабы, причем тоже имеющие свои градации — богол¹, инджу^{II} и джалау^{III}. Рабство это вначале носило характер военной добычи и было скорее формой патриархального рабства, когда раб был по сути членом большой семьи. Но ко времени Чингисхана рабство уже переходило в классические формы — раб становился личной собственностью общинника, а не всего обока. Так, Чингисхан уже полностью уверен в полной власти хозяина над рабом, в правомерности его требований от раба беспрекословного подчинения, нарушение которого надо карать смертью. В ответ на ходатайство Субэдэя о приеме на службу освобожденных рабов кыпчаков он распорядился так: «Рабы, которые не соблюдают верность господину, разве будут готовы стать верными другим? — и потому казнил их» [56; цз. 121, с. 2976]. Появление неравенства показывает, что постепенно обок перешел от родственного, пусть и все более условного, характера формирования к социальному — выдвигается даже предположение о том, что обок превратился в «иерархическое образование, состоящее из нескольких социальных групп» [117, с. 48].

Тут необходимо коснуться вопроса «степной аристократии», так как он поднимается практически в любом иссле-

^I Мужского пола.

^{II} Женского пола.

^{III} Потомственные рабы, т. е. потомки рабов.

довании, затрагивающем социальную организацию кочевников. Рассмотрим сущность этой «аристократии» на примере ранних монгольских племен. Существование обоков, жизнь в них, все более выдвигали в сознании кочевников значение роли их предводителей, которые руководили деятельностью в их обоках и успешно доставляли дополнительные материальные блага, сравнительно с материальным недостатком недавнего одиночного родового существования. Это приводило, наряду с привычной системой выдвижения вождей в рамках меритократии, к закреплению в массах свободных общинников представления о необходимости иметь «аристократию», в конце концов до определенного времени в нее мог попасть каждый — так или иначе отличившись. Становление «аристократии», о которой так часто любили писать исследователи начиная с XIX в. и вплоть до 30-х годов XX в., шло не только снизу, со стороны рядовых общинников, но и со стороны ее самой. Ведь выдвигавшиеся вперед по своим личным качествам вожди — все эти нойоны, сэчэны, мергены — так или иначе, но старались закрепить за своим потомством в наследственном порядке те преимущества, которые были получены ими от остальных людей обока пока еще только в личном порядке. В итоге развития этого процесса появилась резкая грань между ранее равными общинниками — «одни были поуад «господа», другие — хагаси «чернь», bogolcud «рабы» [74, с. 70].

Дальнейшее усложнение социальной системы обоков и иргэнов еще дальше увело этносоциальные объединения от чисто родового принципа формирования и привело к появлению такой формы, как улус (рано заимствованное тюркское слово, означавшее еще в рунических орхонских надписях «народ, племя, страна» [169, с. 25]) или эль (собственно монгольский термин, иногда понимаемый как союз племен). Улусы у монголов — это чифдомы по сути, но организованные для нужд специфически кочевнических. Надо заметить, что, несмотря на их появление, еще довольно долго пользовались и терминами обок или иргэн, путая их поздние трансфор-

мации с элем или улусом, происходила взаимозаменяемость терминов по указанной выше причине — консерватизма традиционных названий при уже изменившейся их социальной роли. Кроме того, дело запутывало внешнее сходство старого обока, где во главе стоял родовой старейшина, с чифдомом, в котором его вождь тоже считался старшим рода, но суть власти которого (да и система образования чифдома вокруг него) была уже иной — улусной. Следы этого явления особенно хорошо видны в ЮШ — там часто обоком называется уже улус/эль, а поколением или родом — обок.

При этой внешней неразличимости нельзя забывать одного фундаментального факта касательно сущности всех этих поздних обоков, иргэнов, элей/улусов как протогосударственных форм, в отличие от простых родовых образований: они представляли собой не территории с населением, организованные какой-либо формой власти, а — людей, собравшихся вокруг вождя (одновременно считавшегося и старшим в «роде»), причем территория кочевания (нутук) была в улусе не главным. Т. е. если сформулировать кратко: улус — это люди. Или как удачно сформулировал Е. И. Кычанов: «улус — это не просто люди, а особым образом организованный народ» [114, с. 95].

Про это недвусмысленно говорится в СС в рассказе об улусе Есугая, отца Чингисхана: «людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус, улус собранный твоим благородным родителем» [16, с. 88]. Полезно также привести подробное разъяснение Б. Я. Владимирцова динамики развития этого понятия вплоть до периода полноценной государственности: «У древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хаана, нояна, тайши, баатура и т. д., называлось *ulus*, т. е. «народ-владение», «народ-удел». Например, тайчиуты, рассматриваемые как ряд кровно родственных кланов-родов, представляют собою *irgen*, т. е. «поколение» или «племя». Но те же тайчиуты, даже часть их, объединенная под предводительством, например, Таргутай-Кирилтуха, являются уже *ulus*, т. е. «народом-уделом», «улусом» названного предводителя.

Ввиду этого слово *ulus* может быть переведено, с известными оговорками, как «удел, владение»; только монголов, как истых кочевников, в этом понятии нас больше интересуют люди, а не территории: действительно, первоначальное значение слова *ulus* и есть именно «люди». Поэтому слово *ulus* может быть передано и как «народ», т. е. «народ-удел», «народ, объединенный в таком-то уделе», или «образующий удел-владение». Впоследствии *ulus* означает уже «народ-государство», «народ, образующий государство-владение», «государство» [74, с. 97].

В общем суть явления раннего эля/улуса такова: улус жил, пока были люди, придерживавшиеся определенного руководителя, и улус исчезал, когда люди уходили из него или терялся вождь. Но при этом нельзя переоценивать властные полномочия главы такого раннего улуса XII в. — это был такой вождь, чьи права и функции мало чем превышали роль выборного военного вождя в военной демократии и старшего в роду, все еще сильно зависящего от традиции и обычного права. Как метко отметил Б. Я. Владимирцов: «„Власть“ и „права“ древне-монгольского хаана до известной степени напоминают то, что обычно является прерогативой атамана разбойничьей шайки» [74, с. 80]. Такой выборный хан или каан ставился обычно на время облавной охоты или войны, т. е. «для наездов, набегов, разбоя» и дележа добычи [там же]. Именно поэтому еще так нужны такому вождю прерогативы старшего в «роде», которым по-прежнему мыслился улус (выше уже говорилось, что в социальной организации кочевников понятие родственных отношений выглядело шире, чем просто кровное родство, используется даже термин «псевдородство») для человека традиционной кочевнической культуры. Авторитет освященных обычаем «родовых» порядков помогал вождю со временем формировать властные институты и по-своему цементировать социальные связи, которые теперь замыкались на нем и его ближайшем окружении (дружине — нукерах), а не на аморфной массе «нойонства».

Таким образом, формы социальной организации у монголов XII в. были основаны на рассмотренной выше родоплеменной и улусной системе, где роль территориального

Рис. 3. Монгол верхом на коне
(китайский рисунок XVII в.)

фактора второстепенна и зависит только от традиционного или договорного распределения мест кочевок между разными обочками и где роль родового старейшины не более чем ширма для нового центра власти в монгольском этносоциальном объединении — т. е. для вождя улуса. Другими ее важными особенностями у монгольских племен были следующие: 1) военная организация была структурной основой всех центральноазиатских кочевых обществ — от хунну до монголов Чингисхана, так как воинами считалось все мужское население [20, с. 36]; 2) монгольские протогосударства (улусы) по своим родам делились на правое и левое крыло по десятичной системе. Последнее зафиксировано еще у сюнну в III в. до н. э.: «Ставятся сян-ваны; левый и правый великий военачальник; ... от левого и правого сян-ванов до данху, сильных, имеющих десять тысяч [всадников], — всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание — вань-ци... Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувзев, данху и цецзюев» [19, с. 40]. В дальнейшем будет рассмотрена трансформация этой традиционной десятичной системы в регулярную армию Чингисхана.

§ 3. Чифдом (вождизм)

и протогосударства у кочевников

По Л. С. Васильеву чифдом — «это основанная па нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью и возглавляемая сакрализованным лидером политическая структура, главной функцией которой является административно-экономическая... Чифдом являет собой как раз тот этап, на котором правитель из слуги общества начинает становиться... господином над ним» [70, с. 40]. Протогосударство-чифдом — это обычное состояние для протогосударств номадов [70, с. 32]. Значение «аристократии» в нем основано не столько на имущественном факторе, хотя он уже и присутствует, но все еще на пережитках меритократии, при этом ранги заслуг уже начинают передаваться по наследству, что есть важнейший признак формирования феномена родовой знати [70, с. 38]. Такие пережитки очень сильны — народы Восточной Азии, даже самые развитые (Китай), вводили в состав своего государственного аппарата понятия и традиции своего далекого номадического прошлого — система счета «заслуг», их официальное оформление была характерна, например, для китайской государственности с самых древних пор. Так, эту систему заслуг фиксирует историческая эпопея «Троецарствие», написанная как раз в конце монгольской династии Юань в середине XIV в., но описывающая реалии (разумеется, в меру понимания автора XIV в.) конца династии Хань, т. е. III в. н. э. Пример этот характерен — автор «Троецарствия» писал на базе исторических повествований, так называемых «пинхуа», бытовавших еще в X—XII вв., что обеспечивает связь времен с периодом монголов Чингисхана. Вот как формулируются в официальных отношениях основания к амнистии, или к продвижению по службе, или просто канцелярские штампы-характеристики китайских «послужильцев» в официальных документах: «Хуан Фу-сун подал доклад о том, что Лу Чжи не виновен и имеет заслуги. Лу Чжи был восста-

повлен в прежнем звании» [53, с. 12]; «Начальник округа Цзан Минь подал доклад двору о заслугах Сунь Цзяня и тому была пожалована должность» [53, с. 13]; «имеющим заслуги вновь пожаловать награды» [53, с. 14]; «за мои ничтожные заслуги получил нынешнюю должность» [там же]; «людей, не имеющих и цуня¹ заслуг, возводит в князья» [53, с. 16].

Целый набор слов старой китайской канцелярии с обязательным знаком 功 «гун»¹¹, которыми оформлялись подобные официальные стереотипные обороты, указывает на значимость пережитков меритократии в даже столь развитой, как китайская, государственной системе. Все это иллюстрирует жизненность меритократического подхода, который продержался в государственности Китая ни много ни мало, но до начала XX в., т. е. более 3000 лет с того момента, когда кочевые племена иньцев начали строить цивилизацию. Данный подход не является чем-то исключительным, присущим цивилизациям Центральной Азии и Дальнего Востока, — вспомним местничество в Московском государстве, ведь корни его тоже в пережитках меритократии и также, как в Срединной империи, данное явление было встроено в государственную структуру и прожило вплоть до Петра Великого, нещадно боровшегося с ним. С этой точки зрения любопытно отметить, что реформаторы в Цинском Китае конца XIX в., конкретно знаменитый реформатор Кан Ю-вэй¹², выдвигали в качестве знамени дела реформирования старой китайской государственности именно Петра Великого и призывали учиться у России [173, с. 180—181], которая сумела освободиться в своих государственных институтах от пережитков далекого прошлого.

Все эти примеры из истории самой влиятельной культурной традиции региона, к которому принадлежали древние монголы, показывают, что развитие чифдома у них не могло идти иначе чем по путям, аналогичным китайским. Это тем более представляется неизбежным, потому что становление

¹ Китайская мера длины — 3,2 см.

¹¹ Т. е. «заслуга».

¹² Предтеча Сунь Ят-сена, оказавший значительное влияние на слом государственной системы старого Китая.

государственности у монголов (да и прочих соседей китайцев) не проходило с чистого листа, как у иньцев в III тысячелетии до н. э., а в условиях культурной гегемонии Китая на протяжении столетий. Т. е. взаимодействие Китая с его соседями-кочевниками проходило при усиленном проникновении в их жизнь всевозможных заимствований как материального, так и идеологического порядка. Тем не менее специфичность кочевнического образа жизни привела к своим особенностям государственного строительства у кочевников. Так, вбирая в себя заимствования из развитых государств оседлых соседей, государственность кочевников надолго затормаживалась на этапе протогосударства-чифдома. Собственно, поэтому у кочевников чифдомы так называемые вторичные, т. е. «складывающиеся в значительной мере под воздействием со стороны более развитых структур» [70, с. 32].

Институты власти в чифдоме не были развиты до государственных, точнее, они были такими же функциями традиционных форм, как и сам вождь. Но их важное значение сравнительно доводистского периода было в том, что при всей своей неразвитости эти зачатки государственных институтов уже имели надобщинный характер и их развитие все дальше двигалось по пути отделения носителей власти от общины. Хотя связи вождя и не простирались дальше его личного и родового, точнее уже псевдородового, имитирующего кровные отношения, круга взаимоотношений с формирующейся административно-управленческой элитой, она уже стала особым слоем, возвышаясь над массой. Поначалу эти связи были основаны на простейших функциях: вождь — его дружина, вождь — его род, дружинники — их родные. Но само появление дружины как института профессиональной военной деятельности показывает высокий уровень развития политической структуры общества. А после возникновения развитой социальной структуры, где есть военное дело как род занятий, война выступает на первый план в жизни такого общества, «становясь важным инструментом интеграции» его [70, с. 32].

Главной тенденцией развития всей структуры чифдома

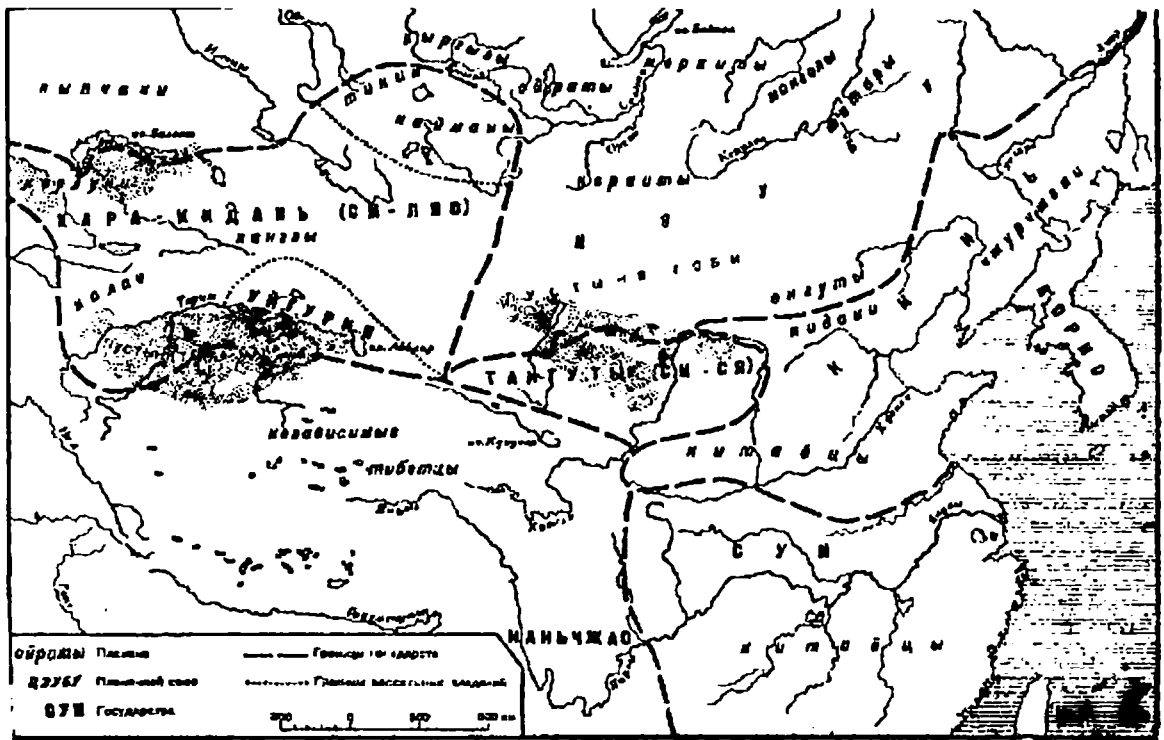
является централизация, усиление власти верховного вождя. Принципы, на которых может состояться такое усиление, известны — сакрализация и авторитаризм. Для монголов сакрализация вождя имела значение (Чингисхан при возведении в кааны клялся перед лицом «Вечной Небесной Силы» [16, с. 168]), но не основное. Авторитаризм же у них складывался на основе системы родовых традиций и грубой силы, стоящей за спиной вождя. При этом, чем дальше вождь уходил от соблюдения традиций, тем более он нуждался в своей дружине, как средстве поддержки своего властного авторитета. Значение дружины-нукуда стало очень важным в поддержании баланса при падении значения родового авторитета. Поэтому и возникало такое явление, как «апелляция лидера к поддержке аутсайдеров» [70, с. 39]. Для столь традиционного общества, как монгольские племена XII в., это сработало в случае Чингисхана, который набирал нукеров и из непривилегированных слоев и неродственных кланов, в процессе чего смог в конце концов свести роль родовой «знати» к уровню своих подданных. А начался этот процесс в улусе Чингисхана из укрепления роли кешига, т. е. личной гвардии при хане. Сама по себе дружина, сформированная на родовом принципе, пропитанная традиционными взглядами, нуждалась в определенной узде, на роль которой в полном объеме со временем выступил «кешиг». Не зря именно реорганизация гвардии-кешига стала одной из важнейших реформ Чингисхана в 1206 г. — когда он стал кааном и начал строительство полноценных государственных институтов.

Другой важной особенностью чифдома было сосредоточение на вожде экономической структуры — на нем сходились пути управления производством (для кочевников — разграничение путей кочевания между аилами, освоение новых территорий, накопление запасов), контроль за выполнением решений по общинной деятельности и распределением благ. При этом со временем начинает проявляться нужда в насилии внутри общества — на ранних этапах чифдома насилие, как правило, направлено вовне, т. е. применяется лишь во время противоборства с внешними силами. Экономическое

неравенство и появление пленных-рабов вызывают к жизни властные институты, которые осуществляют насилие в интересах защиты появившихся носителей привилегий и имущественных прав. Монголы XII в. уже находились на такой стадии развития чифдома-протогосударства.

Конкретная социально-политическая организация протогосударства кочевников, то, что в марксизме называлось «базис и надстройка», была и остается полем для дискуссий. Данная проблематика важна для познания характера первоначального этапа государственности ранних монголов — как поколения Чингисхана, так и поколением до него. Выдвигаемая позиция преемственности государственности у монголов верна (см. [181, с. 29]), но только отчасти — именно для периода строительства Чингисханом своего первого, традиционного номадического чифдома, по образу и подобию остальных подобных образований у его предков и у соседей. Впрочем, даже и после, в ходе реформ Чингисхана 1206 г., т. е. в ходе строительства им регулярного государства, пережитки этого догосударственного периода оставались. Точнее — старая форма, привычная и традиционная, наполнялась новым содержанием, отвечающим уже новому социально-политическому бытию монголов как создателей мировой империи.

Вопрос государственности в кочевых обществах в последнее время решается в сторону отрицания внутренних, т. е. в составе самого кочевого общества, предпосылок к построению полноценного государства. «Государственность не является институтом, внутренне необходимым для номадов... Она возникает как способ адаптации кочевников к соседним земледельческим цивилизациям» [104, с. 29], то есть она внешне имела вид автократический и государственноподобный, но оставалась консультативной и племенной изнутри [там же]. Тем самым утверждается, что для кочевых «государств» государственные институты были необходимостью внешней — в целях их взаимодействия с соседними развитыми оседлыми культурами, с их полноценными государствами. Поэтому для «государств» кочевников применяют термины «раннее государство» или еще точнее — протогосударство.

Монгольские племена в XI—XII вв.

Именно такое, традиционное помадическое протогосударство было известно монголам в XII в. Ко времени Чингисхана подобные протогосударства возникали не раз и даже достигали значительной величины, включая в себя и полиэтнические родоплеменные единицы. Обычно их считают племенным союзом, «эль» по-монгольски. Когда такие союзы имели тенденцию расширяться, захватывая в свою сферу влияния даже оседлые народы (обычно не надолго), то их можно определить как «имперские конфедерации» [104, с. 29]. До монголов Чингисхана таких примеров было несколько, начиная с хунну. Поэтому не удивительно, что и ранние монгольские племена пошли по такому же пути, развиваясь от простейших форм кочевнических протогосударств. Уже существовали «имперские конфедерации» найманов и кэрэитов. Видимо, они и были тем образцом, которому следовал Чингисхан с 1189—1190 гг., когда он сам был избран ханом подобного государственного образования начального тина и когда только начал борьбу за верховенство в степи. Но добившись своей цели и создав на обломках протогосударств соперников свой чифдом, он не пошел по пути, обычному

для всех таких кочевнических образований, т. е. по пути типичной «имперской конфедерации». Чингисхан на рубеже XIII в. начал строительство полноценного государства с его полноценным государственным аппаратом. Его государство открыло новый этап в развитии кочевой государственности, уже не квазигосударственной, а регулярной империи, вначале только кочевой с рудиментами «имперских конфедераций», а потом и мировой, в которую влились со своим опытом государственности развитые оседлые культуры. Именно в этом заключается значение Чингисхана как государственного деятеля. А поскольку характер такого государства был в первую очередь военно-полицейским (есть серьезные основания считать, что войны и внешние завоевания являются следствием возникновения развитых политических структур [70, с. 34]), то одновременно Чингисхан не мог не быть и выдающимся военным организатором.

Глава II

Первый этап государственной деятельности Чингисхана. Рождение степной империи

§ 4. Рождение Чингисхана и проблема так называемых «темных лет»

О точной дате рождения Чингисхана — 1155, 1162 или 1167 год — историки до сих пор не договорились (см. [82, с. 33]). Казалось бы, это частный вопрос — начиная с 1201 г. датировка событий является более или менее общепринятой. И для дальнейших событий, которые касались уже многих стран и народов, нюансы внутримонгольской политики предшествующего периода вроде бы не так уж и важны. Однако если предпосылки создания мировой Монгольской империи лежат в организации сначала общемонгольского государства, то без пристального внимания к личности его создателя не обойтись. Установка же точной даты рождения Чингисхана имеет особое значение для определения немаловажных деталей становления его государства и понимания внутренних движущих причин его поведения. Если коротко, то для этого понимания имеет значение вот что: было ли Чингисхану 34 года, когда его избрали ханом влиятельные степные аристократы, или 27(22) года; было ли ему за 50 лет, когда он начал коренные преобразования в своем чифдоме, приведшие к созданию полноценного государства и началу внешней экспансии, или ему не было и 40 (либо немного за 40). Кроме того, среди исследователей истории Монголии, Китая и Тибета существует даже такое представление, что без этой точной датировки «вообще невозможно составить хронологию истории Монголии на основе китайских и монгольских источников» [152, с. 272].

Если относительно смерти Чингисхана существует общепринятая дата: конец августа — начало сентября 1227 года, которая подтверждена всеми основными источниками, то относительно его рождения до сих пор нет такого согласия ни в источниках, ни в исследованиях. Дата рождения Чингисхана в явном или неявном (то есть через продолжительность жизни) виде присутствует в ряде ранних и поздних источников. К первым относятся: «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хуна, «Шэн-у цинь-чжэн лу» и «Юань ши» — на китайском языке; «Сборник летописей» Рашид ад-Дина — на персидском языке. Ко вторым — чагатайское «Сказание о Чингис-хане» XVI—XVII вв.; монгольские летописи XVII—XVIII вв., такие как «Алтан Тобчи» и «Шара туджи» анонимных авторов, «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана и «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна; тибетское сочинение «Пагсам-джонсан» ламы Сумба-Хамбо.

В единственном сохранившемся монгольском источнике, современном эпохе Чингисхана — «Сокровенном сказании» (1240 г.), нет ни даты рождения Чингисхана, ни продолжительности его жизни, есть только краткое упоминание о смерти: «Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи (1227)» [16, с. 191]. Зато поздние монгольские летописи XVII в. указывают на рождение Чингисхана в 1161 или 1162 году, часто с «подробностями». Чтобы адекватно понять достоверность этих позднейших известий, надо иметь в виду, что существует определенный разрыв в монгольской историографии после падения династии Юань в так называемый «темный период», т. е. в XIV—XVI века, из которого до нас не дошло ни единого монгольского исторического сочинения. Знакомство же монгольских авторов XVII—XVIII вв. с китайскими сочинениями по истории монголов, главнейшим из которых была династийная хроника «Юань ши», сомнений у исследователей не вызывает [61, с. 43].

В самой ранней летописи XVII в. — анонимной «Алтан Тобчи» — год рождения Чингисхана сначала указывается как «год Змеи (моуаі жі) (1161 г.)» [128, с. 114] и в ней же говорит-

ся, что «в 1206 г. Чингисхан поднял „белое знамя с девятью хвостами“, когда ему было 45 лет» [там же], что за вычетом года внутриутробной жизни (этот год китайцы и монголы по своему обыкновению включают в продолжительность жизни человека) и дает дату рождения Чингисхана — 1162 год. С большими «подробностями» пишет Лубсан Данзан в «Алтан Тобчи»: «в год черной лошади (1162 г.), в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган» [18, с. 65]. Сведения же «Шара туджи» («Желтая история») на этот счет просто фантастичны — рождение Чингисхана датируется годом огня-коня, таковые в XII в. приходятся на 1126 и 1186 годы [52, с. 128]. Видимо, у ее автора, использовавшего первую часть «Сокровенного сказания» [60, с. 40] и китайские сочинения [52, с. 175—176], эти источники относились к буддийской литературе, так как в его пронизанном буддийскими мотивами описании Чингисхан, бывший в реальности язычником-анимистом, является хубилганом, т. е. перерожденцем бодисатвы [200, с. 480]. Скорее всего, автор «Шара туджи» пользовался тибетским сочинением «Дэбтэр-онбо» Шоннубала (1478 г.), где приведена дата рождения Чингисхана — 1182 г. и которое было создано на основе «Дэбтэр-марбо» Гунга-Дорчжэ с большой путаницей в хронологии [152, с. 272].

Саган Сэцэн в «Эрдэнийн тобчи» датирует рождение Чингисхана 1162 годом: «ханский сын Тэмуджин в год курицы (1189 г.) в возрасте двадцати восьми лет сел на ханский престол» [183, с. 193]. Саган Сэцэн создал свой свод на базе более ранних летописей — так, отмечены заимствования из «Алтан Тобчи» и «Шара туджи». Но данные Саган Сэцэна о годах жизни Чингисхана прямо или косвенно (через другие монгольские сочинения) восходят к китайским источникам, так как исследователи монгольского летописания указывают, что Саган Сэцэн пользовался китайскими сочинениями [61, с. 5]. Тут надо отметить, что в рассказе об истории Чингисхана Саган Сэцэн совместил события 1189 и 1206 гг. в одно, датируя великий курултай 1206 г., где Темучжин стал верховным

кааном, 1189 годом, когда Темучжин стал только выборным ханом и принял титул «Чингис» [183, с. 194]. При этом сами события 1206 г. он изложил в версии «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, опустив указанный там Лубсан Данзаном возраст Чингисхана в 45 лет. Возможно, что он предпочел ему собственные вычисления («в возрасте двадцати восьми лет сел на ханский престол»), отталкиваясь от известной ему продолжительности жизни Чингисхана, взятой то ли прямо из «Юань ши», то ли из «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана.

Для правильного понимания происхождения сведений поздних монгольских летописей разберем, например, «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана — дающего самое «подробное» описание рождения Чингисхана и являющегося источником для последующих монгольских авторов. Исследователи отмечают как использование Лубсан Данзаном «Сокровенного сказания» — считается, что Лубсан Данзаном пересказано до 75% его текста [18, с. 29], так и его знакомство с китайскими источниками, «Юань ши» в первую очередь. При этом он восполняет сведения, отсутствующие в одном из этих основных своих источников, через данные другого. Например, в рассказе о Бодончаре-простаке «Алтан Тобчи» не полностью совпадает с версией «Сокровенного сказания», но дополняется ученым ламой (есть предположение о китайском происхождении Лубсан Данзана [61, с. 25]) важным указанием на фаталистическое отношение к судьбе Бодончара, которое присутствует в «Юань ши», но отсутствует в «Сокровенном сказании»:

«Юань ши»: «братья [сами] поделили семейное состояние без него. Бодончар сказал: «Бедность и худородство, богатство и знатность — судьба [решит]!» [56; цз. 1, с. 1].

«Алтан Тобчи»: «Старшие братья... не считали его сородичем и не дали ему его части. Бодончар, не получив своей части, сказал: «Этак-то как здесь жить?»... и, говоря: «Умереть ли, жить ли, пусть то ведает судьба моя!», — уехал» [18, с. 56].

Аналогично восполнено Лубсан Данзаном отсутствие подробностей о рождении Чингисхана в «Сокровенном сказании» через привлечение сведений «Юань ши». По мнению

Н. Ц. Мункуева, был произведен расчет через известную отсюда продолжительность жизни (по монгольско-китайскому счету) Чингисхана. В целом же приходится согласиться с выводом Н. Ц. Мункуева: «монгольским историкам была наиболее известна только «Юань ши» как официальная династийная история. В монгольских летописях XVII в. дата рождения Чингис-хана выведена из нее» [128, с. 114]. С учетом этого, а также того, что авторы «Алтан Тобчи», «Шара туджи» и «Эрдэнийн тобчи», по мнению Б. Я. Владимирцова, «плохо разбирались в своих источниках по истории Чингис-хана», «путались в хронологии» [74, с. 16], приходится признать вторичность поздних монгольских сведений по отношению к китайским источникам.

То же самое касается и тибетских хроник — самые ранние из них, где есть годы жизни Чингисхана, содержат абсолютно неверные даты. «Пагсам-джонсан», которая в основной части повторяет «Дэбтэр-марбо» и «Дэбтэр-онбо» [152, с. 272] с их фактическими ошибками хронологии (например утверждение, что Тибет попал под власть монголов в 1206 г. [25, с. 33]), при этом в датировке продолжительности жизни и царствований монгольских ханов, наоборот, довольно точно по сравнению с ними. Таким образом, ранние тибетские сочинения имеют слабую проработку хронологии времен Чингисхана, а вот позднее (XVIII в.) сочинение Сумба-Хамбо неожиданно обретает стройную систему датировок, при этом практически полностью следуя хронологическим и генеалогическим схемам «Юань ши». Данное обстоятельство становится понятным из пояснения самого Сумба-Хамбо, он замечает, что использованные им тибетские сочинения неточны касательно хронологии и генеалогии монгольских ханов и не соответствуют тому, «что [говорится] в большинстве собственно китайских и монгольских сочинений» [25, с. 143]. Надо учесть широкую распространенность «Юань ши» за прошедшие с момента ее создания 350 лет как главного исторического источника по монголам, что в самой Монголии, что в Тибете. Поэтому очевидным представляется, что основу хронологии

«Пагсам-джонсан» по монголам составили данные именно «Юань ши». Поэтому теперь надо обратиться к вопросу достоверности китайских известий, как определяющему достоверность и монгольских, и тибетских источников, вторичных по отношению к ним в вопросе дат жизни Чингисхана.

Самым ранним китайским известием, где присутствуют датировки жизни Чингисхана, является «Мэн-да бэй-лу». Его достоверность вообще как делового разведывательного отчета в вопросе о датах жизни Чингисхана подкрепляется еще одним немаловажным обстоятельством. Дело в том, что в средневековом Китае существовала практика использования фэн-шуй, т. е. китайской системы геомантии/астрологии, для принятия важных решений. Она требовала относиться со всей серьезностью к датам жизни. Поэтому неудивительна та скрупулезность, с которой Чжао Хун отнесся к вопросу выяснения сведений о верховном владельце монголов, предполагаемом союзнике. Чжао Хун констатировал неточность монголов в датах рождений и их приблизительность: «По их обычаю, [они] каждый раз отсчитывают один год, когда зеленеют травы. Когда у них люди спрашивают возраст, то [они] говорят: «Столько-то трав!» [Я, Хун], также часто спрашивал у них дни и месяцы [их] рождений. [Они] смеялись и отвечали мне: «[Мы] никогда не знали этого!» [Они] даже не могли вспомнить, было это весной или осенью» [22, с. 49]. Тем не менее Чжао Хун установил, видимо из бесед с Мухали, одним из самых близких соратников Чингисхана, с которым вел длинные беседы, что: «Нынешний император Чингис родился в [году] цзя-суй (14.02.1154—3.02.1155)» [там же].

Следующим по времени источником является «Шэн-у цинь-чжэн лу», сочинение, написанное предположительно Чаганом в конце XIII — начале XIV вв. Оно не дает ни точной даты рождения, ни абсолютно достоверной базы для ее расчета. Во многом это если не копия, то пересказ «Сокровенного сказания» [87, с. 15], в котором регулярные даты появляются только с 1201 г. В «Шэн-у цинь-чжэн лу» имеется упоминание возраста Чингисхана в 42 года (т. е. по китайскому счету, или

41 год, в привычной нам традиции определения возраста не от момента зачатия, а от момента появления на свет) в той части текста ШУЦЧЛ, которая следует после описания поражения Ван-хана (1203 г.). Но данное упоминание возраста Чингисхана невозможно точно привязать к абсолютным датам ввиду разрозненного состояния исходного списка ШУЦЧЛ, где «связных периодов было не более одной или двух частей из десяти» [28, с. 151].

Более того, в конце оригинального списка ШУЦЧЛ и вообще сказано, что умер Чингисхан в 60 лет [28, с. 195], и только в XIX в. китайский ученый Хэ Цю-тао дописал к этой длительности жизни Чингисхана цифру «5» [там же], чтобы «исправить» противоречие¹. Таким образом, ШУЦЧЛ лишь предоставляет возможность исследователям принимать эти соображения в расчет или нет. Одни исследователи видят тут подтверждение датировки рождения Чингисхана 1162 годом, другие — не согласны с таким подходом. Так, П. Пельо, используя «Шэн-у цинь-чжэн лу» в своем исследовании, предпочитает вводить предположение о существовании ранней редакции этого источника и в конце концов приходит к совсем иной датировке рождения Чингисхана — 1167 г. ([128, с. 116]). Впрочем, он и сам с осторожностью подходил к предложенной датировке: «Я далек от уверенности в дате 1167 год из-за наличия более ранних текстов, которые говорят о 1154—1155 гг., но 1167, может быть, более согласуется с дальнейшей жизнью Чингисхана и по этой причине достоин внимания и критики со стороны будущих историков» [там же].

Перейдем к сведениям «Юань ши» касательно датировок жизни Чингисхана. Ее отличием от других династийных хроник была не столько быстрота составления, сколько скудость достоверных материалов о первых ханах, на базе которых она составлялась. Во-первых, чисто физически важнейшие государственные документы были еще недоступны китайцам в юаньское время, о чем написано в самой «Юань ши»: «Юаньские родословные, те, которые хранились в золотом сундуке и в императорском книгохранилище, были строго секретны,

лица, посторонние царствующему дому, не могли знать их» [119, с. 148].

В первую очередь это касалось периода первых каанов, когда влияние китайцев на госаппарат империи Юань было слабым, так как он состоял в основном из некитайцев — сэмужэнь¹. Во-вторых, согласно китайской официальной историографической традиции, династийная хроника о деяниях императоров составляется строго на основе так называемых шилу («правдивых записей»), которые в случае «Юань ши» были ненадежными. Так, когда в середине 20-х годов XIV в. у юаньского историка Юй Цзи появилась необходимость уточнить шилу начиная с шилу Чингисхана, то он не получил нужных сведений. Вот как про это рассказывает «Юань ши»: «Император повелел составить три истории: [династии] Ляо, [династии] Цзинь и [династии] Сун. Не видя достижений, [император], согласно главным государственным установлениям, приказал чиновникам государственной канцелярии энергично возглавить тех, кто занимается этим делом. Вскоре затем, так как множество наличных записей деяний [прежних] династий оказались негодными, [император] просил департамент государственной истории Ханьлиньюань^{II} привести в порядок все те шилу почивших императоров, в которых некогда государственные учреждения отредактировали [записи] событий прошлого. Сановники Ханьлиньюань ответили императору так: «Закон не позволяет передавать шилу посторонним, а записи деяний прошлых [императоров] запрещено показывать чужим». [Юй Цзи] еще просил перевести на государственный язык^{III} «Тобчиян»^{IV}, чтобы дополнить и привести в порядок [записи] деяний со времен Тай-цзу^V.

^I «Разноцветные люди» по-китайски, так называлась при Юань вторая, после самих монголов, социальная группа — некитайцы из других частей империи, ниже их в юаньской иерархии народов стояли хань и наньжэнь, т. е. северные и южные китайцы.

^{II} Академия Ханьлинь — императорская академия, средоточие наук и образования в старом Китае.

^{III} Т. е. на китайский — государственный для составителей «Юань ши», так как они жили уже при Мин — китайской династии.

^{IV} «Тобчиян» по-монгольски «краткая история».

^V Т. е. Чингисхана.

Чичжи¹ Таш-Хайя ответил так: «Нельзя приказать, чтобы «Тобчиян» был передан посторонним людям». Поэтому все было прекращено» [55; цз. 181, с. 1946].

Как следует из этого отрывка, мало того, что данные по деятельности первых ханов были неполными и приглаженными, но они вдобавок были недоступны для коллегии историографов; даже желание императора им помочь оказалось бессильным. Во-вторых, еще одним препятствием, как видно оттуда же, было то обстоятельство, что при династии Юань существовали как языковой барьер между китайцами, составителями шилу, и монголами [91, с. 8], так и недоверие властителей (монголов) к покоренным (китайцам). Как видим, Юй Цзи поэтому и просит дать ему недостающие сведения путем перевода (видимо, с монгольского или уйгурского) секретных документов из «золотого сундука», а конкретно из «Тобчиян», там хранившейся.

Итак, подытоживая все сказанное, становится ясно, что китайцы не только не были допущены к первоисточникам («золотому сундуку»), но и китайские версии шилу, на базе которых и писалась «Юань ши», были отрезаны от информации о родословной чингизидов и, кроме того, многократно редактировались монгольской цензурой [87, с. 12].

В-третьих, под конец существования Юань, в период освободительной войны против монголов, происходило физическое уничтожение документов на некитайских языках под лозунгом: «Убивай татар и жги книги на татарском языке!» [87, с. 15]. Неудивительно, что в таких условиях «Юань ши» наполнена ошибками и пропусками — так, дважды в ее тексте присутствует биография Субэдэя, и при этом отсутствуют биографии Батыя и соратника Субэдэя — Чжэбэ. Существование хронологических ошибок в «Юань ши» касательно периода от Чингисхана до Хубилая отмечают все специалисты по Юань: отечественные — Е. И. Кычанов [119, с. 147], китайские — Цянь Да-синь и Ли Сы-чунь. Последний, специалист по историографии Юань, писал: «Юань ши» не была вычитана

¹ Словник по секретным повелениям императора.

полностью из-за того, что китайские ученые, составлявшие ее, не знали монгольского языка, и из-за того, что у господ Суна и Вана¹, осуществлявших общую редакцию ее, ухудшилось зрение на склоне лет. Нет таких династийных историй с ошибками и погрешностями, как «Юань ши», написанная менее чем за год» [87, с. 28]. С учетом вышесказанного и надо рассматривать степень достоверности известий «Юань ши» касательно родословия первых монгольских каанов, вплоть до Хубилая.

В «Юань ши» не указана прямая дата рождения Чингисхана, она выводится косвенно — через его возраст на момент смерти. Данные на этот счет в ее первой цзюани «Тай-цзу» («Великий предок») крайне скудные, они содержатся всего в одной фразе: «Осенью, в седьмой луне, [в день] жэнь-у^{II} [Чингисхан] заболел. [В день] цзи-чоу^{III} почил в походной ставке Халаоту на реке [в] Саари-кээр... Продолжительность [его] жизни — 66 [лет]. Был погребен в ущелье Циняньгу» ([56; цз. 1, с. 25]). Так как дело происходило в 1227 г., то расчет по «Юань ши» дает рождение Чингисхана в 1162 г. (66 лет жизни по китайскому счету или 65 лет с момента рождения). Однозначно определить, откуда взята составителями «Юань ши» данная продолжительность жизни Чингисхана, нельзя, однако со значительной степенью вероятности представляется, что они делали выбор между различными, противоречащими друг другу датами, имевшимися в их распоряжении. Так, в сочинении «Чжогэн лу» юаньского историка Тао Цзун-и (1320—1399), написанном в 1366 г., фигурирует именно эта цифра, но в составленной им же энциклопедии «Шо-фу» (между 1350 и 1366 г.) присутствует текст «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хуна, дающий совсем иную датировку — 73 или 72 года. Можно только высказать предположение о мотивах выбора составителями «Юань ши» в пользу 66 лет — дело в том, что Сун Лян и Ван Вэй были правоверными конфуцианцами и противниками монгольской династии. В знак протеста они отказывались

¹ Сун Лян и Ван Вэй — главные руководители коллектива сводчиков «Юань ши».

^{II} 1 сентября.

^{III} 8 сентября.

служить Юань историографами, даже бежали в горы от этой службы [86, с. 197], и были подчеркнута верны принципам учения Конфуция, которое монгольскими властями периодически ущемлялось, особенно первыми монгольскими каанами [110, с. 75—76]. Поэтому можно предположить, что им не хотелось давать основания проводить параллели между жизнью Чингисхана и жизнью Учителя Куна. Ведь для образованных китайцев, учившихся грамоте на книгах конфуцианского канона вместо букваря, было известно, что Конфуций прожил полных 72 года (цифра 72 сама по себе несет сакральный смысл — «у-син», т. е. 5 стихий) и умер на 73 году жизни ([45, с. 149 и с. 331]). Возможно, столкнувшись с выбором — 73(72) года или 66, они выбрали второе из-за вышеизложенных соображений и расчета на тонкую месть: Конфуций в 66 лет прекратил странствия и, вернувшись домой, «вел жизнь в праздности» (термин конфуцианской традиции), т. е. это был самый значительный период его жизни, период, когда он «стал следовать желаниям сердца и не переступал меры» («Лунь юй», II, 4), он тут-то и создал важнейшее учение «чжэн мин» («исправление имен») — основу для правильного управления государством [140, с. 136—138]. Авторы «Юань ши», возможно, сознательно противопоставляли образ Чингисхана Конфуцию, ограничив его возраст 66 годами.

Что касается отечественных исследователей, то старшее поколение востоковедов — В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов ([63, с. 256], [64, с. 615]) — твердо придерживалось датировки рождения Чингисхана 1155 годом. Ее поддерживают Н. Ц. Мункуев ([128, с. 117]) и с теми или иными оговорками — Е. И. Кычанов ([114, с. 96], [117, с. 25]). Основой для их датировок является «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. Исследователи, придерживающиеся иных дат — 1162 или 1167 год, помимо проблемы достоверности китайских источников, показанной выше, должны решать сложную задачу дезавуирования сведений Рашид ад-Дина. Для этого используется два подхода: во-первых, показать Рашид ад-Дина враждебно настроенным к Чингисхану и потому специально подогнавшим дату его

рождения к году Свиньи, нечистого животного для мусульман, во-вторых, подвергнуть сомнению датировки Рашид ад-Дина вообще из-за их внутренней противоречивости. Примером первого рода служит Н. П. Шастина, выдвинувшая такой тезис: «По сведениям Рашид ад-Дина Чингис родился в год свиньи, который приходится на 1152—1153 г. н. э. Но Рашид ад-Дин, по-видимому, сознательно указывает неверную дату, так как пытается подогнуть год рождения Чингиса под год Свиньи... и хотя бы этим показать свое отрицательное отношение к нему. Открыто высказать свое мнение о Чингис-хане персидский историк не мог» [52, с. 176]. Другой подход озвучен Л. Н. Гумилевым: «Рашид ад-Дин допустил при определении этой основной даты вопиющее противоречие: сначала он говорит, что Чингисхан родился в год Свиньи, соответствующий 547 г. х. (1152—1153), а затем указывает возраст Чингисхана в момент его смерти (август 1227 г.) — 72 года, т. е. дата рождения падает на 1155 г.» [84, с. 486]. Далее Л. Н. Гумилев просто переходит в своих выкладках к использованию в качестве года рождения 1162 года, без каких-либо дальнейших обоснований.

Прежде чем рассматривать обоснованность подобной критики Рашид ад-Дина, дадим краткую характеристику его источников и их достоверности. Прежде всего надо отметить, что как великий визирь ильхапа Газан-хана Рашид ад-Дин имел возможность пользоваться пресловутым «золотым сундуком», который имелся не только в Центральном Улусе мировой империи чингизидов (Монголия и Китай), но и в других улусах. О его существовании пишут многие мусульманские авторы, например Джувейни [71, с. 42]. Кроме того, Рашид ад-Дин также пользовался данными самого Газан-хана, признанного знатока истории монголов, и ученого монгола Пулад-чэнсяна, или Болад по-монгольски¹, прибывшего в 1286 г. в Иран из Китая [142, с. 26]. В ходе работы над «Сборником летописей», который по мысли автора должен был включать источники «от „франков“ ... до китайцев» [142, с. 24], сформи-

¹ Чэнсян — это должность в китайской чиновной номенклатуре, эквивалентна канцлеру или министру.

ровался целый коллектив сотрудников Рашид ад-Дина, взявших на себя обработку всех этих разнообразных летописей «маликов и атабеков». Черновой текст «Сборника летописей» был, видимо, составлен ими и затем прошел редакцию Рашид ад-Дина. Окончательный свой вид он принял через несколько лет после прочтения Газан-ханом и учета его замечаний. Исследователи творчества Рашид ад-Дина отмечают, что в тех местах, где нет необходимости защищать свою политическую линию, он оказывается точным в передаче своих источников [142, с. 35—36].

Поэтому представляется необоснованным предположение о тенденциозности Рашид ад-Дина в передаче фактической информации о Чингисхане — Рашид ад-Дин не был враждебен к монголам вообще, он был сторонником линии примирения интересов местных иранских феодалов и нового поколения завоевателей-монголов [184, с. 17]. Именно эту политику он ставил во главу угла своей деятельности как великого визиря и автора реформ Газан-хана. В ней он противостоял первоначальной, хищнической тенденции в политике первых монгольских ханов-завоевателей (подробнее см. [142, с. 13—22] и [184, с. 15—19]), в ней он схож с киданем Елюй Чуцаем, который при Чингисхане и Угэдэ сумел убедить монголов регулярно эксплуатировать Северный Китай, вместо того чтобы недальновидно грабить его и превращать в пустыню. Как реальный политик, Рашид ад-Дин не мог рисковать своей политикой примирения, которая и без того многих сделала его врагами, нелепо искажая известные Газан-хану факты жизни его великого предка. Его наследник Ульджайту-хан так оценил качество сочинения своего визиря: «Более правильно, более истинно и более ясно, чем эта история, никто [еще] не написал» [37, с. 51]. Высказывающиеся предположения о возможной враждебности Рашид ад-Дина к монголам вообще в частной жизни, основывающиеся на двух местах в его переписке (см., например, ссылку на письма №№ 7 и 13 его «Переписки» в [142, с. 20]), скорее всего связаны именно с его непримиримым отношением к той линии монгольских завоевателей на

бездумное ограбление покоренных народов, с которой он боролся. Это подтверждает внимательное прочтение указанного места письма № 13: «мы посылаем в ту сторону ходжу Али Фирузани... чтобы... смыл старые дафтары², которые появились во времена тиранов-тюрок и битикчи-притеснителей» [41, с. 101]. Отсюда ясно следует, что «тюрки» (монголы в терминологии Рашид ад-Дина) «тираны» не вообще, а именно «старые», представители той монгольской политики, против которой боролся Рашид ад-Дин. Упоминание битикчи¹ особенно характерно — это яркий признак политики первых ханов, что на Руси, что в Иране или Северном Китае. Таким образом, тезис Н. П. Шастиной о подгонке даты рождения Чингисхана Рашид ад-Дином представляется необоснованным, не говоря уже о неточности с датировкой — «год Свиньи, который приходится на 1152—1153 гг.», повторенной, кстати, и у Л. Н. Гумилева.

Прежде всего надо уточнить, что год Свиньи¹¹ в XII в. приходился на 1155 г. [197, с. 82—83], о чем Рашид ад-Дин был хорошо осведомлен — в своей итоговой «Летописи жизни Чингиз-хана сообразно годам его жизни в виде сокращенного изложения событий и происшествий» он написал: «Произведя подсчет назад, соответственно астрономическим данным, стало известно, что [начало] года кака, являющегося годом его рождения, приходится на месяц зул-кадэ 549 г. х. [7 января — 5 февраля 1155 г. н. э.]» [38, с. 247]. Рассмотрение всех упоминаний возраста и дат жизни Чингисхана в тексте Рашид ад-Дина ([38, с. 74—258]) показывает, что есть ошибки (переписчиков или сотрудников Рашид ад-Дина) в некоторых летописях, как, например, в [38, с. 74] год кака (свиньи) ошибочно указан 547 г. х. (на что ссылаются Н. П. Шастина и Л. Н. Гумилев). Но проверка внутри этих летописей через возраст Чингисхана, привязанный к другим датам, неизменно указывает на обычную опisku или ошибку. Как появлялись такие

¹ Или иначе — даругачи/баскаков, чьи функции часто пересекались с битикчи во времена первых каанов.

¹¹ Кака-йил — по-персидски.

ошибки, можно показать на примере чагатайского «Сказания о Чингис-хане» XVI—XVII вв. — в его конце переписчик добавил сведения о жизни Чингисхана: «Чингис-хан родился через пятьсот сорок девять лет после смерти Мухаммеда» [1, с. 272], где явная путаница между бегством Мухаммеда из Мекки («хиджра») и годом его смерти, при правильном числовом значении года — 549, как и у Рашид ад-Дина в [38, с. 247]. Там же, где видна редакторская рука Рашид ад-Дина, выдающегося математика и астронома (астролога) того времени, эти ошибки исправлены, его расчеты безупречны. Кроме приведенного примера итоговой сокращенной летописи, где приведены все эти расчеты самого Рашид ад-Дина, можно указать «Летопись государей Туркестана и Мавераннахра» ([38, с. 78—79]). В ней год рождения Чингисхана приурочен к 34-му году жизни гур-хана, расчет же по приведенным датам жизни этого гур-хана дает год рождения Чингисхана точно в 549 г. х.³, т. е. 1155 год. Интересно, что в некоторых летописях¹ цифры возраста Чингисхана отличаются на плюс-минус 1 год, при расчете по указанным в них же опорным датам (см., например, [38, с. 94]), что сходно с «Алтан Тобчи» и возможно связано с учетом или не учетом сводчиками «Сборника летописей» монгольской традиции добавления года внутриутробной жизни. Но в итоге Рашид ад-Дин в «сокращенной летописи» провел свою работу по сверке всех этих дат и определил окончательные возраст и, соответственно, год рождения (через вычитание возраста от известной даты смерти) Чингисхана: «У монголов установлено и известно следующее: продолжительность жизни Чингизхана была семьдесят два тюркских года... 72 года солнечных тюркских, общая сумма которых, учитывая неполные солнечные годы, будет 73 года» [38, с. 246—247].

Генеалогические схемы властителей тюркско-монгольских народов были в дальнейшем тесно увязаны с генеалогией чингизидов [205, с. 17], и потому сведения о жизни Чингисхана были сохранены мусульманской традицией, опиравшейся во многом на астрологию. Расчеты Рашид ад-Дина легли в основу

¹ В составе «Сборника летописей Рашид ад-Дина».

работ последующих историков, вроде Хивинского хана Абул-Гази, сообщившего о пользовании «Сборником летописей» и имевшего в своем распоряжении восемнадцать сочинений, излагавших историю Чингизидов [17, с. 21]. В отличие от этой традиции, опиравшейся на заинтересованность мусульманских государей, кровно связанных с Чингисханом, последующие китайские авторы не интересовались достоверными датировками жизни монгольских ханов в астрологических целях. Кроме того, ни в одном раннем монгольском или китайском (кроме «Мэн-да бэй-лу») источнике нет прямой даты рождения — даются только варианты продолжительности жизни Чингисхана, что вполне может быть позднейшими интерполяциями китайских ученых, неудовлетворенных отсутствием прямо указанной даты рождения. С учетом приведенного выше анализа точности известий китайских источников, надо признать данные расчетов Рашид ад-Дина о годе рождения Чингисхана наиболее достоверными. Поэтому дата рождения Чингисхана — начало 1155 года, подтвержденная к тому же единственным дошедшим до нас прижизненным Чингисхану китайским источником «Мэн-да бэй-лу», причем с приведенной в нем прямой датой, может считаться вполне установленной.

§ 5. Молодые годы Темучжина. Борьба за выживание

Итак, в самом начале 1155 г. у степного аристократа Есугай-баатура из рода кият (так называли потомков по прямой линии Кабул-хана, предка Чингисхана в 3-м поколении) родился первенец, которого Есугай назвал Темучжином в честь победы над татарами и захвата их предводителя Темучжина-Угэ. Есугай поступил согласно распространенному у ряда кочевых народов обычаю называть детей по запоминающимся событиям. Слово «темучин/темучжин/темоджин», по мнению ряда исследователей, означало на древнемонгольском «кузнец» [128, с. 94—96]. Дети Есугая назывались борджи-

гинами, поэтому ясун-кость Темучжина назывался кият-борджигин. Вот как объясняет это название Рашид ад-Дин: «Значение „бурджигин“ — „синеокий“, и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугэй-бахадур, его детей и уруга его, по большей части синеоки и рыжи» [38, с. 48]. Место рождения Темучжина точно неизвестно, но с большой степенью вероятности это район гор Хэнтэй. Там находятся истоки рек Онон, Тола и Керулен, и эта местность связана с детскими годами Темучжина (СС сообщает: «когда Темучжину было 11 лет... играли в альчики на льду реки Онон» [16, с. 105]), а реки Онон и Керулен постоянно упоминаются в источниках как родные и священные места Чингисхана. По преданию, которое сохранили СС, РД и ЮШ, он родился, сжимая в руке большой сгусток крови, и хотя это может быть фольклорным элементом, но вероятность такого события нельзя отрицать. Его ранние годы вряд ли сильно отличались от лет взросления других монгольских мальчиков того времени — на 4-5-м году жизни посадили на коня, позже вручили детский лук для обучения стрельбе (так, Пэн Да-я пишет, что монголов впервые сажали в седло в 3 года, а в 4-5 им давали «маленький лук и короткие стрелы» [54, с. 17]), в 11 лет Темучжин и другие дети уже всю «стреляли из детских луков-алангир» [16, с. 105]. Кроме того, известно, что когда Темучжину исполнилось 9 лет, Есугай-баатур просватал ему Бортэ, дочь Дай-сэчэна из обока хунгират, причем после сватовства оставил его у будущего тестя [16, с. 86—87]. Это был известный для средневековых Монголии и Китая способ женитьбы детей — брак между ними заключался условно их родителями, до его фактического осуществления повзрослевшими детьми, когда он и входил в окончательную силу.

Темучжину шел 13-й год [38, с. 74, 84, 247], когда умер его отец Есугай-баатур. Последовавшие затем события этого 1167 года (или года Свиньи, «начало которого приходится на [месяц] раби II [25 янв. — 22 февр. 1167 г.], ему же [т. е. Чингиз-хану] в этом году исполнилось тринадцать лет» [38, с. 76], т. е. ему исполнилось 13 лет в январе 1168 г., в самом конце указанного

года) навсегда врезались в память юноши и скорее всего повлияли на образ мыслей будущего Чингисхана касательно устройства жизни и системы власти в монгольских обоках. Лишенный своего главы, обок (или иргэн, который в позднейших источниках, у Рашид ад-Дина например, назывался улусом) Есугая, до того столь знаменитый и грозный, исчез в одночасье — его люди откочевали, бросив вдову Есугая Оэлун-учжин с детьми и небольшим числом самых близких их родственников и слуг: «Таргутай-Кирилтук... и Курил-Бахадур, его двоюродный брат, которые оба были государями и правителями племен тайджиут, вследствие зависти... вступили на путь непокорности и упорства. Благодаря тому, что тайджиуты были главнейшей из ветвей родственных племен, дело постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказывавшие Есугэй-бахадuru повиновение, отпали от его детей и склонились к тайджиутам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племён появилась полная сила и могущество» [38, с. 84]. Попытка вернуть отколовшихся путем убеждения и даже насилия провалилась ([56; цз. 1, с. 3], [16, с. 88]). Более того, тайчжиуты, некогда близкородственный кият-борджигинам род, входивший в обок Есугая, отколовшись, образовали свой обок или иргэн: «племена тайджиут... во времена Есугай-бахадурa были [ему] подчинены, дружественны и покорны, но в конце его правления и в момент его кончины они выказали [ему] неповиновение и враждебность» [38, с. 76]. «Юань ши» в основном подтверждает сообщение РД, но уточняет его расплывчатое сообщение о времени раскола тайчжиутов с Есугаем — он начался еще при жизни последнего: «вследствие случившегося дела с Таргутасм¹ вскоре родилась неприязнь и они порвали [с Есугаем] и не были вместе» [56; цз. 1, с. 3]. Попытка его вдовы вернуть часть людей Есугая, которые хотели перейти в это новое племенное образование, не только провалилась, но и вызвала гнев верхушки тайчжиутов во главе с Таргутай-Кирилтухом² против Оэлун-

¹ Таргутай-Кирилтук — РД или Тархутай-Кирилтук — СС.

² Это значащее имя, так как «кирилтук» — «завистник» и «скупой» по-монгольски.

учжин, ее детей и оставшихся ей верными людей. Последовал набег тайчжиутов на остатки Есугаева улуса, и Темучжин, как старший в нем, был захвачен в плен или в заложники. Длительность этого плена точно неизвестна, по СС он длился недолго. Это противоречит упоминанию в ЮШ¹ того факта, что враги Чингисхана тайчжиуты достигли огромной мощи и влияния в степи и сохраняли его очень долго: «В те времена среди всех обочков только тайчжиуты [имели] обширные земли и множество народа, они были известны чрезвычайной мощью» [56; цз. 1, с. 4]. Для получения такого влияния в монгольской степи нужно было время. А наличие претендента на славу своего отца, главы знаменитого обока «Mongγol», могло этому помешать, и надо было его устранить [82, с. 44]. Поэтому на период формирования тайчжиутами своего обока и наращивания его влияния в степи им было выгодно жестко контролировать Темучжина — через его заложничество или плен, больше смахивавших на рабство.

Статус Темучжина в плену тайчжиутов был близок к рабству, но не равен ему. Скорее всего победители, т. е. тайчжиуты, считали Темучжина и его родных своими потомственными богами (ongu bogol)¹¹, точнее их первым поколением. Институт потомственного богольства — это нечто среднее между рабством и потомственным вассалитетом. Или, как определял положение боголов Б. Я. Владимирцов, — они были в статусе «крепостных вассалов» [74, с. 65]. Этот «крепостной вассалитет» представлял собой прикрепление за хозяйским родом/улусом в наследственное владение того рода, который попал под его власть в результате или поражения в войне, или обеднения и материальной нужды [74, с. 67]. Функции ongu bogol'ов заключались в службе хозяевам, степень которой была различной — от почти рабства до почти равного состояния с хозяевами. Данный путь ongu bogol'ы проходили, служа

¹ Что важно, поскольку это упомянуто в китайской династийной хронике, неслучайно выпячивать поражения и слабости императора.

¹¹ У Б. Я. Владимирцова, по которому излагается содержание понятия потомственного богольства, используется неверно им воспринятый термин unagan bogol вместо правильного ongu bogol, что последующими исследователями было исправлено [161].

хозяевам в течение нескольких поколений, за это время они постепенно получали права на личную собственность, определенную личную свободу и даже могли вступать в брачные отношения с хозяйским родом, практически сравниваясь с ним в правах. В конце концов только память о положении их предков оставалась основанием для отношения к ним как к «низшим» по сравнению с родами, не попадавшими в *онги богол'ы*. Как это происходило, иллюстрируется примером дарлекинов: «Значение [наименования] *утэгу-богол* то, что они [дарлекины] являются рабами и потомками рабов предков Чингиз-хана. Некоторые [из них] во времена Чингиз-хана оказали [последнему] похвальные услуги и [тем самым] утвердили [свои] права [на его благодарность]. По этой причине их называют *утэгу-богол*» [38, с. 15]. То же случилось и с остатками татар, после уничтожения их как племенного объединения в 1202 г., ведь, как свидетельствует Рашид ад-Дин, к татарам «применялось положение *унгу-богульства*» [37, с. 107]. И только к концу XVI — началу XVII в. мы видим татар как равноправный род среди прочих монголов в маньчжурском описании монгольских и маньчжурских родов Цзинской империи «Чжакунь гусай маньчжусай мукунь хала бэ ухэри эчжэхэ битхэ» («Общее обозрение маньчжурских родов, находившихся в составе восьми знамен») [120, с. 219—220].

Темучжин, попав в крепостную зависимость от тайчжиутов, тем не менее смог ее порвать через несколько лет, но сам этот факт был слишком невыгоден для него. П. Рачневский (правда, по другому поводу) приходит к выводу о существовании табу среди монголов (как современников Чингиса, так и следующих поколений) на определенные темы из жизни Чингисхана [117, с. 97]. Несомненно, что память о позоре Темучжина надо было искоренять или заменить более выгодной версией, что и проделывалось через сложение песен-сказаний (единственное средство массовой информации в бесписьменном монгольском обществе) с «правильным», т. е. героическим вариантом изложения событий якобы кратковременного плена и счастливого, покровительствуемого Небом, побега из него.

У Рашид ад-Дина наряду с пересказом версии СС о тайчжиутском плене есть глухое упоминание о меркитском плене Чингисхана именно в его ранние годы: «Как-то раз во время юности Чингиз-хана они одержали над ним победу, и его внезапно захватили в плен. В те дни не существовало обычая быстро убивать пленных, так как, возможно, что-нибудь за них возьмут и тогда их освободят. Это дело произошло так. Однажды Чингиз-хан ехал по некоему важному делу; он достиг высокого холма и направился на его вершину; седло вместе с ним отделилось от спины лошади без того, чтобы распустилась подпруга и развязались нагрудные ремни; Чингиз-хан упал. Сильно удивившись этому обстоятельству, он сам себе сказал: «Может быть, всевышняя истина не желает, чтобы я ехал по этой дороге, и затрудняет мое дело». Он подумал о возвращении, но сатана снова одержал над ним верх, и Чингиз-хан отправился по влечению сердца. Неожиданно некоторое количество людей из племени меркитов напали на него, захватили, увели и стерегли до тех пор, пока, по прошествии некоторого времени, не прислали им кое-что из дому Чингиз-хана и не взяли его обратно» [37, с. 115]. Эта цитата приведена для сравнения с СС — рассказ неизвестного источника Рашид ад-Дина несет на себе те же явные черты героического сказания, что и в рассказе СС о чудесном избавлении Темучжина от тайчжиутского плена в юности. Притом рассказ «Сборника летописей» Рашид ад-Дина о тайчжиутском плене Темучжина тоже испытал влияние позднейших народных сказителей в виде вставок эпических элементов, которые применялись для лучшего эффекта. Например, в нем сообщается о предсказании возвращения Темучжина домой, сделанном его младшим сыном Толуем, и это притом, что тайчжиутский плен имел место во времена ранней молодости Темучжина, когда он еще не был женат.

Сравнение всех этих нестыкующихся рассказов с данными нейтрального источника «Мэн-да бэй-лу» о многолетнем плене у чжурчжэней — «Чингис в малолетстве был захвачен в плен цзиньцами, обращен в рабство и только через десять

с лишним лет бежал» [22, с. 49] — наводит на мысль, что годы плена или заложничества у тайчжиутов были длительными. Их старались замолчать, но следы этих событий остались в виде различных вариантов устных рассказов — от мнимого плена у цзиньцев, или у меркитов, до героическо-романтической истории о бегстве от тайчжиутов с помощью благородного старца Сорхан-Шира, некогда обязанного Есугай-баатуру [16, с. 92—94]. Обрывки этих версий сказаний о плене и отзываются в письменных источниках, которые сами прошли редактирование их авторами и позднейшими компиляторами. Униженное положение Темучжина у родственников¹, длившееся годами, казалось более оскорбительным, чем плен у чуждых и враждебных племен — по принципу «с кем не бывало». Ведь и кэрэйтский хан Тогорил² несколько раз побывал в плену у тех же меркитов (7 лет), а также у татар (13 лет) и у найманов, но при этом достиг огромного могущества и авторитета в степи. У тангутов в плену жил и его брат Чжаха-Гамбу. Побывал в длительном плену у меркитов и другой соперник Темучжина — Чжамуха [117, с. 65].

Еще одной возможной причиной попыток скрыть многолетний плен у тайчжиутов было соперничество между так называемыми «четырьмя монгольскими поколениями» в вопросах своей репутации в степи. Дело в том, что у многих кочевых народов Средней и Центральной Азии, в том числе и у монголов, важную роль в общественной жизни играет репутация человека или рода как представителя того или иного генеалогического древа. Общественное положение человека или рода было тесно связано с тем, к какому роду относился человек или к какому племенному союзу — род. И в зависимости от того, каковы известность и заслуги этих рода/племенного союза, происходила оценка статуса их членов во всем степном сообществе. Причины такого положения

¹ Считавшихся младшей линией, чем кияты, — тайчжиуты происходили от Чаракэ-лингума, младшего брата Байсонкура, который был предком киятов Есугая и Темучжина по прямой линии [38, с. 21].

² Будущий Ван-хан — главный соперник Чингисхана в борьбе за гегемонию в степи.

уже рассматривались выше — в их основе лежат пережитки системы меритократии, которая сформировала определенный комплекс представлений о «знатности» и со временем трансформировалась в кочевую аристократию. По сведениям китайских источников¹, в середине XII в. эти «четыре поколения» считались главными среди монголоязычных племен [75, с. 332]. Их составляли собственно монголы (обок Есугая), кэрэиты, татары и тайчжиуты [там же]. Разумеется, в среде этих «первых среди равных» ревниво считались с заслугами — например, положение кэрэитов вызывало ревность наличием у их предводителя Тогорила (т. е. Ван-Хана) титула вана², татары же были настолько известными, что само их имя стало нарицательным для всех монгольских племен, а собственно монголы Амбагай-хана создали в 1147г. первое протогосударство всех монгольских племен. Поэтому позорный с точки зрения такого соперничества факт, что наследник главы одного из этих «четырех главных поколений» был в рабстве или в положении *онгу богора* у другого такого же «поколения», имело смысл скрывать. Например, путем затушевывания ряда невыгодных деталей, как то: длительность плена, унижительное положение во время пребывания там и т. д. Правда, удалось это не полностью, различные нестыковки в, так сказать, «официальной версии» и прямые свидетельства о рабстве Темучжина все же сохранились.

Замечательно, что даже в СС, в целом лояльном к Чингисхану, в параграфе 81, сохранились намеки на длительность плена в виде описания целого ритуала по отношению к пленному Темучжину, проводившегося на регулярной основе: «Таргутаи Кирилтух привез Тэмучжина к себе и распорядился, чтобы его подданные по очереди давали Тэмучжину ночлег 16-го числа первого летнего месяца по случаю праздника полнолуния» [29, с. 47]. Далее автор СС редактирует рассказ, пытаясь изобразить дело так, что Темучжин в тот же день и

¹ В частности «Цзинь ши» и «Тунцзянь ганму».

² Китайский титул владельца государства, соответствует примерно «королю», выше его только император-хуанди.

сбежал, но указание на регулярность унижения тайчжиутами будущего Чингисхана на каждом празднике полнолуния — «по очереди... по случаю праздника полнолуния» — осталось в тексте. Мы видим у Рашид ад-Дина ту же неоднократность плена вместе с эпическим элементом из распространенного сюжета «чудесное спасение», присущего многим народным сказаниям: «Разные племена его неоднократно захватывали в плен, а он освобождался из их рук различными способами и средствами» [38, с. 248]. И причем в нескольких местах Рашид ад-Дин говорит конкретно о тайчжиутах, захвативших в плен Темучжина: «несколько раз племена тайджиут использовали благоприятный случай [напасть] на него и заключали его в оковы» [38, с. 65], и что в таком плачевном положении¹ он был в течение нескольких лет: «Чингиз-хан от их^{II} противоборства выбился из сил и [дело] дошло до того, что все [его] подчиненные отпали от него... в течение нескольких лет случались всякого рода происшествия» [38, с. 86].

На выпадение нескольких лет жизни Чингисхана в сплошной хронологии указывает Рашид ад-Дин. Он пишет, что «до 41 года часть его жизни приходится на детские годы, а часть прошла в жизненных волнениях (выделение мое — Р. Х.) и летописцы не знают сами событий этого времени погодно, а написали летопись этих сорока одного года вкратце» [38, с. 74]. Кстати, надо напомнить, что первое упоминание точного возраста Чингисхана в ШУЦЧЛ было «сорок два года» (с учетом китайского счета возраста), или 41 год с момента рождения. Возможно, это и совпадение, но если вспомнить, что в 1196 г.^{III} имя Чингисхана стало впервые известно в империи Цзинь и зафиксировано там официально^{IV}, то становится понятным, откуда Чаган, автор ШУЦЧЛ, мог почерпнуть первые сведения о возрасте Чингисхана на китайском языке. Если это так, то сведения Рашид ад-Дина о возрасте 41 год, когда Чингисхан

¹ Правда, РА тут пишет в несколько завуалированных выражениях о несчастьях родоначальника династии своего ильхана.

^{II} Тайчжиутов.

^{III} Когда Чингисхану и был 41 год.

^{IV} Чингисхан был официально пожалован титулом «чжао-тао» от чжурчженей.

стал реально значимой фигурой в политической жизни монгольских степей, надо считать дополнительно подтвержденными.

Попробуем примерно определить время выхода Темучжина на сцену активной деятельности. Если принять в расчет указание Чжао Хуна на 10 лет плена, то Темучжин освобождается от него в зрелом по тем временам возрасте — т. е. ему было примерно 23—24 года (представляется обоснованным предположение П. Рачневского, что Темучжин попал в тайджиутский плен в возрасте около 14 лет, после убийства им сводного брата Бектера [117, с. 65]). Он прошел суровую школу жизни за это время, научился разбираться в людях и верно использовать их. Видимо, есть рациональное зерно и в авантюрно-приключенческом рассказе СС о помощи ему Сорхан-Ширы, которое заключается в том, что за годы плена (или заложничества) Темучжин сумел наладить отношения с какой-то частью обока тайджиутов, недовольной политикой своей верхушки. Косвенно на это указывает его дифференцированный подход к людям этого обока позднее, когда он победил его. По сообщению СС, Чингисхан уничтожил в нем только своих врагов, помиловав остальных, которых просто присоединил к своему улусу: «Чингис-хан покарал Тайчиудцев: перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе» [16, с. 120]. Ведь в других случаях победы над своими личными врагами он был непреклонен к целым племенам и родам, уничтожая и правых, и виноватых.

Плен-рабство у тайджиутов не мог не сказаться на характере Темучжина, ведь это происходило в годы становления человека. Наверное, данным обстоятельством можно объяснить двойственное и переменчивое отношение Чингисхана к низам общества, рабам в частности. С одной стороны, он не чурался людей «низкого происхождения», легко выдвигал способных из них, некоторые его самые близкие и верные друзья были такими — например Мухали, который был чжалаир, а чжалаиры считались «потомственными рабами», так

как «стали рабами их дома. С тех пор до настоящего времени это племя джалаир является утэгу-богом и по наследству перешло к Чингиз-хану и его уругу» [38, с. 19]. Но с другой стороны, он мог расправиться с «черным людом» или рабами с жестокостью, превышающей всякое разумное понимание. Видимо, гордая и властная натура «покорителя Вселенной» не могла забыть душевных ран юности.

§ 6. Первые успехи Темучжина. Первые союзы и союзники

Получив свободу, около 1178/1179 г., Темучжин начинает по сути с нуля. Ведь он по понятиям степняков неудачник, до сих пор ничем себя не проявивший, более того — он потерял даже авторитет своего знатного происхождения в ходе многолетнего плена-заложничества. Но характер его был к тому времени только закален испытаниями, и Темучжин начал свое постепенное восхождение «несмотря на бедственное положение и изобилие трудностей, бед и всевозможных несчастий» [38, с. 65]. Темучжин начинает с привлечения к себе аналогичных по своему низкому положению людей (тут надо заметить, что в течение всей своей жизни он не обращал особого внимания на происхождение человека, а ценил только его качества и способности). Вместе с ними и со своими повзрослевшими братьями он организовывает небольшую ватагу степных молодцов — у него появляются свои нукеры. Первыми из них были Боорчу и Борохул. Понятно, что целью первых операций Темучжина с нукерами и должны были стать главные его враги — тайчжиуты. Их дела ограничиваются небольшими набегами/разбоями, чаще удачными, чем неудачными, — стратегические таланты Темучжина, храбрость его братьев и соратников наверняка проявлялись уже тогда.

Хотя масштабы этой деятельности были еще просто мизерными — увод у них восьми коней был целой проблемой, и отбитие их стало настолько важным событием в то время, что даже попало в сюжеты эпоса о Чингисхане [16, с. 94—95].

Участие первых нукеров в таких делах тоже накрепко запомнилось потомкам. Вот что в эпической, несколько преувеличенной манере про них и их верность Темучжину сообщает Рашид ад-Дин: «Говорят, что в то время, когда Чингиз-хан был в юношеском возрасте, он отправился на войну с некоторыми тайджиутами и там, будучи ранен стрелой в рот и в горло, повернул назад и обессилел; с ним вместе были Богорчин-нойон и Борагул-нойон. В пути они его сняли с лошади. Шел сильный снег. Борагул-нойон, попридержав его лошадь и видя Чингиза в таком состоянии здоровья, накалил камень и поливал его водой, пока не поднялся пар. Он держал рот Чингиза над этим паром, пока застывшая кровь не вышла сгустком из горла, и ему стало немного легче дышать. Так как шел сильный снег, то Богорчин-нойон держал двумя руками над головою Чингиз-хана свою доху, чтобы снег не падал на него. Он так простоял до утра, и снег засыпал его по пояс, он же не сдвинулся с места. Утром он посадил Чингиз-хана на коня и доставил в свои стойбища» [37, с. 169]. Надо заметить, что в жизнеописании Мухали в ЮШ рассказывается об аналогичном эпизоде, только вместе с Боорчу в нем участвовал Мухали, кроме того, Мухали еще и отстреливался из лука от врагов, защищая Темучжина [55; цз. 119, с. 1272—1273]. Все это более или менее показывает уровень их действий — уровень мелкой степной шайки, каковой и были на самом деле Темучжин с его первыми нукерами в то время.

О том, что их действия представляли собой «малую войну» в виде набегов и засад, ясно говорится в разделе высказываний (биликов) Чингисхана у Рашид ад-Дина. В одном таком деле Темучжин был якобы один против шестерых, о чем он как-то рассказал своему нойону Бала-Каджа: «Прежде чем я воссел на престол государства, я ехал однажды один по какой-то дороге. На [моем] пути шесть человек устроили засаду... Когда я подъехал к ним, я обнажил меч и напал на них. Они в свою очередь меня обстреляли. Все стрелы пролетели мимо, и ни одна в меня не попала. Я их зарубил и проехал невредимым... Шесть их мерингов... бродили [кругом], не даваясь в руки. Я

всех шесть погнал и привел [с собою]» [38, с. 264]. Однако скорее всего атаковал как раз Темучжин — меткие монгольские стрелки из засады, которую к тому же неясно как Темучжин распознал, гарантированно побеждали бы. Но если на самом деле в засаде или набеге был Темучжин, то шансы были предпочтительнее у него, да и тот факт, что на склоне лет Чингисхан с удовольствием вспоминал о результате — шести приведенных конях, говорит, что для него в тех обстоятельствах и шесть коней представляли значительную ценность. В другом месте говорится об аналогичном масштабе действий: «Я ехал с Богорчи, на горе находились в засаде против нас двенадцать человек. Богорчи ехал сзади. Я его не дождал, а, понадеявшись на свою силу и мощь, напал на них. Они все двенадцать разом выпустили в меня стрелы, их стрелы летали вокруг меня, а я нападаю. Вдруг мне в рот попала стрела. Я упал и от жестокости полученной мною раны лишился чувств. Меж тем подоспел Богорчи... Покинувшая меня душа вновь вернулась в тело, появилась способность чувствовать и двигаться. Я встал и вновь кинулся на них. Они устрашились моей крепости» [38, с. 265]. Разумеется, от неудач не был застрахован и Темучжин, но они вполне компенсируются выбором верных и надежных соратников, так называемых «четырех кулюков»¹: Боорчу, Бо-рохуа, Чжэлмэ (или Чилаун в другом варианте этого списка) и Мухали. По мере успехов в деле завоевания этого специфического кочевнического авторитета Темучжин понемногу обрастает все большим числом нукеров-соратников.

К его дополнительному везению хунгиратский нойон Дэй-сэчэн выполняет давний уговор с его отцом и окончательно отдает ему замуж свою дочь Бортэ-фуджин с весьма приличным по тем понятиям приданым. В данном случае это было возобновление условного брака, заключенного в 1164 г. за своих детей отцами Темучжина и Бортэ. Осуществлялся он на тех условиях, чтобы Темучжина взяли в приемы как зятя, что и было закреплено подарками от отца жениха — Дэй-сэчэн применяет в ходе стовора термин «зять-жепих»: «Дочку свою

¹ Kuluq — букв. «неутомимый конь», в переносном смысле «витязь, богатырь».

согласен отдать. Оставляя своего сынка в зятьях-женихах» [16, с. 87]. После чего стовор окончательно закрепляется со стороны жениха Есугаем: «подарил ему Есугай своего заводного коня, оставил Темучжина в зятях» [там же]. Хотя прошло уже несколько лет и брак был еще условным, для Дэй-сэчэна его фактическое исполнение стало своевременным — Бортэ-фуджин было около 25 лет и она как раз вступила в брачный возраст. Несмотря на существующие стереотипные представления о раннем возрасте вступления в брак в Средние века, на самом деле монголы, особенно малого достатка, женились (выходили замуж) достаточно поздно, в возрасте 25—30 лет (см. [81, с. 175]).

Итак, после появления вновь свободного Темучжина и соответствующих переговоров с ним, Дэй-сэчэн соглашается осуществить на деле тот брачный договор, заключенный с отцом Темучжина. Чингисхан не забывал об этом и, судя по всему, до конца жизни был благодарен за поддержку в те, самые тяжелые для него, годы. Все эти обстоятельства переводят Темучжина из статуса неудачника, хотя и принадлежащего знатному, но захудалому роду, в положение уважаемого, по понятиям монголов, воина и добытчика, благородного по происхождению и притом еще женатого на дочери известного в степи человека.

Женитьба и обстоятельства рождения первого сына Темучжина позволяют примерно определить длительность этого периода жизни. Дело в том, что Бортэ попала в меркитский плен будучи беременной Джучи — по одной, официальной, версии, а по другой — она забеременела от меркитов в плену и родила Джучи после освобождения, на что намекал следующий по старшинству сын Чингисхана: «предупредил Чаадай: „Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?“» [16, с. 183]. На это же намекает и Рашид ад-Дин, сообщающий, что Джучи родился во время плена Бортэ-фуджин (см. [39, с. 65]). Исходя из даты рождения Угэдэя (третий сын Чингисхана,

родился в 1186 или 1187 г.), исследователи датируют рождение Джучи 1184 годом ([128, с. 143], [117, с. 76]), поэтому, учитывая, что нападение меркитов не могло произойти позднее, чем за 9 месяцев до рождения Джучи, можно датировать меркитский набег 1183 годом. Тогда женитьба Темучжина состоялась как минимум не позднее 1181 г. (так как первым ребенком его был не Джучи, а девочка — Хочин-беги или Фуджин-беги у РД, [37, с. 132], на нее, как на самого старшего ребенка Чингисхана, указывает ряд авторов — (см. [37, с. 165], [128, с. 147]), а скорее всего даже на год-два раньше. Итак, после освобождения от тайчжиутов Темучжину понадобилось около двух лет для того, чтобы к 25—26 годам стать всего лишь равноправным членом степного сообщества молодцов и заработать первоначальную репутацию в нем.

В этом новом для себя положении Темучжин уже ищет не только соратников, но и могучих союзников. Он перерос период сбора своей дружины-нукуда, у него теперь есть преданные и талантливые нукеры и свой маленький, но обок. Поэтому ему можно озаботится созданием союзнических связей, без которых его обок может быть уничтожен сильными врагами, теми же тайчжиутами, например. Вскоре Темучжин определяется с выбором таких союзников. Он завязывает отношения с вождем обока/улуса кэрэитов Тогорил-ханом. Кэрэиты к этому моменту составляли один из самых сильных чифдомов среди монгольских племен, достаточно развитое протогосударственное образование, чтобы воспринять некоторые элементы цивилизации и зачатков государственности — уйгурскую письменность и христианство несторианского толка: «В то время и в тех пределах они имели больше силы и могущества, чем другие племена. До них дошел призыв Иисуса, — мир ему! — и они вступили в его веру» [37, с. 127]. По силе они были сравнимы с другим подобным объединением — найманами, причем с ними кэрэиты были в перманентной вражде: «Они [представляют] собою род монголов; их обиталище есть по рекам Онону и Кэрулену, земля монголов... [Кераиты] много враждовали с многочисленными племенами, особенно с пле-

менами найманов» [там же].

На кэрэитов была определенная надежда у Темучжина — как на возможного союзника против их соседей тайчжиутов, сила которых в степи возрастала, и кэрэитам потому имело смысл побеспокоиться о противовесе, которым могли стать их (тайчжиутов) заклятые враги — монголы Темучжина. Другим союзником становится глава небольшого обока, подобного темучжинову, джаджират Чжамуха. Еще некоторые мелкие обоки становятся дружественными обоку Темучжина. С некоторыми из них он держит себя вровень, как брат или побратим (анда по-монгольски) — как в случае Чжамухи, а в отношениях с другими признает себя младшим партнером — как с кэрэитским Тогорил-ханом (будущим Ван-ханом), которого величает «отцом», т. е. признает себя подручником-вассалом его. Темучжин с самого начала даже посылает ему в подарок доху из соболя — в знак признания Тогорил-хана своим покровителем: «Кто доводится андой моему батюшке, все равно что отец мне» [16, с. 95].

Первое испытание для новых друзей и союзников наступает, когда пока еще небольшой обок Темучжина становится жертвой набега более сильного обока меркитов. Вероятнее всего, он стал возмездием за набеги Темучжина, но автор СС выдвигает более «солидную» причину — якобы к жене Темучжина Бортэ-фуджин в свое время сватались меркиты и, разозленные браком с Темучжином, решили ее похитить. Как бы там ни было, но женщины обока были похищены, имущество разграблено. Правда, основная часть мужчин обока в момент набега отсутствовала, поэтому военные силы монголов сохранились. Впрочем, и меркитов было немного, ведь несмотря на эпический рассказ «Сокровенного сказания» о «тьмах» (т. е. туменах) меркитов и союзников Темучжина, участвовавших в последовавшей затем войне, в нем есть прямое указание, что на самом деле в набеге участвовало три меркитских вождя с тремястами человек: «тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан» [16, с. 104]. Отсюда видно, что под командой знатного меркитского нойона было около

сотни воинов или нукеров. Так что масштабы войны между меркитами и обоком Чингисхана с союзниками ограничивались столкновением нескольких тысяч человек.

Но собственных сил у монголов было все же недостаточно, и Темучжин идет за помощью к кэрэитам Тогорил-хана и джаджиратам Чжамухи. Совместно они выставили войско, хоть и не в четыре-пять туменов, как пелось в степных песнях о славе Чингисхана (и что отразило «Сокровенное сказание»), но значительное настолько, что часть меркитов разбежалась до сражения. По мнению исследователей, союзники Темучжина не столько хотели помочь ему, сколько, воспользовавшись поводом, разграбить улус меркитов и усилиться за счет его людей и имущества. При этом каждый из них зорко следил за другими — как бы союзник-соперник не усилился чрезмерно [117, с. 75]. План нападения на меркитов составил Чжамуха, которому и было поручено Тогорил-ханом руководить нападением: «говорит Тоорил Ван-хан, — ... Место и время встречи назначает Чжамуха!» [16, с. 99]. Его же план основывался на внезапности и в общем удался. Победители захватили значительную добычу и утолили жажду мести Темучжина к виновным в нападении: «Он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: милovidных и подходящих — забрали в наложницы, а годных стоять при дверях — поставили прислугой, дверниками» [16, с. 104].

Данные действия против меркитов выявили, что Чжамуха хоть формально и равен Темучжигу (как анда-побратим), но все же пока выше его в делах: он, а не Темучжин, командовал соединенным войском (что еще можно объяснить неравенством сил — войска были его и Тогорила, а не Темучжина), и кроме того, именно Чжамуха считался «младшим братом» Тогорила, в то время как Темучжин был его «сыном». В иерархии феодалских взаимоотношений, принятых в Центральной Азии и Китае, это означало, что Чжамуха был «старше» — как «дядя» Темучжина. В общем, пока именно Чжамуха в 1184—1185 годах являлся ведущей силой в побратимстве с Темучжином. Примерно год или два [18, с. 96] Темучжин со своими людьми кочует вместе с обо-

ком Чжамухи в качестве его младшего партнера. Это время Темучжином было потрачено не зря — хотя трения с Чжамухой и нарастали («про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается» [16, с. 106]), но они вполне оправдывались завязываемыми связями в его обок. Наконец, воспользовавшись довольно незначительным предложением (см. [16, с. 106]), Темучжин откочевывает от обоча Чжамухи, причем не только со своими людьми, но и с частью людей Чжамухи. Данное событие можно датировать приблизительно 1186 годом.

Победа над меркитами уже сделала имя Темучжина известным, а его общение с обочком Чжамухи дало возможность его людям (да и многим другим) оценить качества нового степного удалца. Поэтому теперь к Темучжину стали приходиться люди, которые пополняли его личный обок. Вот как это описывает «Сокровенное сказание»: «Подошли следующие племена: из Чжалаиров — три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов. Сын Мунгету-Кияна — Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас — Хубилай-Худус с братьями. Из племени Манхунд — братья Чжетаи и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур. Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутаи-Таки со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан — Сюйкету-черби. Из племени Сукеген — Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут — Кингиядай. Из племени Горлос — Сечиур. Из племени Дорбен — Мочи-Бедуун. Из племени Икирес — Буту, который состоял здесь в зятьях. Из племени Ноякин — Чжунсо. Из племени Оронар — Харачар со своими сыновьями. Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун и Кокос-Цос со своими Менен-Бааринцами» [16,

с. 107]. Такое тщательное перечисление относительно небольшого числа людей (пусть и предводителей небольших айлов и родов со своими домочадцами) указывает на всю важность события — впервые к Темучжину приходят не отдельные люди, как раньше (в основном изгой и прочий вольный люд), а представители родовой «аристократии» вместе со своими родными и подчиненными. Кроме того, данный перечень показывает, что формирование обока/улуса Темучжина шло классическим путем — к нему, как к удачливому предводителю, переходят люди из самых разных, не только родственных, групп (т. е. семей-айлов, родов-обоков) кочевников.

Конечно, это был длительный процесс, а не одномоментный переход на его сторону, как это изображено в монгольском эпосе. Видимо, он занял несколько лет — скорее всего в течение 1186—1188 годов. Его окончание ознаменовал собой приход к Темучжину вождей крупных монгольских обоков, близких родственников Есугая и Темучжина, известных степных «аристократов» — Алтана, Хучара и Сэчэ-беки, со своими родами. Данное событие повлекло следующий логический шаг — Темучжина избрали ханом крупного объединения, составленного из его обока и прочих монгольских родов. Правда, тогда ханское звание Темучжина делало его не более чем «одним из обычных монгольских хаанов той эпохи, эфемерным и слабым вождем разношерстного сброда родов и поколений» [74, с. 85], подобно прочим таким же ханам вроде Чжамухи, характеристика которого процитирована выше. Только дальнейший ход событий показал, что именно Темучжин-Чингисхан порвал с таким положением и создал со временем реальную ханскую власть верховного владетеля над подданными, а не «первого среди равных».

§ 7. Становление Темучжина. Избрание его ханом

За 8—9 лет рассмотренной выше деятельности Темучжина его авторитет в степи сильно возрос. Поэтому для ряда его родовичей из кият-монголов кандидатура Темучжина как

вождя, способного возродить могущество славного, но ныне захудалого рода, могла показаться предпочтительной — он проявил себя смелым степным батыром, был потомственного ханского происхождения и, ввиду своих сложных обстоятельств, мог считаться податливым к нуждам степной аристократии, которой будет обязан ханством (так по крайней мере рассуждали эти родовичи). Если пристальнее всмотреться в тех, кто выбирал Темучжина ханом монголов, то становится ясно, что движущей силой были его довольно близкие родственники: Алтан, Хучар — из кият (как и Темучжин), и Сэчэ-беки — из кият-чжурки, родственного борджигинам ясуна¹. Свой выбор они обусловили простым договором, о котором «посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие» [16, с. 108] — Темучжин становится ханом и ведет улус (и лично их) к славе и добыче, для чего они готовы идти за Темучжином в числе остальных людей улуса, собранного в единый кулак. Формулировка СС о том, кто реально был главной стороной этого договора, недвусмысленна: «Мы решили (выделение мое — Р. Х.) поставить тебя ханом» [16, с. 108].

Аргументация выбора и способы его пропаганды в степи хорошо передает рассказ Рашид ад-Дина: «В то время существовал некий мудрый и проницательный старец из племени Баяут. Он сказал: «Сэчэ-беки из племени кийят-юркин имеет стремление к царствованию, но это дело не его. Джамукэ-сечену, который постоянно сталкивает друг с другом людей и пускается в лицемерные ухищрения различного рода для того, чтобы продвинуть свое дело вперед, — это также не удастся. Джучибэра, иначе говоря Джучи-Касар, брат Чингиз-хана, тоже имеет такое же стремление. Он рассчитывает на свою силу и искусство метать стрелы, но ему это также не удастся. У Алак-Удура из племени меркит, обладающего стремлением к власти и проявившего известную силу и величие, также ничего не получится. Этот же Тэмуджин, т. е. Чингиз-хан, обладает внешностью, повадкой и умением для того, чтобы главенствовать и царствовать, и он, несомненно, достигнет царственно-

¹ У Рашид ад-Дина они называются «юрки».

го положения. Эти речи он говорил согласно монгольскому обычаю рифмованной иносказательной прозой» [38, с. 119]. В этом отрывке можно разглядеть основные черты «предвыборной агитации» за Темучжина, хотя по обыкновению степного сказителя данные слова приписаны «мудрому старцу» в качестве предсказания. Это, так сказать, идеалистическая сторона дела, т. е. расчет на Темучжина как на представителя «аристократии» и «природного хана» [117, с. 82]. Но были и вполне материальные основы для такого выбора — Темучжин зарекомендовал себя не только как удачливый добытчик имущества и ценностей, но и как справедливый и щедрый их распределитель среди своих людей и, что немаловажно, среди друзей-союзников. Про это есть свидетельство и в «Юань ши»: «он жаловал людей мехами и конями и сердце его радовалось» [56; цз. 1, с. 4], и у Рашид ад-Дина — в рассказе о помощи обоку джарэитов в облавной охоте, когда Темучжин за счет своего народа отдал охотничью добычу джарэитам, которые при этом были родственниками его врагов тайчжиутов [38, с. 89]. Но почти все исследователи сходятся на том, что на выборной охоте повлияли не только указанные выше причины, но сама личность Чингисхана, зарекомендовавшего себя таким образом, что чаяния монгольской «аристократии» оказались сфокусированы именно на нем, а не на других претендентах. Кроме всего прочего, «феодальный хаос» тоже тяготил часть степной «аристократии», в ней назревал раскол по линии желающих или не желающих нового, более жесткого порядка. Это видно из версии того же эпизода с обоком джарэитов, изложенной ШУЦЧЛ: «В то время у рода Дайчиу¹ земля была пространна и народа много, но не было внутренней управы; родственный им род Чжаоле²... Чингис приказал снабдить продовольствием», причем после этого произошел раскол — часть обока согласилась на «заключение союза» с Темучжином, а остальные не захотели этого [28, с. 154—155]. Тут, помимо версии о щедрости Темучжина, очевиден и сюжет о неустро-

¹ Т. е. тайчжиут.

² Т. е. джарэитов.

сности в старой системе родовых порядков. В общем, все это шло «в зачет» Темучжину, как претенденту на ханство.

Выборы состоялись в 1189 г.¹ — таковы хронологические расчеты Ш. Сандага [163, с. 28] и Хань Жу-линя на основе китайских источников и СС [117, с. 84]. Эта же дата приводится и в поздней монгольской летописи «Эрдэнийн тобчи» [183, с. 193]. Косвенно она еще подтверждается данными Марко Поло: «Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингис-хан» [15, с. 85]. Дело в том, что датировки в рассказе Марко Поло о жизни Чингисхана смещены на два года вперед. Обоснование этого следующее:

Кроме указанного года выборов ханом Чингиса, в данном рассказе есть еще одна единственная дата — 1200 год. Под этим годом Марко Поло дает интересное сообщение о том, что Чингисхан отправил своих «послов к попу Ивану, и было то в 1200 г. по р. х.; наказывал он ему, что хочет взять себе в жены его дочь. Услышал поп Иван, что Чингис-хан сватает его дочь, и разгневался: «Каково бесстыдство Чингис-хана! — стал он говорить. — Дочь мою сватает! Иль не знает, что он мой челядинец и раб!» [там же]. Если учесть, что «попом Иваном» западноевропейцы XIII в. ошибочно считали главу кэрэитов (среди которых было много христиан) Ван-хана^{II}, то все становится на свои места — именно в 1202 году происходила попытка Чингисхана породниться с Ван-ханом, которая провалилась и была одной из причин ссоры между ними. Вот как излагает эти события ЮИШ под годовой записью жэнь-суй^{III}: «Государь посватал старшего сына Джучи. А Ван-ханов [внук] Тусбука тоже пожелал жениться на дочери государя Ходжинбеки, но оба [дела] не сладились. Из этого вышла большая ссора» [56; цз. 1, с. 9]. Поскольку Ван-хан был сюзереном Чингис-

¹ Другая распространенная дата — 1190 г. [168, с. 41].

^{II} В предыдущей главе Марко Поло прямо пишет про монгольские племена до Чингисхана: «Не было у них князей, платили они великому царю и звали его по-своему Унекан, а по-французски это значит поп Иван; это тот самый поп Иван, о чьем великом могуществе говорит весь свет. Татары платили ему дань, из десяти скотов одну скотину» [15, с. 84]. Поло точно передает форму имени Ван-хана как Он-хан, зафиксированную во многих источниках.

^{III} С 26.01.1202 г. по 13.02.1203 г.

хана, признававшего его власть над собой, то рассказ Марко Поло о сватовстве «челядинца» Чингисхана, приуроченный им к 1200 г., совпадает в основных деталях с событиями 1202 г. Учитывая этот хронологический сдвиг в два года, получаем, что и по Марко Поло выборы Темучжина ханом состоялись в 1189 году.

Именно после избрания ханом Темучжин принимает титул «Чингис» и далее именуется Чингисханом: «Темучжина же нарекли Чингисхаганом и поставили ханом над собою» [16, с. 109]. Но этот титул еще не был титулом в полном смысле слова, это было пока еще не более чем обозначение для выборного военного вождя, а не полноправного государя (хана-хагана), которым Чингисхан стал позже. С Чингисханом при этих выборах был заключен договор, в котором определялись права и обязанности как хана, так и нойонов. От хана требовалось выполнять функции предводителя в военных и грабительских походах, который собрал бы при этом разрозненные силы монголов. Нойоны и нукеры были бы при таком вожде главной действующей силой и получали свою долю от богатой добычи, которую им мог бы доставить такой удачливый хан, как Темучжин. В этом договоре была оговорена как ханская часть ее, так и часть нойонов — все добытое делилось пополам, а за это обещалось повиновение своему предводителю: «Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать: На врагов передовым отрядом мчаться, для тебя всегда стараться, жен и дев прекрасных добывать, юрт, вещей вельмож высоких, дев и жен прекраснощеких, меринов статьями знаменитых брать и тебе их тотчас доставлять. От охоты на зверей в горах половину для тебя мы станем выделять... Кто твоей руки хоть мановенья на войне ослушаться дерзнет, не давай и тени снисхожденья — от детей и жен им отлученье! Пусть, как смерд, как твой холоп, от тебя опалы дальней ждет. Кто из нас твой мир нарушит, хоть бы мир кругом царил, значит, тем очаг не мил: От дружины их, от смердов, от семьи нещадно отрывай, в земли чуждые далеко отсылай!» [16, с. 108]. Как заметил Б. Я. Владимирцов — «облавные охоты... играли значительную роль,

может быть, даже большую, чем войны» [74, с. 82], а потому половина добычи на охоте в качестве нойонской части вполне соответствует их доле и на войне.

Получив звание хана, Чингисхан провел ряд организационных мер по устройству своего улуса. Нельзя сказать, что они чем-то выделялись из общего уровня развития государственных институтов в других монгольских протогосударствах, это видно по тем простейшим, почти домашним должностям, на которые ставил своих людей Чингисхан: «По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетаи и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами... Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством... было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Цилгутаи и Харгай-Тохураун... Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено: «Вы мерингов принимайте, Актачинами казачьими будьте...» Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулахалху он назначил заведывать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: «Вы же будьте моими разведчиками... И затем, обратясь ко всем, Чингис-хан продолжал: «Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли от анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!» [16, с. 109—111]. Но для собственно монголов, долго пребывавших в разрозненном состоянии, и это был шаг вперед.

Как можно видеть, Чингисханом были выделены три основные группы своих приближенных, которые ведали следующими делами: управлением войсками и дружиной; управлением ставкой-ордой как для ведения дел улуса, так и для обеспечения обслуживания самого хана и его семьи, в том числе их охраны; управлением экономической деятельностью улуса — т. е. забота о главном ее ресурсе в виде скота (в частности — его перекочевках) и пастбищного хозяйства.

Забота о войске и дружине была одной из основ улуса Чингисхана. Собственно, при выборах его ханом об этом, т. е. в первую очередь о деятельности воинов — набегах, войнах и облавной охоте, и уговаривались нойоны со своим кандидатом в ханы. Как пишет Б. Я. Владимирцов: «Монгольской степной аристократии важен и нужен был порядок внутри се кочевий и очень выгодны наезды и войны с внешними врагами, от которых можно было забрать добычу» [74, с. 85]. Для эффективного ведения такого рода дел и нужен был хан, причем желательна такой, который был бы щедрым при дележе добычи и достаточно авторитетный, чтобы защитить такие свои решения. Как пишет Рашид ад-Дин, на тот момент многие монгольские роды считали, что: «Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезает с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус!» [38, с. 90]. Так что, судя по всему, репутация Темучжина к данному моменту вполне удовлетворяла вышеуказанным требованиям.

§ 8. Участие Чингисхана в войне за гегемонию в степи

Объединение сил всех монгольских племен под единым началом не было только личным желанием претендентов на гегемонию — к этому же подталкивало стремление части родовых элит упорядочить хаос межплеменных и межродовых отношений. Самые дальновидные понимали, что объединение сил не только придаст стабильность социальным связям в будущем (например, в правильном наследовании и защите прав находившейся в стадии становления потомственной степной знати), но и в настоящем позволит единому, собравшему все силы племен, улусу обогатиться за счет грабежа соседей. Именно такие настроения, направленные на установление твердых законов и на объединение, отразил Рашид ад-Дин в порицании нравов татар, за которыми также просматривается образ жизни монгольских племен вообще: «Племя [татар] прослави-

лось поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой сговорчивости и невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли, подобно курдам, шулам и франкам. В эту эпоху у них [еще] не было законов [ясак], которые существуют в настоящее время среди монголов; в их природе преобладали ненависть, гнев и зависть. Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им» [37, с. 102]. Как увидим позднее, после объединения монгольских племен под властью Чингисхана так и вышло — не оказалось тех, кто «были бы в состоянии противостоять» его «Великому улусу Монголов».

Подобные процессы объединения в монгольской степи конца XII в. шли вокруг нескольких ключевых фигур — Тогорил-хана с его кэрэитами, Чжамухи с частью монгольских родов и наконец самого Чингисхана. До выборов его ханом шансы Чингисхана рассматривались невысоко. Но когда он стал вождем своего улуса, первым из соперников тревогу ощутил Чжамуха — Тогорил-хан реагировал спокойно и даже похвалил монголов, выбравших себе хана: «Зело справедливо, что посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана?» [16, с. 111]. Но Чжамуха повел себя иначе — он видел усиление своего апды еще когда тот только был его младшим партнером и кочевал вместе с его обоком, что в итоге закончилось уводом людей Чжамухи. Теперь Чингисхан признанный хан, за ним организованная сила его улуса, которая растет. Все это толкало Чжамуху на превентивные меры, чтобы Чингисхан не усилился чрезмерно. Уже сама реакция на известие о выборах Темучжина ханом показала, что Чжамуха не в восторге, его речь к главным вдохновителям этих выборов Алтану и Хучару исполнена яда: «Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела, одного в живот бодая, а другого — под ребро. И почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыслом поста-

вили его на ханство теперь? Блюдите ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче!» [там же]. Чжамуха тут намекает на непостоянство Алтана и Хучара, которые некогда были в его обоке, и предостерегает Чингисхана об этом (к слову сказать, его предостережение оказалось верным). Возможно, к решению воевать против Чингисхана его подтолкнули и благоприятные внешние обстоятельства — Тогорил-хан, поддержавший выборы Чингисхана, испытывал трудности в своем обоке, там началась борьба за власть, в которой претендента поддержали найманы Инанч-хана, и Тогорил-хан потерпел сокрушительное поражение [16, с. 135]. Тем самым руки у Чжамухи были развязаны, а тут подоспел и предлог, причем в глазах степного народа весьма веский — кровная месть. Дело в том, что подданный Чингисхана Чжочи-Дарма убил младшего брата Чжамухи Тайчара [16, с. 111] во время попытки последнего угнать табун коней и захватить места для кочевий [56; цз. 1, с. 3—4]. Война теперь стала неизбежной, и ее решило сражение при Далан-Балчжутах. Есть две версии его исхода — поражение Чингисхана по «Сокровенному сказанию» и победа его — по «Юань ши», РД и ШУЦЧА. Исследователи склонны принять на веру сообщение СС, как «тайной истории», которая в назидательных целях сообщала невыгодные для Чингисхана вещи и кроме того признается как «правдивый и беспристрастный источник» [117, с. 97]. Есть и еще одно наблюдение в пользу версии СС: против трех туменов Чжамухи Чингисхан смог выставить 13 «курений» (по СС и РД) или «крыльев» (по ЮШ) своих войск. Такое редкое (в некоторых случаях, как в ЮШ, едва ли даже не единичное) использование названия военного подразделения у Чингисхана — не тысяча и не тумен — видимо, указывает, что это были подразделения, спешно сформированные по родовому принципу¹, причем разной численности. Скорее всего, они в среднем содержали около тысячи воинов каждое и таким образом по численности уступали войску Чжамухи. Чжамуха выиграл

¹ Собственно, это подтверждается перечнем их состава у РД, по которому эти 13 курений были составлены из близких родственников Чингисхана [38, с. 87—88].

поражение, но не путем решительной победы: «Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!» — сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Монос, а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту» [16, с. 112]. Разбитый Чингисхан, как видно, сохранил значительную часть своих сил, а Чжамуха не смог окончательно его добить. Стратегически он проиграл, так как не смог добиться главной цели — устранения соперника. И более того — его неумеренная жестокость явно повлияла на отпадение от него влиятельных нойонов, так как, несмотря на поражение Чингисхана, через некоторое время они присоединились к нему.

Поражение от Чжамухи на какое-то время затормозило процесс собирания Чингисханом вокруг себя всех монголов. Видимо, прошла пара лет или больше, прежде чем он сумел восстановить свои позиции и смог, как и раньше, привлекать к себе людей. СС рассказывает, что после поражения при Далан-Балчжутах только через некоторое время к нему начали опять присоединяться влиятельные люди степи, правда, небольшими группами: «Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингисхану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своей семьей сыновьями к Чингис-хану и Хонхотанский Мунлик-эциге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингисхан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром, Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве» [16, с. 112]. Как видим, эти три группы небольшой численности («с семьей сыновьями») вызвали огромную радость у Чингисхана, что указывает на состояние его дел, когда вновь начался процесс пополнения его улуса. Любопытно отметить, что в «Юань ши» употреблен

нехарактерный для ее 1-й цзюани термин «поколение» по отношению к улусу Чингисхана именно при описании этого пира в Ононской дубраве — возможно, это указание на сокращение сил Чингисхана после поражения, которое осталось незамеченным юаньскими редакторами, приводившими единообразию терминологию их первоисточника о временах Чингисхана. Как бы там ни было, но указанный «пир в Ононской дубраве» во всех основных источниках о начальном периоде жизни Чингисхана¹ отмечен особо. Очевидно такое его значение как определенного смотра восстановленных сил улуса Чингисхана и демонстрации их перед соседями.

Видимо, к моменту этого сбора в Ононской дубраве трудности были, пожалуй, в основном преодолены — политика Чингисхана по привлечению к себе новых нукеров и пойнотов с их подчиненными сохраняла свою действенность. Но теперь проявилась опасность иного рода. Очевидно, успехи Чингисхана в привлечении новых, неродственных кият-монгола-обоков и выдвижение им на ключевые должности людей не по родству, а по принципу личной преданности, привели к первым проблемам со старой монгольской «аристократией». Предание, сохранившееся в СС, относит их первое проявление к ссоре с родовыми старейшинами кият-чжурки Сэчэ-беки и Тайчу именно во время указанного пира в Ононской дубраве — в этой ссоре был даже ранен брат Чингисхана Бельгутэй [16, с. 112]. Но Чингисхан пока еще не мог позволить себе подавить силой такие проявления неподчинения, он предпочел временно замять дело [16, с. 113], тем более что Сэчэ-беки видимо, командовал важной частью войска улуса, ополчением чжуркинцев. Это можно понять из замечания в ЮШ, где сказано о нем, что Чингисхан «как всегда отдал распоряжение Сэчэ-беки командовать людьми его обока» [56; цз. 1, с. 5]. Это «как всегда» и указывает на регулярность использования сил чжурки в военных действиях улуса Чингисхана.

Надо сказать, что вообще Чингисхан гибко реагировал на

¹ Т. е. до его победы в борьбе за гегемонию в монгольской степи и курултай 1206 г.

нужды степной аристократии, пока добивался ее поддержки в своей борьбе за верховенство. Показательна эволюция его политики по отношению к перебежчикам, которые предавали или убивали своих сюзеренов. Случаи, когда Чингисхан казнил таких перебежчиков, описаны в «Сокровенном сказании», но они относятся к тому периоду борьбы Чингисхана за гегемонию, когда он еще зависел от «общественного мнения» знатных людей монгольской степи. Ведь тогда ему надо было считаться с менталитетом степной «аристократии» — государство монголов было еще не более чем очередным чифдомом кочевников, сложившемся на принципах «чести», «заслуг» и т. п., присущих кочевникам. Поэтому пока Чингисхан добивался поддержки степных феодалов, всех этих нойонов, беков, мергенов и прочих, он делал эффектные трюки по помилованию не предавших господина или, наоборот, казнил предавших своих господ в его, Чингисхана, пользу. Некоторые исследователи поддавали под обаяние данных жестов и абсолютизировали «благородство» Чингисхана («Чингис-хан» Б. Я. Владимирцова [73], и работы В. В. Бартольда — [63], [64]). Они не обратили внимания на тот факт, что, когда надобность в подобных жестах отпала, то есть когда Чингисхан стал абсолютным хозяином монголов, он уже вел себя иначе — как государственный деятель, который привлекал к себе полезных ему предателей и осыпал их милостями за оказываемые услуги. В разделе «Жизнеописания знаменитых» хроники «Юань ши» полным-полно упоминаний о таких перебежчиках, которые очень неплохо устроились у Чингисхана, причем значительное число их было как раз из «людей Западного края», т. е. из мусульманской Средней Азии, с ее развитой феодальной системой, где переход от одного сюзерена к другому был в порядке вещей. Эти примеры показательны для характеристики прагматизма Чингисхана в политике, его готовности найти выгодный (в данное время) курс во взаимоотношениях с нойонами, которые пока еще не были для него безоговорочно подданными.

В положении Чингисхана после поражения при Далай-Балчжутах, когда только-только начала опять налаживаться

его политика собирания монгольского улуса, он был вынужден реагировать максимально гибко на настроения «аристократии». В том числе в деле ссоры с чжуркинцами — ему пришлось укротить ярость части своих людей, уже перешедших к военным действиям против Сэчэ-беки и захвативших его мать и вторую жену его отца (см. [16, с. 113], [28, с. 156]). Чингисхан их вернул и начал переговоры с чжурки, чтобы постараться уладить разлад. Это удалось, хотя и не скоро, и как оказалось позднее — не надолго. Про это мы можем узнать из рассказа РД: «Сэчэ-беки со всеми родами юркин, которые были его подчиненными, отделился от Чингиз-хана... Послы обеих сторон скакали взад и вперед, договариваясь о заключении мира, как вдруг пришло известие, что старший из эмиров китайского Алтан-хана, по имени Чинсан¹, наступает с войском на Муджин-Султу, одного из эмиров татар, и на его племена» [38, с. 92]. Судя по всему, процесс примирения затянулся, пока его не ускорили внешние события — война чжурчжэней против вождя татар Мэгуджин-Сэулту¹¹. На то, что примирение, пусть и внешнее, состоялось, указывают и СС, и ЮШ: согласно этим источникам Чингисхан пригласил (согласно СС [16, с. 113]) или приказал (по ЮШ [56; из. 1, с. 5]) Сэчэ-беки и Тайчу пойти вместе с ним в поход на татар. Поскольку поход чжурчжэньского первого министра Ваньянь Сяна на татар достоверно датирован в китайских источниках маем—июнем 1196 года [117, с. 101], то с учетом времени, потраченного на переговоры о мире с Сэчэ-беки и на получение известия о возмущении татар против чжурчжэней (между ним и самим походом чжурчжэней должно было пройти определенное время, потребное для подготовки войск и достижения договоренности с союзниками), можно определить дату мира в Ононской дубраве как 1195 год. Таким образом, не более 3—4 лет понадобилось Чингисхану, чтобы оправиться от поражения и более или менее вернуть силы своему улусу.

Война чжурчжэней с татарами оказалась как нельзя

¹ Рашид ад-Дин считает именем китайское звание чэнсяна, т. е. первого министра.

¹¹ Муджин-Султу у РД.

статьи — кроме временного примирения с чжуркинцами, она давала возможность Чингисхану разжиться добычей и людьми. Дело в том, что чжурчжэни обратились к врагам татар кэрэнтам Тогорил-хана за помощью в походе. Чингисхан как «сын», т. е. вассал Тогорил-хана мог поучаствовать в войне против татар на стороне сильного и потому не особенно рискуя: «Чингиз-хана уведомили. . . что они¹ не в состоянии [ему] сопротивляться, по безвыходности [своего] положения и по необходимости откочевали вместе с женами и детьми, с табунами и стадами, членами рода и челядью и подходят разгромленные» [38, с. 93]. Видимо, эти «разгромленные» роды татар и вошли без особого сопротивления в состав улуса Чингисхана ([37, с. 106]). Иначе обстояло дело с той частью татар-воинов, которые были вместе с их предводителем Мэгуджин-Сеулту. Разбитые чжурчжэнями и гонимые ими вдоль р. Ульчже [16, с. 113], они отошли и закрепились в урочищах ее низовьев Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен [там же]. Пока чжурчжэни разбирались с татарами, Чингисхан договорился с Тогорил-ханом о совместных действиях и послал к чжуркинцам с предложением или приказом идти совместно на татар. Через шесть дней ожидания их, когда стало ясно, что Сэчэ-беки со своим ополчением не придет, Чингисхан выступил «с небольшим войском, которое было его куренем» ([38, с. 93]), на встречу с Тогорил-ханом. Соединившись, «Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеулту тут же и убили. В этом деле Чингисхан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами» [16, с. 113], а кроме того победителям достались «все их табуны, стада и имущества» [38, с. 93].

После победы Чингисхан и Тогорил-хан послали известие чжурчжэням «о том, что Мегучжин-Сеулту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеулту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингис-хану титул чаутхури, а Керейтскому Тоорилу — титул вана. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом» [16, с. 113]. Титул вана — это

¹ Татары.

достаточно высокое звание, соответствует великому князю или государю вассального государства в империи (в Китае), в данном случае чжурчжэньской империи Цзинь. Чингисхан получил намного более низкий ранг, соответствовавший званию чжао-тао¹ [117, с. 101], а также звание командующего войсками инородцев «дю» [там же].

Таким образом Тогорил-хан или, теперь, Ван-хан стал самой значительной фигурой в монгольской степи, как по своим силам, так и по своему званию, подкрепленному авторитетом империи Цзинь. Значение Чингисхана на его фоне было куда скромнее, но зато он смог значительно усилить свой обок богатствами татар и их людьми, с одной стороны. А с другой — в этой своей сильной позиции он смог преподать урок на будущее потенциальным раскольникам. Дело в том, что пока Чингисхан со своими преданными воинами воевал с татарами, чжуркинцы Сэчэ-беки и Тайчу совершили набег на оставшихся женщин, стариков и детей Чингисханова обока: «Старики и дети Чингис-ханова куреня, так называемый Аурух, находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили» [16, с. 114]. Гнев Чингисхана был натуральным, но, помимо всего прочего, он мог теперь в соответствии с традициями отомстить чжурки за все и заодно подавить оппозицию среди других родственных монголам обоках. Поэтому «Чингис-хан выступил в поход против Чжуркинцев и совершенно разгромил их при Келуренском Долон-болдаут. Сача-беки и Тайчу с небольшим числом людей бежали, но оба были пойманы посланной им вслед погоней при устье Телету. У схваченных Сача и Тайчу Чингис-хан спросил: «Помните, что вы говорили когда-то?» — «Если мы в чем не сдержали своего слова, то докажи!» — отвечали те. Тогда он напомнил им их речи и, уличив их, тут же с ними покончил» [16, с. 114]. Данное событие датируется 1197 г., оно является довольно важной

¹ Более подробно о войсках «дю» см. [128, с. 121—122] и в Дополнении настоящей книги — цзюань 1 ЮШ, статья о 1214 годе.

вской в развитии чингисханова улуса — впервые Чингисхан может явно осуществить властные полномочия и наказать неповинующихся ему степных «аристократов». Ну а кроме того Сэчэ-беки, как представитель рода «природных ханов», причем старшей, нежели Чингисханова, ветви, имел права на верховенство среди монгольских обоков не меньшие, чем сам Чингисхан. Так что, казнив его, Чингисхан еще и убирал возможного претендента на свое положение.

В 1198 г. Чингисхан напал на отколовшийся от кэрэитов Ван-хана обок тункаит, которым руководил брат Ван-хана Чжаха-Гамбу⁵. По сообщению Рашид ад-Дина, они были разбиты и потом «все явились с выражением рабской покорности к Чингиз-хану» [38, с. 94]. В это же время его союзник Ван-хан удачно воевал с меркитами, захватил много добычи, но не поделился с Чингисханом, который, разделавшись с тункаитами, тоже выступил против меркитов Тохтоа-беки [28, с. 158]. У горы Муручэ войско монголов разбило меркитов Тохтоа-беки, Чингисхан «захватил его богатства и имущества, хлеба на корню и отослал к Ван-хану» [56; цз. 1, с. 6]. Как видим, Чингисхан пока выполняет свои обязательства вассала перед Ван-ханом, а тот ощущает себя достаточно уверенно, чтобы не делиться плодами общей победы. Примерно в это же время умирает хан найманов Инанч-хан, который сильной рукой держал улус найманов и наносил мощные удары по кэрэитам, иногда даже ставя Ван-хана (тогда еще Тогорила) на грань гибели (см. [16, с. 135]). Его чифдом распадается, остатки же делятся между сыновьями на два улуса — Буюрук-хан владеет кочевьями у Алтая, а Таян-хан — в степи у Черного Иртыша. При этом Буюрук-хан и Таян-хан «друг с другом... были в крайне плохих отношениях» [38, с. 112]. Естественно, что Ван-хан не мог упустить такого отличного случая, когда его сильный враг умер, а его улус разделился на две враждующие друг с другом части. Поэтому Ван-хан вместе со своим союзником Чингисханом решают разгромить найманов Буюрук-хана.

Начавшиеся в конце 1198 г. военные действия вначале принесли удачу союзникам — у озера Улунгур (Кизил-Баши

по-тюркски) они застали врасплох Буюрук-хана с его родом «в местности Кызыл-Баш, около Алтая. Они захватили это племя и учинили грабеж. Буюрук-хан, обращенный в бегство, ушел в область Кэм-Кэмджиут» [38, с. 112]. Затем был захвачен дозорный отряд найманов во главе с нойоном Буюрук-хана Еди-Туклуком. Но на этом успехи и закончились — сначала в урочище Байдарах-бэлчир найманский полководец Кокэсэу-Сабрах, заняв выгодные позиции, остановил войско союзников. А потом Ван-хан тайком оставил Чингисхана на позициях, а сам ушел. По сообщению СС, на это Ван-хана подбил Чжамуха: «Вместе с Ван-ханом двинулся и Чжамуха. По дороге он стал говорить Ван-хану: «Известное дело, что анда мой, Темучжин издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь» [16, с. 125]. Из РД и ШУЦЛ ([28, с. 160—161]) можно понять, что Чжамуха пришел в урочище Байдарах-бэлчир вместе с Чингисханом ([38, с. 113]), но перешел в стан Ван-хана и уговорил того уйти.

Оставшийся один на один с найманами Чингисхан не стал рисковать и сам скрытно увел свое войско, тем более что

Рис. 5. Монгол и его боевой конь, китайский рисунок XIV в.

в его тылу восстали разбитые недавно меркиты [38, с. 114]. Как выяснилось дальше, Ван-хан себе на беду послушался Чжамуху — найманы стали преследовать не Чингисхана, а его войска, точнее войско его сына Нилха-Сангуна: «Дело в том, что Коксеу-Сабрах пустился преследовать Ван-хана. Он захватил Сангумову семью вместе с народом и юртом их, а также угнал с собою и добрую половину тех Ван-хановых людей и скота, которые находились в паднях Телегету» [16, с. 126]. Тут уже пришлось Ван-хану срочно просить Чингисхана о помощи войском и полководцами. Тот «погодил выражать [свои] прежние обиды и потому отправил к нему Боорчу, Мухали, Борохула и Чилауна, 4 человек, командующих войсками» [56; цз. 1, с. 7]. Сам Ван-хан тоже направил на помощь сыну отряд воинов, которые до прихода четырех Чингисхановых военачальников вступили в бой с найманами, но стали терпеть поражение, от которого их спасли подоспевшие монголы. Они нанесли поражение найманам, отбили и вернули кэрэитам захваченное имущество. Кампания 1199 г. против найманов, по сведениям ЮШ, закончилась поражением еще одного их отряда «на склонах гор Хуланьчжань (скорее всего, это урочище Улаан-хуте¹)» [56; цз. 1, с. 7].

В благодарность за помощь Ван-хан по всей форме усыновил Чингисхана и провел соответствующий обряд: «Говорил Ван-хан: „Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугай-Баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучжин. Эти отец с сыном, собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои — негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда — на покой“. После этих речей Ван-хан сошелся с Чингис-ханом в Тульском Темном Бору, и они

¹ См. [16 с. 126].

дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял в произнесении таких слов: „На врага ли поспешно ударить — как один, общей силой ударим. Или дикого зверя облавить — как один, общей лавой облавим“» [16, с. 126]. Свои слова клятвы произнес и Чингисхан [16, с. 127]. Такой оборот дела не слишком порадовал настоящего наследника Ван-хана — его единственного сына Нилха-Сангума. С этого момента Нилха-Сангум в источниках предстает последовательным врагом Чингисхана, что по указанным причинам совершенно естественно.

Скорее всего, сам Чингисхан не очень надеялся на наследство «одряхлевшего» Ван-хана, он предпочел воспользоваться моментом тесных отношений с кэрэитами, чтобы получить реальный выигрыш и разгромить давних своих врагов тайчжиутов. Для этого на следующий год, т. е. в 1200 г., он и Ван-хан «устроили совещание [курултай]» [38, с. 116] и, договорившись о плане действий, напали на них. Ван-хан, после событий прошлогодней войны с найманами и обязанный Чингисхану выручкой от Кокэсэу-Сабраха, видимо, не мог отказаться от участия в этом, хотя объективно ему было выгоднее иметь тайчжиутов как постоянную угрозу амбициям своего «сына» Чингисхана. Чжамуха же не был ничем связан и потому вместе с меркитами («Токтай-беки, который был государем меркитов... в это время прислал к тайджиутам своих братьев Кодо[н]а и Орчана, чтобы они были бы [им] помощниками» [38, с. 116]) решил помочь тайчжиутам. Поэтому силы союзников разделились — Ван-хан сдерживал меркитов с Чжамухой, а с тайчжиутами в бой вступил сам Чингисхан. Вот как это описывает СС: «Ван-хан обратился к преследованию Чжамухи вниз по течению Эргуне, а Чингис-хан к Онону, на Аучу-Баатура. Тайчиудцы Аучу-Баатур и Ходун-Орчин, построив на другой стороне Онона своих отборных смельчаков, ждали готовые к бою. Подойдя к ним, Чингис-хан вступил в бой. Сражались с переменным успехом и с наступлением темноты заночевали

на месте боя» [16, с. 117]. По сведениям СС, сражение было очень тяжелым, сам Чингисхан получил рану в шею. РД и ЮШ более категоричны — «племена тайджиутов, потерпев поражение, обратились в бегство» [38, с. 116] и «государь... на реке Онон, разбил и прогнал их, казнил и взял рабов несчетно» [56; цз. 1, с. 7]. Скорее всего, более верной в описании деталей является версия СС⁶ — видимо, это было ожесточенное сражение, едва ли не единственное, где Чингисхан лично ходил в бой (см. [117, с. 107]) и где верхушка тайчжиутов понимала, что на кону стоит само их существование — часть нестойких бежала, а остальные сражались насмерть. При этом в описании последствий поражения все источники согласны — Чингисхан жестоко расправился с пойманными нойонами тайчжиутов, а всех людей этого обока раскассировал по своему улусу. Кстати, среди них был Чжиргоадай, будущий знаменитый полководец Чингисхана, известный как Чжэбэ, который собственно и попал стрелой в Чингисхана, в чем тому и признался. Чингисхан, верный своему принципу приближать способных людей в расчете на свое умение разбираться в них, приблизил и обласкал Чжиргоадаю и назвал его Чжэбэ, т. е. «пика»¹ [16, с. 120].

После уничтожения обока тайчжиутов в монгольской степи явно вырисовались следующие группировки: кэрэиты Ван-хана; монголы Чингисхана; Чжамуха как глава множества малочисленных обоков, видевших в нем свою защиту от поглощения крупными объединениями; объединение татар и найманы Таян-хана. Отношения между ними были неустойчивыми, существовавшие на этот момент союзы между разными группировками были хрупкими и уже испытывали сильные тенденции к распаду. Каждая группировка внимательно следила за действиями других, зрела череда заговоров против союзников и, наоборот, готовились составиться ранее невозможные альянсы. Такова была ситуация к концу года Обезьяны, т. е. на переломе 1200 и 1201 годов нашего летоисчисления.

¹ Другой вариант перевода — «стрела».

§ 9. Победа Чингисхана в войне за гегемонию и объединение монголов под его властью

Начало окончательной фазы борьбы за гегемонию в монгольской степи надо отнести к 1201 г. [16, с. 116], когда в урочище Алхуй-булах несколько обоков провозгласили гур-ханом Чжамуху. Как сообщает «Сокровенное сказание»: «В год Курицы (1201), в урочище Алхуй-булах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана-Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур и прочие Тайчиудцы. Уговорившись возвести Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по течению реки Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана» [16, с. 120]. К этому времени у Чингисхана уже имелись доброхоты во многих обоках, и потому он сразу был извещен о случившемся: «Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему об их уговоре воевать. Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедленно поднял войско и прибыл к Чингис-хану» [там же]. Значение этого события было сразу оценено претендентами на власть в степи — и Ван-ханом, и Чингисханом. Косвенно на значимость события указывает полная синхронность в датировке этого события во всех основных источниках — в СС, РД и ЮШ, в которых до этого события наблюдался значительный разрыв в хронологии и анахронизмы.

Тут надо обратить внимание на сообщение СС об участии в собрании при Алхуй-булахе тайчжиутов Таргутай-Кирилтуха (упоминание об Аучу-Баатуре — это анахронизм, что случается в СС) — скорее всего это были остатки обока, сбежавшие перед решительной битвой на р. Онон. Про это определенно пишет Рашид ад-Дин: «В то время, когда большинство племен тайджиут по вышеупомянутой причине были перебиты, а часть бежала, эти племена катакин и салджиут собрались [вместе]» [38, с. 117]. Вполне естественно было присоединиться этим бежавшим остаткам тайчжиутов к коалиции всех врагов Чингисхана и Ван-хана, т. е. к Чжамухе, найманам Буюрук-хана и меркитам Тохтоа-беки. Кроме того, в коалицию неожиданно вошли лояльные Чингисхану хунгираты, но это объяснимо — дело в том, что незадолго до этого брат Чингисхана Джочи-Хасар напал на них и разграбил: «В то время обок хунгиратов хотел перейти на службу [Чингисхану], Джочи-Хасар, не зная про их намерение, насхал и ограбил их. Тогда хунгираты вернулись в обок Чжамухи, вместе со всеми обоками дорбен, икирес, хагагин, хорулас, татар и салджиут собрались на реке Цзянь¹ и совместно возвели на престол Чжамуху как гур-хана» [56; цз. 1, с. 8]. Силы сторон поляризовались — с одной стороны были кэрэиты и монголы, а с другой — остальные монгольские обоки и татары с найманами и меркитами. В совокупности они составляли воинские силы почти всей монгольской степи (кроме части найман — улуса Гаян-хана).

В данных условиях, когда претензии Чжамухи на владычество среди монгольских и прочих племен стали реальными как никогда, кэрэиты и монголы выступили общим фронтом. Несмотря на наметившееся перед этим расхождение (Чингисхан незадолго до этих событий посватал своего старшего сына Джучи к Чаур-бэки, дочери Ван-хана, а Тусаху, сына Нилха-Сангуна, посватал за свою старшую дочь Хочжин-бэки, но Ван-хан отказался от этих брачных союзов, чем сильно подорвал союз с Чингисханом), Ван-хан и Чингисхан, перед лицом общей угрозы, объединили свои войска против Чжамухи и

¹ Река Гянь приток Аргуни, Кан-мурэн — СС, Гам — РД.

выступили в поход против его коалиции племен. Правда, есть сомнения в прочности этой коалиции вокруг Чжамухи — не только горлосцы предупредили Чингисхана, но и хунгираты: «Глава хунгират Дэй-сэчэн¹, боясь, что дело не получится, тайно отправил человека сообщить о мятеже» [56; цз. 1, с. 7].

Сражение сил коалиции с объединенным войском Ван-хана и Чингисхана состоялось при урочище Койтен (по [16, с. 117] или, как пишет РД, «вышли из местности Кутун-наур», а сразились дальше — при «Буир-наур» [38, с. 117]^{II}). Судя по всему, сражение имело несколько фаз, в течение которых войска сторон перемещались: «Теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались» [16, с. 117]. Поэтому вполне возможно, что сражение окончилось у оз. Буир-нор, где «Чингиз-хан опять одержал победу, и враги были разбиты» [38, с. 117]. По ШУЦЧЛ, тоже победили Ван-хан вместе с Чингисханом. Видимо, в ЮШ все эти сведения из разных источников объединены: «Государь с Ван-ханом из болот Хуту^{III} вышли на встречный бой у реки Бэй-и-ле^{IV} и еще раз нанесли им сильное поражение» [56; цз. 1, с. 7]. Видимо, выжидавший и не вмещивавшийся в сражение обок хунгиратов после поражения коалиции немедленно перешел на сторону Чингисхана и вошел в его улус ([56; цз. 1, с. 8]).

В итоге сражений с коалицией Чжамухи ситуация стала все больше способствовать разрыву между Чингисханом и Ван-ханом. Дело в том, что Чжамуха после поражения стал сноситься с Ван-ханом и установил прочные связи с его сыном Нилха-Сангуном, последовательным противником Чингисхана (его совершенно не устраивало положение Чингисхана как соперника в наследовании улуса кэрэитов, т. е. как «старшего сына» Ван-хана, пусть и усыновленного). При этом от Ван-хана ушла к найманам Таян-хана часть его родовичей во главе с младшим братом Чжаха-Гамбу (см. [38, с. 118]), усилив тем самым одно-

^I По РД сведения передает тесть Чингисхана Дай-сэчэн(нойон) — [38, с. 117], в чтении СС — Дэй-сэчэн.

^{II} Т. е. современное озеро Буир-нор.

^{III} Озеро Хуту — ШУЦЧЛ, Кутун-наур — РД, Койтен — СС.

^{IV} Так в тексте ЮШ, имеется в виду озеро Буир-нор, Буир-наур — РД.

го из претендентов на верховенство среди монголов. Но, пока еще союзники, Ван-хан и Чингисхан решили поторопиться с решением своих более насущных проблем — Чингисхан начал войну с татарами, а Ван-хан отправился походом на меркитов: «Пока Чингис-хан был занят Татарским походом, Ван-хан ходил на Меркитов, причем прогнал Тохтоа-беки в сторону Баргучжин-токума, убил его старшего сына Тогус-беки, захватил двух его дочерей и жен его, а двух его сыновей, Хуту и Чилауна, полонил вместе с народом их» [16, с. 125].

Осенью 1202 г. войско монголов Чингисхана вышло в свой первый самостоятельный поход против одного из самых сильных улусов в Монголии — против татар. Вот как передает эти события СС: «На осень в год Собаки Чингисхан положил воевать с Татарами: Чаан-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан-нэмургес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» В сражении при Далан-нэмургесе мы погналы Татар. Тесня их, мы вынудили Татар соединиться в их улусе при урочище Улхуй-шилугельчжит и там полонили их. Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. В нарушение указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи» [16, с. 123]. В описании этой войны и последовавшей резни потерпевших поражение татар все главные источники сходятся. Рашид ад-Дин так подвел итоги существования улуса татар: «Так как они были убийцами и врагами Чингиз-хана и его отцов, то он повелел произвести

всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен законом; чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить, потому что они [татары] были основой мятежа и восстаний и истребили много близких Чингиз-хану племен и родов. Ни одному творению не было возможности оказать покровительство тому племени [т. е. татарам] или скрыть [кого-нибудь] из них, или [даже] несколькими из них, кои уцелели от истребления, обнаружиться или объявиться» [37, с. 106].

Чингисхан, разгромив и уничтожив татар, окончательно сместил равновесие среди улусов, так как теперь он господствовал во всей Восточной Монголии. А вот Ван-хан, контролировавший Центральную Монголию, после уничтожения татар оказался в стратегическом вакууме — кроме мелких обоков, которые были под патронажем Чжамухи, у него не оказалось больше потенциальных союзников против Чингисхана, так как найманы Таян-хана на западе Монголии по-прежнему занимали позицию наблюдателей, да и старая вражда кэрэитов с ними не способствовала соединению сил. До открытого разрыва между ним и Чингисханом было уже недолго — Чжамуха и Нилха-Сангун усиленно обрабатывали Ван-хана с целью вовлечь его в заговор против Чингисхана.

Итак, перед последним актом борьбы, в начале 1203 г., в монгольской степи сложились три основных центра силы, притягивавших людей в соответствующие улусы: улус Чингисхана, улус Ван-хана¹ и улус найманов Таян-хана, находившиеся теперь в открытой вражде. Несколько особняком стоит Чжамуха: он, имея свои претензии на верховенство, тем не менее постоянно выступает союзником какой-либо из этих трех группировок, при этом периодически перебегая от одной стороны к другой. Это, видимо, вызвано его поражением от соединенных сил Ван-хана и Чингисхана в 1201 г., почему он и выбрал стратегию временного усиления одной стороны в их взаимной борьбе, ослаблявшей его соперников — не-

¹ Или Он-хан в другой огласовке, принятой Рашид ад-Дином.

однократно Чжамуха в решительный момент бросал такого «союзника», увеличивая шансы на взаимное истребление как «врага», так и «союзника», оставаясь при этом с собственными нетронутыми силами. Другой причиной такого поведения была последовательность Чжамухи, придерживавшегося традиционной модели борьбы за гегемонию, — как пишет Б. Я. Владимирцов, среди претендентов на верховенство «было столько же врагов, сколько и союзников, потому что побитые враги превращались немедленно в верных союзников: они ведь в конце концов стремились к тому же» [74, с. 83]. В отличие от Чингисхана, рано сделавшего ставку на личную преданность дружины и постоянно расширявшего ее, Чжамуха больше полагался на традиционные методы создания временных союзов.

После поражения в 1201 г. Чжамуха быстро нашел среди кэрэитов надежного союзника, объединенного общим с ним интересом, — сына Ван-хана Нилха-Сангума. Они вместе стали уламывать Ван-хана на начало войны с Чингисом, но тот долго отказывался. Скорее всего, ему не внушал доверия авантюрный план сына: «Как только Чингиз-хан выступит в поход, наши войска появятся [с разных сторон], и мы его разобьем!» [38, с. 123]. Недавнее поражение от найман Нилха-Сангуна и боевые качества Чингисового войска и его полководцев заставляли с уважением относиться к монгольскому войску, тем более когда оно было готово к войне.

Вскоре произошло событие, которое, возможно, инициировало открытое столкновение кэрэитов с монголами, — обиженные наказанием после сражения с татарами близкие родственники Чингисхана Алтан (двоюродный брат Есугая), Хучар (двоюродный брат Чингисхана) и Даритай-отчигин (дядя Чингисхана) ушли от него со своими родами к Ван-хану. Причем, по некоторым данным, они увели от трети до половины людей Чингисханова улуса [82, с. 103]. Последнее — явное преувеличение, но очевидно, что уход влиятельных родовичей, причем по старшей линии, основательно ослабил силы Чингисхана и побудил кэрэитов воспользоваться этим удобным

моментом. Кроме того, эти монгольские «аристократы» стали одними из самых ярых сторонников Нилха-Сангума и Чжамухи по части желания расправиться с Чингисханом: «Алтан же с Хучаром высказались так: „А мы для вас — Оэлуновых сынков: Старших — Перебьем, Младших — Изведем“» [16, с. 128].

Наконец-то Ван-хан решился на разрыв с Чингисханом, но ему хотелось всю ответственность переложить на Чжамуху и сына, поэтому свое согласие он сформулировал очень туманно, давая санкцию пока только на тайные действия против Чингисхана: «Ван-хан сказал так: «На протяжении моей жизни верный старший сын был поистине добр. [Мои] усы и борода уже седы, а брренное тело рассчитывает получить успокоение. А ты так и будешь болтать без конца? Ты сам позаботься об этом, не доставляй мне забот, действуй!» Чжамуха тогда пустил огонь, пожег настбища государя и ушел» [56; цз. 1, с. 9]. Вскоре Нилха-Сангум предложил план, основывающийся на убийстве Чингисхана, что могло отменить большую войну, видимо, страшившую Ван-хана. Он решил использовать дело с расстроившейся помолвкой, которое могло соединить монголов и кэрэитов мирно и которое сорвалось по причине того, что Нилха-Сангум мог оказаться не у дел в таком объединении. Но теперь он же придумал план, как с помощью этой помолвки осуществить заговор против Чингисхана. Он отправил к Чингисхану послов сообщить о согласии кэрэитов породниться ханскими родами, как это предлагалось раньше. Это было только предлогом заманить Чингисхана на полагавшийся по такому случаю пир и там убить его: «Сангум говорит: „Они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить“» [16, с. 128].

Чингисхан поверил или решил поверить (женитьба между наследниками ханов обоих родов могла помочь избежать войны) и отправился к Ван-хану. Но когда по пути к нему прибыли люди с сообщением о заговоре, он повернул коня ([16,

с. 129], [38, с. 124], [28, с. 168—169]). Свидетельства о заговоре оказались достоверными, и разрыв теперь стал очевидным для всех сторон. Вскоре начались и прямые военные действия: «Затем, когда Чингиз-хан хорошо уразумел эти речи¹, он остался сам стоять в местности, название которой Арал, а кибиткам приказал откочевать в леса, называемые Силуджолджит. Всех же своих военных послал в дозор в местность Мао-ундур, что за горой. А Он-хан тем временем перед горой Мао-ундур подходил к местности, где росла красная верба и которую монголы называют Хулан-Бурукат. Два нукера... отводили коней в табун, заметив врага, они тотчас поскакали и уведомили Чингиз-хана, который находился в местности Калаалджит-Элет и ничего не знал. Чингиз-хан тотчас выступил» [38, с. 124—125].

Ван-хан решил поставить над войском Чжамуху и приказал ему выступать первым, но тот, верный своей стратегии не терять своих людей, но обескровливать соперников, решил «уравнять шансы». Ведь вряд ли опытный степной волк Ван-хан так просто мог передать Чжамухе, которому не доверял, управление войском своего обока — еще вчера он так характеризовал Чжамуху: «Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, небылицы ли плетет он — не разобрать!» [16, с. 128]. Скорее всего, условием назначения Чжамухи было расположение его людей в первых рядах. Такой оборот не мог удовлетворить Чжамуху, и он дал весть Чингисхану о примерном плане действий — так он мог и договориться с Чингисханом, чтобы сохранить своих людей и дать возможность перебить побольше кэрэитов: «Как ни прыток был Ван-хан, а оказался-то позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде — пусть анда воспрянет духом!» И Чжамуха тайно послал Чингисхану такое уведомление: «Спрашивал меня Ван-хан, кто у сынка Темучжина в состоянии принять бой. А я ответил ему, что передовым отрядом „туму“ пойдут Уруудцы и Манхуудцы. В виду этого и они тоже порешили сделать передовым отрядом своих Чжиргинцев и пустить их впереди всех. За Чжиргинцами по уговору назначили Тумен-

¹ Т. е. сообщения свидетелей заговора Чжамухи, Нилха-Сангума и Ван-хана.

Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь к Дунхайтам назначили Хорншилемун-тайчжия, начальника Ван-хановской тысячи турхаудов. В тылу же его будет стоять, согласно этому уговору, Ван-ханов Великий средний полк. Потом Ван-хан сказал мне: „Управляй этим войском ты, брат Чжамуха!“ и таким образом возлагал управление на меня. Если в это дело вникнуть, то выходит, что друг-то он на час. Как можно вместе с ним править своим войском? Я и раньше не мог сражаться с андой. Но Ван-хан, пошел, видно, дальше меня. Не бойся же, анда, дерзай!» [16, с. 131].

Решительное сражение сторон произошло там же, при Мао-Ундур. Оно оказалось очень кровопролитным для всех, но, видимо, побежденным был Чингисхан. Если по СС ясно только то, что войска сторон понесли большие потери и об? войска отошли, то Рашид ад-Дин говорит о поражении Чингисхана определеннее: «[Тогда] Сангун атаковал [войско Чингиз-хана]. Они поразили его в лицо стрелой, в результате этого натиск войска керайтов ослаб и они остановились. Не случись же этого, [Чингиз-хану] грозила опасность полного урона... В силу многочисленности керейтов Чингиз-хан не смог устоять [перед ними] и отступил. Когда он обратился вспять, большая часть войска покинула его, он же ушел в Балджиунэ» [38, с. 125—126]. С наступлением темноты Чингисхан тайно увел остатки своего войска. Он ушел только с 2600 человек (по СС: «Между тем Чингис-хан, двинувшись с Далан-Нэмургеса вниз по течению Халхи, произвел подсчет войска. По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхудцев — по восточному берегу реки» [16, с. 133]) или с 4600 человек по другим данным ([28, с. 169] и [38, с. 126]) в труднопроходимые и болотистые места на р. Балчжуна (Балчжун-арал), где люди Чингисхана «выжимали воду из грязи и пили» [38, с. 126]. Поражение было тяжелое и количество людей, оставшихся у Чингисхана, было столь невелико, что все бывшие с ним в Балчжун-арале позднее получили специальное название и привилегии: «Группа лиц, бывших в то время

вместе с Чингиз-ханом в Балджиунэ, была немногочисленна. Их называли Балджиунту, т. е. они были с ним в этом месте и не покинули его. Они имеют установленные права и отличны перед другими» [там же].

Ван-хан нанес такое поражение Чингисхану, которое могло все закончить для последнего. Однако, уйдя в Балчжун-арал, Чингисхан дипломатическими маневрами и пропагандистско-подрывными действиями смог, с одной стороны, поколебать единство союзников и единомышленников Ван-хана и его сына Нилха-Сангума (т. е. Алтана, Хучара, Тогорила и Чжамухи) [56; цз. 1, с. 10], а с другой — усилить бдительность Ван-хана, пока сам собирал силы. В этом ему помогла уверенность Ван-хана, что он окончательно разгромил Чингисхана [96, с. 133]. Понемногу к Чингисхану стали возвращаться люди — «часть войска и некоторые племена вновь примкнули к нему» [38, с. 126]. Одновременно готовилась операция, по уничтожению Ван-хана и его окружения¹. Чингисхан поставил все на эту единственную операцию, для которой только и было у него сил. Он не имел возможности разбить в прямом столкновении ополчение кэрэитов, и выход был в уничтожении верхушки чифдома кэрэитов — этот расчет основывался на понимании Чингисханом сущности власти в кочевническом протогосударстве, ведь улус в первую очередь — это люди, его составляющие. То, что Чингисхан мыслил стратегически, выбирая эту цель как важнейшую для решительного перелома в свою пользу, ясно из его слов в 1206 г., когда он распределял «тысячи» среди своих заслуженных соратников: «В Керейтском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Керейтский народ. Когда же мы, таким образом, выключили из объединения главнейший улус, то Найманы и Меркиты пали духом и не смогли уже оказать нам сопротивления» [16, с. 162]. С чисто военной точки зрения, решение это было идеальным — аналогичную ситуацию многие вспомнят по хрестоматийным событиям гражданской войны, когда подобным образом, через внезапный удар по отдалив-

¹ Она подробно рассматривается ниже, в разделе о разведке монголов.

шемуся от основных сил штабу, удалось нейтрализовать дивизию В. И. Чапаева, опасную в прямом бою для противника. С кэрэитами Чингисхан это проделал блестяще — комбинация дипломатических, разведывательных и диверсионных мероприятий была четко выстроена и точно исполнена. Внезапное нападение на ни о чем не подозревавшего Ван-хана и его немногочисленную охрану увенчалось успехом. Его ближайшие помощники были уничтожены, сам он с сыном бежал, но на полпути Ван-хан повстречался с найманским отрядом, командир которого имел личные счеты с Ван-ханом. Этот найман убил последнего кэрэитского хана и отнес его отрубленную голову найманскому Таян-хану [38, с. 134]. Не намного пережил отца Нилха-Сангун — убежав в мусульманское приграничье, он некоторое время там добывал себе средства набегами, пока достаточно сильный отряд уйгуров не настиг и не уничтожил его вместе с его людьми [56; цз. 1, с. 12].

Путь к гегемонии в монгольской степи для Чингисхана был теперь открыт. Значение этого события трудно переоценить — подручный хан одного из самых крупных протогосударств в монгольских степях резко поменял там всю политическую ситуацию за какие-то год-два. Присоединив к себе улус Ван-хана («Ниспровергнув таким образом Керейтский народ, он приказал раздавать его во все концы» [16, с. 140]), Чингисхан стал теперь вровень со всеми оставшимися вне его власти группировками монгольских племен — найманами и их союзниками, вместе взятыми. Не удивительно, что события по разгрому кэрэитов потрясли современников. Вплоть до XVII в. сохранялись у потомков монгольских завоевателей Сибири эпические предания о них — так, в Сибирских летописях зафиксирована легенда о возникновении Сибирского царства с элементами этих преданий. Она изложена в Строгановской, Ремезовской и Есиповской летописях: «Бе царь Моаметова закону именем Он. И воста на него его же державы от простых людей имянем Чингис и шед на него, яко разбойник, с прочими, и уби царя Она, и царство сам приемлет Чингис» [ПСРА т. 36, с. 46].

Это резкое изменение политической ситуации не осталось незамеченным найманским улусом, его глава Таян-хан ясно выразил суть дела: «Говорят, что в этих пределах появился новый государь, — а подразумеваемый им был Чингиз-хан, — мы твердо знаем, что [на небе] назначено быть солнцу и луне вдвоем, но как быть на земле двум государям в одном владении?» [38, с. 146]. В этом с ним был солидарен и Чжамуха, который сделал последнюю ставку в своей игре, присоединившись к найманской коалиции против Чингисхана. Найманское племенное объединение среди подобных в монгольской степи ближе всех было к созданию полноценного государства. У них была развита письменность на базе уйгурской, имелась развитая государственная канцелярия и даже система сбора налогов. Для этого найманы обладали уже и необходимым «чиновничьим» аппаратом. По некоторым оценкам, войск у найманской коалиции было до 50—55 тыс. человек (у Чингисхана — порядка 45 тысяч) [163, с. 33], так как к ней присоединились все остатки ранее разгромленных Чингисханом обоков.

Таян-хан в союзе с Чжамухой сколотил разношерстную коалицию и «вместе с главой обока меркитов Тохтоа, главой обока кэреитов Алин-тайши, главой обока ойратов Кутукэбэки, и обоками дорбенов, татар, катакинов, салджиутов развернул очень сильное войско» [56; цз. 1, с. 12]. Было предложено присоединиться к ней и главе онгутов¹ Алахуш-дигитхури, но тот предпочел сообщить обо всем Чингисхану: «Он^{II} отправил к Онгудскому Алахуш-дигитхури посла, по имени Торбидата, с таким сообщением: „Сказывают что там на севере есть какие-то ничтожные Монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступаю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки.“ Алахуш-дигитхури ответил: „Я не могу быть твоею правой рукой“. Дав ему такой ответ, Алахуш-дигитхури отправил к Чингис-хану посла, по имени Ю-Хуна-на, и сообщил: „Найманский Таян-хан собирается притти и

¹ Монгольская народность, кочевавшая вдоль Великой китайской стены, в то время — вассал Цзинь.

^{II} Т. е. Таян-хан.

отобрать у тебя сайдаки. Он присылал просить меня быть у него правой рукою, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить. А то, чего доброго, явится он, и не останется бы тебе без сайдаков!"» [16, с. 143]. Таким образом у Чингисхана было время подготовиться.

Одновременно с этими событиями, весной 1204 г., Чингисхан провел мероприятия по реорганизации своей армии. Необходимость их выявилась на курултае в долине реки Темен-кесре: «Государь сделал большой сбор у реки [в] Темен-кесре, чтобы обсудить карательный поход на найманов. Все подданные ввиду худобы весенних коней говорили, что необходимо ждать осенней высоты [трав]» [56; цз. 1, с. 12]. Выход из положения предложил брат Чингисхана Бельгутаи, и его план действий был принят кааном: «Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Суюкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов, — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту-дурайн). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелепо управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: „Стрельцы, турхауты, кешиктены кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту

пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными кебтеулами и несут караульную службу вокруг". Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенев в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе» [16, с. 144].

Таким образом десятичная система была принята за основу войска, причем ее комплектация производилась не столько по родовым подразделениям (как это было принято в предыдущих десятичных системах других кочевников, начиная с хунну), а по принципу целесообразности и по решению каана-главнокомандующего. Кроме того, вводились должности, отделенные от родовых старейшин, т. е. войсковые командиры и управители хозяйством улуса, назначаемые лично кааном — тысячники, сотники и десятников, а также черби. И наконец, ближняя к Чингисхану дружина стала гвардией-кешигом, которая стала опорой каана против оппозиции внутри улуса. Ведь в традиционной дружине-нукуде нукеры имели «свободное принятие обязанностей по отношению своего господина» [74, с. 87]. Закономерно, что первыми гвардейцами-кешиктенами стали его первые нукеры — Боорчу, Мухали, Чилаун и Борохул [116, с. 150]. Таким образом, Чингисхан делает из самых близких нукеров личную гвардию, не связанную ни с кем, кроме своего повелителя. Теперь она выделена в особое подразделение из 150 человек, ставшее, по выражению Б. Я. Владимирцова, «эмбрио-армией и эмбрио-гвардией... своеобразной военной школой» [74, с. 91]. В дальнейшем роль кешига только возрастала, эта «гвардия» со временем стала одним из главных несущих элементов государства Чингисхана. А пока все это значительно сцементировало Чингисханов улус образца 1189—1203 гг.

Эти мероприятия сразу оценил Чжамуха: «Как только Чжамуха-сечен издали увидел боевой порядок войск Чингисхана, он обернулся к своим нукерам и сказал: „Знайте, что приемы и боевой порядок моего побратима стали иными! Племя найман не оставит никому другому даже кожу с ног быков, а от них никому не достанется прибыли!“» [38, с. 149]. Тут надо пояснить замысловатые слова Чжамухи про найманов, которые привел РД, ведь смысл их довольно запутан, а ЮШ все сказано яснее: «Когда Чжамуха пришел к Таян-хану и увидел, что государево войско исполнено твердого порядка, то сказал окружающим так: „Найманы поначалу подняли войска и рассматривали монгольское войско как несмышленных и беспомощных ягнят, полагая, что уже не оставят [от них] копыт и шкур. А теперь я вижу их [монголов] дух и силу, и как бы не пора уходить!“» [56; цз. 1, с. 13]. С дальнейшими событиями, изложенными в «Юань ши», согласен и Рашид ад-Дин, сообщивший, что Чжамуха «отделился от них, выехал вон из рядов и ускакал с поля битвы» [38, с. 149]. Это поле битвы было на плоскогорье Наху-гун, там монголы сломали сопротивление коалиции найманов и практически всех найманских воинов перебили вместе с их предводителем Таян-ханом, а остальные обоки сдались на милость: «Государь ожесточенно сражался с войском найманов вплоть до вечера, захватил и убил Таянхана. Войска всех обоков были сразу все разгромлены, ночью бежали горными кручами, тех, кто упал со скал и погиб, невозможно было всех и подсчитать. На следующий день остатки полностью капитулировали. Тогда дорбены, татары, катакины и салджиуты, всего 4 обока, тоже пришли и покорились» [56; цз. 1, с. 13]. Части найманов, во главе с сыном Таян-хана Кучлуком, все же удалось бежать: «Кучулук-хан, который стоял отдельно, с небольшим числом людей успел бежать. Настигаемый нашей погоней, он построился куренем у Тамира, но не смог там удержаться и бросился бежать дальше» [16, с. 150], к своему дяде Буюрук-хану на Алтай.

Разгромив найманов, Чингисхан послал карательный отряд против меркитов: «Вслед за тем снова ходили каратель-

ным походом на обок меркитов. Их глава Тохтоа бежал к младшему брату Таян-хана Буюрук-хану» [56; цз. 1, с. 13], т. е. в долину р. Иртыш на Алтае. Дело этим не закончилось — весной 1205 г. Чингисхан добил их остатки в районе р. Бухтармы, где Тохтоа-беки и был убит. А Кучлук опять бежал — сначала к уйгурам, а потом и дальше. Это бегство отдалило расправу с ним до 1218 г., так как бежавшие найманы добрались до государства каракиданей в Туркестане и вскоре захватили его. Вплоть до западного похода Чингисхана в Туркестан Кучлук владел частью его территории. Так, покорением меркитов и закончилась война за гегемонию в степи, в которой победил Чингисхан. По иронии судьбы он начал свой путь к ней с поражения от меркитов и закончил разгромом последних. Теперь Чингисхан мог целиком сосредоточиться на государственном строительстве и начать первые шаги по внешней экспансии (в 1205 г. состоялся первый разведывательный набег на государство тангутов Си Ся).

После гибели всех крупных племенных объединений, которые могли противостоять в открытом бою Чингисхану, у Чжамухи больше не оставалось союзников. Он вернулся к состоянию главаря небольшой степной шайки, и конец его был предопределен — его выдали Чингисхану его же товарищи. Это произошло в конце 1205 г., согласно сведениям СС: «Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Убили как-то, взобравшись на гору Танлу, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: „Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами!“ Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану» и по приказу Чингисхана «тогда предали смерти Чжамуху» [16, с. 154, 158]. Теперь Чингисхан стал полным хозяином монгольских степей и мог закрепить свое положение курултаем всего народа.

В феврале-марте 1206 г. у истока реки Онон ([56; цз. 1,

с. 13) был собран «великий курилтай» [38, с. 150], где Чингисхан принял звание каана¹, т. е. «императора». В подробном изложении этого события у Рашид ад-Дина есть несколько важных деталей: «Когда благополучно и счастливо наступил год барс, являющийся годом барса, начинающийся с раджаба 602 г. х. [февраль-март 1206 г.], в начале весенней поры Чингиз-хан приказал водрузить белый девятиножный бунчук и устроил с [присутствием] собрания [полного] величия курилтай. На этом курилтае за ним утвердили великое звание „Чингис-хан“, и он счастливо воссел на престол. Утвердившим это звание был Кокэчу, сын Мунлик-беки-эчигэ из племени конкотан, его звали Теб-Тенгри» [38, с. 150]. Дело в том, что многие историки сомневаются в сообщении СС о принятии Темучжином звания Чингис еще на первых выборах его ханом в 1189 г., но в сообщении РД это косвенно подтверждено следующим выражением — «утвердили великое звание „Чингиз-хан“. Кроме того сообщение у мусульманина Рашид ад-Дина о шаманском участии в возведении в хаганы довольно важно — это означает существование определенной роли религии монголов в формировании их государственности. А это еще один довод в пользу развития Чингисханом полноценных государственных институтов. Другое дело, что с созданием общенациональной религии у него не получилось, но понимание ее роли в государственном строительстве у Чингисхана было [117, с. 84]. Начиная с курултая 1206 г. Чингисхан ведет последовательное созидание настоящего государства.

§ 10. Переход Чингисхана к внешней экспансии и его причины

После достижения Чингисханом объединения власти в степи под своим началом его политика постепенно переключается на внешнюю экспансию. Тут надо отметить, что перед консолидированным монгольским улусом задачи внешней экспансии встают довольно рано — пока еще не окончена

¹ Более привычные «хаган» или «каган» в тюркской огласовке.

реформа армии и перестройка государственного аппарата, уже производится первая военная акция против соседей. В 1205 г. зафиксировано в источниках ([56; цз. 1 с. 13]) нападение на государство Си Ся (Тангут). Вообще же цели этого похода в плане территориальных завоеваний не были главными, скорее это был поход локального значения, больше для грабежа и своеобразной пробы сил монголов, только что объединенных Чингисханом. По сути он представлял собой крупномасштабный набег, который также имел характер разведки. Но, разумеется, и от добычи никто не отказывался — разграбление областей Тангута и взятие большого числа верблюдов оказались главным результатом набега, наряду с накопленным опытом действий против оседлого государства и разведывания территории Си Ся. В этом набеге отразились многие характерные черты будущих войн монголов, которые имели уже иной размах.

Расширение деятельности вовне — закономерный процесс для кочевников. Предшественники монголов, другие строители «кочевых империй», кидани и чжурчжэни, прошли аналогичный путь от кочевого протогосударства к полноценной империи через экспансионистский этап. Как заметил исследователь чжурчжэней М. В. Воробьев о феномене их резкого взлета: «Быстрота роста¹ при узости экономической базы и скудости государственных и культурных традиций обеспечивалась в основном за счет экстенсивного, т. е. военного, развития» [75, с. 116]. Этот вывод в полной мере применим и к державе Чингисхана. Другим немаловажным фактором, толкавшим к внешней экспансии, была сама природа экономики кочевников — ведь она «может развиваться только за счет расширения используемых пастбищных ресурсов» [104, с. 29]. Эта истина входит в сознание кочевника с малых лет — монгольская пословица гласит: «Без травы нет скота, без скота нет пищи».

Пока шла война внутри монгольских степей, эти ресурсы отбирались у побежденных обоков (или, точнее, побежден-

¹ Государства чжурчжэней.

ные, став *ongu bogol*ами, кочевали так, как это было угодно и выгодно победителю). Но когда все племена оказались «крепостными вассалами» Чингисхана, отбирать что-либо для дележа в степи стало не у кого. Соответственно выходом была внешняя экспансия, в сторону ближайших оседлых соседей. Тем более что традиция набегов на них имела давнюю историю. Поэтому правомерным представляется характеристика данная Б. Я. Владимирцовым монгольскому объединенному государству, которое, по его словам, «еще долго продолжало вести себя по отношению к... культурным народам, как разбойничья шайка» [74, с. 86].

Весьма характерно простодушное высказывание Бедэ одного из монгольских нойонов Чингисхана, насчет зря пропадающих (с точки зрения кочевника) китайских земель: «Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех. Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища!» [44, с. 73]. На момент начала внешней экспансии монголов у них еще не было полученных по наследству от развитых оседлых государств умных и цивилизованных советников вроде Елюй Чуцая, который отговорил Чингисхана следовать совету Бедэ. Поэтому в 1205—1209 гг. монголы руководствовались лишь подобными идеями, которые, как выяснилось, дожили в сознании монгольской аристократии вплоть до времени «последнего карательного похода Тай-цзу на запад» [там же], т. е. до конца 1220-х годов.

Сразу после курултая 1206 г. Чингисхан начинает раздавать уделы-улусы своим сыновьям и членам своего уруга или «золотого рода». И характерно, что уже на следующий год, в 1207 г., Чингисхан «жалует» своему старшему сыну Джучи такой удел кочевья «лесных народов» и киргизов, вместе со всеми народами, на них кочующими. Причем такое «пожалование» производится через посылку войска к этим племенам: «В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам» [16, с. 174]. В данном случае очевидна неразличимость для монгольского владыки внешнего военного

похода и приведения «к покорности» племен, которые становятся его новыми подданными.

Такое соединение интересов по расширению кочевых ресурсов — пастбищ и людей-работников — и по получению военной добычи в ходе грабежа оседлых народов, с потребностями внутренней политики (интерес в наделении новыми удеслами и удовлетворение appetитов нойонства, поддерживавшего хана), в итоге и породило для державы Чингисхана мощные стимулы к внешней экспансии. Но все это было бы не столь важным, если бы в руках Чингисхана не имелось средства для исполнения данных стремлений — его государства, с его аппаратом, имевшим в своей основе мощные военные силы.

Глава III

Аппарат государства Чингисхана и его преемников

§ 11. Реформы 1204—1206 гг. и обзор государственного строительства Чингисхана

Государство Чингисхана в своем развитии имело две стадии — стадию традиционного протогосударства-чифдома (1189—1206 гг.) и стадию строительства полноценного государства нового типа (начавшуюся в 1204 г. с реформ в армии и продолжившуюся после великого курултая 1206 г.). Первая закончилась с разгромом найманов, когда Чингисхан консолидировал основные монгольские племена, принял императорский (хаганский) титул каана и приступил к плану реформирования армии и строительству государственного аппарата. Надо сказать, что самая популярная ныне на Западе теория государственности в кочевых обществах, выдвинутая В. Айронсом и поддержанная Т. Барфилдом (изучавшим конкретно монголов), нашла своих сторонников и среди отечественных исследователей (см. [169, с. 11—12]). Суть ее в том, что, не будучи внутренне мотивированным (как это уже отмечалось выше), государство кочевников не достигает статуса полноценного, поэтому и для государства Чингисхана отрицается его полноценность. Но, как мы покажем ниже, государство Чингисхана тем не менее вышло за пределы состояния протогосударства-чифдома или «имперской конфедерации».

Начиная с «великого курултая» Чингисхан настойчиво проводит свои реформаторские мероприятия, постепенно наделяющие зачатки государственного аппарата его улуса-чифдома функциями нормального государства. Действия Чингисхана не были спонтанными, у него имелся осознанный курс на преобразования — это можно понять из обращения

Чингисхана к Шиги-Хутуху на курултае 1206 г.: «Когда же с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания!» [16, с. 159]. Данные преобразования коснулись в первую очередь тех структур его улуса, которые были ответственны за следующие сферы деятельности — устройство военно-полицейского аппарата, ведение улусного хозяйства, правосудие и внешняя политика. Тут нужно отметить, что так сказать «экономический блок» государства Чингисхана не подвергся радикальным преобразованиям — например, не была создана развитая налоговая система, которая долго оставалась на достаточно примитивном уровне вплоть до царствования Угэдэя, преемника Чингисхана.

Нетрудно понять, почему Чингисхан начал реформы с армии, — это логично проистекало из военно-феодальной сущности строившегося им государства. Поэтому зачатки реорганизации старой системы видны уже с 1204 г., когда Чингисхан начал преобразования именно с военных сил своего улуса: реорганизация была продолжена и развита в результате курултая 1206 г. Последствия реформ для военного устройства державы монголов более подробно рассматриваются ниже, в параграфах 13—16, в которых изложены основные сведения о монгольской армии, ее структуре и организации, а также динамике ее развития. Здесь, в обзоре государственных мероприятий Чингисхана, затронем только вопросы их хронологии и общей характеристики.

Важнейшим делом среди реформ Чингисхана было учреждение его личной гвардии — кешига. Описание этого события в источниках приводилось выше, теперь стоит его проанализировать. Основное его значение заключалось в том, что: а) впервые у Чингисхана появилось орудие осуществления его личной власти, не зависящее от традиционного родового уклада и способное оказывать влияние даже на дружину (нукеров); б) имея такое орудие, Чингисхан мог теперь создавать управленческие структуры, подкрепленные аппаратом насилия; в) из нее же (т. е. гвардии-кешига) набирались такие кад-

ры руководителей этих структур, которые были бы в полной воле своего каана, а не родовых авторитетов.

Сразу отметим, что этот первый шаг Чингисхана к полноценному государству, выразившийся в учреждении гвардии как органа власти, уже отделенного от родовых традиций и подчиненного только своему государю, не был вполне оригинальным — в другом чифдоме (тоже близко подошедшем к переходу в полноценное государство), а именно — кэрэитов Ван-хана, уже существовала подобная гвардия («скачет Хорилемун-тайчжи, во главе тысячи Ван-хановских гвардейцев-турхаудов» [16, с. 130]). Однако для чифдома кэрэитов шанса развиться уже не оказалось — как известно из вышеизложенного, в 1203 г. данное протогосударственное образование прекратило существование вместе со своей элитой. При этом народ улуса Ван-хана вошел в состав улуса Чингисханова и, несомненно, внес свой опыт государственности в общемонгольское объединение.

Чингисханова гвардия-кешиг, как уже отмечалось, стала эмбрионом многих властных структур — в первую очередь военных и полицейских. Последнее стало серьезным нововведением, достаточно вспомнить, с каким трудом Чингисхану удавалось до определенного периода подавлять вызовы своему лидерству. Только наличие охранного органа, функции которого выполнял кешиг, позволило ему перевести решение задач государственного насилия на регулярную основу. Имея такой мощный стабилизатор власти каана, как личная гвардия, Чингисхан смог далее навязать внутреннюю дисциплину во всех структурных единицах по принципу круговой поруки. Введение круговой поруки как основы административной единицы зафиксировано в источниках — дело в том, что в ЮШ используются для описания самой низшей организационной единицы у монголов, т. е. «десятка», иероглифы, имеющее значение «десяток круговой поруки». Аналогичной порукой были скреплены и руководители этих единиц, что связывало всю иерархию военно-административной системы государства Чингисхана сверху донизу. Дисциплина в войсках

(и государстве вообще) монголов поддерживалась как снизу, через круговую поруку и ответственность всех за каждого, так и сверху — через внешнюю охранную структуру, т. е. кешиг.

Кроме учреждения гвардии и развертывания ее в отдельный тумен в военном устройстве своего государства Чингисхан осуществил ряд преобразований и нововведений. Сохраняя внешне старую десятичную систему, присущую кочевникам Центральной Азии, подразделенную на крылья — «левое» (джунгар), «правое» (барунгар) и «центр» (кель), которые были подчинены ближайшим соратникам каана, Чингисхан наполнил ее новым содержанием — формирование десятков, сотен и тысяч проводилось не по старому принципу родовых ополчений, а по решениям высшей власти государства, т. е. самого каана. Данные десятичные подразделения теперь формировались из разных, не обязательно родственных, «кибиток», что давало возможность рационально распределять по унифицированным военным частям, так сказать, «призывной контингент». Что, помимо всего прочего, сильно ускорило процесс создания единой монгольской народности вместо набора разнообразных родоплеменных объединений. Для такой однородной военной системы Чингисхан теперь мог ставить на офицерские и полководческие должности людей своего ближнего круга (в первую очередь из гвардии-кешига), не оглядываясь на родовые традиции.

Другим важным направлением реформы было создание письменного закона, действительного для всего государства, ставшего его правовой основой вместо хаоса родоплеменной традиции. Таковым стала «Великая Яса»¹, которую Чингисхан ввел на великом курултае 1206 г., точнее ее первую редакцию [71, с. 7], состоявшую пока только из сборника законов («Ясы») и приказов каана. Вопреки мнению В. А. Рязановского, специально исследовавшего вопрос, «Яса» представляла собой не просто кодификацию обычного права монголов [162,

¹ Она содержала собственно Ясу — кодекс законов, и билик — сборник приказов, уждений и поучений Чингисхана по разным поводам, «Эке ясак билик» по-монгольски.

с. 10], а новую правовую систему, призванную «создать новые нормы права в соответствии с нуждами новой Империи, для постройки которой прежнее родовое государство было лишним исходным пунктом» [71, с. 33]. Окончательное соединение в «Великую Ясу» собственно «Ясы» и подборки приказов, наставлений и поучений Чингисхана (т. е. билики) произошло скорее всего после его смерти, уже при Угэдэе.

Сторонники радикального подхода к вопросу государственности монголов при Чингисхане, отрицающие факт построения им полноценного государства, стараются преуменьшить роль «Великой Ясы» в жизни монгольского общества. В основном это сводится к утверждениям, что «Великая Яса» не более чем иное название обычного права, которое в разных ситуациях в «Сокровенном сказании» называют то «ясак», то «йосун», то «торе» [169, с. 44], а также высказывают мнение, что «Великая Яса» как кодифицированный документ была создана позднее и функционировала только в мусульманских государствах, выделившихся после распада монгольской империи [там же]. Последнее аргументируется тем, что в Китае «Великая Яса» была неизвестна. Но это заблуждение — помимо прямых упоминаний (правда весьма редких) в китайских документах квадратного письма и в «Да Юань тун-чжи»¹ [71, с. 6, 36], есть еще цитирование положений «Великой Ясы» в ЮШ под названием «Да фа лин»¹¹, букв. «Великие законы и распоряжения», калька с монгольского названия «Эке ясак билик»¹.

Сообщение ЮШ об оповещении Угэдэем монгольского народа на курултае 1234 г. о новой редакции «Великих законов и распоряжений» в части военных законов перекликается с сообщением Рашид ад-Дина о других законодательных распоряжениях на этом курултае [39, с. 36]. При этом видна своеобразная рокировка: указы о почтовом яме и копчуре, принятые по сведениям РД на курултае 1234 г., записаны в ЮШ как

¹ Кодекс законов «Всеобщие законы Великой Юань», сохранившийся фрагментарно в виде выдержек из него под названием «Юань дэнь-чжан».

¹¹ В тексте ЮШ стоит 大法令 «Да фа лин».

решения курултая 1229 г., на котором «была обнародована Великая Яса¹» [55; цз. 2, с. 10], т. е. тогда же, когда по сведениям РД Угэдэй подтвердил «Великую Ясу» (т. е. «Да фа лин» по ЮШ) в части биликов Чингисхана. Вот как об этом пишет Рашид ад-Дин: «Когда каан утвердился на престоле государства^{II}, он сперва издал [такой] закон: «Все приказы, которые до этого издал Чингиз-хан, остаются по-прежнему действительными» [39, с. 20]. В то же время среди решений курултая 1234 г. ЮШ отмечает усиление положений «Великой Ясы», касающихся ответственности за воинские преступления, а РД сообщает про курултай 1229 г. в частности то, что на основе «Великой Ясы» были наказаны недовольные в войсках: «всех недовольных... заставил замолчать... упомянутой Ясой» [39, с. 20]. Налицо перестановка фрагментов из общего для Рашид ад-Дина и сводчиков ЮШ первоисточника, которые РД и сводчики ЮШ разнесли на разные курултаи — 1229 и 1234 гг. Тут, правда, не ясно, во время каких курултаев что именно принимали, но скорее всего основные решения — подтверждение «Великой Ясы», утверждение налогов и ямской службы — были приняты в 1229 г., как первоочередные дела вновь избранного каана. А вот военные положения Ясы могли быть отредактированы в 1234 г., т. е. тогда, когда шли споры о способах реализации планов больших походов на Запад и в Китай, закончившиеся только в 1235 г.^{III}, и когда развернулась подготовка войск для них, включавшая совершенствование военного законодательства.

Из всех этих фактов можно сделать тот вывод, что если в мусульманских частях монгольской империи «Великую Ясу» взяли за основу для дальнейшего приспособления к своим реалиям, то в юаньском Китае она была довольно быстро подменена (или трансформировалась почти до неузнаваемости) привычными для основной массы окитаившейся бюрократии формами правовых регуляторов и растворилась в законодательстве, мало отличающемся от традиционного китайского,

^I В тексте стоит 大法令.

^{II} Речь идет о 1229 г.

^{III} См. сообщение из надгробной надписи на могиле Елюй Чуцяя [44, с. 78].

так что только по отдельным рудиментам мы можем предположительно реконструировать ее первоначальные положения.

Причем можно примерно определить когда этот процесс набрал силу — к началу XIV в., когда началось массовое возвращение пораженных в правах китайцев на чиновничьи должности, а прослойка сэмужэнь (точнее, их потомков) китаизировалась. Кстати, именно в этот период зафиксированы юаньскими историографами серьезные пробелы в наличии первичных документов по правлению Чингисхана¹ — ведь «Великая Яса», как и прочие «синие тетради» («Коко-дефтербичик» в СС) монгольских ханов, хранилась в секретных хранилищах и была недоступна основной массе (среднего и низшего звена) китайской бюрократии. Поэтому в мусульманских источниках от первоначальной «Великой Ясы» хотя что-то сохранилось², тогда как в китайских она еле видна и требуется тщательный критический анализ для выявления ее фрагментов. Но все это вовсе не отрицает факта ее существования в период единства монгольской империи, т. е. по крайней мере до 1260 г. Поэтому доказанный факт существования единого писанного законодательства (пусть и с достаточно узкой сферой применения) является сильнейшим аргументом в пользу полноценности создаваемого в 1206 г. Чингисханом государства монголов.

Существование «Ясы» при Чингисхане было еще промежуточным этапом к созданию настоящей, структурированной и регулярной, правовой системы. Ведь Чингисхан не был правоведом, его шаги по созданию законодательства — это шаги практика, опирающегося на свой опыт и здравый смысл, а не на достижения развитой цивилизации. Совершенно верно оценив стоявшие задачи государственного строительства, он создал только то, что он мог создать на основе данного уровня культуры монгольских кочевников и своего личного кругозора.

¹ См. подробнее в разделе «Критический обзор источников и литературы» в Дополнении.

² В первую очередь это заслуга таких высокопоставленных чиновников ильхананта, как Рашид ад-Дин и Джувейни.

Потому-то созданная им правовая система, наряду с крупным шагом вперед к регулярности (кодификацией обычного права и фиксацией его на бумаге — т. е. создание «Ясы»), имеет также специфические черты, присущие первоначальным обществам. К ним относится смешение воедино писанных законов («Яса») с набором частных приказов (ярлыков), повелений, поучений и рассуждений (биликов). Все это выросло из привычной традиции, когда вместо письменного закона опирались на толкование «мудрыми людьми» различных частных случаев. Но и тут Чингисхан, сохраняя эту внешнюю форму, кардинально меняет источник права — это теперь не общие традиции и прецеденты из жизни монгольского общества, а он сам, верховный каан, и его воля. Этот процесс замещения родовых обычаев на волю каана так описан Рашид ад-Дином в разделе, содержащем билики Чингисхана: «люди... пренебрегали обычаем [йусун] и законом [йаса]... как только вошло счастье Чингиз-хана, подчинились ему, и его чрезвычайно строгая яса водворила у них порядок» [38, с. 259]. И далее Рашид ад-Дин определяет правовую систему в государстве монголов как «обычай [йусун] и закон [йасак] Чингиз-хана», которых надо «крепко держаться», чтобы не подорвать государственные основы [38, с. 260]. Таким образом, теперь обычай исходил только от каана, что наряду с писанным законом окончательно отделяло источники права от общины и сосредотачивало их в руках главы государства и назначенных им чиновников.

Создание письменных законов логично повлекло другое крупное нововведение Чингисхана 1206 г. — создание должности верховного судьи государства монголов. В «Сокровенном сказании» подробно рассказывается про это решение Чингисхана: «Кроме того он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом: „Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повишных смерти — предавай смерти, повишных наказанию или штрафу — наказуй“. И затем повелел: „Пусть записывают в Синюю роспись «Коко

Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а ранним образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности» [16, с. 159—160]. Причем в функции верховного судьи, как видно из этого распоряжения Чингисхана, входил еще надзор над исполнением повинностей и сбором налогов. Это проистекало из того, что в начальном монгольском государстве повинности и налоги не были четко разграничены, поэтому контролировавший исполнение повинностей (логично, что для этого выбрана правоохранительная структура) автоматически принимал функции и налогового органа вообще.

«Экономический блок» создаваемого государства представляли 16 «служб», которые ведали своими участками по ведению хозяйства «Хамаг монгол улус». По сравнению со старым порядком они имели уже письменную базу («синие тетради») для фиксирования повинностей, распределения пастбищ и тому подобных хозяйственных вопросов. Все это вносило регулярность в экономическую деятельность и переводило на иную, чем раньше, основу способы контроля за ней — от обычая к письменному праву, подкрепленному аппаратом насилия, сосредоточенным в руках хана и его рода. Но в остальном инерционность форм ведения кочевого хозяйства определила отсутствие каких-либо серьезных изменений в самой сути кочевого хозяйствования.

Подытоживая обзор реформ Чингисхана, нельзя сказать, что не было противодействия тем изменениям, которые вносились в традиционный уклад монгольской жизни Чингисханом в результате его государственного строительства. Конфликт с верховным шаманом Кокочу (или, как его иначе звали, Тэб-Тэнгри), главой партии сторонников старых порядков, окончившийся его убийством, вполне может иметь корни в недовольстве части монголов, остававшихся традиционалистами.

ми. В изложении Рашид ад-Дина этот конфликт выглядит так: «С Чингиз-ханом он говорил дерзко, но так как некоторые [его слова] действовали умиротворяюще и служили поддержкой Чингиз-хану, то последнему он приходился по душе. Впоследствии, когда [Тэб-Тэнгри] стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингиз-хан полнотою [своего] разума и пронизательности понял, что он обманщик и фальшивый человек. И в один день он... принял решение и повелел, чтобы [Тэб-Тэнгри] прикончили, когда он явится в орду и начнет вмешиваться во все его не касающееся» [37, с. 167—168].

Хотя внешне данные события выглядят как появление у Чингисхана соперника, притязавшего на власть в улусе, на самом деле мы видим свидетельство того, что часть родовой «аристократии» была не способна понять, что времена, когда хан был выборный и значение его было не выше, чем у других знатных родовичей, давно прошли. Ведь шаман в своих «наговорах» не только пытался сеять рознь в уруге Чингисхана, чтобы увеличить свою значимость, но он также прямо говорил, что ханство Чингиса вещь временная, а не постоянная: «Тэб-Тэнгри говорит Чингис-хану: „Вечный Тэнгри вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться“» [16, с. 176]. По старой привычке недовольные «аристократы» еще желали «вмешиваться» в дела настоящего повелителя, который уже не стал мириться с подобным поведением, как это было еще недавно в 1196 г. в деле с Сэчэ-беки. Хотя в этом случае Чингисхан некоторое время колебался, но в итоге он задействовал свой личный аппарат власти — гвардию-кешиг — и переломал спины своим противникам, как в переносном смысле, так и в буквальном: «Стоявшие наготове, в сенях за порогом, трое борцов переняли у него Тэб-Тэнгрию, выволокли на двор и разом переломив ему хребет, бросили у края телег на левой стороне двора» [16, с. 178].

Другим возможным признаком существования опреде-

ленной фронды курсу Чингисхана, направленному на окончательный слом родового строя как основы улуса-протогосударства, может быть решение Чингисхана выделить 2000 человек Тохучару перед походом на Цзинь «в целях безопасности от племени монгол, керейт, найман и других, большинство которых он подчинил себе, да чтобы и его орды были также в безопасности» [38, с. 163]. Ведь если одну цель такого мероприятия («чтобы и его орды были также в безопасности») можно объяснить нормальным обеспечением тылов, то упоминание монголов (его родного обока), как тех, от кого надо сторожиться, как раз указывает на имевшееся сопротивление — явное или потенциальное.

§ 12. Внутренний аппарат

§§ 12.1. Охранные органы

В китайской и, шире, в центрально- и восточноазиатской традициях не было резкого разделения между полицейско-карательными операциями и военными действиями¹. Поэтому систему монгольских охранных органов можно называть военно-полицейской. Например, подавление возмущения туматов в 1217 г. надо считать полицейской операцией, но ее размеры — отправлен отряд Борагул-нойона, численностью, видимо, не менее тумена (так как Борохул-нойон занимал высокое положение в воинской иерархии и был равен таким полководцам, как Мухали, Боорчу и Чилаун [38, с. 114]), скорее напоминают полноценную военную операцию. Поэтому использование термина «военно-полицейская» вполне правомерно. Методика монгольских военно-полицейских операций была проста, она представляла собой карательный поход для уничтожения непокорных: «так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то [монголы] множество из них перебили» [37, с. 122].

¹ Заметим, что хотя в тексте ЮШ более или менее регулярно проводится отграничение военных походов «чжэн» от карательных экспедиций «тао», тем не менее в китайской традиции «чжэн» имело также смысл карательной, полицейской операции, а иногда крупный военный поход ЮШ обозначает как «тао».

Довольно рано в государстве Чингисхана военная система разбиения по десятичному принципу от десятка до тумена, созданная как традиционная организация кочевнического войска, восприняла функции административно-полицейские. В масштабах системной единицы — десятка ли, сотни ли — происходила саморегуляция правоотношений. Коротко говоря, система слежения друг за другом позволяла в административных единицах небольших размеров (десяток-сотнятысяча) вести эффективный административно-полицейский надзор. На случай несрабатывания там этой системы — например, массовых волнений или восстаний — начинал работать аппарат уже военного подавления и террора, «усмирение» производилось путем полноценных военных действий как регулярной армией монголов, так и местными вспомогательными отрядами. К таким отрядам, например, относились специальные охранные отряды на караванных путях — так называемые корукчи, о которых сообщает сирийский автор XIII в. Григорий Абуль Фарадж (другое его имя — Бар Эбрей) [69, с. 305].

При этом личная гвардия каана была силой, надзирающей над всем. Не зря Чингисхан постановил на курултае 1206 г., что гвардейцы-кешиктены имеют статус, равный командиру тысячи регулярной монгольской армии: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники» [16, с. 170]. Это особое положение в качестве органа, стоящего над всеми остальными структурами, специально подчеркнуто Чингисханом и через выведение гвардейцев из-под действия регулярного законодательства, кешиктены могли быть осуждены только в особом порядке: «Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения,

над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволяют себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получают возмездие: за палки — палки, а за кулаки — кулаки же!» [там же]. Таким образом, только сам каан был волен казнить или миловать своих гвардейцев, что укрепляло непосредственную связь между ними и их государем и делало кешиктенов послушным орудием его воли.

Для собственно полицейских функций в 10-тысячной гвардии-кешиге существовало подразделение кебтеулов численностью в 2000 человек. Они, как и остальные гвардейцы, несли сторожевую службу по охране каана и его ставки, но были у них и дополнительные обязанности — кебтеулы «заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распорядятся мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые юрты-телеги» [16, с. 196] и надзирают за ведением хозяйства улуса («в ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьки пастухи — темечины и коровьи пастухи... Они же имеют наблюдение и за нашим столом» [16, с. 170]). И при всем этом их основное занятие — полицейская и, шире, правоохранительная деятельность.

Такое соединение казалось бы разнородных функций определялось тем, что на раннем этапе создания аппарата управления его функции не были еще четко разграничены — и сам аппарат был в зачаточном состоянии, и сфера его приложения в достаточно примитивном раннем государстве Чингисхана не являлась точно определенной. А раз так, то и мысль о дальнейшем его структурировании (например, отделении военных учреждений/должностей от гражданских и т. д.) не могла еще возникнуть. Более того, с точки зрения Чингисхана, он правильно соединял охранные функции кебтеулов

с деятельностью в качестве надзирателей и контролеров по хозяйству улуса — для него и то и другое было принципиально одним и тем же, т. е. средством прямого доведения до подданных своей воли. Отсюда соединение в обязанностях кебтеулов чисто полицейских, надзорных, сторожевых и даже судебных функций.

Как уже упоминалось выше, в 1206 г. Чингисхан учредил должность верховного судьи своего государства и назначил на нее Шиги-Хутуху. Здесь тоже существовало смешение функций чисто судебных и надзорных — за верховным судьей оставались обязанности контролера за государственными повинностями и налогами. Опять очевидно простейшее устройство дела — надзирающий за делом государственной важности сам же и наказывает за его неисправное ведение². Из той же логики и кебтеулы наделены судебными функциями: «Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху» [16, с. 173].

§§ 12.2. Законодательство («Великая Яса»)

До построения полноценного государства монголы использовали обычное право — его вполне хватало для регулирования отношений как внутри одного обока, так и между соседними обоками. С созданием государства, с усложнением взаимоотношений, потребовалось привести в систему нормы обычного права, а главное — приспособить их к изменившимся обстоятельствам: где-то расширить его нормы на большее число объектов, а где-то, наоборот, сузить до конкретной сферы применения. И все это нужно было свести воедино и кодифицировать. Поэтому фигурировавший на страницах «Сокровенного сказания» так называемый «Эке торе» (Великий закон), т. е. просто обычное право, после 1206 г. сменяется кодифицированной «Ясой».

К сожалению, о «Ясе» мы можем судить только по краткому перечислению её статей Бар Эбреем и по некоторым сохранившимся фрагментам её текста, причем их весьма трудно разделить в хронологическом порядке, так как наибольшие по объему тексты относятся к XV в.³ Проблема заключается еще

и в том, что источники, сохранившие эти фрагменты, имели дело уже с «Великой Ясой», где были соединены собственно «Яса» и билики Чингисхана.

С другой стороны, сохранившиеся у Джувейни и Рашид ад-Дина билики Чингисхана не все входили в «Великую Ясу». Есть несколько попыток реконструировать первоначальный текст как собственно «Ясы», так и «Великой Ясы», сделанных разными исследователями. Наиболее проработанными в этом направлении представляются исследования В. А. Рязановского и Г. В. Вернадского. На базе их результатов и с использованием источников, содержащих фрагменты «Великой Ясы», приведем основные положения регулярного законодательства монгольского государства, созданного Чингисханом. Они будут изложены в двух частях — как относящиеся к собственно «Ясе», так и входившие в состав биликов из «Великой Ясы».

Сохранившиеся статьи «Ясы»¹, сгруппированные по их тематике (использованы данные Бар Эбрея, Джувейни, Рашид ад-Дина, Макризи и других):

І. Международные отношения

«Когда нужно писать бунтовщикам или отправить к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться — что мы знаем? Бог всевечный знает, что с вами будет» (по Бар Эбрею [71, с. 53]).

ІІ. Религия и табу

1. «Должно возвеличивать и уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени, а злых и неправедных презирать» (по Бар Эбрею [71, с. 53—54]).

2. «Хоть и принимают они (разные) веры, но от изуверства удаляются, и не уклоняются от Чингисхановой ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать» (по Джувейни [71, с. 43]).

¹ В поздних монгольских источниках есть указания на то, что «Яса» Чингисхана состояла из 35 правил/статей, см. [18, с. 350].

3. Чингисхан «установил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному» и «дома Божия и Его служителей, кто бы ни был — щадить, оставлять свободными от налогов и почитать их» (по Макризи [71, с. 19]).

4. Яса, чтобы «не резали баранов, а рассекали им по обычаю монголов грудь, и всякого, кто зарежет барана... убивать таким же способом, а его жену, детей, дом и имущество отдавать доносчику» (по Рашид ад-Дину [39, с. 190]).

III. Верховная власть, государственное устройство и управление покоренными землями

1. «Царям и знати не надо давать многообразных, цветистых имен, как то делают другие народы... Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным (личным) именем» (по Бар Эбрею, [71, с. 54]).

2. «А как стали страны и люди под (монгольским) владычеством, по установленному положению введены (среди них) переписи и назначены титула десятков, сотен и тысяч, и определены: набор войска, ямская (повинность), расходы (на проезжих) и корм для скота, не считая денежных (сборов), да сверх... еще копчур¹» (по Джувейни [71, с. 50]).

IV. Военное дело и устав охот

1. «Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова — учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навыкали к бою и обретали силу и выносливость, и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя (себя)» (по Бар Эбрею [71, с. 54]). «На коне — готовы сражаться, а когда без коней — то собираются, чтобы пасти и выращивать скот» (по «Юань ши» [55; изд. 98, с. 946]).

2. «Кто не соблюдет строя, что зовется у них нерге, и выступит из него, либо отступят от него, наказание ему великое и спуску нет» (по Джувейни [71, с. 44]) или «если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все

¹ Копчур — налог с пастбищ и скота, имевший ставку в 1%, см. [187, с. 39—40].

они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются» (по Карпини [12, с. 49—50]).

3. «Воины берутся не ниже 20 лет от роду» (по Бар Эбрею [Вернадский, с. 54]). «Закон такой: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть — записаны в бирках¹ как воины» (по «Юань ши» [55; цз. 98, с. 946]).

4. «Если вдруг понадобится войско, то приказывается: «столько-то нужно в такой-то час», и в тот день или вечер они являются в том месте. Не замедляют ни часа, ниже упреждают его, и ни на мгновение ока не случается у них спешки или проволочки» (по Джувейни [71, с. 47—48]). «Все те, кто в случае сбора не придут, а останутся в праздности у себя [дома], — будут обезглавлены» (по «Юань ши» [55; цз. 2, с. 12]).

5. «Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой» (по Бар Эбрею [71, с. 54]). «Какое дело ни возникнет, потребуется ли человек или вещь, дело передается темнику, этим последним — тысяцкому и так далее до десятника» (по Джувейни [71, с. 47]). Если командир приказывает — «все слушаются его команд, тот, кто действует самовольно — признается виновным в [воинском] преступлении» (по «Юань ши» [55; цз. 2, с. 12]). «В том десятке, где десятник пойдет по делу в ставку, сразу же ставится один из десятка временно замещать [его]» (по «Юань ши» [55; цз. 2, с. 12]) и такой порядок — вплоть до тысячи.

6. «По десяткам и сотням, каждый выполняет свою повинность, а в день смотра предъявляют они снаряжение, и если хоть немного не хватит, то такому человеку сильно достается и его крепко наказывают» (по Джувейни [71, с. 47]).

7. «Запрещается под страхом смерти, грабить врага пока военачальник не дал на то приказа» ([71, с. 21], данная статья реконструирована, но практика такого запрета известна очень рано, еще по эпизоду с Алтаном и Хучаром в 1202 г., см. [16, с. 123]).

8. «За повторный проступок — битие бамбуковыми палка-

¹ 簽 цянь, означает «бирка» и «записывать», тут явная аналогия с мобилизационными порядками в Цзинь — чжурчжэни выдавали одну бирку военнообязанному, а другую, — ее пару, хранили в соответствующем мобилизационном пункте.

ми; за третий проступок — наказание батогами; за четвертый проступок — приговаривают к смерти. Всякого тысячника, который нарушит ранее принятые решения темника, того потом расстрелять стрелами с деревянными наконечниками. Сотник или десятник, в подразделении которого совершено преступление, наказывается наравне с ним [подразделением]» (по «Юань ши» [55; цз. 2, с. 12]).

9. О трофеях: «Каждый раз все от высшего до низшего независимо от количества [добычи] оставляют одну часть для преподнесения императору Чингису, а остальное раздается повсюду [чиновникам] в зависимости от рангов. Получают свою долю также и другие, [даже] не приезжают на войну» (по «Мэн-да бэй-лу» [22, с. 68], сходно у Макризи [71, с. 21]). «Где в войске найдутся девицы луноподобные, их собирают, и передают из десятков в сотни, и всякий делает свой выбор вплоть до темника. После выбора, девиц ведут к хану или царевичам, и там сызнова выбирают: которая окажется достойна и на вид прекрасна, той возглашается: удержать по законности, а остальным: уволить по хорошему, и они поступают на службу к катуням¹; захотят хан и царевичи — дарят их, захотят — спят с ними» (по Джувейни [71, с. 49]).

10. Из командующих тысячами и туменами, «тот, кто не придерживается этих законов — выгоняется из армии» (по «Юань ши» [55; цз. 2, с. 12]).

V. Налоги и повинности

1. «Весь народ монгольский да содержит хана из ежегодных достатков своих, (уделяя ему) коней, баранов, молока, также от шерстяных изделий» (по Бар Эбрею [71, с. 54]).

2. «От каждых двух тем² лошади должны быть поставлены по всем дорогам для проезда послов» (по Бар Эбрею [71, с. 54]), из расчета «по одному яму на две тьмы» (по Джувейни [71, с. 49]). «Ежегодно ямы должны осматриваться: коль будет какой недостаток или убыль, надо брать замену с крестьян» (по Джувейни [71, с. 50]).

¹ Хатунь — это жена хана, ханша.

² Так в переводе В. Минорского, имеется в виду русское название тумена, т. е. «тьма».

VI. Крепостной устав

1. «Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальник той (другой) части, который его принял» (по Бар Эбрею [71, с. 54]).

2. «Те, кто не шел на войну, должны были в известное время года отработать определенное количество дней на общественных постройках или делать иную работу для государства, а один день каждую неделю работать на Хана¹» (по Макризи [71, с. 17]).

3. «Поставки, что производились, пока сам человек был дома, остаются в силе, до того, что, если случайно повинностью того одного человека будет его личная помочь², а мужчины не окажется, то женщина того двора выйдет лично и выполнит дело» (по Джувейни [71, с. 47]).

VII. Гражданское право (частное право)

1. «Из имущества умершего, у коего нет наследника, хан ничего да не возьмет, но его имущество все дается тому, кто за ним ходил» (по Бар Эбрею [71, с. 54]).

2. «Место отца достается меньшому сыну» (по Рашид ад-Дину [39, с. 130]).

VIII. Уголовное право и уложение о наказаниях

1. «Пусть убивают облыжного доносчика» (по Рашид ад-Дину [39, с. 47]).

2. «Есть закон... убивать мужчину или женщину, которых застанут в явном прелюбодеянии» (по Карпини [12, с. 36]).

3. «Кто нарушит ясу, лишится головы» (по Рашид ад-Дину [39, с. 131]).

4. «Кто украдет хоть 1 или 2 коней — тот немедленно приговаривается к смерти» (по «Юань ши» [55; цз. 2, с. 12]).

Приведем несколько биликов, которые предположительно можно отнести к «Великой Ясе», они сгруппированы по разделам, аналогичным приведенной выше реконструкции «Ясы» (в основном по Рашид ад-Дину и Макризи):

¹ Последнее весьма похоже на барщину.

² Вид отработки повинностей типа барщины.

II. «В будущем... если потомки, которые появятся на свет и воссядут на ханство, будут также хранить обычай [йусун] и закон [йасак] Чингиз-хана, которые в народе ко всему применимы, и не изменять их, то с неба снизойдет помощь их державе и они будут [пребывать] в радости и веселии» [38, с. 260].

IV. «Каждому, кто пойдет к старшему, не должно ничего говорить до тех пор, пока этот старший не задаст вопроса. И тогда пусть он согласно этому вопросу даст должный ответ, потому что, если он произнесет [свое] слово прежде [вопроса], то хорошо, если его услышат, в противном случае он будет ковать холодное железо» [38, с. 260].

«Среди [мирного] населения будьте смирны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину» [38, с. 261].

«Добрый можно назвать только того коня, который хорошо идет и откормленным, и в полтеле, и одинаково идет, будучи истощенным. Коня же, который хорошо идет только в одном из этих состояний, добрым назвать нельзя!» [38, с. 260—261].

«Эмиры войска должны хорошенько обучить сыновей метанию стрел, верховой езде и единоборству и упражнять их в этих делах» [38, с. 262].

«Если уже нет средств против питья, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только [он] перейдет за три раза — совершит [наказуемый] проступок. Если же в течение месяца он напьется [только] дважды — это лучше, если один раз — еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого?! Но где же найти такого человека, который [совсем] бы не пил, а если уж такой найдется, то он должен быть ценим!» [38, с. 263].

VI. «В общей трапезе ни один не должен есть более другого» (по Макризи [71, с. 17]).

VIII. «Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза [ее] нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-

Кудджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определяют ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб¹, и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» [38, с. 263—264].

«Если кто-нибудь из моего рода изменит ясу, то пусть не посягают на его жизнь, не посоветовавшись [предварительно] об этом вместе со всеми старшими и младшими братьями» [37, с. 95].

Как видим, сфера применения «Великой Ясы» относилась почти ко всем областям и отделам права — государственно-административному, уголовному, торговому и экономическому, военному и налоговому. При этом можно предположить, что вопросы, относившиеся к сфере государственного права, решались, как правило, на базе «Ясы», а относившиеся к частному праву — на основании биликов. Последнее подтверждается существованием в позднейшее время (в XIV в.) так называемого «Кудатку-Билика» — сборника постановлений, приписываемых Чингисхану, и на основании которого решались споры между частными лицами. По сути «Кудатку-Билик» был сборником прецедентов, судья пользовался ими для разрешения споров и только при добровольном согласии тяжущихся [132, с. 233].

«Яса», как письменный закон, также просуществовала достаточно долго — например, вплоть до XV в. хозяйственные дела Русской церкви решались на основе ярлыков ханов Золотой Орды, источником права для которых была именно «Яса». Например, в ярлыке Менгу-Тимура от 1267 г. митрополиту Петру правовой основой привилегий духовенству за то, что «попове от нас пожаловани и по первой грамоте Бога молящи и благославляюще» указана «Великая Яса», по которой нарушители данного ярлыка «по велицей язе извинятся и умрут» [33, с. 98]. И мы даже можем указать, на какой конкретно пункт «велицей язы» идет ссылка ярлыка, — в

¹ «Нормы поведения» по-персидски.

нумерации для вышеприведенной реконструкции «Ясы» это будет п. 3 части II, регулирующей религиозные отношения в монгольской империи. Сохранившаяся коллекция ярлыков русским митрополитам позволяет разглядеть еще одну черту монгольского правоприменения — на основе «Великой Ясы» издавались оперативные распоряжения монгольских властей в виде выдачи ярлыков (приказов) и пайцз. Причем право на выдачу ярлыков и пайцз имели не только ханы, но и царевичи и ханши (правда, каан, или хан в своем улусе, мог «отозвать» выданные ими ярлыки и пайцзы, см. [57, с. 551]), в источниках сохранились сообщения об ярлыках таких ханш, как Соркуктани-беки и Тайдула (см. [57, с. 551—552], [33, с. 94]).

§§ 12.3. Налогообложение

И в чифдоме Чингисхана, и в его первоначальном государстве имелись зачатки регулярной системы податей, но это еще не было настоящим налогообложением. И дело тут не только в том, что монголы еще не находились на стадии использования денежных отношений — в конце концов подати могут быть и натуральными. Просто у монголов времен Чингисхана в понятии «алба»¹ не разделялись повинности и натуральные налоги; и оно представляло собой их соединение, что было обычным делом для кочевых народностей. Только при Угэдэе, когда в составе монгольской империи были уже обширные территории с оседлым населением, произошло первое упорядочивание податной системы и разделение ее компетенций на собственно повинности и налоги, причем с учетом особенностей жизни кочевого и оседлого населения.

В монгольских протогосударствах-чифдомах повинности были обязательными для всех их подданных-кочевников. Но при этом они не отличались разнообразием — это были военная повинность (все мужчины у кочевников были воинами, см. «Ясу» часть IV, пп. 3, 4) и повинность продовольственная (шусун по-тюркски, или шулен по-монгольски; повинность поставлять кумыс называлась ундан, она упомянута уже в «Сокровенном сказании» [16, с. 197—198]). Позже к ним добави-

¹ Алба, «повинности» по-монгольски.

лись повинности дорожные (посольские) и ямские — в обязанности населения входило обеспечение необходимым императорских гонцов, послов и вообще всех проезжих, которые имели при себе соответствующие полномочия (дорожная или посольская бирка-пайцза). Так, например, пайцза позволяла требовать выполнения приказов ее владельца, как если бы их отдавал сам каан (золотая пайцза) или командир тумена (или иного подразделения, в соответствии с рангом пайцзы, см. [15, с. 242]). Как было показано выше, данные повинности были оформлены соответствующими статьями «Великой Ясы».

Ставки первоначальных видов податей, таких как шулен, точно не известны — очевидно, имелись определенные «росписью» ([16, с. 159—160]) конкретные абсолютные цифры обязательных поставок для каждой податной кибитки кочевников. Позже в источниках появляется упоминание копчура¹ для кочевого населения, причем вначале его ставка тоже была неопределенной — «в соответствии с состоянием и способностью платить» [57, с. 517], так ее установил Махмуд Ялавач после завоевания Хорезма монголами. Но со временем ставка копчура была определена точно — 1 голова скота с каждых 100 голов ежегодно, или 1% ([55; цз. 2, с. 11], [57, с. 600]), при этом если у семи-кибитки количество скота было меньше 100 голов, то копчур не взимался [57, с. 600]. Потом эта льгота была отменена и ставка копчура была увеличена введением нижней границы — если количество скота у семи-кибитки не превышало 10 голов, то все равно брали 1 голову, т. е. номинальная ставка для самых бедных была резко увеличена до 10% [36, с. 155]. При этом повинность снабжать продовольствием ставку ханов не отменяли — еще при хане Бату было заведено, что «татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня» [42, с. 97].

С появлением у монголов завоеванных территорий с оседлым населением система налогообложения постепенно принимает более привычные формы и развивается. Впервые этим делом занялся Елюй Чуцай — в уже упоминавшемся выше

¹ От монгольского *qubcigi* — «подати».

эпизоде, когда монгольский военачальник Беде предложил устроить из Северного Китая пастбище для монгольских коней, Елюй Чуцай смог убедить Чингисхана в полезности эксплуатации на постоянной основе оседлого населения с помощью правильного налогообложения. По сообщению надписи на могильной стеле, Елюй Чуцай «представил доклад императору о том, что ежегодно можно получать 500 тыс. лян серебра, 80 тыс. кусков шелковых тканей и 400 тыс. ши¹ зерна [за счет] поземельного налога, торгового и монопольных налогов на вино, уксус, соль, железо и [произведения] гор и водоемов. Его величество сказал [в ответ на этот доклад]: «Если бы [все] действительно получилось так, как вы говорите, то государственные доходы были бы обильными! Попробуйте сделать это!» Тогда [его превосходительство], доложив императору, создал налоговые управления во [всех] десяти лу² Северного Китая и учредил в них должности уполномоченных и их помощников» [44, с. 73].

В этом описании видна уже достаточно развитая налоговая система в монгольском Северном Китае, соответствующая 40-м годам XIII в., когда была составлена указанная эпитафия Елюй Чуцай. Скорее всего, эта система складывалась постепенно, на это есть указания источников, описывающих период завоевания Средней Азии в 20-х годах XIII в. Так, у ряда мусульманских авторов сообщается, что копчур, изначально налог для кочевников, был перенесен и на земледельческое население — сначала как налог для их скота, со ставкой в 10% (1 голова с каждых 10 голов скота) [187, с. 39—40], а потом стал взиматься как налог с пастбищ [там же] и, наконец, трансформировался в десятину (сначала зерном, а потом и деньгами). Последнее, видимо, связано с тем, что требовать от покорившихся «десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества» [12, с. 55] было в обычае монголов — это вполне соответствовало пониманию монголов о нераздельности повинностей, они одинаково требовали и людей для своего вой-

¹ Мера объема, около 66,41 л.

² Основная административная единица при Сун и Цзинь.

ска, и приглянувшиеся им вещи, и деньги, все по ставке в 10% (ср. русскую летопись — «просяще у них десятины: десятого в князех, десятого в людех, и в конех, десятаго в белых, десятаго в вороних, десятаго в бурых, десятаго в пегых, и въ всемъ десятого» [ПСРА т. 15, стб. 366]). Только со временем, по мере восприятия традиций управления других развитых культур, монголы стали разделять повинности и налоги, причем этот процесс занял достаточно много времени.

Переходный период на пути к становлению нормальной и регулярной системы имперского налогообложения был отмечен явлением откупа. Судя по «Сокровенному сказанию», Чингисхан в ходе среднеазиатского похода высоко оценил способности местных коллаборационистов и именно на них опирался в деле взимания даней (позже налогов) с оседлого населения — как в Средней Азии, так и в Китае ([16, с. 189]). Поэтому при Угэдэе именно из «сартаульских людей»¹ «торговый человек Абд-ар-Рахман откупил налоги» [55; цз. 2, с. 13] во всем Северном Китае в 1239 г. за половину номинального их объема [там же]. Более того, с весны 1240 г. «Абд-ар-Рахману поручены управление и контроль за всеми управлениями по сбору налогов» [там же].

Система откупов была распространена и на провинции империи, что в общем не радовало таких государственных людей, как Елюй Чуцай, который «предлагал отклонить их [предложения]» (см. [44, с. 83]). Но он не учитывал природы первоначального монгольского государства, основанного на военно-административной системе, где каждый подданный нес свои повинности без платы, а чиновник не получал регулярного жалованья — только в 1238 г. Елюй Чуцай подал доклад Угэдэю, где среди прочих мероприятий предлагал «установить жалованье [чиновникам]», но каан «не мог [сразу] ввести все... осуществлял их выборочно», поэтому до Хубилая чиновники так и не получали постоянной платы от казны, а жили за счет поборов с населения ([44, с. 82—83] и [126, с. 117]). Такие поборы были оформлены в виде права

¹ «Саррацин» у Карпини.

чиновника получать в ходе выполнения своих обязанностей «подарок» — так называемый «сахуа»¹. Значение последнего в качестве варианта регулярного вознаграждения ясно из сообщения Сюй Тина, который описывает «сахуа» как постоянный способ получения чиновником средств к существованию: «Вместе с татарами ходит кругом [по дворам], запугивает людей, требует и получает са-хуа, требует и получает продукты питания для еды» [36, с. 142]. Про ту же систему писали и Карпини с Рубруком: «Надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великой надоедливостью» [12, с. 55]; «они^{II} очень надоедливо и бесстыдно просят то, что видят... если он не даст и после того станет нуждаться в их услуге, они плохо прислуживают ему» [42, с. 104].

Все это означает, что в монгольском государстве долго не имелось нужды в регулярном бюджете с его сведением доходов и расходов (такие бюджеты появились значительно позднее, когда система управления завоеванными землями восприняла методы завоеванных культурных народов). Распределение получаемых налогов также носило черты не государственного подхода, а частного — общим принципом было выделение из массы собранного только одной части в пользу имперской казны, а остальное делилось между Чингизидами, как это делали еще во времена племенного бытования. Тут срабатывал в отрицательную сторону принцип, заложенный Чингисханом, по которому его держава мыслилась как собственность «золотого рода», а потому и добытое (налоги воспринимались скорее как форма добычи, чем рычаг государственного управления) логично делилось между всеми членами уруга Чингисхана, часто в ущерб государству. Поэтому роль налогов не была особо значимой, они (как и дани с покоренных народов) были не прямым орудием государственной политики, а скорее вспомогательным средством доставить дополнительные блага для

¹ Сауца, «подарок» по-монгольски.

^{II} Т. е. татары.

верхушки монголов, так как своих рядовых воинов монгольские правители вполне удовлетворяли за счет военной добычи, полученной в частых тогда еще походах.

Таким образом, перепись («число») населения империи была мероприятием не столько фискальным в прямом смысле слова, сколько расширенной практикой «рописи» повинностей (записанных в тетрадах-«дефтерах») всех видов (военной, ямской и т. д.), как это было заведено еще в 1206 г. для собственно монголов. Только со временем, уже к концу существования единой монгольской империи, переписи стали носить все более фискальный характер, на что повлияло использование китайского опыта, где переписи дворов начались с 1236 г. и постепенно приобрели характер регулярного учета налогоплательщиков, согласно устоявшимся китайским фискальным традициям¹. Но и тогда пережитки психологии завоевателя оставались в силе — так, во время «числа» Новгородской земли в 1259 г. монгольские баскаки не только переписывали дворы будущих плательщиков десятины («дань» в летописях [130, с. 15]), но и «по волости много зла учиниша, беручи туску» [24, с. 82]^{II} см. [191, с. 15], [49, с. 304] и [57, с. 609, 616]), иначе говоря — монгольские «даньщики» брали все что хотели, что трудно назвать правильным налогообложением. Итак, монгольская практика налогообложения и расходов на госаппарат, когда собранные средства шли на что угодно, но не на первоочередную оплату государственных нужд, при том, что чиновники обеспечивались не жалованьем (которое по идее оплачивается из налогов), но предоставлением им права требовать с населения всяческие «тузгу» или «сахуа» — это такая фискальная система, приметы которой пережили многие столетия и знакомы нам по практике последних пятисот лет государства Российского.

¹ К XIV в. на Руси записи «дефтерей» с «числом» использовались не для распределения повинностей, а для расчета серебра, которое надо было отправлять по «черному бору» в Орду.

^{II} «Туска» или «тузга» — это «подарки начальникам» по-тюркски.

§§ 12.4. Структура властных органов и государственный аппарат

Верховной властью в монгольском государстве обладал каан («Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми» [12, с. 45]) — именно в этом направлении строил свою державу Чингисхан. Данное положение в общем верно, но при этом надо учитывать, что по мысли Чингисхана весь создаваемый им улус должен был стать вотчиной его уруга («золотого рода»), отсюда и существование такого института, как курултай и система уделов-улусов. Сосуществование в державе Чингисхана этих особенностей и ряда других организационных форм, которые продолжали традиционную линию кочевнических протогосударств, например, таких как: деление улуса на крылья, сохранение во главе ряда обочков в составе улуса Чингисхана собственных родовых старейшин, сохранение значения старшего в роде («ака») для самого «золотого рода» (при каане Мэнгу сохранялось главенствующее значение хана Бату как «ака» всех Чингизидов) и т. д., привело ряд исследователей к выводу, что властные институты государства Чингисхана были всего лишь «военно-государственным оформлением старых родов и племен» [181, с. 28]. Но представляется, что более правы те, кто видит в этом внешнюю форму, наполненную новым содержанием.

Первоначальной основой для властных органов государства Чингисхана, как уже отмечалось, были его ближайшие родственники и его дружина (позже — гвардия-кешиг). «Золотой род» как бы коллективно владел кочевым государством-улусом; именно своим братьям, матери и сыновьям Чингисхан выделил уделы, чем заложил основы «организации управления обширными территориями Монголии» [93, с. 91]. Для первоначального государства Чингисхана, причем такого, у которого существовало строгое «соответствие кочевой системы улусов армейской организации» [187, с. 50], выделение уделов и зависимость нойонов-держателей улусов от хана «позволяли главе державы держать в рамках особо строгой дисциплины своих вассалов» [там же]. Такая форма организации власти, точнее се

распределения, позволяла центральной власти делегировать текущие дела по хозяйству, организации жизни в конкретном улусе и т. п. его держателю (ср. у Рубрука — «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада» [42, с. 91]), отвечавшему перед ханом. Сам же каан (или хан в монгольских государствах, наследниках монгольской империи) занимался делами войны, внешней политики и осуществлял контроль за своими вассалами. Последнее основывалось на том, что «верховным распорядителем земли объявлялся глава Чингизидского дома, а сам этот род являлся верховным собственником всей присоединенной и завоеванной территории» [187, с. 52].

Непосредственной формой такого контроля были регулярные смотры («переучеты» по СС) войск, на которых раздавались распоряжения верховной власти и проверялись результаты выполнения предыдущих приказов. Про это сказано в билике Чингисхана: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников» [38, с. 260].

Для решения задач центральной власти необходим соответствующий технический аппарат, то, что можно назвать «центральным аппаратом». Такую роль в улусе Чингисхана выполняла ставка или орда. На самом начальном этапе построения государства Чингисхана в ее составе было очень мало людей, которых можно назвать чиновниками. Таковыми к 1206 г. можно назвать только битекчи (писарь по-тюркски), которые по преданию, сохраненному «Юань ши», появились у Чингисхана в 1204 г., после уничтожения чифдома найманов: тогда к Чингисхану попал некто Тататунга — «Та-та-тун-а был человек из уйгур. По природе умный и сметливый, он отлично

рассуждал и говорил, глубоко познал отечественную письменность. Найманский Таян-хан ценил его и сделал наставником, поручив ведать золотой печатью и налогами» [55; цз. 124, с. 1347], — который и стал первым писарем у Чингисхана. Именно Тататунга, по версии ЮШ, внедрил уйгурскую письменность среди монголов. Видимо, это известие в основном верно, так как, по мнению Л. Л. Викторовой, у ряда монгольских племен имелась письменность — она давно применялась у найманов и кэрэитов, на которых уйгуры оказали серьезное влияние [72, с. 175]. А с разгромом их протогосударств грамотные люди этих обочков перешли к Чингисхану и создали ему прообраз канцелярии — наверняка именно они делали техническую работу по ведению пресловутой «Синей росписи „Коко Дефтер-Бичик“». Значение этих первых «писарей» выходило за пределы просто секретарских обязанностей, такой битекчи, или бичэчэ (вариант — бичжэчи) по-китайски, был скорее «секретарь, советник, эксперт» при Чингисхане, и его положение «равнялось положению министра» [117, с. 235].

На этом, самом раннем этапе построения центрального государственного аппарата кроме писарей в него входили только две категории — темники и судьи. Об этом сообщают не без некоторого высокомерия, основанного на своей причастности к «многотысячелетнему опыту государственного строительства, китайские конфуцианские ученые, авторы ЮШ. В разделе трактатов ЮШ, в главе «Чиновничество», они следующим образом характеризуют центральный аппарат государства Чингисхана до периода завоеваний развитых государств: «Нравы государства¹ были просты и сердечны и не имелось многочисленных запутанных служебных дел, только лишь темники руководили командирами войск, судьями вершился суд и расправа; и тех, кто занимал посты, было не более чем по одному-двум, [взятых] из рода [императора], нойонства и самых близких сподвижников» [55; цз. 85, с. 801]. Как видим, очерченный ЮШ круг, откуда черпались кадры для этого аппарата, совпадает с ранее рассмотренными «кузницами кад-

¹ Монголов.

ров» Чингисхана — «золотым родом» и кешигом, его ставкой вообще.

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, именно «в ханской кочевой ставке — орде... зародилось, очевидно, чиновничество и служилая знать» монгольского государства [187, с. 65]. Он верно связывает усложнение и разветвление этого «центрального аппарата» с появлением в составе монгольской империи значительного числа городов, стран с оседлым населением вообще [там же]. Появившиеся при Чингисхане должности всех этих баскаков, даруг, таньмачи¹, а потом и «даньщиков», «численников» и т. д., заполнялись за счет немонголов, т. е. тех, кто имел опыт подобной деятельности в развитых государствах. Вначале это было полностью доверено мусульманским советникам: «Ялавачия увез с собою² и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом» [16, с. 189]. Подробнее об имперских чиновниках, занимавшихся управлением покоренными землями, будет сказано ниже.

Отметим также последнюю категорию общеимперского государственного аппарата — гонцовую и почтовую службу. Ее окончательная организационная форма относится к началу царствования Угэдэя — при Чингисхане уже существовал институт «элчи» (вестников), но он не был устроен регулярным образом. Угэдэй же внес соответствующие дополнения в «Ясу» (см. выше «Ясу», часть V, п. 2), которыми ввели ямскую

¹ Таньмачи, по объяснению архимандрита Палладия (Кафарова), были «Монгольские воеводы, командовавшие полками из иноплемennых народов, например Киданей, Тюрков и других... Назначение полков таньмачи было заменять в войсках и сражениях войска Монгольские и держать в повиновении покоренные народы» [130, с. 17]; у РД такие войска называются тама, что проясняет этимологию слова — в документах монголо-китайской канцелярии Юань слово 探馬赤 «таньмачи» фонетически передавало «tammasi» [91, с. 41], т. е. добавление к слову «тама» монгольского суффикса -си/чи, определяющего nomis agentis (наименование деятеля), и дало название командиру тама.

² Чингисхана.

повинность по всей территории монгольской империи (см. [55; цз. 2, с. 10]). Существуют расчеты (на основе данных Марко Поло и других путешественников), что дистанция между соседними ямами была в среднем в 40 км, и только иногда в 55—65 км [15, с. 121].

Позже, а именно при Угэдэе, когда произошло быстрое приращение к империи территорий с оседлым населением, с ростом численности и разнообразия занятий имперских наместников и чиновников, потребовалось определенное упорядочивание и централизация контроля за ними — как пишет высокопоставленный китайский чиновник, «в то время Поднебесная была только усмирена и еще не существовало законов; всюду старшие чиновники могли произвольно распоряжаться жизнью и смертью [подвластного населения]» [44, с. 72]. Иначе говоря — с точки зрения китайской государственной традиции власть монголов не была правильно организована, существовала неразбериха во властных полномочиях «старших чиновников» (монгольских нойонов) на местах, что снижало эффективность центральной власти. Поэтому и была проведена настоящая административная реформа, при которой были созданы органы «центрального аппарата» по китайскому образцу и установлена их иерархия.

По сообщению «Юань ши», «осенью, в восьмой луне¹... впервые была учреждена государственная канцелярия — чжуншуншэн⁴ и были произведены изменения в рангах и чинах свиты: Елюй Чуцай стал канцлером — чжуншулин⁵, Няньхэ Чуншань^{II} стал первым заместителем канцлера⁶, Чинкай^{III} стал вторым заместителем канцлера⁷» [55; цз. 2, с. 11]. Как поясняет надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая, причина была в том, что «до этого старшие чиновники всех лу по совместительству ведали денежными и натуральными налогами с военного и гражданского населения и часто, опираясь на [свои] богатство и силу, безнаказанно творили беззакония. Его

¹ 29 августа — 27 сентября 1231 г.

^{II} 粘合重山 Нянь-хэ Чун-шань, чжурчжэнь высокого рода.

^{III} 鎮海 Чжэнь-хай, кэрэит, один из нукеров Чингисхана.

превосходительство представил доклад императору о том, чтобы старшие чиновники ведали делами только гражданского населения, темники возглавляли военную власть, а налоговые управления распоряжались денежными и натуральными налогами, и чтобы все [они] не управляли друг другом, и тогда же [это] было возведено в твердый закон» [44, с. 73—74].

Весьма важным обстоятельством представляется тот факт, что первоначальный государственный аппарат сразу после 1206 г. был больше приспособлен к нуждам кочевого улуса и только начинал развиваться в сторону учета особенностей государства, включающего и области с оседлым населением. Поэтому и существовал переходный период, когда необходимость управления более развитыми и культурными подданными удовлетворялась за счет временных, сиюминутных действий, не приведенных в систему. Поэтому-то по-настоящему структурированную систему государственного аппарата монгольской империи мы видим начиная с царствования Угэдэя, который доверил его оформление специалистам из двух самых культурных (обладающих сильной государственной традицией) частей своей империи — Елюй Чуцаю и Махмуду ал-Хорезми (более известному как Махмуд Ялавач). Таким образом, центральный аппарат империи оказался во многом скопированным с китайской системы в части центральных органов, а вот система управления в провинциях империи восприняла опыт мусульманских государств.

пп. 12.5. Управление захваченными территориями

В царствование преемника Чингисхана Угэдэя монгольское государство окончательно оформилось как мировая империя. Ее название «*Yeke Mongγol ulus*» (Великий улус Монголов), зафиксированное официально — оно стоит на печати Гуюк-хана в его послании папе Иннокентию IV, привезенном Плато Карпини [128, с. 124], — указывает также на новое качество монгольского государства, в отличие от «Хамаг монгол улус», означавшего «всенародное» государство монголов (т. е. государство всех монгольских народностей). Существование покоренных земель с оседлым населением сразу же поставило

перед монгольскими властителями вопрос об их использовании. Как уже отмечалось, вначале у монголов не было ясного понимания, что следует делать с этими территориями. В ходе первых своих вторжений в Северный Китай они ограничивались грабежом и уводом к себе полезных людей, затем установили систему взимания дани. Первоначально дани требовались произвольно — по мере appetитов конкретного военачальника, подошедшего к тому или иному цзиньскому городу. Но вскоре, видимо, была установлена норма в $\frac{1}{10}$ от имущества покоренных, которую европейские очевидцы застали вполне зафиксированной. К оседлому населению, как и к кочевникам, монголы довольно быстро стали применять стандартные требования по набору людей в монгольскую армию и прочим повинностям — примеры этого были рассмотрены выше.

Первые опыты по управлению обширными территориями, бывшими недавно частью развитого оседлого государства, монголы предприняли в Северном Китае. Начиная с 1215—1216 гг. они постепенно отказались от практики ежегодных походов в эти земли для грабежа и получения дани и занялись их освоением. В этом они шли двумя путями — устанавливали свой сюзеренитет над марионеточными «империями», созданными разными цзиньскими феодалами (обычно киданями, вроде «империи Ляо», созданной в 1213 г. Елюй Люге, бывшим вассалом Цзинь), и назначали своих наместников на завоеванных территориях. Среди этих наместников поначалу преобладали немонголы — как правило, это были перебежавшие к монголам цзиньские чиновники и военачальники. Приведем типичное описание «Юань ши» такой ситуации — в марте 1215 г. «командующий в Синчжунфу Ши Тянь-ин перешел на сторону [монголов], за это [Ши] Тянь-ин стал правителем Синчжунфу» [56; цз. 1, с. 18]. С 1217 г. Чингисхан ставит своим наместником во всем Китае гована Мухали, который продолжает политику своего повелителя, отправившегося в длительный западный поход. Мухали широко использует ресурсы собственно Китая в ходе войны с Цзинь,

поэтому продолжается практика привлечения на свою сторону цзиньских феодалов, за которыми сохраняются их титулы и ранги (мало интересовавшие монголов, с их собственной системой нойонства и военно-административной системой «тысяч») для удобства управления китайскими землями по привычной для населения системе. Чжао Хун, побывавший в Пекине в качестве посланника к Мухали в 1220 г., был уверен, что монголы восприняли цзиньскую систему управления, которой «научили их мятежные чиновники цзиньских разбойников!» [22, с. 74]. Но это скорее преувеличение — несмотря на то, что по расчетам исследователей около 80% чиновников были китайцами [117, с. 237], используемые монголами цзиньцы были под неусыпным контролем как самих монголов, так и их агентов.

В ходе завоевания государства хорезмшахов Чингисхан применял те же принципы — сдававшиеся города грабились и облагались данью, а управление ими оставалось, как правило, в руках местной знати, признававшей власть монголов. Только в 1224—1225 гг., когда Чингисхан решил вернуться в Монголию, появляется первое упоминание в монгольских источниках о назначении монгольских наместников — даругачи^{II} в завоеванных городах и областях Средней Азии [16, с. 189]. В их функции входили как прямые обязанности по управлению покоренным населением — такие, как перепись и раскладка повинностей (набор в войска, сбор налогов, доставка их ко двору каана и обеспечение ямской службы, [130, с. 14]), так и косвенные — общий надзор за местными феодалами, оставленными монголами на своих местах ввиду их подчинения. *Modus operandi* даругачи/баскаков по контролю за ними так

^I Для сунского чиновника Чжао Хуна все государственные учреждения Цзинь были «незаконными» и «разбойничьими», поэтому он в обязательном порядке предваряет этими определениями названия цзиньских должностей, а самих цзиньцев называет «цзиньскими разбойниками».

^{II} Монг. *darugaci* = *daruγa* + суффикс *ci*, где *daruγa* = *daγu* («давить»)+ *γa*, т. е. даругачи — это «подавляющий неповиновение» [128, с. 161]; таким образом в функции даругачи входил контроль за исполнением приказов монгольской власти, в первую очередь покоренным населением, в русских летописях они называются в нескольких вариантах — «даруга/дарога/дорога». Ср. его с тюрк. синонимом «баскак», от тюрк. *bas*, «подавлять».

описывается Планом Карпини: «Башафов, или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться¹; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуетя упомянутая земля, и внезапно бросаются на них» [12, с. 56]. В описании Карпини смешаны силы собственно баскаков, имевших свои воинские отряды (как из монголов, так и набранные на местах, [130, с. 16]), и вспомогательные отряды, присылаемые по их просьбе из метрополии. Но данная нечеткость у Карпини не меняет сути двухуровневой системы управления, в которой имелись как местный монгольский вассал, так и контролирующий его даругачи/баскак (который также непосредственно обеспечивал выполнение общеимперских мероприятий).

Возможно, что складыванию такой своеобразной, двухуровневой системы управления завоеванными территориями способствовала деятельность таких советников Чингисхана, как Елюй Чуцай и Махмуд ал-Хорезми. Елюй Чуцай постоянно разъяснял Чингисхану необходимость иметь профессиональных управленцев², с чем тот был согласен и «оставил его около [себя] для советов» [44, с. 70], но при этом каан не упускал из виду важности контроля за своими советниками. В этом Чингисхан нашел союзников в лице других советников, принадлежащих мусульманской традиции. Дело в том, что в государстве хорезмшахов важной проблемой было сохранение контроля центральной власти над многочисленными, недавно завоеванными землями, где тоже оставались местные динас-

¹ Имеются в виду местные владетели, которым монголы разрешили вернуться в свои владения.

² Известны слова Елюй Чуцай, часто приводящиеся в литературе, которыми тот объяснял Чингисхану необходимость использования китайского опыта государственности: «Хотя [Вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне!» [44, с. 73]

ты, которые признавали над собой власть хорезмшаха. Хорезмшахи для этого использовали институт заложничества, опыт которого был монголами тоже воспринят: русские летописи, например, сообщают о такой практике монголов в начальном периоде их владычества над Русью¹. Другим способом контроля за чиновниками и феодалами на местах стали надсмотрщики баскаки. Влияние мусульманских экспертов Чингисхана на создание института баскачества видно как из состава первых даругачи («из сартаульских людей»), так и из того, что именно Махмуд Ялавач стал (по «Сокровенному сказанию») первым учителем Чингисхана в деле управления оседлыми территориями, тогда как китайская традиция упорно приписывает это Елюй Чуцаю. Но даже в панегиристической эпитафии последнего ничего не говорится о принятии Чингисханом советов Елюй Чуцая именно в ходе западного похода (Елюй Чуцай согласно [44, с. 72—73] был в нем вместе с Чингисханом), где по сообщениям других источников действовали советы Махмуда Ялавача.

В надгробной надписи на могиле Елюй Чуцай говорится, что «привлечение к службе гражданских чиновников царствующей династии началось по инициативе его превосходительства» [44, с. 73], но при этом описание данного «привлечения» дает характерные особенности нововведений в государственный аппарат, утвержденные Угэдэем в 1229—1231 гг., т. е. звездный час Елюй Чуцай настал позже. Поэтому можно предположить, что первоначальный план по созданию системы баскаков и институт заложничества, как средства управления завоеванными землями, исходили от мусульманских советников, и именно среднеазиатские традиции управления легли в их основу (есть основания считать, что должность даруги/баскака существовала еще в домонгольской Средней Азии [187, с. 30]). Конечно, все эти своеобразные черты по-немногу нивелировались как практикой применения, так и ослаблением имперского центра, все большую роль начинали

¹ См. [ПСРА т. 1, стб. 470], подробнее об этой практике монголов на Руси см. [130, с. 31].

играть местные особенности — в Китае все больше воспринимался опыт китайских управленцев, в Иране — местная феодальная система управления и т. д. Дело в том, что получаемые с этих земель налоги и повинности шли не только в пользу общеимперской власти, но и в пользу ханов улусов, к которым они были приписаны ([187, с. 31]), а также ханов вообще из других ветвей Чингисова дома. Поэтому местные ханы стремились сокращать долю Каракорума и уж тем более долю других Чингизидов (например, с Судака подати шли сразу четырем ханам, [там же]), и тем самым обособляться от империи и устраивать собственное государство с собственной системой управления.

Таким образом, сущность аппарата управления завоеванными территориями постепенно менялась — общеимперская власть слабела, ее нужды все более игнорировались возникавшими в ее улусах местными чингизидскими династиями, поэтому институт общеимперских баскаков со временем исчез. Например, на Руси он был даже физически уничтожен в ходе народных волнений в 1262—1263 гг., причем со стороны властей Золотой Орды не последовало репрессалий. Вообще же, по мере упрочения власти чингизидских династий в своих улусах, происходило слияние монгольского управленческого элемента и местных феодалов в единое целое. Реформы Газанхана в Иране, установление династии Юань в Китае, Золотая Орда при Узбеке — везде наблюдается сходный процесс слияния монгольской верхушки с местными элитами, делающий баскаков более ненужными. Начало этого процесса видно уже в 20—30-х годах XIII в. в Китае, где имелась самая развитая государственная традиция, но и в европейских владениях монголов к концу того же века уже пропадают упоминания о баскаках, как о постоянном институте монгольской власти.

§ 13. Армия и тактическая разведка

§§ 13.1. Состав и организационная структура монгольской армии

Основой организации монгольского войска была так называемая десятичная система. Она заключалась в следующем: минимальной единицей был десяток воинов, из состава которых выбирался десятник; десять десятков составляли сотню, командира которой назначал тысячник; десять сотен составляли тысячу, командир которой (тысячник) руководил сотниками. Первоначально тысяча была максимальной тактической единицей в монгольском войске и расчет военных сил монгольского государства шел по тысячам (см. [16, с. 158], где сообщается о раскладке воинов по 95 «тысячам»). После появления крупных контингентов воинов из консолидированных Чингисханом монгольских племен регулярной становится самая крупная армейская единица — тумен, насчитывавший, как правило, десять тысяч воинов. Командиров туменов (темников), как и тысячников, назначал сам каан. Однако в особых случаях такое назначение мог сделать или наместник Чингисхана (например, ЮШ сообщает о назначении Мухали «на свою ответственность» двух темников, [56; уз. 1, с. 17]), или командир отдельного корпуса или армии (состоявших из нескольких туменов), который мог набирать воинов в завоевываемых местностях. В последнем случае такое назначение было временным, на период автономных действий такого отдельного корпуса, и требовало утверждения кааном после его возвращения (см. жизнеописание Субэдэя [56; уз. 121, с. 2976, 2978]).

Отдельная армия монголов, видимо, состояла из двух-трех, реже четырех, туменов. Это устанавливается из практики посылки в автономные походы войска именно такого состава, как, например, в следующих случаях: рейд трех туменов Субэдэя, Чжэбэ и Тохучара за хорезмшахом; автономные боевые действия в Армении, Арране и Грузии отдельного корпуса Чормаган-нойона из нескольких туменов (в разное время составлявшего от двух до четырех туменов); рейд в Северное

Причерноморье, Русь и Приволжье (по сути — через всю Дешт-Кыпчак, т. е. «Кипчакскую степь») двух или трех туменов под командованием Субэдэя и Чжэбэ. Другое подтверждение этому дает анализ известий Плана Карпини. Сначала он описывает десятичную организацию монгольского войска следующим образом: «Император... указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам» [12, с. 45]. Таким образом, Карпини определяет «вождя» как командира тумена. Далее он пишет, что «во главе всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному» [12, с. 49]. Это и означает, что отдельная армия формируется из двух или трех туменов, причем один из темников становится старшим над всеми, чем достигается единоначалие среди высшего командования.

Кроме данной десятичной системы внутри ее имелись еще дополнительные способы организации боевых структур. Так, есть сведения, что сотня была разделена на полусотни, по крайней мере о «50 всадниках», как распространенной тактической единице монголов, сообщает Пэн Да-я ([54, с. 18a]). Хотя возможно, что это было наследие чжурчжэньской организации армии, так как сведения Пэн Да-я относятся к 1233 г., когда в монгольской армии было уже много частей из китайцев, киданей и чжурчжэней. Еще Пэн Да-я сообщает, что внутри такой полусотни выделялись отдельные группы по двух-трех или шести-семи всадников [там же]. Но, судя по всему, это не было постоянной организационной структурой, а только временным разбиением на период сражения, где образовывались устойчивые тактические группы по «3 на 3, 5 на 5 и 4 на 5 человек» [54, с. 21a] (об этом тактическом приеме ниже). А для автоматизма таких построений в бою члены этих «шестерок», «девяток» и «десятков» заранее отрабатывали взаимодействие друг с другом.

Среди регулярного войска монголов уже отмечалась особая его часть — гвардия-кешиг, которая в бою составляла костяк центра. Но были и другие специальные части — так

называемые «войска батуров». Батур или баатур — это особо отличившийся, храбрый воин у монголов¹. Самое подробное известие о частях специального назначения монгольской армии, т. е. о «войсках батуров», находится в «Хэй-да ши-люе» (в ЮШ упоминается об особом статусе батуров, которым давались в подчинение сотни семей простого народа и о том, что кого-то награждали этим званием, но без особых подробностей, см. [55; цз. 2, с. 14]): «Воинственные вожаки и крепкие нукеры собираются в специальные пятерки, находящиеся в ближайшем окружении командующего, они называются войсками батуров» [54, с. 18а]. Далее поясняется, что в войнах с тангутами и чжурчжэнями войска батуров теснили и гнали вражеские войска, а также первыми брали города. В последнем случае им придавались под командование люди из набранного полона (или хашара, т. е. «осадной толпы») и преступники.

Система управления войсками была как постоянной, в виде иерархии субординаций (каан — командиры армий и отдельных корпусов — темники — тысячники — сотники — десятники) и военных советов, так и оперативной — сигналы, способы передачи приказов и контроль за их соблюдением. Постоянное управление на уровне командующего армией/отдельным корпусом, темника и тысячника обеспечивалось проведением военных советов, решения которых были обязательными. Наказание за их неисполнение могло быть суровым, но оно не было автоматическим. В источниках есть известия о нарушениях решений военного совета (см. [56; цз. 121, с. 2981] — из практики Субэдэя, [56; цз. 121, с. 2978] — из биографии его сына Урянхата) без тяжелых последствий для нарушителя, значит, кара за это рассматривалась индивидуально, в отличие от той жесткой дисциплины с немедленным жестоким наказанием за проступки, которая характеризовала низовой уровень от сотника до рядового воина. Видимо, так предусматривалась возможность свободы действий и разумной инициативы у командира уровня тысячника/темника в непредвиденных обстоятельствах.

¹ Отсюда и русское «богатырь».

Вообще же, единоначалие и дисциплина в монгольской армии достигались жесткими военными законами и твердым контролем за неукоснительным их выполнением. Вот каковы эти законы касательно воинских преступлений в «Великой Ясе» редакции преемника Чингисхана Угэдэя, которую тот огласил на курултае 1234 г.: «В войске всякому десятку ставится десятник¹, все слушаются его команд, тот, кто действует самовольно, — признается виновным в [воинском] преступлении. В том десятке, где десятник пойдет по делу в ставку, сразу же ставится один из десятка временно замещать [его]. Не допускается одному или двум выходить за пределы десятка, кто преступит это — того покарают. Все те, кому доведены до сведения [их] обязанности или еще не доведены, да крепко удержат в [своих] ушах: за повторный проступок — битье бамбуковыми палками; за третий проступок — наказание батогами; за четвертый проступок — приговаривают к смерти. Всякого тысячника, который нарушит ранее принятые решения темника, того потом² расстрелять стрелами с деревянными наконечниками. Сотник или десятник, в подразделении которого совершено преступление, наказывается наравне с ним [подразделением]. Тот, кто не придерживается этих законов — выгоняется из армии» [55; цз. 2, с. 12]. О том же сообщает и Плано Карпини, который детализирует: «Если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются» [12, с. 49—50].

¹ В тексте термин, который имеет в Китае вполне определенный смысл — глава единицы круговой поруки в 10 человек, в которой все следят и докладывают друг о друге, в чем кровно заинтересованы — так как за преступление одного наказываются все.

² Т. е. после боя.

Дисциплина монгольской армии на современников из стран с развитыми феодальными порядками (с их «феодальным хаосом») производила потрясающее впечатление: «Какая армия на всей земле может сравниться с монгольской армией? Эта армия... беспрекословно выполняющая все, что на нее возлагается — является ли это кончуром, нерегулярными налогами... снабжением или содержанием почтовых станций» [57, с. 30]. Тот же Джувейни сообщает о дисциплине и организации войск в тогдашних мусульманских государствах следующее: «Не то что другие цари, которым приходится говорить с опаской с рабом, купленным за их же деньги... Что уж говорить о том, коль поставят они под начальство этого раба целое войско и он приобретет богатство и поддержку. Сменить его они не в силах. Чаще всего возстает он мятежем и бунтом. А коль пойдут цари эти на врага, либо враг затеет что против них, нужны месяцы и годы, чтобы собрать войско, и переполненные сокровищницы, чтобы истратить их на жалованье и кормы начальников. При получении жалованья и прибавок их число переваливает за сотни и за тысячи, а как дойдет до сражения, ряды их от края и до края пусты и никто из них не вступает на ристалище воительства» [71, с. 48]. Разумеется, с такой организацией войска они не могли противостоять спаянным железной дисциплиной монголам.

Оперативное управление в бою осуществлялось через передачу приказов, как устных самим командиром, так и производившихся посыльными от его имени («начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков» [12, с. 52]), сигнализацией флагами/бунчуками и свистящими стрелами, а также звуками труб и пакаров (на персидском «кимвалы, барабаны»). О последних так пишет Марко Поло: «У татар вот какой обычай: когда их приведут и расставят биться, пока не прозвучит накар начальника, они не начинают брани» [15, с. 101]. Командир крупного соединения (тысячи и выше) в бою, как правило, находился поодаль — на возвышенном месте, откуда его было видно и откуда он сам мог наблюдать за ходом

сражения и подавать сигналы с помощью знамени/бунчука. Потому-то Чжамуха подчеркивает, что у него имеется «издали видное знамя» [16, с. 101]. Если же командир был в пределах слышимости, то его приказы передавались условным кодом, т. е. кличем, так как «старшие эмиры, кои суть начальники, и все воины должны, когда они выступают в поход, каждый установить свое имя и военный клич» [38, с. 261]. Все эти способы управления отмечаются и авторами «Хэй-да ши-люе», они еще добавляют одну конкретную деталь — монгольский командир указывал направление движения своей плетью.

Контроль за выполнением приказа на этом уровне имелся как сверху — со стороны начальника, так и снизу — со стороны сослуживцев, так как все были сведены в систему круговой поруки. Соответственно, ввиду суровых наказаний за нарушения приказов, как это было предусмотрено военными статьями Ясы (выше цитированными по ЮШ), у обеих инстанций контроля — и снизу, и сверху — были мощные стимулы к исправному выполнению своих обязанностей.

Как уже отмечалось, боеготовность монгольской армии в первую очередь обеспечивалась строжайшей дисциплиной. Также придавалось огромное значение скорости мобилизации, почему в «Великой Ясе» было специальное распоряжение на этот счет: «Каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско, с тем чтобы выступить в поход в любое время, когда придет фирман и приказ, безразлично ночью или днем» [38, с. 264]. Наказание за неготовность было суровое: «Все те, кто в случае сбора не придут, а останутся в праздности у себя [дома], — будут обезглавлены» [55; цз. 2, с. 12].

У командиров монгольской армии имелись регулярные знаки различия — пайцзы соответствующих видов, выдаваемые согласно рангам¹. Во многом это заимствование кидань-

¹ Про это подробно написано в ЮШ, раздел «Трактаты», часть — «Войска», см. [55; цз. 98, с. 946], но там описаны в основном реалии уже юаньской эпохи, при Хубилае и позже. Правда, там кратко упоминается о существовании деления на ранги от темника до десятника и наличие у них соответствующих пайцз во времена Чингисхана.

ской традиции¹, которая была также воспринята чжурчжэнями (см. [76, с. 52, 167, 356]). Но в армии Чингизидов они были видоизменены на китайский манер — пайцзы, первоначально верительные знаки у киданей, у монголов соединили в себе также черты традиционных бирок «фу» с изображением головы дракона или тигра, знаков военачальников в старом Китае. Именно такими описывает пайцзы монгольских военачальников Марко Поло: «У сотника дщица серебряная, а у тысячника золотая или серебряная вызолоченная, а у того, кто над десятью тысячами поставлен, она золотая с львиною головой» [15, с. 103]. Кроме того у военачальников от тысячника и выше имелись личные знамена-бунчуки.

Снабжение войск не поручалось специальным подразделениям — в значительной степени оно вверялось самим воинам. Речь тут идет прежде всего о конях, запасах продовольствия и хозяйственных мелочах. Например, вот что требовал от подчиненных Чаган, начальник личной тысячи Чингисхана: «Средства передвижения (улаг), продовольствие (шусун), веревки (аргамчи) и прочее он получал от этой тысячи» [38, с. 266]. Кроме того, в армии монголов действовало разумное положение военных законов о восполнении недостатков через перераспределение излишков, в том числе и личного состава: «Если в войске, пришедшем на сбор, в десятке есть нехватка нескольких человек, то его укомплектовывают, забирая излишки в ближайших подразделениях и направляя в неуккомплектованные» [55; цз. 2, с. 12]. Остальным, как уже отмечалось выше, заведывали кебтеулы из личной гвардии каана. Таким образом, вопросы распределения снабжения были в ведении как самих военачальников, так и кебтеулов (в сфере их компетенции — оружие, знамена и т. д.).

Система воинских наград вначале не была отработанной — только с завоеванием крупных государств, с заимствованием их устоявшихся традиций (в первую очередь китайских), она стала формализовываться. А при Чингисхане и даже при Угэ-дэ, по свидетельству Пэн Да-я, наградой считалось само право

¹ В «Ляо ши» и «Истории государства киданей» есть их описания [10, с. 331, 535].

грабить побежденных: «Их государство в спокойные времена не награждает, только когда используются войска и в сражении они побеждают, тогда [их] награждают — конями, или золотыми и серебрянными пайцзами, или отрезами полотна и шелка. Взавшим город — отдают его на произвол, [они могут] грабить и забирать детей, женщин, драгоценности и шелка. Первые и последние [в очереди] на грабежи и похищения — ранжируются в соответствии с их заслугами. Тот, кто вырвался вперед — втыкает стрелу в двери дома, пришедшие после — не смеют уже входить. Если найдутся преступившие [этот обычай] — их наказывают смертью. Это считается позором среди товарищей!» [54, с. 16]

Сначала армия Чингисхана состояла целиком из конницы, куда мобилизовывались все монгольские мужчины от 15 до 70 лет (см. [55; цз. 98, с. 946], [54, с. 18а]). С появлением контингентов из немонгольских народов периодически в источниках возникают упоминания о пехоте. Скорее всего, впервые на значение и полезность пехоты монголы обратили внимание в ходе операций в Китае. Упоминания о практике набора пехотинцев в покоренных монголами местностях и использовании их совместно с монгольской конницей есть в китайских («Хэй-да ши-люе», ЮШ — биография Урянхата), мусульманских ([23, с. 93] и др.) и европейских источниках ([4, с. 87], [15, с. 100]). Впрочем, при Чингисхане и его первых преемниках отряды пехоты были относительно немногочисленными, выполняли эпизодические вспомогательные функции и не включались в регулярную монгольскую армию, поскольку имели статус ополчения. Так, например, в 1222 г. в Афганистане действовали совместно Текечук, «командир монгольской армии и Ала-ал-Мульк, вождь ополчения пехотинцев» [57, с. 465].

Промежуточное состояние — между союзными частями в составе армии монголов и разного вида феодальными ополчениями (вспомогательных частей) из войск покоренных (или сдавшихся) земель, с одной стороны, и хашаром^{II}, с другой —

^I В тексте «ань-да», т. е. анда-побратим.

^{II} Букв. «толпа», согнанные насильно на рабские работы, в пользу армии завоевателей, люди.

было у воинских формирований, созданных на основе насильно рекрутированных людей на завоеванных территориях. Если они создавались еще во время завоевания данных территорий, то такие части использовались в виде первой линии, которую безжалостно тратили на самых опасных участках, сберегая тем самым живую силу собственно монголов. Они формировались на основе десятичной системы с командным составом из монголов, вот как описывает их организацию и использование в ходе завоевания Булгара очевидец, венгерский монах Юлиан: «Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены... Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя... Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибнут в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами» [4, с. 87—88]. Кроме насильно мобилизованных в такие подразделения попадали и преступники — так, в «Хэй-да ши-люе» говорится, что «не [присужденных к] смерти наказывают ссылкой на тяжелые работы в войске батуров (то же самое, что по-китайски «бесстрашные воины») и прощают их только после трех или четырех случаев [заслуг]» [54, с. 16]. Что это за «работы», становится ясно из дальнейшего повествования Пэн Да-я: «Раньше, когда они¹ нападали на Тангут и чжурчжэней, то во всех [этих] государствах гнали [впереди] их людей и атаковали их города» [54, с. 18а]. Иначе говоря — все эти подневольные и сосланные широко использовались как расходный материал при взятии городов, будучи под строгим надзором батуров. Правда, в отличие от известия Юлиана, ки-

¹ Т. е. войска батуров.

тайский очевидец Пэн Да-я сообщает и о положительном стимуле для этих людей — возможности получить освобождение при наличии определенного везения, разумеется.

Как уже упоминалось выше, монголы даже придумали специальное название для своих военачальников, под чьим началом были подразделения из местного контингента — таньмачи, упоминания о них есть в современных событиях источниках, «Сокровенном сказании» и других («поставив... воевод — баскаков-танмачинов» [16, с. 193], «сначала были монгольские войска и войска таньмачи¹» [55; цз. 98, с. 946]). От этого названия начальника и сами отряды стали называться таньмачи, по крайней мере в китайских источниках (в мусульманской части империи они назывались по-прежнему — «тама»). После завоевания монголами какой-либо страны такие отряды набирались из ее населения для несения гарнизонной службы под началом монгольских наместников — даруг/баскаков, таньмачи и прочих (ср. «После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов» [16, с. 189]). При этом они могли служить как в своих родных местах, так и в других землях, куда велением хана их могли перебросить.

Кроме частей регулярной монгольской конницы (не только из собственно монголов, но и из прочих народов), которые были организованы по монгольской десятичной системе, ополчений местных феодалов, союзников монголов, частей гарнизонной службы (в мусульманских частях монгольской империи они назывались по-персидски «тама» [37, с. 99], в разделе «Войска» ЮШ четко сказано о разделении на «монгольские» войска и «таму»: «Монгольские войска — все государственные, а войска таньмачи — те, что из всех народов и племен» [55; цз. 98, с. 946]) и пехотных ополчений, в состав вооруженных сил монгольской империи входили также специальные военно-технические подразделения. Уже в ходе войны с Цзинь были сформированы отдельные части технических родов войск — артиллерийские, инженерные и воен-

¹探馬赤 тань-ма-чи, т. е. то, что у РД — «тама».

но-морские, со своей структурой управления. Более подробно о них рассказывается ниже, в параграфе «Осадные технологии монголов».

§§ 13.2. Численность войск у монголов

По состоянию на 1206 г. «Сокровенным сказанием» зафиксированы в составе государства Чингисхана 95 «тысяч» [16, с. 158], то есть военно-административных единиц кочевых народов, которые известны в Центральной Азии с древности. Н. Ц. Мункуев в статье «Заметки о древних монголах» [129] провел работу по оценке общей численности монголов в начале XIII в. На основе тщательного анализа монгольских и китайских источников он пришел к выводу, что «тысяча» — это такая единица, «каждая из которых может выставить тысячу воинов» как минимум [129, с. 394] и представляет собой тысячу семей-кибиток, в каждой из которых по 5 и более человек [129, с. 394—396]. По данным источников, каждая такая структурная единица называлась по числу воинов, которых она обязана была выставить, т. е. «десяток» — десятерых, «сотня» — сто человек и т. д.¹ А в случае нужды такая единица могла выставить и больше воинов — например, за счет подросших старших сыновей «реестровых» воинов данной «кибитки». В дальнейшем изложении необходимо учитывать эту природу «тысяч» и «туменов» (т. е. тысяч и десятков тысяч семей-кибиток) при расчете мобилизационного потенциала монголов и отделять их от собственно боевых подразделений — десятков, сотен, тысяч и туменов.

Из состава данных «тысяч», как уже упоминалось в рассказе о реформах 1206 г., был составлен тумен личной гвардии Чингисхана. Способ его формирования ясно показывает сущность «сотен» и «тысяч» как военно-административных структур: «При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополюнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе

¹ К аналогичному выводу пришел и Г. А. Федоров-Давыдов, см. [187, с. 48].

и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников падлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус» [16, с. 168]. Помимо рассмотренных выше функций тумена кешиктенов, он становился «в военное время и Главным средним полком» [16, с. 169].

К указанным 95 «тысячам» 1206 г. надо прибавить «лесные народы», не перечисленные на момент великого курултая. В 1207 г. экспедиция старшего сына Чингисхана Джучи подчинила монгольской державе племена ойратов, бурят, киргизов и некоторых других (см. [16, с. 174], [38, с. 151—152]). Они могли выставить до нескольких десятков тысяч воинов, так как «Сокровенное сказание» упоминает киргизских «нойонов-темников» и «тысячников» [16, с. 175], сдавшихся Джучи. Таким образом, к началу внешней экспансии непосредственно монголы¹, которые были консолидированы Чингисханом, могли выставить не менее 130 000 воинов в регулярной армии, 10 000 человек в гвардии-кешиге и имели примерно столько же человек резерва в виде старших сыновей в каждой семье-кибитке. Это подтверждается Рашид ад-Дином в приведенной им раскладке собственно монгольских семей/кибиток, относившихся к различным «туменам», «тысячам» и «сотням», перешедших после смерти Чингисхана к его наследникам по разделу между ними — их общая численность составила 129 000 [38, с. 266].

По сведениям РД, СС и ЮШ к 1210 г. карлуки^{II} стали

¹ Включая и монголизированных тюрок.

^{II} Туркская народность в Восточном Туркестане.

вассалами монголов: «Арслан-хан, хан карлуков, явился с выражением рабской покорности к Чингиз-хану и подчинился [ему]» [38, с. 163]. Кроме того, по сообщению «Шэн-у цинь чжэн лу», имелся особый тумен онгутов [28, с. 191], тоже монгольской народности, но не входившей непосредственно в улусы сыновей Чингисхана, перечисленных Рашид ад-Дином в указанном выше реестре. Таким образом, к моменту войны с Цзинь в 1211 г. Чингисхан располагал собственной армией в 150 тысяч человек, союзными карлуками и отдельным корпусом уйгуров — Барчук, их идикут¹ стал зятем Чингисхана и предоставил ему свои войска. А союзные монголам войска тангутов и китайцев империи Сун (Южная Сун) оттягивали на себя часть цзиньских сил.

В ходе завоевания империи Цзинь, имевшей армию, доходившую до миллиона человек (вместе с резервистами), с самого начала на сторону монголов стали переходить пограничные войска цзиньцев, набранные из тюркских, монгольских (онгуты, кидане), тунгусо-маньчжурских (бохайцы, часть чжурчжэней), китайцев², корейцев и прочих народов. Причем со временем в армию монголов вступали и крупные контингенты регулярных цзиньских войск. Так, «Юань ши» сообщает, что осенью 1213 г. сдались с войсками два цзиньских военачальника (там же ЮШ дает возможность определить численность их войск), которые вошли в состав армии монголов: «Мухали на свою ответственность подчинил их себе обоим в качестве начальников над десятками тысяч» [56; цз. 1, с. 17].

К 1213—1214 гг. в состав армии Чингисхана влились уже значительные контингенты китайцев и собственно чжурчжэней — зафиксировано около 46 таких формирований из перешедших на сторону монголов [124, с. 64], кроме того, значительное число их вливалось в качестве пополнения непосредственно в состав «кадровых» монгольских туменов. О трех крупных немонгольских корпусах, сформирован-

¹ Титул владетелей уйгуров.

² Точнее северных китайцев, их монголы называли хань, в отличие от китайцев южных — манзи или сун, по названию династии Сун, ими правившей.

ных соответственно из чжурчжэней, китайцев и киданей, в армии Мухали для его операций в Северном Китае в 1217—1218 гг., сообщает «Шэн-у цинь чжэн лу» [28, с. 191]. Это же подтверждает и «Юань ши»: «Осенью, в восьмой луне¹, Мухали, ставший тайши и возведенный в ранг гована, повел монголов, „дю-кочевников“² и ханьцев, всех [собранных в] армию, в поход на юг» [56; цз. 1, с. 19]. Рашид ад-Дин дает сходную информацию и указывает на численность чжурчжэньского и киданьского корпусов в распоряжении Мухали, который получил от Чингисхана кроме «монголов еще часть войск Кара-Хитая и Джурджэ», над которыми были поставлены «Уяр-ваншай и Туган-ваншай», каждый из которых был «эмиром-темником» [38, с. 179], т. е. у каждого под началом было по тумену. Этих же лиц (Уера и Тухуа) называет ШУЦЧЛ в указанном выше сообщении, а кроме того с Уером и Туганом был еще Балар «с Киданьским войском» [28, с. 191].

Таким образом, не менее 50—60 тысяч человек влились в армию Чингисхана в ходе похода на Цзинь. Кроме того, союзные монголам тангуты и южные китайцы (династии Сун) воевали против цзиньцев, что позволило Чингисхану оставить только 62 тысячи человек в Китае для продолжения операций и обеспечения своего тыла во время Западного (среднеазиатского) похода [141, с. 123].

Вышеуказанное войско, которое Чингисхан оставил в распоряжении Мухали для продолжения китайской кампании перед своим походом на государство хорезмшахов, не могло подорвать силы монгольской армии. Ведь для Западного похода у Чингисхана оставалось войско значительных размеров — около 120 тысяч только собственно монголов. Дело в том, что для общей численности монгольской армии 62-тысячная группировка Мухали уже не являлась критически важным контингентом, так как в ее составе из собственно монгольских

¹ 3 сентября — 1 октября 1217 г.

² «Дю» в основном состояли из киданей, онгутов и кочевых чжурчжэньских, т. е. тунгусо-маньчжурских, народностей.

войск было только 13 тысяч человек¹, в том числе 5000 человек для охраны коренного юрта. И если учесть 10 000 онгутов, под командой непосредственно Мухали (см. [28, с. 190—191]), то остальные 39 тысяч человек в его войске представляли собой формирования из киданей, чжурчжэней, ханьцев и корейцев (данная цифра численности немонгольских войск у Мухали хорошо коррелирует с числом темников немонголов, названных выше, а значит и с количеством их туменов), которые к тому же пополнялись в ходе самостоятельных операций Мухали в Северном Китае. Кроме того, оставшаяся для покорения Северного Китая армия Мухали постоянно пополнялась там не только местными, т. е. цзиньскими подданными, но и южнокитайскими формированиями из Сун: «Летом, в шестой луне^{II}, Ши Гуй, честно и справедливо управлявший сунским [уездом] Ляньшуй, перешел с войсками на сторону [монголов]» [56; цз. 1, с. 21].

Перед походом в Среднюю Азию к Чингисхану присоединились ополчения уйгуров, карлуков и части туркестайцев, оппозиционных хорезмшаху Мухаммеду ибн Текешу. Предварявшая этот поход кампания против государства Кучурук-хана в Восточном Туркестане, прошла под знаком освобождения мусульманского населения от оскорблявших их веру действий наймана Кучулука, бывшего христианина, который стал буддистом ([38, с. 180—183]. Политическая обстановка там сложилась так, что монголов Чингисхана воспринимали как друзей и союзников, а войска хорезмшаха

¹ Ср. «Чингиз-хан дал Мухали... один туман войска, [состоящего] из племени онгут, одну тысячу сборную, четыре тысячи из племени урут, две тысячи из [племени] икирас, предводитель их Буту-гургэн^{II}, одну тысячу мангутов, предводитель Мункэ-Каджа, сын Куылдара, три тысячи из [племени] кунгират, предводитель их Алчинойон... две тысячи джалаириков, предводитель их брат Мухали-гойона, Тайсун» [38, с. 179] и «Чингис пожаловал Мухали... в качестве главного военачальника, предводя 10 000 корпусом конницы Вангу, 1000 отрядом конницы рода Хочжулэ, 4000 отрядом конницы рода Улу, 4000 конницы вождя рода Маньу, Мугэханьчжа, 3000 конницы Аньчишайя, рода Хунгила, 2000 конницы рода Икила, императорского зятя Боту, 2000 конницы рода Чжалар... Дайсуня» [28, с. 190—191], где расхождение в 3000 человек связано с тем, что в ШУЦЧА мангутов четыре тысячи, а у РД их одна тысяча.

^{II} 22 июня — 20 июля 1221 г.

(мусульманина) — как врага [107, с. 88—89]. Поэтому тюрки-карлуки (их государь Арслан-хан привел 6-тысячное войско [141, с. 137]) и остальные восточнотуркестанцы вступали в армию Чингисхана — помимо карлуков в Восточном Туркестане к Чингисхану присоединился «из Алмалыка Суктак-беки¹ со своим войском» [38, с. 198]. Особо надо выделить уйгуров, которые в 1209 г. добровольно стали частью государства монголов, а их государь Барчук в 1210 г. стал зятем и «пятым сыном» Чингисхана [38, с. 163]. Идикут Барчук участвовал в походе как командир своего отборного тумена, причем, судя по тексту его жизнеописания в «Юань ши», это было только подразделение от всех военных сил уйгуров: «[Барчук] вместе с Чжэбэ-нойоном ходил походом на Хан-Мелика, султана всех мусульманских государств^{II} и впереди [всех] лично повел в поход отборное подразделение в 10 000 человек» [55; цз. 122, с. 1321].

Таким образом, остальные части уйгуров могли оставаться на прикрытии коренного юрта с запада совместно с указанными выше 5000 монголов, дополнительно усиливая группировку наместника Чингисхана в Монголии и Китае гована Мухали. Помимо вышеуказанных крупных подразделений карлуков, уйгуров и кашгарцев, во главе которых были их собственные ханы (признавшие себя вассалами Чингисхана), монголы сформировали отдельный, сборный тумен из «уйгуров, карлуков, туркмен, кашгарцев и кучайцев» [37, с. 100], над которым темником поставили Мелик-шаха, и еще отдельные тысячи (например, отдельная тысяча уйгуров Али-Бахши) [там же].

Итого, минимальная общая оценка этой прибавки восточнотуркестанских воинов составляет 30—40 тысяч, или 3-4 тумена. После оставления в Китае у Мухали указанного количества монгольских войск^{III}, численность собственно монголов

^I Его отца в 1217 г. убил Кучулук-хан.

^{II} Т. е. хорезмшаха.

^{III} Из оставленных Мухали 62 тысяч на собственно монголов приходилось только 13 тысяч [38, с. 179], остальные были онгуы — 10 000 [там же] и формирования из населения завоеванных областей Сев. Китая.

в распоряжении Чингисхана составляла около 120 000 человек, и, таким образом, с учетом вышеприведенной оценки сил союзников, в Западный поход Чингисхан мог сосредоточить армию примерно в 150—160 тысяч человек.

Уже в ходе самого похода к Чингисхану присоединилась часть войск хорезмшаха — политическая ситуация в его государстве была крайне напряжена, шла постоянная грызня между разными группировками: этническими, династийными, религиозными. Неудивительно, что при вступлении в пределы Хорезма к Чингисхану стали переходить недовольные феодалы и просто честолюбивые военачальники со своими отрядами. Так, например, сарханг¹ Хабаш перешел к Чингисхану, и ему было доверено вести осаду Нишапура своим отрядом, включавшим и пехоту, и катапульты [23, с. 93]. А после падения Отрара хорезмшаха «покинули семь тысяч человек хитая² из войск его племянников... и перебежали к татарам» [23, с. 83]. Поэтому арабские авторы, как современники (Ибн ал-Асир), так и позднейшие авторы и компиляторы (ас-Субки, Ибн Тагриберди), сообщают о крупных соединениях из «мусульман, христиан и идолопоклонников» [68, с. 137], участвовавших помимо собственно монголов в составе армии Чингисхана в походе против державы хорезмшахов. Причем чем дальше шел процесс разгрома державы хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша, тем больше перебежало к монголам его бывших вассалов — так, после падения Бухары к Чингисхану перешли со своими войсками владельцы Кундуза и Балха ([23, с. 83], [68, с. 145]).

В Великом западном походе численность войск была, видимо, немного меньше, чем в походе Чингисхана на государство хорезмшахов. Ее оценка приближительна и рассчитывается по двум методикам: 1) по Плано Карпини в войсках Бату доля собственно монголов была около $\frac{1}{4}$ от общего числа, но так

¹ Перс. «командир полка», в армии хорезмшаха командир конного отряда в 500 и более всадников.

² Потомки киданей, переселившиеся в 20-х гг. XII в. в Туркестан.

как это было после завоевания Дешт-Кипчака, то до него можно предположить более высокую долю монголов в этом походе — до $\frac{1}{3}$ [97, с. 75], аналогичное соотношение в $\frac{1}{3}$ есть и у монаха Юлиана, который был в Поволжье во время погрома Булгара и накануне похода на Русь [4, с. 89]. А число собственно монголов в улусах царевичей, участвовавших в походе, оценивается в 40—45 тысяч (рассчитывается через сложение «тысяч», отданных в удел царевичам, назначенным в Великий западный поход, по данным реестра РД в [38, с. 266]), что и определяет общую численность в 120—135 тысяч; 2) по числу царевичей в походе (12—14 Чингизидов), каждый в среднем со своим туменом — то есть или лично командуя, или номинально, когда реально командует приставленный к нему опытный командир вроде Субэдэя; таким образом, этот метод оценки тоже в итоге дает численность 120—140 тысяч человек в войске Бату. Последний метод расчета требует определенного обоснования, которое приводится ниже.

Жизнеописание Субэдэя в «Юань ши» подтверждает практику параллельного командования «за царевича» — сам Субэдэй в течение одной кампании был то во главе относительно небольшого отряда, то ему поручается ваном (царевичем) «большое войско» (или указывается, что он «назначен во главе 10 000»). Такие же выводы можно сделать из описания первого столкновения хорезмийцев с монголами в 1218 г. при «двух реках Кайли и Каймичи» [57, с. 370]: согласно ан-Насави ([23, с. 47—49]) и «Жизнеописанию Елюй Люгэ» в «Юань ши», главой войска монголов был старший сын Чингисхана Джучи¹, но при этом у Рашид ад-Дина ([38, с. 190]) и в «Жизнеописании»

¹ По ЮШ, 1226 г. Чингисхан рассказал такую историю о Сешэ, сыне Елюй Люгэ, его матери: «Император сказал так: „Сешэ ныне стал монголом, он был вместе с Нами в походе в Западный край. [Когда] мусульмане окружили старшего царевича-наследника у города Хаами, Сешэ повел тысячу воинов на выручку и вывел из [опасности] его [Джучи], а в него самого попали копьем. Кроме того, [он] сражался врукопашную с мусульманами у городов Балх и Самарканд и был ранен случайной стрелой. За многочисленные заслуги, [он] стал батуром“» [55; изд. 149, с. 1589—1590]; данный рассказ о спасении Джучи относится именно к битве при р. Кайли, так как это название было прочитано китайскими хронистами как Хаами — город и оазис Хамул (или Камил) в Синьцзяне, который, по мнению Ф. Кливза, и был ими отождествлен с «Каймичи» у Джувейни — по-китайски город Хаами записывается как «Ха-ми-чэн».

сании Субэдэя» ЮШ рассказывается, что реально войсками монголов в этом сражении руководил Субэдэй ([56; цз. 121, с. 2976]). Есть и прямое свидетельство армянского хроникера XIII в. Григора Акнерци (в историографии более известного как инок Магакя), в его «Истории о народе стрелков» сообщается о практике назначения царевича во главе тумена: «7 ханских сыновей, каждый с туменом войска» [31, с. 24]. Это свидетельство особенно важно, так как относится к 1257—1258 гг., когда произошел последний общемонгольский поход на Запад — завоевание Хулагу и его армией Багдада и остатков халифата. А эта армия собралась по специальному решению курултая со всей Монгольской империи, аналогично сбору армии для Великого западного похода во главе с Бату. Итак, исходя из этих свидетельств источников, надо признать правоту В. В. Каргалова и А. Н. Кирпичникова ([97, с. 75], [101, с. 144]) касательно гипотезы о том, что за каждым царевичем-чингизидом во времена первых каанов было принято закреплять тумен — под его реальным или номинальным командованием. Можно сформулировать это и иначе — число царевичей, назначенных в поход, указывает нижнюю границу количества монгольских туменов, выделенных в него.

Вот как решение курултая 1235 г. о плане завоевательных походов описывает «Сокровенное сказание»: «Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешиктенев и Центральной частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно так же он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно — народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными

реками Адил¹ и Чжаях¹¹, как то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья». При этом Огодай-хан присовокупил: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаада. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субестаю. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, говорят, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всею ревностью к слову нашего старшего брата Чаада, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие» [16, с. 191—192].

Совершенно по той же схеме собиралось по решению курултая 1251 г. войско Хулагу для завоевания Ирана и Ирака — выделялись воины для его похода из каждой «тысячи», из расчета два человека из каждого «десятка», были также назначены и царевичи в качестве командиров [40, с. 23]. Поэтому

¹ Перечислены племена и города, находившиеся в Восточной Европе вплоть до Урала — канглы/печенеги, кипчаки/половцы, башкиры, русские, ясы/аланы, черкесы, мадьяры или мордва, (?), саксины или сувары, Булгар, соответственно; река Волга — «Адил», т. е. искаженное ее тюркское название Итиль.

¹¹ Т. е. Яик (совр. Урал)

вышеприведенные данные Акнерци позволяют уточнить систему командования туменами со стороны царевичей также и для похода армии Бату.

По подсчетам В. В. Каргалова, специально исследовавшего вопрос, оценка численности армии Бату в Великом западном походе сводится к диапазону в 120—140 тысяч человек. С ним согласен и А. Н. Кирпичников, он также считает, что в походе 1236 г. была задействована 140 тыс. армия [101, с. 144]. Совсем с другой стороны подошел к подсчетам численности монгольских войск в этом походе Н. Ц. Мункуев — он обратил внимание на приказ Угэдэя о выделении старших сыновей в состав армии Бату, который совершенно аналогичен способу формирования армии Хулагу для завоевания остатков халифата в 1253—1256 г. и, видимо, был примером для последнего. Его выводы о численности армии Бату к 1236 году очень близки к цифрам Каргалова: «Армия Бату и Субэдэя насчитывала в своих рядах около 139 тыс. воинов» [129, с. 396], так как число юрт-кибиток, из которых выделялось по старшему сыну, как раз и составляло 139 тысяч. Вывод Мункуева надо уточнить в том смысле, что хотя мобилизация старших сыновей и проходила под заявленную цель походов на запад, но в реальности не все мобилизованные монголы туда отправились — вполне реальной представляется рокировка частей, т. е. некоторое количество мобилизованных монголов оставались на местах, а ранее находившиеся там части из немонголов передавались Бату и остальным царевичам. На это косвенно указывает результат дискуссии монгольских военачальников в ходе курултая 1235 г. о составе выделяемых на походы в Европу и Китай войск, о котором сообщает надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. В ходе совещания было предложено воинов из Китая отправить в «Западный край», а мусульман — в Китай, но в итоге пришли к компромиссу, т. е. что «и те и другие будут участвовать в карательных походах» [44, с. 78]. Поэтому распределение сил можно представить следующим образом: два монгольских тумена отправлялись на помощь к Чормагану (первоначально его силы по ан-Насави составляли 20 000 воинов регулярного монгольского

войска плюс ополчение [23, с. 272], это ополчение было из местных жителей — т. к. Чормаган назван в СС таньмачи [16, с. 193], т. е. командующим местными частями, а у РД он назван «ляшкар-тама четырех десятитысячных отрядов» [37, с. 99]; к концу 1242 г. в источниках зафиксирована общая численность войск у Бачу-нойона, сменившего Чормагана, составившая 40 000 человек в битве с румийскими сельджуками при г. Чманкатук); четыре-пять туменов монголов были непосредственно отданы Бату, Гуюку, Мэнгу, Бури и прочим царевичам, а остальные пять-шесть монгольских тумена (из мобилизованных) заменили те части в улусах, по землям которых шла армия Бату, и которые передавались под команду Бату. Причем получил он меньше, чем было объявлено, — у границ Булгара его ждал тридцатитысячный корпус Куқдая и, таким образом, Бату и прочие царевичи его армии реально вели из Центрального и прочих улусов империи 90—110 тысяч человек, как монголов, так и немонголов. Соотношение монголов с тюрками, финно-уграми и прочими народами (в основном северокитайскими) в составе армии Бату и Субэдэя было таким, как уже указывалось выше, а именно — примерно как один к двум.

Если же привести в систему ранее подсчитанные величины подразделений монгольской армии, то для 1235 г. имеем следующую раскладку вооруженных сил мировой державы Чингизидов, которые курултай мог распределить на все планируемые фронты:

1. После смерти Чингиса (1227 г.) царевичам оставлены собственно монгольские «тысячи» в размере 129, обязанные по реестру выставить 129 000 воинов и имевшие примерно столько же человек в резерве. Они могли выставить около 130 тысяч человек регулярного войска и тумен кешиктенов, всего — около 140 тысяч собственно монгольских воинов.

2. Отдельный тумен онгутов, который в этот «список 129-ти» Рашид ад-Дина не включен.

3. 46 отдельных отрядов в Китае из киданей, ханьцев (северокитайцев), разнообразных тунгусо-маньчжур (бохайцы, чжурчжэни), корейцев и прочих. Их точная численность не-

известна, но поскольку есть известия о, по крайней мере, трех туменах из чжурчжэней, китайцев и киданей, то примерная оценка общей численности отдельных в оперативном понимании частей в размере 50—60 тысяч человек (по 1000—1500 в среднем на отряд) не выглядит завышенной. Отметим еще, что из народов Китая рекрутировались воины в состав непосредственно «монгольских» туменов в качестве пополнения и возмещения потерь.

4. Три или четыре тумена из уйгур, карлуков, канглов и прочих восточнотуркестанцев, как под началом своих феодалов, так и «сборные» части иод началом назначенных центральной монгольской властью командиров.

5. Кипчаки и прочие туркестанцы из бывших армий хорезмшаха, которые после разгрома государства Ануштегинидов остались бесхозными и переходили на службу к монголам. Они скорее всего вошли в состав гарнизонных войск, не включавшихся в регулярную армию центрального войскового деления. Такие части назывались «тама», Рашид ад-Дин так разъясняет это понятие (через пояснение функций командира «тамы» — ляшкар-тамы): «Ляшкар-тама бывает тот, которого назначают [командовать] войском, уволив из тысячи и сотни, и посылают в какую-либо область, чтобы [он и вверенное ему войско] там постоянно находились» [37, с. 99]. Видимо, кроме потребностей в гарнизонной службе по империи монголов, за их счет также компенсировали потери и пополняли регулярные монгольские части.

6. После дальнего рейда туменов Чжэбэ и Субэдэя в 1221—1224 гг. их потери (из первоначальных 20 000, плюс пополнения, вернулось только около 4000) были компенсированы набором из кипчаков, канглов и прочих, который был специально проведен Субэдэем по приказу Чингисхана — «[В год] гуй-вэй¹... [Субэтай] подал доклад трону, чтобы «тысячи» из меркитов, найманов, кирей, канглов и кыпчаков — всех этих обоков, вместе составили одну армию» [56; цз. 121, с. 2976—2977]^{II}. Скорее всего, численность этой новой армии

^I С 202.1223 г. по 21.01.1224 г.

^{II} Про это сообщается в обоих жизнеописаниях Субэдэя (цз. 121 и цз. 122).

по меньшей мере не уступала двум-трем туменам. Последняя цифра более вероятна, так как по сведениям Рашид ад-Дина, Субэдэй с 1229 г. вел операции против Булгара и Саксина с 30 000 воинов [39, с. 21], причем этот корпус оставался там вплоть до 1235 г., когда решением Угэдэя к нему прислали на помощь общеимперскую армию с Бату во главе.

Если суммировать пп. 1—4, то итогов каан Угэдэй имел свободных и наличных сил для намеченных курултаем 1235 г. походов около 230—250 тысяч человек только в регулярной армии, не считая резерва в виде старших сыновей. С учетом того, что в 1236 г. кроме Западного похода крупных войн не велось, а были только несколько карательных походов на Сун и Корею силами не более трех туменов и поход на Кавказ двух-трех туменов под общим командованием Чормаган-нойона (в начале 30-х годов XIII в., по сообщению ан-Насави, у него было около 20 000 человек [23, с. 272], а по РД — 30 000 [39, с. 21] только монгольских войск, не считая местного ополчения), то было вполне возможным выделить 120—140 тысяч человек¹ для Великого западного похода из этой общей численности вооруженных сил монгольской империи.

По результатам Великого западного похода эта численность если не увеличилась, то по крайней мере сохранилась — потери монгольской армии были, видимо, покрыты (если даже не с лихвой) за счет тюркских и финно-угорских народов Поволжья, вообще кипчаков всей Дешт-Кипчак. Дело в том, что потери монгольских войск часто преувеличиваются в литературе, хотя в источниках данные на сей счет весьма скудные. Поэтому возможны только приблизительные оценки на базе немногочисленных источников. Так, по Великому западному походу есть несколько цифр в источниках

¹ На самом деле из Центрального улуса было отправлено 90—110 тысяч, так как они присоединялись к уже имевшимся у Субэдэя 30 000, про это ясно говорит СС касательно решения Угэдэя, который «отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно: народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях» [16, с. 191—192].

касательно потерь монголов — они потеряли 4000 под Козельском [ПСРА т. 2, стб. 782] и каждого тридцатого в битве при Шайо в Венгрии [56; уз. 121, с. 2978]. Обе цифры, видимо, указывают на весьма чувствительные для монголов потери: в первом случае про Козельск так и сказано Батыем — «злой город», а во втором — сам факт сохранения цифры потерь в ЮШ, не склонной обычно сообщать о неудачах своих персонажей, наводит на такую мысль. Возможно, что все потери на Руси за кампанию 1237/38 г. равнялись потерям под конец ее у Козельска (за 60 дней осады Козельска среднесуточные потери монголов составили 67 человек, поэтому можно, исходя из этой цифры, прикинуть потери у других русских городов). Кстати, эти 4000 человек, потерянные под Козельском, составляли примерно одну тридцатую от всего войска Бату, что хорошо коррелируется с потерями при Шайо. И если при этом сражении с венграми у Бату было примерно две трети от всего войска (монголы после погрома Руси разделились на три корпуса в своем походе в Польшу, Чехию и Венгрию), т. е. примерно 60—65 тысяч человек, то абсолютная величина монгольских потерь в одной из решающих битв в Европе оказалась в пределах двух тысяч человек.

Таким образом, возможная оценка потерь монголов за 1237—1240 гг. составляет 20 000—25 000, что примерно равно потерям корпуса Субэдэя и Чжэбэ в ходе их рейда в 1221—1224 гг. В последнем случае монголы быстро восстановили потери за счет восточнотуркестанских тюркских племен, поэтому возможно, что и потери армии Бату на Руси, Поволжье и Северном Кавказе были быстро компенсированы. По крайней мере об этом пишет ЮШ в жизнеописании Субэдэя под годовой записью синь-чоу (с 13.02.1241 г. по 1.02.1242 г.): «Бату подал доклад [императору], [чтобы] прислали Субэтая руководить сражением, Субэтай выбрал из хабичи¹ войско и пятьдесят с лишним человек [их] королей²», которые усердно

¹ Монгольское *хабсигиг* — т. е. «подвластный, находящийся под феодальным протекторатом», в причастной форме — *хабси*.

² В тексте ЮШ стоит китайская транскрипция слова «кэрэл», искаженного монголами финно-угорского слова «кираль», т. е. «король».

работали на него» [56; цз. 121, с. 2978]. Такой набор был проведен за счет народов Поволжья и Руси, это можно заключить из свидетельств источников, относящихся к 1238—1241 гг. Русский летописец середины XIII в., когда писал об участии взятого в плен при битве на р. Сить в 1238 г. князя Василька Константиновича, отметил, что его «нудиша, и много, проклятии безбожнии Татарове (по) обычаю поганьскому быти в их воли и воевати с ними» [ГПРСЛ т. 1, стб. 465]. Если сам князь отказался подчиниться, то кто-то из простых ратников все же вступил в состав татарского войска — в Венгрии русские были отмечены среди монгольских армий. Так, очевидец событий, венгерский хронист Рогериус писал, что при осаде одного из венгерских городов, он «был окружен множеством плененных русских, куманов¹, венгров и меньшим числом татар» [130, с. 54], а перед битвой при р. Шайо в 1241 г., по свидетельству Фомы Сплитского, из монгольского войска «один перебежчик из рутенов² перешел на сторону короля» [51, с. 107].

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что численность войск монгольской империи постоянно росла — от 100 тысяч в момент консолидации Чингисханом монгольских и монголоязычных племен в 1205—1207 гг., до 250 тысяч на конец его царствования и при первых каанах, его преемниках. Такая величина всех регулярных военных сил монгольского государства позволяла вести две-три крупные военные кампании одновременно и при этом еще выделять отдельные отряды для карательно-полицейских операций локального характера.

§§ 13.3. Вооружение монголов

Представление специалистов относительно вооружения монголов Чингисхана в основном сводится к тому, что они были в массе своей вооружены луками, дротиками (из метательного оружия), саблями, пальмами³, пиками, часто с крюком или петлей, топорами и палицами/булавами (из ударного оружия); кроме того, из защитного вооружения они имели

¹ Т. е. половцев или кыпчаков, так их называли в Европе.

² Средневековое название русских в Европе.

³ Пальма — вид колюще-рубящего клинка на длинном, до 1,5 м древке.

щиты, панцири-хуяги и ламиллярные доспехи. Например, А. Н. Кирпичников таким образом характеризует уровень вооруженности монгольских воинов: «хронический недостаток вооружения»; вызванный тем, что «монголы сами делали лишь луки, стрелы и уздечки; другое оружие — трофейное и привозное, или произведено пленными мастерами; только богатые имели латы, сабли и копья» [101, с. 144]. К этому выводу он приходит с учетом данных источников и мнения Б. Я. Владимирцова — «приходится отмечать, что оружия, кроме луков и стрел, у них всегда было мало, даже в эпоху мировой империи хорошее вооружение ценилось очень высоко» [74, с. 43].

Тут нужно отметить, что хотя сами монголы имели довольно развитое кузнечное дело, мощности собственного производства были относительно малыми, так как не имелось в достаточном количестве кузнецов среди населения, основным занятием которого было скотоводство, охота и набеги. Сам же уровень развития железоделания, кузнечного и оружейного ремесла у монголов был достаточно высоким. Даже в монгольском эпосе, отражавшем главные этапы этногенеза монголов, сохранились сведения о древних корнях монгольского мастерства в выплавке и обработке железа, которым владели их предки: «И [вот] они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавиле железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] заложили дрова и уголь у подножия того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное количество железа и [вместе с] тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи... Вследствие этого [люди] не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингиз-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового

года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив [его] на наковальню, бьют молотом и вытягивают [в полосу] в благодарность за свое [освобождение]» [37, с. 154—155]. Недостаток собственного производства восполнялся привозом — ближайшие соседи, кидане, бохайцы и чжурчжэни обладали развитой металлургией и охотно торговали ее изделиями с монголами. В дальнейшем монголы использовали плоды труда захваченных мастеров со всех стран, ими был даже сооружен в 1211 г. специальный город, населенный 10 000 иноземных мастеров (из китайцев и чжурчжэней) по всем видам ремесел [126, с. 107].

Выводы исследователей касательно вооружения монголов во многом основаны на письменных источниках. Самый ранний из них «Мэн-да бэй-лу» описывает вооружение монголов в 1220 г. следующим образом: «Луки седла делают из дерева; [седло] очень легкое и сделано искусно. [Усилие, требующееся для натягивания тетивы] лука, непременно бывает свыше одной [единицы] ши. Ствол стрелы сделан из речной ивы. Сабли очень легки, тонки и изогнуты» [22, с. 78]. Это все, что посчитал нужным сообщить Чжао Хун о вооружении монголов в разделе «Военное снаряжение и оружие» своего «Полного описания монголо-татар». Примерно то же самое пишут Пэн Да-я и Сюй Тин в «Хэй-да ши-люе»: они отмечают у монголов сильные луки с навершием из кости, узкие острые сабли и легкие деревянные седла весом в 3,5—4 кг [54, с. 18—18а].

Надо заметить, что Чжао Хун видел тех монголов, которые жили в районе современного Пекина и которые им владели уже около пяти лет. Т. е. эти монголы имели полную возможность использовать как трофейное китайское вооружение, так и результаты труда многочисленных ремесленников, набранных для службы монголам за девять лет их захватнических войн в Китае и Центральной Азии. Тем не менее, согласно свидетельству Чжао Хуна, основным оружием этих монголов по-прежнему оставались легкие сабли и луки со стрелами.

Монгольский лук очень мощный, что специально отмечается в отчете Чжао Хуна, — его усилие более 1 ши, который

эквивалентен 71,6 кг. Отметим, что Чжао Хун подчеркивает однородность вооружения луками — усилие у них всех «непременно бывает свыше» 71,6 кг. Эти данные позволяют начальникам Чжао Хуна в нужный момент рассчитать огневую мощь тех подразделений монголов. О предельной дальности боя монгольского лука дает понятие так называемый «Чингисов камень», ныне хранящийся в Эрмитаже. Надпись на нем сообщает, что во время пира по поводу победы Чингисхана над сартаулами¹, его племянник Есункэ отличился в стрельбе из лука, пустив стрелу на расстояние 335 алдов («маховых саженьей», т. е. свыше 600 метров).

Из сообщения Плано Карпини можно понять, что монгольский воин при явке на сбор имел всего: три «больших колчана, полных стрелами»; основной лук вместе с запасными одним-двумя луками [12, с. 50]. Но в бою обычный воин имел при себе один колчан с 60 стрелами [15, с. 212] разных типов, среди которых имелись специальные бронебойные (их наконечники узкие гранено-уплощенные или узкие, круглые в сечении), причем они составляли половину от общего числа («тридцать маленьких» [там же]). По Марко Поло, другую половину стрел в колчане монгольского воина составляли «тридцать больших, с железными широкими наконечниками» [там же], т. е. известные по археологическим находкам стрелы, «применявшиеся на охоте и для стрельбы по бездоспешному противнику» [78, с. 374].

Кочевники Центральной Азии пользовались стрелами с бронебойными наконечниками с давних пор (с III в. до н. э.) [78, с. 374], у монголов они также были издавна на вооружении [193, с. 126]. Часто черешок стрелы монголы снабжали костяной свистункой [78, с. 374], их археологические находки подтверждают сообщения письменных источников², в которых говорится о специфическом свисте монгольских стрел. Так, В. Рубрук сообщает о монгольских стрелах, что «когда их

¹ Т. е. над государством хорезмшахов, что позволяет датировать камень не позднее чем 1225 годом.

² В рассказе СС о детстве Чингисхана сообщается, что Чжамуха подарил своему анде Темучжину такую стрелу [16, с. 105].

пускали, они свистели, как флейты» [42, с. 144]. Такие стрелы использовались в сигнальных целях в Китае и Центральной Азии еще с времен гуннов¹.

Мечи монголов, точнее сабли, отмечаются источниками как односторонние клинки: «Они владеют мечами и кинжалами, отточенными с одной стороны» [21, с. 137—138]. Карпини уточняет: «Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые» [12, с. 50]. Вообще же, среди оружия ближнего боя, по данным археологии, у монголов «зафиксированы все виды рубяще-колющего оружия: мечи, палаши, сабли», причем среди последних были наиболее «распространены слабоизогнутые клинки» [193, с. 130]. Находки мечей, атрибутируемые как принадлежащие монголам, крайне редки и исчисляются единицами, а самыми распространенными клинками у монгольских воинов были палаши и сабли. Имелись у монголов и кинжалы, причем как однолезвийные, так и двулезвийные [там же].

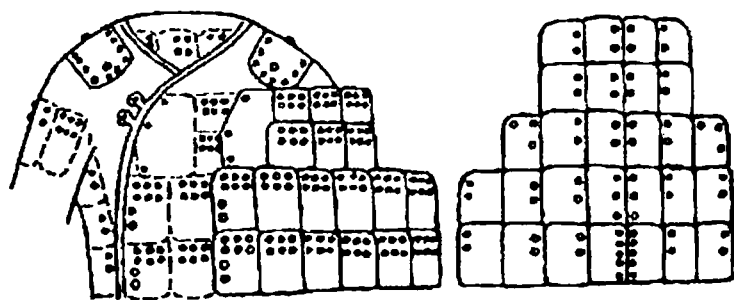
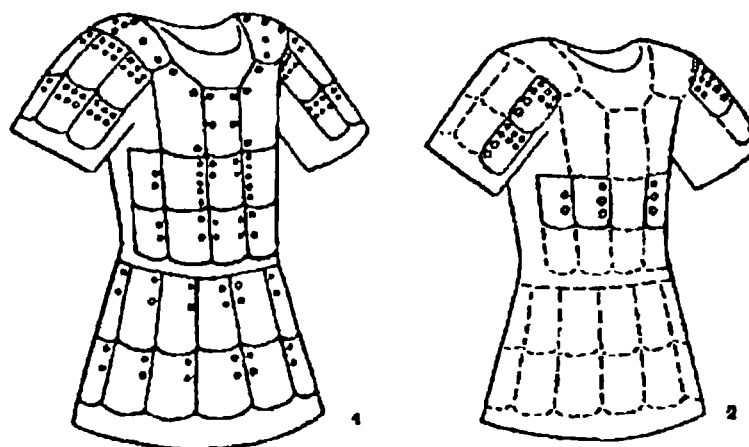
Кроме луков со стрелами и сабель монголы были вооружены копьями и пальмами. Имелись также метательные дротики и пики с крюками («у некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла» [12, с. 51]) и петлями для стаскивания вражеских всадников. В «Сокровенном сказании» про копья не говорится подробно, но они упоминаются. Так, в описании битвы при Мао-Ундур про рода уруут и мангут сказано: «Это люди, которые с малых лет привыкли к копью и мечу» [29, с. 59], или еще — в описании вооружения Чжамухи сказано: «Поднял стальное копьё высоко» [16, с. 101]. В других источниках прямо говорится про метательные копья: «наряду со стрелами... прочим метательным оружием, каким они постоянно пользуются» [21, с. 142]. В сражении при р. Шайо в Венгрии монголы «не переставали метать копья и стрелы» и венгры не могли защи-

¹ Гуннский государь — шаньюй Модэ «начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову; кто на охоте пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову» [6, с. 46], поэтому китайцы называли такие стрелы «сигнальными стрелами».

тяться «от ливня стрел и копий» [51, с. 108]. Ударное древковое оружие монголов было представлено копьями с наконечниками ромбической формы и пиками с удлиненно-треугольным пером, данное оружие применялось «универсально для поражения легковооруженного противника, пробивания неметаллической защиты и панцирной брони» [193, с. 131]. Есть также находки монгольских палм, оружия хорошо приспособленного для поражения бегущей пехоты конником.

Ряд других источников указывают также на наличие палиц (из оружия боя) и ламиллярного доспеха (из защитного вооружения): «Вооружение у них лук, меч и палица; всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки; а на спине у них панцырь из буйволово́й или другой какой кожи, вареной и очень крепкой. Бьются отлично и очень храбро» [15, с. 90]. Кроме палиц и булав, монголы имели также топоры [12, с. 50], их своеобразный, черешковый вид унаследован ими от характерных чжурчжэньских боевых топоров. И боевые топоры и булавы центральноазиатских кочевников хотя и являются крайне редкими археологическими находками, но при этом они четко относятся к монгольским комплексам вооружения [193, с. 133].

Существование ламиллярного доспеха отражено в собственно монгольском источнике, т. е. в «Сокровенном сказании», где имеется описание внешности Чжамухи: «Жесткий походный тулуп свой одел.. Панцырь ремнями прошитый» [16, с. 101]. По сообщению Пэн Да-я, лучшие воины имели доспех из «скрепленных кож», который назывался «латы ивовых листьев» или «латы, свитые из ремней» [54, с. 18а, 21а]. Панцири-хуяги азиатских кочевников известны как по письменным источникам, так и по археологическим находкам⁹, их описание в самом общем виде повторяется у европейских хронистов: «Одеты в бычьи шкуры, защищены железными пластинами... Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены» [21, с. 137] (ср. аналогичное описание в «Анналах Бертонского монастыря»: «Доспехи у них сделаны из многослойной кожи, и они почти непробиваемые» [2, с. 182]).

Доспехи центральноазиатских кочевников, реконструкция
по археологическим находкам
(воспроизводится по [193])

Подробнее всех защитное вооружение монголов и их коней описал Плано Карпини: «У них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириной в руку, заливают их смолою вместе по три или четыре и связывают ремешками или веревочками... Прикрытие лошади они делят на пять частей... Латы же имеют также четыре части; одна простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска,

именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, — из кожи... У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириной в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей... Щит у них сделан из ивовых или других прутьев» [12, с. 50—51].

§§ 13.4. Боевые качества монгольских воинов

Прежде чем перейти к рассмотрению тактических приемов монголов, надо дать характеристику боевым возможностям воинов монголов, так как без этого трудно понять степень совершенства исполнения ими даже самых лучших замыслов полководцев Чингисхана. Боевая выучка монголов характеризовалась как степенью овладения ими тактическими приемами в составе подразделений, так и индивидуальной воинской подготовкой.

Примечательными свойствами монголов в плане их индивидуальной подготовки являются их выдающиеся способности, единогласно отмечаемые всеми источниками, к ведению боя в качестве конных лучников — монголы «являются удивительными лучниками» [21, с. 138]. Данная характеристика пол-

ностью соответствует тем замечательным навыкам монголов к конной стрельбе, известным из других источников, — в 67 лет Чингисхан участвует в охоте с луком и лично объясняет даосу Чан Чуню: «Мы, Монголы, с ранних лет привыкли стрелять верхом» [26, с. 158]; у Плано Карпини имеются аналогичные сведения: «Все они от мала до велика сугь хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» [12, с. 36]. Эти их личные способности стали основой для организации слаженных действий крупных подразделений. Что было зафиксировано также и армянскими источниками — почти везде в них пишется, что монголо-татары «народ стрелков-татар» [5, с. 34], или даже просто пишут «народ стрелков» вместо монголов или татар.

Другими важнейшими составляющими боевых качеств монголов были их выносливость, неприхотливость в пище и воде: «Они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения... они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной» [12, с. 34]. Данные природные свойства монголов, выращавших в трудных природных условиях, усиливались еще и сознательной политикой на поддержание спартанского духа, о чем даже говорилось в биликах Чингисхана: «неволь гладом пса твоего да поидет за тобой» и тогда ни у кого не появится «войско, подобное татарскому, что терпеливо в трудностях и благородно в спокойствии, что в радости и несчастьи одинаково покорно полководцу» [71, с. 46]. Правда, была и обратная «кнуту» мотивация, то есть «пряник» — добыча, которая за вычетом ханской доли была в полном распоряжении монгольского воина. Про это имелись недвусмысленные приказы самих каанов: «Все трофеи, найденные солдатом в походе, как то: пленные, скот, вещи — принадлежат только этому солдату, и запрещается его начальнику конфисковать их путем наказания и угрозы солдату» [117, с. 230].

Очень примечательными свойствами монгольских воинов были настойчивость в достижении цели, внутренняя дисциплинированность и умение действовать в группе: «среди них нет почти никаких тяжёлых ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает» [12, с. 34]. Про врожденное воинское умение монголов и роль охоты, как военной тренировки, сообщают современные источники: «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы [они] каждый день голятся и охотятся» [22, с. 66—67].

Командный состав монгольской армии при Чингисхане формировался на основе принципа, который нам хорошо известен как «суворовская школа», т. е. внимание командира к рядовому солдату должно быть не по должности, а исходя из хорошего понимания его нужд и способностей. Билики самого Чингисхана требовали назначать начальником лишь такого командира, «который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других», такого, «который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы [его] войско голодало и испытывало жажду, а скот отоцал» [38, с. 262]. Рост же командира в должности зависел от его способности руководить самой малой тактической единицей — десятком. Поэтому «кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман: он сможет выстроить их бою», но при этом «каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы [поступим с эмирами] сотен и тысяч и эмиром-темником» [38, с. 260].

Многими источниками отмечается хорошее умение монгольских воинов переправляться через реки. Самое полное описание этого есть у Плано Карпини, который отмечает способность монголов переправляться «через воды и большие реки» [12, с. 52], причем как самим, так и вместе с большими табунами лошадей. Монголы переправляли свое имущество с

помощью больших кожаных мешков (с достаточной плавучестью), причем монгольский воин «плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той» [там же].

Рассмотрение боевых способностей монгольских воинов не может быть полным без учета качеств монгольских коней и умения монголов управляться с ними. Их кони проходили специальное обучение и тренировки. Вот как описывает это Чжао Хун: «Лошадей у них на первом или втором году жизни усиленно объезжают в степи и обучают. Затем растят в течение трех лет и после этого снова объезжают [их]. Ибо первое обучение производится [только] для того, чтобы (они) не лягались и не кусались. Тысячи и сотни составляют табун, [лошади] тихи и не ржут. Сойдя с коня, [татары] не привязывают [его]: и так не убежит. Нрав [у этих лошадей] очень хороший. В течение дня [их] не кормят сеном. Только на ночь отпускают их на пастбище. Пасут их в степи смотря по тому, где трава зелена или высохла. На рассвете седлают [их] и едут. Никогда не дают [им] бобов или зерна. Всякий раз, когда [татары] выступают в поход, каждый человек имеет несколько лошадей. [Он] едет на них поочередно, [сменяя их] каждый день. Поэтому лошади не изнуряются» [22, с. 68—69].

Часто возникает вопрос касательно способностей монгольских коней проходить дальние расстояния — из сообщений многих источников известно, что монголы могли проходить в сутки более 100 км. Специальных свидетельств о физических качествах монгольской лошади в современных источниках не имеется, кроме общих замечаний об их выносливости. Однако из кавалерийской практики более поздних времен можно получить понятие о физической возможности таких дальних переходов. Из наиболее приближенных к монгольской практике можно взять для примера действия северокавказских кочевников, чьи набеги были большой проблемой для Российской империи начала XIX в. В мемуарах генерал-фельдмаршала Д. А. Милютина, в молодости участвовавшего в Кавказской войне, упоминается о специальной тренировке коней у абре-

ков, в результате которой «конь доводится до того, что может в летний день вынести пробег до 150 верст», причем горцы «пускаются в путь о двуконь» [77, с. 308]. Данное описание боевых приемов кавказских наездников Милютин привел в своей записке Военному министерству, посвященной анализу боевых действий на Кавказе.

§§ 13.5. Тактика монгольских войск

Значение тактики, ее постоянного совершенствования, было познано монгольскими племенными ополчениями еще в ходе «малой войны» [165, с. 144], которую представляла собой стенная война всех против всех, когда недостаток в живой силе у сторон компенсировался как индивидуальным мастерством бойцов, так и постоянным поиском лучших тактических вариантов. Поэтому соединение масс умелых бойцов в жесткую организационную структуру, с ее дисциплиной и твердой иерархией руководства, помноженное на талант выдающихся полководцев, его составлявших, и дало ошеломляющий нас до сих пор эффект непобедимой армии Чингисхана.

В главном собственно монгольском источнике, «Сокровенном сказании», есть бесценное указание на принятое у монголов разделение фаз сражения на три части: выдвижение, развертывание и собственно сражение. Причем все они имеют свои названия, что является уникальным случаем — обычно про тактику монголов мы узнаем или от позднейших авторов, либо от противников монголов, не дающих монгольской терминологии. Приведем перевод вместе с подстрочником и лингвистическим комментарием Б. И. Панкратова той части параграфа 195 СС, где описывается боевой порядок монголов в битве с Таян-ханом: «Когда дозоры известили Чингис-хана о приближении найманов, Чингис-хан соизволил сказать: „Убытку бывает от многого — много, от малого — мало“ — и двинулся с войском навстречу врагу, преследуя дозоры найманов. Войска были приведены в боевой порядок, и воины говорили друг другу: „Мы шли в боевом порядке — харагана, — мы построились в боевом порядке — наур, — мы будем биться в боевом порядке — шиучи!“» [29, с. 62]. Б. Панкратов привел в примечаниях

буквальный перевод этого отрывка, дав его в виде подстрочника, который очень важен для целей рассмотрения тактических приемов монголов: «Пойдем сомкнутыми рядами (походным порядком, подобно зарослям трав, пойдем). Встанем развернутым строем (строем, как море, выстроимся). Ударим сокрушительным ударом (битву «долота» будем биться)» [там же].

Таким образом СС фиксирует нам четкое разделение фаз сражения, которые войска монголов слаженно выполняли: сначала походный строй, затем его развертывание — разделение на обходные и окружающие части, а также части атаки и резерва, все это затем переходило уже в собственно боевое соприкосновение с противником. Система управления и сигнализации, четкость исполнения намеченных заранее планов — все это усиливало боевую мощь конных корпусов монголов, использовавших в своих завоевательных походах тактику, многократно испытанную за годы перманентной степной войны. Рассмотрим подробнее их основные тактические приемы.

Обход массами конницы противника, причем широким походным движением, для нанесения флангового удара [164, с. 134] — один из главных тактических приемов монгольской армии. Причем окружение было тем особенно выгодно, что давало преимущество лучшему оружию монголов — метательному, то есть лукам со стрелами и дротикам. Удары при этом наносились массированно и сменяющимися друг друга волнами, что позволяло на расстоянии, безвредно для себя, осыпая стрелами и дротиками врага. Данный прием поражения и сковывания движения противника стрельбой издали был в определенной мере предвосхищением огневого боя последующих эпох. Современники отмечали эту особенность стрелкового боя монголов: «Монголы стреляют из луков дальше, чем другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них не летят, а как бы ливнем льются» [4, с. 85]. Исследователь вооружений средневековых кочевников Ю. С. Худяков считает даже, что монгольские новации в использовании конницей массированной стрельбы сопоставимы «по своему поражающему эффекту с произошедшим в новейшее время

переходом от стрельбы из винтовки к использованию автоматического оружия» [193, с. 124]. С этим выводом можно согласиться, если учесть высокие боевые качества монгольских луков, выучку и меткость монгольских конных стрелков, мощь их залпов — соединение данных факторов и давало эффективность, сравнимую с дистанционным боем регулярных армий последующих эпох, насыщенных уже огнестрельным оружием. Тут можно заметить, что только развитие дальнобойной артиллерии и скорострельного стрелкового оружия завершило век конницы, ведь даже в Отечественную войну 1812 г. башкирские и калмыцкие конные лучники еще смогли внести свой вклад в общую победу русского оружия над лучшей европейской армией того времени.

Для достижения целей обходного маневра он подготавливался с помощью ряда дополнительных приемов. Например, через заманивание противника в заранее рассчитанное место — т. е. прием знаменитых ложных отходов монголов, описанных почти во всех источниках. Вот как о нем рассказывает Марко Поло: «В битвах с врагом берут верх вот как: убежать от врага не стыдятся, убегая поворачиваются и стреляют. Коней своих они приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко; бьет и вражских коней и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает оттого, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары как увидят, что персбили и вражских коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага» [15, с. 91]. Сходно описывает эти принципы тактики «пробования противника на прочность и изматывания» и Пэн Да-я: «Их боевой порядок выгоден для полевого сражения. Если они не чувствуют превосходства — не продвигаются вперед. Во время движения и остановок узнают сильные и слабые места у противника» [54, с. 21а].

Для таких маневров использовались отряды легкой конницы — монголы «отправляют вперед передовых застрель-

щиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия», задача которых — раздражить неприятеля постоянными атаками [12, с. 51]. Действия застрельщиков, видимо, описаны «Хэй-да ши-люе» в следующем тактическом приеме — атака небольшими группами по 6, 9 и 10 человек, каждая из которых разделена на две части. Такая небольшая группа (3 на 3 или 5 на 5) осыпала стрелами противника, если тот пытался атаковать ее небольшими силами, обе части группы расходились и с двух сторон зажимали зарвавшегося врага, а если силы противника были велики, то группа рассыпалась и не давала себя окружить [54, с. 21а].

Другой способ подготовки обхода — выделение маневренных групп, заранее обходящих по широким дугам врага и выходящих в назначенные места и в указанные сроки. Вот пример такого плана из жизнеописания Субудэя: «Субэтай выдвинул отличный план — заманить его [короля] войско к реке Хонин. Войска всех ванов находились в верхнем течении, [где] мелководье и лошади могут перейти вброд, кроме того посередине имелся мост. В нижнем течении вода глубокая, Субэтай хотел связать плоты для скрытной, подводной, переправы, выводящей в обхват врага сзади» [56; цз. 121, с. 2978]. Особое значение придавалось срокам, вот как это описывается в жизнеописании Урянхатая (сына Субудэя): «[Урянхатаем] было по отдельности приказано бицзянам¹ Ели, Тобай и Ячжэнь — неожиданно ударить по ним справа, а Хэтайхувэй — ударить по ним слева. Примерно за 3 дня [они] развернулись и прошли внутрь. К тому времени, как окружение было замкнуто Ачжу, который вел 200 лучших конных лучников, прошло, как договаривались, 3 дня» [56; цз. 121, с. 2980]. Точное исполнение таких приемов и позволяло монголам добиваться такого эффекта, когда «сотня всадников окружает и может охватить (связать) десятитысячное войско, а тысяча всадников, разделившись и растянувшись, может заполнить пространство на сотню ли²» [54, с. 21а].

¹ «Бицзян» — помощник военачальника или второстепенный полководец.

² 1 ли — около 0,5 км.

Развитие идеи выделения обходных маневренных групп привела к появлению у монголов тактического резерва, который мог использоваться или как засадное подразделение (в этом он схож с маневренной группой, заранее выходящей в тыл противника), или как подкрепление для основных частей в нужный момент боя. Осознание монголами своих сильных сторон и своих слабостей привело к продуманной тактической системе, которую они практически шаблонно использовали. Очень удачно описал ее Карпини, собравший воедино все тактические элементы, которые разбросаны по другим источникам: «Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много... А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне. Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой¹, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» [12, с. 53].

Огромное значение в тактике монголов придавалось внезапности и, соответственно, скрытности подготовки, сосредоточения и марша атакующих частей. Большую роль в достижении этой скрытности и внезапности, как тактической, так и стратегической, играла превосходно поставленная разведка. Ее организация будет рассмотрена немного ниже, пока ограничимся вопросами тактических приемов по сохранению скрытности у собственно армейских частей. Понимая, что долго скрывать как сосредоточение, так и сам марш больших

¹ Т. е. в контактный бой.

конных масс невозможно, полководцы монголов чаще всего делали ставку на атаки из неожиданных для противника мест. Например, в ходе знаменитого рейда Субэдэя и Чжэбэ по Кавказу и Дешт-Кипчаку их два тумена прошли не через Дербентские ворота, которые веками считались только и пригодными для прорыва из Закавказья в степи Северного Кавказа, а по неожиданному для всех маршруту. Хотя в армянской летописи XIII в. и говорится, что «войска турок, которые были в Дербенте, не пропустили их¹, тогда они пересекли труднопроходимые места Кавказских гор и ушли» [5, с. 23], но другие источники указывают, что монголы сознательно выбрали этот труднопроходимый, а значит и неожиданный для неприятеля маршрут. Ибн ал-Асир, современник событий, уточняет, что это был путь через Ширванское ущелье [5, с. 14]. Почему был выбран путь через Ширван, показывают выдержки из жизнеописаний в «Юань ши» полководцев, участвовавших в этом рейде: «Было приказано Исмаилу довести указы императора городам Грузии, Ширван и прочим, которые все покорились. Дошли до племени грузин и племени алан» [55; цз. 120, с. 1305]; «[Субэтай] повел войска кругом Каспийского моря, окольными путями дошел до перевала Тайхэ, пробивал камень, открывая дорогу, и вышел там, где его не ожидали. Дошли и встретились с их [кыпчаков] главарями» [56; цз. 121, с. 2976].

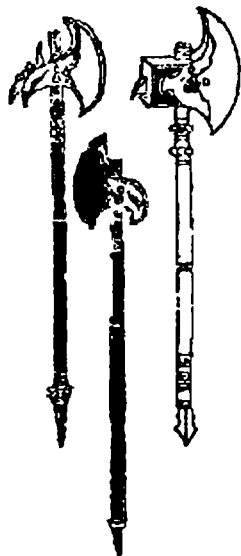
Использование монголами камнеметов и стрелометов/баллист в полевых сражениях было крайней редкостью — видимо, такое случалось только в особых случаях. Надежных сведений о таком использовании легких и передвижных камнеметов и баллист (которые вообще-то имелись у монголов — подробнее об этом в разделе «Осадные технологии монголов») в источниках очень мало. Так, например, широко известный рассказ об Евпатии Коловрате, где описано использование монголами «пороков» против русских воинов, является очень поздним произведением специального жанра древнерусской литературы — воинской повести, и сведения ее относятся ско-

¹ Монголов.

рее к художественной литературе. Более надежное свидетельство о применении камнеметов и баллист в полевом бое есть в венгерских хрониках, но они описывают единичный и очень специфический случай — взятие моста в битве при Шайо. Вот его описание у Фомы Сплитского: «Татары же, поставив на своем конце моста семь осадных орудий, отогнали венгерскую стражу, кидая в нее огромные камни и пуская стрелы. Прогнав таким образом стражу, они свободно и беспрепятственно переправились через реку» [51, с. 107]. Как видно из этого описания, монголы просто применили обычную свою тактику, характерную для взятия крепости, но только для случая моста — с помощью камнеметов обороняющие мост были отогнаны, ровно так же, как отгонялись от своих боевых площадок наверху стены защитники городов.

Существование у монголов Чингисхана приемов таранной, ударной тактики является дискуссионным вопросом. Дело в том, что само существование тяжеловооруженных ударных частей в армии Чингисхана является проблематичным. И хотя есть ряд туманных свидетельств о наличии у монголов конных воинов в тяжелом вооружении, но при этом нет оснований считать их оснащенными вооружением и доспехами, приспособленными именно для таранных ударов, — нет археологических находок монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и так далее, то есть специфических приспособлений для таранных ударов, нет и письменных свидетельств наличия у них собственно таранной тактики, подобной европейскому рыцарству, которое и принято называть тяжелой конницей. Имеющиеся указания на неподкованность монгольских коней [13, с. 120] также свидетельствуют в пользу отсутствия у монголов тяжелой конницы, действовавшей чисто ударной тактикой (эта неподкованность была отмечена в период начала завоеваний монголов, позже появляются свидетельства о том, что монголы переняли у других народов подковку для своей конницы).

Скорее всего, только у части монголов, самых богатых и знатных, имелись тяжелые доспехи. Видимо, они и составляли

Боевые секиры Восточной Азии, в том числе «шо»
(воспроизводится по [210])

отборные части последнего удара — их задача была добивать противника, уже расстроенного тактикой сменяющихся воли атак конных стрелков, доспех для этого был нужен только для лучшей защиты в свалке подобного боя. Для этого уже не нужны были таранные копыя, а только сабли/мечи, шестоперы/булавы, пальмы и копыя с крюками. Косвенно на это же указывают сведения Пэн Да-я, в которых он сообщает, что в «трех случаях из десяти», когда сопротивление противника особенно сильно, вперед посылаются воины в доспехе из «скрепленных кож» [54, с. 21а]. Т. е. даже в случае такого контактного боя, который принял ожесточенный характер, посылаемые вперед лучшие воины не облачены в серьезные доспехи.

Если и было какое-то подобие таранного удара, то его практиковали не сами монголы, а влившиеся в их армию войска других народов (чжурчжэни, киргизы, уйгуры и другие), привносившие свои тактические приемы и новинки. Например — атаку верблюжьей кавалерии. Так, «Юань ши», в жизнеописании военачальника Чингисхана уйгура¹ Джафар-ходжи, «человека из рода сеидов» [55; цз. 120, с. 1297], сообщает, что Джафар-ходжа, с его «огромным телом», «много раз сражался, будучи облачен в тяжелый доспех и фехтуя боевой секирой²,

¹ Уйгуром его называет Чжао Хун в «Мэн-да бэй-лу» [22, с. 64].

² «Шо» — длинная боевая секира.

[он] врывался в строй [противника] и пробивал его как будто летая. Много раз [он] использовал верблюдов для сражений, чего никто больше не мог делать» [55; цз. 120, с. 1297].

Можно только предполагать, что имевшиеся в составе монголов уйгуры и киргизы могли использовать собственную таранную тактику, так как у них имелись такие тяжеловооруженные воины и опыт их применения. Киргизы и уйгуры, подчинившись монголам еще в первые десятилетия XIII в., ввели свои военные формирования в армию Чингисхана. Однако тут-то и возникает вопрос — не потеряли ли они при этом своего организационного и тактического своеобразия, не стали ли они одинаковыми по боевым приемам с единообразной монгольской армией? Ответ на этот вопрос пока не ясен — есть доводы как в пользу варианта их отдельного тактического использования, так и в пользу раскассирования киргизских (уйгурских) воинов по тысячам/туменам монголов, где они могли действовать только единообразно с остальной массой монголов.

Надо заметить, что монголы стали использовать тяжелую конницу в собственном значении этого слова значительно позднее, когда их мировая империя распалась на улусы-государства. В этих государственных образованиях взяли свое местные военные традиции и произошел отход от первоначальных военных традиций монголов Чингисхана. Любопытно, что только Тимуру удалось на некоторое время их вернуть (с определенными усовершенствованиями) и добиться кратковременного ренессанса монгольского военного искусства.

В тактике монголов уделялось значительное внимание боевому охранению. Оно состояло из арьергарда и боковых отрядов. Численность их бывала довольно значительной — до нескольких тысяч человек. Охрана тылов всегда организовывалась и для нее всегда выделялись отдельные части. Так, в первом походе на Цзинь, по сообщению Рашид ад-Дина, Чингисхан поручил охрану тыла Тохучару, которого «оставил с двухтысячным караульным отрядом в тылу охранять обозы [угрук] и орды и некоторое время пребывавшего [там]» [38,

с. 177]. Эта погранично-караульная служба отряда Тохучара так описана в ШУЦЧД: «Чингис отправил вождя Тохучара, с тремя тысячами всадников, к иностранцам западной границы, для дозора» [28, с. 182]. Во время Западного похода уже было выделено 5000 человек для охраны коренного юрта. Как распределялись задачи такого охранения, можно увидеть в описании Рашид ад-Дином функций отряда Тохучара, когда Чингисхан «послал в низовья [реки] в дозор 2 тысячи человек под начальством Тохучара из племени кунгират... для того, чтобы, когда он сам пойдет в страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племен монгол, кераит, найман и других, большинство которых он подчинил [себе], да чтобы и [его] орды были также в безопасности» [38, с. 163].

Кроме использования пленных в осадных работах в качестве хашара¹⁰, отмечено насильственное их вовлечение в состав полевых частей монголов. При этом они, как правило, использовались для первых волн лобовых атак, в качестве одновременно и живого щита, и определенной вооруженной силы, хоть сколько-то могущей нанести урон противнику. В источниках нередко описывается этот прием: «Если случайно некоторых, молящих [о пощаде], помиловали, то словно обреченных на смерть рабов, погнавши перед собой в сражение против их [же] соплеменников. Если кто сражался только для вида или даже пытался потихоньку бежать, то тартары, настигнув их, убивали; если же они храбро сражались и побеждали, то никакого вознаграждения [за это] не получали; и так они обращались с пленниками своими, словно с рабочим скотом» [21, с. 137].

Рассмотренная выше тактика крупных масс конницы, сочетавшей приемы дальней и эффективной стрельбы на поражение с высокой маневренностью, вместе с ее постоянной нацеленностью на глубокие фланговые охваты, умением использовать местность, точной и продуманной заранее (и отретированная монгольскими воинами за многие годы их выучки) организацией движения при тщательной подготовке операций талантливыми полководцами на военных советах

(по сути штабах, использовавших данные умелой и ловкой монгольской разведки), сделала армию монголов абсолютным лидером в военном искусстве начала — середины XIII в.

§§ 13.6. *Тактическая разведка*

Тактическая, армейская разведка была важной составляющей организации монгольской армии. Практически во всех источниках при подробном описании сражений упоминается о разведке или специально выделенном для разведки авангарде. Функции конных отрядов разведки и авангарда были следующие: сторожевая служба — выделение, иной раз на сотни километров вперед, сторожевых конных отрядов небольшой численности; патрулирование отрядами численностью в несколько сотен человек — частое и постоянное, днем и ночью, всех окрестностей [165, с. 145]; взаимодействие с дальней разведкой (стратегической) для проверки их сведений на местности в ходе боевых действий. Ниже будет рассмотрен пример такого взаимодействия — когда Джафар-ходжа, который собирал стратегическую информацию об империи Цзинь, через несколько лет после этого успешно выполнил роль проводника авангарда монгольских войск, выполнявших тактическую задачу.

Монголы придавали огромное значение разведке, про это очень подробно и ясно пишет Пэн Да-я: «Их движущееся войско все время опасается внезапного удара притаившегося отряда, пусть даже всего из пятидесяти человек. И потому прежде всего в обязательном порядке высылаются во все стороны отборные наездники, чтобы они вышли на высокие места и, поднявшись, внимательно наблюдали далеко вперед. Дозоры на пространстве в глубину 100—200 ли внезапно нападают и захватывают тех, кто или живет, или проходит [там], чтобы выведать истинное положение дел везде и всюду: какие дороги лучше и можно ли продвинуться [по ним]; какие [есть] города, на которые можно напасть; какие земли можно восвать; в каких местах можно стать лагерем; в каком направлении имеются вражеские войска; в каких местностях есть провиант и трава. Обязанности всем [этим] заниматься лежат на конных

дозорах, которые возвращаются с докладами. Если очень сильное войско и конница соединили [свои] силы и выполняют построение „еж разворачивается“¹, то ранее окруженные [дозоры] прорываются через узкие проходы: тот, кто найдет [такой проход] — ведет остальной отряд» [54, с. 20а—21].

Конные разведчики были весьма многочисленной частью войска монголов. Так, в ходе погони за хорезмшахом по пескам Средней Азии Субэдэй и Чжэбэ использовали для разведки местности тысячу легких конников [56; цз. 121, с. 2976]. В жизнеописании Мамулаг-тегина, внука идикута уйгуров Барчука, «Юань ши» сообщает: «[Мамулаг-тегин] командовал 10 000 человек конных разведчиков, вместе с Сянь-цзуном² ходил карательным походом на сунский Хэчжоу и имел заслуги в нападении на Длююйшань. Погиб при окружении Хочжоу» [55; цз. 122, с. 1322]. Понятно, что эти 10 тысяч разведчиков не действовали в одном строю — они были разделены на отряды от 500 до 1000 человек. Данные ан-Насави подтверждают такую численность — чаще всего у него упоминаются разведывательные отряды в 700 или 1000 человек. Такие отряды получали задачу или скрытного наблюдения («рассеяться по границе... и наблюдать из засад» [23, с. 99]), или активного поиска противника и сбора о нем информации («подошел отряд татар, собирающий сведения о Джелал ад-Дине, его цели и о том, какие султанские войска прибыли» [23, с. 101]), и, разумеется, они выполняли также и обычные функции боевого охранения. Так, например, разведывательные отряды монголов были направлены на поиски султана Джелал ад-Дина и, в общем, выполнили свою задачу — «на границе пустыни, близ Насы, стояло семьсот всадников из них (татар), и люди не знали причины их пребывания здесь, пока из пустыни не вышел Джелал ад-Дин» [23, с. 99].

Аналогичный дозорный отряд был уничтожен русским войском в 1223 г. в начальной стадии боев в районе р. Калка.

¹Т. е. маневр на одновременное окружение противника выброшенными из военных порядков быстрыми конными отрядами.

² Мэнгу-каан.

Но судя по окончательному результату сражения, он свою задачу выполнил — монголы получили достаточно информации о русском войске, чтобы выбрать выигрышную тактику. Заметим здесь, что аналогичные дозорные русского войска, осматривавшие монгольское войско на Калке, так и не получили правильного представления об его боевых возможностях, они пришли к противоречивым выводам относительно него: «Видити невиденое рати, онем же отшедшим Юрьги же им сказываше, яко стрелци суть, инии же молвахуть — яко прости людье суть, пущей Половецъ. Юрьги же Домамиричь, молвашеть ратници суть и добрая вои» [ПСРА т. 2, стб. 742].

Передача информации от разведки с дальних расстояний была, видимо, поручена специальным гонцам, которые пользовались системой ямов, организованной монголами. Другой возможный вариант — использование птичьей почты. Хотя о ней в источниках, современных Чингисхану и его преемникам, не упоминается, ее существование у монголов зафиксировано в более поздних источниках. Так, о практике передачи информации специально обученными птицами сообщает Г. Н. Потанин, записавший ряд старинных монгольских преданий в 80-х годах XIX в., в частности о гибели Чингисхана от мести тангутской царевны, которая пользовалась для переписки птичьей почтой [112, с. 6].

Про устоявшуюся организацию дела тактической разведки у монголов сообщает Плано Карпини: «Стоящие во главе войска посылают... глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках» [12, с. 51—52]. Как видим, дело поставлено правильно — разведчики находятся под непосредственным началом полководцев, их работа спланирована заранее, а навыки их очень «искусны». Ко времени первых преемников Чингисхана в военно-административном аппарате Монгольской империи уже сформировались регулярные должности, связанные с разведкой: «Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана!... поставив всюду разведчиков — алгинчинов и воевод — баска-

¹ Т. е. после гибели Цзинь в 1234 г.

ков-танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину» [16, с. 193]. Как видим, с одной стороны «алгинчи» уже выделенная должность в вооруженных силах империи, но с другой — они относятся и к аппарату управления завоеванными землями, в этом проявлялась определенная неразвитость государственных служб и отсутствие разделения на военные и гражданские структуры в военно-полицейском государстве монголов. В данном случае «алгинчи» выполняют функции по обеспечению информацией охранных органов, что, впрочем, не удивительно — как уже отмечалось, в традиции монгольской государственности не имелось четкой границы между понятиями военных и полицейских операций.

§ 14. Осадные технологии монголов

§§ 14.1. *Осадные технологии у монголов Чингисхана*

Одним из краеугольных камней распространенного в популярной и околонучной литературе мифа о «непостижимой мощи» армии монголов является тезис о заимствовании монголами китайской осадной «чудо-техники» как главной причины их успехов в войнах против оседлого населения. В результате стало общераспространенным заблуждением считать, что якобы только с помощью «китайских инженеров» орды монголов могли сокрушать могучие государства с их твердынями-городами, дотоле бывшими надежными заслонами против кочевников. Этот тезис в составе прочих стереотипов кочует по страницам не только художественных или научно-популярных книг, но также иногда проникает и на страницы изданий, претендующих на научную строгость.

Поэтому представляется небезынтересной попытка через анализ источников, выявить рациональное зерно указанного представления о монгольской технике взятия укреплений, с одной стороны, и, через критическое рассмотрение свидетельств о ней, систематизировать современные знания о монгольском осадном искусстве и фортификации вообще — с

другой. Задача систематизации видится не лишней — в историографии по данному вопросу обычно ограничиваются простым перечислением способов взятия монголами укреплений и городов. Поэтому важно осмыслить не только отдельные элементы осадной техники в армии Чингисхана, но всего комплекса инженерно-фортификационного искусства как элемента военного дела армии Чингисхана вообще — как собственно монгольских осадных технологий, так и тактики и стратегии их применения при атаках населенных пунктов/укреплений в ходе завоевательных походов монголов первой половины XIII в. Принципиально важным моментом является рассмотрение вопроса в динамике — именно это позволит уйти от наслоения позднейших, по сравнению с рассматриваемым периодом, известий в источниках, и даст возможность придерживаться принципа историзма.

Данная тема имеет особое значение при рассмотрении военного государства Чингисхана — кроме развития тактики и стратегии применения конницы, естественной для кочевников военной силы, монголы эффективно сокрушали крепости и города в государствах развитых оседлых народов. Для современников монголов это было ужасающим сюрпризом, породившим настроения паники и восприятия монголов как «бича божьего» или как обладателей магической силы. Вот как, например, писал о них армянский хронист: «У магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов» [5, с. 14]. Частично такое представление вызвано нестандартностью хода монгольских завоеваний по сравнению с другими кочевниками — до монголов кочевники крайне редко захватывали защищенные города оседлых народов и способность монголов, воспринимавшихся абсолютно диким народом «людоедов», успешно их брать была непостижимой. И потому такое важное отличие военной державы монголов от остальных кочевых «имперских конфедераций» заслуживает особого изучения, тем более что это входит в задачу данной работы — определить характерные черты государства, созданного Чингисханом.

Причина успехов монголов во взятии укреплений была в

системности их подхода и поэтапном усвоении практических знаний о приемах борьбы с крепостями оседлых народов, добытых по ходу их продвижения из монгольской степи вовне. Армия монголов к моменту своих походов на запад — в Среднюю Азию и, далее, в Европу — уже накопила большой опыт в осадных технологиях, который нарастал постепенно, от этапа к этапу. Это обстоятельство обычно не учитывается, хотя оно очень важно — им проясняется та удивительная «легкость», с которой монголы овладевали технологиями развитых оседлых цивилизаций, которая поверхностно объясняется простым заимствованием и привлечением «иностранных специалистов». На самом деле монголы овладевали искусством осады городов медленно, шаг за шагом, т. е. от преодоления обороны слабого противника к осадам более сильных крепостей, от применения примитивных способов взятия городов-крепостей к методам самым совершенным на то время. Если подробно рассмотреть в динамике весь процесс обучения войск Чингисхана этим приемам и взятия ими на вооружение всего арсенала современных им осадных технологий, то выясняется, что этот «мгновенный» переход к армии, оснащенной новейшей по тем временам осадной техникой, занял как минимум 10 лет.

Первоначально у монгольского войска осадные приемы были весьма примитивными — выманивание противника в поле, чтобы поразить его там, в привычных для себя условиях, и затем просто взять беззащитный город или укрепление; внезапный наезд, когда обороняющиеся просто не успевали подготовить отпор и оказывались атакованными в незащищенных местах; простая блокада на измор или общий штурм укрепления. Постепенно арсенал методов взятия укрепленных пунктов становился богаче — подкопы, использование местных рек для запруд или наоборот отвода воды от осажденного города, начало применения инженерных способов борьбы с укреплениями. Вариант прямого штурма города, в надежде использовать свое численное превосходство и усталость противника от непрерывно длящихся атак, со временем стал применяться относительно редко, как крайняя мера.

По мере накопления опыта действий против оседлых государств монголы принимали на вооружение все больше осадных приемов, получали дополнительные технические средства и начинали их творчески разрабатывать, учитывая как свои возможности, так и окружающую обстановку. Процесс становления осадных технологий у монголов можно, по-видимому, подразделить на несколько основных этапов: тангутский, чжурчжэньский и мусульманский.

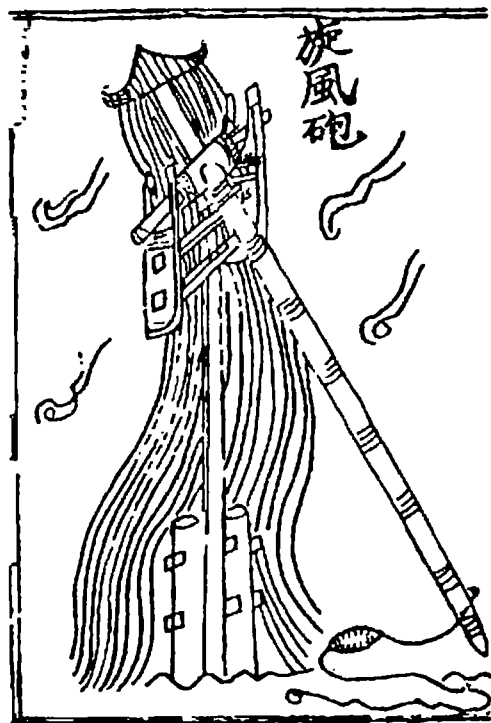
§§ 14.2. *Первый этап — тангуты*

Степень развития осадных технологий у тангутов, надо признать, была достаточно высокой — в них сочетались китайские достижения с усовершенствованием их тангутами, жившими в гористой местности и умевшими хорошо к ней приспособляться. Кроме того, тангуты имели более чем столетний опыт войн с китайцами, в которых они периодически осаждали города неприятеля, правда, с различным успехом. И все же надо сказать, что их система обороны и взятия крепостей была менее совершенной, чем у чжурчжэней и китайцев — например, во время войны с чжурчжэнями, в союзе тангутов с сунцами распределение ролей было следующим: «сунские войска будут штурмовать город, а тангутские действовать в поле» [113, с. 124]. Но как ни странно, именно это обстоятельство оказалось выгодным монголам, причем выгодным вдвойне — им было и проще брать тангутские города, и легче по первому времени осваивать более простую осадную технику тангутов.

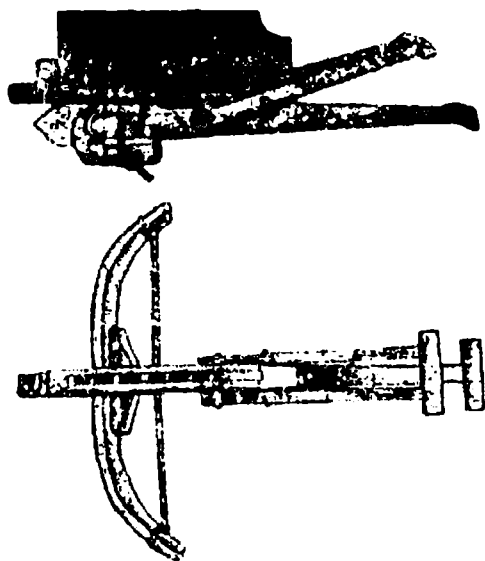
Из техники тангутов по источникам нам известны следующие осадные орудия и приспособления:

1. Боевые повозки.

Исходно это было средство безопасной доставки на поле битвы воинов и снаряжения. Судя по всему, это оригинальное тангутское изобретение, точнее изобретение их предков — цзянов. Такие повозки сохранялись, по мнению исследователя материальной культуры тангутов А. П. Терентьева-Катанского, также и на вооружении государства Си Ся [172, с. 118]. Их описание есть в «Троецарствии»: «Также имелись боевые

Вихревой камнемет
(по [202])

Тяжелый китайский стреломет
(по [210])

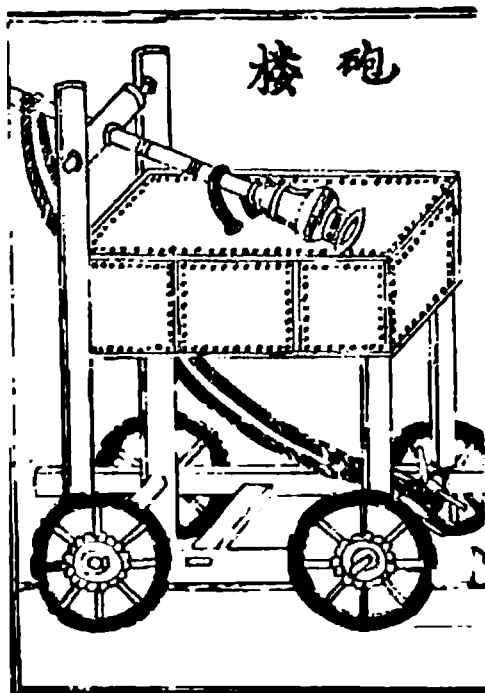
повозки, обитые изнутри железными листами, которые нагружались продовольствием, военным снаряжением и вещами [воинов], повозки тащились или верблюдами, или мулами; [они] назывались — „войско железных повозок“» [53, с. 808]. Позднее у повозок появились узкие бойницы для стрельбы [172, с. 118]. Развитие идеи привело к появлению осадного варианта — движущейся осадной башни, в виде огромной повозки с сотней и более воинов внутри, подтаскиваемой к осажденному городу, с вершины которой тангутские воины переходили на его стены ([там же], [113, с. 125]).

2. Катапульты/камнеметы.

Тангуты имели различные типы катапульт — от простых «вихревых катапульт»¹ и легких катапульт², которые устанавливались на спинах верблюдов [172, с. 118], до стационарных камнеметов. Последние выделялись в отдельное соединение под названием «посичжи» в составе 200 человек [113, с. 118]. К сожалению, сохранилось очень мало сведений о камнеметах/катапульты тангутов, высказывается даже мнение, что «тя-

¹ Камнемет кругового действия на вертикальном опорном столбе.

² Видимо, каких-то вариантов легкого стреломета или аркбаллисты.

Камнеметная башня (по [202])

желое метательное оружие у тангутов, вероятно, не получило большого распространения» [202, с. 53]. Но этот вывод надо признать поспешным — просто малое количество сохранившихся сведений о тангутах не может быть достаточным основанием для него. Ведь даже то количество свидетельств, что дошло до нас, говорит о разнообразии видов метательных орудий у тангутов — помимо указанных выше типов, имелись станковые арбалеты и так называемые «камнеметные башни» (осадная башня с катапультами на ее вершине) [202, с. 52—53]. В последнем случае опять видно характерное стремление тангутов приспособить заимствованное китайское оружие к своим условиям, в данном случае к любимым ими боевым повозкам.

3. Личный инвентарь воинов, который использовался при осадах.

Наличие у тангутских воинов разных рангов комплекта таких инструментов, как железные крюки для вскарабкивания на стены [113, с. 120], веревки, заступы и топоры, было строго регламентировано законами Си Ся [11, с. 148—149]. Это указывает на регулярность использования данного набора средств и заблаговременную подготовку тангутской армии

к организации осадных работ. Более того, в армии тангутов были даже зачатки саперных войск — специальные вспомогательные отряды для инженерных работ [113, с. 118].

Тактика тангутов по овладению укреплениями основывалась на приеме неожиданного удара [113, с. 124]. Если противник выдерживал такой удар, то тангуты переходили к организованной осаде, комбинированию боевых действий с применением инженерно-технических средств. Оно заключалось в проведении следующих мероприятий: осуществление блокады через отрезание путей подхода подкреплений и подвоза продовольствия; огневое нападение на постройки внутри города и ворота; заваливание рвов; устройство подкопов; применение осадных башен и камнеметов против стен [113, с. 125].

Развитие фортификации у тангутов было достаточно слабым, они больше делали упор на особенности своей гористой местности. Установка довольно простых укреплений в горных проходах, долинах, система засад и тактика внезапных атак на коммуникации врага, рискнувшего в них проникнуть, не раз помогала тангутам громить врага на своей территории. Врагу, ослабленному систематическими изматывающими нападениями тангутов, было сложно добираться до внутренних городов Си Ся и вести их правильную осаду. Все это сыграло с тангутами злую шутку — успокоенное предыдущими, как правило плачевными для врагов, опытами нападений на них, тангутское государство к моменту монгольского нашествия сильно снизило уровень своей боеготовности, многие укрепления содержались в плохом состоянии, система пограничной службы ослабла и дала брешу в ряде мест. Только внезапное, хорошо подготовленное нападение монголов заставило их предпринять запоздалые меры по исправлению положения: после ухода монголов император Си Ся приказал в срочном порядке восстановить и содержать в должном порядке крепости [113, с. 257]. Согласно своду китайских известий о Си Ся, о задаче овладеть необходимыми оборонительными средствами писал в докладе императору один из тангутских

сановников [113, с. 124]. Но было поздно — монголы уже получили необходимый опыт, захватили пленных с полезными знаниями и навыками, еще лучше разведали земли Си Ся. Ниже рассмотрим более подробно все случаи взятия монголами тангутских укреплений в ходе этих походов на Си Ся, которые очень важны для понимания эволюции монгольского осадного искусства.

Как уже говорилось, впервые армия Чингисхана столкнулась с проблемой взятия укрепленных городов оседлого народа во время первого набега монголов Чингисхана на тангутов в 1205 г. В нем монголы под командованием Елюй Ахая (киданя по национальности), по сведениям китайских военных историков, подвергли длительной осаде два тангутских города: первый город — это Хэйчэн¹, второй — Динчжоу² [211, с. 124]. Свыше сорока дней безуспешно штурмовало монгольское войско Хэйчэн и взяло его только по истечении более чем 60 дней такой осады и «сильных атак», тогда же сдался и Динчжоу [там же]. Авторы «Истории военного дела Китая» идентифицируют Хэйчэн и Динчжоу как Лицзили и Лосы, которые, по сведениям ЮШ и Рашид ад-Дина, только и были взяты монголами в 1205 г. «Юань ши» по этому поводу сообщает следующее: «В год и-чоу³ государь пошел походом на Си Ся, овладел укреплением Лицзили, подверг [осаде]⁴ город Лосы, много захватил людей с их верблюдами и вернулся обратно» [56; цз. 1, с. 13].

Из этого сообщения ЮШ ясно, что с боями было взято только одно укрепление, а город Лосы был лишь осажден и скорее всего сдался монголам на милость после длительной блокады. Рашид ад-Дин дополнительно сообщает, что крепость Лицзили, «место чрезвычайно укрепленное», была окружена, взята «в короткое время» и разрушена до основания [38, с. 150]. Про город Лосы он пишет, что тот «был очень крупным городом» и что монголы его «взяли и разграбили» [там же]. Со-

¹ На севере совр. уезда Чжанье в Ганьсу.

² Совр. г. Динъюаньин или Баян-Хото по-монгольски в Нишя-Хуэйском АР.

³ С 22.01.1205 г. по 09.02.1206 г.

общение Рашид ад-Дина, видимо, неточно в плане понимания «взятия» Лосы как результата штурма и ошибочно в смысле «быстроты» овладения Лицзили, но в остальном его текст в фактологии совпадает с «Юань ши». Скорее всего, данные расхождения вызваны разным прочтением темных мест общего для Рашид ад-Дина и сводчиков ЮШ первоисточника, где о взятии тангутских городов, видимо, не говорилось подробно, а сообщались только перечень местностей, подвергшихся нападениям, и результаты последних — ограбления городов, их окрестностей и т. п. Рашид ад-Дин и авторы ЮШ поняли события по-разному — возможно, на Рашид ад-Дина повлияло распространенное в его времена представление о быстрых взятиях крепостей монголами и неизменном разрушении ими сопротивлявшихся городов.

Конкретные способы взятия двух тангутских городов нам точно не известны. Если Рашид ад-Дин не ошибся в сроках, то сильно укрепленная крепость Лицзили («весьма неприступная крепость» [37, с. 143]) могла быть быстро взята только внезапным нападением или обманным путем. Однако есть соображения, указывающие на то, что нападение монголов не было для тангутов столь уж неожиданным, они были в курсе происходивших у монголов событий — появления у них единого государя, недовольства Чингисхана решением Си Ся принять бежавшего сына Ван-хана, а значит, и вероятности мести за это [117, с. 149]. Поэтому тангуты скорее всего готовились к отражению монголов [113, с. 257], и вряд ли монголы могли застигнуть гарнизон пограничной крепости врасплох настолько, что «в короткое время ее взяли» [38, с. 150]. Поэтому более обоснованным видится анализ кампании 1205 г. у авторов «Истории военного дела Китая», которые на основе сообщений китайских источников дают следующую версию событий: монголы заранее разведали местность вокруг Хэйчэна/Лицзили; блокировали все возможные пути подхода подкреплений, так что попытки тангутов деблокировать крепость как снаружи, так и извне, провалились; монголы же «по прошествии более чем 60 дней сильных атак и умелых напа-

дений» овладели ею [211, с. 124]. Поэтому самым вероятным способом в первом у монголов случае взятия крепости была комбинация полной блокады и непрерывной череды ее штурмов в лоб, в расчете на изматывание небольшого гарнизона, не имевшего подмоги. Второй взятый монголами город-крепость скорее всего сдался сам после окружения и перспективы повторить участь Лицзили, т. е. быть разрушенным до основания [38, с. 150].

Уже результаты первого набега на оседлое государство подвигли Чингисхана серьезно заняться обучением своей армии способам взятия укреплений. Успеху в этом предприятии способствовало то, что тангуты обладали как осадными технологиями неплохого уровня, так и практическим опытом их применения. Их достижения и в том, и в другом стали доступными монголам в 1205 г., когда они захватили огромное число пленных тангутов. Учитывая то, что монголы уводили с собой в первую очередь ценных специалистов и ремесленников, нельзя сомневаться, что среди них имелось определенное число потенциальных инструкторов и мастеров осадного дела, способных передать в руки монголов нужные сведения и навыки, — данная практика монголов подтверждена многими источниками. В частности, Плато Карпини писал: «В земле Саррацинов и других, в среде которых они¹ являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам» [12, с. 58]. Нетрудно видеть, что те осадные средства, которые монголы еще не имели на вооружении (подкопы, осадные башни и простые камнеметы и аркбаллисты), можно было перенять довольно быстро от пленных тангутов сразу после первого набега на Си Ся. Кроме того, они наверняка разжились и трофейной техникой — при сдаче крепости сохранение камнеметов и прочей техники для передачи ее победителю входило в стандартные условия капитуляции [202, с. 253—254].

В 1207 г. во время второго тангутского похода, согласно китайским источникам, монголами были захвачены другие

¹ Монголы.

два города-крепости. Из ЮШ известно, что был взят Валохай (иначе — Уйрака), крепость в горном проходе Алашаньских гор в Нинся: «вторично ходили карательным походом на Си Ся, овладели городом Волохай» [56; цз. 1, с. 14]. Эта крепость имела важное стратегическое значение, так как запирала прямую дорогу на столицу Си Ся. В источниках нет разъяснения деталей взятия и потому не ясно, каким способом монголы овладели ею. Можно только предположить, что скорее всего сработал фактор внезапности, так как крепость закрывала очень тесный проход (всего около 24 м шириной) [134, с. 22] и была слишком хорошо защищена как природными условиями, так и оборонительными сооружениями, чтобы быстро ее взять. Тем не менее монголы взяли ее в самом начале своего похода и сделали базой для своих последующих операций [113, с. 298]. Вторым городом был Цзечжоу, который монголы взяли «с боя», в ходе которого они пробili его стену, а затем перебили все его население до последнего человека [211, с. 125].

Таким образом уже через два года после первых опытов взятия городов монголы могли разбивать крепостные стены, что показывает их способность быстро учиться осадному искусству. Вряд ли можно поэтому удивляться тому факту, что первым начальником камнеметной артиллерии, зафиксированным в источниках, был чистокровный монгол Аньмухай. В его жизнеописании в ЮШ сообщается, что Чингисхан именно от него получил нужные сведения о способах взятия крепостей с помощью камнеметов [55; цз. 122, с. 1327]. К моменту войны с чжурчжэнями Аньмухай был уже признанным авторитетом в этом вопросе и даже считался своеобразным кризис-менеджером, что отметил сам Чингисхан при подготовке очередного похода против Цзинь: «Мухали шел в поход на юг, император дал ему указание, сказав так: „Аньмухай рассказывал, что стратегия использовать камнеметы для нападения на укрепленные города очень хорошая. Ты можешь назначить его на должность и [если] какой-то город нельзя разрушить, то сразу же давай ему золотую пайцзу и посылай в соответствующем направлении в качестве даругачи камнемете-

метчиков“» [там же]. Это означало, что имевшиеся собственно монгольские специалисты успешно перенимали тангутский и чжурчжэньский опыт в самом начале завоевательных походов Чингисхана и стали даже экспертами-надсмотрщиками над немонгольскими специалистами. На это указывает использование термина даругачи, т. е., так сказать, комиссара и контролера верховной монгольской власти в какой-либо области. Поэтому можно заключить, что процесс обучения и подготовки кадров для своих артиллерийских и инженерных частей осуществлялся при постоянном контроле самого каяна¹ как непосредственно, так и через доверенных лиц вроде Аньмухая.

Два тангутских похода очевидным образом продвинули возможности монголов брать укрепленные города, они получили практический опыт следующих способов их взятия, которые зафиксированы при успешных осадах четырех тангутских городов-крепостей: блокада на измор; внезапное нападение или взятие хитростью; непрерывные штурмы в лоб за счет численного превосходства; взятие штурмом после пробития брешей в стенах. В последнем случае можно предположить появление у монголов осадной техники — камнеметов и таранов. Это вполне вероятно по причине большого числа пленных, взятых в двух походах, которые были в первую очередь военными, ремесленниками и прочими полезными для монголов специалистами. В связи с этим не кажется преувеличением утверждение китайских военных историков, что «Чингисхан, через 2 года (в 1207 г.), повторно напал на Ся для изучения способов взятия городов-укреплений» [211, с. 125].

Генеральной репетицией для армии Чингисхана перед полномасштабной войной с Цзинь, где имелось большое число крепостей и городов, составлявших основу обороны страны, была война с Си Ся в 1209 г. Она представляла собой уже настоящую войну, в отличие от предыдущих двух операций

¹ Причем в жизнеописании Аньмухая, где сказано, что Чингисхан «расспрашивал Аньмухая о способах нападения на крепостные стены», употреблена глагольная форма многократного действия.

локального характера. В ходе ее монголы рискнули атаковать большой город — столицу тангутов Чжунсин. Но перед этим они вторично взяли крепость Валохай, причем на этот раз тангуты оказали сильное сопротивление [113, с. 299], но были подавлены превосходящими силами армии Чингисхана, а гарнизон ее вместе с командующим Сиби был взят в плен [56; цз. 1, с. 14]. На пути к столице тангутов оставалась горная застава Имэнь, запиравшая узкий горный проход, в которой была сосредоточена главная армия тангутов в 50 000 человек. Первое столкновение выиграли тангуты, отразившие штурм монголов. Тем не менее Имэнь была взята с помощью излюбленного средства монголов — ложного отступления и заманивания в засаду: конница монголов начала наступление, которое тангуты легко отразили и сами перешли в наступление, но в ходе его почти вся армия тангутов попала в засаду и была уничтожена, а оставшаяся без гарнизона застава Имэнь оказалась легкой добычей армии Чингисхана [113, с. 299]. Судя по сообщению Рашид ад-Дина, на этот раз захват небольших городов и крепостей не составил для Чингисхана больших проблем, так как «в каждой местности, где были непокорные [тангуты] и крепости, он всех их привел к покорности и завоевал» [37, с. 144]. Скорее всего, большинство их сдалось, и только небольшая часть сопротивлявшихся бралась приступом монголами, которые локально имели значительный перевес в силах.

Тем не менее осечка у монголов все же случилась — столица Си Ся так и не была ими взята, несмотря на два с лишним месяца осады. Ни штурмы, ни попытки разбить стены, которые продолжались больше месяца [211, с. 128], им не удавались, и потому был применен способ затопления города. Наличие большого числа пленных должно было помочь построить плотину. Она была быстро возведена, и монголы «отвели воды реки и залили» Чжунсин [56; цз. 1, с. 14]. Хотя в городе была подмыта часть домов и утонуло много людей, он не сдался, и монголы решили выждать до его полного затопления, одновременно ведя переговоры [113, с. 300]. Но эта тактика не сработала: прошли сильные дожди и построенные не очень

умело «дамбы были прорваны, водой было затоплено всё снаружи города. Поэтому [монголы] сняли осаду» [56; цз. 1, с. 14].

В целом, результаты тангутских походов для развития осадных технологий монголов можно охарактеризовать так: отработано взятие небольших городов-крепостей; арсенал осадных приемов состоит из внезапных захватов, штурмов, блокады на измор, затопления и первых опытов применения трофейных камнеметных и камнебитных машин. Технический же парк монголов пополнился вихревыми камнеметами, различными типами бляд¹, стрелометами, осадными башнями, штурмовыми лестницами и индивидуальными крюками для вскарабкивания на стены. Все это было сначала трофейным, а затем и произведенным пленными мастерами.

Систему осадных средств монголов первоначального периода их освоения можно представить по свидетельству Плано Карпини, который хотя и описывал ее в 1246—1248 гг., но скорее всего информаторы снабдили его устаревшими сведениями, так как их рассказ совпадает в характерных деталях с описаниями осад периода 1205—1211 годов:

«Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей², которых убивают, и выливают его

¹ Камнемет с метательным рычагом.

² Попытка описать горючие смеси китайских огнеметов, использовавших в своих смесях разные масла [201, с. 165—166], известных в Европе как «греческий огонь», действие которых далее описано достаточно точно — неугасимость водой и т. д.; возможные редкие случаи добычи жира для их создания в опустошенных местностях из трупов могло поразить воображение очевидцев и надолго остаться в памяти как постоянная практика страшных завоевателей.

в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмогу и не удалит их силою» [12, с. 54].

§§ 14.3. Этап второй — чжурчжэни

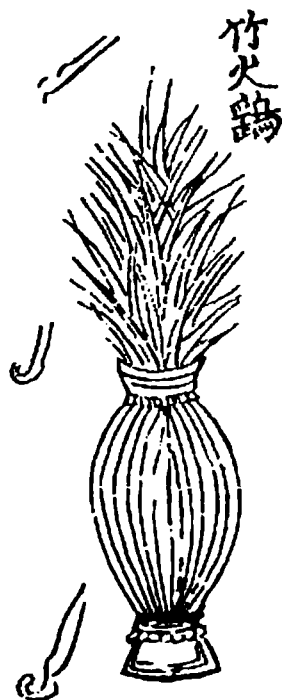
С чжурчжэньскими достижениями в защитной технике монголы были знакомы давно — с тех давних времен, когда они периодически устраивали грабительские набеги, а чжурчжэни строили фортификационные сооружения против них. С осадной же техникой чжурчжэней монголы смогли впервые познакомиться в Си Ся, причем не прямо, а через посредство пленных — тангуты в ходе своих войн с Цзинь накопили достаточное количество пленников оттуда. Исходя из общей практики удерживания самых ценных пленных, т. е. обладающих полезными знаниями и навыками, можно предположить, что среди цзиньских военнопленных были и специалисты по осадной технике, в которой тангуты отставали от чжурчжэней. Возможно, что среди массы военнопленных двух тангутских походов Чингисхана такие цзиньские специалисты перешли по наследству к монголам — это косвенно подтверждается еще тем, что «в 1211 г. монголы начали захват государства чжурчжэней войсками, уже оснащенными метательной техникой» [202, с. 55]. То есть такая техника стала к этому времени достаточно распространенной, что указывает на форсирование монголами процесса ее освоения, а значит, и

концентрации усилий — в том числе за счет поиска всех возможных источников.

Прежде чем перейти к вопросу о том, что именно монголы переняли у чжурчжэней, надо охарактеризовать уровень владения чжурчжэнями фортификационными и осадными технологиями. Осадное и фортификационное искусство у чжурчжэней было более продвинутым, чем у тангутов. По мнению исследователей, раннее знакомство их с китайской техникой состоялось через посредство киданей к XI в. С другой стороны, войны с киданями, китайцами, тангутами и степными пародами заставили чжурчжэней в целях защиты совершенствовать искусство фортификации, сначала через заимствование у киданей, корёсцев (корейцев) и китайцев, а потом с помощью своих оригинальных находок.

В начале XII в. чжурчжэни во время своей экспансии в земли Сун непосредственно столкнулись с китайскими осадными технологиями, что и «привело к более интенсивному, чем у киданей и тангутов, процессу использования... китайской техники» [202, с. 53]. Вообще на вооружении у чжурчжэней состояла «разнообразная и многочисленная метательная артиллерия» [202, с. 54]. Типы чжурчжэньских метательных орудий к началу XIII в. практически не отличались от китайских и состояли из различных моделей двух основных типов: одно- и многолучных стрелометов и натяжных камнеметов (или блид). Заметим, что к XII—XIII вв. процесс взаимного влияния на развитие доогнестрельной артиллерии у народов Дальнего Востока и Центральной Азии, соседей Китая, завершился практически унификацией ее типов, за исключением изобретений и усовершенствований, которые не сразу получали распространение и временно составляли монополию изобретателей. Поэтому в целом можно говорить о метательной технике на вооружении у указанных народов как о камнеметах/стрелометах «китайского типа» [202, с. 56].

Данные орудия подразделялись на стационарные и подвижные (на колесах), и все они, в свою очередь, подразделялись по мощности (в зависимости от количества натяжных

Зажигательный снаряд (по [202])

элементов — метательных шестов). Камни, тяжелые стрелы и специальные бомбы огненного боя могли забрасываться чжурчжэньскими камнеметами и стрелометами (аркбаллистами) на сотни метров. Эффективная дальность камнеметов, рассчитанная для самого тяжелого снаряда (60—80 кг), была в пределах 100—200 м, в зависимости от количества натяжных элементов — у чжурчжэней и китайцев число таких метательных шестов в машинах достигало до 10¹. Для аркбаллист эффективная дальность доходила до 400—500 м.

Особыми средствами дальнего боя, развитыми чжурчжэнями относительно более ранних китайских изобретений, были средства огненного боя — огненные стрелы и огневые снаряды. Огненные стрелы представляли собой «род зажигательных стрел, на древке которых монтировалась трубка, начиненная порохом» [75, с. 206]. Эти стрелы выбрасывались из лука, а зажженный порох придавал стреле дополнительное движение. Такие стрелы использовались для дальних ударов и поджогов целей, в частности для зажигания строений в осажденном городе. Использовались чжурчжэнями и орудия для выбрасывания горючих смесей типа «греческого огня» и сход-

¹ Позднее у монголов династии Юань зафиксированы камнеметы с 15 шестами.

Разрыв порохового снаряда (японский рисунок XIII в. [202])

ные с огнеметами на нефтяной и пороховой основе, которые были изобретены китайцами еще в VIII в. [201, с. 165—166].

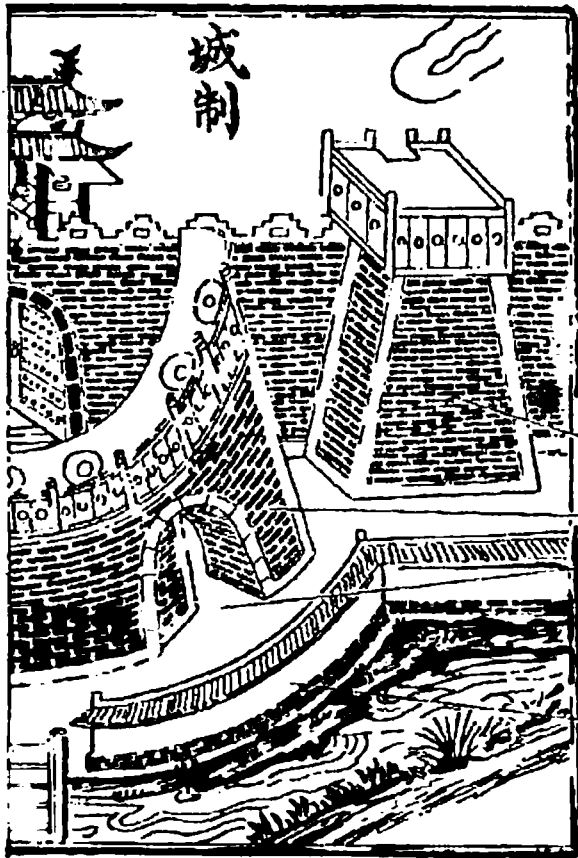
Для метательных машин в качестве снарядов придавался огневой припас, или, как он буквально назывался у чжурчжэней, — «огневые кувшины», которые представляли собой шарообразные глиняные сосуды, заряженные порохом или горючей смесью. Данный вид огневого нападения издавна применялся китайцами, чжурчжэни же, перенявшие его разные виды, внесли свой вклад в технику огневого боя. «Огневые кувшины» имели особое дистанционное устройство, оригинальное изобретение чжурчжэней, позволявшее устанавливать в бомбе-«огневом кувшине» заданное расстояние полета и взрывать ее над целью. Снаряды чжурчжэней взрывались с сильным грохотом, за что получили еще название «исторгающие гром», и распространяли пламя на 50 с лишним метров, на протяжении которых они были способны прожигать латы противников [75, с. 206].

Фортификация у чжурчжэней была результатом взаимодействия своей традиции и традиции китайской (т. е. как собственно китайской, так и ее переработок киданями и корёсцами). Чжурчжэни внесли свой вклад в китайское фортификационное искусство — они «создали систему смешанных, горно-равнинных укреплений, перенеся тип горных укреплений... на

сопки, господствующие над равниной, и усилив эти крепости сложными искусственными сооружениями (высокими валами, глубокими рвами, башнями, барбаканами у ворот, цитаделями, барбетами для катапульт)» [76, с. 67]. В итоге чжурчжэни возвели многокилометровые сооружения на северо-восточных границах для обороны от набегов монголов. Они представляли собой протянувшиеся на 1500—1700 километров ряды рвов и валов, которые были сложены из глины, с камнями вперемежку, в которые были встроены на определенных дистанциях друг от друга пограничные посты или форты/крепости [75, с. 209]. В строительстве крепостей чжурчжэни умело использовали также водные преграды: реки, их притоки и протоки, болота и озера, позволявшие усилить защиту без необходимости дополнительно строить высокие валы и стены, а кроме того обеспечивавшие защитников питьевой водой.

Приведем описание типичной чжурчжэньской крепости, полученной на основе реконструкции раскопанных археологами цзиньских городов, где за эталон взята неплохо сохранившаяся так называемая «Красноярская крепость»:

«Красноярская крепость занимает три сопки и напоминает треугольник. Одна сторона этого треугольника очень крутая и омывается рекой Суйфун, две другие более пологи. Крепость окружена многокилометровым валом неодинаковой высоты (от 1 до 4,5 м), а в некоторых местах двумя-тремя рядами валов. Перед валами заметны остатки двойного рва. В стенах к настоящему времени прорезано несколько ворот, четверо из них, по-видимому, древние. Древние ворота устроены в глубине распадков, защищены фланками стен, небольшими редутами внутри крепости, наружными валиками (плохо сохранившимися) и, возможно, надвратными башнями, но сейчас нет и следа настенных и надвратных башен. Один из углов крепости отгорожен валом: здесь был внутренний город. На территории крепости много водоемов, укрепленных площадок с грудями ядер, террас, специально насыпанных по склонам, площадок... Чжурчжэни строили городища двух типов: более или менее правильной формы — прямоугольные

Укрепленная стена китайского города (по [202])

или квадратные на равнинах и свободной формы — на возвышенностях... В крепости появился внутренний город — цитадель, водоемы, площадки и террасы под строения, барбетты для катапульта, кордегардии, поперечные валы» [75, с. 208].

Развитие фортификационного искусства у чжурчжэней привело к появлению очень сложных систем оборонительных сооружений. Хотя основой ее и оставался вал, но он усложнился: изнутри к нему примыкали барбетты и насыпи для подъема на стену людей и катапульта; имелся внутренний вал, более высокий, чем внешний; с наружной стороны вырывались рвы. По углам валов стояли башни, имелись они у ворот и по фронту наружных стен (если они были достаточно длинными, так как расстояние между башнями было обычно 30—80 м, для гарантированного перекрытия этого расстояния стрелами с двух сторон). Башни обеспечивали прострел мертвого пространства вдоль куртин. Считается, что равномерное размещение однотипных башен является чжурчжэньской рационализацией [75, с. 209].

Столкнувшись со столь сложными и совершенными для того времени оборонительными системами цзиньцев, монголы тем не менее достаточно уверенно боролись с ними. В этом им помогли: во-первых, накопленный опыт в войнах с тангутами; во-вторых, созданные за это время инженерные и артиллерийские части, с большой материальной частью и хорошо обученным составом, как монгольского, так и тангутско-чжурчжэньско-китайского и мусульманского происхождения. Причем военные действия против чжурчжэньских укреплений можно условно разделить на два этапа: 1211—1217 гг. и позднее. В ходе первого этапа монголы, подобно тангутским походам, учились и прицеливались к ведению войны против городов и укреплений чжурчжэней.

Так, в первый год войны монголы захватили немного крепостей — крепость-заставу Цзюйюнгуань, которую цзиньские войска бросили, и крепость Ушану, захваченную быстрым налетом отряда Чжэбэ (брались и менее мощные укрепления, вроде укрепленного лагеря Уюэин), все они легко брались после того, как защищавшие их цзиньские войска выходили в поле и там разбивались, а монголы не теряли войск в ходе бесполезных штурмов укреплений. Кроме того, крепости и города сдавались или бросались на произвол судьбы командирами военных отрядов и пограничных гарнизонов, сформированных из киданей, китайцев и прочих народов, недовольных политикой Цзинь. После этого монголы получали в свои руки как трофейную чжурчжэньскую технику, так и специалистов по ее обслуживанию. Кроме того, среди пленных, взятых в полевых сражениях, тоже находились нужные им специалисты. Всего в кампанию 1211 г. монголы завладели двумя мощными крепостями и тремя крупными, хорошо укрепленными городами (например, Западную столицу бросил защищавший ее полководец чжурчжэней [211, с. 129]), не считая укреплений более слабого порядка. И ни в одном случае им не понадобилось вести длительную осаду. Зато трофеев и пленных они набрали огромное количество.

Кроме всего прочего, в кампании 1211 г. монголы осно-

вательно ознакомились с осадной техникой и фортификацией чжурчжэней — как снаружи, так и внутри, после взятия крепостей и консультаций у чжурчжэньских инженеров и артиллеристов, попавших в армию Чингисхана. Их роль в монгольской армии с тех пор стала весьма важной: не зря в ЮШ из пяти жизнеописаний командующих камнеметными командами при Чингисхане два относятся к чжурчжэням или киданям, два — к китайцам и один командующий камнеметами был монгол (Аньмухай). Все это сказалось в кампаниях следующих лет: в 1212 г. были уже взяты пять крупных городов (среди них Восточная столица чжурчжэней, взятая приемом ложного отхода; правда, другую столицу — Западную — монголы взять не смогли) и крепость-проход в Великой китайской стене (тоже взятая ложным отступлением); а в 1213 г. наметился перелом — по подсчетам китайских военных историков, монголы овладели около 90 городами и крепостями [211, с. 131], и хотя многие из них были сданы командирами, перешедшими к монголам, а еще 11 крупных городов монголам взять не удалось (см. ЮШ цз. 1 в Дополнении), прогресс в борьбе с укреплениями был налицо. После 1214—1215 гг., когда начались периодические перемирия с чжурчжэнями, монголы в основном занимались рейдами на цзиньскую территорию в целях карательных или просто грабежа. Но бывали и всплески активности, когда за год монголы могли овладеть сотнями городов, больших и малых. Тем не менее характер войны к середине 1210-х годов более-менее устоялся — монголы приходили, брали и разоряли округа и города и потом, как правило, уходили обратно. Но на втором этапе тактика их изменялась — монголы стали прочно устраиваться на захватываемых территориях, что поменяло характер войны и увеличило ее ожесточение.

За первые годы войны с Цзинь монголы накопили опыт осад, создали инженерные и артиллерийские подразделения, подготовили кадры и материальную часть для них. Все это было очень важно в тот момент, когда первоначальный ресурс, в виде перехода к монголам всех недовольных Цзинь,

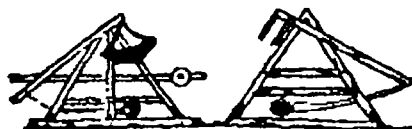
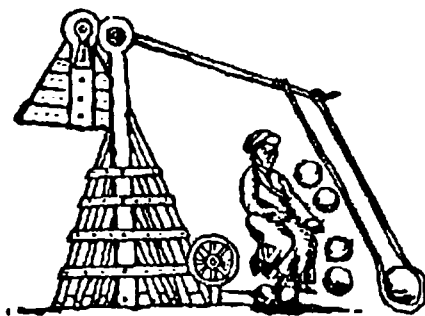
закапчивался, а воля к сопротивлению у чжурчжэней увеличивалась. Поэтому наступивший период войн с ними, вплоть до падения Цзинь в 1234 г., характеризовался ожесточенными сражениями и тяжелыми осадами, когда поражения монголов стали уже не редкостью. Но и армия монголов к тому времени была иной, чем в 1211 г.: к началу второго этапа войны с Цзинь, отличавшегося большим количеством осад и штурмов укреплений чжурчжэней, монголы могли полностью использовать весь комплекс освоенных осадных технологий, в том числе узнанных у мусульманских специалистов. Ниже рассмотрим их вклад в монгольское осадное искусство.

§§ 14.4. Этап третий — мусульманский

Мусульманское влияние на развитие у монголов осадной техники несомненно. Вопрос заключается только в определении точного времени восприятия их опыта и технологий. Торсионных (на основе кручения волокон) катапульт и машин с противовесами в китайской доогнестрельной артиллерии до монголов не знали, во всяком случае, их использование не зафиксировано¹. Но известно точно, что в период Юаньской империи в Китае, точнее в 1260—1270-х гг., монголами уже широко использовались так называемые «хуйхуйпао» — орудия с противовесами, называемые по-арабски назывались «манжаник» [100, с. 76] и которые появились на мусульманском Востоке в XII в. [там же]. Важно понять, когда именно они появились у монголов: были ли они уже в 1211—1214 гг., т. е. во время первой кампании войны против чжурчжэней, или во второй кампании против них — после 1217 г. Второе представляется более вероятным.

Упоминание о мусульманских камнеметах в китайских источниках приходится на конец 60-х годов XIII в. — первое прямое свидетельство об этом относится к 1271 г., когда Хубилай запросил из Ирана мастеров-артиллеристов [202, с. 211].

¹ Требюше с противовесами в Китае стали использовать позже — их принесли туда монголы из Средней Азии, почему в Китае они стали называться 回回砲 «хуйхуй пао», т. е. «мусульманское орудие», или 西域砲 «сиюй пао», т. е. «орудие Западного края».

Манджаник, персидская миниатюра начала XIV в.

Однако есть основания считать, что мусульманскими орудиями монголы могли обладать значительно раньше. Разрыв же между сообщениями китайских источников касательно «хуйхуйпао», относящимися к 70-м годам XIII в., и реальным использованием монголами требюше в Средней Азии в 20-е годы, т. е. почти в полвека, может быть объяснен перерывом в натиске монголов на юг Китая. Дело в том, что после падения Цзинь в 1234 г., мира с Сун в 1238 г. и во времена междуцарствий (1242—1246 и 1249—1251 гг.) монголы прекратили крупномасштабные войны в Китае и перешли к стратегии изматывающих рейдов по окраинам Сун. В их ходе крупные города, как правило, не подвергались осаде. Поэтому в Китае не было нужды в требюше с противовесами и все специалисты по ним могли использоваться в других походах — против Булгара, Руси, Европы и халифата. Соответственно в то время не было и сообщений о взятии крупных городов с помощью мощных камнеметов.

Когда после трехлетнего регентства вдовы Гуюка Туракины в 1251 г. на престол был возведен Мэнгу-каан, он принял новую стратегию завоевания Сун — отсечения стратегических пунктов по окраинам Сун путем дальних глубоких рейдов на крайнем юге — в Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу. А там им приходилось воевать с племенами мань, укрепления которых не сравнимы с крепкими каменными стенами городов Центрального Китая. Поэтому для этих походов не считали

нужным готовить мощную осадную технику и не имели ее в тех местах. К слову говоря, в этом была ошибка — в жизнеописании Урянхатая, одного из главных полководцев в этих походах, есть сообщения о трудностях со взятием крепостей в 1254 г.: «Город [был] в границах озера Дяньчи¹, так что три его стороны были окружены водой, и [был] настолько же неудобный, насколько и крепкозащищенный. [Урянхатай] выбрал отборных храбрецов, которые камнеметами ломали его северные ворота, пускали огонь и шли в атаку на него [город], но все не [помогало] овладеть [городом]. Тогда, под сильный грохот барабанов и гонгов, [храбрецы] выдвигались и делали свое дело, делали и останавливались, в случае, если не удавалось удержаться. Вот так 7 дней они караулили момент их [защитников города] усталости и утомления, а ночами гремели 5 барабанов, [пока Урянхатай не] послал своего сына Ачжу скрытно подвести воинов и рывком вспрыгнуть [на стены], ворваться, учинить смятение и разбить их [защитников]» [56; цз. 121, с. 2979]. Таким образом, камнеметами Урянхатая нельзя было за 7 дней сломать ворота, что указывает на их малую мощность и, видимо, малое количество, и в итоге город взяли, не сломав ни стен, ни ворот. И позже, к 1259—1260 годам, в этих походах на крайний юг массово брались небольшие города, а крепкозащищенные, вроде Таньчжоу, взять не могли за месяцы осады [56; цз. 121, с. 2981—2982]. Только когда после смерти Мэнгу-каана и победы Хубилая в последовавшей междоусобице, он в 1266 г. вернулся к политике завоевания Сун, тогда и появилась реальная необходимость в мощных камнеметах мусульманского типа.

Итак, объяснено отсутствие нужды в «хуйхуйпао» у монголов в Китае в период 1238—1266 гг. Поэтому теперь следует поискать следы наличия мощных «мусульманских камнеметов» в период до 1238 г., когда в них еще имелась военная необходимость. Это могло быть только время войны за окончательное уничтожение Цзинь — т. е. до 1234 г. И такие свидетельства наличия мощных камнеметов есть, и приходятся они

¹ На территории современной пров. Юньнань.

именно на этот период (примерно 1226 г.): «Когда не смогли взять [город] Фанчэн, [Ван] Жунцзу послал отряд пехоты и Цзя [Талахуня], чтобы как следует пробить его стены, стены были раздавлены и рухнули, люди все сразу погибли и не о ком было заботиться!» [55; цз. 149, с. 1599]. Поскольку для такого впечатляющего финала был вызван Цзя Талахунь, командир камнеметного подразделения (см. биографию этого камнеметчика в [55; цз. 151, с. 1623]), то становится ясным, что такое полное разрушение стен можно было осуществить только мощными камнеметами противовесного типа, так как обычные китайские блиды на это были не способны [202, с. 215, 231].

Таким образом, в 20-х годах XIII в. именно там, где было необходимо, монголы имели мощные камнеметы, видимо, противовесного типа, т. е. те, которые позднее были названы «хуйхуйпао». Осталось определить путь, откуда могли прийти эти камнеметы. Возможно, это произошло после Западного похода против хорезмшаха — как уже отмечалось, в Средней Азии к Чингисхану на службу переходили местные феодалы со своими войсками. Но другой, более вероятный и более ранний, путь — это посредство добровольно присоединившихся к Чингисхану карлуков, уйгуров (по мнению С. А. Школяра, уйгуры уже в VII в. были хорошо знакомы с камнеметной техникой [202, с. 51—52]) и каракиданей (жители Западного Ляо, остатка киданьской империи Ляо в Средней Азии). И если учесть, что в рассмотренном выше эпизоде командующим монгольскими войсками, который принял компетентное решение о вызове команды камнеметчиков с соответствующими задаче орудиями, был Ван Жунцзу, уроженец Западного Ляо ([55; цз. 149, с. 1604]), то заимствование мусульманских камнеметов через каракиданей и уйгуров представляется наиболее вероятным. Тогда становится понятным, почему Ван Жунцзу точно представлял себе, какие орудия ему были нужны для взятия Фанчэна, — он имел дело с «хуйхуйпао» и раньше. Значит, со значительной степенью вероятности можно утверждать, что в 1220-х годах по разным каналам на вооружение к монголам уже попадали камнеметы противо-

весного типа, они же «хуйхуйпао». При том, что с уйгурами у Чингисхана издавна были налажены тесные отношения, а в подданство к нему они перешли в 1209 г., то возможно и более раннее появление (до похода в Среднюю Азию в начале 1219 г.) «хуйхуйпао» у монголов. И потому они могли применяться на втором этапе войны против Цзинь — косвенно это подтверждает всплеск активности монголов в Цзинь осенью 1218 г., когда в условиях сосредоточения главных сил Чингисхана в Восточном Туркестане отдельная армия Мухали взяла большое число первоклассных городов в Северном Китае.

Каким бы в реальности ни был путь проникновения к монголам «мусульманских камнеметов»-«манджаник», ясно одно — они уже имелись в армии Чингисхана во время похода в Среднюю Азию. Об этом прямо говорится в источнике не только современном этому походу, но и написанном человеком, который непосредственно участвовал в этой войне на стороне хорезмшаха — т. е. у ан-Насави. Он, описывая осаду Хорезма, использует термин «манджаник» в отношении камнеметов монголов [23, с. 132]. На то, что это правильное использование термина (т. е. что имеется в виду именно требюше с противовесом), косвенно указывает дальнейший рассказ ан-Насави о том, что за недостатком камня в окрестностях Гурганджа-Хорезма для этих «манджаников» использовались деревянные снаряды из корней тутовых деревьев [там же]. Но для китайских блиц они менее подошли бы по размерам (для такого веса они были бы объемнее камня и плохо держались бы пращевым захватом), в то время как противовесные требюше не имеют ограничений в створе для метания, он может устанавливаться согласно заданным параметрам снаряда.

Итак, основным заимствованием у мусульман были камнеметы противовесного типа и огнеметная техника. Хотя у народов Северного Китая последняя тоже имелась, но она использовалась относительно реже, чем в странах мусульманского Востока. Дело в том, что огнеметные смеси были на базе пороха и нефти, а потому в Китае огнеметы использовались не так активно, потому что «будучи дефицитной, нефть в Ки-

тае использовалась в военных целях значительно меньше, чем в богатых ею мусульманских странах» [201, с. 165]. Действительно, уже в источниках XI—XII вв. указывается на наличие у сельджукских султанов целых подразделений огнеметчиков, так называемых «нефтеметателей»¹. Опыт мусульманских мастеров-огнеметчиков был в полной мере использован монголами во время похода против хорезмшаха — так, по сведениям Ибн ал-Асира, монголы во время уличных боев «сжигали нефтью» дома в Гургандже (Ургенче) [69, с. 326]. Внедрение в своей армии развитых средств огнеметного боя особенно пригодилось монголам в войнах против Булгара и Руси, где основой фортификации были древесно-земляные укрепления.

Поход против хорезмшаха показал значительно возросшее умение монголов брать города — тому способствовало уверенное освоение монголами китайской традиции (во всех вариантах — тангутской, чжурчжэньской и собственно китайской) и появление у них через каракиданей и уйгуров еще более мощной камнеметной техники. По ходу похода в богатые городские оазисы Средней Азии монголы набирали трофеи, силой уводили мастеров и ремесленников. Разумеется, не только силой брались монголами у мусульман специалисты и трофейные катапульты, но были и добровольцы: к ним приходили на службу даже целые подразделения как катапультиров (выше уже упоминался сарханг Хабаш с отрядом катапульти на службе монголов [23, с. 93]), так и огнеметчиков. Все это к середине 1220-х годов значительно увеличивало возможности монголов по взятию укреплений и городов. Размах использования монголами всей этой техники можно увидеть на примере осады Нишапура: «Они находились здесь, пока не восполнили недостатка в осадных орудиях: защитных стенах, подвижных башнях, катапультах и таранах. Они направились к Нишапуру и в тот же день установили двести катапульти с полным оснащением и метали из них. Через три дня они овладели им» [23, с. 94].

¹ «Ал-наффатун» по-арабски, подробнее см. [43, с. 51, 52, 123]

Несмотря на наличие местных помощников с их мусульманскими камнеметами, видимо, основу осадной техники армии монголов в походе на государство хорезмшахов (по крайней мере на первом этапе) все же составляли техника и специалисты предыдущего, узиньского, периода. Так, про это прямо сообщается в жизнеописании одного из командующих камнеметчиками Чингисхана чжурчжэня Сюэ Талахая: «[Сюэ Талахай] неоднократно имел заслуги и был выдвинут... в качестве главнокомандующего над войском из камнеметчиков и моряков, а также мастерами из всех иноземных народов, с правом полномочно вести дела. [Сюэ Талахай] участвовал в походах на все государства: мусульман, тангутов, кынчаков, уйгуров, канглов, найман, Балх, Хотан, Термез и Сайрам, где всюду отличился через использование камнеметов» [55; цз. 151, с. 1617]. Поэтому рассмотрение среднеазиатского похода Чингисхана в плане изучения эволюции осадного искусства монголов интересно только лишь подтверждением дополнительного маршрута, по которому монголы получали доступ к изобретениям мусульманских инженеров и артиллеристов, так как контакты с мусульманами у Чингисхана были налажены задолго до похода 1219 г. — это были купцы и шпионы¹, а также его вассалы из государств уйгуров и каракитаев. Только после окончательного покорения бывшей державы хорезмшахов и остатков халифата, т. е. в период 40—50-х годов XIII в., «мусульманские камнеметы»-«манджаники» получили широкое распространение в армиях монголов, преимущественно западных улусов империи — там, где в то время шли операции, наиболее насыщенные осадами сильных крепостей и городов. С активизацией в конце 60-х годов того же века военных действий на востоке империи, т. е. в Южном Китае, этот опыт оказался востребованным и там, вследствие чего мусульманских мастеров и их технику перебросили в Китай.

¹ Типа Хасана, Джафар-ходжи или Махмуда Хорезми — см. ниже в разделе «Политическая разведка и дипломатия».

§§ 14.5. Осадные орудия и машины на вооружении монгольской армии

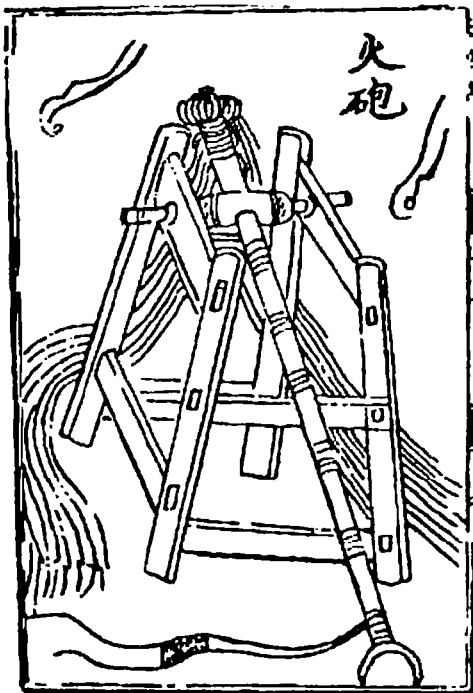
Подытоживая, приведем перечень всех тех видов осадной техники и приспособлений, которые оказались на вооружении монгольской армии в период ее максимальной силы. Поэтому из использованных выше источников систематически выделим все упоминаемые там типы осадных средств, чтобы кратко их охарактеризовать.

Из самого раннего свидетельства о монголах «Мэн-да бэй-лу» (1221 г.) уже известно о применении монголами специальных машин для взятия крепостей следующих типов:

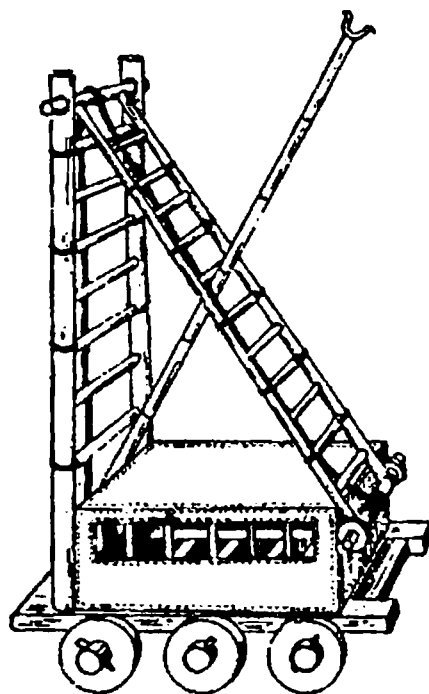
«[колесниц, напоминающих] гусей» — башня на колесах, с перекидным мостиком для опускания сверху на крепостную стену, по которому воины изнутри башни переходили на атакуемый участок. В китайских источниках есть описание осады тангутами г. Пинся в 1098 г., где применялись высокие повозки, в которых помещалось более сотни солдат и которые медленно придвигали к стенам города, чтобы высадить солдат на его стены сверху [113, с. 125]. Исходя из этого описания и вышеизложенного хода монгольско-тангутских взаимоотношений, наиболее вероятный источник появления данного типа машин у монголов — это тангуты; относительная простота применения данных машин должна была привести к раннему их освоению в армии Чингисхана, поэтому именно тангуты, изобретатели «войска боевых повозок», должны быть признаны первыми учителями монголов в использовании данного типа машин;

«куполов для штурма» — видимо, крытые галереи для подвода воинов под сами стены для работы таранов или подкопа;

«катапультных установок» — буквально «пао-цзо», т. е. площадок для камнеметного орудия/катапульты, барбет; у Чжао Хуна речь идет о тяжелых работах по обустройству катапультных установок, на которых использовалась осадная толпа или «хашар». Разумеется, тут речь не идет об использовании этой неквалифицированной рабочей силы для собственно наведения и открытия огня из камнеметных орудий,

Камнемет огневого боя
(по [202])

Осадная лестница

ее роль — чисто вспомогательная, в перемещении установок и натяжении рычагов. Ниже рассмотрим хашар отдельно, так как он представляет собой соединение как технических, так и тактических средств взятия крепостей.

Осадные средства монголов, которые упоминаются в иных источниках:

Средства огненного нападения, пороховые фугасы и зажигательные средства;

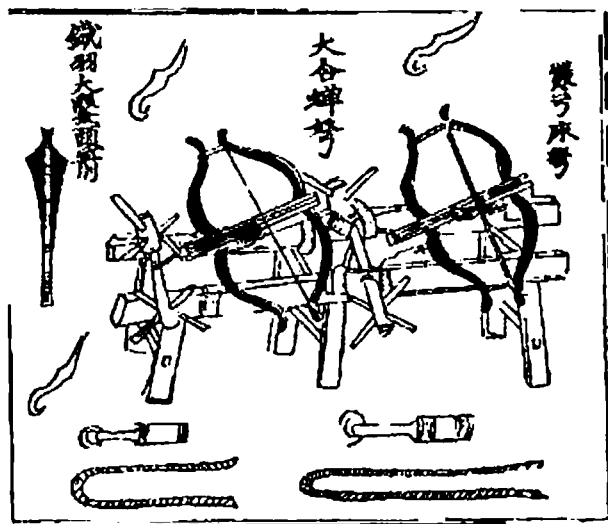
Стенобитные средства — просто тараны и тараны, прикрытые от противодействия со стен («черепахи»). В описании современником действий монголов они двигаются к стенам с «прикрытиями-домами вроде таранов, сделанных из дерева и прикрытых шкурами» [23, с. 91]. Особый вид тарана — китайский в виде огромного круглого камня-шара. Были и более сложные машины для пробития стен и ворот;

Защитные средства от стрельбы со стен (щиты, мантелеты);

Лестницы и крюки для взбирания на стены;

Камнеметы и аркбаллисты всех выше рассмотренных видов — китайского и мусульманского типов.

Тактико-технические характеристики метательных ору-

Двулучный станковый арбалет (по [202])

дий монголов имели большое разнообразие, в зависимости от типа и назначения. Как уже отмечалось, эффективная дальность стрелометов доходила до 500 м, а камнеметов — до 200 м. Самыми мощными из них были требюше, метавшие снаряды весом порядка 100 кг на максимальную дальность, что позволяло не просто обрушать зубцы и надстройки стен и башен, но даже проламывать стены. Количество использованных катапульти варьировалось в зависимости от сопротивления города/укрепления: от 20 (как при взятии Насы [23, с. 91]) и до 200 (как при взятии Нишанура [23, с. 94]).

Последнее, что хотелось бы отметить касательно осадных машин, — это их высокая подвижность в армии монголов. Речь идет не о колесных камнеметах и осадных повозках, а о мобильности инженерных частей монголов. Вопреки существующему стереотипу, монголы не возили с собой в дальние походы машины — этого им было не нужно, достаточно было взять с собой специалистов и некоторое количество редких материалов (кунжутных веревок, уникальных металлических узлов, редкие ингредиенты горючих смесей и т. п.). Все же остальное — дерево, камень, металл, сыромятная кожа и волосы, известь и даровая рабочая сила — находилось на месте, т. е. у осажденного города. Там же отковывались кузнецами-монголами простые металлические части для орудий, хашар готовил площадки для катапульти и собирал древесину, делались снаряды для камнеметов. Случаи недостатка на местах

чего-либо были довольно редки, даже в относительно бедной ресурсами Средней Азии монголы находили выход из трудных положений, как это было при осаде Хорезма: «Они начали готовиться к осаде и изготавливать приспособления для нее в виде катапульта (манджаник), черепах (матарис) и осадных машин (даббабат). Когда они увидели, что в Хорезме и в его области нет камней для катапульта, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивали их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татары] заменили ими камни для катапульта. Они продолжали находиться в отдалении от него (Хорезма) до тех пор, пока не закончили подготовку осадных орудий» [23, с. 131—132]. Как видно из этого подробного описания, добытые на местах и привезенные с собой компоненты собирались мастерами инженерных и артиллерийских подразделений воедино. Таким образом, хрестоматийные картинки длинных обозов, с медленно тянущимися рядами катапульта, таранов и прочих орудий — это не более чем фантазии писателей исторических романов.

§§ 14.6. Осадная толпа — хашар

Отдельным средством в осадном искусстве монголов была осадная толпа. Хашар, или буквально «толпа», — прием давно известный на Востоке. Он заключается в том, что войско завоевателей использует согнанное население завоевываемой области на тяжелых вспомогательных работах, чаще всего осадных. Например, у Садр ад-Дин Али ал-Хусайни в его «Сообщении о сельджукском государстве» периодически упоминается об использовании сельджуками хашара [43, с. 62, 67]. То же рассказывают китайские авторы про применение хашара киданями, чжурчжэнями, да и самими китайцами. Однако до совершенства этот прием довели монголы.

Примерное соотношение хашара к собственно войску есть у Рашид ад-Дина при описании осады Ходжента: «Пятьдесят тысяч хашара [местного населения] и двадцать тысяч монголов» [38, с. 201].

Хашар был четко организован: «Их разделили на десятки и сотни. Во главу каждого десятка, состоящего из тазиков¹, был назначен монгол» [38, с. 201].

Его использование было особенно важным для различного рода земляных работ — от подкопов до создания осадных валов. Такие валы часто сооружались монголами и требовали больших трудовых затрат в древесно-земляных работах. Хорошее описание их дает Ибн ал-Асир: «Царь их^{II} приказал собрать, сколько можно было, мелкого и крупного леса. Сделав это, они стали класть слой дерева, а поверх его слой земли, и не переставали [делать] это до тех пор, пока образовался высокий холм насупротив крепости» [48, с. 29].

Тяжелая работа хашара по сути — это техническое средство, мускульная сила, направленная на выполнение элементарных действий, которые составляют части общего плана. В этом смысле хашар представляет собой технику, пусть и специфическую. Но хашар стал и тактическим приемом, который монголы стали очень широко использовать. Он заключается в применении хашара как живого щита для катапульт (как сказано выше, тяжелые катапульты били не более чем на 200 м, а стрелометы со стен — вдвое дальше), для атакующих колонн монголов и для действия таранов: «Татары гнали пленных под прикрытиями-домами вроде таранов, сделанных из дерева и прикрытых шкурами» [23, с. 91].

Другой особенностью применения хашара монголами было использование его как непосредственного орудия штурма, его первой волны. Этот бесчеловечный прием помимо основной цели — заставить обороняющихся израсходовать средства обороны по людям хашара, сохранив собственно монголов, давал еще дополнительный психологический эффект воздействия на защитников. Сопротивляться людям, согнанным в хашар, было трудно, если не невозможно: «Если пленные возвращались, не доставив прикрытия к стене, им рубили головы. Поэтому они были настойчивы и наконец пробрили брешь» [23, с. 91].

¹ Мусульманское городское население, в другой огласовке — таджики.

^{II} Монголов.

пт. 14.7. Обзор применения монголами осадных приемов

В «Мэн-да бэй-лу» есть самое полное и систематическое описание того, как действовали монголы при взятии городов-укреплений, в том числе как работал хашар:

«Всякий раз при наступлении на большие города [они] сперва нападают на маленькие города, захватывают [в плен] население, угоняют [его] и используют [на осадных работах]. Тогда [они] отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей [захвачено] достаточно, то каждый человек обязан [набрать] сколько-то травы или дров, земли или камней. [Татары] гонят [их] день и ночь; если [люди] отстают, то их убивают. Когда [люди] пригнаны, [они] заваливают крепостные рвы [вокруг городских стен тем, что они принесли], и немедленно заравнивают [рвы]; [некоторых] используют для обслуживания [колесниц, напоминающих] гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других [работ]. [При этом татары] не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей [они] все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, [татары] убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже [он] оказывается знатным» [22, с. 67].

Словосочетанием «купола для штурма» передано значение знака «дун», т. е. имеется в виду винья, средство для защиты подводимых к стенам осажденной крепости атакующих людей и стенобитные орудия¹².

Возведение вокруг осаждаемой крепости стены, частокола или высокого вала для плотной блокады отмечено во многих источниках. Ан-Насави так описывает это:

«Эта крепость была хорошо защищена.. при трудности доступа к ней она не нуждалась в стенах. Татары окружили ее и, как обычно при осаде подобных крепостей, возвели вокруг нее стену» [23, с. 110]. В другом месте, в описании осады

крепости Илал, он детализирует: «Крепость Илал находилась в осаде в течение четырех месяцев. Вокруг нее татары возвели стены и устроили в них ворота, которые запирались ночью и открывались днем. Таков их обычай при осаде неприступных крепостей. [Так продолжается], пока положение крепости не станет безвыходным» [23, с. 79—80]. Такой способ подтверждается многими другими, независимыми, источниками, например русскими и китайскими. Так, Новгородская 1-я летопись свидетельствует про осаду Торжка в 1238 г.: «Оступиша Торжекъ на сборъ чистой недели, и отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по две недели, и изнемогошася людье в граде, а из Новагорода имъ не бы помочи, но уже кто же себе сталь бе в недоумении и страсе; и тако погании взяша градъ, и исекоша вся от мужьска полу и до женьска, иереискыи чинъ весь и черноризьскыи, а все изъобнажено и поругано, горкою и бедною смертью предаша душа своя господеву, месяца марта въ 5» [24, с. 76]. А жизнеописание Урянхата в «Юань ши» отмечает аналогичный прием против укреплений сычуаньских горцев мань: «Урянхатай отдельными частями войска вошел в Чаханьчжан, заблокировал бай-мань в одном месте, установив частоколы» [56; цз. 121, с. 2979].

Со временем и с накоплением опыта последовательность действий при осаде у монголов стала стереотипной. Перед собственно осадой проводится предварительная разведка, оставляется в случае необходимости наблюдательный корпус, который одновременно подготавливает окрестности к осаде через опустошение их, набора хашара и подручных материалов: «На укрепленные замки монголы не нападают, а сначала опустошают всю страну и грабят народ. Только потом они гонят захваченных пленных осаждать собственные крепости» [4, с. 85—87]. Затем принимается решение о способе захвата — эскалация идет от простейших и бескровных вариантов взятия до полного разрушения и вырезания населения укрепленного пункта. Для начала предлагается сдача, затем проводятся мероприятия по полной блокаде, пока готовятся

остальные мероприятия. С этого момента могут быть варианты: например, попытаться выманить гарнизон в поле.

Выманивание гарнизона в поле для его разгрома с последующим взятием уже беззащитного города — довольно частый прием у монголов. Причем не только на ранних этапах монгольской экспансии, когда завоеватели только учились брать укрепления. Монголы и позднее не гнушались использовать этот прием, когда обстановка тому благоприятствовала. Например, по сообщению Ибн ал-Асира, монголы с успехом применили его во время осады Самарканда в 1220 г.: «Сразились с ними пешие [горожане] вне города; татары не переставали отступать, а жители городские преследовали, надеясь одолеть их. Но неверные успели устроить им засаду, и, когда те зашли за засаду, выступили против них и стали между ними и между городом, а остальные татары, которые первые завязали бой, вернулись, так что те очутились в середине между ними. Поял их меч со всех сторон, и не уцелел ни один из них, а погибли все до последнего мучениками — да смилуется над ними Аллах; было их, как говорят, семьдесят тысяч» [48, с. 11].

Если выманивание не получилось, то выбор стоял между штурмом (или серией непрерывных штурмов), инженерной осадой и осадой (блокадой) на измор. Для любого из этих способов у монголов имелись все средства, арсенал которых был очень широк и разнообразен. Поэтому монгольский полководец, как правило, имел возможность выбора подходящих комбинаций осадных приемов и технических средств.

Дадим краткое перечисление всего этого тактического и осадного арсенала монголов, которое использовалось монголами при осадах, рассмотренных выше: устройство плотин и наводнений, внезапные нападения, подкопы и винеи, простые тараны и черепахи, заваливание рвов фашинами, лестницы и крюки для вскарабкивания на стены воинов, устройство полых всходов на стены, земляные мешки, катапультные башни и башни с перекидными лестницами, стенобитные машины, стрелометы и катапульты всех видов — стационарные и подвижные, огнеметы и пороховые взрывы [165, с. 145], широкое

использование хашара и блокады через окружение осаждаемого города/крепости плотной стеной или частоколом и перерезание коммуникаций в его окрестностях.

Для исполнения всех этих приемов монголы располагали также важнейшим фактором — многочисленными и высокодисциплинированными воинами, сведенными в регулярные воинские подразделения с выделенными техническими частями. Причем надо заметить, что монгольские воины оказались способными к обучению как на низшем, так и на командном уровне. Последнее можно проиллюстрировать на примере создания Чингисханом в сжатые сроки отдельных инженерных и артиллерийских частей, для многих из которых нашлись кадры из самих монголов. В остальных частях использовались специалисты из Китая, мусульман и прочих народов, но контроль над ними со стороны монголов был поставлен вполне эффективно.

Система подготовки кадров и создание структуры управления артиллерийскими и инженерными подразделениями — во многом личная заслуга Чингисхана. В ЮШ есть примечательные сообщения о постоянном интересе к ним Чингисхана, его инициативе в организации структурных подразделений из камнеметчиков, инженеров и моряков. Вот пример из жизнеописания первого начальника подобного подразделения монгола Аньмухая: «Император спрашивал [его] о способах нападения на крепостные стены, захвата вражеских земель и какое оружие [надо применять] прежде всего» [55; цз. 122, с. 1327]. Как видно, Чингисхан лично искал специалистов и узнавал от них о всех новинках техники и способах ее применения.

Есть в ЮШ и указание на постоянную структуру этих подразделений в армии монголов: «[Аньмухай] умер, [его] сын Тэмутар за заслуги в сражениях получил золотую пайцзу и унаследовал управление камнеметчиков» [там же]; «Император пожаловал ему на пояс золотую пайцзу как начальнику над камнеметчиками и моряками... [Сюэ Талахай]... носил на поясе пайцзу с тигриной головой¹ в качестве главнокомандую-

¹ Знак военачальника.

щего над войском из камнеметчиков и моряков, а также мастерами из всех иноземных народов, с правом полномочно вести дела» [55; цз. 151, с. 1617]. Текст пестрит упоминаниями о постоянных подразделениях всех видов технических средств монгольской армии. Причем наследование руководства подтверждает их статус как постоянных структур с определенным порядком назначения командующих.

Таким образом, именно Чингисхана можно считать главным двигателем в развитии монголами своих осадных возможностей — на приведенных фактах видно, с какой настойчивостью он целенаправленно искал, находил и приближал к себе людей с военными и административными талантами, с какой энергией он стремился найти и, главное, внедрить новые военные технологии, особенно в области осадного искусства. Поэтому именно значение Чингисхана, как высшего руководителя, который понимал важность совершенствования средств армии и упорно их внедрял, видимо, надо признать решающим в утверждении у монголов искусства взятия городов и крепостей.

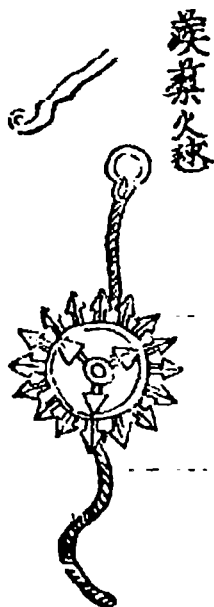
§§ 14.8. Крепости Европы, которые брали монголы

Вот с таким арсеналом технических средств, тактических приемов и богатым опытом их применения монголы пришли на Русь и в Восточную Европу, привыкшие, что от кочевников можно отсидеться за стенами своих городов. Но монголы, в отличие от половцев и прочих восточноевропейских кочевников, имели не только перечисленные выше средства для взятия городов и укреплений — они обладали эффективной системой по их применению, обкатанной машиной из инженерных и артиллерийских подразделений под командованием полководцев, умевших ее эффективно применять. Поэтому осада и сокрушение деревянных городов Булгара («городская стена из дуба» [35, с. 30]) в 1236 г. стали легкой разминкой («[монголы] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков» [4, с. 85]) для монгольской армады Бату и Субэдэя перед походом дальше на Запад.

Русские крепости тоже в основном имели деревянно-земляные типы укреплений, каменные сооружения были крайне редки (к XIII в. они зафиксированы только во Пскове, Великом Новгороде и Владимире-на-Клязьме с его пригородом Боголюбовым). Более того, считается даже, что оборонительные сооружения болгарских и финно-угорских городов Поволжья создавались под «прямым влиянием русского военного зодчества» [155, с. 141]. Русский тип оборонительных сооружений к XIII в. обладал следующими характеристиками: круглое городище с валом и рвом, иногда имевшее детинец (игравший роль цитадели); рвы имели, как правило, глубину в 2,5—4 м, а валы — основу из деревянных срубов, забитых землей; на валу ставились наземные деревянные конструкции в виде или частокола, или бревенчатой срубной стены; боевых башен русские городища не имели, роль площадок для стрелков играли заборолы — боевые площадки с брустверами сверху стены и с местом для размещения воинов или без него [155, с. 124—125, 144].

Данные черты имели как сторожевые укрепления на границах, так и крупные русские города. Все они подчинялись необходимости выдержать первый натиск врага — столетиями (с X по XIII в.) основным способом взятия русских городов был «изъезд» или «изгон», т. е. внезапное нападение, причем главным в нем было взять ворота (внезапностью или хитростью). Длительные осады («облежание») были сравнительно редки, а случаи штурмов («взятие копьем») — просто единичными. Инженерные способы взятия русских городов отмечены только накануне монгольского нашествия — в 1234 г. с помощью «пороков»¹ был взят Чернигов. Был и более ранний случай в 1184 г., когда впервые русский город пытались взять половцы, имевшие «луци тузи самострелнии» с «живым огнем» под командой некоего «бесурмена» [ПСРА т. 2, стб. 634—635]. Но эта попытка полностью провалилась из-за удачной вылазки русских, захвативших и мусульманского мастера, и его орудия. Первые упоминания о камнеметах у русских войск при осаде

¹ Древнерусское обобщающее название осадных орудий.

Пороховой снаряд (по [202])

вражеского города относятся к 1206 г., когда русские войска осаждали тевтонский замок Гольм [125, с. 18].

Таким образом, к монгольскому нашествию русские хотя и знали о существовании элементов инженерного осадного искусства (и даже периодически их использовали), но не обладали систематическими навыками ни по их применению, ни по технике защиты от них. Так, отсутствие в русских городах боевых башен для фланкирующего огня указывает на ненужность для обороняющихся бороться с камнеметами осаждающих — как выше уже сообщалось, эти камнеметы надо было придвигать к стенам достаточно близко, на расстояние 150—200 м, а круглая форма русских городищ без боевых башен не позволяла сосредотачивать на них огонь.

Все эти особенности русского военного зодчества и навыков по обороне своих городов оказались роковыми во время «Батыева побоища». Русские города брались правильной осадой (там, где не удавался «изгон» или не было капитуляции), при которой не срабатывали привычные приемы — вылазки пресекались монголами отыниванием частоколами, стрельба с заборол подавлялась монгольскими камнеметами, контркамнеметные действия русских были обречены из-за неспособности сосредоточить огонь с нескольких сторон, деревянные стены зажигались монгольскими огнеметными средствами.

На примере стольного города Владимирско-Суздальской земли можно увидеть все эти приемы монголов. Они начали с того, что «почаша наряжати лесы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимера» [ПСРА т. 1, стб. 462]. Потом начался камнеметный обстрел со всех сторон — «приступиша ко граду со все страны и начяша бити пороки по граду и внутри града, и сыпашася камене веле издалече... и выбиша стену у Златых врат, такоже и от Лыбеди у Орининых врат и у Медяных, такоже от Клязмы, у Воложьских врат, и прочее весь град разбиша, и внутрь камением насыпаша» [ПСРА т. 10, с. 108], после подавления стрелков на заборолах и над воротами монголы засыпали рвы вязанками хвороста («примет») и прошли по поставленным лесницам на стены и через проломы в сам город: «тако внидоша по примету во град от Златых врат» [там же]. Камнеметы действовали только против деревянных конструкций, так как «не могли причинить сколько-нибудь серьезного ущерба земляным валам» [155, с. 158], и против стрелков на заборолах. Особенно ясно показана отработанность всех этих приемов в описании взятия Торжка, где летописец поясняет, что монголы действовали согласно стандарту — «якоже инии гради имаху» [24, с. 76].

Крупные города Руси монголы брали, как правило, в течение нескольких дней — например, Рязань за 6 дней, а Владимир-на-Клязьме за 5 или 6 дней. Более интересны случаи неудач — длительных осад или даже отражения всех попыток взять крепость. Таковыми можно считать оборону Торжка, Козельска и Киева — из городов; Райков и Колодяжина — из сторожевых крепостей. А такие крепости, как Данилов и Кременец, монголы даже не пытались взять — там ограничились только блокадой обсервационных отрядов. Причина затруднений монголов была в ряде особенностей этих укрепленных пунктов, которые не позволили монголам применить шаблонную тактику и которые рассмотрим ниже.

Русские сторожевые крепости, согласно исследованиям В. О. Довженка [88, с. 42], имели небольшие гарнизоны — чис-

ленность его в такой крепости (на примере Воиня) была около 100 человек, что соответствует «основной воинской единице древней Руси, известной под названием сотни» [там же]. В больших городах численность защитников была, конечно, значительно большей. Такие крепости были рассчитаны на сдерживание набегов кочевников, их гарнизоны из профессиональных воинов [157, с. 173] были отлично подготовлены, тот же Воинь выдерживал, и не раз, осады половцев и торков.

Об ожесточенности сопротивления монголам защитников таких крепостей (отразившихся под названием «богатырских застав» в русском национальном эпосе) можно судить как по данным археологии, так и по письменным известиям. Данные археологии свидетельствуют, что такие сторожевые крепости, как Райки, Изяславль и Ярополч [166, с. 71, 125, 127], упорно сопротивлялись [157, с. 173] до последнего и их защитники были вырезаны монголами до единого человека вместе с женами и детьми — в Райках археологи нашли «повсюду... скелеты непогребенных людей с перерубленными руками и ногами, с железными наконечниками стрел, воткнувшимися в кости» [98, с. 496], при этом «вся площадь городища покрыта сотнями человеческих скелетов» [там же]. Аналогичные свидетельства археологи нашли при раскопках Колодяжина [там же], которые подтвердили известия летописи: «Приде к городу Колодяжну и постави порока 12 и не може разбити стены, и начат перемолвливати люди. Они же послушавше злого света его, передашася и сами избити быша» [ПСРА т. 2, стб. 786].

Среди русских городов, оказавших подобное сопротивление, особо выделяется Козельск, который семь недель (по Ипатьевской летописи) или даже два месяца (по Рашид ад-Дину) осаждался монголами. Основными факторами такого беспрецедентного сопротивления были: 1) Недооценка его монголами, которые сначала попытались взять его небольшим отрядом, входившим в состав «облавных» частей; натолкнувшись на жесткий отпор (возможно, там погиб кто-то из зятей Чингизидов, в летописи названных как «сыны темнич»), монголы стали дожидаться соединения всех сил, после чего взяли

город за три дня штурма [39, с. 39]; 2) Героическое поведение защитников, которые сражались с монголами до последнего — «козяне же ножи резахуся с ними» [ПСРА т. 2, стб. 782] и уничтожили 4000 монгольских воинов [там же].

Кроме упорства и воинского мастерства защитников, другим фактором успешного сопротивления русских городов можно назвать их расположение на возвышенностях. Неприятным для монголов сюрпризом стали волынские крепости — Колодяжин, Кременец и Данилов. Их расположение на возвышенности (в отличие от других русских городищ, расположенных на равнине) резко снизило эффективность монгольских камнеметов — монголы не смогли разбить стены Колодяжина, а стены Кременца и Данилова даже и не пытались (видимо, ввиду своего опыта с Колодяжином) штурмовать. Так, Батый «видив же Кремянецъ и град Данилов, яко невозможно прияти ему, и отъиде от них» [ПСРА т. 2, стб. 786].

Среди городов, оказавших упорное сопротивление монголам, был и Киев — его оборона имела оба указанных фактора, т. е. и наличие мощных укреплений на горе, и достаточное количество опытных защитников. Поэтому его осада приняла затяжной характер и потребовала от монголов максимальных усилий со стороны всего их войска. Почти месяц длилась оборона Киева, монголам пришлось использовать помимо осадной техники и прямой штурм: «Постави же Батыи пороки городу подле врат Лядьских... пороком же беспрестани бьющим деньи ношъ, выбиша стены и возиидоша горожаны на избыть стены и ту беаше видити лом копейный и щет скепание, стрелы омрачиша свет» [ПСРА т. 2, стб. 786]. При этом первый штурм не удался — защитники сумели остановить прорвавшихся в брешь («избыть стены») стены «Ярославова града» монголов у «паки другии град» [там же], т. е. у укреплений на Старокиевской горе («град Владимира»). Но повторные штурмы сломали и этот последний очаг организованного сопротивления киевлян, каменная Десятинная церковь, куда они отступили, была разрушена (по некоторым данным — камнеметами-«пороками»).

На крайнем западе своего похода, т. е. в Польше, Чехии и Венгерском королевстве, монголы взяли относительно небольшое количество городов. К XIII в. там уже было достаточно большое число каменных крепостей, которые надо было брать с использованием большой концентрации камнеметов и применения всех приемов инженерного искусства. Монголы же предпочли иную стратегию в походе на указанные страны — они разбили в нескольких полевых сражениях основные силы противника и потом занялись грабежом с помощью тактики облавных отрядов. Где сил такого отряда хватало, они брали города, а если происходила неудача, то монголы не задерживались для осады и искали себе более легкую добычу.

Рассмотрим все характерные случаи осад в этом походе «к последнему морю». Например, в Польше монголы, после двух поражений малопольского ополчения в полевых сражениях при Турске и Хмельнике, взяли и сожгли Краков (но не весь — в центре города поляки удержали каменный собор), а их рейдовые отряды разорили Малую Польшу и даже сумели взять (видимо, «изгоном») Вроцлав. Но уже в Великой Польше, даже после поражения польского короля при Легнице, они не сумели взять ни сам г. Легница, ни Рацибуж [139, с. 216—217]. В Чехии успехи монголов во взятии городов были еще скромнее — они сумели разорить Моравию, но так и не взяли Оломоуцкий монастырь (где столкнулись с жестким сопротивлением), Опаву и Градищенский монастырь [там же].

Несколько особняком стоит венгерский поход монголов — Венгерское королевство тогда включало в себя собственно Венгрию, Словакию и значительную часть современной Югославии, где различались как природная, так и культурная обстановка. В собственно Венгрии монголы поступили по своему обычному плану — сумели навязать венграм решающее сражение при р. Шайо, где главные силы венгерского короля были разбиты наголову, после чего занялись «освоением» территории королевства.

Первым после сражения при Шайо пал Пенгт — монголы сумели его взять за три дня жестоких боев. Причем, судя по

описанию венгерского хрониста, защитники Пешта «пытались изо всех сил защищаться, используя баллисты и луки, выпуская на боевые порядки врагов огромное количество копий, бросая множество камней из камнеметных машин» [51, с. 111]. Интересно, что в дальнейшем описании взятия Пешта Фома Сплитский не упоминает о действиях монгольских камнеметов, а объясняет взятие города следующими факторами: «смертоносные татарские стрелы разили насмерть. И не было такого панциря, щита или шлема, который не был бы пробит»; усталость защитников после двух или трехдневного непрерывного штурма; наконец, стремительная атака монголов, в результате которой уже «не было ни стычек, ни какого-либо противодействия» [там же]. После взятия Пешта монголы перебили значительное число его жителей, а затем сожгли и взяли Буду на противоположном берегу Дуная. При взятии Буды, видимо, использовались огнемётные машины — Фома Сплитский пишет, что, в отличие от других случаев, город монголы сожгли до того, как взяли [51, с. 116].

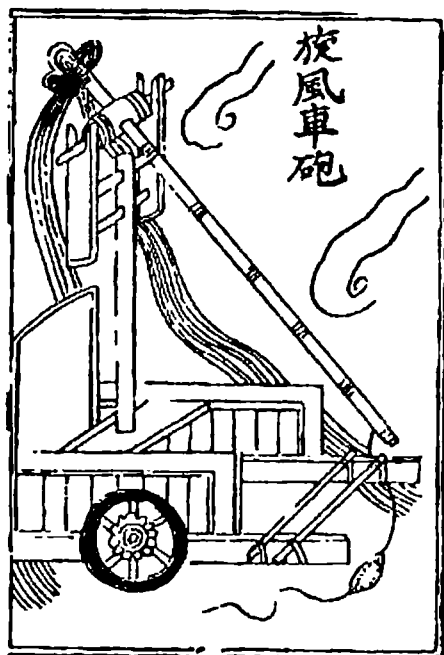
Корпус Кадана захватил города Арад, Перег, Егрес, Темешвар, Дьюлафехервар и Варадин. В последнем случае им было оказано ожесточенное сопротивление, и Варадин монголы взяли с большим трудом [139, с. 219]. Но вот Альбу (Секешфехервар) монголы Кадана взять не смогли — как объясняет Фома Сплитский, Кадан «сжег дотла все жилые дома предместья; осаждая город в течение нескольких дней, он постоянно штурмовал его, чтобы завладеть им, но так как место это было достаточно защищено множеством разлитых вокруг болот и обороняли его отборные отряды латинян с помощью установленных со всех сторон машин, то... после тщетных попыток отступил» [51, с. 116]. Очевидны в этом случае факторы неудачи, сходные с примерами осад русских крепостей, — отсутствие достаточных сил у монголов, природная защищенность города, решимость и профессионализм его защитников, наличие у них контркамнеметной и контросадной техники.

Тогда же другой корпус монголов (видимо, под общим командованием самого Батыея) занимался разорением Сло-

вакии — пали Банска Штявница, Пуканец и Крупин, но при этом отбились от монголов Братислава, Комарно, Тренчин, Нитра и Бецков [139, с. 220]. Последним крупным успехом по взятию городов в собственно Венгрии был захват Эстергома, столицы королевства. Фома Сплитский сообщает, что монголы начали «всеми силами атаковать» и взяли его «без особого труда» [51, с. 116], но, видимо, более реалистичен в своем описании Рогериус. По его описанию получается, что эта «легкость» при взятии вызвана четким использованием всех осадных средств из арсенала монголов: активно использовалась осадная толпа, засыпавшая рвы и выполнявшая другие работы; 30 камнеметов день и ночь подавляли оборону города, который после такой подготовки был взят общим штурмом [139, с. 221]. Правда, и тут монголы не добились полного успеха — цитадель Эстергома устояла [там же].

Крайним западным пределом монгольского похода стала Хорватия, куда в преследовании короля Белы дошел корпус Кадана. Успехи его там были скромными — взяты Свач, Дри-васто и Загреб, сожжен Катарро. Но при этом монголы были отбиты у Клисса, Трава и Рагузы (г. Дубровник) [139, с. 221—222]. Кадан также не рискнул атаковать сильно укрепленный Сплит. Клисс, по сообщению Фомы Сплитского, монголы пытались взять, «ведя рукопашный бой», но «поскольку это место было укреплено природой, они не смогли причинить значительного ущерба», тогда как защитники города нанесли им урон, «сталкивая на них огромные камни» [51, с. 119].

В данном походе монголы не продемонстрировали ничего принципиально нового в своем осадном искусстве, европейские хронисты фиксируют почти то же, что и восточные современники походов Чингисхана. Более того, определенная разрозненность действий разных отрядов монголов в Европе показала, что они не в одинаковой степени обладали нужными средствами взятия укреплений — в одних случаях они зафиксированы источниками, а в других они известны только понаслышке. Так, Фома Сплитский в рассказе о хорватском походе не везде указывает на их наличие у монголов, но они

Подвижной вихревой камнемёт (по [202])

ему известны по сообщениям из других местностей: «Одни говорили, что татары делают огромные машины и множество военных орудий, с помощью которых они попытаются разрушить города. Другие утверждают, что они насыпают кучи земли и камней с горы величиной и, оказываясь таким образом выше городов, легко ими завладевают» [51, с. 119].

В заключение, рассмотрев основные характеристики монгольского осадного искусства, можно констатировать огромное значение того факта, что монголы весьма успешно овладели осадными технологиями и даже развили их до чрезвычайно эффективной системы. Его значение еще и в том, что кочевники, предшественники монголов, которые оставались на стадии «имперской конфедерации», никогда не достигали подобных успехов, а монголы, в отличие от них, получили противоположные результаты. Причины этой кардинальной разницы лежат, по всей видимости, куда глубже, нежели в сфере собственно военного искусства. Так, сунну за всю свою историю не взяли ни одного города штурмом или правильной осадой [19, с. 18], а тангуты, кидани и чжурчжэни начали добиваться успехов в борьбе с укреплениями китайцев на той стадии своего развития, когда они создавали полноценное го-

сударство. Но и они не могут похвастаться своими осадными технологиями перед монголами Чингисхана, которые довели владение ими до верха совершенства. Конечно, важную роль тут сыграли выдающиеся личные, государственные и военные, способности Чингисхана — он особо заботился о взятии на вооружение самых современных средств, лично контролируя процесс овладения ими в своей армии. Но они решили дело в пользу монголов опосредованно — через применение этих способностей для создания полноценного государства, причем в виде военной империи. Наличие у монголов высококлассной и эффективной системы для взятия крепостей — это еще один аргумент в пользу решения вопроса о характере государственности монголов. Причем в пользу признания ее не только полноценной, но и в чем-то опередившей свое время.

§ 15. Монгольская стратегия непрямых действий

§§ 15.1. Организация разведки и дипломатии

Военная составляющая политики монголов не может рассматриваться в отрыве от других ее составляющих. Если чисто военные операции можно назвать «прямыми», в смысле их прямого действия, то дипломатия, разведка и пропаганда действия суть непрямые. Вместе с военными средствами они являлись мощнейшими орудиями достижения целей монгольской политики помимо собственно военных мероприятий.

Разведка, как механизм решения важнейших государственных задач, появляется вместе с возникновением государственности. Монгольская держава в этом не исключение. Более того, достижение стратегических целей, особенно таких, которые ставил перед собой Чингисхан, немислимо без организации правильной внешней разведки. Другое дело, что при существовавшем уровне развития государственного аппарата разведка монголов не имела в нем специализированной и самостоятельной структуры. В этом отношении монголы мало чем отличались от прочих феодальных государств, у которых

государственный аппарат «был еще слаб, а круг внешних сношений ограничен, чтобы разведка могла выделиться... в самостоятельную государственную службу» [133, с. 15]. Разведывательные функции поручались доверенным лицам главы государства, чаще всего они совмещались с дипломатическими обязанностями. Вообще же, неразличимость дипломатии, торговли и разведки в древности и Средневековье — одна из характернейших черт тогдашнего уровня «государевой службы».

Чингисхан, создавая свое государство, шел по аналогичному пути — его разведчики были и послами, и гонцами, и торговцами. Действовали они чаще всего открыто, тайные лазутчики были скорее редкостью, по крайней мере упоминания в источниках о них редки, в то время как сообщения о разведывательных миссиях монгольских послов и торговцев достаточно распространены в записях современников. Еще одним важным каналом получения разведывательной информации были «доброжелатели», т. е. люди, которые по своим личным причинам желали помочь врагам своей страны или ее властей. Чингисхан, не имея специального разведывательного аппарата, тем не менее блестяще умел пользоваться всеми вышеперечисленными способами добывания сведений о противнике. Он понимал значение разведки и обладал недюжинными способностями находить нужных людей для ее осуществления.

Уже в 1189 г. Чингисхан, ставший еще только выборным ханом, раздает поручения по разведке: «Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел:

„Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими
Дальними стрелами-хоорцах,
Ближними стрелами-одора!“» [16, с. 110].

Стрелы упоминаются в связи с тюрко-монгольским обычаем снабжать послов-гонцов стрелами как знаком их миссии, так называемыми «вестовыми стрелами».

Заметим, что Архай-Хасар регулярно используется в дипломатических миссиях Чингиса, что подчеркивает указанное свойство нераздельности дальней разведки с дипломатией.

Тахай и Сукегай тогда же, в 1189 г., отправляются послами к Гоорил-хану (Ван-хан) известить его о ханстве Темучжина. То же видим в год Курицы (1201 г.) по СС — Тахай-Баатур и Сукегай-Чжеун опять послы к Ван-хану, разбитому найманами, они же занимаются квартирньерством его войск. Ниже будет рассмотрена их роль в разгроме кэрэитов. Все это демонстрирует функции «элчи», как вестников-разведчиков-дипломатов, а в общем — так сказать, спецуполномоченных широкого профиля. Любопытно, что такие уполномоченные наблюдаются позже у московских великих князей, а потом царей, то есть это те же «элчи», трансформированные за многие годы через татарское посредство в слово «киличей»¹.

Со временем Чингисхан начинает проводить более широкие разведывательные операции, у него появляются агенты и для внешней разведки. Действия таких лазутчиков-дипломатов описаны в «Юань ши», в биографии Джафар-ходжи, одного из соратников Чингисхана, который во время дипломатических миссий к чжурчжэням разведал их систему обороны и особенности местности и позже применил на практике добытые сведения: «[Чингисхан] отправил Джафара послом в Цзинь. Цзиньцы не исполнили надлежащего ритуала и [Джафар] вернулся. Цзиньцы надеялись отсидеться в добротных крепостях, с запаянными расплавленным железом воротами застав, Джафар сразу по возвращении доложил [про это]. Тай-цзу¹¹ после этого двинул войска, но заставы отбивались так, что и один из сотни не мог приблизиться. [Чингисхан] призвал Джафара и спросил о плане [действий], [тот] ответил так: „Если идти отсюда на север, то есть в лесу Хэйшулинь нехоженная дорога, всадники смогут пройти по одному, я сам [там] когда-то часто проходил. Если воины будут придерживать коней и идти тихо и осторожно¹¹¹ при

¹ Зафиксирована промежуточная форма для «киличей» в грамоте московского великого князя Василия Дмитриевича от 1433 г. как «кэлци»: «А что брати, еше в целовании будучи со мною, не довал мне еси в выходе серебро и ординские протори, и што есмь послал келциев своих к царем к Кечи-Ахметю и Саид-Ахметю» [164, с. 110].

¹¹ Т. е. Чингисхан.

¹¹¹ Букв. «держа палочки в зубах» — идиома о беззвучном и осторожном движении воинов.

выходе [с горы], то к концу вечера можно пройти“. Тай-цзу тогда приказал Джафару быть проводником впереди на коне и без лат. К закату солнца вошли в ущелье, а на рассвете все войско было уже на равнинной местности и стремительно мчалось к Нанькоу» [55; цз. 120, с. 1296—1297].

§§ 15.2. Стратегическая разведка

Основную роль во внешней разведке монголов играли мусульманские купцы, с которыми Чингис очень рано навел тесный и взаимовыгодный контакт, материально более выгодный купцам, а информационно — Чингисхану. Первый такой контакт зафиксирован очень рано — сразу после сражения при Мао-Ундур, когда Чингис «пил воду Балчжуна»: «Здесь же на водоем произошло встреча с Туркестанцем Асаном, который на белом верблюде гнал от Онгудского¹ Алахуш-дигитхури^{II} тысячу кладеных баранов и попутно скупал соболей и белок у охотников вниз по течению реки Эргуне» [16, с. 138—139]. Асан — это мусульманское имя Хасан. По другим сведениям, [117, с. 117] кроме Хасана там же Чингисхана посетили купцы Джафар-ходжа и Данишменд-хаджиб. Джафар-ходжа даже удостоился жизнеописания в числе ближайших соратников Чингисхана в соответствующем разделе официальной хроники «Юань ши»: «Джафар-ходжа, человек из сай-и¹³... Джафар, с длинным телом и прекрасными усами с бородой, имел квадратные зрачки^{III} и высокий лоб, был отважным молодцом, прекрасно ездил на коне и стрелял.. Первоначально [он] сделал визит Тай-цзу, бывшему среди войска, [тот] с первого взгляда выделил его. Тогда у Тай-цзу произошел раскол с кэрэтским Ван-ханом» [ЮШ цз. 120, с. 1296]. Из этого замечательного описания далее становится известно, что Джафар обладал выдающимися способностями как воина, так и специалиста по выживанию — в его жизнеописании рассказывается о его участии в скитаниях Чингисхана и его спутников во время их пребывания в непригодном для жизни Балчжун-арале, а так-

¹ Онгуты кочевали рядом с Великой стеной, т. е. во владениях Цзинь.

^{II} Алакуш-дигитхури вскоре предупредит Чингисхана о замыслах найманов напасть на него.

^{III} Признак долголетия.

же о его незаурядном военном и дипломатическом таланте [там же].

Все эти контакты с информированными и бывальыми купцами-мусульманами дали Чингисхану очень ценную информацию как по географии, так и по политической ситуации в Восточном Туркестане, причем задолго до походов на Запад. Сведения мусульманских купцов по политической обстановке были точны ввиду жизненной необходимости для них — от такого знания зависели порой и состояния, и сами жизни торговцев. Но их географические познания были особенно важны — именно картография у мусульман в то время была на самом передовом уровне, недоступном для других культурных народов, скажем, европейцев¹. Практика использования купцов в качестве шпионов-соглядатаев была широко распространена везде на Востоке, достаточно вспомнить попытку перевербовки (которую, правда, следует признать неуспешной) посла Чингисхана к хорезмшаху Махмуда ал-Хорезми: «Султан велел привести Махмуда ал-Хорезми ночью одного, без других послов. Он сказал ему: „Ты — хорезмиец, и не может быть, чтобы ты не питал к нам дружеского расположения и склонности“. Он обещал ему награду, если тот скажет ему правду о том, о чем он его спросит, и отдал ему из своего браслета драгоценный камень в знак верности обещанию. Султан поставил перед ним условие — быть соглядатаем при Чингиз-хане. По доброй воле или из страха он дал согласие на то, чего от него требовали» [23, с. 73]. Заметим, что Махмуд ал-Хорезми² в этом случае снабдил хорезмшаха дезинформацией относительно реальной силы монгольского государства и его армии.

Действия послов и гонцов как разведчиков отмечаются источниками по всем периодам существования монгольской империи. Так, суздальский князь в 1237 г. говорит венгерскому монаху, что он задержал многих монгольских лазутчиков,

¹ См. такие работы, как [182], [204], [196].

² Или иначе — Махмуд Ялавач, причем это значащее прозвище — «ялавач» по-тюркски «посол».

которые были послами монголов в Европу (таких «послов» оказалось тридцать, цифра, указывающая на несоответствие их реальных целей с заявленным дипломатическим статусом) [4, с. 89]. Аналогично характеризует цели таких «послов» и ряд арабских авторов. Нередкие убийства монгольских послов в Китае в транзитных землях, по пути к их месту назначения, тоже указывают на их разведывательную деятельность, пресекаемую властями этих земель.

К стратегической разведке надо отнести и дальние рейды или просто набеги, во время которых попутно производилась и разведка для будущих больших походов. Так, уже в 1205 г., во время первого, во многом пробного, набега на тангутов «монгольская армия разведала все дороги Си Ся» [211, с. 124]. К подобного рода дальней разведке надо отнести и знаменитый рейд туменов Субэдэя и Чжэбэ — пройдя от Ирана, через Ширван, Северный Кавказ, донские и астраханские степи, Булгар и Мордовию, монголы сумели получить большое количество информации. Она состояла из определения пригодных для конницы маршрутов, возможностях противников и их боеспособности. Эти данные получались как через собственный опыт, так и через пленников, которых монголы на этом пути захватывали (иногда их количество было огромным — например, после битвы на Калке).

§§ 15.3. «Активные мероприятия»

Под «активными мероприятиями» или «мероприятиями содействия» в разведывательно-диверсионной деятельности понимают дезинформационные и подрывные действия [133, с. 17]. В государственном строительстве Чингисхана, которое, как уже отмечалось, обуславливалось сначала борьбой за верховную власть в степи и затем, после ее достижения, задачами военной экспансии вовне, «активные мероприятия» впервые отмечены в эпизоде уничтожения верхушки кэрэитов во главе с Ван-ханом. Полезно рассмотреть его подробнее, так как уже на этих ранних шагах в деятельности Чингисхана — полководца, дипломата и политика, — отмечаются высокая эффективность и слаженность дипломатического и разведывательно-

диверсионного аппарата, возглавляемого лично Чингисханом. Данная операция была попыткой в самых неблагоприятных условиях — а Чингисхан только что потерпел крупное поражение при Мао-Ундуре от кэрэитов Ван-хана и был на грани краха, — переломить опасную ситуацию. Чингисхан очень точно выбрал цель действий — уничтожить верхушку кэрэитов единственным, внезапным ударом по ней тогда, когда она будет вне основных сил ополчения обока кэрэитов. Такой выбор действий проистекал из сущности протогосударства-чифдома кочевников, когда гибель его лидеров приводила к гибели всей структуры. Чингисхан прекрасно понимал это и потому сделал правильный расчет на неожиданное уничтожение Ван-хана и его ближнего окружения, игравшего роль госаппарата его протогосударства. Для достижения этого результата были спланированы три этапа:

1. Отвлекающие дипломатические маневры для раскола среди врагов и пропагандистская кампания против них.

Они заключались в отправке официальных послов к Ван-хану и к его возможным союзникам. Суть их миссий проясняется при сопоставлении основных источников — «Сокровенного сказания», Рашид ад-Дина и «Юань ши». Из Рашид ад-Дина и «Юань ши» ясно видны цели посольств к Алтану, Хучару и Тогорилу, все три источника согласно описывают миссию к Ван-хану, а «Сокровенное сказание» и Рашид ад-Дин еще сообщают о посланиях к Нилха-Сангуму, сыну Ван-хана. Самыми результативными были посольства к Алтану с Хучаром и к Тогорилу. Первым двум из этой тройки напомнили о том, что они сами избрали Чингисхана, поставив его над собой, и сообщили о непрочности их положения у Ван-хана, который по натуре подозрителен и не будет доверять им, предавшим прежнего господина, т. е. Чингисхана ([38, с. 130], [56; цз. 1, с. 10—11]). Тогорилу Чингисхан сообщил о тщетности его надежд получить улус, который ему никогда не отдадут Алтан с Хучаром ([38, с. 130], [16 с. 138]). Для Нилха-Сангума же был выбран индивидуальный подход — было известно об его спорах с Ван-ханом касательно Чингисхана, так как

Нилха-Сангум был «ястребом» по отношению к Чингисхану при более мягкой позиции его отца. Поэтому Чингисхан откровенно оскорбляет его, при том, что Ван-хану говорит о признании его сюзеренитета над собой и о своей готовности мириться. Этим достигалось вбивание дополнительных клиньев между отцом и сыном — замечательно, что Рашид ад-Дин сообщает об их ссоре уже после разгрома кэрэитов: «В пути Он-хан говорил.. я терплю по вине человека с опухшим лицом!», т. е. из-за раненного в лицо и щеки Нилха-Сангума [38, с. 133]. Единственное неясное место во всех источниках — это миссия к Чжамухе: о ней известно только из «Сокровенного сказания» [16, с. 136—137] и глухого намека у Рашид ад-Дина [38, с. 131], причем о результате ее не говорится. В «Сокровенном сказании» приведены лишь обвинения Чжамухи в узурпаторстве и обоснования законности претензий Чингисхана на верховную власть в монгольской степи. Видимо, эта миссия не имела непосредственных практических целей, как в случае с Алтаном, Хучаром и Тогорилом, а была чисто пропагандистским действием, направленным на завоевание симпатий степной аристократии к Чингисхану, как выразителю их интересов (см. [73, с. 157—158]). Результат всех этих миссий сказался быстро — Алтан, Хучар ([56; цз. 1, с. 11], [38, с. 132], Тогорил [РД т. 1 ч. 2, с. 130]) и, возможно, Чжамуха (о нем известие только из «Юань ши» [56; цз. 1, с. 11]) не только отстали от Ван-хана, но и задумали заговор против него. При этом и среди заговорщиков не было единства — Тогорил затаил злобу на Алтана с Хучаром, а Чжамуха сам имел виды на верховенство, против чего еще вчера выступали единым фронтом Чингисхан и Алтан с Хучаром. Ван-хан своевременно узнал об их заговоре и «предал их разграблению» [38, с. 132], но «Юань ши» же известно, что план заговорщиков не удался, а они сами бежали к найманам [56; цз. 1, с. 11], что косвенно подтверждает сообщение Рашид ад-Дина. Таким образом цель первого этапа была достигнута — настоящие и потенциальные союзники Ван-хана разбиты им же самим и Ван-хан теперь остался в одиночестве. Посольство Чингисхана к Ван-

хану с напоминаниями о добре, сделанном ему Чингисханом и его отцом, нацеленное создать впечатление просьбы слабого и испуганного Чингисхана о перемирии, сработало — судя по всему, Ван-хан поверил в бессилие соперника и в свою безопасность: «Ван-хан в ту пору, оказывается, беспечно пировал, воздвигнув себе золотой терем» [16, с. 139].

2. Разведка состояния дел в стане Ван-хана и получение точной информации оттуда для нанесения наиболее эффективного удара.

Данный этап плана заключался во внедрении к Ван-хану разведчиков-диверсантов, которые должны были: во-первых, собрать информацию и дать знать о благоприятном моменте для нападения, а во-вторых — обеспечить внезапность, как через внушение ложной информации о намерениях Чингисхана, так и через перекрытие каналов поступления достоверной информации к самому Ван-хану. Эту задачу выполнили с помощью посылки к нему людей младшего брата Чингисхана Джочи-Хасара — Халиудара и Чахурхана, известных Ван-хану как нукеры и доверенные лица Джочи-Хасара. Об этом сообщают все три источника, из них наиболее определенно о роли Чингисхана как руководителя операции говорит Рашид ад-Дин: «Он подучил их сказать, что нас послал Джочи-Хасар со словами», и далее излагалась дезинформация, сводящаяся к тому, что Чингисхан полностью сокрушен, его ближайшие соратники бегут от него к Ван-хану, а сам Джочи-Хасар просит его принять к себе, мотивируя это разгромом Чингисхана и наличием у Ван-хана в плену семьи Джочи-Хасара [38, с. 133]. «Юань ши» тоже говорит о Чингисхане, как об организаторе и руководителе данных «активных мероприятий»: «Государь, переместив войско к истоку реки Онон, задумал нападение на Ван-хана... отправил двух послов к Ван-хану, как будто это слова Джочи-Хасара» [56; цз. 1, с. 11], и только «Сокровенное сказание» сообщает о якобы участии в плане самого Джочи-Хасара. Интересно, что из двух послов Чингисхана к Нилха-Сангуму один тоже остался у него, будто бы из-за своей семьи, находившейся у Нилха-Сангума. Возможно, тут также имелся

аналогичный план внедрения. В итоге дезинформация удалась, Ван-хан согласился принять в свой обок Джочи-Хасара и отправил в обратный путь со лжепослами своих людей. По дороге они, во главе с доверенным человеком Ван-хана Итургэном, были схвачены Халиударом и подоспевшим авангардом Чингисханова войска и затем убиты, а мнимые послы стали проводниками к месту стоянки Ван-хана и его небольшого отряда. Халиудар сообщил Чингисхану, что Ван-хан полностью поверил им и не ожидает нападения ([38, с. 133], [16, с. 140], [56; цз. 1, с. 11]). Таким образом поставленные задачи были выполнены наилучшим образом.

3. Собственно уничтожение ставки Ван-хана.

Получив своевременную информацию о местонахождении Ван-хана, составе его сил и его положении, Чингисхан ночью повел «очень быстрым и бесшумным маршем войска к горам Джэджээр-ундур» [56; цз. 1, с. 11], т. е. на Джэджээрские высоты. Проводники точно «вывели их, [войска] неожиданно и внезапно напали на Ван-хана и поразили его» [там же]. Версия «Сокровенного сказания», за вычетом энических элементов — как то: «бились три дня и три ночи», детализирует сообщение «Юань ши» — высоты были сначала плотно окружены, перекрыты все подходы к ним, оказавшиеся в ловушке кэрэиты отчаянно сопротивлялись, но были перебиты или захвачены [16, с. 140], чудом спаслись только Ван-хан с Нилхасангумом [117, с. 123].

Таким образом операция была спланирована и исполнена как комбинированная, с привлечением дипломатических и разведывательно-диверсионных мероприятий. В ней проявилась та особенность, о которой выше указывалось, — неразделимость в Средние века дипломатии и разведки. Ведь в описанном эпизоде важнейшую роль выполнили «элчи» (вестники-гонцы-послы) Чингисхана, а сам план был прерогативой высшего руководства, т. е. лично каана. Кстати, прием «ложного переветника» или «шпиона смерти» по Сунь-цзы фиксируется источниками не только в данном эпизоде с фальшивыми послами Хасара, но и позже, во время похода против хорезм-

шаха: «Чингиз-хан отправил эти письма через посредство одного из своих приближенных, якобы совершившего побег, а на самом деле посланного в глубокой тайне» [23, с. 77].

Данное направление деятельности разведывательно-диверсионного аппарата монголов развивалось и в дальнейшем, правда, не везде с равным успехом. Например, достижения на тангутском фронте были значительно скромнее, чем в войне с империей Цзинь. Видимо, главным отличием была относительная стабильность тангутского общества сравнительно с империей чжурчжэней. В отношении Цзинь, в которой уже накопилось много горючего материала, в первую очередь сепаратистского, поле действий для подрывной работы было весьма обширным. Не удивительно поэтому, что с началом боевых действий на сторону монголов сразу же стали переходить в массовом порядке целые отряды из не чжурчжэньских воинских контингентов (в основном пограничные части из «дю» — воинские формирования из разных кочевых народов, сходные по функциям с нашим казачеством [128, с. 122]). «Юань ши» просто пестрит сообщениями об изменах, заговорах и переметах к монголам сначала представителей подчиненных чжурчжэням народов, а потом и самих чжурчжэней: «будучи сам военным губернатором [у цзиньцев], отправил посла [к монголам], чтобы присоединиться к ним», «кидани Уланбар и другие преподнесли [Чингисхану] Бэйкоу», «полководцы Ши Тянь-эр и Сяо Бо-ди привели свои войска и покорились» [56; цз. 1, с. 16-17] и т. д. Самые же успешные операции приходится на западные походы монголов: в Среднюю Азию самого Чингисхана и в Европу — его преемников.

В «Юань ши», в жизнеописании Исмаила (Хэсымайли в китайской транскрипции), приводится характерный пример той важной роли подобных агентов Чингисхана во взятии городов без боя в ходе завоевания Мавераннахра. Этот Исмаил был уроженцем Средней Азии и высокопоставленным сановником у каракитаев, в начале похода Чингисхана в Восточный Туркестан на Кучулук-хана он сразу же перебежал на его сторону и содействовал мирной сдаче монголам многих городов,

в которых Исмаил ранее служил: «тогда в городах Кашгар, Яркенд и Хотан все те, кто держали нос по ветру, покорились и присоединились [к монголам]» [55; уз. 120, с. 1305]. В ходе похода на государство хорезмшахов Исмаил «последовал [за Чингисханом] в поход на город Нишанур, [Исмаил] уговорил его сдаться» [там же]. Другим примером удачного «активного мероприятия» было распространение подметных писем якобы от имени матери хорезмшаха Туркен-хатун, которые внесли раскол в верхушку государства Ануштегинидов и привели к немедленному военному результату — бегству Туркен-хатун из Хорезма (перед которым она приказала убить заподозренных в измене феодалов), в результате чего оборона города была дезорганизована, а многие вассалы хорезмшаха стали сдаваться монголам [23, с. 77—79, 95—96].

§§ 15.4. Монгольский террор

Террор монголами часто использовался во вполне прагматических целях, как часть их «активных мероприятий» — устрашение и распространение слухов о террористических акциях давали результаты не меньшие, чем прямые военные действия. В источниках часто можно прочесть, что жители очередного города сдаются при первом требовании монголов, особенно если незадолго перед этим монголы вырубали город по соседству. Парализующую силу современных монголам представлений об их непобедимости и их крайней жестокости к сопротивляющимся можно проиллюстрировать свидетельствами современников, записанными Ибн ал-Асиром: «Так, например, рассказывалось, что один человек из них [татар] заехал в деревню или улицу, где находилось много людей, и, не переставая, перебил их одного за другим, и никто не решился поднять руку на этого всадника. Передавали мне, что один из них схватил человека, и так как при татарине не было, чем убить его, то он сказал ему: «Положи голову свою на землю и не уходи». Тот и положил голову на землю, а татарин ушел, принес меч и им убил его. Рассказывал мне человек также следующее: был я с семнадцатью другими людьми в пути; подъехал к ним всадник из татар и сказал, чтобы один из них

связал другого. Мои товарищи начали делать, что он им приказал. Тогда я сказал им: он один, отчего бы нам не убить его и не убежать. Они ответили: мы боимся, а я сказал: он ведь хочет убить вас сейчас, так мы лучше убьем его, может быть, Аллах спасет нас. Клянусь Аллахом, ни один из них не решился сделать это. Тогда я взял нож и убил его, а мы убежали и спаслись. Таких примеров много» [48, с. 42].

Террор был также и средством дипломатического давления — после «вырубания» одной области послам монголов было куда легче «договориться» с ее соседями, точнее, заставить выполнить свои требования. Правда, поголовные истребления взятых городов имели не только эти цели, были и другие — месть за потери (например Козельск, «злой город», где полегло более 4000 захватчиков [ПСРА т. 2, стб. 781]), или просто невозможность оставить за спиной ненужное население, так как, например, при дальних рейдах монголам был не нужен полон (после битвы на Калке пленных русских и половцев, видимо, перебили) и громоздкие трофеи (те же тумены Субэдэя и Чжэбэ в Закавказье жгли захваченное имущество, см. [48, с. 17]). Как поступали со «злыми городами», хорошо иллюстрирует случай с Бамианом, под стенами которого защитники города убили Мао-Тукана, любимого внука Чингисхана, сына Чагатая: «Чингиз-хан по этой причине соизволил поспешить с ее завоеванием. Когда он захватил крепость, то отдал приказ [йасак], чтобы убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы скотины, диких животных и птиц, не брали ни одного пленного и никакой добычи и превратили бы город в пустыню и впредь его не восстанавливали и чтобы ни одно живое создание в нем не обитало» [38, с. 219]. Совершенно откровенно разъяснил причины таких действий монголов канцлер Елюй Чуцай в рассказе о взятии Бяньцзина (Кайфына, столицы Цзинь) войсками Субэдэя: «Как только враг, отклонив приказ [о сдаче], выпускал хотя бы [одну] стрелу или метательный камень [по осаждающим войскам], в соответствии с [существовавшей] государственной системой, [все] убивались без пощады во всех случаях. Накануне падения

Бяньцзина главнокомандующий (шоуцзян) Субудай прислал [к императору] человека с донесением. Там говорилось: «Этот город долго сопротивлялся нам, убито и ранено много [наших] воинов, [поэтому] хочу вырезать его весь» [44, с. 76].

Высказываемые рядом авторов сомнения и «опровержения» подобной жестокости развеиваются свидетельством современника и, главное, панегириста монголов Джувейни: «Оттуда они [монголы] отправились дальше, покорили Тебриз, а Мерагу, Нахичевань и те области целиком истребили» [49, с. 20]; в аналогичных выражениях он описывает и другие случаи. При этом путешественники, как европейские (Плано Карпини), так и дальневосточные (Чан Чунь), не сговариваясь, описывают почти одними и теми же словами разрушенные селения и поля, покрытые костями и черепами десятков тысяч жертв монголов. Сравним: у Плано Карпини — «когда мы ехали через их землю¹, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле... город^{II} был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что» [12, с. 47]; и у Чан Чуня — «проходя Ехулин, видели кости погибших в сражении... Смотря отсюда на опустошенные войной селения Дэсинские, он выразил возбужденные этим мысли в следующих стихах: „Некогда, здесь рощи доходили до небес; а теперь селения видны кое-где; без числа погибло живых тварей от острия меча; сколько прекрасных жилищ обратилось в серый пепел!“» [26, с. 162—163]. Раскопки в Киеве, Владимире-Волынском и Райковецком городище показывают аналогичную картину — скелеты убитых защитников этих городов и членов их семей лежали так, как их застигла смерть, некому было даже их погребсти, почему останки и сохранились в нетронутном виде вплоть до раскопок XX в. (см. [98, с. 496] и [177, с. 150—151]).

В некоторых случаях можно только догадываться о причинах жестокости монголов — например, осенью 1213 г. Чингисхан приказал Мухали взять город Мичжоу, а тот пере-

¹ Окрестности Киева.

^{II} Киев.

бил все его население поголовно. При этом в источниках не говорится, по какой причине, — это произошло в самом конце кампании, когда сотни городов и поселений Цзинь были уже взяты, задачи монголов в основном были выполнены и монголы отходили на зимние стоянки [56; цз. 1, с. 17]. Объяснение таких поступков возможно только предположительное. Одним из самых вероятных может быть кровная месть, которая у монголов существовала издавна. В данном случае чжалаир Мухали мог мстить за давние обиды своего рода: «У жителей Хитая с ними джалаирами и с другими монгольскими племенами постоянно были войны и стычки... Хитаи перебили все те столь многочисленные племена джалаиров вплоть до детей ростом с плетъ, а их скарб и скот разграбили. Из всех джалаиров лишь одна группа... бежав, откочевала» [38, с. 18—19]. Сообщение же Джузджани, даже с поправкой на его ненависть к монголам (его рассказ подтвержден в общем и другими авторами), тоже трудно объяснить: «Войско монголов прибыло к воротам Хорезма и начался бой. В продолжение 4 месяцев жители Хорезма сражались с ними (монголами) и отражали неверных, которые, наконец, взяли город, предали весь народ мученической смерти и разрушили все строения, за исключением двух мест: 1) Кушк-и-Ахчека и 2) гробницы султана Мухаммеда Текеша. Некоторые рассказывают, что когда город Хорезм взяли и народ из города вывели в степь, то он (Туши) приказал отделить женщин от мужчин и удержать всех тех женщин, которые им (монголам) понравятся, остальным же сказать, чтобы они составили два отряда, раздеть их догола и расставить вокруг них тюрков-монголов с обнаженными мечами. Затем он сказал обоим отрядам: „В вашем городе хорошо дерутся на кулаках, так приказывается женщинам обоих отрядов вступить между собою в кулачный бой“. Те мусульманские женщины с таким позором дрались между собою на кулаках и часть дня избивали друг друга. Наконец (монголы) накинулись на них с мечами и всех умертвили, — да будет доволен ими (убитыми женщинами) бог» [49, с. 14].

§§ 15.5. Собственно дипломатия

Дипломатия, согласно устоявшимся средневековым понятиям, была прерогативой государей. В государстве Чингисхана именно он определял дипломатический курс, в общем контексте своей политики. Как уже было рассмотрено выше, иногда невозможно разделить, где были чисто дипломатические маневры, а где разведывательная и подрывная деятельность как часть подготовки к очередному завоеванию. Причина этого еще и в образе мыслей Чингисхана, который провел десятки лет в перманентной степной войне «всех против всех», с ее практикой непостоянных союзов, обманов партнеров и интриг, которые трудно считать дипломатией в привычном смысле слова.

Свой опыт войны за гегемонию в степи Чингисхан перенес и на отношения с развитыми государствами, соседями монголов. Частые сетования хронистов этих стран на «коварства» монголов на самом деле лишь пример несовпадения в понимании культурных традиций друг друга, в том числе в дипломатии. Европейским народам (в том числе русскому) за это непонимание пришлось жестоко поплатиться — известно, что неприкосновенность послов была основой в монгольской традиции дипломатии, тогда как у других народов она не была священной обязанностью, поэтому убийства монгольских послов отомщались Чингисханом и его полководцами со страшной свирепостью.

Чингисхан обладал искусством дипломата, но довольно своеобразным — он удачно строил комбинации на близкие перспективы, точнее, его союзы были всегда выгодны ему самому на этапе борьбы с общим противником, а когда союзник переставал быть нужным, его обычно постигала судьба бывшего (а ныне поверженного) врага. Так Чингисхан поступил с тангутами, которые были его союзниками в войне с Цзинь, — после завоевания территорий чжурчжэньской империи севернее Хуанхэ он разгромил и уничтожил Си Ся. Его «медноголовый пес» Субэдэй достойно подражал своему повелителю — он ухитрился разладить союз аланов с половцами, соединенные силы которых он не мог победить, после чего

разбил и тех и других поодиночке. То же делали и преемники Чингисхана — каан Угэдэй в 1234 г., совместно с союзными силами Сун, уничтожил остатки Цзинь, после чего зимой того же года «совещался с полководцами о походе на Сун» [55; цз. 2, с. 12] и на следующий год начал пограничную войну с бывшими союзниками сунцами.

Есть основания считать, что еще до начала экспансии монголов на запад дипломатические связи Чингисхана уже были налажены и в мусульманском мире, раздираемом противоречиями между династиями, различными религиозными и социальными группами. Чем-то иным трудно объяснить уверенность ряда арабских авторов (например, Ибн ал-Асира, Макризи и другие [69, с. 300]) в том, что халиф Насир (1180—1225) имел посольские сношения с Чингисханом и был активной стороной в переговорах о союзе против своего врага хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша [105, с. 167]. О том, что такие сношения имели место задолго до событий в Отраре, ставших предлогом к выступлению монголов на Хорезм, пишет и Ибн Василь: «Когда хорезмшах двинулся на Багдад¹, халиф написал Чингиз-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну хорезмшаха» [69, с. 300]. Аналогично складывалась ситуация и во время репетиции похода на хорезмшаха, когда монголы ухитрились предстать спасителями мусульман от Кучулук-хана в Восточном Туркестане. Без предварительных договоренностей с мусульманскими феодалами тут явно не обошлось — как уже упоминалось, карлукский Арслан-хан и владетель Алмалыка Суктак-беки сразу прибыли к Чингисхану со своими войсками, как только тот отправил в Кашгар своего сына Джучи.

Очень хорошо подытожена суть «дипломатии» и активных мероприятий Чингисхана в Ипатьевской летописи, написанной в середине XIII в. галицким летописцем, имевшим, судя по всему, сведения из первых рук (Даниил Галицкий со своими людьми не раз бывал у монголов в ханских ставках в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в.): «Восваша землю Таногустьску

¹ Т. е. в 1217 году.

и на иные страны, тогда же и Чаногиз кано их Таногуты убыен бысть, их же прельстивше и последи же льстию погубиша, иные же страны ратми, наипаче лестью погубиша» [ПСРА т. 2, стб. 745]. Как видно, только после окончания основных кампаний монголов подоплека многих их побед стала ясна побежденным — не столько военными действиями, сколько «лестью», т. е. дезинформацией, пропагандой, наведением паники террористическими методами и прочими «активными мероприятиями», достигались цели многих монгольских нашествий.

§ 16. Военное планирование (стратегия)

У монгольской армии отсутствовала жесткая привязка к операционному базису (как он понимается по Клаузевицу, см. [102, с. 419]). В соответствии с определениями Клаузевица, монголы имели возможность удовлетворять потребности армии через «категории первого рода», т. е. за счет ресурсов «культурных стран» и захватываемых территорий [102, с. 420]. И хотя для регулярных армий XIX в. этого было уже недостаточно для создания операционного базиса [там же], но для уровня потребностей монгольской армии в веке XIII их еще хватало. Таким образом для нее становилось возможным ведение войны, питающей саму себя, — это то обстоятельство, которое делало реальным (и даже способствовало) осуществлению дальних походов монголов. Ресурсы врагов наполовину уничтожались, а наполовину вливались в монгольскую армию, усиливая ее. Поэтому потери наступающих монголов от встречаемого отпора были в среднем меньше, чем нарастание сил от вливаемых местных ресурсов — людей, коней и т. д. Отсутствие правильного подвоза решалось двояко: через надежду на захваченное (монголам не нужно было заботиться об участии ограбляемого населения, они могли забирать все им необходимое) и через приготовления своих помощников в стане врага. Последнее было подробно рассмотрено выше, в части, касающейся монгольской разведки.

Политическая разведка, по мнению известного военного теоретика А. Свечина, обязательно предшествовала самой

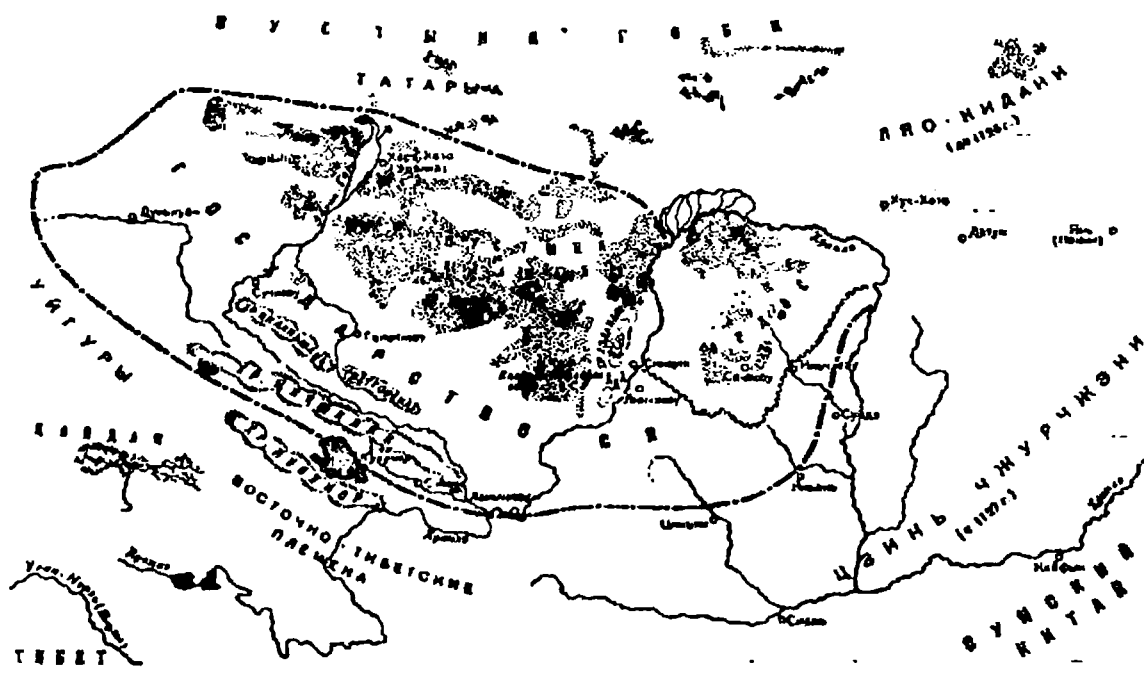
войне [165, с. 147]. В ход шли подкуп, обещания лучшего положения при монгольской власти, раскол элит и династические распри. Таким образом стратегическое планирование войны у монголов на первом этапе обязательно включало в себя элементы дипломатии, политической разведки, пропагандистско-диверсионных мероприятий, заранее обеспечивавших для монголов следующие преимущества: точную и подробную информацию о противнике, о его военных силах, ресурсах, географических особенностях стран, планируемых к нападению, подготовку благоприятного для монголов внешне- и внутриполитического положения будущей жертвы.

Следующим шагом в планировании была привязка добытых сведений к конкретным театрам боевых действий и наличным военным силам — что у монголов, что и у их противника. Последнее диктовало план развертывания монгольских сил, способных к эффективным действиям против данной конфигурации вражеских войск. Решив эту задачу, надо было на основе выбранного плана действий решить другую — соотнести движение монгольских сил с местностями (и имеющимися на них ресурсами), по которым они будут проходить. Диктовалось это необходимостью обеспечения крупных масс конницы, что было большой проблемой в то время, когда не существовало систем механических коммуникаций (железных дорог и т. д.) и промышленности, могущей в массовом порядке снабжать армию. Поэтому для средневековых армий решение задач по поиску источников снабжения и обеспечению регулярной доставки фуража/провианта имело не меньшее значение, чем собственно боевые качества армии.

Итак, важной проблемой для конных армий была логистика вообще и обеспечение продовольствием людей и коней, в частности. Кроме небольшого запаса его, в остальном приходилось полагаться на добытое у врага и подножный корм. Чем беднее был подножный корм, тем более широкое пространство надо было занимать. Знание всех особенностей питания конских масс диктовало маршруты и расчет времени. Именно поэтому — для правильного учета движения монгольских

корпусов во времени и пространстве жизненно важной была разведка перед каждым выступлением в поход. Об этом прямо говорится в источниках, например в жизнеописании Субэдэя, одного из мастеров дальних рейдов: «Когда же переправлялись через реки, то вперед посылалась тысяча быстрой конницы для осмотра, чем поддерживался форсированный марш днем и ночью главного войска» [56; цз. 121, с. 2976]. Часто заранее готовились впереди этапы, даже заготавливались семена для посева за собой полей (в случае длительных и дальних походов), чтобы на обратном пути можно было накормить коней. Также планировались места зимовок, если поход захватывал зиму, — так, например, произошло во время знаменитого рейда туменов Чжэбэ и Субэдэя, когда перед продолжением похода на Северный Кавказ они остановились зимовать на хороших пастбищах в Арране, разведанных заранее.

Другим важным элементом стратегии были отдельные маршруты туменов, составлявших корпус/армию монголов в походе. Так, помимо задачи раздробления сил противника, который должен был сражаться одновременно везде и при этом имея во всех пунктах меньшие, чем у монголов, силы, решалась задача прокорма армии. Ведь хотя и был у монголов основной принцип ведения войны, заключающийся в том, что «войска кормятся войной», тем не менее отдельные маршруты следования конных корпусов позволяли более полно осваивать эти местные ресурсы так, чтобы разные тумены не пересекались в одних и тех же местах. Чтобы исключить подобные ситуации, маршруты отдельных частей планировались заранее, с указанием пунктов сбора. Разумеется, такая стратегия требовала высокого уровня искусства планирования и наличия обширной и точной разведывательной информации и, что не менее важно — полководцев, способных использовать все вышеперечисленные компоненты военного искусства монголов. Практика показала, что именно такие выдающиеся стратеги и полководцы были в распоряжении Чингисхана, вспомним хотя бы Мухали, Чжэбэ и Субэдэя. Рейд туменов Чжэбэ и Субэдэя в автономном режиме в течение почти четырех лет представляет беспрецедентное явление

Государство тангутов (Си Ся) и его соседи

ние в истории войн Средневековья, ниже он будет подробно рассмотрен, как пример проявления выдающихся военных и стратегических талантов полководцев Чингисхана.

Окончательное слово по военному планированию всегда было за кааном: «Что касается таких важных дел, как походы, война и другие, то [они] решаются только самим татарским правителем» [36, с. 142]. Тем не менее роль курултаев и совещаний перед принятием стратегических решений отмечается многими источниками ([16, с. 143], [56; цз. 1, с. 12], [36, с. 142] и др.). На них обсуждались вышеприведенные проблемы по системе стратегического развертывания войск, учета и распределения ресурсов и т. п., после чего принимался окончательный план действий и распределение обязанностей по его исполнению среди монгольских командующих. Надо тут еще отметить талант Чингисхана в умении выбрать соответствующего задаче полководца-исполнителя. Судя по примерам Мухали, Чжэбэ и Субэдэя, Чингисхан ясно отдавал себе отчет в сильных и слабых сторонах своих командиров и давал поручения им с точным расчетом способностей последних. Например, Чжэбэ и Субэдэй постоянно отправляются кааном в автономные рейды, требовавшие умения находить врага и

внезапно его поражать, а Тохучара он чаще всего использует в охранных действиях.

Стратегия государства Чингисхана и его преемников в самом общем виде должна быть охарактеризована как перманентно наступательная и завоевательная, причем на первом этапе она была нацелена на объединение и подчинение всех кочевых народов Центральной Азии и — шире — евразийских степей, а на втором — на захват и покорение всего известного монголам мира. Задача первого этапа заключалась в необходимости объединить всех «проживающих за войлочными стенами». Цель же подчинения всего мира проявилась позже, после консолидации всех кочевников монгольской степи, и лучше всего видна в сохранившихся фрагментах «Великой Ясы» и в ярлыках первых монгольских каанов европейским королям и папам. Вот что писал Гуюк папе Иннокентию IV в своем ярлыке-приказе в ноябре 1246 г.: «Силою Вечного Неба (мы) Далай-хан всего великого народа; наш приказ. Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и помнил.. Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога, так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно „мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все имущество“. Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами. Вот что Вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно!» [12, с. 220]. Насколько эти стратегические цели оказались достижимыми и выполнимыми для монголов первой половины XIII в., рассмотрим подробнее в следующей главе.

¹ Последняя фраза ярлыка может быть не совсем понятна на первый взгляд, но это стандартная угроза монголов перед началом военных действий согласно «Ясе», ср. слова последнего посольства монголов к русским князьям, после которого уже было сражение при Калке: «А идете противу нас, то вы поидите; а мы вас не заяли, да всем бог» [24, с. 62].

Преобразование военной державы Чингисхана в мировую Монгольскую империю

§ 17. Походы Чингисхана

§§ 17.1. Подготовка к большой войне с Цзинь

Первый поход монголов против настоящего развитого государства был в страну тангутов в 1205 г., но это был всего лишь рейд одного из военачальников Чингисхана. Последний все еще занимался в основном укреплением своей власти над «народами, живущими за войлочными стенами». Только в 1207 г. сам каан впервые выступает в поход на Си Ся, оборону которого Елюй Ахай прощупал два года тому назад. Но и этот поход еще не был полномасштабной войной.

Боевые действия против тангутов, по праву считавшихся серьезной военной силой в регионе, во многом помогли Чингисхану принять правильные решения касательно организации своей армии. Как отмечалось выше, до этих походов монголы еще не умели правильно осаждать и брать крепости-города. Зато теперь они получили бесценный опыт, а главное — пленных специалистов, которые помогли им восполнить пробелы в искусстве боевых действий против оседлых государств и их городов-укреплений. За два тангутских похода и войну 1209 г. с Си Ся были отработаны многие тактические приемы армии Чингисхана, которые стали со временем неотразимым оружием монгольской экспансии. Начиная с 1206—1207 гг. можно также говорить о способности монголов составлять и выполнять сложные стратегические планы.

Процесс формирования государственных структур еще продолжается, но Чингисхан в 1206 г. уже задумывается о войне с региональной сверхдержавой — империей Цзинь [56; цз. 1, с. 13]. Причин для этого много — от элементарного жела-

ния получить новые места для пастбищ, рабов и ценности, до удовлетворения чувства мести. Ведь казнили же цзиньцы его предка Амбагай-хана, который просил все поколения своих родичей отомстить за него [38, с. 42], что и пытался сделать отец Чингисхана: «Когда известие [о гибели Хамбакай-каана] дошло до них, Кадан-тайши, Тудай и Есугэй-бахадур совместно с племенами и многочисленным монгольским улусом устроили совещание, чтобы выступить в поход для отплаты и мщения за кровь Хамбакай-каана» [38, с. 43]. Но поход вышел простым набегом, и серьезная месть была отложена, а потом, как известно, Есугэй погиб из-за предательства татар. Благородное стремление к мести и уважение воли отца — все это понятно и одобряемо степными молодцами. И к тому же это хороший предлог, сработавший в свое время. Правда, южносунский посол к монголам приводит и более прозаичную причину ненависти к цзиньцам: «Когда татары находились [еще в пределах] своего собственного государства, [в период правления] Да-дин (1161—1189 гг.) у цзиньских разбойников, в Яньцзине и киданьской земле распространялись слухи о том, что-де татары то и дело приходят и уходят и потеснят императора так, что [ему] будет некуда деваться. Главарь [государства] Гэ Юн стороной узнал об этом и с тревогой сказал: „Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!“ И тогда отдал приказ срочно отправить войска в [их] жалкое захолустье и истребить их. [В дальнейшем] через каждые три года посылались войска на север для истребления и уничтожения [татар], и это называли „сокращением совершеннолетних“ [у татар]. До сих пор китайцы все помнят это. [Они] говорят, что лет двадцать назад в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские [дети], купленные и превращенные в маленьких рабов, — все они были захвачены и приведены войсками. Ныне у татар среди больших сановников много таких, которые в то время были взяты в плен и жили в государстве Цзинь» [22, с. 70]. Так что давние кровавые счета с чжурчжэнями, которые надо обязательно свести, стали делом чести для монголов Чингисхана.

Но вот что характерно — взвесив все обстоятельства, Чингисхан приходит к здравому выводу о неготовности к большой войне с пока еще могучей империей, почему он и «не осмелился двинуться необдуманно» [56; цз. 1, с. 13]. Такой подход свидетельствует не только о рациональности Чингисхана как государственного деятеля, но косвенно указывает на то, что войны он начинал только при наличии серьезной подготовки. Именно к этому времени относится решение Чингисхана развернуть «подготовку продвижения внутрь китайской равнины, для чего обязательно надо было сначала сокрушить сопротивление государства Цзинь» [211, с. 125]. Можно поэтому предположить, что тогда же был задуман и начал осуществляться последовательный план с дальним стратегическим расчетом на поражение чжурчжэней. Его контуры можно увидеть в реализованной Чингисханом последовательности действий:

1) В 1207 г. приведены к покорности киргизы и «лесные народы», что добавило воинов в его армию;

2) В 1207 г. последовал второй поход на Си Ся, который возглавлял лично Чингисхан. Несмотря на высказывающееся предположение [117, с. 149], что он был вызван неуплатой дани, которое основывается на сообщении Рашид ад-Дина: «Осенью, так как [племена] области Тангут постоянно бунтовали, не платили дани [мал] и не выказывали должного уважения, Чингиз-хан вторично выступил на войну против них и в ту пору покорил всю эту область» [38, с. 151], есть сомнение, что это было причиной, а не просто предлогом к выступлению. По-видимому, целью был в первую очередь масштабный разведывательный поход на тангутов. В ходе его были также получены крупные трофеи и большое число пленных, главным образом ремесленников и военных специалистов. Этим его значение не исчерпывается — он оказался еще и проверкой возможностей монгольской армии перед решительной атакой на тангутов двумя годами позже.

3) В 1209 г. на сторону монголов добровольно переходят уйгуры (их идикут сказал Чингисхану: «Подношу всю уйгур-

скую область и становлюсь рабом и сыном Чингиз-хана» [38, с. 152]). Уйгуры издавна проявляли враждебность к Си Ся, что обеспечивало блокирование тангутов с запада;

4) В том же 1209 г. начата война с государством Си Ся, предварительно изолированным дипломатически и стратегически; происходит окончательная обкатка армии в боевых действиях против городов и сильной армии тангутов, сравнимой с чжурчжэньской;

5) Побежденные тангуты, признавшие сюзеренитет Чингисхана, вынуждены выполнять его приказы, направленные на превращение Си Ся во вспомогательную силу против Цзинь, — в итоге монголы заставили тангутов начать войну против чжурчжэней [113, с. 301].

6) С китайцами Южной Сун завязываются отношения на основе общей враждебности к Цзинь, что довершает окружение Цзинь войсками античжурчжэньской коалиции во главе с монголами¹.

Таким образом к 1210 г. предполагаемый план выполнен, Цзинь уже в стратегическом окружении, армия монголов, по мнению Чингисхана, достаточно пополнена людьми, трофейным вооружением и техникой, получила опыт боевых действий против сильного оседлого государства. Так что теперь дело за малым — за предлогом к выступлению. И тут Чингисхан делает последние шаги к провоцированию конфликта, причем так, чтобы в глазах у всех инициатива войны исходила от Цзинь.

Предложенный анализ стратегии монголов, помимо очевидной целенаправленности шагов, указанных в пп. 1—6, подкрепляется еще и тем соображением, что Чингисхан, по сообщению «Юань ши», в 1210 г. расчетливо спровоцировал войну после демонстративного и оскорбительного по форме отказа платить ежегодную дань новому императору Цзинь: «Император спросил цзиньского посла так: „Кто новый государь?“ Посол ответил: „Это Вэйский ван“. Император сразу повернулся на юг, плюнул и сказал так: „Я считаю императором в Срединной равнине¹ того, кто отмечен Небом. Но ведь

¹ Т. е. в Китае.

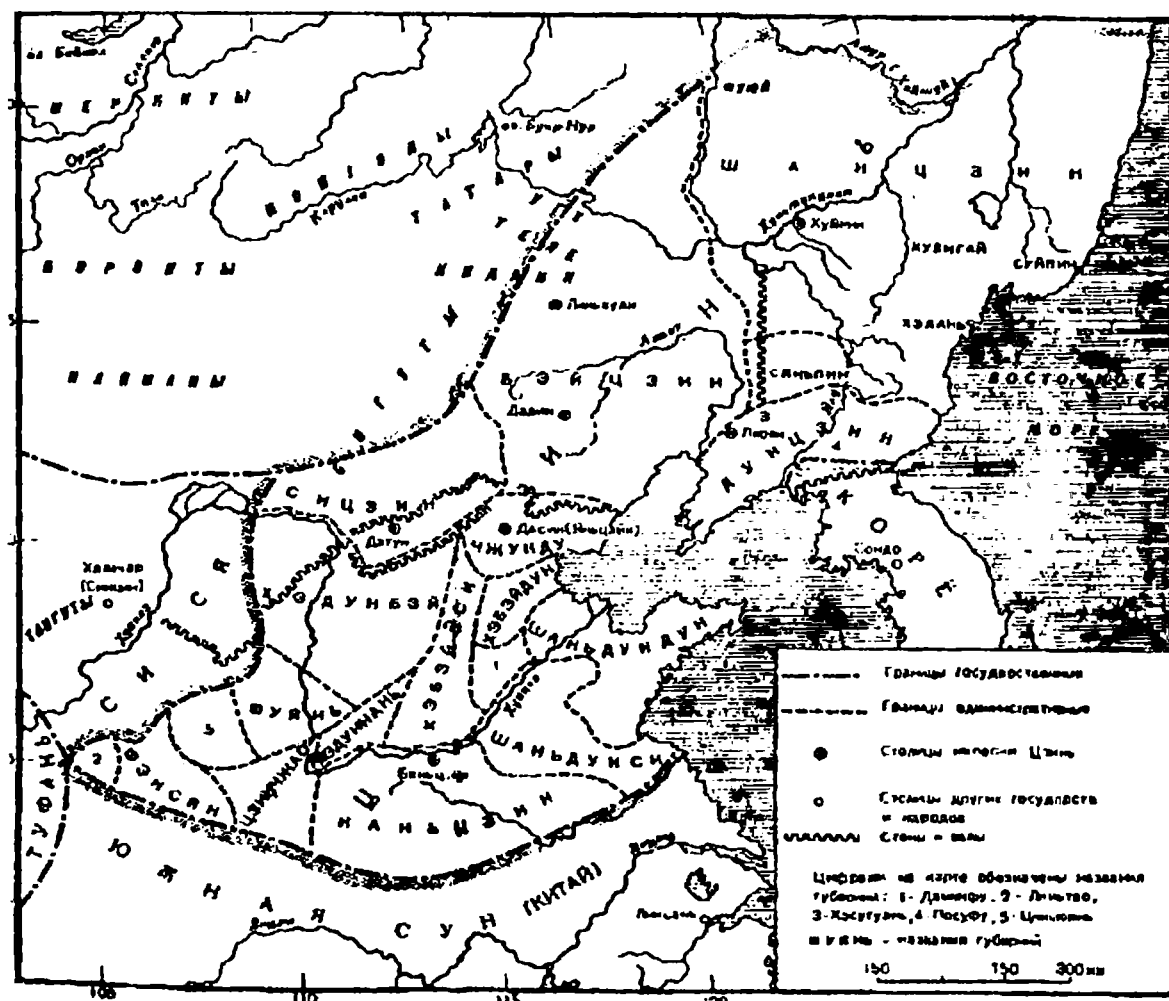
этот же является заурядным и робким, как такому кланяться!“ Тут же сел на коня и ускакал на север» [56; цз. 1, с. 15]. Надо сказать, что Чингисхан имел право на такой вывод — нового цзиньского императора он знал еще в его бытность послом, побывавшим у Чингисхана в 1209 г. («Цзиньский владетель послал Вэйского вана Юнь-цзи в Чжэнчжоу получить дань. Император принял Юнь-цзи, не совершив [подобающего] церемониала» [56; цз. 1, с. 15]). Уже тогда монгольский государь пришел к нелестному для последнего мнению о способностях Вэйского вана и, видимо, в своих расчетах учитывал низкие деловые качества Юнь-цзи, ставшего теперь государем Цзинь. В том же месте ЮШ сообщается, что Чингисхан после отказа платить Цзинь «увеличил строгости [дисциплины] в войсках, чтобы быть готовыми» к войне [там же].

Итак, годовая запись ЮШ за год гэн-у (27.01.1210 — 16.01.1211) в краткой форме подытоживает политику Чингисхана по подготовке к войне с Цзинь и показывает, что он пришел к выводу о готовности своего государства к большой войне с чжурчжэнями. Возможно, последней каплей была смена руководства в Цзинь, когда там воцарился новый, малоспособный (по мнению Чингисхана) император и власть в государстве ослабела — момент для выступления оказывался поэтому очень удачным. После выделения погранично-сторожевого отряда Тохучара для надзора за коренным юртом и западной границей Чингисхан был полностью готов к войне с Цзинь.

§§ 17.2. Война с Цзинь

Чжурчжэни, создав в Северном Китае свою империю Цзинь, впитали многие достижения китайской культуры. Но кроме того, они овладели опытом государственного строительства ряда других народов — как родственников себе¹, так и иных — киданей и корейцев. Захватив 1120-х годах северные провинции Китая, ранее покоренные киданями, чжурчжэни создали сильное и воинственное государство.

¹ Их племенное ответвление шэнньючжэни «отличались... воинственностью, стремлениями к захватам и мстительностью» [199, с. 305], другое родственное им племя — бохайцы имело свое развитое государство с выдающимися достижениями в металлургии и создании качественного оружия и доспехов.

Империя Цзинь в XIII в.

Армия цзиньцев к началу XIII в. в значительной степени была уже составлена из киданей и китайцев, причем использовались принудительные методы набора [199, с. 324], не добавлявшие устойчивости этим формированиям, — как свидетельствует династийная хроника «Цзинь ши» в разделе «О военном деле»: «отдавался приказ о записи в армию, что приводило народ в смятение. Если в семье были совершеннолетние и здоровые мужчины, всех их забирали, вопли и рыдания, возгласы ропота и негодования слышались на всех дорогах» [199, с. 347]. Другим важным фактором расшатывания государственных институтов Цзинь были постоянные волнения и мятежи покоренных народов. Накануне монгольского вторжения произошло самое мощное такое восстание — восстание «красных курток» [199, с. 349].

Но внешне государство Цзинь представляло собой могущественную державу — по данным переписи 1207 г., в нем

было 7 684 838 хозяйств и 45 816 079 человек [75, с. 147]. Система организации ее армии базировалась на разделении как по принципу регулярности, так и по принципу национальному. В результате получалось, что армия состояла из регулярных частей и резерва, а каждая из этих составляющих делилась на чжурчжэньские и нечжурчжэньские формирования. Сохранились документы по составу армии Цзинь на 1161 г., на основании которых известен ее состав:

1. Чжурчжэньские войска, в том числе:

Регулярные части — 25 200 человек;

Резервная, или «народная», армия — 40 000 человек.

2. Резервные киданьские, китайские и бохайские части — 700 000 человек.

3. Мобилизационный резерв — 300 000—400 000 человек ([75, с. 195]).

На 1211 г. подобных данных не сохранилось, но в 1216 г., по данным «Цзинь ши», в цзиньской армии «между всеми военачальниками распределено не менее миллиона солдат» [75, с. 196]. Известно также, что в конце XII в. численность регулярных частей выросла — в них имелось около 173 000 человек, из которых 116 200 были распределены в гарнизонах [там же]. На границах цзиньцы держали как военные поселения из отслуживших солдат регулярных частей, так и пограничные отряды, сформированные из нечжурчжэньских народов. Последние имели специальное название — «дю» (или «цзю» в других чтениях), в их составе насчитывалось до 15 «племен» (кидани, татары, монголы и пр.), чья служба имела функциональное сходство с обязанностями казачьей пограничной стражи в Российской империи [128, с. 122].

Цзиньская армия подразделялась на пехоту и конницу. Пехотные соединения имели много частей, набранных из китайцев, бохайцев и корсейцев, а конница (некоторые исследователи определяют ее как конно-панцырную) была в основном чжурчжэньской и составляла костяк регулярной армии [75, с. 197]. Основным подразделением в кавалерии Цзинь была сотня, состоявшая из 50 кавалеристов, у каждого

из которых был оруженосец, причем воины имели латы (они делились на две категории — бойцы и латники), а оруженосцы только иногда упоминаются как имеющие доспехи [75, с. 198]. Оружие цзиньцев было, как правило, унифицированным и состояло из лука со стрелами, копьа и меча, латники носили доспехи из металлических пластин [75, с. 206]. По своим боевым качествам и количеству воинов цзиньская армия была сильнейшей в регионе, что доказывается успешным захватом чжурчжэнями почти половины территории сунского Китая, которому удалось стабилизировать границу только по мощной водной преграде — Янцзы. Поэтому противник, выбранный Чингисханом для первой большой войны, был весьма грозный.

Исход войны во многом зависел от первой кампании — несмотря на хорошие внешние предпосылки (обеспечение своего тыла со стороны тангутов и окружение Цзинь врагами), сражаться-то приходилось монгольской армии, а прежний опыт войн монголов с чжурчжэнями был в целом не в их пользу. Тангуты хотя и сделали в 1211 г. диверсию против Цзинь, но все, на что они оказались способны, были «набеги на цзиньские округа Бинь и Цишань¹, которые цзиньские войска отразили» и еще осада Пинляна², где тангуты «сражались безрезультатно и ушли» [211, с. 130]. Таким образом, монголы перед войной обеспечили только необходимые ее условия — благоприятную стратегическую обстановку, отвлекли часть цзиньских сил на границу с Си Ся и хорошо подготовили свою армию. Но остальное зависело уже от условий, так сказать, достаточных, т. е. от боевых качеств самих монголов и способностей их полководцев, заключавшихся в умении приспособливаться к боевым действиям — как известно, планы войны всегда корректируются противником, поэтому надо было иметь разные варианты на случай возможных контрдействий цзиньцев. Тем более что последние уже в 1210 году знали о неминуемости войны с монголами

¹ Совр. пров. Шэньси.

² Город в совр. пров. Ганьсу, на границе с НХАР.

и начали укреплять оборону, в частности, возвели крепость Ушану¹. Именно на нее в том же году Чингисхан приказал напасть отряду Чжэбэ. Тот выполнил приказ и атаковал Ушану, поэтому о стратегической внезапности нападения говорить уже не приходилось.

Учитывая все вышесказанное, становится ясным, что именно кампания 1211 г. была переломным моментом в ходе всей внешней экспансии державы Чингисхана. Ее результаты были ошеломляющими — военный крах Цзинь (захват территорий пока не был особенно важен для монголов) и уничтожение лучших кадровых частей чжурчжэньской армии. Это привело к общей катастрофе империи чжурчжэней — началось отпадение ранее завоеванных ими народов, создание на окраинах Цзинь марионеточных государств (зависимых от монголов и союзных им), а разрушение защитных линий и общее ослабление чжурчжэньской армии дали операционную свободу монгольским силам, которые после 1211 г. легко проникают туда, куда им надо, и бьют разрозненные цзиньские силы тогда, когда им нужно. В результате военного поражения 1211 г. Цзинь со временем стала терять уже и земли, что привело в 1216—1217 гг. к новой стадии войны — переходу монголов к политике, направленной на удержание захваченных земель и включение завоеванного в состав собственной империи. Именно успех войны с цзиньцами дал последний толчок к такой политике, а этот успех вытекал из удивительных результатов кампании 1211 г. Поэтому она будет рассмотрена очень подробно, что помимо всего прочего вызвано потребностью согласовать ряд некоторых противоречий в сообщениях основных источников.

Проблема заключается в том, что СС, ШУЦЧЛ, РД и ЮШ, в целом верно описывая военную катастрофу цзиньцев в 1211 году, в ряде конкретных деталей — в порядке и хронологии военных действий, в их топографии, в данных о силах сторон, фазах и результатах сражений etc, дают разноречивые сведения. Приведем несколько примеров: СС сообщает связную

¹ В районе совр. г. Синхэ.

картину действий в 1211 г., но без подробной хронологии; ШУЦЧЛ начинает рассказ сразу с осени 1211 г. и выносит на конец годовой записи года синь-вэй, т. е. 1211 г., сообщения о действиях Чжэбэ в Ляоси и о сражении при Ехулин, которое произошло еще в начале похода, начавшегося в марте 1211 г.; РД в основном следует версии ШУЦЧЛ, но у него есть сведения о начале похода, отсутствующие в ШУЦЧЛ, и кроме того есть перестановки во времени событий сравнительно с СС и ШУЦЧЛ; ЮШ дает порядок событий в общем сходный с СС, но при этом сражение при Ехулин, взятие Западной столицы и рейд Чжэбэ в Ляоси относит на лунный год, соответствующий 1212/13 г. (все остальные источники относят данные события к 1211 г.); и т. д. Все это потребовало определенной работы по критическому анализу источников, суть которой в том, что в основу предложенной ниже реконструкции событий 1211 г. положен текст «Сокровенного сказания»; на фактическую основу варианта СС накладываются подробности из РД и ШУЦЧЛ¹, с учетом перестановок в тексте ШУЦЧЛ, где сведения о начале похода перенесены на конец годовой записи 1211 г. (так предлагается объяснить лакуну в ШУЦЧЛ касательно начала похода); далее все эти сведения дополняются не противоречащими им сообщениями ЮШ². Вся эта работа еще учитывает географические реалии театра военных действий, что позволяет убирать противоречия, вызванные разными механическими причинами (недостатками в работе средневековых компиляторов и переписчиков и т. п.), обусловившими, в частности, то, что в текстах источников иногда перепутаны места последовательного движения монгольских войск — например, взятый монголами город может быть упомянут источником прежде другого города, который лежит на пути следования монголов, ведущего к указанному ранее

¹ Имея в виду то обстоятельство, что РД и ШУЦЧЛ имели общий для них первоисточник — не дошедшую до нас монгольскую летопись «Алтан дефтер», так называемую официальную летопись Чингисова дома, т. е. парную для другой летописи, неофициальной — СС, иначе называемой «Тайной историей монголов».

² Как источника, зависящего от ШУЦЧЛ и отредактированного позднейшими редакторами 1369 г.

пункту, и который по логике событий должен был быть взят прежде последнего.

Поход на Цзинь начался в марте 1211 г., Чингисхан лично возглавил нашествие почти стотысячной армии монголов. Перед выступлением в поход, в феврале 1211 г., он сделал сбор сил на р. Керулен, где к нему присоединились недавно приобретенные союзники — карлуки и уйгуры (туда, по сведениям ЮШ и ШУЦЧА, к Чингисхану с войсками прибыли правители этих народов, уйгурский идикут Барчук и карлукский Арслан-хан [56; цз. 1, с. 15], [28, с. 182]). С Керулена они выступили к озеру Далай-Нур (у РД исходным пунктом, откуда выступил Чингисхана на Цзинь, названо «озеро Тал», [38, с. 165], данное название совпадает со старым названием этого озера «Далнур», зафиксированным в «Мэн-гу-ю-му-цзи», [148, с. 334]), где, видимо, был последний пункт сбора монгольской армии. Основная часть войска, под командованием Чингисхана, пошла через Шамо¹ на юго-запад, к границам современной провинции Шаньси, в общем направлении на Западную столицу Цзинь², их проводниками были онгуты, чей вождь Алахушдигитхури порвал с вассалитетом Цзинь и перешел на сторону Чингисхана [211, с. 129]. Остальная часть войска, под командованием Чжэбэ, отправилась на юго-восток — в Ляоси, к Восточной столице Цзинь³. Описание действий отряда Чжэбэ практически идентично дано Рашид ад-Дином, ШУЦЧА, СС и ЮШ — монголы внезапно появились у Восточной столицы, но не стали ее осаждать, а, разорив окрестности, быстро отошли на какое-то расстояние назад⁴, после чего чжурчжэни решили, что нападение закончилось. Хотя на самом деле Чжэбэ применил хитрость — он «оставил обозы и, отобрав резвых мерингов, выступил. Он спешно скакал ночью и днем, так что подошел

¹ Так китайцы называли пустыни на севере — Гоби и другие, в данном случае это песчаная местность между оз. Далай-Нур и современным г. Долоннор.

² Совр. г. Датун.

³ Совр. г. Ляоян, тут надо отметить, что от Далай-Нур расстояния по прямой до Западной и Восточной столиц почти одинаковы.

⁴ В источниках упоминаются расстояния, эквивалентные 250 км, что не совсем адекватно ситуации — внезапное возвращение с такого расстояния не может быть столь внезапным, как оно описано в источниках.

к городу внезапно, неожиданно-негаданно, и захватил его» [38, с. 165], разграбил и потом вернулся к Чингисхану [28, с. 183], находившемуся под Фучжоу¹. Рейд Чжэбэ был направлен на отвлечение сил чжурчжэней, которые знали о готовящемся нападении монголов. Замысел Чингисхана удался — Чжэбэ не только оттянул на себя значительные силы противника, но и сумел ввести его в заблуждение касательно направления главного удара².

Пока Чжэбэ, продвигаясь к Восточной столице, разорял северо-восток цзиньского государства и оттягивал на себя внимание цзиньского командования, Чингисхан подошел к городу Фучжоу, на северном пограничье Цзинь, который был занят без особых проблем [16, с. 179]. В его окрестностях, у хребта Ехулин^{II}, произошло первое крупное полевое сражение армии Чингисхана с пограничными частями цзиньского полководца Дин Се, выдвинувшимися навстречу монголам [56; цз. 1, с. 15]. Цзиньцы были разбиты³, а приграничные округа вдоль Великой китайской стены — Дашуйло и Фэнли^{III}, оставшиеся без защиты, были захвачены монголами. Заняв их, монголы смогли как воспользоваться находившимися там пастбищами, так и подождать возвращения корпуса Чжэбэ из Ляоси, тем более что крепость Ушапу^{IV} продолжала сопротивление [56; цз. 1, с. 15]. Такой ход событий объясняет, почему в ШУЦЧЛ и ЮШ отсутствуют сообщения об активных действиях монголов в течение почти четырех месяцев, т. е. вплоть до августа 1211 г., хотя в них есть упоминание о том, что цзиньцы решали, что предпринять против монголов, хозяйничавших в районе Фучжоу: «Слышно, что они только что разбили Фучжоу и разделяют полученную добычу между войском; кони их пасутся по степи; выступим когда они того не ожидают; следует накрыть их быстрой конницей» [28, с. 183]. Тот факт, что они так и не решились выступить против этой группировки Чингисхана, видимо, объясняется захватом Восточной столицы

¹ Совр. г. Чжанбэй.

^{II} В 15—20 км на северо-запад от г. Калган, ныне называющегося Чжанцзякоу.

^{III} Западная граница уезда Чжанбэй в пров. Хэбэй.

^{IV} Западнее совр. г. Синхэ.

Чжэбэ, которое не могло не смешать карты цзиньцам и которое одновременно подтолкнуло киданей Ляоси к отложению от чжурчжэней — уже в 1211 г. кидань Елюй Люгэ, военный губернатор Лунъань, взбунтовался против чжурчжэней ([55 цз. 149, с. 1588]), а в начале 1212 г. отправил послов к монголам для установления союза против Цзинь [56; цз. 1, с. 16].

Передышка продолжалась до августа 1211 г., когда Чингисхан отправил вернувшийся из рейда корпус Чжэбэ к крепости Ушапу и укрепленному лагерю Уюэин^I. Взяв их, Чжэбэ, «воспользовавшись победой, разгромил Байдэн» [211, с. 129], т. е. овладел важным стратегическим пунктом — заставой Байдэнчэн^{II}, или «Баданчин» в передаче Рашид ад-Дина [38, с. 165], через которую можно было теперь пройти внутрь Великой китайской стены. В эту брешь немедленно втянулась монгольская армия, которая, разделившись на несколько отдельных корпусов, начала движение по разным направлениям. Так, взявший Байдэнчэн корпус Чжэбэ «окружил и атаковал Западную столицу, цзиньский военный комендант Ваньянь Чэнью (другое имя — Хуша) бросил город и бежал, а монгольские войска взяли Западную столицу» [211, с. 129], после чего основная часть монгольских сил двинулась в погоню за Ваньянь Хуша к городу Сюаньчжоу, иначе называемому Сюаньпин или Сюаньдэфу^{III}, и взяла его. А выделенные из основной группировки рейдовые отряды под командованием сыновей Чингисхана — Джучи, Угэдэя и Чагатая отправились от Байдэнчэн на юго-запад и занялись разорением цзиньских округов вдоль Великой китайской стены — были захвачены и разорены округа Юньнэй^{IV}, Дуншэн^V, Ушо^{VI} и прочие.

От Сюаньдэфу монголы двинулись к городу Дэсинфу^{VII} и захватили его. Был послан передовой отряд под командованием

^I Находившемуся северо-восточнее Западной столицы, совр. г. Датун.

^{II} Совр. г. Янгао.

^{III} Совр. г. Сюаньхуа.

^{IV} Ныне уезд Ююй в Шаньси.

^V Уезд в Шаньси.

^{VI} Ныне уезд Шосянь в Шаньси.

^{VII} Город Баоань на юго-востоке от г. Сюаньхуа, на полпути к г. Шачэн.

ем Чжэбэ и Гуйгунека к заставе Цзюйюнга¹, но сопротивление цзиньцев оказалось сильным, и монголы отошли, выманивая за собой войска в Сюаньдэфускую долину [16, с. 179], где произошло второе полевое сражение с чжурчжэньской армией. По монгольским преданиям, сражение было крайне успешным, это было настоящее побоище, в ходе которого монголами впервые была сломлена военная сила чжурчжэней, поэтому его описание в СС очень подробное: «Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фуского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингис-хан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья» [16, с. 179]. Это сражение стало самым важным и переломным моментом во всей кампании — огромное войско чжурчжэней, собранное для отражения монголов, было почти полностью уничтожено и земли Цзинь оказались практически беззащитными.

Разбив главное войско цзиньцев, монголам удалось захватить без боя заставу в ущелье Чабчиял-Цзюйюн² — для цзиньцев был полной неожиданностью выход монголов туда с тыла, по дороге от Дэсинфу (т. е. внутри Великой китайской стены), в тот момент, когда защищавшие заставу силы ушли из нее и были уничтожены в полевом сражении в Сюаньдэфуской долине: «В девятой луне³ ... защищавший заставу Цзюйюнга полководец, спасая себя, бежал. Тогда Чжэбэ вошел в [эту]

¹ По СС его монгольское название Чабчиял, застрада в ущелье в 40 км к сев.-зап. от Пекина и 10-12 км от г. Чанпин.

² Это ущелье имеет в длину около 20 км.

³ 9 октября — 6 ноября.

заставу и приблизился к Средней столице¹» [56; цз. 1, с. 15]. Это была катастрофа — Цзюйюнгунань являлась важнейшей крепостью, прикрывавшей с севера Среднюю столицу Цзинь город Яньцзин. И теперь остальные территории к северу и югу от Пекина не могли обороняться от действий облавных отрядов монголов: «Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Шиradeке². Он осадил Чжунду, а для осады других городов послал особые отряды» [16, с. 179], которые, уже ничего не опасаясь, забрались в глубь цзиньских земель для грабежа — крайними пунктами проникновения монголов на юг в кампании 1211 г. были современные уезды Цанчжоу (на западе) и Синьсянь (на востоке, его, видимо, грабили монголы из рейдовых отрядов Джучи, Угэдэя и Чагатая, добравшихся туда от Шосянь). Закончив с грабежом, в ноябре-декабре 1211 г., монголы ушли обратно на север, по дороге уведя коней из цзиньских государственных табунов, и остались на зимнюю кочевку в пограничных с Цзинь округах [56; цз. 1, с. 16]. Туда же к Чингисхану начали приходить со своими войсками первые цзиньские перебежчики, командиры приграничных частей, в первую очередь кидани и китайцы — например, Лю Бо-линь (китаец) и Цзягу Чангэ (кидань) [там же]. Впрочем, уже в сражении в Сюаньдэфуской долине к нему перебежал кидань Шимо Мингань — доверенное лицо чжурчжэньского главнокомандующего Ваньянь Цзюцзиня (история его предательства описана в ШУЦЧЛ и РД, см. [28, с. 183—184], [38, с. 167]), который оказал позже неоценимые услуги монголам в ходе завоевания Северного Китая.

Результаты кампании 1211 г. оказались для Цзинь плачевными в первую очередь с политической точки зрения — военное поражение развеяло страхи перед военными силами чжурчжэней у многих подвластных им киданьских, китайских и прочих феодалов и подтолкнуло их к отделению от Цзинь и к союзу с монголами. Первым на такой шаг пошел

¹ «Чжунду» по-китайски, тогда город Яньцзин, совр. Пекин.

² Совр. Нань-коу.

Елюй Люгэ. В начале 1212 г. он делается союзником посланного в Ляоси монгольского темника Алчи-нойона (корпус Алчи-нойона соединился с силами киданей Елюй Люгэ в Ляоси, в районе Большого Хингана [55; цз. 149, с. 1588]), а позже объявил об учреждении государства Ляо, независимого от Цзинь. Стратегически рассуждая, это было смертельным ударом для империи, созданной на основе покорения народов, по численности превосходивших (и намного) имперскую нацию, т. е. чжурчжэней. По мере отпадения и перехода к монголам киданей и китайцев гибель Цзинь становилась только вопросом времени.

С военной точки зрения поражения чжурчжэней в 1211 году имели двойственный эффект: были разгромлены их лучшие части регулярной армии и потеряны важные ресурсы — мобилизационные (отпадение приграничных племен), конского поголовья и экономические (население приграничных округов было или угнано монголами, причем угонялись мастера ремесел, или бежало в глубь страны), это с одной стороны; а с другой — чжурчжэни сумели оценить опасность и начали организовывать прочную оборону своих городов. Последнее обстоятельство сказалось на ходе кампании 1212 г. в тактическом плане, но уже не могло повлиять на общую стратегическую ситуацию — пассивная оборона, к которой перешли чжурчжэни, позволила им оттянуть гибель государства, но не выиграть войну с монголами. С этой точки зрения кампания 1212 г. показательна — чжурчжэни отбили нападения на все крупные города, но при этом бросили на произвол монголов остальные территории, т. е. инициатива осталась в руках монголов, и они последовательно уничтожали материальную базу чжурчжэней в разоряемых землях, а те демонстрировали свою неспособность защищаться нигде, кроме как в нескольких крупных городах.

Весной 1212 г. Чингисхан сам повел монгольскую армию в новый поход на Западную столицу Цзинь, опять маршрутом через Фучжоу. Одновременно были посланы рейдовые отряды в Ляоси⁴ и другие районы Цзинь. После нового разорения

Фучжоу и городов Чанчжоу и Хуаньчжоу монголы вышли внутрь Великой китайской стены¹ и опять взяли Сюаньдэфу [28, с. 184]. Потом, дойдя до Дэсинфу (который взять не смогли, [там же]), монгольская армия разделилась на два направления — на первом войска под командованием Толуя и Чигургэна остались разорять область Дэсин [там же], а на другом войска под командованием Чингисхана пошли к Западной столице. Западную столицу Цзинь монголы осадили в августе 1212 г. Там им было оказано сильное сопротивление — сначала на помощь осажденным выдвинулись войска цзиньского полководца Аотунь-сяна, но они были разбиты монголами (те применили излюбленный прием — отправленное Чингисханом войско «заманило [отступлением] к Мигукоу², но, развернувшись навстречу, атаковало их и полностью истребило» [56; цз. 1, с. 16]); а потом монголы вернулись в осаде Западной столицы, но «при повторном штурме Западной столицы в императора попала шальная стрела, поэтому осаду сняли» [там же]. Уходом от Западной столицы монголов и возвращением чжурчжэней в разоренные крепости и города ([28, с. 184]) закончилась кампания 1212 года.

Характерной чертой кампании 1213 г. была комбинация успешных действий как самих монголов, так и их союзников — цзиньских сепаратистов и тангутов. В одно и то же время Цзинь была атакована с запада тангутами, на северо-востоке страны вспыхнули ожесточенные бои с восставшими киданями и вспомогательным корпусом монголов, а с севера, как обычно, вторглась армия Чингисхана. Пассивная тактика чжурчжэней в прошлом году дала возможность монголам извлечь нужные уроки, и они провели эту кампанию, устроив для цзиньцев сразу несколько фронтов, при этом сосредоточив свои главные силы на самых выгодных направлениях. В итоге чжурчжэни нигде не имели успеха, а монголы, разбив выступившие против них регулярные силы цзиньцев, отпра-

¹ Видимо, у Калгана-Чжанцзякоу, по крайней мере так можно судить по Шуцча.

² Крепость-застава в Великой китайской стене, прикрывавшая Западную столицу Цзинь, совр. Датун.

вили множество облавных отрядов по всем направлениям, и те безнаказанно разоряли и грабили новые территории, проникнув уже почти на все земли Цзинь севернее Хуанхэ. Третья за три года кампания, в которой цзиньцы в очередной раз оказались неспособными противостоять ордам Чингисхана, окончательно деморализовала население Северного Китая. Именно в этот год у монголов произошел прорыв во взятии городов — за данную кампанию они овладели более чем 90 городами, большинство из которых сдавалось сразу или после символического сопротивления.

Весной 1213 г. основные события происходили в Ляоси, где войска Елюй Люгэ и тысяча монгольской конницы Алчинойона отражали наступление войск Ваньянь Хуша¹, направленных на подавление восстания киданей. Это наступление было отбито, Алчинойон был отозван к Чингисхану, а часть монголов под командой Кэтэгэ осталась «помогать [Елюй] Люгэ расставлять войска в его землях» [55; цз. 149, с. 1588]. Это были именно «его земли», так как той же весной «Елюй Люге сам восшел на престол в качестве вана [государства] Ляо и изменил эру правления» [56; цз. 1, с. 16].

Тогда же, летом 1213 г., западные границы Цзинь атаковали тангуты. Они взяли в Ганьсу города Циньян и Баоань². А в ноябре того же года тангуты напали на Хуйчжоу, но были отбиты цзиньским полководцем Тукэ Таньчо, поэтому они повернули на юг и атаковали Чжаньцзин [211, с. 131]. Их вспомогательные действия можно считать подготовкой главного удара по чжурчжэням, наносимого монголами.

В августе 1213 г. основная группировка монголов под предводительством самого каана прошла в столичную область Цзинь по уже проторенному пути — через Калган к Сюаньдэфу, который захватили [56; цз. 1, с. 16]; от Сюаньдэфу, через в очередной раз взятый и разоренный Дэсинфу (там отличились сын Чингисхана Толуй и его зять Чигу-гургэн, первыми

¹ В тексте ЮШ говорится о 60 «десятитысячных отрядах» у Ваньянь Хуша, но, видимо, конъектура Е. И. Кычанова более правильна — он считает это опечаткой вместо «тысячного отряда», и т. о. в войске чжурчжэней было 60 000 человек, [117, с. 167].

² Совр. Чжидань.

взошедшие на стену, [56; цз. 1, с. 16]), они подошли к городу Хуайлай [28, с. 184]. Под этим городом произошло сражение с цзиньскими войсками, которыми командовали Чжуху Гаоци и губернатор провинции Ваньянь Цзин, монголы наголову разбили чжурчжэней и гнали их до Губэйкоу¹, как сообщает ШУЦЧЛ, «убитых было безчисленное множество» [там же].

Подойдя к Цзюйюнгуань, монголы не стали ее штурмовать — после предыдущих кампаний цзиньцы «срывали горы, строили укрепления и употребляли все усилия для обороны» [там же], поэтому Чингисхан не стал тратить силы на мощные укрепления этой заставы, а выделил обсервационный корпус и «приказал Кэтэю и Бочэ блокировать^{II} ее» [56; цз. 1, с. 16], сам же с остальным войском направился в Чжолу^{III}. Произшедшие события так напугали чжурчжэней, что начальник гарнизона Западной столицы Хушаху даже сбежал из города [56; цз. 1, с. 16], позже он появляется в Средней столице (Чжунду по-китайски).

Чингисхан прошел в столичную область Янь через ущелье Цзыцзинкоу, где, у запирающей ущелье заставы Цзыцзингуань, его встретили цзиньские войска полководца Лотуня, который не успел занять заставу и был разбит на марше в районе перевала Ухуйлин ([28, с. 184], [56; цз. 1, с. 16]). Монголы таким образом вышли в тыл Цзюйюнгуани. При этом «Кидани Уланбар и другие преподнесли [Чингисхану] Бэйкоу^{IV}, поэтому Чжэбэ взял Цзюйюн[гуань] и соединился с Кэтэй и Бочэ» [там же], поскольку, как более подробно поясняет ШУЦЧЛ, «Чингис приказал Чжэбе, с войском, напасть на южное устье Цзюйюна. Вышедши из него, в расплох, Чжэбе занял устье и двинул войско к северному устью, где и соединился с Кетай и Боча» [28, с. 185]. Высвободившийся отряд Кэтэя и Бочэ, в составе 5000 всадников, был направлен к Чжунду^V для окружения и блокирования этой столицы Цзинь [там же]. А в это

¹ Крепость Губэйкоу в Великой китайской стене.

^{II} В тексте ЮШ 'ㄗ' — т. е. «охранять».

^{III} Окрестности Пекина.

^{IV} Северное устье ущелья Цзюйюн.

^V Пекин.

время там произошел дворцовый переворот — полководец Хушаху убил цзиньского императора, и трон занял Фэнский ван Ваньянь Сюнь (ставший императором Сюань-цзуном) [56; цз. 1, с. 16].

В сентябре 1213 г. Чингисхан разделил свою армию на три корпуса (туменами западного командовали сыновья Чингисхана Джучи, Чагатай и Угэдэй; восточного — брат каана Джочи-Хасар вместе с Алчи-нойоном, Чжурчэдаем и Бочэ; корпусом центра командовал сам Чингисхан и бывший при нем царевич Толуй), которые занялись разорением и грабежом всех цзиньских земель севернее Хуанхэ¹, оставшихся беззащитными после уничтожения очередной цзиньской армии при Хуайлай. Вплоть до апреля 1214 г. продолжались рейды этих корпусов (точнее, их облавных отрядов) по территориям современных провинций Шаньси, Шаньдун и приморской части провинции Хэбэй, всего было взято монголами более 90 городов, добыча оказалась баснословной: «Солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже вьюки перевязывали шелковыми кипами» [16, с. 180]. По сведениям ЮЦ, во всем Хэбэе только 11 крупных городов избежали захвата монголами [56; цз. 1, с. 17]. За это время к монголами перешли со своими войсками очередные цзиньские перебежчики — полководцы Ши Тянь-эр и Сяо Бо-ди (китайцы), которых назначили темниками в корпусе Мухали [там же].

В апреле 1214 г. Чингисхан устроил свою ставку под Чжунду, где собрались все корпуса, ранее отправленные в рейды [28, с. 185]. По сообщению ШУЦЧЛ, правительство нового цзиньского императора хорошо знало о плачевном состоянии империи после трех лет непрерывных нашествий монголов и поэтому решило просить мира у монголов во что бы то ни стало ([38, с. 170—171], [28, с. 186]). Хотя монгольские полководцы и уговаривали Чингисхана воспользоваться моментом и взять Чжунду, он все же предпочел заключить перемирие на условиях получения цзиньской принцессы в жены (она стала

¹ В то время течение Хуанхэ было иным, ее устье было южнее современного и весь Шаньдун был севернее тогдашней Хуанхэ.

его четвертой женой, что подчеркивало унижение цзиньского императора) и огромной дани в виде золота, шелка, 500 юношей и девушек и 3000 коней, которые цзиньцы поспешили предоставить [56; цз. 1, с. 17]. Более того, каана во время его выезда из северных пригородов Чжунду в сторону монгольских степей (май 1214 г.) сопровождал цзиньский канцлер Ваньянь Фусин, доехавший со своей свитой вплоть до выхода из ущелья Цзюйюи [там же] и озера Ема ([38, с. 171], [28, с. 186]). Со стороны это выглядело как почести, отдаваемые сюзерену со стороны зависимого государства. Унижение Цзинь было велико, поэтому ее южные соседи, китайцы империи Сун, осмелели и перешли к набегам на пограничные земли.

Мир для чжурчжэней продлился недолго — всего через два месяца монголы опять были под стенами Чжунду. Все началось с того, что взбунтовались цзиньские вспомогательные конные войска «дю», составленные в основном из киданей. Поводом для мятежа послужило то, что во время процедуры переноса цзиньским императором столицы из Чжунду в Бянь¹, у войск «дю» решили отобрать латы и лошадей [28, с. 186]. Произошло возмущение, офицеры корпуса «дю» Чжода, Бишэр и Чжалар убили командующего Сууня и ушли обратно к Чжунду ([28, с. 186], [56; цз. 1, с. 17]). Попытка войск канцлера Ваньянь Фусина подавить восстание кончилась разгромом чжурчжэней [28, с. 186], причем, по сведениям РД, к киданям присоединились еще какие-то племена «татар», зависимых от Цзинь [38, с. 172].

Нестабильность режима нового цзиньского императора и очередной бунт среди его войск навели монголов на мысль воспользоваться моментом. Формально перемирие не было нарушено, так как в Цзинь произошел внутренний мятеж, а Чингисхан «всего лишь» отправил к мятежникам Шимо Минганя (тоже киданя, переметнувшегося к монголам) со «вспомогательным» отрядом монголов Самухи [56; цз. 1, с. 17], но по сути это было продолжение войны с Цзинь через поддержку внутренних конфликтов в пей и разжигание

¹ Иначе Бяньлян или Кайфын, под последним названием он существует и сейчас.

сепаратизма. Кроме того, союзники монголов тангуты именно в 1214 г. перешли от набегов к крупномасштабной войне против Цзинь [113, с. 302]. Поэтому Чингисхан мог позволить своим войскам отдохнуть (по сведениям ШУЦЧЛ, Чингисхан весь 1215 г. провел в Средней Монголии и направлял оттуда действия своих полководцев в Китае [28, с. 189]), пока его союзники и вассалы перемалывали силы чжурчжэней. Все, что сделали сами монголы, — это отправили в ноябре 1214 г. один корпус Мухали в Ляодун, в результате чего от цзиньцев отпала очередная территория — «Чжанцин в Цзиньчжоу¹ убил своего цзедуши², объявил себя Линьхайским ваном и отправил посла, чтобы перейти на сторону [монголов]» [56; цз. 1, с. 18]. А немного ранее того Елюй Люгэ «занял Восточную столицу³, Сяньпин и другие города» [28, с. 187].

Киданьский корпус Чжода и Шимо Минганя вместе с монгольским отрядом и вспомогательными частями из китайцев в августе 1214 г. окружили Чжунду, откуда сбежал наследник цзиньского трона Шоу-чжун, оставленный императором Сюань-цзуном наместником Средней столицы [56; цз. 1, с. 17—18]. Осада Чжунду продолжалась до апреля 1215 года — осаждавшие город кидани, китайцы и монголы применили блокаду на измор (в Пекине «люди сли друг друга» [28, с. 188], ср. у РД [38, с. 173—174]) вместо штурма сильно укрепленной столицы. В этом им помогло то обстоятельство, что они сумели перехватить обозы, направленные цзиньцами к Чжунду ([28, с. 188], [38, с. 174]). В итоге канцлер Ваньянь Фусин покончил с собой, его заместитель Цинь Чжун сбежал, а город сдался войскам Шимо Минганя и Тай Бао (см. [28, с. 188]). Начался повальный грабеж города, который по приказу Чингисхана был упорядочен — посланные им верховный судья улуса Шиги-Хутуху и Архай-Хасар сделали опись казнохранилищ цзиньской столицы и привезли своему каану огромное количество ценностей ([16, с. 181—182], [28, с. 188—189], [56; цз. 1, с. 18]).

¹ Город в совр. провинции Ляонин.

² Правитель крупного города, генерал-губернатор.

³ Т. е. современный г. Ляоян.

Пока кидани Шимо Минганя и прочие осаждали Чжунду, дела корпуса Мухали на северо-востоке чжурчжэньской империи шли весьма неплохо — на сторону монголов переходили все новые цзиньские военачальники и губернаторы, передававшие в подданство Чингисхана вместе с вверенными им войсками и территориями, а в марте 1215 г. Мухали взял Северную столицу Цзинь г. Дадинфу¹, которую ему сдал цзиньский главнокомандующий² Илдаху (Мухали назначил его наместником города) [56; цз. 1, с. 18]. Образовавшиеся на территории Ляоси и Ляодуна марионеточные государства бывших цзиньских военачальников (а их было несколько, самые крупные — это владения Елюй Люгэ, Пусянь Ваньну³, Есыбу, отколовшегося от Елюй Люгэ, и Чжанцина), помимо сражений с карательными экспедициями цзиньцев, устроили бесконечную феодальную войну друг с другом. Временами они даже выступали против монголов, если те поддерживали их соперника, или приказывали выступить с ними в дальний поход⁵. До поры до времени монголы не обращали серьезного внимания на все это — их вполне устраивало и то, что вся северо-восточная часть Цзинь вышла из под контроля чжурчжэней и ее ресурсы были потеряны для них.

Таким образом, весь 1215 г. монголы воевали против Цзинь в основном руками передавшихся им киданьских, китайских и даже чжурчжэньских феодалов (например, в источниках упоминается о самостоятельных действиях тумена китайцев Ши Тянь-эра на юге Цзинь, [56; цз. 1, с. 19] и [28, с. 189]). Размах предательства можно оценить по числу городов, которые в 1215 г. перешли к монголам и их подручным — по сведениям ШУЦЧА и ЮШ, было «взято городов всего 862» [28, с. 189]. Не дремали и тангуты — в 1215 г. они предприняли широкое наступление на западе Шэньси и разорили цзиньские земли в округах Хуаньчжоу, Баоань и некоторых других [211, с. 133]. Тяжелое положение Цзинь позволило монголам предложить

¹ На северо-западе от совр. г. Ницзэн/Тяньи в АРВМ.

² Юаньшуай.

³ Цзиньский сюаньфу — начальник пограничной области, объявил свое государство в Ляодуне в ноябре 1215 г., [56; цз. 1, с. 18].

мир на крайне унижительных условиях — императору Цзинь было предложено отказаться от императорского титула, стать Хэнаньским ваном (вассалом монголов) и отдать все земли севернее Хуанхэ (тут видим первое указание на решение монголов оставить земли за собой, а не просто их грабить), но цзиньский император отказался, и война продолжилась [56; цз. 1, с. 18].

Как и в предыдущем году, весь 1216 год Чингисхан провел в Монголии¹, на этот раз в центре своих исконных земель, в районе р. Керулен [56; цз. 1, с. 19]. Он был занят решением возникших проблем, связанных с меркитами и другими племенами, власть над которыми была все еще непрочной. Кроме того, он, по-видимому, уже задумывался о походе на запад, во всяком случае он принял послов от хорезмшаха и получил информацию о состоянии дел в Средней Азии. Военный разгром Цзинь в 1211—1214 гг. позволил монголам привлечь на свою сторону силы, которые раньше были частью ресурсов Цзинь, что еще более ослабило последнюю. Результаты кампании 1215 г. убедили Чингисхана в возможности воевать с Цзинь, используя местные, в основном китайские, людские ресурсы с добавлением относительно небольшого числа чисто монгольских туменов.

Видимо, именно в 1216 г. было принято окончательное решение по включению всего севера Цзинь, вплоть до Хуанхэ, в состав монгольского государства, становившегося таким образом империей. К этому имелись две серьезные причины: 1) Отвлечение основных сил монголов на запад (сначала для покорения меркитов и прочих, а потом для похода в Кашгар и Хорезм) требовало экономно относиться к небольшим силам монголов в Китае, поэтому практика набегов на города цзиньцев, когда те потом оставались, а чжурчжэни их опять занимали и укрепляли, становилась слишком расточительной, нужно было переходить к политике постоянных гарнизонов в

¹ По сообщению РД, «в том же упомянутом году Мыши», т. е. в 1216 г. согласно хронологическим таблицам [197, с. 84], Чингисхан «соизволил расположиться в своих ордах» [38, с. 177].

этих городах и широкого освоения местных ресурсов; 2) Опора на местных феодалов, служивших монголам, требовала таких форм государственного строительства, которые были бы понятны и приемлемы для этих феодалов, т. е. построение монгольской империи в китайских землях шло в направлении заимствования китайского опыта управления вместе с заимствованием самих китайских чиновников, перешедших на службу к монгольским правителям: «Цзиньцы, которые перешли на сторону [монголов], по этой причине служили им в [следующих] должностях: тех, кто был в провинциальных властях или командовал войсками — их назначали управлять провинциями и командовать войсками, теми же что и раньше» [55; цз. 85, с. 801].

Переходным периодом для такой политики был 1216 г., когда монголы провели несколько глубоких рейдов в земли Цзинь, которые они еще не трогали, а войска из киданей, китайцев и чжурчжэньских изменников укрепляли власть монголов в ранее разоренных землях севера и северо-востока. Так, Мухали и его союзники навели порядок в Ляоси — в августе 1216 г. они уничтожили «государство Дачжань», объявленное Чжанчжи ([56; цз. 1, с. 19] и [28, с. 190]), а Пусянь Ваньну признал сюзеренитет Чингисхана над своим княжеством. Той же осенью корпус Самухи совершил дальний рейд через земли Си Ся к Гуаньчжуну, захватил стратегическую заставу Тунгуань (вместе с монголами в походе участвовали союзные войска тангутов [113, с. 303]), прикрывавшую стык трех провинций — Шэньси, Шаньси и Хэнань. Монголы Самухи разорили Жучжоу¹ и подошли к последней оставшейся у чжурчжэней цзиньской столице Бяньляну (Кайфын) [56; цз. 1, с. 19]. И хотя Кайфын они не взяли за недостатком сил (рейд был скорее разведывательным) и отступили от него [211, с. 134], а монгольский гарнизон Тунгуани был выбит цзиньцами из крепости, но все это было очень тревожным знаком для чжурчжэней — монголы получили знания о местностях юга Цзинь (до сих пор остававшихся тылом империи), поняли, как можно

¹ Совр. г. Линьжу в Хэнане.

взять Тушгуань, и разузнали систему обороны Кайфына. Менее чем через 15 лет это все им пригодится, когда монголы каана Угэдэя начнут уничтожение Цзинь с нападений на Кайфын и Цайчжоу¹, последних столиц этой империи.

В том же 1216 г. Чингисхан направил еще один корпус под командованием Толун-чэрби на юг Цзинь. Это произошло, видимо, поздней осенью, так как, по сообщению РД, этот рейд был начат после отправки в поход корпуса Самухи [38, с. 176]. По ШУЦЧА, корпус Толун-чэрби был в составе «монгольских, киданьских и китайских войск» [28, с. 190], в нем, скорее всего, было три тумена⁶. Этот корпус взял Чжэньдин и Дамин, но, дойдя до Дунпина, взять его не смог и, ограничившись грабежом окрестностей, вернулся [там же].

В 1217 г.¹¹ Чингисхан для окончательного уничтожения меркитов отправил в поход на них лучших своих полководцев — Субэдэя и Тухучара, которые «разбили племя меркит и всех перебили» [38, с. 178]. Возникшее тогда же возмущение среди туматов, которые убили одного из кулюков Чингисхана Борохула [16, с. 175], потребовало от каана принятия срочных мер — была отправлена новая карательная экспедиция, организацией которой он был занят лично: «Узнав об убийстве Борохула, Чингис-хан очень разгневался и стал сам собираться в поход на Туматов» [там же].

В этих условиях, занятый делами центрального улуса, Чингисхан принимает решение доверить всю полноту власти в Китае другому своему кулюку — Мухали, которого назначает там своим полноправным наместником-гованом (согласно его биографии в ЮШ, Мухали исполнял дела от имени каана и его приказы были приравнены к приказам Чингисхана). Мухали было выделено 23 тысячи регулярного монгольского войска (его состав был подробно рассмотрен в предыдущей главе) и ему были подчинены «киданьские [войска] Уера и [другие] иноплеменные и китайские войска» [55; цз. 119, с. 1273] в Северном Китае, общей численностью в несколько десятков тысяч человек. При-

¹ Город Жупань в пров. Хэнань.

¹¹ По СС это был год Быка, т. е. 1217 г.

казом Чингисхана было проведено разграничение ответственности: операции к северу от Тайханского хребта оставались за самим кааном, а к югу — были в компетенции Мухали [там же]. Вплоть до своей смерти в 1223 г. Мухали являлся монгольским главнокомандующим и наместником Чингисхана в Северном Китае, где он продолжал вести войну с Цзинь — передача ему полномочий для ведения этой войны стала постоянной уже через год, когда Чингисхан ушел в Западный поход, из которого вернулся в Монголию только в 1225 году.

Кампанию 1217 г. Мухали начал в сентябре. Перед этим походом на Цзинь, еще летом, был рейд отряда Чагана к Бачжоу, который откупился от монголов. Осенью 1217 г. были захвачены Суйчэн и Личжоу, а к началу зимы армия Мухали уже взяла Тайминфу и повернула на восток, овладев в Шаньдуне округами Идучжоу, Цзычжоу, Дэнчжоу, Лайчжоу, Вэйчжоу, Мичжоу и прочими [56; цз. 1, с. 19]. Занятые крупными сражениями с южносунскими войсками на юге страны [211, с. 134—135], цзиньцы не могли оказать серьезного сопротивления и оставили на усмотрение местных властей, как им реагировать на действия монголов. Например, когда Чаган, во время своего рейда, разбил войска цзиньского провинциального командующего Чао, тот предпочел заключить сепаратный мир с монголами, находившимися в состоянии войны с его государством [56; цз. 1, с. 19]. Такое положение вещей облегчало монголам освоение занятых земель и закрепление на них. Они все больше привлекали в состав своих сил местных жителей, формировали из них целые тумены и корпуса/армии¹.

В 1218 г. Чингисхан двинулся на запад, по дороге он решил получить от тангутов войска в состав своей армии, но государь Си Ся отказал ему, причем отказ в довольно оскорбительной форме выразил его полководец князь Аша-Гамбу: «Не имеешь силы, так незачем и хапом быть!» [16, с. 186]. Монголы осадили столицу Си Ся Чжунсин, но не стали ее штурмовать и вскоре ушли. Таким образом, тангуты так и не дали Чингисхану свое-

¹ Например так называемую «Черную армию» и «Армию чистой радости», прочие части, см. [117, с. 172].

го вспомогательного корпуса, «воротив посла с высокомерным ответом» [там же]. На этот раз монголы Чингисхана оставили свои планы по уничтожению Си Ся и двинулись в Кашгар. А операции армии Мухали в Китае шли своим чередом — осенью того же года Мухали выступил из Западной столицы в Хэдун, захватил Тайюань, Пинъян и Синьчжоу с прочими округами [56; цз. 1, с. 20]. В Ляоси произошло столкновение Елюй Люгэ с корейцами, владевшими городом Цзядун, в которое вмещались монголы, принудившие Елюй Люгэ отступить. В результате чего корейский ван признал номинальную власть Чингисхана и стал «давать ежегодную дань местными изделиями» [там же].

На следующий год все повторилось — осенью Мухали выступает в поход, ему без особого сопротивления сдаются все новые цзиньские города. И только Цзянчжоу оказал упорное сопротивление, его приходится брать штурмом и озверевшие монголы «вырезают город» [56; цз. 1, с. 20]. Как раз в это время Чингисхан начал боевые действия против Хорезма, его войска в конце осени 1219 г. начали многомесячную осаду Отрара. Мухали же теперь действует полностью автономно, он не может ожидать подкреплений и поэтому ему на руку нападения южных китайцев на Цзинь и продолжение тангутско-чжурчжэньской войны, отвлекающие силы Цзинь — в Ганьсу происходят постоянные стычки с тангутами, а в провинциях Аньхуй, Хэнань и Шэньси идут с переменным успехом тяжелые бои с южносунскими войсками [211, с. 135—136].

В течение 1220—1224 гг. события войны с Цзинь были достаточно однообразными — монголы, как правило, осенью выступали в поход на земли, еще не признавшие их власть, разбивали отдельные части чжурчжэньских войск, пытавшихся сопротивляться, и принимали капитуляцию от переходящих на их сторону местных феодалов. Боевые действия, таким образом, велись на территории современных провинций Шаньдун, Шаньси и севера Шэньси. Власть же на землях, подчинившихся монголам, оставалась обычно в руках китайских, киданьских и даже чжурчжэньских военачальни-

ков, бывших еще недавно в одних рядах армии Цзинь, а ныне верно служивших монголам. Так, например, перешедший в 1220 г. к монголам цзиньский полководец У Сянь годом ранее был разбит мятежником Чжан Жоу, бывшим цзиньским главнокомандующим, а теперь стал помощником китайца Ши Тянь-эра, давно перешедшего к монголам и дослужившегося до назначения «главнокомандующим всеми войсками Хэбэй в западном лу и исполнявшего [там] правительственные обязанности» [56; цз. 1, с. 20]. Попытки цзиньцев заключить мир отвергались (посольство Угусунь Чжундуаня в мае 1221 г. и, повторное, осенью 1222 г., когда Цзинь «снова прислала Угусунь Чжундуаня просить мира» [56; цз. 1, с. 22]) и продолжался планомерный захват территорий Цзинь теперь уже южнее Хуанхэ, т. е. в Хэнани и на западе — в Ганьсу и в направлении на Тунгуань, ключа к югу Цзинь. Еще в 1221 г. Мухали сделал район Яньани базой для проникновения на западные и юго-западные территории Цзинь.

Смерть Мухали весной 1223 года⁷ немного притормозила активные действия монголов, но зато их вассалы продолжали укреплять свою власть на пожалованных им монголами землях. С одной стороны, это лишало цзиньцев надежды вернуть их, но с другой — приводило к росту аппетитов этой публики, мыслившей в категориях власти и почета, связанных со все большими приобретениями. Монгольские вассалы и раньше устраивали войны друг с другом, но в 1225 г. один из них, уже упоминавшийся У Сянь, возмутился и против монголов. У Сянь начал с войны против своего главнокомандующего Ши Тянь-эра, он в марте 1225 г. «взбунтовал [город] Чжэньдин и убил Ши Тянь-эра» [56; цз. 1, с. 23]. Но этим дело не ограничилось — воспользовавшись моментом, антимонгольское восстание устроили в Чжуншани: «Ли Цюань, делопроизводитель при Дун Цзюне, взбунтовал Чжуншань» [там же]. Понемногу почти весь Хэбэй был охвачен восстаниями (см. [117, с. 173]), и монголам пришлось больше думать об его усмирении, чем о проведении новых наступлений против Цзинь. В течение всего 1226 г. монголы воевали с Ли Цюанем, другими восставшими

против них в Хэбэе, и только в 1227 г. Хэбэй был окончательно покорен монголами [211, с. 141—142].

Смерть Чингисхана осенью 1227 г. на время отложила окончательное решение чжурчжэньского вопроса, и Цзинь получила некоторую передышку. Но по преданию, сохраненному ЮШ, уже на смертном одре Чингисхан сформулировал план последней войны с чжурчжэнями, который должен был претворить в жизнь его преемник: «Отборные войска Цзинь в [горном проходе] Тунгуань, с юга поддержаны горами Ляншань, с севера защищены Великой рекой¹, поэтому трудно разбить [их]. Если сократить путь через Сун, то Сун, вечный кровник Цзинь, обязательно сможет разрешить нам [проход], и тогда пошлем войска к Тан и Дэн, прямиком протащим [их] к Далян. Цзинь будет в затруднении и обязательно заберет войска из Тунгуань. И [будь] их всех хоть десятки тысяч, то спеша на помощь за тысячи ли², люди и кони истощатся силами и хотя бы и дойдут, то не смогут сражаться. Разобьем их обязательно!» [56; цз. 1, с. 25]. Война с чжурчжэнями, во исполнение завета отца, была возобновлена Угэдэем в 1230 г. [16, с. 192].

§§ 17.3. Западный поход

После взятия в 1215 г. Пекина и всей столичной области Янь государства чжурчжэней внимание Чингисхана все более начинают привлекать события, происходившие западнее пределов его государства. Вызвано это было двумя обстоятельствами: во-первых, он решил покончить с остатками независимых от него монгольских племен, т. е. с меркитами и найманами, которые бежали на запад (найманы Кучлук-хана даже сумели подчинить себе государство каракиданей Западное Ляо в Восточном Туркестане); во-вторых, именно в 1214—1215 гг. у хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша появились планы начать завоевания в Китае [68, с. 131]. Тесно связанные с Чингисханом мусульманские кушцы (они же часто шпионы монголов) вполне могли информировать каана о подобных планах — по

¹ Т. е. Хуанхэ.

² 1 ли — около 0,5 км.

Средняя Азия во время монгольского нашествия

сообщению Джузджани, совсем не сторонника монголов, хорезмшах «постоянно расширявал... людей, приезжавших из Китая и стран, лежащих за пределами Туркестана» [там же], поэтому интерес хорезмшаха к территориям, которые Чингисхан считал уже своими, не мог укрыться от монгольского властителя. Видимо, поэтому Чингисхан решил воспользоваться случаем посольства хорезмшаха во главе с Баха ад-Дином ар-Рази к нему в 1215 г., чтобы дипломатическим путем очертить пределы аппетитов Мухаммеда ибн Текеша на востоке и дать ему знать о своих интересах на западе. Иначе говоря, предлагалось по-хорошему договориться и «мире и границах» обеих империй. По рассказу Джузджани предложение о разделе сфер влияния, переданное Чингисханом через Баха ад-Дина ар-Рази хорезмшаху, звучало так: «Передай хорезмшаху: „Я — владыка Востока, а ты — владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и

пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои, в таком же порядке, пусть перевозятся ко мне» [68, с. 132].

Мухаммед ибн Текеш, скорее всего, не слишком прислушался к сообщениям своего посла — когда в начале 1218 г. к нему прибыл Махмуд Ялавач с ответным посольством от монголов, он все еще был уверен в своих силах и хотел слышать от посла Чингисхана только о слабости монголов, что тот ему и подтвердил, идя навстречу самообману хорезмшаха¹. Тем временем Чингисхан уничтожал остатки меркитов — посланные в 1216—1217 гг. на их поиски и преследование тумены Субэдэя выполнили эту задачу и заодно провели разведку земель на западе. Очень ценные сведения об этом содержит биография Субэдэя в ЮШ — в СС и РД есть сообщения о победе над меркитами, но нет подробностей о способе действий монголов. А они весьма интересны, с точки зрения характеристики «фирменного знака» Субэдэя, ведь, согласно ЮШ, он в обязательном порядке использовал глубокую разведку, введение в заблуждение противника и нападение на него врасплох (см. подробнее в Дополнении биографию Субэдэя). Поиски отдельных бежавших меркитских отрядов продолжались вплоть до 1218 г., но в целом успешные рейды Субэдэя против меркитов позволили перейти к следующему пункту повестки дня — уничтожению Кучулука и его найманов в Восточном Туркестане.

Кучулук-хан (сын убитого пайманского Таян-хана) к 1213 г. захватил власть в государстве каракиданей — он, когда Чингисхан в 1204 г. разгромил найманов, бежал к каракиданям, которые его приняли. Позже, совместно с хорезмийцами, Кучулук-хан уничтожил государство Западное Ляо и на его остатках сам стал гур-ханом. Западное Ляо — это государство в Марераннахре и Семиречье (бассейны рек Или и Сыр-Дарья), созданное киданьским полководцем Елюй Даши, бежавшим от чжурчжэней после падения в 1125 г. империи

¹ Рассказ о ночном допросе хорезмшахом Махмуда Ялавача, переданный ан-Насави, приводился выше.

Ляо и просуществовавшее с 1131 по 1211 г. [199, с. 309]. В 1209 г. хорезмшах разгромил войска гур-хана Джулху, который попал в зависимое положение от Кучулук-хана. Пользуясь обстоятельствами, тот вынудил гур-хана согласиться отдать за него дочь, и поэтому после смерти гур-хана Джулху в 1213 г. Кучулук объявил себя главой государства.

Политика Кучулук-хана по отношению к населению его государства была недалновидной и жестокой, она выражалась в ограблении страны и в зажиме ислама¹, что усугублялось «идолопоклонничеством» как самого Кучулука (христианина-ренегата, ставшего буддистом), так и его людей (найманов — буддистов и христиан-несториан), «неверных» по понятиям местного мусульманского населения. Хорезмийцы, которые содействовали Кучулуку и сами совершали грабительские рейды, вызывали не меньшую ненависть туркестанцев. Неудивительно, что Чингисхан с его отлично налаженной разведкой не только все это знал, но и сам предпринимал меры по расклатке ситуации (при вступлении в пределы каракиданьских владений монголы возвещали «чтобы каждый [человек] придерживался своей веры и хранил бы [в религии] путь своих предков» [38, с. 183]). В итоге, когда тумены Чжэбэ, направленные Чингисханом против Кучулук-хана, вступили в Восточный Туркестан, там уже полыхало народное восстание против самозванного гур-хана и хорезмийцев. Монголам не понадобилось много сил, чтобы мирно присоединить эти земли к своей растущей империи и набрать добровольцев в свои войска, — нашлось много желающих посчитаться с хорезмшахом, да и заодно заработать на грабеже его богатых земель.

Боевые действия против Кучулук-хана начались в конце 1217 г., это можно определить из сообщения РД: «Когда Чингиз-хан, согласно вышепредставленному, освободился от войны с Хитаем, он назначил на охрану страны [Хитай] и восточной стороны [своих владений] Мукали-гойона с многочисленным войском, а сам двинулся в западные пределы» [38,

¹ Кучулук принуждал мусульман к смене веры и казнил ряд религиозных авторитетов, подробнее см. [38, с. 180—181].

с. 183]. Поскольку Мухали стал гованом осенью 1217 г., а весь рассказ о походе против Кучулука относится Рашид ад-Дином к летописи Чингисхана за 1211 — начало 1218 г., то конец 1217 г. как дата выступления в поход Чингисхана может считаться установленной. С самого начала монголам не пришлось вести тяжелых боев — основные силы Кучулука «находились на постое в городах по домам мусульман», а последние, когда войска Чжэбэ приблизились, восстали и перебили найманов [там же]. Чжэбэ, которого Чингисхан в начале похода «выслал в авангарде», вместе с другими монгольскими отрядами оставалось только преследовать разрозненные части войск Кучулука, бежавших по нескольким направлениям. По данным Джувейни и Рашид ад-Дина, самого Кучулука схватили местные охотники в Памире (Сарыколь или Сариг Чопан в Бадахшане) и передали монголам, которые казнили Кучулука в феврале 1218 г. [68, с. 131]. По сведениям же Юш, Кучулука убил один из его вассалов Исмаил (Хэсымайли): «Император приказал Исмаилу быть авангардом у Чжэбэ. [Он] атаковал найманов, покорил их и обезглавил их господина Кучулука[-хана]. Чжэбэ приказал Исмаилу взять голову Кучулука и обойти с нею все его земли. И тогда в городах Кашгар, Яркенд и Хотан все те, кто держали нос по ветру, покорились и присоединились [к монголам]» [55; цз. 120, с. 1305].

Полученные сведения о вступлении монголов в пределы государства Кучулука-хана должны были подстегнуть опасения хорезмшаха насчет намерений Чингисхана присвоить себе земли последнего, на которые он и сам давно покушался. Поэтому Мухаммед ибн Текеш решает не упустить своего и выступить в Восточный Туркестан. Как раз в это время он и пытается выяснить у Махмуда Ялавача намерения Чингисхана. После чего хорезмшах, только что отпустивший посольство Махмуда Ялавача обратно, получает известия от наместника Отрара Инал-хана¹ о прибытии туда огромного торгового каравана купцов, отправленных Чингисханом для налаживания

¹ Или Иналчука, имевшего титул Гайир/Кайр-хан, это тюркская огласовка арабского «Кафир-хан», т. е. «Могущественный хан», см. [62, с. 465] и [141, с. 134].

торговли. Как предполагает В. В. Бартольд, караван этот выступил одновременно с посольством Махмуда Ялавача, но двигался медленно и прибыл в Отрар, когда монгольское посольство уже уехало от хорезмшаха [62, с. 465]. И перед выступлением против Кучулука (о смерти которого хорезмшах еще не знает, см. [57, с. 369]) Мухаммед ибн Текеш делает роковой шаг — подстегнутый «подтверждениями» Махмуда Ялавача «слабости» монгольского войска, он отдает какие-то опрометчивые приказы Иналчуку насчет монгольского каравана. Вряд ли он прямо приказал убить купцов (бывших, кстати, в основном мусульманами — «собралось четыреста пятьдесят мусульман» [38, с. 188]), но какие-то двусмысленные инструкции он все же дал — даже ненавидевшие монголов хронисты-современники (вроде Ибн ал-Асира и Джузджани) считают, что хорезмшах отдал распоряжение перебить купцов и отобрать товары («Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество» [48, с. 5]).

Версий с объяснениями так называемого «Отрарского инцидента» несколько — их с разными деталями дают Ибн ал-Асир, Джузджани, Джувейни, Рашид ад-Дин и ас-Субки. Наиболее вероятным объяснением, в контексте всех событий конца 1217 — начала 1218 г., можно считать следующее: хорезмшах, решивший побороться за наследство Кучулука, приказывает задержать караван¹ и провести розыск относительно как его целей, так и относительно личностей купцов для дипломатического нажима на Чингисхана (если будет найден компромат, то это пригодится для будущей торговли за условия раздела земель Кучулука); отправляются на этот счет инструкции Инал-хану, возможно, сформулированные весьма туманно; Инал-хан в ходе выполнения приказа, охваченный или жадностью (свидетельство ан-Насави), или негодованием (по Джувейни и РД — его оскорбил один из купцов), или действительно обнаруживший свидетельства шпионажа и подрывных действий в виде распространения панических слухов (Инал-

¹ Хорезмшах, по ан-Насави, указал Инал-хану только лишь «принять меры предосторожности к ним, пока он не примет своего решения» [23, с. 74].

хан написал хорезмшаху, что «эти люди, прибывшие в одежде кушцов, вовсе не кушцы, а лазутчики, высматривающие то, что не касается их деятельности. Когда они остаются наедине с кем-либо из простонародья, они угрожают ему и говорят: „Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро к вам придет такое, против чего вы не устоите“ — и далее в том же духе» [23, с. 74]), действует чересчур жестко, а когда понимает, что перегибнул палку, — замечает следы, приказав убить всех свидетелей (только один человек чудом уцелел [38, с. 190]). Все эти события в Отраре разворачиваются, пока хорезмшах находится в походе на Кучулука.

Выйдя из Самарканда, хорезмшах направил свое войско в казахские степи и вышел в бассейн реки Ирғиз (Тургайская степь), там он натолкнулся на следы сражения. Оставшийся на поле раненый сообщил, что его племя было уничтожено монголами. Хорезмшах приказал своей армии пойти по следам монгольского войска и вскоре его нагнал. Ан-Насави сообщает, что это было войско во главе с Джучи, наследником Чингисхана [23, с. 48]. Согласно несколько туманному сообщению РД, войско монголов было сборное — «войска Чингиз-хана, которые он послал для отражения племен киргиз и тумат и захвата Кушлука и Куду, сына государя меркитов... прибыли, преследуя беглецов этих племен, в приграничные районы¹», а командовали ими Субэдэй и Тохучар [38, с. 190—191]. Скорее всего, в Тургайской степи был назначен пункт сбора отдельных облавных отрядов из туменов этих полководцев, выполнявших по РД вышеуказанные задачи, и которые должны были пойти под руку Джучи (именно он был отправлен против туматов и киргизов, см. [28, с. 191]), старшего по своему положению среди всех военачальников. Как пишет Джувеини, монголы передали хорезмшаху, что они не имеют приказа Чингисхана сражаться с ним (ан-Насави уточняет, что переговоры вел сам Джучи [23, с. 48]). Но «у султана² было вдвое больше, чем у Души-хана, людей и [были] военачальники, умеющие насту-

¹ С государством хорезмшаха.

² Т. е. хорезмшаха.

пать и атаковать, и он был убежден, что если бросит несколько своих отрядов против него, то оставит от него лишь пепел» [23, с. 48—49]. Так хорезмшах решил напасть на монголов первым, но битва окончилась ничейным результатом — сначала монголы разбили левый фланг хорезмийцев, а потом отчаянный удар войск сына хорезмшаха Джелал ад-Дина¹ спас положение и воюющие стороны остановили сражение из-за наступившей темноты, а за ночь решили разойтись по своим землям (см. [23, с. 49], [57, с. 372—373], [38, с. 190]).

Это сражение потрясло хорезмшаха — вопреки его прежним представлениям о монголах, он увидел своими глазами их в бою: «Душой султана завладели страх и убежденность в их^{II} храбрости; он, как говорят, в своем кругу сказал, что не видел никого, подобного этим людям храбростью, стойкостью в тяготах войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом» [23, с. 49]. Вернувшись в Мавераннахр, хорезмшах застал там известие об отрарских событиях и новое посольство от Чингисхана, требовавшее выдачи Инал-хана. Невыполнение этого требования, по словам послов, означало войну. Но хорезмшах «не мог отправить его к нему (Чингисхану), потому что большая часть войск и эмиры высоких степеней были из родни Инал-хана» [23, с. 75]. Таким образом, невыдача означала войну с монголами, а выдача — войну гражданскую. Хорезмшах решил выбрать первое и отрезал все пути назад — он приказал убить всех послов Чингисхана [там же].

Война стала неизбежной, и хорезмшах собрал в конце 1218 года совет для определения плана обороны. На этом совете прозвучали предложения, сводящиеся к двум видам стратегии: 1) Собрать все войска государства (по некоторым данным общая численность тюркской конницы хорезмшаха и ополчений его вассалов составляла до 400 тыс. человек) и в одном большом сражении разбить монголов — или при переправе их через Сырдарью, или в другом удобном месте Маверан-

¹ После смерти отца — последний хорезмшах, самый талантливый полководец у хорезмийцев, до конца жизни упорно боровшийся с монголами.

^{II} Монголов.

нахра [48, с. 6]; 2). Отступить из Мавераннахра, отдав инициативу монголам, чтобы или занять горные проходы и там бить монголов по частям, или вообще уйти в Газну (Афганистан) или Индию, чтобы сражаться уже там [62, с. 472]. Хорезмшах выбрал свой вариант пассивной обороны Мавераннахра: сосредоточить хорезмийские войска в городах и крепостях (их перед этим предполагалось дополнительно укрепить и привести в порядок), чтобы заставить монголов уйти восвояси, потеряв людей и время в ходе неудачных осад, а в момент их отхода ударить им в спину и окончательно разбить. Как известно, это было наихудшее решение — с военной точки зрения: это означало, что были раздроблены войска государства и вся инициатива оставлена монголам. Но по политическим мотивам хорезмшах не мог поступить иначе, он отлично понимал, что, собравшись вместе, войска его вассалов могут начать сражаться друг с другом, сводя старые счеты, а если и удержатся от этого, да еще и победят монголов — то скорее всего обратят оружие против своего сюзерена [141, с. 115—116]. Мухаммед ибн Текеш знал о непрочности своего положения как главнокомандующего, поэтому, как комментирует В. В. Бартольд решение хорезмшаха отказаться от генерального сражения, «нельзя не прийти к заключению, что другого исхода для него не было. Собрать свои силы в одном месте он мог бы только в том случае, если бы они были таким же послушным орудием в его руках, как монгольские войска в руках Чингиз-хана. При враждебных отношениях между султаном и его военачальниками это, конечно, было невозможно» [62, с. 473].

Утвердившись в своем плане действий, хорезмшах принялся за рассылку войск по городам, сбор тройного налога за 615—617 г. х. (1218—1220 гг.), рекрутский набор лучников и возведение стены вокруг Самарканда, чем он и занимался до осени 1219 г. Впрочем, стену так и не построили, не затратив на нее и копейки из собранных налогов, а рекрутский набор провалился — рекруты разбежались к началу 1220 г., узнав, что хорезмшах ушел из Мавераннахра [23, с. 75—76]. По версии РД, хорезмшах прошел по всему Мавераннахру, расстав-

ляя в городах войска (ан-Насави пишет о более чем 100 тыс. человек, оставленных в гарнизонах, так что хорезмшах «ни одного города Мавераннахра не оставил без большого войска» [23, с. 76]), но его распоряжения оказывались дезорганизующими, а его удаление из Мавераннахра через Аму-Дарью и далее в Балх, где он встречался со своим сыном Джелал ад-Дином, привели к устойчивому слуху о бегстве хорезмшаха [38, с. 191—192]. Все это стало началом надвигающейся на Хорезм катастрофы. Она очень подробно изучена исследователями, так как до нас дошло большое число мусульманских источников, детально осветивших гибель государства хорезмшахов от монгольского нашествия. Наиболее удачно изложены события Западного похода Чингисхана в Среднюю Азию в исследованиях В. В. Бартольда ([62]), И. П. Петрушевского ([141]) и З. М. Бунятова ([68]). Историческая концепция последнего в основном используется в дальнейшем изложении.

В сентябре 1219 г. 150-тысячная монгольская армия подошла к Отрару, который Чингисхан не стал брать штурмом, а оставил для его осады корпус под командованием Чагатая и Угэдэя. Остальные свои силы он разделил на три направления: первое, на север к Дженду, было закреплено за корпусом Джучи; второе, на юг к Бенакенту и Ходженту, было поручено корпусу Алак-нойона и Сюкетю-черби; в третьем же, на Бухару, направился он сам с туменами под командованием Толюя, Чжэбэ и Субэдэя. Отданная хорезмшахом инициатива дорого обошлась хорезмийцам — расчет на неприступность городов Мавераннахра оказался тщетным перед лицом череды предательств и перед отработанными осадными технологиями монголов. Как правило, события развивались настолько однообразно, что их очевидец ан-Насави написал: «Если бы я рассказывал об этом подробно, то ничего не пришлось бы изменять, кроме имени осаждавшего и осажденного» [23, с. 94]. Без полевых сражений (которые, впрочем, тоже вряд ли помогли бы хорезмийцам), монголы по частям истребляли войска хорезмшаха в ходе осад и штурмов городов. Поэтому, располагая меньшей по общей численности армией, монголы в каждом

конкретном пункте имели, как правило, численный перевес. Избиение хорезмийцев было, таким образом, predetermined — но как их просчетами в стратегическом планировании, так и слабостью их войск в тактической подготовке — основным их боевым приемом было внезапное нападение большими силами, без использования авангарда и засадных/резервных частей [68, с. 154].

Одновременный удар по указанным направлениям парализовал потенциальную перегруппировку сил хорезмийцев, которая, впрочем, была скорее теоретической возможностью. Главное направление удара, к Бухаре, возглавлял, как уже было сказано, Чингисхан; на пути к ней его войска взяли без боя Зарнук (сдаться его уговорил мусульманский агент Чингисхана хаджиб Данишменд), где набрали первый хашар. Следующим был Нур-и-Бухара, там повторился сценарий Зарнука — взяв дань и 600 человек хашара, монголы двинулись дальше и подошли 7 февраля 1220 г. к Бухаре. Гарнизон ее составлял 30 тыс. человек, но город продержался только три дня — по сообщению ан-Насави, тюркская конница эмира Кушлу решила пробиться через монголов и спастись. В атаке им удалось первое, но, пробив брешь в порядках монголов, они не стали дальше сражаться, а бросились бежать и «когда татары увидели, что их цель — [только] избавление, они бросились следом за ними и... преследовали их до берегов Джейхуна», а там «гибель постигла большую часть этого войска» [23, с. 83]. В результате Бухара не оказала сопротивления — город сдался, только 400 человек хорезмийцев засели в цитадели и сопротивлялись 12 дней, пока их всех не перебили [48, с. 9]. Это сопротивление обозлило монголов, как пишет Ибн ал-Асир, они забрали всех мужчин Бухары в хашар, женщин поделили между собой, а город сожгли [48, с. 9—10].

Падение Бухары окончательно деморализовало хорезмшаха, который навсегда покинул Мавераннахр. Узнавший об этом Чингисхан послал за ним от Бухары тумены Чжэбэ и Субэдэя, которые и преследовали хорезмшаха по всей территории его государства вплоть до декабря 1220 г., когда загнан-

ный их погоней Мухаммед ибн Текеш скончался на острове Абескун в Каспийском море. А Чингисхан от Бухары отправился к Самарканду, гоня к нему толпы жителей Бухары, «которые шли за ним пешком, в самом гнусном виде; всякого, кто уставал или изнемогал от ходьбы, убивали» [48, с. 10].

В это время обсервационный корпус Чагатая и Угэдэя овладел Отраром, город был взят комбинацией осады на измор и череды штурмов — хотя монголы и понесли большие потери, но и защитники города были перебиты все до единого. Отрар был полностью разрушен, мастера и ремесленники были отправлены в Монголию, а остальные жители пошли в хашар. По предположению В. В. Бартольда, высвободившиеся тумены корпуса Чагатая и Угэдэя присоединились к войскам Чингисхана под Самаркандом. Возможно, часть их сил уже из-под Самарканда была направлена под Ходжент на помощь южной группе монгольских войск, застрявших под этим городом [62, с. 484—485]. Приходится признать, что оборона Ходжента — один из наиболее ярких эпизодов во всей этой войне, очень редкий на фоне неспособности остальных хорезмийских войск дать отпор монголам.

Южный корпус Алак-нойона и Сюкетю-черби в начале своего похода взял Бенакент за три дня. Зато Ходжент оказался им явно не по зубам. Его оборону возглавлял один из двух самых талантливых хорезмийских полководцев — эмир Тимур-Мелик. Он применил неожиданный для монголов маневр — не став защищать город, который сильно пострадал от первых атак монголов, он с небольшими силами перебравшись на остров, где «укрепил посредине Сейхуна [Сыр-Дарьи] в месте, где река течет двумя рукавами, крепость», в ней он закрепился «с тысячей именитых людей» [38, с. 201]. Монголы были не в состоянии взять это укрепление даже после подхода подкреплений из Самарканда — 20 000 монголов и 50 000 хашара [там же]. Но и они не помогли, и только северному корпусу Джучи удалось уничтожить войско Тимур-Мелика.

Действия отряда Тимур-Мелика были неожиданными, он применял разнообразную тактику и причинял огромный

ущерб монголам: «Тимур-мелик построил двенадцать баркасов, закрытых сверху влажными войлоками, обмазанными глиной с уксусом, в них были оставлены оконца.

Ежедневно он ранним утром отпирывал в каждую сторону шесть таких баркасов, и они жестоко сражались. На них не действовали ни стрелы, ни огонь, ни нефть. Камни, которые монголы бросали в воду, он выбрасывал из воды на берег и по ночам учинял на монголов неожиданные нападения, и войско их изнемогало от его руки. После этого монголы приготовили множество стрел и катапульт и давали жестокие бои. Тимур-мелик, когда ему пришлось туго, ночью снарядил семьдесят судов, заготовленных им для дня бегства, и, сложив на них снаряжение и прочий груз, посадил туда ратных людей, сам же лично с несколькими отважными мужами сел в баркас. Затем зажгли факелы и пустились по воде подобно молнии. Когда монгольское войско узнало об этом, оно пошло вдоль берегов реки. Повсюду, где Тимур-мелик замечал их скопище, он быстро гнал туда баркасы и отгонял их ударами стрел, которые, подобно судьбе, не проносились мимо цели. Он гнал по воде суда, подобно ветру, пока не достиг Бенакента. Там он рассек одним ударом цепь, которую протянули через реку, чтобы она служила преградой для судов, и бесстрашно прошел [далее]. Войска с обоих берегов реки сражались с ним все время, пока он не достиг пределов Дженда и Барчанлыгкента. Джочи-хан, получив сведения о положении Тимур-мелика, расположил войска в нескольких местах по обеим сторонам Сейхуна. Связали понтонный мост, установили метательные орудия и пустили в ход самострелы.

Тимур-мелик, узнав о засаде [монгольского] войска, высадился на берегу Барчанлыгкента и двинулся со своим отрядом верхом, монголы шли следом за ним. Отправив обоз, он оставался позади его, сражаясь до тех пор, пока обоз не уходил [далеко] вперед, тогда он снова отпирывался следом за ним.

Несколько дней он боролся таким образом, большинство его людей было перебито, монгольское же войско ежеминутно все увеличивалось. В конце концов монголы отобрали у него

Камнемет ближнего боя (по [202])

обоз, и он остался с небольшим числом людей. Он по-прежнему выказывал стойкость и не сдавался. Когда и эти были также убиты, то у него не осталось оружия, кроме трех стрел, одна из которых была сломана и без наконечника. Его преследовали три монгола; он ослепил одного из них стрелой без наконечника... а другим сказал: „Осталось две стрелы по числу вас. Мне жаль стрел. Вам лучше вернуться назад и сохранить жизнь“. Монголы повернули назад, а он добрался до Хорезма» [38, с. 201—202].

Такую самоотверженную борьбу с врагом показали очень немногие полководцы хорезмшаха, вся кампания 1220 г. была ими безропотно отдана монголам. Тот же корпус Джучи один за другим брал города по нижнему течению Сыр-Дарьи — Сыгнак, Узгенд, Барчилигкент, Ашнас, Дженд и другие. Причем многие сдавались без боя или брались после слабого сопротивления. В этом монголам активно помогали «местные кунцы Хасан-ходжа и Али-ходжа, еще до войны поступившие на службу монголам» [141, с. 124]. Только Сыгнак пришлось штурмовать семь дней и еще Ашнас оказал упорное сопротивление, его население было вырезано поголовно.

Осажденный Самарканд не смог устоять — попытка вылазки обернулась уничтожением значительной части гарнизона и город сдался 17 марта 1220 г. Разоружившиеся тюркские воины были перебиты по приказу Чингисхана (по РД всего более 30 000 человек, [38, с. 208]), тысячи ремесленников были угнаны в рабство, а за выкуп остальных монголы потребовали 200 тыс. динаров [68, с. 146]. На лето Чингисхан ушел в район Несефа, откуда двинулся к Термезу и Кулябу. Осень 1220 г. он провел там, «грабя и избивая поголовно все население, разрушая и предавая все огню» [38, с. 218].

К маю 1220 г. почти весь Мавераннахр был в руках монголов, от остальных владений хорезмшаха их отделяла только Аму-Дарья. Но и туда уже проникли тумены Субэдэя и Чжэбэ, в погоне за беглым хорезмшахом. Летом 1220 г. корпус Толуя выдвинулся в Хорасан и к осени захватил Мерв, Тус, Нишапур, Балх и другие города [141, с. 128]. Тогда же крупная группировка войск монголов начала сосредотачиваться у Гурганджа (Ургенча), столицы Хорезма — первоначальная атака на него корпуса Джучи окончилась неудачей, так как оборону города возглавил Тимур-Мелик и его действия оказались весьма эффективными [141, с. 128—129]. Пока к Гурганджу подтягивались корпуса Чагатая и Угэдэя, посланные Чингисханом на помощь Джучи, в Гургандже началась грызня за власть между людьми Теркен-хатун¹ и Джелал ад-Дином, прибывшим туда в январе 1221 года — после смерти Мухаммед ибн Текеша к нему переходил титул хорезмшаха. Перевес оказался на стороне его противников, устроивших против него заговор, и Джелал ад-Дин с Тимур-Меликом спешно покинули Гургандж вместе с 300 воинами [68, с. 150—151]. Четыре месяца продолжалась осада города, пока в апреле 1221 г. ([206, с. 11]) Гургандж (Ургенч) не был взят штурмом, в ходе которого монголы сжигали огнеметными машинами квартал за кварталом [141, с. 130]. После падения столицы Хорезма боевые действия переместились в Хорасан и Афганистан, где попытку сопротивления монголам предпринял последний хорезмшах Джелал ад-Дин.

¹ Мать хорезмшаха Мухаммеда, глава самой влиятельной родовой группировки.

Когда весной 1221 г. Чингисхан двинулся к Балху, а отряды монголов находились у Мерва, Нишапура и Герата, Джелал ад-Дин у Насы уже нанес первое поражение монгольскому отряду из 700 человек [23, с. 100]. И хотя это сражение прибавило добровольцев в армию Джелал ад-Дина, он был вынужден под давлением монголов отойти в Газну. После присоединения к нему 10 000 человек из войск его дяди Амин ал-Мулка, Джелал ад-Дин подошел к Кандагару, где ему удалось уничтожить монгольский отряд, осаждавший город. С этого момента внимание Чингисхана было направлено на подавление растущего сопротивления остатков хорезмийских войск, начинавших объединяться вокруг талантливого полководца — Джелал ад-Дин собрал в Газне 130-тысячное войско. Для начала он уничтожил тысячу монголов у крепости Валиян (севернее Чарикара) [68, с. 156—157]. Как раз в это время туда подошел посланный Чингисханом 45-тысячный отряд под командованием Шиги-Хутуху. Сражение с ним состоялось у Парвана, близ Газны — монголы потерпели сокрушительное поражение, «погибло большое количество монгольского войска» [38, с. 222]. Это привело к тому, что Чингисхан был вынужден бросить все свои наличные силы на Джелал ад-Дина.

Узнав о приближении основных сил монголов, Джелал ад-Дин ушел из Газны и двинулся на восток, где у Гардиза его настигнул авангард войск Чингисхана. Из единственного сообщения у ан-Насави известно, что хорезмийцам удалось разбить этот авангард [23, с. 121—122], но это был их последний успех. 23 ноября 1221 г., на берегах реки Синд (Инд), войско Чингисхана настигло армию Джелал ад-Дина и за три дня боев наголову разбило ее, сам султан с немногими спасшимися (по ан-Насави их было около 4000, [23, с. 124]) переплыл реку и ушел в Индию, при этом Чингисхан приказал его не преследовать ([23, с. 122—123], [57, с. 409—411], [38, с. 222]).

Почти весь 1222 год войска Чингисхана занимались боевыми действиями в Афганистане и Северной Индии — они прошли «по прибрежным районам Инда, а затем по территории Мультана и Панджаба», разграбили Лахор и вернулись

через Пешавар к Кабулу [144, с. 145]. Весной и летом 1222 г. Чингисхан стоял со своей ставкой у Талакана (в Бадахшане) [28, с. 193], и именно туда к нему приезжал знаменитый даосский мудрец Чан Чунь. Чингисхан много беседовал с ним о смысле жизни, после того, как получил ответ на свой главный вопрос: «Какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им? Учитель отвечал: Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия» [26, с. 151]). Были выделены отдельные корпуса для действий в различных областях региона — так, корпус Угэдэя взял Гур, корпус Илчжигидая повторно захватил Герат после восстания в нем в конце 1221 г., а отряд Бала-нойона действовал в Мультане и Пешаваре [38, с. 224].

Сам же Чингисхан осенью 1222 г. возвращается в Самарканд и проводит там зиму 1222/23 г. По некоторым сведениям, весной 1223 г. именно в Самарканде он устроил курултай для подведения итогов войны на Западе [117, с. 198]. Затем Чингисхан еще раз двинулся на юг, к Парвану («Перван» у РД [38, с. 225] или «Балувань» в ШУЦЧЛ [28, с. 194]), где провел лето, ожидая возвращения Бала-нойона [38, с. 225]. Как пишет Рашид ад-Дин, Чингисхан решил вернуться в Тангут через Северную Индию, он дошел до Пешавара, но оттуда повернул назад «той же дорогой, по которой пришел» [там же]. Объяснения этого возвращения в китайских источниках выглядят фантастично (в 1223 г. «в Восточной Индии... увидел зверя, по виду похожего на оленя, [но] с конским хвостом, зеленой масти и одним рогом», по разъяснению Елюй Чуцая это был символ «отвращения к убийствам» и предостережение Чингисхану, поэтому тот «приказал войскам выступить в обратный путь» [44, с. 71], ср. с «единорогом» в стране Инд, в 1-й цзюани ЮШ [56; цз. 1, с. 23]), и скорее всего прав Рашид ад-Дин, сообщивший, что климат этих мест тяжело подействовал на почти 70-летнего Чингисхана. Видимо, осень и зиму 1223/24 г. он провел в долине Эмиля — на это есть намек в биографии Субэдэя, так как Субэдэй и Чжэбэ вернулись в ставку Чингисхана из своего знаменитого рейда именно через Эмиль [56; цз. 121, с. 2976].

По данным ШУЦЧЛ, в начале 1224 г. Чингисхан «двинул войска в возвратный путь; провел зиму; удалился от жаров; то шел, то останавливался» [28, с. 195]. Поэтому точный маршрут его движения неизвестен, есть только намек в СС, которое сообщает, что лето 1224 г. Чингисхан провел на Иртыше [16, с. 189], где до него дошли тревожные известия об интригах тангутов. Поэтому им было принято решение возвращаться в Монголию и, когда Чингисхан «выступил в поход против области Тангут, он Чагатай с войском отступил в тыл станов для [их] охранения, а Угедей и Тулуй — оба были при нем» [39, с. 109]. На этом окончились походы самого Чингисхана в Среднюю Азию, а для ее окончательного «упорядочивания», по выражению китайских хронистов, был оставлен с войском Чагатай, со временем получивший в свой улус значительную часть этих территорий.

§§ 17.4. Дальний рейд Субэдэя и Чжэбэ

Рейд Субэдэя и Чжэбэ принято выделять из общего описания войны с хорезмшахом. Это идет от самых первых хронистов, а именно — начиная с Ибн ал-Асира, который дал название войску этих нойонов Чингисхана «Западные татары» (или «Западный отряд»). Дело в том, что начавшись в 1220 г. с частной задачи схватить хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша, погоня за ним туменов Субэдэя и Чжэбэ (которые выступили по отдельности и разными путями) закончилась у Каспийского моря, где в Мазандаране эти тумены соединились и получили новую задачу — завоевать западную часть государства хорезмшаха, в то время как Чингисхан с остальными своими полководцами был занят в Мавераннахре, Хорасане, Центральном Иране и Афганистане. Пока Чингисхан уничтожал там сопротивление монголам, гонялся за Джелал ад-Дином вплоть до Индии и вел длительные беседы с даосским монахом Чан Чунем, Субэдэй и Чжэбэ выполнили свои задачи по покорению западной части государства Ануштегинидов и вышли к новым, неизведанным еще, землям — в Закавказье и далее, в степи Северного Кавказа и Причерноморья. Там они сразились и победили алан, половцев-кипчаков и соединенное русско-половецкое войско,

после чего двинулись в приволжские степи. Но на Волге им не удалось разграбить Булгар, а, наоборот, они сами попали в ловушки, и, поражаемые кипчакскими и болгарскими атаками из засад, тумены Субэдэя и Чжэбэ перешли Волгу и вернулись через казахские степи к Чингисхану в Среднюю Азию в 1224 г. За время этого беспримерного четырехлетнего похода монголы захватили и отравили Чингисхану огромную добычу. И хотя при этом монголы потеряли по некоторым данным до 80% своего первоначального состава, они прошли с боями огромное расстояние вокруг всего Каспийского моря и вернулись с бесценными сведениями об этих странах, с этого самого момента ставших вероятными целями будущей монгольской экспансии.

Вначале надо прояснить вопрос о численности монголов в этом походе. Самая вероятная цифра — 20 000 человек, так как в рейде участвовало всего два тумена под командованием Чжэбэ и Субэдэя. Численность же в три тумена, которая иногда появляется в литературе, объясняется тем, что по Джувейни и Рашид ад-Дину¹ в погоню за хорезмшахом (из-за которой монголы Субэдэя и Чжэбэ в итоге так далеко и забрались) вначале пошло три тумена, т. е. тумены указанных полководцев плюс тумен Тохучара. Однако известно, что Тохучар со своим туменом потерпел поражение и погиб еще в Иране. Кроме того, в это же самое время [23, с. 108] Инанджхан² разбил монголов при Наджуване. Все это потребовало от Чингисхана срочно сосредоточить против возникшего сопротивления хорезмийцев все находившиеся в том районе силы, в том числе остатки тумена Тохучара. Кроме того, Ибн ал-Асир прямо утверждает, что в погоне за хорезмшахом Мухаммедом изначально участвовали только тумены Чжэбэ и Субэдэя (см. [48, с. 11]), а в Армению, по сведениям армянских хронистов, дошло 20 000 монголов [5, с. 23]. Все это указывает на то, что в рейде на Кавказ участвовали только эти два тумена. Хотя, конечно, можно предположить, что позже к этим двум туменам

¹ Который тут следовал в основном тексту Джувейни.

² Один из эмиров-военачальников хорезмшаха.

прислали на усиление третий, но тогда неясно, почему нет имени его военачальника, а все источники упоминают только Субэдэя и Чжэбэ. Скорее всего, тумены Чжэбэ и Субэдэя просто пополнялись за счет ресурсов захваченных ими стран и народов — в первую очередь кипчаков, разбитых вместе с аланами в 1222 г. Если учесть неясное число «бродников»¹, участвовавших на стороне монголов в битве при Калке и упомянутых в русских летописях, то можно оценить монгольское войско на южных границах Руси в 1223 г. (в момент его максимальной силы) примерной цифрой 25 тысяч человек.

В начале 1221 г., когда стало известно о смерти хорезмшаха Мухаммеда, Субэдэй и Чжэбэ, отправив захваченные ими сокровища государственной казны хорезмшаха Чингисхану, продолжали из Хорасана движение на запад по обширной империи Ануштегинидов — по приказу Чингисхана в 1221—1222 годах они взялись за «завоевание владения султана, состоящего из Аррана, Азербайджана, Ирака и Ширвана» [38, с. 225]. Тумены Чжэбэ и Субэдэя последовательно опустошали персидский Ирак — города Семнан, Рей, Кум были взяты, а население перебито и отправлено в полон, Хамадан же принял власть монголов и откупился отдачей «верховых лошадей и одежд, и согласился на [принятие монгольского] правителя» [38, с. 227]. Потом монголы занялись Азербайджаном и Арраном — из Хорасана по пути туда войска Чжэбэ и Субэдэя вырезали упорно защищавшиеся Казвин («бились они и жители внутри его [Казвина] и наконец стали драться на ножах» [48, с. 15]) и Зенджан [38, с. 226—227]. Действия монголов были их обычной тактикой облавного грабежа покоряемых земель — в рассказе Ибн ал-Асира стереотипно повторяется, что «Татары послали к ним требовать у них денег и одежд» [48, с. 22] (ср. [48, с. 14, 15, 20, 23]).

В Тебризе воины Чжэбэ и Субэдэя получили без боя от правителя Азербайджана атабека Узбека «много денег и скота» и через Грузию «направились в Арран, чтобы про-

¹ Так назывались «гулящие люди» из русских и прочих народов, кочевавшие, «бродившие», по степям на границах Руси.

быть там зиму» 1220/21 г. [38, с. 227]. Произошедшее там столкновение их авангарда с отрядом грузин численностью в 10 000 человек было сражением с неясным исходом — по одним источникам, грузины разбили монгольский передовой отряд, а по другим — все было с точностью до наоборот. Но уже второе сражение (в январе или феврале 1221 г.) с туменами монголов и примкнувшими к ним восставшими тюркскими рабами под командой некоего Акуша кончилось для грузин весьма печально. Как рассказывает Ибн ал-Асир, Акуш «собрал жителей этих гор и степей, Тюркмен, Курдов и др. Собралось у него множество народа и вошел он в переговоры с Татарами относительно присоединения к ним. Они согласились на это, будучи расположены к нему вследствие сродства.. Совершили они бой жестокий; все упорно действовали в нем, и из сторонников Акуша было убито много народу. Тогда напали [сами] Татары на Грузин, которые уже устали от боя; их также было перебито много, так что они не устояли против Татар и обратились в самое постыдное бегство. Налег на них меч со всех сторон и убито их столько, что и не сочтешь» [48, с. 15—16].

После первых сражений с грузинами, в феврале 1221 г. монголы Чжэбэ и Субэдэя вернулись через Тебриз (где повторно получили дань) к городу Мерага и «постояли они у нее Мераги несколько дней, потом взяли город штурмом» (30 марта 1221 г.) [48, с. 18], в его ходе было перебито «непомерное и несчетное число» жителей, а сам город сожжен. Из Азербайджана монголы опять двинулись в Армению и Грузию, где в долине реки Дзегам-чай они обнаружили подход войск грузинского царя Лаша.

Очередное сражение с грузинами, с их главными силами, было для последних катастрофическим — относительно небольшая армия монголов уничтожила огромное войско (по данным грузинской хроники «Картлис цховреба», возможно и преувеличенным, грузин было 90 000 человек, а по данным Ибн ал-Асира — 70 000 [13, с. 120]). Монголы заманили грузинское войско своим любимым приемом «ложное отступление» в засаду, а

затем, развернув свои порядки навстречу атаке грузин, одновременно с ударом 5000-го засадного отряда с тыла, взяли в тиски и уничтожили, по сведениям РД, до 30 тыс. грузин: «Джэбэ с пятью тысячами людей отправился [в засаду] в одно потаенное место, а Субэдай с войском пошел вперед. В самом начале сражения монголы бежали; гурджии пустились их преследовать. Джэбэ вышел из засады; их захватили в середину [обоих монгольских отрядов: отступавшего и нанавшего из засады] и в один момент перебили тридцать тысяч гурджиев» [38, с. 228]. «Картлис цховреба» рисует аналогичную картину: «Они же татары, стоявшие лагерем на берегу Бердуджи¹, ныне называемой Сагим, мигом оседлали коней и вступили в схватку. И разразилась битва жестокая. Половина татар бежала, а другая половина скрылась в засаде и нагрянула с тыла. И тут постиг нас гнев всевышний... и бежали грузины и воины их и сам царь Лаца, и погибло несметное число душ христианских» [13, с. 120].

Подавив всякое сопротивление в Закавказье, монголы смогли спокойно провести зиму на богатых пастбищах Аррана и тщательно спланировать и рассчитать свой дальнейший поход на север. Они выступили в северокавказские степи весной 1222 г., где столкнулись с объединенным войском аланов и кипчаков/половцев. Первые сражения показали, что сил у Чжэбэ и Субэдэя недостаточно, и тогда Субэдэй применил свои выдающиеся дипломатические способности. По сообщению Ибн ал-Асира, который записал рассказ участника событий 1222—1223 гг.⁸, дело было так: «Перебравшись через Ширванское ущелие, Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе Алланы, Лезгины и (разные) тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были (отчасти) мусульмане и (отчасти) неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (Алланы) употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков и сразились с ними (Татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верха

¹ Река Дзегам-чай.

над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: „Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежда сколько хотите; оставьте нас с ними“. Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; они (Татары) действительно принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их (Аллан). Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они (Татары) нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что (сами) им принесли» [48, с. 25]. По сообщениям русских летописей, в этих сражениях были уничтожены орды Юрия Кончаковича и Данила Кобяковича ([ПСРА т. 2, стб. 740], [24, с. 62]).

Разбив военные силы алан и половцев, монголы занялись рейдами по всему Северному Причерноморью, доходя даже до Судака: «Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку» [48, с. 26]. По сведениям биографии Субэдэя в ЮШ, некоторые роды кипчаков, бывшие в подчинении у ханов главных половецких орд Юрия Кончаковича и Данила Кобяковича, перешли на сторону монголов [56; цз. 121, с. 2976] и влились в корпус Чжэбэ и Субэдэя.

Перезимовав в степях Причерноморья, весной 1223 г. монголы решили пополнить свое конное поголовье и заполучить для себя новых работников, которые вели бы всю работу по кочевому хозяйству орды. Так как они в основном заполучили тех половцев, что остались в степи, то они обра-

тили свои взоры к Руси, куда убежали несколько половецких родов. Монголами были отправлены послы к киевскому князю Мстиславу, которому они прямо объяснили, зачем им нужны половцы: «Се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половць; а мы вашси земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни сель вашихъ, ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганяя Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттоле, а товары емлите себе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дея и мы биемъ» [24, с. 63]. С одной стороны, монголы очевидным образом указали, что половцы им пужны как «холопы и конюхи», что соответствует практике использования монголами завоеванных кочевых народов [185, с. 71]. А с другой — они попытались применить к русским князьям тот трюк, который у них получился в 1222 г., т. е. подкупить их «товары половечьскы». Однако русские князья были уже в курсе от половцев насчет выгоды подобных сделок с монголами и приказали убить послов.

Таким образом, война с корпусом Чжэбэ и Субэдэя стала неминуемой и на совете в Киеве князья решили выступить первыми и бить монголов в степи, за пределами русских рубежей. В апреле 1223 г. из разных городов Южной Руси выступили рати, одни конные, другие на ладьях. У острова Хортица на Днепре все они соединились и начали разведку монгольских сил. Она показала противоречивые результаты — одни посчитали монголов сильными воинами, а другие «хуже половцев». Видимо, последняя точка зрения возобладала, когда русскому авангарду удалось достаточно легко разбить конную тысячу монгольской разведки. После нескольких дней преследования отступавших монголов, в конце мая 1223 г. русско-половецкое войско дошло до реки Калка (скорее всего, это один из притоков Калмиуса в Приазовье — Кальчик, см. [145, с. 299]).

Для битвы на Калке зафиксированным фактом можно считать серьезное численное преимущество русско-половецкого войска над монголами. Как выше установили, последних было от 20 до 30 тысяч. Что касается русских сил, то тут есть

серьезная проблема в выяснении их точной численности, так как летописи не дают определенных цифр. Оценка может быть только приблизительной, и на базе русских источников есть основания к следующей спекуляции: известно примерное число погибших русичей — вернулся только каждый десятый [24, с. 63], или потери составили 90%. Если учесть, что точно известно о гибели 10 000 киевлян [ПСРА т. 1, стб. 447], то примерно столько же, или чуть меньше, погибло русских из полков других земель. С учетом того, что эти потери составляли 90% от всего русского ополчения, получаем оценку русских сил в 22 000 человек. Сколько было союзных половцев — неясно, но если прикинуть, что во главе их стоял довольно известный хан Котьян, приход которого со своей ордой в Венгрию был позже зафиксирован источниками, а по расчетам Плетневой ([147, с. 79]) в средней орде половцев было 35—40 тыс. человек, воинов от них $\frac{1}{5}$ или около 10 тыс., и, кроме того, с Котьяном была как минимум еще одна орда половцев¹, то тогда половецких воинов всего было тоже около 20 тысяч. Таким образом, русских и половцев было 40, максимум 45, тысяч человек по этой примерной оценке.

При почти двойном превосходстве в общей численности русско-половецкого войска оно сильно уступало монгольскому как по боевым качествам войск, так и по своему руководству. Будучи храбрыми и умелыми воинами индивидуально, русские в сражении при Калке оказались толпой, не спаянной ни воинской дисциплиной, ни общим командованием — их полки вступали в бой поодиночке и также поодиночке были разбиваемы монголами. Разнородность союзного войска усугубилась нестойкостью половцев и неумением их действовать согласно с русскими полками, это привело к тому, что русско-му войску пришлось потерпеть урон еще и от своих союзников половцев, бежавших от напора монголов и расстроивших этим бегством порядки русских полков («заидоша за Калак реку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половѣци, а сами ста-

¹ Упоминается в Ипатьевской летописи «великий князь Половецкий» Басты, [ПСРА т. 2, с. 741]

номъ сташа ту. Тъгда же Ярун съступися с ними, хотя битися, и побегоша не успевьше ничтоже Половци назад, и потыгаша бежаще станы русских князь, не успеха бо исполчитися противу им; и съмятошася вся, и бысть сеця зла и люта» [24, с. 63]). Отсюда и известие об этой битве у Ибн ал-Асира, которое внешне противоречит установленному факту общего превосходства сил у русских и половцев: «Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они [Татары] обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание [напасть] на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, [но] потом татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них: [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами» [48, с. 26—27]. Итак, слова о «значительно превосходящих силах» монголов надо относить к их локальному превосходству над частями союзников, которые избивались по отдельности. О сепаратном мышлении русских руководителей похода ярко повествует южнорусский летописец: «Мьстиславъ же не поведа има зависти ради, бе бо котора велика межю има» [ПСРА т. 2, стб. 741]. А в результате этого, по словам отстраненного от политической борьбы на Юге Руси новгородского летописца, когда избивались татарами галицко-волынские полки, «Мьстиславъ же, Киевьскыи князь, видя се зло, не движесе съ места никамо же» [24, с. 63].

После поражения галицко-волынских частей настала очередь киевлян и черниговцев. Запершиися за частоколом их полки упорно и отчаянно сопротивлялись («стал бо бе на горе над рекою над Калком, бе бо место то камянисто, и ту сътвори город

около себе в колех, и бися с ними из города того по 3 дни» [24, с. 266]), но монголы мощно атаквали, и положение стало отчаянным. Поэтому великий князь Мстислав согласился на условия сдачи, которые ему передал глава бродников воевода Плоскына, целовавший крест в знак клятвы. Но монголы не простили гибели своих послов и перебили сдавшихся русских князей и их людей (всего погибло семь князей, среди них великий князь Киевский). Так закончилось это злосчастное сражение, почти вся военная сила Южной Руси полегла на Калке или была угнана монголами. Как горестно пишут русские летописцы: «Си же злоба сътворися месяца мая въ 31» день 1223 г. и «бысть победа на всі князи Рускыя, тако же не бывало никогда же».

Сражение было весьма кровопролитным, это было «побоюще», память о котором сохранилась даже в китайских летописях — в биографиях Исмаила и Субэдэя в ЮШ, причем во 2-й биографии Субэдэя (цзюань 122) оно названо «кровопролитнейшим». Озлобленные монголы гнались за бежавшими русскими и половцами до самых границ Руси, избивая отставших и разоряя пограничные городки. По несколько преувеличенному рассказу Рашид ад-Дина: «Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей» [38, с. 229]. Русские летописи в основном подтверждают это сообщение: «Татаром же победившим Русьския князья, за прегрешение крестьяньское пришедшим и дошедшим до Новагорода Святополчьского, не ведающим же Руси льсти их, исходяху противу им со кресты, они же избиша их всех» [ПСРА т. 2, стб. 745].

Возвращение Чжэбэ и Субэдэя из русских степей не получилось триумфальным — оно закончилось поражением от поволжских народов, к которым они направились на обратном пути. Вот как это описывает Ибн ал-Асир: «Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года¹. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них

¹ 1223 г.

(Татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (Татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю» [48, с. 28].

§§ 17.5. Гибель государства тангутов Си Ся и смерть Чингисхана.

Закончив свой западный поход, Чингисхан проводил жаркое лето в своей ставке. Однако его встревожили известия о намечавшемся союзе Цзинь с тангутами. Он не мог не вспомнить, что последние в оскорбительной форме отвергли его приказ предоставить вспомогательный корпус перед походом в Среднюю Азию в 1218 г. В тот раз Чингисхан не мог распылять силы и сказал: «Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!» [16, с. 186—187]. Теперь же подошло время для мести и для превентивного удара по создающемуся союзу тангутов и чжурчжэней.

В отсутствие Чингисхана монголы Центрального улуса были поставлены тангутским государем Дэ-ваном перед фактом разрыва отношений — весной 1224 г. он разослал тангутские посольства ко «всем племенам „к северу от песков“ (Гоби)... с предложением заключить союз против монголов» [113, с. 308]. Монгольские войска предприняли поход к городу Шачжоу на западе Си Ся, но месячная осада закончилась для монголов неудачей [113, с. 308—309]. Зато другой корпус монголов, под командованием Болу и Лю Хэй-ма, разбил в поле у г. Иньчжоу тангутскую армию, которая потеряла убитыми и пленными несколько десятков тысяч человек [113, с. 309]. Тогда же, осенью 1224 г., Иньчжоу был взят монголами, а

Хара-Хото. Сцена во дворце — император, военные и гражданские чиновники

появившиеся сообщения о возвращении Чингисхана окончательно подорвали надежду на восстание монгольских племен, с которыми пытались договориться о союзе тангуты.

В феврале 1225 г. Чингисхан с войсками вернулся из Западного края (Средней Азии), и тангутский правитель попытался договориться о мире, но условия оказались неприемлемыми для тангутов — отдать в заложники наследника, на что Дэ-ван не пошел. Это было роковое решение — Чингисхан припомнил тангутам все, от укрывательства его врагов, до отказа дать вспомогательные войска в 1218 г. и «весной, в начальной луне 21-го года [от установления правления]¹ император из-за того, что Си Ся прятало [его] врага Нилха-Сангуна² и не посылало в заложники сына [правителя], лично повел войска покарать его» [56; цз. 1, с. 23]. Первым, в марте 1226 г., пал город Хара-Хото¹¹, его защитники и население были перебиты. Монголы последовательно сокрушали западную часть Си Ся — летом

¹ 5—27 февраля 1226 г.

¹¹ Эазина или Хэйшуй по-китайски.

пал крупный тангутский город Сучжоу, его население было уничтожено, спаслось только 106 семей [113, с. 311]. От Сучжоу монголы пошли в центр Си Ся — к городу Ганьчжоу, который был быстро взят. Несмотря на сопротивление, его жителей пощадили — дело в том, что командовал гарнизоном Цзюйе Цзюй, а его сын Чаган был приемным сыном Чингисхана («пятым сыном» по сообщению РД), его полководцем и командиром личной тысячи императора монголов [38, с. 266]. Поэтому после взятия города, согласно биографии Чагана в ЮШ, «Чаган замолвил слово за простой народ» и Чингисхан приказал казнить только 36 человек, руководивших обороной города [55; цз. 120, с. 1295].

К концу 1226 г. ситуация для тангутов стала просто катастрофической — засуха лета 1226 г. губила население, смерть Дэ-вана внесла смятение в управление страной, один за другим брались монголами города и округа (Силянфу, Инли и Шачжоу, [56; цз. 1, с. 24]), а город Лянчжоу был сдан его командующим Ва Чжацзэ без боя [113, с. 312]. Монголы Чингисхана в ноябре 1226 г. подошли к Линчжоу, куда на помощь осажденным прибыла армия тангутов под командованием Вэймин Лингуна. 23 ноября произошло генеральное сражение [56; цз. 1, с. 23], в котором тангуты потерпели полное поражение и монголы подошли к столице Си Ся Чжунсину.

В декабре 1226 г. началась осада Чжунсина, продолжавшаяся около года. Вся остальная территория Си Ся была уже под контролем монголов, которые занимались истреблением ненавистных Чингисхану тангутов — как писал современник событий, «из ста человек не уцелело и одного, двоих. Белые кости покрывали поля» [122, с. 42]. Летняя жара отсрочила падение Чжунсина — Чингисхан ушел отдыхать в прохладу гор Люпаньшань, дав один месяц на раздумье правителю Си Ся: «Тамошний государь Лун-Шидургу просил прощения, [заявляя]: „Я был перепуган и содеял зло; если [Чингиз-хан] даст мне отсрочку, согласится считать [меня] сыном и в этом поклянется, то я выйду [к нему]“». Чингиз-хан поклялся и дал отсрочку на определенный срок» [37, с. 144].

В конце августа 1227 г. Чингисхан тяжело заболел в своей ставке Халаоту в долине Саари-кээр [56; цз. 1, с. 25]. По одним данным, он еще дожил до взятия Чжунсина и захваченного государя Си Ся убили по его указу ([16, с. 190—191]), а по другим — он умер до этого, приказав скрыть свою смерть до той поры, пока тангуты не сдадутся: «[Чингиз-хан] занемог и завещал, чтобы, когда он умрет, его смерть не обнаруживали бы, не рыдали и не стонали, дабы враг не узнал об этом и не вышел в определенный срок, [а когда он выйдет], чтобы всех схватили и поголовно перебили» [37, с. 144]. По сообщению РД, Лун-Шидургу вышел из Чжунсина и сдал город весной 1228 г. и согласно завещанию Чингисхана «его со всеми горожанами предали мечу мести и овладели [его] царством» [там же]. «Сокровенное сказание» же описывает это иначе — «государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингис-хан соизволил повелеть: „Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингис-хан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!“... Разгромив Тангутский народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: „Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули-мусхули угай болгаи, то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: «Мухули-мусхули угай!»“ Дважды ополчаясь на Тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса» [16, с. 191]. Более вероятной представляется версия этих событий в ЮШ, по которой взятие Чжунсина произошло одновременно со смертью Чингисхана в конце августа — начале сентября 1227 г.¹: «Владелец Ся крепко оборонял Чжунсин. Император направил Чагана

¹ По Джувейни Чингисхан умер 18 августа, по Рашид ад-Дину 29 августа [38, с. 233], по ЮШ — 8 сентября 1227 г. [56; цз. 1, с. 25]

войти в город и предложить на выбор — несчастье или благополучие¹. Народ как раз стал совещаться о сдаче, но случилось так, что император почил. Полководцы тогда схватили владельца Ся и убили. К тому же решили вырезать Чжунсин. Чаган из всех сил увещевал остановить это, прискакал в город и успокоил оставшийся народ» [55; цз. 120, с. 1295]. Так в конце 1227 года пало государство Си Ся, его уничтожение стало последним деянием «Покорителя Вселенной» Чингисхана.

§ 18. Действия преемников Чингисхана, дальнейшее развитие монгольской империи

§§ 18.1. Дальние разведки и подготовка к продолжению экспансии

Неудача действий против Булгара корпуса Субэдэя и Чжэбэ в 1223 г. не остановила монголов. По приказу Угэдэя была сформирована новая армия в размере 30 000 человек под командованием «Кокочая и Субэдай-бахадур» для действий против «Кичака, Саксина и Булгара» [39, с. 21]. Набранные из кичаков и канглов/печенегов тумены Субэдэя ([56; цз. 121, с. 2977]) с конца 1220-х годов начали проводить рейды в Прикаспийские степи. В 1229 г. они опять проверяли Булгар на прочность: по сообщению русских летописей, «Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары и сторожеве Болгарьскыи прибегоша бьени от татар близ реки, еи же имя Яик» [ПСРА т. 1, стб. 453], но и на этот раз Булгар устоял. В 1232 г. опять монгольское нашествие, но уже с остановкой в пределах Булгара на зимовку — «Приидоша татарове и зимоваша не дошедше Великаго града Болгарьскогого» [ПСРА т. 1, стб. 459]. Несмотря на то что русские летописи зафиксировали только эти два эпизода, есть основания считать, что монголы практически ежегодно пробовали на прочность оборону повожских городов-государств — обоснование большой войны против Булгара и прочих городов и народов Поволжья и Прикаспия на курултае 1235 г. звучит именно как необходи-

¹ Т. е. сдаться на милость.

мость завершения постоянных усилий корпуса Субэдэя¹ по завоеванию этих земель («Субеестай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов... Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет... Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих» [16, с. 191—192]), а у арабского автора конца XIII в. Ибн Василя есть упоминание о том, что «в 627 году (1230 г.) вспыхнуло пламя войны между Татарами и Кипчаками» [48, с. 73]. Великий западный поход 1236 г. монгольской армии во главе с Бату стал уже последней точкой в этой цепи нападений монголов.

В Закавказье и вообще в западной части бывшего государства хорезмшахов с конца 20-х годов XIII в. оперировал корпус Чормаган-нойона [79, с. 169]. В Армении его первое появление зафиксировано в «Летописи Себастици» под 1229 г. [5, с. 24]. По сообщению ан-Насави, допросившего в 1231 г. монгола, прибывшего с посланием от Чормагана, перед выступлением в Закавказье Чормаган провел смотр войск в Бухаре, по результатам которого в реестр монгольских войск было вписано 20 000 человек; кроме того, в состав корпуса вошло местное ополчение неизвестной численности [23, с. 272]. С такой армией Чормаган к 1236 г. установил власть монголов в Армении и Грузии.

Поначалу вторжения монголов на Кавказ были вызваны борьбой с хорезмшахом Джелал ад-Дином, но после его гибели в августе 1231 г. задачей корпуса Чормагана и присоединившихся к нему нескольких туменов Чагатая¹⁰ стало окончательное завоевание Грузии, Армении и Азербайджана. Киракос Ганзакецци описал всю последовательность его действий: «Войска во главе с Чармагун-ноином, выступившие на восток против султана Джалаладина, владевшего Хорасаном и окрестными областями, разбили и изгнали его вместе с войском. И обратили в бегство... Они постепенно разорили всю страну персов, Атрпаракан, Дейлем, по порядку обчистили все... Захватили и разорили также большие, великолепные,

¹ Позже его сменил Кукдай (Кокошай) на посту командира этого корпуса, когда Субэдэя отозвали в Китай на войну с Цзинь.

изобилующие всем города Рей и Исфахан... И вот пришли они со всем своим имуществом и множеством войск, достигли страны Агванк¹ и плодородной и плодородной долины, называемой Муганской» [14, с. 153—154]. В 1236 г. монголы Чормагана напали на Гандзак^{II}, «они окружили город со всех сторон и, навязав бой, сражались с помощью машин»; после чего, разрушив стену города, они ворвались внутрь его и «пустили в ход мечи и всех предали мечу: и мужчин, и женщин, и детей» [14, с. 154—155]. Подобные нашествия постигли и остальные области — Карс, Ани и Лори [5, с. 34].

Происходившая в Грузии междоусобица и неумелое управление царицы Русудан^{III} сильно облегчили покорение страны, которая была захвачена всего за один год. Летопись XIII в. отмечает: «В году 685 (1236) [захватили]^{IV} неприступную крепость, называемую Каен, затем город Лори, и столицу Армении — Ани, и многие другие области, и все земли Армении; неприступные крепости, пещеры, непроходимые леса были захвачены [татарами] за один год, и было истреблено несметное число мужчин, женщин и детей» [5, с. 71].

Пройдя огнем и мечем земли Грузии и Армении, монголы некоторое время откармливали коней и отдыхали в «плодородных полях Арана, то есть Мугана» [5, с. 90]. Через некоторое время они двинулись в Малую Азию, но в начале похода, в 1242 г., сменился их предводитель — Чормагана заменил Бачунойон [5, с. 26]. Его войска осадили г. Карин и взяли его после двухмесячной осады. На следующий год они нанесли сильное поражение войску сельджукского султана Гияс-ад-дина Кей-Хосрова II при Чманкатуке и «захватили Ерзнка, Себастию и Кесарию» [5, с. 35]. В течение последующих двух лет монголы производили рейды в Румийский султанат, оставшийся беззащитным после гибели его войска при Чманкатуке, а также начали прощупывать приграничье халифата: «В году 693 (1244) татары дошли до ворот Халеба и захватили город Багеш. В году

¹ «Кавказская Албания», совр. Азербайджан, Карабах и Армения.

^{II} Совр. Гянджа.

^{III} Она мало занималась делами, вместо нее управлял атабек Иванэ [14, с. 293].

^{IV} Монголы.

694 (1245) татары завоевали земли Багдадского халифа» [5, с. 35].

Деятельность корпуса Чормагана и Бачу можно подытожить следующим образом: он укреплял власть монголов на завоеванных землях Закавказья и Передней Азии, а также проводил разведку боем в двух направлениях — на границах халифата и Румийского султаната сельджуков в Малой Азии. При Бачу-нойоне политика монголов в Закавказье к концу 40-х годов стала гибче, они сумели договориться с местными феодалами на условиях монгольского сюзеренитета, при сохранении прав феодалов внутри своего владения (монголы стали выдавать им ярлыки на владения и золотые пайцзы в знак признания их внутривластной самостоятельности), выплаты ежегодной дани и выставления ими вспомогательных войск¹ [79, с. 176—178]. Для будущей большой войны 1256—1258 гг., в ходе которой был уничтожен Багдадский халифат, все это оказалось весьма полезным делом.

На самом востоке империи монголы начали присматриваться к Корее. В 1231 г. Корее был представлен ультиматум, а потом начались военные действия. Формальным поводом к войне было убийство в 1225 г. монгольского посла Чжу Чу-юя, который возвращался с ежегодной корейской данью [167, с. 151]. Монголы пять лет не предпринимали действий против Кореи, но после воцарения Угэдэя, в рамках принятой стратегии по окончательному покорению Северного Китая, было принято решение покончить с самостоятельностью государства Корё, а не просто получать от него дань. В ультиматуме Угэдэя, направленном корейцам, помимо предложения (наказания за убийства посла), прочитывались и настоящие устремления монголов: «Мы, татары, собираем все народы, окружающие нас с четырех сторон, мы также собираем народы, которые еще не покорились» [там же]. Таким образом, в условиях последнего этапа войны с Цзинь монголы пришли

¹ Вспомогательные армянские и грузинские войска участвовали вместе с войском Хулагу в завоевании халифата, а в феврале 1258 г. армянский князь Прош Хакбакян по поручению хана Хулагу даже вел переговоры с халифом Мустасимом во главе делегации монгольских послов.

к выводу о необходимости иметь в тылу Корею, полностью лишенную самостоятельности, которая бы безропотно пополняла ресурсы монгольской империи.

В сентябре 1231 г. в Корею был послан корпус под командованием Саритай-хорчи. По сведениям ЮШ, «было взято свыше 40 городов» [55; цз. 2, с. 11], но далеко не все города оказались легкой добычей — героически сражались защитники Чхэльджу (совр. Чхольсан), которые погибли все до единого, а крепость Кучжу (совр. Кэсон) монголы не смогли взять за 30 дней постоянных атак и ушли от нее [167, с. 153—154]. В полевых сражениях монголам везло больше — при Тонсонёк (совр. Понсан) 8-тысячный отряд монголов разбил основные силы корейской армии [там же]. Монголы вторично подошли к Кучжу, но, несмотря на применение 28 катапульта, так и не смогли ее взять. Получив подкрепления, Саритай решил попробовать опять разбить корейцев в поле, что ему и удалось. У Апбуксона армия Корё была разгромлена (монголам удалось ее окружить и уничтожить), а монголы в третий раз приступили к осаде Кучжу. Пока эту крепость осаждал выделенный отряд монголов с 30 катапультами, основная часть войск Саритай в декабре 1231 г. подошла к корейской столице Кэгён [там же]. Запаниковавшие правители Корё согласились заключить мир на монгольских условиях — передать огромную дань золотом, серебром, тканями, одеждой и лошадьми. Кроме того, «Саритай на свою ответственность учредил должности и поставил на них [людей], распределив [обязанности] по умиротворению этих земель» [55; цз. 2, с. 11], т. е., по сути, расставил монгольских наместников. Корейское правительство начало собирать дань и по требованию монголов приказало сдать так и не взятую монголами крепость Кучжу.

Выплату всего объема дани корейцы не смогли осуществить, и монголы опять направили в Корею Саритай с карательной миссией, но он «погиб от случайной стрелы» [55; цз. 2, с. 11]. Тем не менее монголы добились своего — Корё признала верховенство каана Угэдэя, согласилась направить к нему заложников, членов королевской семьи, и выплачивать дань.

Выплатив дань, корейцы не спешили послать заложников, что стало причиной нового карательного похода — в 1236 г. Вообще же, монголы приняли за правило отправлять в Корею карательную экспедицию каждый раз, когда нарушались сроки подачи дани или не выполнялись приказы монгольского каана. По некоторым данным, за последующие 25 лет в Корее было убито, угнано в рабство, умерло от бедствий войны 1 587 000 человек [167, с. 161].

Все рассмотренные выше действия монголов в итоге оказались в определенном смысле разведкой и прелюдией больших войн последней волны монгольской экспансии при Угэдэе, Гуюке и Мэнгу-каане: Великого западного похода Бату (и с ним еще десятка чингизидов) на Русь и Восточную Европу; войны за Ближний Восток и создание ильханата Хулагу; начала войны Мэнгу-каана с Сун, закончившейся окончательным покорением всего Китая уже при его брате Хубилае.

§§ 18.2. Сокрушение Цзинь.

Первые операции против Сун

Смерть Чингисхана приостановила крупные операции монголов против Цзинь. Но мириться с чжурчжэнями новый каан не собирался — прибывшим осенью 1229 г. с просьбами о мире цзиньским посольствам было в нем отказано. Даже траурные подношения посла Агудая были отвернуты Угэдэем, который так заявил цзиньскому послу: «Твой хозяин долго не покорялся, вынуждал прежнего, старого, государя вступать в сражения, могу ли я забыть [это] и для чего [эти] траурные подношения!» [55; цз. 2, с. 10]. Но начало боевых действий было отложено на год — только осенью 1230 г. «император лично повел войска в карательный поход на юг, младший брат императора Толуй и сын брата императора Мэнгу вели войска вместе с ним» [там же]. Некоторые исследователи считают, что общее командование войсками осуществлял Субэдэй (см. [75, с. 125]), хотя на самом деле в биографии Субэдэя в ЮШ его статус в кампании 1230—1231 гг. определен двусмысленно. С одной стороны, он действует вместе с Толуем (который по сообщению в «Основных записях» ЮШ и командовал армией),

но с другой — он еще в 1229 г. руководит неудачной попыткой взять Тунгуань и планы сражений в 1230—1231 гг. принадлежат ему, а в 1232 г. Субэдэя император и вовсе «оставил руководить всеми делами армии» [56; цз. 121, с. 2977]. При этом китайские военные историки называют Толуя руководителем южной группы монгольских войск, действовавших в Шэньси, Сычуани и Хэнани в 1231—1232 гг. [211, с. 144]. Скорее всего, Толуй в 1230 г., как это сообщает ШУЦЧА, был в северной группе войск вместе с Угэдэем, а к Тунгуани пробивались войска отдельного корпуса под командованием Субэдэя. После неудач на юге Субэдэй стал заместителем у Толуя (ставшего командующим южной армией, в которую включили корпус Субэдэя), поэтому в кампании 1231 г. Субэдэй был при нем на вторых ролях в качестве советника, и только летом 1232 г. он принял обратно командование от заболевшего Толуя.

По плану кампании 1230 г. наступление монголов должно было развиваться в двух направлениях — на Шаньси и Шэньси. Через Шэньси можно было проникнуть в Сычуань, а оттуда через земли Сун выйти к Кайфыну (тогда называвшемуся Бянь или Бяньлян), чтобы ударить по нему с юга. Первая часть плана удалась полностью, а вторая нет — сунцы отказались пропустить через свои земли [75, с. 125]. Монголам пришлось с боями двигаться на Кайфын вдоль сунской границы к Тунгуань, и дело кончилось неудачей — в декабре 1230 г. монгольские «войска наступали на горные заставы Тунгуань и Ланьгуань, но не овладели [ими]» [55; цз. 2, с. 10]. Зато на севере войска Толуя и Мэнгу осенью того же года «заняли Тяньчэн и прочие крепости, а затем переправились через [Хуан]хэ и атаковали Фэнсян», а в декабре были взяты Тяньшэн и Ханьчэн [там же].

В начале 1231 г. пал осажденный Фэнсян, а в феврале монголы заняли Лоян [28, с. 197], Хэчжун¹ и прочие города [55, цз. 2, с. 11]. После этого Угэдэй, спасаясь от летней жары, вернулся в Гуншань (к северу от ущелья Цзюйюн, см. [28, с. 197]), а войска остались под командованием Толуя, который принял также под свое начало корпус Субэдэя и направился в

¹ Совр. г. Юнцзи в Шаньси.

Баоцзи [там же]. Выйдя из Баоцзи, армия Толуя весь год пробивалась с боями через пограничные с Сун земли к Кайфыну, чтобы выйти к нему с юга: поскольку пройти самой короткой дорогой через заставу Тунгуань севернее хребта Циньлин монголам никак не удавалось, они решили выйти на юг Хэнани через горные проходы южнее этого хребта. Поскольку монголам не удалось договориться о союзе с Сун, они встретили сопротивление сунских войск, когда вторглись в Янчжоу¹, где опустошили несколько городов [211, с. 144]. Пройдя через Синьюань², монголы переправились через р. Цзяилинцзян и достигли Люеяна в Сычуани, в ходе боев с сунцами (но еще чаще войска Сун просто разбежались) было взято или разорено более 140 населенных пунктов Сун [там же]. К декабрю 1231 г. армия Толуя достигла округа Шицюань, откуда намеревалась продвигаться к Кайфыну.

Переправившись в декабре через р. Ханьцзян, монголы продвигались к Аньтану, когда цзиньцы решили дать им бой во время их переправы через Ханьшуй. Для этого цзиньский император Ай-цзун направил навстречу монголам армию под командованием Ваньянь Хэда и Ила Пуа, которые разместили цзиньскую армию в Дэнчжоу³, чтобы дожидаться переправы монголов через Ханьшуй и внезапно атаковать их. Но монголы переправились раньше, поэтому цзиньцы отряда Ваньянь Хэда отошли к Шуньяну⁴, а Ила Пуа принял решение сразиться у горы Юйшань⁵, разместив перед ней пехоту, а за горой конницу. Монголы, разведав ситуацию, смогли окружить цзиньцев и разбить их [211, с. 144].

Выйдя к горе Саньфэншань⁶, монголы Толуя и Субэдэя окончательно уничтожили армию Ваньянь Хэда и Ила Пуа. В биографии Субэдэя это сражение, произошедшее в феврале 1232 г., описывается следующим образом: «Цзиньские солдаты

¹ Совр. уезд Янсянь в Шэньси.

² Совр. г. Ханьчэн.

³ Совр. уезд Дэсянь.

⁴ В районе Сичуань в Хэнани.

⁵ Юго-западнее г. Наньян в Хэнани.

⁶ В уезде Юйсянь в Хэнани, «гора Трех пиков» по-китайски.

были охвачены несколькими кольцами окружения. Случилось так, что учинились великие ветер и снег, и их [цзиньцев] солдаты и командиры стали коченеть и валиться, войска [монголов], воспользовавшись этим, перебили и перерезали [их] почти полностью. От этого цзиньская армия не была в состоянии оправиться» [56; цз. 121, с. 2977]. По сведениям «Основных записей» ЮШ, Ила Пуа был взят в плен в этом сражении [55, цз. 2, с. 11]. Войска же Ваньянь Хэда были оттеснены к Цзюньчжоу, который был взят монголами, а Ваньянь Хэда попал в плен [там же].

Поздней осенью 1231 г., после возвращения к войскам Угэдэя, боевые действия южнее Хуанхэ возобновила северная группировка монголов. Угэдэй выступил из Хэчжуна, в начале 1232 г. переправился через Хуанхэ у Хэцина^I [211, с. 145]. Двигаясь на юг, армия Угэдэя соединилась в конце февраля 1232 г. с армией Толуя в окрестностях Саньфэншань, уже после разгрома там армии цзиньцев [55; цз. 2, с. 11], видимо, где-то в районе Танхэ. Путь к Кайфыну был теперь открыт, поэтому, двигаясь на север, к Чжэнчжоу, соединенная монгольская армия направилась к Южной столице Цзинь. Осада Кайфына (бывшего тогда Южной столицей Цзинь) была поручена Субэдэю: «В третьей луне^{II} было приказано Субэтаю и другим осадить Южную столицу... Император вернулся назад, оставив Субэтаю охранять Южную столицу» [55; цз. 2, с. 11]. Монголы осаждали город почти год, только «весной... [в день] у-чэнь^{III}, цзиньский командующий Запада Цуй Ли убил наместника Ваньянь Нушэнь [вместе с] Ваньянь Синеабу и сдал Южную столицу» [там же]. Император Цзинь был вынужден бежать, в начале марта он находится южнее, в Гуйдэфу^{IV}. Там он пробыл до июля, после чего перебрался со двором в Цайчжоу^V, где и разместилась последняя столица Цзинь.

^I Совр. г. Мэицзянь в Шаньси, на противоположной от него стороне Хуанхэ находится Лоян.

^{II} 24 марта — 21 апреля 1232 г.

^{III} 15 февраля 1233 г.

^{IV} Совр. г. Шанцзю в Хэнани.

^V Совр. г. Жунань пров. Хэнань.

Весь 1233 г. монголы устанавливали свой контроль за остатками империи Цзинь — в руках у чжурчжэней оставался единственный город Цайчжоу, куда собрались последние верные императору войска. В августе 1233 г. Цайчжоу был осажден монголами Тачара [55; цз. 2, с. 11]. Это была пока только блокада — в это время основные силы монголов усмиряли Ляодун, который окончательно был ими покорен только в этом году. После подавления сопротивления в Ляодуне весь Северо-Восточный Китай оказался под контролем монголов [124, с. 71]. Тогда же было наконец заключено соглашение с Сун о союзе и разделе земель Цзинь — сунцы с юга выступали к Цайчжоу, а после взятия его им передавалась Хэнань.

В конце 1233 г. сунцы подошли к Цайчжоу и совместно с монголами приступили к его осаде. Незадолго до последнего штурма император Цзинь отрекся от престола: «Весной, в начальной луне года цзя-у¹, 6-го [от установления правления], владетель Цзинь^{II} передал престол отпрыску императорского рода Чэнлиню» [55; цз. 2, с. 12]. Последовавший вскоре совместный, осуществлявшийся монголами и сунцами, штурм увенчался успехом, Цайчжоу был взят, солдаты «захватили Чэнлиня и убили его», а отрекшийся император Ниньясу «повесился и [тело его] было сожжено» [там же]. Победители, каждый по-своему, отпраздновали окончательную победу над давним и могущественным врагом: «Сунские солдаты взяли останки цзиньского владетеля и с ними вернулись домой^{III}. [Империя] Цзинь пала. Той же весной собрались все ваны^{III}, пировали и стреляли из луков на реке Орхон» [там же]. Неприкрытое злорадство монголов по отношению к своему страшному врагу слышится в эпитафии Цзинь, написанной автором «Сокровенного сказания» по этому поводу: «Огодайхан ниспроверг Алган-хана и дал ему новую кличку — Сяосы, т. е. половой, прислужник» [16, с. 193]

В 1234 г. с Цзинь было покончено. Весь север Китая (север-

¹ 31 января — 1 марта 1234 г.

^{II} Цзиньский император Ниньясу.

^{III} Монгольские царевицы.

нес Янцзы) принадлежал монголам. У них теперь оказались развязаны руки для новых больших войн. Уже на следующий год был собран курултай, который принял большую программу завоеваний и карательных экспедиций — в Европе, Китае с Кореей и на Кавказе. А на самом юге империи монгольские отряды начали действовать против Сун сразу после падения Цзинь. Дело в том, что, понадеявшись на союзные договоренности с монголами, сунский император Ли-цзун решил получить плату за союз — он направил войска для занятия Гуаньчжуна (совр. провинция Шэньси), помимо уже занятой Хэнани. Войска Сун летом 1234 г. заняли Лоян. Узнавшие об этом монголы сначала уничтожили отряд сунцев, направлявшийся в Лоян, а потом вынудили другие южнокитайские части покинуть город. В это же время монголы открыли плотины на Хуанхэ, чтобы повысить уровень озера Цуньцуньдянь и затопить сунскую армию у Кайфына — в этом потоке утонула почти вся армия китайцев. Так сунцы потеряли все свои приобретения от войны против Цзинь на стороне монголов и все их жертвы, понесенные в ней, оказались напрасными.

Возможно, что почти бескровный захват Хэнани у сунцев привел монголов к выводу о возможности войны за юг Китая — уже осенью 1234 г. Угэдэй отправляет пробную экспедицию в Сычуань под командованием Тагай-гамбу [55; цз. 2, с. 12]. Ну а на курултае 1235 г. Южный Китай был назван среди прочих объектов дальнейшей экспансии. Для ее осуществления весной 1235 г. было выделено два корпуса — один, под командованием царевича Кодана¹, отправлялся укрепить власть монголов в Хэнани, а другой, под командованием царевича Кучу² и Шиги-Хутуху, направлялся против Сун, в Хубэй [55; цз. 2, с. 12]. Войска Кучу и Шиги-Хутуху прошли через округ Дэнчжоу³ в Хубэй, разорили округ Сянъян, напали и разрушили Цзаоян, после чего осадили Инчжоу⁴ [55; цз. 2, с. 12]. Последний оказал упорное сопротивление, и монголы

¹ Второй сын Угэдэя.

² Третий сын Угэдэя.

³ Уезд Дэнсянь в пров. Хэнань.

⁴ Город Чжунсян в пров. Хубэй.

ушли обратно, предварительно захватив награбленное добро и «несколько десятков тысяч людей, коней, скота» [там же].

Из похода 1235 г. монголы извлекли надлежащие уроки и перешли к тактике изматывающих набегов. В 1236 г. они последовательно провели несколько рейдов: в феврале на округа Мянчжоу^I и Даань^{II} в Шэньси; в апреле в Хубэй, где взяли Сянъян, который им сдали сунские полководцы, и округа Суйчжоу^{III} с Инчжоу; а осенью было еще три набега — на юг Хэнани (уезд Гуши, округа Гуанчжоу, Цичжоу и Шучжоу), в центральный Хубэй и на юг Шэньси, откуда добрались до Чэнду в Сычуани. Осенью следующего, 1237 года, повторился набег в Хубэй, причем по тем же самым округам, что и в 1236 г. Продолжались также набеги в Хэнани, где был взят Гуанчжоу^{IV}, были проведены рейды в Аньхуй и Сычуань (как продолжение рейда в Хубэй). Но в этих последних монголам не удалось их попытки захватить хорошо укрепленные города Хуанчжоу^V и Аньфэн.

Два года такой «малой войны» принесли результат — в конце 1237 г. «Сун устрашилась и запросила перемирия, тогда [войска] вернулись» [55; цз. 2, с. 13]. Весной 1238 г. мир был подписан, Сун обязалась платить ежегодную дань в размере 200 тыс. слитков серебра и 200 тыс. кусков шелка. В основном это соглашение выполнялось, например, когда летом того же года «бецзян^{VI} Лю И в Сянъяне возмутился, арестовал Ю Сяня с прочими и перешел к Сун, Сун опять взяла Сянъян» [55; цз. 2, с. 13], то монголы не стали вмешиваться и возвращать захваченное сунцами. И позднее, в 1240-х годах, когда в монгольской империи начались периоды междуцарствия, центральной власти в Каракоруме было не до планов завоеваний. Поэтому походы монголов 1242, 1245 и 1246 годов на несколько областей Сун были, скорее всего, инициативой местных мон-

^I Совр. Люоян.

^{II} Совр. Нинцзян.

^{III} Совр. Суйсянь.

^{IV} Совр. г. Гуаньшань.

^V Совр. г. Хуанган в Хубэе.

^{VI} Воевода округа.

гольских военачальников. Самым крупным из них был рейд трех туменов в Хуайси¹ в августе 1245 г. И только после 1251 г. монголы начнут полномасштабную войну на захват Сун.

§§ 18.3. Великий западный поход — Булгар, Русь и Восточная Европа

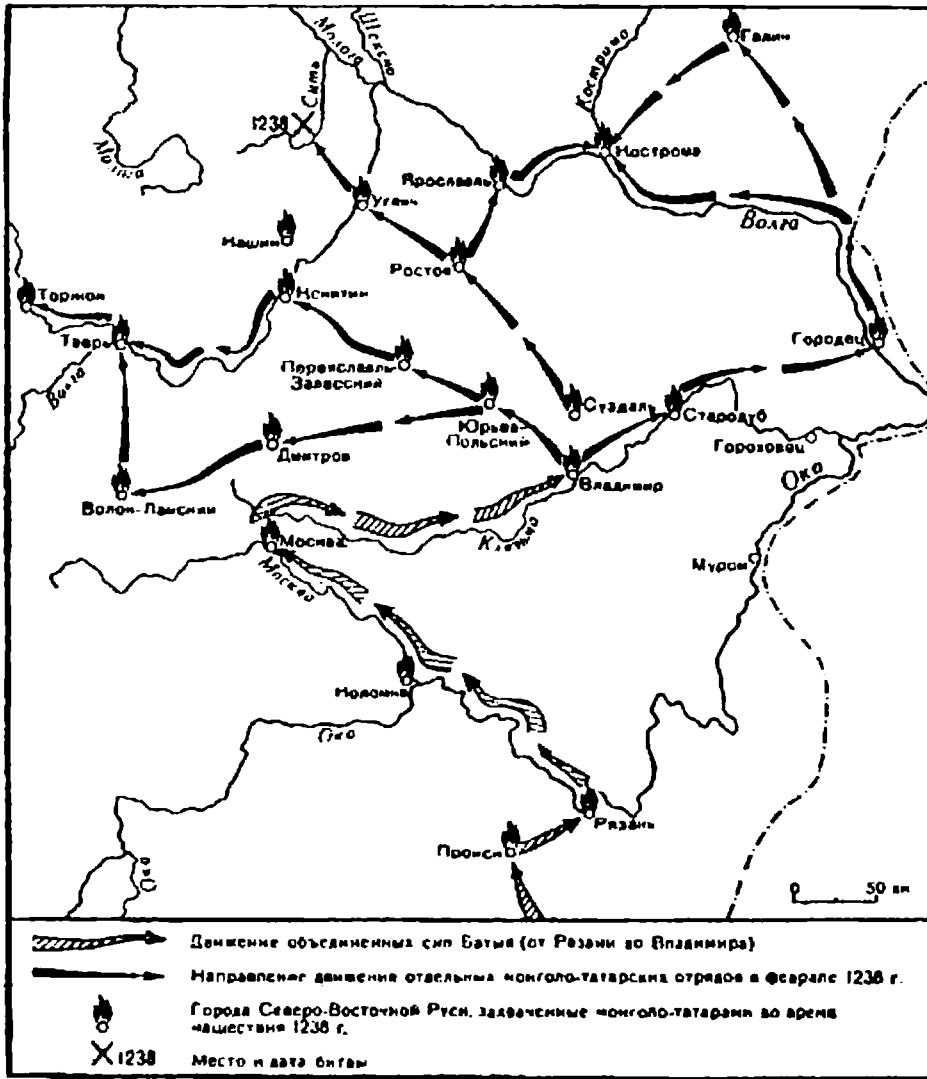
Этот поход начался с разгрома Булгара и владений при-волжско-уральских народов: саксинов, мордвы, суваров^{II}, вотяков^{III} и других. Принятие решения о нем известно в передаче нескольких источников, приведем текст Джувейни: «Когда каан (Угетай) во второй раз устроил большой курилтай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [49, с. 22]. Численность войск монголов для этого была определена выше: 120—140 тысяч человек, включая корпус Субэдэя и Кукдая.

Осенью 1236 г. началось наступление этой армады на Великий Булгар: «Тое же осени, придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славнии Великый город Болгарьский и избиша оружием от старца и до уного и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их ножгоша огнем, и всю землю их плениша» [ПСРА т. 1, стб. 460]. «Вся земля» Булгара — это города Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар и другие [198, с. 191]. О том же пишет Джувейни: «Сначала они [царевичи] силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его [частью] убили, а [частью] пленили» [49, с. 22]. Покончив с ними, монголы занялись покорением других народов Поволжья и Прикамья — башкир, мордвы, буртасов и прочих. По свидетельству очевидца, венгерского монаха Юлиана, события развивались следующим образом: «Обратившись к

¹ В пров. Аньхуй.

^{II} Предки чувашей.

^{III} Предки удмуртов.

Карта-схема кампании монголов Батия в 1237/38 г. в Северо-Восточной Руси

западу [монголы] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией¹, взяли также 60 весьма укрепленных замков» и «кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов» [4, с. 86]. Сопротивление монголы встречали разной силы, в одних случаях его не было, а в других было весьма ожесточенным: «Один князь со всем народом и семьей покорился владыке Татарии, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» [4, с. 85—86]. Как сообщает Карпини, часть саксинов сражалась очень упорно и их сопротивление так и не удалось подавить до конца [12, с. 57—58].

¹ Т. е. Саксин и Булгар.

В Поволжье, по данным РД, действовали тумены Джучидов, царевичей домов Чагатая и Угэдэя, а также сына Чингисхана Кулькана [39, с. 38]. Другое крыло монгольского войска составляли корпусы Мэнгу и Гуюка — они действовали против половцев и аланов, в направлении от Нижней Волги вдоль берегов Каспия к степям Северного Кавказа и устью Дона [97, с. 72—73]. В этой «облаве» монголы сумели в основном завершить покорение кипчакских (половецких) родов Прикаспия — отметим, что в 1240 г. автор СС называет весь поход 1236—1240 гг. «Кипчацким», что указывает на значимость для монголов действий именно против половцев. Но полностью покорить всех кочевников приволжских степей им не удалось — самым красноречивым доказательством этого считается борьба монголов с отрядами кипчака Бачмана. Правда, многие исследователи, вслед за туманной датировкой у РД, считают, что борьба монголов с Бачманом, руководителем этого половецкого сопротивления, относится к 1237 г., но до похода на Русь осенью того же года. Однако Джувейни, писавший всего через 20 лет после событий, относит действия по уничтожению отряда Бачмана на период после этого: «Когда каан (Угетай) отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других, (когда) все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кипчакскими негодьями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удальцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов» [49, с. 24]. Рассказ о Бачмане¹² вынесен Джувейни отдельно от рассказа о событиях покорения Булгара и похода на Русь. Рашид ад-Дин, использовавший текст Джувейни в своем описании Великого западного похода, вполне мог попытаться датировать этот рассказ годом покорения Булгара и кипчаков, исходя из своей задачи связать в единое целое все фрагменты книги Джувейни, которые относились к Булгару и кипчакам. Поэтому более вероятным представляется, что действия против Бачмана, пот-

ребовавшие привлечения туменов Мэнгу и Бучека, относятся к 1238—1239 гг., когда происходило подавление монголами восстаний мордвы и кипчаков.

После поражения болгар, мордвы, суваров, башкирдов, буртасов, марийцев и кипчаков войска Бату или смогли увеличить свою численность за счет перешедших на их сторону, или по крайней мере компенсировали свои потери. Об этом сообщает Фома Сплитский: «Потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов. Сначала они окружили... Суздаль» [51, с. 104] (здесь речь идет о событиях 1237 г., так как Суздаль монголы взяли в начале февраля 1238 г.). Подобная практика стала у монголов регулярной — после «Батыева побоища», перед последним их походом на Русь осенью 1240 г. и затем в Венгрию и Польшу они сделали новые наборы воинов из покоренных народов¹. В общем, к осени 1237 г. монголы были готовы продолжить свои завоевания.

Вот так, вслед за Булгаром и кипчаками, наступила очередь Руси. «Батыево побоище» или монгольский погром Руси 1237—1240 гг. — это постоянная тема исследователей русской истории, которая отныне навсегда поделена на «домонгольскую» и всю остальную. К сожалению, письменных источников о ходе монгольского нашествия немного — это русские летописи, несколько чудом уцелевших произведений древнерусской литературы, записки европейских путешественников (видевших результаты нашествия и передавших рассказы уцелевших в нем) и фрагментарные упоминания о нем у восточных авторов (Джувейни, Рашид ад-Дин, СС и ЮШ). Благодаря археологии и краеведению их данные можно дополнить, иногда существенно, но приоритет в определении хронологии и описания политических и военных событий остается за письменными источниками.

Исходя из вышесказанного, «Батыево побоище» реконструируется большинством исследователей следующим образом:

¹ Об этом ниже.

осенью 1237 — весной 1238 г. произошло первое вторжение монголов на Русь, охватившее ее северо-восточные и частично западные земли; поражение военных сил этих княжеств и разрушение их основных центров привели к полной катастрофе общерусской обороны, исчезла даже потенциальная возможность противостоять врагу; в течение 1238 г. монголы больше заняты утверждением своей власти над кипчаками, мордвой и аланами, окраинные русские княжества попадают под удар только в связи с действиями против этих народов или в результате обычных набегов для грабежа; в 1239 — начале 1240 г. основные силы монголов заняты на Кавказе, нанесен удар только по южным русским княжествам (Переяславскому и Черниговскому), потенциальной фланговой угрозе для монгольских армий, а также разведана оборона оставшейся пока целой богатой Киевской земли; осенью 1240 г. последнее нахождение Батыея на Русь, окончательно завоевываются юго-западные земли Руси перед походом дальше на запад Европы. Ниже рассмотрим эти события подробнее.

После разгрома Булгара туменами Бату и подхода к ним корпуса Мэнгу состоялся курултай и, «по общему соглашению, пошли войной на русских» [39, с. 38]. К осени 1237 г. монголы сосредоточили свои силы в двух основных районах — в низовьях реки Воронежа и на южных границах Рязанского княжества («Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дон, близ замка Воронеж (Ouehctuch), также княжества русских» [4, с. 86]). Это сосредоточение не могло остаться незамеченным — тот же Юлиан, летом 1237 г. ушедший из Суздаля, сообщает, что в Суздале знали о намерениях монголов — «они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением зимы замерзли, после чего всему множеству монголов легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских» [4, с. 86]. В. Н. Татищев приводит данные о том, что бояре

суздальского князя, получив сведения о татарах от беженцев из Булгара, советовали князю «чтоб города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татара придут на землю его» [46, с. 230]. Таким образом, трудно говорить о внезапности нападения — стратегической внезапности и быть не могло, разве что была надежда на то, что именно в эту зиму монголы не начнут — по некоторым сведениям зима 1237 г. была суровой и началась рано, поэтому имелись основания надеяться, что монголы не рискнут напасть зимой, опасаясь бескормицы для коней. Кроме того, с ними пытались еще и договориться — точнее, откупиться, как это делалось с прочими кочевниками, находившими на Русь. Но эти ожидания не только не оправдались, но, видимо, еще и притупили бдительность русских князей.

Пока монголы находились на исходных позициях, встревоженные русские княжества искали способ договориться — видимо, монголы заранее послали к ним требования дани или «десятины». В «Повести о разорении Рязани Батыем» сказано: «Присла на Резань к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы безделны, просяще десятины въ всем: во князех и во всяких людех, и во всем» [30, с. 184]. Несмотря на явно неприемлемое требование отдавать людей и следовать воле монголов «во князех», собравшийся в Рязани совет рязанских, муромских и пронских князей не пришел к однозначному решению воевать с монголами — монгольские послы были пропущены в Суздаль, а к Батыю отправлен с посольством сын рязанского князя Федор Юрьевич «з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли» [там же]. Несмотря на отсутствие сведений об этом в других летописях¹³, надо признать большую достоверность сообщений памятника собственно рязанского происхождения.

Из указанных мест сосредоточения монголы выступили по направлению на Рязань, местом соединения всех сил была река Онуза (ср. в Тверской летописи и Новгородской 1-й — «сташа о Нузле» [ПСРА т. 15, стб. 366], «река Узла» у Татищева [46, с. 231]), видимо, «в районе среднего течения рек Лесной и Польшьей Во-

ронезж» [97, с. 84]. Находившийся там проход в сплошных лесах выводил монголов «безвестно на Рязаньскую землю лесом» [ПСРА т. 15, стб. 366], т. е. по притокам р. Прони на Рязань. Видимо, именно туда прибыл рязанский князь Федор Юрьевич. Но его посольство закончилось трагически — он был убит вместе со всеми своими людьми по приказу Батыя. «Повесть о разорении Рязани Батыем» видит причину этого в том, что князь отказался дать «рязаньских князей тщери или сестры на ложе», это вполне правдоподобно — монгольские ханы часто требовали и получали (как уже упоминалось в рассказе о войнах с чжурчжэнями и тангутами) знатных принцесс из домов правителей покоренных народов в виде своеобразного знака заключения соглашения о мире и подчинении (ср. высказывание Чингисхана: «[Величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, [в том, чтобы] сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, [в том, чтобы] превратить животы его прекраснотелых супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!» [38, с. 265]). Но тут, возможно, сыграло свою роль и другое обстоятельство — отправив посольство к монголам, рязанцы одновременно стали выдвигать свое войско навстречу им: «Князи же Рязаньстии, Юрий Иньгваревичь и брата его Олег и Роман Иньговоровичи, и Муромские князи и Проньские хотеша с ними¹ брань створити, не выпусючи в свою землю, и выидоша противу них в Воронож» [ПСРА т. 15, стб. 366]; и послали за помощью в другие княжества — во Владимир и в Чернигов (черниговский князь Михаил Всеволодович отказал в помощи, потому что «резанские с ними на Калк не пошли» [46, с. 232]).

Поэтому Батый решил опередить рязанцев и, упредив возможное соединение последних с суздальцами, первым двинулся на них. Где-то «близ придел² резанских» вся мощь

¹ Монголами.

² Т. е. пределов.

монгольского войска обрушилась на рязанские войска. Судя по всему это было кровопролитное и упорное сражение — рязанские, пронские и муромские дружинники были умелыми воинами русского пограничья (автор «Повести о разорении Рязани Батыем» называет рязанцев «господством», т. е. дружинниками, чье умение удивило монголов: «бьяшеся, яко всем полком татарьским подивитися крепко и мужеству резанскому господству»), они так «храбро и мужественно» сражались, что «едва одолеша их сильныя полкы татарскыя», но при этом почти все рязанское войско погибло — «многая князи месныя и воеводы крепкыя, и воинство: удалцы и резвцы резанския, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша, ни един от них возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша» [30, с. 188]. После этого сражения, разоряя села и небольшие грады («град Пронск, и град Бел[город], и град Ижеславецъ» [30, с. 188]), монголы подошли 16 декабря 1237 г. к Рязани (ныне городище Старая Рязань, в 48 км вниз по Оке от современной Рязани, тогда называвшейся Переяславлем Рязанским), расположившейся на берегу Оки, в 4 км от впадения в нее р. Прони. Под Рязанью было собрано все монгольское войско — там уже был и корпус Мэнгу, его усилия по взятию города отмечают и РД и ЮШ. Как пишет Рашид ад-Дин: «Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан и в три дня¹ взяли его» [39, с. 38], при этом «[Мэнгу] вместе с чжуваном Бату... дошел до города Рязань², самолично сражался врукопашную и сокрушил его [город]» [55; цз. 3, с. 15]. Рязань подверглась непрерывному обстрелу камнеметами и огненными припасами в течение пяти дней: «овии с огни, а ини с пороки» [30, с. 190]. Для сборки камнеметов имелось все необходимое — в соединенном войске монголов было достаточно специалистов из Китая и Тангута (так, «Сили Цзяньбу, человек из тангутов... сопровождал чжувана Бату в походе на русских.

¹ По русским летописям — за пять-шесть дней.

² В тексте ЮШ Е-ле-язань, транскрипция звуков «Е-ре-зань», т. е. «Резань», так как этимологию названия «Рязань» исследователи связывают с названием родового подразделения моравы эрзья/эрзань, территории которой как раз и осваивали русские колонисты Муромо-Рязанской земли.

Дошли до города Рязань, сильно сражались 7 дней и захватили его» [55; цз. 122, с. 1327]), а русские леса в изобилии снабжали монголов древесиной для сборки осадных орудий. На шестой день, 21 декабря 1237 г., последовал решительный штурм города, Рязань пала, ее защитники и почти все население были перебиты, а город уничтожен: «Пожгоша весь и князя их Юрья убиша и княгиню его, а иных же емше — мужей, и жены, и дети, и черныца, и черницъ, и ерея, овы рассѣкаху мечи, а други — стрелами стреляхуть и в огонь вметаху, инья имающа, вязаху, и поругание черницам, и попадаям, и добрым женам, и девицам пред матери и сестрами» [ПСРА т. 1, стб. 515].

От Рязани монголы двинулись вверх по Оке к Коломне (между ними около 130 км) — этот город, находящийся при слиянии Москва-реки с Окой, заирал единственно доступный путь в глубь Суздальской земли [97, с. 89]. Весть о гибели Рязани, которую принес в Суздальскую землю «кюр Михайлович» [ПСРА т. 2, стб. 779], не могла достичь стольного Владимира раньше, чем через неделю (расстояние по рекам между ними более 400 км), а до Коломны монголы могли дойти за два-три дня. Но по сведениям Татищева они там оказались около 1 января 1238 г. [46, с. 233, 291], видимо, потому что какое-то время занимались «освоением» окрестностей Рязани. Перед великим князем Юрием Всеволодовичем оказалась труднейшая задача, надо было выбирать стратегию поведения — еще совсем недавно он получил одновременно и просьбу о помощи от рязанцев, и требование монголов покориться и платить десятину. Известия об этом монгольском посольстве очень скудны — выше упоминалось, что рязанцы пропустили его в Суздаль, но исход переговоров сохранила только эпитафия великому князю Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской летописи: «Безбожнныя Татары, огнуцаше, одарены, бяху бо преж прислали послы свое: злии ти кровопици, рекуще — мирися с нами, он же того не хотяше» [ПСРА т. 1, стб. 468]. Как видим, он отпустил с миром и «одарил» монголов, т. е. пошел на уступки в вопросе дани, но при этом решил готовиться в борьбе.

Отказ же подать помощь рязанцам, в свете вышеизложенного, может поэтому иметь и другое объяснение, иное, чем общепринятое — «надеялся сам собою татар победить» [46, с. 232] или, как написал новгородский летописец, «Юрьи же сам не поиде, ни послуша князии рязаньских молбы, но сам хоте особь брань створити» [24, с. 74—75]. Конечно, это очень похоже на проявление одной «из черт социальной психологии, характерной для рыцарства периода феодальной раздробленности, когда каждый рыцарь, каждый полководец, каждое феодальное воинство стремились к собственному, личному участию в сражении, зачастую не считаясь с общими действиями» [121, с. 113]. Но, как предположил В. В. Каргалов, отказ предоставить помощь рязанцам мог быть вызван и обычным просчетом — великий князь «начал собирать силы для отпора; сопротивление рязанских князей должно было, очевидно, дать возможность выиграть время для концентрации сил», та же цель, т. е. отсрочка нападения, преследовалась «одарением» монгольского посольства; поэтому «в этих условиях помогать Рязани было опасно»; но быстрые действия монголов поломали эти планы [97, с. 89].

Если предположить, что суздальское войско выступило к Коломне немедленно по получении вести о гибели Рязани, то дойти от Владимира оно могло не ранее 4—5 января 1238 г., и то если бы двигалось со скоростью гонца, что маловероятно. Но сражение под Коломной, видимо, состоялось не ранее 9 января — уже 20 января была взята Москва [46, с. 233], а сражение за нее, по данным Рашид ад-Дина, продолжалось пять дней (см. [39, с. 39]), значит, от Коломны монголы выступили к Москве не позднее 12—13 января (от Коломны до Москвы около 100 км). Судя по тому, что сражение под Коломной было ожесточенным (там погиб сын Чингисхана Кулькаи, что указывает на возможный удар русской тяжелой кавалерии — темники и чингизиды обычно находились в тылу сражающихся монголов, которыми руководили) и длилось три дня [39, с. 39], то с учетом времени на сбор трофеев и приведение войска в порядок после тяжелых боев, можно предположительно

датировать подход русских сил к Коломне 7—9 января 1238 г. Таким образом, похоже, что монголы не спешили приступить к взятию Коломны и ждали подхода русского войска, чтобы разбить его в поле, а не спровоцировать его уход обратно от Коломны при виде ее развалин, которые ему не будет иметь смысла защищать.

Их ожидания исполнились — русское войско приняло бой в поле. Суздальское войско было достаточно мощным — это были почти все владимирские полки во главе с наследником великого князя Всеволодом Юрьевичем («Юрьи посла сына своего Всеволода со всеми людьми» [ПСРА т. 2, стб. 779]), остатки рязанского войска (т. е. полков рязанских и пронских) во главе с князем Романом Игоревичем и какой-то отряд новгородцев или нижегородцев («и Новгородци съ своими вои из Владимира» [ПСРА т. 1, стб. 515]). Кроме того, к ним присоединилось ополчение собственно Коломны. Все ранние летописи, чьи известия восходят к современным событиям записям, сообщают, что это было крупномасштабное сражение с большими потерями сторон: «бысть сеча велика и... мужии много убиша у Всеволода и прибежа Всеволод в Володимерь в мале дружине» (Лаврентьевская, [ПСРА т. 1, стб. 460]), «бишася крепко» (Суздальская, [ПСРА т. 1, стб. 515]), «много паде ту» (Новгородская 1-я, [24, с. 75]). Судя по сообщениям Лаврентьевской и Суздальской летописей, русское войско в поле сразу же потеряло свой авангард под командованием Еремея Глебовича, он был уничтожен монголами во время его соединения с основными силами Всеволода Юрьевича, потом все русское войско было окружено («оступиша их Татарове у Коломны»), но ему удалось прорваться к городу и встать «к надолбам», причем главным действующим лицом в этом прорыве был Роман Игоревич, его действия отмечены как русскими летописями, так и Рашид ад-Дином — сразу после рассказа о гибели Кулькана. Возможно, именно при прорыве окружения и выходе к защитным сооружениям у Коломны этот чингизид был убит разъяренными гибелью своей земли рязанцами Романа Игоревича. Поэтому Рашид ад-Дин не мог не написать об отмщении

виновнику смерти Кулькана и особо отметил, что «Урмана», т. е. Ромапа Игоревича, монголы «разбили и умертвили» [39, с. 39]. Это произошло уже при штурме Коломны — ее оборона оказалась неспособной сдержать армию Бату, бывшую там в своем полном и сильнейшем составе. Таким образом, анализ известий источников о битве под Коломной показывает, что устоявшееся мнение о ней как о незначительном сражении авангардов сторон совершенно неверно.

От Коломны монголы двинулись к Москве, их подход оказался неожиданным для москвичей, не ведавших о результате сражения за Коломну: «Москвичи же ничегоже не видевшие¹» [24, с. 75]. Город был осажден и, несмотря на пятидневное упорное сопротивление, взят 20 января 1238 г. Сопротивление Москвы запомнилось — у Рашид ад-Дина сохранено даже имя убитого монголами московского князя («Улайтимур», искаженное на тюркский лад «Владимир»), им был малолетний сын великого князя Владимирского Владимир Юрьевич (см. [153, с. 184])¹¹. Москва была разрушена, а «люди избиша от старецъ и до младеньць» [ПСРЛ т. 1, стб. 516]. Кроме того, монгольская армия устроила фуражировку в районе Москвы и Коломны. Это подтверждает тот факт, что кроме обычного — «монастыри вси и села пожгоша» [ПСРЛ т. 1, стб. 461], летопись специально отметила, что монголы «много имения вземше» в этих подмосковных монастырях и селах. Видимо, целую неделю монголы запасались фуражом и провиантом, после чего выступили к Клязьме, по льду которой и добрались 2—3 февраля 1238 г. к Владимиру (исследование дат в Лаврентьевской летописи дает эти числа, см. [67, с. 109—110]).

К этому времени в городе остались с небольшими силами сыновья великого князя Всеволод и Мстислав. Сам великий князь, получив отчет о сражении под Коломной от Всеволода, решил положиться на крепость стен своей столицы и отпра-

¹ По И. И. Срезневскому «видети» имело еще и значение «обдумать», но возможна и описка вместо «ведавшие».

¹¹ В Москве его захватили, но убили как заложника во время осады Владимира, когда его братья отказались сдать город [46, с. 234].

вился в условленное место сбора новых полков: «Выеха Юрьи из Володимеря в мале дружине, урядив сыны своя в собе место, Всеволода и Мстислава, и еха на Волгу с сыновцы своими, с Васильком и со Всеволодом и с Володимиром, и ста на Сити станом, а ждучи к собе брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею, и нача Юрьи, князь великый, совкупляти вое противу Татаром» [ПСРЛ т. 1, стб. 461]. Это решение было результатом военного совета, о котором сообщает Татищев, причем предложение части бояр еще раз попытаться выйти против монголов в поле было отвергнуто [46, с. 233].

Этот отход «на Ярославль» [24, с. 75], который произошел буквально на глазах монголов — они разминулись с отрядом великого князя менее чем на день (Татищев датирует отход великого князя Юрия Всеволодовича 2 февраля [46, с. 233]), вызвал у последних опасения насчет возможных неожиданных ударов по ним отряда великого князя. Такого образа действий монголы имели полное право опасаться, так как «малая война» показала свою эффективность против них и в 1223 г. (булгары и мордва так разбили Чжэбэ и Субэдэя), и сейчас, во время вступления на суздальскую землю. Дело в том, что «Повесть о разорении Рязани Батием» относит начало действий отряда Евпатия Коловрата, который «погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земле Суздалстей» и нападал «на станы Батыевы» [30, с. 190], ко времени марша монголов к Владимиру. Сам рассказ о Евпатии Коловрате поздний, он появляется под пером книжника XV в., но он, очевидно, отражает события реальные, только, по замечанию Д. И. Иловайского, «трудно определить, насколько народная гордость участвовала в изобретении поэтических подробностей» [92, с. 71—72]. Монголы знали, что великий князь отправился на север, поэтому им логично было предположить, что он выбрал своей базой Суздаль. От Владимира к Суздалю Бату (или Субэдэй, как его советник в походе) отправил отдельный корпус, который взял и сжег Суздаль в промежутке между 4 и 6 февраля, так как 6 или 7 февраля¹ этот отряд уже вернулся к

¹ До Суздаля от Владимира 30 км, это около половины дневного перехода.

Владимиру [46, с. 234]. Сам Владимир был взят штурмом, после нескольких дней бомбардировки из камнеметов и огнеметных машин¹ во второй половине дня 7 февраля 1238 г.

После разрушения столицы Владимиро-Суздальской земли монголы начинают рассылать отряды для облавного обхода русских городов и поиска великого князя Юрия Всеволодовича: «И оттоле разсыпашася татарове по всей земли той» [ПСРА т. 15, стб. 369]. Монгольская армия разделилась на три направления: на север, к Ростову и Ярославлю, для преследования великого князя («поидоша на великого князя Юрья оттоле, овии же идоша к Ростову, а инии же к Ярославлю» [ПСРА т. 1, стб. 518]) отправился сильный корпус Бурундая [ПСРА т. 2, стб. 779]; на восток, к Средней Волге (на Городец) был направлен второй отряд («инии на Волгу, и на Городецъ» [ПСРА т. 1, стб. 518]); а на северо-запад, к Твери, шли тумены самого Бату и других чингизидов.

Движение монгольских туменов к Твери и их состав хорошо документированы. Так, русские летописи дают точные координаты движения — Тверская летопись сообщает, что те пошли «къ Юриеви^{II}, и къ Переяславлю, и къ Дмитрову, и тех взяша; а инии Тферь шедше взяша, в ней же сына Ярослава^{III} убиша» [ПСРА т. 15, стб. 369]. Суздальская летопись уточняет порядок взятия монголами городов по пути к Твери: «Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь» [ПСРА т. 1, стб. 518]. Взгляд на карту показывает, что от Юрьева-Польского тумены Бату разошлись: одни отправились к Твери маршрутом Юрьев—Дмитров—Волок—Ламский—Тверь, и далее на Торжок («взяша... Дмитров, и Волок и Тферь, и оттоле приидоша къ Торжку» [ПСРА т. 15, стб. 370]); а другие пошли от Юрьева через Переяславль и Кснятин ([ПСРА т. 10, с. 109]) до Твери. А по сообщению РД, можно понять состав монгольских туменов — на северо-западном направлении находились войска главных царевичей, так как Переяславль-Залесский, «корен-

¹ Выше, в разделе об осадном искусстве монголов, взятие Владимира было подробно рассмотрено.

^{II} Юрьев-Польский.

^{III} Т. е. сына Ярослава Всеволодовича.

ную область Везислава¹, они взяли **сообща**^{II} в пять дней» [39, с. 39]. Оказавший сильное сопротивление первому монгольскому отряду Торжок был взят с приходом подкреплений из-под Твери, где соединились силы обоих направлений северо-западного корпуса.

Как явствует из летописей, к Торжку монголы впервые подошли 22 февраля 1238 г. ([ПСРА т. 15, стб. 370]), а взяли его 5 марта, т. е. через 12 дней — даже сильно укрепленный Владимир продержался вдвое меньше, поэтому обозленные монголы «исекоша вся от мужьска полу и до женьска» [24, с. 76], а за какими-то горожанами, которые вырвались из Торжка, устроили погоню вплоть до Игнача-креста: «Гнашася безбожнии Татарове Серегерьским путем до Игнача-креста, и все секучи люди, яко траву, и толико не дошедше за 100 верст до Новгорода» [ПСРА т. 15, стб. 371]. Из этого свидетельства Тверской летописи (а также из Львовской летописи) становится ясным, что Новгород монголы брать не собирались, вопреки бытующим в популярной литературе недоумениям — «почему татары... не пошли на Новгород» [189, с. 121]. Ужас, который охватил новгородцев (отметим, что новгородцы даже побоялись направить помощь Торжку, своему важному торговому центру) при известии о приближении монголов (ведь они никак не могли знать, что это не приступ к Новгороду, а только лишь погоня за немногочисленными беглецами из Торжка; в Ермолинской летописи есть важное уточнение на этот счет — «все люди изсекоша, а за прочими^{III} людьми погнашеся от Торжка», [ПСРА т. 23, л. 122]) — вот причина панических записей в новгородских летописях, которые через 750 лет воспринимаются невзыскательными авторами как свидетельство «развития успеха» монголами в направлении Новгорода. Поэтому так распространен миф о том, что «Новгород был пощажен» [189, с. 121], в то время как отход от Игнач-креста был просто завершением погони, задача которой была выполнена — ведь

^I Всеволода, т. е. Всеволода Большое Гнездо.

^{II} Выделение мое. — Р. Х.

^{III} Выделение мое. — Р. Х.

беглецов порубил «аки траву» небольшой отряд монгольской погони. При этом основные силы северо-западного корпуса монголов были под Тверью и Торжком, а остальные «монголо-татарские силы... были разбросаны по огромной русской равнине» [97, с. 108].

Одновременно с этими событиями восточный корпус прошел от Владимира по льду Клязьмы к Стародубу ([46, с. 273]) и далее, по Волге, к Городцу Радилову: «на Городецъ, и по Волзе вся грады поплениша и до Галича Мерскаго» [ПСРА т. 15, стб. 369]. Видимо, от Городца монголы рассыпались на несколько облавных отрядов — такие отряды взяли Галич, Вологду (упоминается только в «Русском хронографе», ПСРА т. 22), «опрочь слобод и погостов» в их окрестностях. После чего они все соединились у Костромы и направились на соединение с корпусом Бурундая, который за это время прошел через Ростов на север. Бурундай вначале имел сведения только об общем направлении движения войска великого князя («к Ярославлю»), поэтому он выбросил поисковые отряды в двух направлениях — к Ярославлю и на Кашин с Угличем («а инии к Угличю и къ Кашину и къ Ярославлю» [ПСРА т. 30, с. 89]). Углич, по сведениям из не дошедшей до нашего времени «древней угличской летописи», которую видел краевед XIX в. Ф. Киссель, сдался монголам без боя [97, с. 96], в то время как Ярославль был разрушен монголами (это известно по данным археологии, см. [176, с. 146]). Пополнив припасы, Бурундай дождался результатов действий своих разведывательных отрядов и подхода сил восточного корпуса — видимо, монголы уже знали о точном расположении стана великого князя Юрия Всеволодовича на р. Сить (приток р. Мологи). Из района Углича и Кашина ([50, с. 46]) корпус Бурундая был готов выступить против последних войск Владимиро-Суздальской Руси.

Все это время на р. Сить Юрий Всеволодович ждет подхода оставшихся сил Суздальской земли, а из Новгорода и Южной Руси — помощи от своего брата Ярослава: «И жда брата своего Ярослава, и не бе его» [ПСРА т. 10, с. 109]. Из всех ожидавшихся подкреплений пришла только дружина брата великого

князя Святослава Всеволодовича, который упоминается среди князей, участвовавших в битве на р. Сить ([ПСРА т. 1, стб. 465]). Однако основные силы, на которые надеялся великий князь — т. е. полки Ярослава Всеволодовича, не успели подойти до нападения монголов на стан войск великого князя и его вассалов. Этот факт часто интерпретируется как намеренное нежелание Ярослава Всеволодовича помочь брату, а то и вовсе как его стовор с монголами. Но из скудных сведений летописей известно, что в 1236 г. Ярослав Всеволодович захватил Киев вместе с новгородскими и новоторжскими добровольцами и «седе в Кыеве на столе; и державъ новгородцевъ и новоторжець одну неделю и одаривъ я, отпусти проче; и придоша здрави вси» [24, с. 74]. Судя по новгородскому летописанию, Ярослав Всеволодович спокойно «седе в Кыеве на столе» вплоть до гибели своего брата великого князя, т. е. до 1238 г. Иное известие о киевских делах 1236—1238 гг. дает Ипатьевская летопись (далее — ИЛ), в ней приводится диаметрально противоположная информация — Ярослав сел на Киевский стол, но «не мога его держати, иде паки Суждаю» [ПСРА т. 2, стб. 777], уступив Киевский стол черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу. Сравнение с сообщением Татищева, согласно которому Ярослав, предварительно разорив черниговские земли, мирно, по договору, отдал Киев [46, с. 230], добавляет недоумения касательно записи в ИЛ — в ней нет ни срока великокняжения Ярослава в Кыеве, ни даже объяснения, каким образом стороны мирно разошлись после боевых действий.

Исследователи феодальной войны первой трети XIII в. между Черниговом и Галичем (и их союзниками) за Киев давно сомневаются в достоверности данного фрагмента ИЛ, из-за тенденциозности ее галицкого автора в описании событий этой войны и искусственности вставки рассказа о взятии Ярославом Киева в текст обширного повествования о других событиях [123, с. 563—565]. Кроме того, текст ИЛ, относящийся к событиям после 1205 г., как известно, не был изначально датирован автором, а проставленная в Ипатьевском списке ИЛ датировка была сделана редактором летописи значитель-

но позднее и с большими ошибками (в Хлебниковском списке ИЛ датировки вообще отсутствуют). Видимо, поэтому даже М. С. Грушевский не рискнул положиться на сведения ИЛ и считал, что Ярослав Всеволодович покинул Киевскую землю только после получения известия о гибели великого князя Юрия Всеволодовича [83, с. 249], к этому же выводу подводит и О. М. Рапов, который считает, что Михаилу Черниговскому пришлось вести долгую борьбу с Ярославом Всеволодовичем за Киев и только «около 1238 г. он вновь захватил Киев» [153, с. 124]. Возможно также, что туманное известие Татищева ([46, с. 230]) о каком-то договоре Ярослава Всеволодовича с черниговскими и смоленскими князьями является отражением сложного торга если не за сам Киевский стол, то за компенсацию его уступки. Если это так, то даже можно предположить, что могло быть такой компенсацией — Переяславское княжество, бывшее тогда ступенькой к Киевскому столу. Дело в том, что в 1220-х годах оно было практически постоянно в руках у суздальских князей из дома Всеволода Большое Гнездо, а с 1234 г., когда престол Переяславля (Русского) покинул Святослав Всеволодович (брат Ярослава и Юрия суздальских), больше не имеется известий о том, кто в нем княжил [108, с. 134]. Поэтому Ярослав Всеволодович вполне мог быть в 1236—1238 гг. или в Киеве, или в Переяславле, где в течение года-полтора шла торговля за эти столы.

С учетом вышесказанного становится понятным, что сложная ситуация в Киевской земле держала там Ярослава Всеволодовича вместе с его собственной дружиной, и единственно чем он мог помочь брату, так это приказать своему сыну Александру (Новгородскому князю в 1236—1240 гг., будущему Невскому, см. [138]) собрать новгородские полки. Косвенно на это указывает Татищев, когда пишет, что Юрий Всеволодович посылал просьбу Ярославу о помощи полками в Новгород [46, с. 233], где Ярослава очевидно не было (так выходит по сведениям новгородских источников), а сам Ярослав должен был быть в Суздале (по версии ИЛ). Если же понимать сообщение Татищева как передачу пересмысленных им сведений одно-

го из его источников, где говорилось о том, что на самом деле Юрий Всеволодович торопил своего племянника Александра Ярославича выполнить приказ отца помочь новгородскими полками, то тогда все встает на свои места. В этой ситуации юный новгородский князь ничем не мог помочь — его положение в Новгороде Великом как приглашенного по ряду князя, которое он не мог подкрепить силой или авторитетом (как это делал его дед Всеволод Большое Гнездо и позже он сам, уже будучи Александром Грозным и победителем в «Ледовом побоище»), было в 1238 г. весьма шатким. Собственная дружина Александра была мала, а Новгород, отказавшийся помогать даже своему собственному Торжку, явно не горел желанием отдавать своих воинов суздальскому князю.

4 марта 1238 г. тумены Бурундая внезапно обрушились на стан русского войска у р. Сить. Приближение монголов было скрытным, а марш к месту битвы очень быстрым, так что отправленная на разведку «сторожа» суздальцев просмотрела их подход и была сама уничтожена, и только остатки ее прибыли к великому князю с ужасной вестью о том, что «уже, княже, обошли суть нас около Татары» [ПСРА т. 1, стб. 519]. Но она опоздала — «нача князь полки ставити около себе, и се внезапу приспеша Татарове» [там же] и «князь не успеv ничто же» [ПСРА т. 15, стб. 370]. Более жестко пишет о беспечности русского войска южнорусский летописец, не связанный с Владимиро-Суздальским княжеством: «Юрьи же князь... не имеющу сторожии, изъехан бысть незаконным Бурундаема, всь город изогна и самого князя Юрья убиша» [ПСРА т. 2, стб. 779]. В его кратком описании хода сражения упор сделан на внезапность нападения монголов («изъехан», т. е. подвергся внезапному нападению), на быстрое преодоление частокола вокруг стана («город») и на отсутствие его боевого охранения («сторожи»). Несмотря на отсутствие боевых порядков, русские воины вступали в схватки с врагом как только могли: «поидоша противу поганым и сступишася обои полци, и бысть сеча зла», но в конце концов не выдержали напряжения и «побегоша наши пред иноплеменники» ([ПСРА т. 1, стб. 465],

[ПСРА т. 1, стб. 519]). Монголы легко перебили бегущих, и потери были страшными: «Убиен бысть великии князь Юрий Всеволодич, на рице на Сити, и вои его мнози погибоша» [ПСРА т. 1, стб. 519].

Для монголов был важен факт захвата или уничтожения вражеского предводителя, поэтому из событий на р. Сить монгольский хронист оставил только сообщение о гибели великого князя, которое нам сохранил Рашид ад-Дин: «Ванке Юрку¹ бежал и ушел в лес; его также поймали и убили» [39, с. 39]. По данным РД, после уничтожения последних полков Владимиро-Суздальской Руси монгольские предводители устроили военный совет. Они, судя по расположению их туменов на март 1238 г., должны были собраться в ближайшем для всех пункте — в районе Твери. Там было решено возвращаться в Половецкую степь, причем по новым местам, чтобы идти «облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся [на пути], брать и разрушать» [там же]. Фронт этой «облавы» раскинулся очень широко — от восточных районов Смоленского и Черниговского княжеств на ее левом фланге, до Рязанской земли на правом. Правое крыло вел Батый («Бату подошел к городу Козельску» [39, с. 39]), а левое, видимо, вели Бури и Кадан, которые соединились с Бату у Козельска довольно поздно («потом прибыли Кадан и Бури» [там же]).

Маршрут левого крыла точно неизвестен, только из одного из списков «Повести о разорении Рязани Батыем» известно, что монголы прошли мимо Рязани весной 1238 г., не тронув ее [97, с. 110]. О маршруте Батыея известно больше — от Торжка он двинулся по Волге и Вазузе (приток Волги) к междуречью Днепра, а оттуда через смоленские земли к черниговскому городу Вщиж, лежащему на берегу Десны¹¹. Археологи установили, что Вщиж (летописный «Въщиж») погиб от монгольского нападения в 1238 г. [159, с. 114—115]. Прохождение монголов через смоленские земли зафиксировано в «Слове о Меркурии Смоленском», в котором сказано, что Батый был недалеко от

¹ Т. е. Юрий Всеволодович.

¹¹ В 50 км на северо-запад от Брянска.

Смоленска и «ста от града за 30 поприщ¹» [30, с. 204]. Исследователи «Слова о Меркурии Смоленском» установили, что местом стоянки монгольского отряда было Долгомостье [136, с. 154, 156]. Долгомостье было недалеко от современного Ельца и находилось в бассейне Десны, как и Вщиж. Скорее всего, следуя по Десне, монголы Бату вышли на р. Жиздра, по которой добрались до Козельска (он лежит на берегу Жиздры).

Город оказал монголам героическое сопротивление, некоторые подробности которого мы рассмотрели выше. Отметим еще, что успеху обороны могло содействовать то обстоятельство, на которое указал О. М. Ранов: «Козельск был хорошо прикрыт со всех сторон реками, болотами и холмами и взгорьями... Разлив р. Жиздры, наполнение ручьев и болот талой водой^{II} не могли не сковать действий монголов» [154, с. 86]. Кроме того, козляне осуществляли удачные вылазки, во время одной из которых они уничтожили осадные орудия: «исшедше из града, исекоша праща их, нападше на полькы их и убиша Татар» [ПСРА т. 2, стб. 781]. По сведениям русских летописей, осада продолжалась семь недель, пока к Козельску не подошли тумены Кадана и Бури и тогда монголы «взяли его в три дня» [39, с. 39]. Оборона Козельска является одним из самых замечательных эпизодов отечественной военной истории, слова галицкого летописца рисуют яркую картину борьбы русских людей за свой город: «Яко ум крепкодушный имсють людье в граде, словесы лестными невозможно бе град прияти. Козляне же свет^{III} сътворише — не вдатися Батыю, рекше, яко аще князь нашъ младъ есть, но положим живот свои на нь и зде славу сего света приимше... Тотаром же бьющимся о град, прияти хотящим град, разбившим граду стену. И возиидоша на вал Тотаре, Козляне же ножи резахуся с ними. Свет же створиша — изиити на полкы Тотарьские. И исшедше из града, исекоша праща их, нападше на нолькы их и убиша Татар 4 тысящи и сами же избьсни быша. Батыи же

^I Чуть больше 30 км.

^{II} Дело происходило в агреле 1238 г.

^{III} Совет.

взя город, изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко, о князи Васильи неведомо есть, и инии глаголяху, яко во крови утонул есть, понеже убо млад бяше есть. Оттуду же въ Татарех не смеють его нареци „град Козлеск“, но „град злый“, понеже бишася по семь недель, убиша бо от Татар сыны темничи три. Татары же искавше и не могоша их изнайти во множестве труп» [ПСРА т. 2, стб. 781].

Итак, «Батыи ж взем Козелеск и поиде в земљу Половетцкую» [ПСРА т. 1, стб. 522], на чем и закончилась первая кампания «Батыева побоища». Теперь, на основе данных многих источников, можно сформулировать основную причину полного поражения Северо-Восточной Руси во время этой кампании — стратегическое и тактическое превосходство монголов, которые определялось рядом факторов:

1) Войска главных русских княжеств сидят по своим местам, т. е. вооруженные силы Руси были размазаны на значительном пространстве, что дало возможность монголам, имевшим превосходство в маневре и инициативе, бить их по частям, имея в каждом конкретном случае подавляющее преимущество. Причем монголы, пользуясь своей маневренностью и превосходством в системе планирования, имеют каждый раз на каждом своем направлении (а действуют они не одной армией, но несколькими мощными группировками) локальное превосходство над русскими. Исключения только подтверждают правило — Козельск смог сначала отразить натиск такого отдельного отряда «облавы» монголов, который тогда перешел к обсервационным действиям, но после подхода основных сил монголов город смог сопротивляться не больше трех дней. Возможность же подхода подкрепления к монголам была обусловлена скованностью русских сил, которые разбивались монголами, имевшими локальное преимущество в каждом пункте, по частям и не могли подавать друг другу помощи. Конечно, внутрirusские причины — вспомним «княжее ненособие», сформулированное на века в чеканных строках автора «Слова о полку Игореве»: «Усобица князем — на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: „се — мое, а то — мое

же!“ И начаша князи про малое, „се великое“ молвити, и сами на себя крамолу ковати, а погании со всех стран приходяду с победами на землю Рускую» — неказания помощи тоже сыграли свою роль, но и чисто военная составляющая такого положения является весьма важной. Это все факторы первого порядка.

2) Фактором второго порядка было качественное превосходство монголов и в случаях относительного равенства в численности [178, с. 168]. Правда, это качественное превосходство выражалось в лучшей организации и дисциплине, лучшем руководстве и большей настойчивости в осуществлении единого стратегического плана, но не в лучшей «технике» — вооружении и оснащении.

3) Фактором третьего порядка был шок от неожиданности, силы и динамики удара. С самого начала очевидна неготовность русских сил к происходившему «пленению Батыеву», ведь, несмотря на Калку, из событий 1223 г. не было извлечено уроков [160, с. 8], а татары воспринимаются вроде привычных половцев (в летописях их прямо сравнивают с тюрками — «таурмени», «половци»). Этому способствовал также исход нападения монголов на Булгар в 1223 г. — поражение там монголов Чжэбэ и Субэдэя могло успокоить князей Владимиро-Суздальской земли, хорошо информированных о делах своих повожских соседей, но при этом не участвовавших в сражении на Калке и не видевших воочию монгольской армии в бою. Поэтому после получения от нее ужасающей силы ударов потрясение оказывается чрезвычайным для русских князей. В результате этого ответные меры князей зачастую являлись неадекватными и несвоевременными (например, выжидание великого князя Юрия Всеволодовича на Сити), что еще более усугубляло ситуацию.

Начавшийся новый год (с 1 марта) русские летописцы, после всех ужасов «Батыева пленения», отметили особо, выделив киноварью: «Того же лета было мирно» [ПСРА т. 1, стб. 461]. И действительно, уйдя весной 1238 г. «в Половецкую степь», армия Бату занялась оставшимися непокоренными

половцами Бачмана, а также подавлением вспыхнувших восстаний в ранее покоренных землях аланов, черкесов, мордвы и кипчаков. Против особо досаждавшего монголам Бачмана были отправлены лучшие силы — тумены Мэнгу и Субэдэя. Их действия против Бачмана были настолько важны, что практически в идентичном виде рассказы о них оказались сохранены у Джувейни, РД и ЮШ. Приведем рассказ Джувейни о Бачмане: «Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать (его). Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть (туда), не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать (на остров). Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собою множество добра и имущества и затем решили вернуться. Вода опять заколыхалась и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил

убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его (Бачмана) на две части»¹ [49, с. 24].

Другие монгольские отряды также подавляли восстания кипчаков, но только в западной части Дешт-Кипчака (куда они не дошли в 1237 г.) — в бассейне Северного Донца, в предкавказских степях и даже забирались в Крым. Так, Берке «отправился в поход на кипчаков и взял [в плен] Арджумака, Куран-баса и Капарана, военачальников Беркути», а Мэнгу и Кадан «выступили в поход против черкесов и зимою¹¹ убили тамошнего государя по имени Тукара» [39, с. 39]. Судя по сообщению РД, кипчаки Бачмана, против которых изначально выступил Мэнгу, были связаны с асами, т. е. аланами [39, с. 38]. Видимо, в ходе уничтожения кипчаков Бачмана тумены Мэнгу плотно занялись и союзными им племенами Северного Кавказа — асами и черкесами. Во всяком случае, в сообщениях ЮШ за 1238—1240 гг. Мэнгу и приближенные к нему нойоны регулярно упоминаются в связи с боями против асов/алан.

Только зимой 1238/39 г. монголы опять побывали в русских землях — тумены Гуюка, Мэнгу, Кадана и Бури в ходе подавления восстания мордвы, под общим командованием Субэдэя (см. рассказ РД о вождях поволжских племен Баян и Джику, [39, с. 38]), выдвинулись в Муромскую землю, взяли Муром, разорили земли по Нижней Клязьме вплоть до Нижнего Новгорода: «На зиму Татарове взяша Мордовьскую землю и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, и град святой

¹ Ср. в ЮШ: «[Мэнгу].. напал на племя кипчаков, а их главарь Бачман убежал на остров в море. Император узнал [об этом] и поспешил двинуть войска, чтобы прийти в его земли. Как раз в это время задул сильный ветер, воды моря ушли и его мелководье можно было перейти. Император обрадованно сказал так: „Так Небо открывает путь для меня!“ Поэтому [Мэнгу] перешел в наступление, перебил весь тот народ и схватил Бачмана, приказав [держат] его коленопреклоненным. Бачман сказал так: „Я — государь страны, и разве стал бы любимыми путями искать спасения? Мое тело не имеет горба и разве от стояния на коленях он появится?“ [Мэнгу] тогда приказал посадить его в тюрьму. Бачман сказал охранявшим [его] так: „Я спрятался в море, от рыб не отличишь, однако в конце концов был пойман — Небо [так решило]! Сегодня уже подошел срок вернуться воде, войско должно быстрее возвращаться“. Император послушался его и отозвал войска, но вода уже подошла и последние войска переправлялись вплавь» [55; цз. 3, с. 15].

¹¹ Зимой 1238/39 г.

Богородица Гороховець южгоша, а сами идоша в станы своя» [ПСРА т. 1, стб. 470], при этом какой-то из отрядов монголов прошел и дальше на Волгу и взял «Городец Радилость на Волзе» [ПСРА т. 15, стб. 374]. Тогда же какой-то иной отряд монголов сделал набег на Рязанскую землю: «Приходиша Батыеви Татарове въ Рязань и поплениша ю всю» [ПСРА т. 10, с. 115].

Когда Берке и другие царевичи занимались западной частью Половецкой степи, они были должны обеспечить себе правый фланг со стороны южного пограничья Руси и Половецкой земли. Видимо, этим надо объяснить погром Переяславского княжества весной 1239 г. Его столица Переяславль Русский к тому времени более трех веков был южным форпостом Руси. Батый направил туда войска своих братьев, как пишет летописец, для уничтожения пограничных городов «Руской земли»: «Батый же нача посылати на города Руския» [ПСРА т. 17, стб. 22]. 3 марта 1239 г. один из монгольских отрядов корпуса Берке разгромил Переяславль и перебил его жителей: «взять град Переяславль копьем, изби весь» [ПСРА т. 2, стб. 781]. После чего они опять ушли до осени в Дешт-Кипчак и Северный Кавказ, готовя новую кампанию, уже против Черниговского княжества, оставшегося практически нетронутым на предыдущем этапе «Батыева пленения».

Основные силы Мэнгу и Гуюка были заняты на Северном Кавказе: «Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой¹, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его» [39, с. 39]. О том же событии рассказывает и ЮШ: «зимой, в одиннадцатой луне^{II}, войска под командой Мэнгу окружили город алан Ме-це-сы^{III} и через 3 месяца захватили его» [55; цз. 2, с. 13], т. е. Минкас у РД — это аланский город, где армия Мэнгу и Гуюка простояла как минимум до начала 1240 г. А Шибан (брат Бату) и Бучек осенью 1239 г. направились в Крым [39, с. 39] и дошли до его южного побережья в декабре — 26 декабря 1239 г. ими был

¹ Т. е. зимой 1239/40 г.

^{II} 27 ноября — 26 декабря 1239 г.

^{III} Передает звуки «М-к-с», что полностью совпадает с названием города у РД.

захвачен Сурож (Судак), о чем сохранилась запись очевидца (в одной из древних книг сурожского монастыря сохранилась запись на полях, датированная 26 декабря 1239 г. — «в тот же день пришли татары», ее видел и описал исследователь середины XIX в. [136, с. 156]). Таким образом, для похода на Чернигов оставались только тумены Джучидов — с Бату и Берке во главе. Осенью 1239 г. они появились под Черниговым, подойдя к нему с юго-востока и «объступиша град в силе тяжце» [ПСРА т. 2, стб. 782]. Черниговские князья поступили аналогично суздальским — полки Мстислава Глебовича и некоторых других князей пришли на помощь городу и приняли бой в поле. Результат был знакомым по кампании 1237/38 г.: «побежен бысть Мьстислав, и и¹ множество от вои его избьеным бысть» [там же]. Сам Чернигов подвергся мощному воздействию монгольского осадного арсенала («меташе бо каменем полтора перестрела, а камень можаху 4 мужи сильни подняти» [ПСРА т. 17, стб. 22]) и пал 18 октября 1239 г. [34, с. 12], «взяша татарове Чернигов, князи их выехаша въ Угры, а град пожегше и люди избиша, и манастыре пограбиша» [ПСРА т. 1, стб. 469]. После падения Чернигова монголы не пошли на север, а занялись грабежом и разорением на востоке, вдоль Десны и Сейма — археологические исследования показали, что Любеч (на севере) был не тронут, зато пограничные с Половецкой степью городки княжества, такие как Путиваль, Глухов, Вырь и Рыльск, были разрушены и опустошены [97, с. 114]. Закончив с этим, монгольские тумены вернулись на юг, в Половецкую степь.

Видимо, еще в 1239 г. произошла ссора Бату и Гуюка, последнего в ней поддержали царевичи Чагатаева дома [16, с. 194—195]. Поэтому понадобилась переписка с великим кааном, который приказал своему сыну Гуюку быть в подчинении у Бату [16, с. 195]. Из Каракорума ярлык-приказ каана по этому поводу не мог прийти к Бату раньше 1240 г. С появлением этого ярлыка разьединенные до того силы монголов опять сосредоточились под единым командованием — Бату и Субэдэя [209, с. 40], главного советника при хане (в биографии

¹ Тут — «их».

Субэдэя сказано, что Бату также просил у каана дать приказ Субэдэю помочь в руководстве армией в последней кампании против русских, см. в Дополнении). Статус Субэдэя можно понять по словам захваченного осенью 1240 г. «языка»-монгола: «Себедяи богатур», который хотя и «не от роду же его», был у Батыя «воевода его перьвыи» [ПСРЛ т. 2, стб. 781], т. е. не будучи Чингизидом Субэдэй имел права выше других царевичей в этом походе, что вполне соответствует данным его биографии в ЮШ.

Последняя кампания монголов Бату на Руси началась в конце лета 1240 г. Но еще в начале этого года произошел разведывательный поход к Киеву корпуса Мэнгу, который оставил часть сил Букдаю, назначенному вместо него вести бои на Кавказе — «назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка¹ с тем, чтобы он занял и область Авир» [39, с. 39]. Этим армия Бату вносила свой вклад в дело покорения Закавказья — именно в это время там оперировал корпус Чормагана.

Мэнгу подошел к Киеву с юго-востока, т. е. с того направления, где монголы в предыдущем году уничтожили пограничные крепости и станы «своих поганых»^{II}, десятилетиями защищавшие Переяславское и Черниговское княжества от нападений кочевников. Как сообщает Ипатьевская летопись: «Меньгуканови же пришедшу сглядать град Кыева, ставшу же ему на оной стране Днепра, во градка Песочного, видив град удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражданам, хотя и^{III} прельстити, и^{IV} не послушаша» [ПСРЛ т. 2, стб. 782]. Поскольку Мэнгу осаждал аланскую крепость еще в начале 1240 г., то его приход к Киеву зимой 6748 года, приходящейся на зиму 1239/40 года, должен быть датирован

¹ Букв. «Железные ворота», т. е. Дербент.

^{II} Так назывались в летописях тюркские федераты русских княжеств — торки, печенеги, берендеи, ковуи и прочие, другое их название — «черные клобуки», данное благодаря их характерным черным шапкам — колпакам/клобукам; они несли пограничную службу, давали легкую конницу в княжеские дружины и за это получали в свое распоряжение земли на южных границах «Русской земли».

^{III} Т. е. «их».

^{IV} Т. е. «они».

не ранее чем февралем-мартом 1240 г. Это была рекогносцировка — Мэнгу остановился на левом берегу Днепра («на одной стороне»), видимо, недалеко от Пересечня или Пересечена (крепость у переправы через Днепр, в 6 км от Киева, недалеко от Выдубического монастыря, [175, с. 30—31]). Приведенное в ИЛ название «градка Песочного» в литературе часто остается не разъясненным, но скорее всего это искаженное «Пересечна» («у Пересечна»), так как в других списках летописей и у Татищева приведен вариант «Песочна» ([ПСРА т. 26, с. 76], [47, с. 27]). Переписчик мог записать «понятым» словом заперченное место, так как название Пересечня очень рано исчезло и было прочно забыто, будучи заменено на Китаево (от слова «скит»), поскольку около городка Пересечень имелся скит Киево-Печерского монастыря [175, с. 31]. Разведав переправы через Днепр и не получив согласия на добровольное подчинение Киева власти монголов, корпус Мэнгу ушел из Руси.

О начале последней кампании Батыя на Руси в 1240 г. сохранилось очень мало сведений в русских источниках — все они сводятся к статье в Ипатьевской летописи об осаде Киева и его взятии монголами, а также к упоминанию даты падения Киева в других летописях. Археология кое-что добавляет к ним, но все же недостаточно. Согласно всем этим данным, картину последнего похода объединенных сил всех чингизидов можно представить только в общих чертах (кроме осады и взятия Киева). Поэтому очень важным является указание Рашид ад-Дина о направлении главного удара — «осенью... царевици Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок» [39, с. 44—45]. Поскольку города-крепости и станы «черных клобуков» на левобережье Днепра были разрушены в 1239 — начале 1240 г., то единственной нетронутой их областью было Поросье, которое с XI в. было главной базой этих тюркских федератов Руси (достаточно вспомнить, что там был специально построен город Юрьев, нынешний г. Белая Церковь, где была поставлена епископская кафедра для миссионерской деятельности среди язычников «черных клобуков», и ввиду важности этой

задачи в летописях уделяется несоразмерно большое внимание именно этой епископии [175, с. 49]). Название главного города Поросья — Торческ — также говорит о том, что «свои поганые» давно и прочно укоренились там, жили попеременно с русским населением, перенимая их веру и некоторые черты быта, в то время как русские многое заимствовали от своих тюркских соседей и союзников¹. Поэтому именно в Поросье находилась «страна русских и народа черных шапок».

Данные археологии подтверждают, что города-крепости и селища в Поросье подверглись удару на уничтожение — разведки 1954 г. дали материал по 23 таким городищам, запустевшим в первой половине XIII в., 13 из них на Роси и 10 на Россаве [97, с. 118]. Полностью были раскопаны городки на Княжей горе и горе Дсвица (Нижняя Рось), в них была обнаружена сходная картина — найдены десятки и сотни единиц вооружения (сабли, мечи, булавы, наконечники копий и стрел), большое количество кладов (это указывает на гибель населения, не вернувшегося за своими захоронками) и десятки фрагментов скелетов и полных костяков, разбросанных в беспорядке. Найденные монеты и печати позволили точно датировать гибель городищ концом 1230-х годов. Вывод археологов — города пали в результате осады и штурма, защитники оказали яростное сопротивление и почти все погибли [97, с. 119]. Исследование всей полосы расселения «черных клобуков» на Киевщине показали полный разгром Поросья, города по Роси и Россаве частью погибли и не восстановились впоследствии, частью покинуты жителями и уничтожены (на некоторые прежние места жигели позднее вернулись, особенно это касается тех городищ, где в округе имелись хорошие условия для укрытия от кочевников, т. е. где «леса, овраги, реки, болота укрывали от татарской конницы» [89, с. 79]), а по пути к Киеву монголы разрушили «многочисленные города и феодальные замки, прикрывавшие подступы к столице (Витичев, Василев, Белгород и др.)», окрестности Киева были опустошены «вплоть до Вышгорода и Городца» [97, с. 120].

¹ Подробнее об этом см. [178].

Эти данные археологии до сих пор не были подкреплены письменными источниками, но, возможно, относительно взятия монголами Юрьева и Торческа имеются известия в 1-й биографии Субэдэя в ЮШ (там их две — одна в 121-й цзюани, а другая — в 122-й). Приведенный в ней рассказ о событиях года синь-чоу¹ имеет ряд интересных деталей, которые относятся к походу Бату на Русь. В данном месте биографии Субэдэя упоминается город «Ту-ли-сы-гэ», который был взят только когда Субэдэй привел на помощь к Бату свои войска, состоявшие из неких «хабичи»: «Субэтай выбрал из хабичи войско и пятьдесят с лишним человек [их] королей, которые усердно работали на него, и в одном сражении захватил Е-ле-бань. [Субэтай] выдвинулся вперед, атаковал Ту-ли-сы-гэ и за три дня овладел им, полностью взял племя тех русских и вернулся» [56; цз. 121, с. 2978].

Сразу можно сказать, что эти события могут быть отнесены на период после 1239 г. Дело в том, что эти «хабичи» и 50 «королей» — это в первую очередь болгарские, буртаские, саксинские, башкирдские, мордовские, марийские и чувашские князьки с их ополчениями. То, что «короли» — это князьки, становится ясным из анализа следующих слов Рашид ад-Дина: «Государей тамошних называют келар и они существуют еще доньне» [39, с. 37]. Таким образом, финноугорское «кираль» (король) существовало в обиходе и при Рашид ад-Дине, т. е. в начале XIV в., что показывает употребляемость этого слова не в смысле «суверенного государя» (немыслимого в Золотой Орде), а для обозначения племенного князька под протекторатом татарского хана. Так, о мордовских князьях на службе татар сообщают и русские летописи ([ПСРА т. 9, с. 211] и [ПСРА т. 11, с. 27]). Чтобы правильно оценить данное известие ЮШ о «хабичи»-«подчиненных» с их «киралями» и понять, кто именно в них входил, надо посмотреть на события в Поволжье и предкавказских степях в 1238—1239 гг., где важную роль играли Субэдэй и Мэнгу.

Видимо, именно там Субэдэй и набрал пресловутых «подчиненных». Механизм включения сил завоеванных

¹ С 1302.1241 г. по 102.1242 г.

народов Булгара описан Юлианом: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя» [4, с. 85—87]. Итак, очевидец говорит, что монголы брали в свое войско народ следующих завоеванных стран: Саксина, Булгара, Мордовии, Мари, Чувашии и Башкирии. О покорности монголам некоторых князьков тех мест говорят и Джувейни (выше цитировался его текст о взятии Булгара, [49, с. 22]), и Рашид ад-Дин: «Пришли тамошние вожди Баян и Джикю, изъявили [монгольским] царевичам покорность» [39, с. 38]. Таким образом, происхождение вышеупомянутых «подчиненных» и 50 «королей» в войске Субэдэя, покорявшего Европу, стало понятным — монголы сумели использовать народы Поволжья, Прикамья и половецкой степи в качестве дополнительного ресурса, с помощью которого восполнили потери от похода на Русь. Кроме того, об участии мордвы в походе в Европу упоминает и Рубрук: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет Германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Татар... Среди них живут другие, именуемые Мердас, которых Латины называют Мердинис, и они — Сарацины» [42, с. 110].

Итак, Субэдэй, «иже взя Болгарьскую землю» [ПСРА т. 2, стб. 784], о чем знали даже в Киевской земле в 1240 г., привел пополнение из Поволжья не ранее 1240 г. Значит, события, того года, когда был взят «Ту-ли-сы-гэ» и произошло сражение, в котором Субэдэй «захватил Е-ле-бань», относятся к походу на Русь 1240 г., точнее осени этого года, когда монголы прошли через землю «черных клобуков». А именно там нахо-

дится город Торческ, название которого и транскрибировано китайскими иероглифами как «Ту-ли-сы-гэ»¹. Упомянутый же в биографии русский владетель «Е-ле-бань» — скорее всего, совмещение разных русских собственных имен, непонятных китайским сводчикам ЮШ, которые пользовались искаженными переводами (скорее даже пересказами) монгольских летописей, часто с запорченными местами; примером такого пересказа является, в частности, ШУЦЧА. Так, «Е-ле» вполне соответствует передаче имени «Юри», а в событиях на Руси монголы сталкивались со множеством как «Юриев»-людей (князей), так и городов «Юрьевых», перемешавшихся в передаче разных событий и потом дополнительно искаженных в переводах. Поэтому вполне можно предположить, что, помимо установленного Торческа, Субэдэй также взял и город Юрьев, что в Поросье.

Помимо выявленного лингвистического соответствия: «Ту-ли-сы-гэ» = Торческ и неразличимости для китайских сводчиков ЮШ очередного «Юрия», под которым на самом деле фигурирует г. Юрьев, переданный знаками «Е-ли-бань» (которые примелькались китайским сводчикам ЮШ по другим местам, где имелись транскрипции «Е-ли»-«Юриев», переданных этими же знаками), есть еще один драгоценный намек в тексте ЮШ — Субэдэй не уничтожил «русских того племени» (т. е. русских «Е-ли-баня»), а «забрал всех». И ведь это верно — практика взаимодействия монголов с оседлыми народами была другой, из них монголы забирали с собой немногих, т. е. ценных ремесленников, мастеров и т. п. А вот из кочевых людей — брали всех (за исключением местных князьков, которых уничтожали), это хорошо обосновал Г. А. Федоров-Давыдов ([185, с. 233—234, 247]). Такая практика позволяла пополнить как число работников в кочевом хозяйстве (говорил ведь тот же Субэдэй русским князьям перед Калкой, что монголы «пущени на холопы и на конюси свое» [24, с. 62]),

¹ В китайских транскрипциях XIV в. звук «р» передавался через слоги, начинающиеся с «л», т. е. «Ту-ли-сы-гэ» передавал рамку следующих согласных — Т-р-с-г/к, так как тюркское q могло передаваться и как «к», и как «г», поэтому транскрипция «Т-р-с-к» неплохо соотносится с древнерусским «Търческ».

так и количество воинов для монгольского войска. А в Юрьеве, Торческе и их округе в Поросье жил именно такой народ, т. е. было кого брать там для нужд монгольского войска, шедшего дальше на запад.

Взятый монголами Торческ так и не возродился, археологи предполагают, что раскопанное в 38 км от города Белая Церковь, между селами Ольшанница и Шарки, огромное (свыше 90 га) городище XIII в. является его остатками [178, с. 90]. Развалины Юрьева, крупного города Руской Земли, долго привлекали взгляды проезжавших через эти пустынные земли русских людей — после монгольского погрома старое порубежье Руси со степью перестало быть таковым, там теперь селились небольшими островками выжившие «черные клобуки» да отчаянные русские люди. И все они были во власти новых хозяев Приднепровских степей — татар. Проезжая мимо развалин собора Юрьева (как выше отмечалось, этот центр епископии, нацеленный на миссионерство среди «своих поганых», пользовался большим вниманием со стороны киевских князей и митрополитов), они могли только изредка вспоминать, что белые остовы каменных строений — это церкви Юрьева, имя которого забывалось и заменялось на просто «Белая Церковь».

Таким образом, введение в научный оборот дополнительного письменного источника о событиях в 1240 г. в землях «своих поганых» дает возможность лучше оценить события этой последней кампании Батыя и Субэдэя на Руси. Роль Субэдэя в ней оказывается довольно специфической — ему поручено, как это не раз было в его карьере, «разобраться» с тюркскими народами, не желавшими подчиниться монголам. Только ли военные таланты и эффективность их использования заставляли выбирать Субэдэя для таких миссий? Видимо, они играли главную роль в принятии Чингисханом и его преемниками подобных решений. Но тут можно вспомнить о догадке известного исследователя кипчаков С. А. Ахинжанова — Субэдэй, выходец из урянхаев, мог ссылаться на родство последних с теми тюркскими племенами, которые, как и

урянхай, были когда-то в составе Кимакского каганата. Поэтому Субэдэй в 1222 г. и мог «улицивать» половцев бросить их союзников алан, говоря им, что они (половцы) ему родичи [59, с. 147]. Торки (гузы) и печенеги, главные составляющие объединения «черных клобуков», тоже были некогда выходцами из распавшегося Кимакского каганата. Не было ли одной из причин того, почему Субэдэя отозвали к Бату в 1240 г. еще и то, что в кампании против Руси и ее тюркских федератов понадобились и военные способности, и дипломатическая ловкость Субэдэя. Судя по данным ЮЩ, ему пригодилось и то, и другое — одни города Поросья он уничтожил, другие ему сдавались, так что он смог набрать достаточное количество новых подданных для кочевой империи монголов и увести их с собой. Однако не всех — избежавшие этой участи «черные клобуки» все же сохранили свое присутствие в Поросье (топонимика и археология Поросья это подтверждают, см. [185] и [89]). Но среди них, обескровленных монгольским погромом, значительно быстрее пошли процессы христианизации и ассимиляции с русскими. В итоге к XV в. можно говорить об окончании этого процесса, население этих мест все больше становится известным как «козаки» — свободные люди по-тюркски.

Покончив с сопротивлением «черных клобуков», в ноябре 1240 г. соединенные силы всех Чингизидов под командованием Бату подошли к Киеву и осадили его. Оборона города была в руках тысяцкого Дмитра Ейковича. Дело в том, что за два предыдущих года монгольского нашествия на Русь в Киеве продолжалась борьба за власть — бежавший в 1239 г. «пред Татары в Угры» черниговский князь Михаил Всеволодович освободил киевский стол, который немедленно захватил смоленский князь Ростислав Мстиславович, а его в свою очередь изгнал из Киева галицкий князь Даниил Романович. Но Даниил Галицкий, получив под свой контроль Киев, не перебрався в него со своими полками, а оставил город на своего тысяцкого, который был вынужден опираться только на ресурсы самого Киева. А против них у Батыя были «сил-

ныи воеводы Урдю¹ и Баидар, Бирюи, Каидан, Бечак и Меньгу и Кююкь², иже вратися, уведав смерть канову и бысть не от роду же его, но бе воевода его перьвыи — Себедаи богатур и Бурунъдаии багатырь, иже взя Болгарскую землю и Суждальскую, инех бещисла воевод» [ПСРА т. 2, стб. 785]. Их тумены действительно были «в силе тяжце», которые «много множествомъ силы своеи и окружи град и остолпи си» [ПСРА т. 2, стб. 784].

Осада Киева была достаточно долгой, сильные укрепления города ломались большим количеством камнеметов, «бес престани бьющим». По сведениям Псковской 3-й летописи, монголы взяли Киев 19 ноября 1240 г., но южнорусское летописание (а равно и владимиросуздальское) указывает датой падения города Николин день, т. е. 6 декабря. Возможно, первая дата указывает на взятие монголами в конце ноября так называемого «Ярославова города», т. е. стен Киева, поставленных Ярославом Мудрым, который расширил территорию города относительно той, что была при его отце Владимире Святославиче. На то, что монголы, взяв стены «Ярославова города», остановились на какое-то время, есть указание и в Ипатьевской летописи. Поэтому галицкий летописец, более осведомленный в сути происходившего, и посчитал датой окончательного взятия города Николин день, когда пал последний очаг сопротивления — Десятинная церковь внутри «града Владимира». По захваченному городу растеклись отряды монголов, которые грабили и убивали — «от мала до велика вся убиша мечем» [ПСРА т. 1, стб. 470]. Проезжавший спустя 6 лет через Киев Плато Карпини пишет о виденном им состоянии города: «Теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей они держат в самом тяжелом рабстве» [12, с. 47]. Он же замечает, что осада Киева была долгой, а его жителей монголы перебили [там же]. Раскопки М. К. Каргера в Киеве в основном подтвердили все эти сведения (см. [98]).

После падения Киева монголы двинулись на Волынь и к

¹ Орда, брат Бату.

² Т. е. Гуюк.

Галичу. Сам Батый с основными силами направился к Колодежину и Данилову (бассейн р. Случь), а выделенные облавные отряды «проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевывали крепости и области, которые были на [их] пути» [39, с. 45]. В Никоновской летописи также говорится, что по пути «в Угры» Батый «много множество бесчисленно Русских градов взять, и всех поработи» [ПСРА т. 10, с. 117]. Часть их бралась штурмом и защитники с населением уничтожались (Райки или Райковецкое городище, Колодежин, Каменец и Изяславль), некоторые сдавались и даже делались добровольными помощниками монголов (болоховские города, такие как Деревич, Губин и другие — «оставили бо их Татарове, да им орют пшеницю и проса» [ПСРА т. 2, стб. 792]), но некоторые крепости монголы так и не смогли взять (Кременец, Данилов и Холм).

Несмотря на героическое сопротивление защитников укрепленных линий на Случи, Верхнем Тетереве и Горыни, состоявших из городков-крепостей «райковецкого типа», монголы прошли в глубь Волыни. Центром ее был г. Владимир (ныне Владимир-Волынский), «большой и сильно укрепленный город, с мощными деревянными стенами и башнями» [97, с. 126]. Об его осаде в летописях не имеется подробностей, ясно только, что город был взят штурмом — «Батыю... приде к Володимеру и взя и¹ копьемь и изби и не щадя» [ПСРА т. 2, стб. 786]. Раскопки польских археологов в 30-х годах XX в. показали, что повсеместно на территории центра города находится слой угля и пепла в 30 см, а в нем разрозненные костяки со следами ударов холодным оружием, железные наконечники стрел, там же найдены черепа с вбитыми в них железными гвоздями [97, с. 127]. Судя по всему, сражение за город приняло ожесточенный характер и длилось достаточно долго, почему озлобленные завоеватели подвергли жителей города особо жестокой расправе.

Взятие Владимира ознаменовалось важным событием во внутримонгольской политике — от Бату в Монголию ушли

¹ Ер.

Гуюк и Мэнгу. Решение об их отзыве было принято Угэдэем в Каракоруме в начале 1240 г. ([39, с. 40]). Но, видимо, известие об этом пришло в Европу значительно позднее, во всяком случае, еще во время осады Киева тумены Гуюка и Мэнгу были в составе армии Бату. Помимо приказа каана было, видимо, и столкновение мнений о целесообразности продолжения похода дальше на запад. Во всяком случае, имеется аргументированное предположение у В. А. Егорова, что поход в Польшу и Венгрию «Бату предпринял по собственной инициативе», а не в соответствии с решением общеимперской власти [90, с. 27]. Уход туменов самых влиятельных (после Бату) Чингизидов, несомненно, уменьшил силы монгольской армии.

Кроме ухода туменов Гуюка и Мэнгу, армия Бату была ослаблена потерями в ходе четырехлетней войны. Ведь только за счет отдельных успешных действий русских войск и упорного сопротивления городов-крепостей монголы понесли чувствительные потери в походах 1237—1240 гг. Эти потери в борьбе с русскими монголы возместили, помимо поволжских народов, также и за счет кичаков, чья родовая аристократия вырезалась, а они сами включались в состав туменов монголов [185, с. 233—234, 247]. Эти пополнения могли залатать потери в строю только тех туменов, что остались у Бату после ухода Гуюка и Мэнгу. А общую численность его армии, которая пришла в Центральную Европу, можно оценить как не превышающую 100 тысяч человек.

От Владимира монголы двинулись тремя корпусами — один, с Байдаром во главе (считается, что у него было три тумена, [136, с. 163]), пошел через Бересты¹ в Польшу и Чехию, два других — в Венгрию, один из них через Карпаты (его вел сам Бату вместе с Субэдэем), а второй, под командованием Кадана [135, с. 222], пошел на юг, через Молдавию в Семиградье. События этого похода частично уже были освещены в предыдущей главе, поэтому ограничимся сообщением основных фактов касательно боевых действий монголов в Центральной Европе, которые не приводились выше. До Галича

¹ Современный Брест.

эти два корпуса — Бату и Кадана, дошли вместе. Галич был ими взят за три дня [178, с. 179] (летописи пишут о взятии Галича очень скупо, они только отмечают, что Батый разгромил «такое же и град Галичь» как и Владимир), и уже от него их движение в Венгрию пошло по отдельным направлениям. В Ипатьевской летописи сообщается, что идти в Венгрию «не стряпая» посоветовал Батыю взятый им в плен киевский тысяцкий Дмитр Ейкович [ПСРА т. 2, стб. 786]. Понятно, что Батый и сам собирался туда идти, а советы тысяцкого, видимо, касались сведений о снежной ситуации на перевалах в Карпатах, которая сильно зависит от погоды в разные времена года.

В Польшу тумыны Байдара пришли через Малопольшу — на этом пути они разорили Люблин, Завихвост, заняли Сандомир после сражения под Турском, где они 13 февраля 1241 г. разбили малопольское ополчение [139, с. 216]. Попытка остановить монголов перед Краковом в боях при Хмельнике (18 марта) и Торчком (19 марта) окончилась разгромом краковской дружины (воевода Владислав Клеменс) и сандомирского полка (командовали им воевода Пакослав и кастелян Якуб Ратиборович) [136, с. 163—164]. Поляки на себе убедились, что тактика полевых сражений — в пользу монголов, которые сами стремились уничтожить противника в поле, чтобы без особого труда занять лишенные защитников города. Так и здесь, после боев под Хмельником и Турском, они легко овладели Поланцем и Вишлецем, а 22 марта ими был занят Краков. Но их попытка устроить облаву в Шлёнской земле провалилась — отряд Бахату был отражен от Вроцлава, поэтому их успехи ограничились грабежом некоторых земель Мазовии и Куявии [136, с. 164].

На помощь Вроцлаву должны были отправиться польское войско князя Генриха и вспомогательный отряд чешского короля Вацлава, их соединение планировалось у Легницы. Но монголы опередили его на один день — 9 апреля 1241 г. в поле к югу от Легницы они наголову разбили польско-германское войско князя Генриха, а его самого убили. В это время основ-

ная группировка монголов громила Венгрию и ее руководитель Бату призвал корпус Байдара присоединиться к нему. В мае монголы Байдара были уже в Моравии, откуда двинулись дальше, в Венгрию.

Главные силы армии Бату, пришедшие в Венгрию, смогли навязать венграм выгодное для себя полевое сражение: 11 апреля 1241 г. они разбили главные силы Венгерского королевства при реке Шайо. Войска Бату атаковали лагерь венгров с севера, а корпус Субэдэя с юга. Оказавшиеся в окружении венгерские войска не смогли проявить достаточной стойкости — часть их упорно сражалась (в частности, за мост, где монголы понесли чувствительные потери), но другая побежала. По свидетельству Фомы Сплитского, дело решила паника, начавшаяся в венгерском войске: «Во втором часу дня все многочисленное татарское полчище словно в хороводе окружило весь лагерь венгров. Одни, натянув луки, стали со всех сторон пускать стрелы, другие спешили поджечь лагерь по кругу. А венгры, видя, что они отовсюду окружены вражескими отрядами, лишились рассудка и благоразумия и уже совершенно не понимали, ни как развернуть свои порядки, ни поднять всех на сражение, но, оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне... Несчастливая толпа венгров, отчаявшись найти спасительное решение, не представляла, что делать... король и князья, бросив знамена, обращаются в бегство... по всему пути валялись тела несчастных... жалкие остатки войска, которыми еще не насытился татарский меч, были прижаты к какому-то болоту, и другой дороги для выхода не оказалось; под напором татар туда попало множество венгров и почти все они были поглощены водой и илом и погибли» [51, с. 108—109]. Согласно сведениям из биографии Субэдэя в ЮШ, в этой битве участвовали все основные военачальники похода (кроме Байдара) — Бату, Орда, Шибан, Кадан, Субэдэй и Бахадур (Бахату).

Силы собственно венгров были сравнительно небольшими — численность их не превышала 30 тысяч, так по крайней мере сообщает В. Рубрук: «Венгерский король имеет, самое

большее, не свыше 30 тысяч воинов» [42, с. 194]. Конечно, это оценка высказана в 1255—1256 гг., после монгольского погрома. Но и во время нашествия монголов далеко не все силы венгров были собраны — феодальное рыцарское ополчение, как уже отмечалось, всегда проигрывало монголам в мобильности. Но для битвы при Шайо (или Сайо, в долине Мохи) к королю Беле IV все же успел подойти со своим войском его брат, хорватский герцог Коломан (Кальман) и их объединенное войско могло достигнуть 60 тысяч (цифра, возможно, преувеличена средневековым хронистом). Разгром этих сил был решающим для дальнейшей судьбы кампании — после Шайо монголы приступили к своей обычной практике «облавы» беззащитной страны (были взяты Варадин, Арад, Перг, Егрес, Темешвар [137, с. 21]). Одним из крупнейших корпусов, выделенных для облавы, был отряд Кадана. Именно он прошелся огнем и мечом от Пешта до Адриатики, захватывая и разоряя венгерские города и крепости, как это было рассказано выше. Сам же Бату отправился в Словакию и Чехию — перед его туменами пали Банска Штявница, Пуканец, Крунина (в Словакии), а также Опава, Бенешев, Пржеров, Литовел и Евичко (в Чехии) [136, с. 169].

Максимальное продвижение монголов на запад было зафиксировано в апреле 1242 г., когда они вышли к Адриатике. Воевавшие там монгольские отряды, рассыпавшись на отдельные мелкие подразделения, потеряли свою ударную силу, они были уже не в состоянии брать крупные города (как это было подробно рассмотрено в разделе «Осадные технологии монголов»), а только занимались грабежом их окрестностей. Отход на плодородные пастбища Паннонии для устройства там постоянной базы монгольской конницы, как это планировал Бату еще осенью 1240 г., вылился в уход из Центральной Европы навсегда. Дело в том, что из-за пришедшей вести о смерти в конце декабря 1241 г. каана Угэдэя, монголы не смогли остаться в Венгрии как планировали с начала. Отозванный ранее из Европы Гуюк становился опасным конкурентом в борьбе за власть, а то обстоятельство, что он враждовал с Бату, торопило

последнего занять более выгодные позиции ближе к Центральному улусу. Поэтому для учреждения своей ставки Бату решил вместо Паннонии — самого западного края, выбрать Поволжье, середину Дешт-Кыпчака. Туда он двинул свои войска из Центральной Европы (на обратном пути к низовьям Дуная, для встречи там с Бату, корпус Кадана с Адриатики прошел через Болгарию, эту последнюю жертву монгольского нашествия в Европу) и уже в 1243 г. Бату принимал в Сарае первых русских князей, прибывших к нему с выражением покорности и просьбами об утверждении на столе своих княжеств.

§§ 18.4. Междуцарствия. Войны с халифатом и Сун

Избранный в 1246 г. третим кааном Гуюк (старший сын Угэдэя) очень быстро обнаружил существование фронды его политике. Недовольных возглавлял Бату, хан крупнейшего улуса империи. Дело в том, что после смерти Угэдэя в декабре 1241 г. чингизиды долго не могли собраться на курултай в Монголии, который только и мог, согласно Ясе Чингисхана, утвердить нового каана. Основания к неявке имелись — многие царевичи были до весны 1242 г. в дальнем походе в Европе, а кроме того, по ярлыку-приказу (завещанию) Угэдэя кааном должен был стать его внук Ширамун, а не Гуюк, но «Туракина-хатун приказа его не послушалась, переименовала его» [39, с. 129], что вызвало споры в «золотом роде». Но все же главным инициатором неявки на курултай был, видимо, Бату, ведь, по словам РД, именно Бату ждали больше всего: «так как он был старший из всех [родичей], то из-за его отсутствия около трех лет не выяснялось дело [о звании] каана» [39, с. 80]. Бату давно, со времен похода на Русь, имел счеты с Гуюком (см. [16, с. 194—195]), так что у него были основания опасаться воцарения последнего. Закулисные переговоры между всеми домами Чингизидов шли долго, пока в июле 1246 г. Гуюк не был провозглашен кааном на курултае. Но даже и тогда Бату, сказавшись больным, не поехал на курултай, послав вместо себя братьев [39, с. 118].

За период почти пятилетнего междуцарствия делами империи завладела группировка Турэгэн-хатуни или Тура-

Монгольская империя в 1260 г.

кины, вдовы Угэдэя (см. [130, с. 11]). Она выдавала ярлыки, проводила суды [57, с. 504]. Но кроме нее те же права на выдачу пайцз, ярлыков и посылку сборщиков дани получила группировка Соркуктани-беги, вдовы Толуя. А глядя на них, и прочие чингизиды в своих улусах стали заниматься выдачей своих ярлыков и пайцз. Пришедший к власти Гуюк приказал отобрать все выданные после смерти Угэдэя ярлыки и пайцзы, чем вызвал понятное недовольства многих князей «золотого рода» (см. [57, с. 551]). Ведь «после смерти [каана] каждый из царевичей совершил неуместные поступки, писал бераты на области и всякому давал пайзы» [39, с. 119—120]. При этом группировка Соркуктани-беги не была тронута, пострадал в первую очередь улус Джучи.

Все это едва не привело к гражданской войне, когда Гуюк решил силой подавить сопротивление Бату и выступил в поход. Заранее предупрежденный Бату «держал [наготове] границы и вооружался для борьбы с ним. Когда Гуюк-хан достиг Самарканда... [сго] настиг предопределенный смертный час» [39, с. 121]. Смерть Гуюка весной 1248 г. ([55: цз. 2, с. 14]) предотвратила вооруженное столкновение и поменяла расклад сил в Чингисовом доме — Бату оказался старейшим в роде и дети Толуя с их матерью решили договориться с ним о разделе власти. Сначала ему предложили самому стать кааном и, видимо, заключить соглашение с Мэнгу и его братьями. Вот что сообщает об этом Джузджани: «Когда Гуюк переселился из мира сего и сошел в ад, то все, кроме сыновей Чагатая, согласились возвести на царство Бату. Они обратились к Бату с просьбой принять престол монгольский и сесть на царство; все они подчинятся его велению. Бату не согласился» [49, с. 15]. Вместо этого Бату предложил другой вариант — сделать кааном Мэнгу, так как «благо улуса, войска и нас, царевичей, заключается в том, чтобы посадить его на каанство», на собрании частью чингизидов это решение было поддержано, но «часть царевичей из дома каана¹ и Гуюк-хана, Йису-Мэнгу и Бури, потомки Чагатая, по этому поводу чинили отказ и в

¹ Угэдэя.

том деле создавали отлагательство» [39, с. 130]. Торг между ними продолжался почти три года, пока в 1251 г. на курултае в Каракоруме Мэнгу не стал кааном. Причем Бату «сам возвел Мэнгу-каана на каанство и заставил всех своих братьев, родственников и эмиров подчиниться и покориться ему» [39, с. 80], став, по выражению Джувейни, «делателем царей» [57, с. 594] и самым влиятельным ханом в империи.

На том же курултае, что возвел в кааны Мэнгу, было принято решение о продолжении завоеваний: в Китае они поручались Хубилаю [40, с. 23], а для похода в Западную Азию назначался Хулагу. Сам каан тоже собирался участвовать в походах, он решил завоевать южный Китай. Существовавшее с 1238 г. перемирие с Сун, которое хотя и нарушалось набегами монголов, было разорвано — с 1252 г. началась большая война за полное завоевание Южного Китая.

Для армии Хулагу набирались воины из всех четырех улусов, от каждых десяти воинов их войск выставлялись два человека, «не числившихся [в войске], либо рабов и людей [просто] расторопных» [38, с. 280]. Набор этого войска закончился в 1253 г., и армия Хулагу двинулась на запад, но ее продвижение было очень медленным, только осенью 1255 г. она достигла Самарканда, а в начале 1256 г. вступила в Хорасан [40, с. 25—26]. В Иране к Хулагу должны были присоединиться другие соединения: «войско, которое с Байджу и Чурмагуном раньше посылали для несения службы тама» и «войско, которое также посылали для несения службы тама в Кашмир и Индию с Даир-бахадуром» [40, с. 23].

Первым деянием Хулагу в Иране было уничтожение исмаилитского государства¹ — их столица Аламут в Кухистане была взята монголами 15 декабря 1256 г. [40, с. 31], а всех исмаилитов Хулагу приказал истребить. Весной 1257 г. к Хулагу прибыл корпус Чормагана, которым, после смерти последнего, командовал Бачу-нойон. Хулагу поставил тому задачу прой-

¹ Исмаилиты — секта, созданная «горным старцем», знаменитые «ассасины», их государство в Иране существовало в 1090—1256 гг.

тись по Малой Азии, в результате чего сельджуки Румийского (Конийского) султаната и греки Трапезунтского царства стали вассалами ильханата Хулагу.

В январе 1258 г. монголы выступили с трех направлений на Багдад: из Курдистана, от Ирбиля, шли войска Бачу со вспомогательным войском грузин и армян; из Луристана и Тикрита шли тумены Кит-Буги, Кудусуна и прочих нойонов; сам Хулагу из Хамадана шел на соединение с войсками царевичей — внуков Джучи (Тутар, Булгай и Кули) к Керманшаху [40, с. 40]. В конце января войска Хулагу окружили Багдад, попытка войск халифа разбить монголов на подходе к городу провалилась, двенадцать тысяч человек из войска халифа погибли в бою [40, с. 42]. С 29 января 1258 г. монголы начали вести обстрел Багдада из катапульта и пробовать штурмовать стены. Наконец 4 февраля была разбита Аджамская башня и монголы прорвались на стены города, начались бои за мосты, где монголы использовали суда с катапультами [40, с. 42—43]. Часть багдадцев начала сдаваться, но озверевшие монголы их всех перебили, другие еще сопротивлялись, но 10 февраля халиф Мустасим сдался без каких-либо условий, пришло время «поголовного грабежа и убийства» [40, с. 44], которые продолжались пять дней. Казна халифов, собиравшаяся 600 лет, была показана самим халифом, ее размеры поразили даже привычных к виду сокровищ монголов.

Сокрушение халифата открыло путь к дальнейшим завоеваниям — Хулагу решил покорить Сирию и Египет. Для этого в Сирию был направлен корпус Кит-Буги, но в Палестине, в знаменитом сражении при Айн-Джалуте 4 апреля 1260 г. монголы были наголову разбиты мамелюкским войском египетского султана. Составлявшие большинство мамелюков турки — кипчаки, половцы и бывшие хорезмийцы — не только отстояли Сирию и Египет, но и взяли реванш, окончательно остановив монгольскую экспансию на запад Старого Света.

Заключение

В 1259 г. при осаде сунского города погиб Мэнгу-каан и сразу же, в том же году, произошло столкновение за трон его родных братьев, сыновей Толюя, т. е. Хубилая и Арик-Буги, которые почти одновременно объявили себя каанами. Первым «избрался» в Ханбалыке (Пекине) в 1260 г. старший из них — Хубилай, а вторым, в том же году, Арик-Буга — в коренном юрте, в Каракоруме. Оба они «избрались» каанами в нарушение порядка, установленного Чингисханом, и, строго говоря, не были легитимными каанами. Но в их свару не полезли остальные Чингизиды, даже их брат Хулагу, который в то время завоевывал себе улус в Иране и в арабских странах — эфемерному влиянию на каана разваливающейся империи (как Бату при своем кузене Мэнгу-каане) они предпочли совершенно определенную личную власть в своих улусах. Тем более что к этому времени резко обострились отношения между Хулагу, сыном Толюя, и ханом Золотой Орды Берке, сыном Джучи, и им было не до Центрального улуса. В итоге в 1262 г. произошла первая война между чингизидами — столкнулись за владение Азербайджаном и Арраном Золотая Орда и ильханат Хулагу. Эта война привела к чудовищному поражению монголов Хулагу, потери были столь велики, что, по известию арабского автора Ибн Василя, «когда Берке прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: „Да посрамит Аллах Хулавуна этого, погубившего Монголов мечами Монголов. Если бы мы действовали сообща, то покорили бы всю землю“» [48, с. 75]. Но время Чингисхана и каанов, его первых преемников, уже прошло безвозвратно. Междоусобная война между монголами стала свершившимся фактом. — наряду с потерей легитимности верховных каанов (что Арик-Буги, что Хубилай и, позднее, претендента Хайду) это обстоятельство стало реальной подоплекой фактического конца монгольской империи. То государство, которое непосредственно развилось из державы Чингисхана, прекратило свое существование. Но-

вое образование на ее месте — это несколько отдельных улусов, практически ставших независимыми государствами.

Напоследок дадим краткий обзор дальнейших событий на территориях бывшей мировой империи после возникновения двоевластия в коренном юрте — появления двух каанов там и начала войны улусов Джучи и Хулагу. На востоке ее — в Центральном улусе — продолжилась феодальная война между братьями Хубилаем и Арик-Бугой. Несмотря на первоначальные победы, Арик-Буга в итоге проиграл. Война закончилась капитуляцией Арик-Буги в 1264 г., и Хубилай получил полную власть над Центральным улусом. На западе отношения между джучидами и хулагуидами окончательно перешли в постоянную, почти столетнюю, войну. Потом, в 1266 г., началась вторая междоусобица внутри Центрального улуса — между внуком Угэдэя Хайду и Хубилаем. На этот раз дело осложнилось вовлечением в войну остальных улусов империи, с постоянными переходами союзников то на одну, то на другую сторону. Так, примерно до 1277 г. улус Джучи (Золотая Орда) то поддерживал Хайду — пока был жив Берке (умер в 1266 г.), бывший врагом Хулагу, союзника Хубилая, то — нет. Затем, в 70-х годах, улус Чагатай и улус Джучи опять поддерживали Хубилая, пока в 1277 г. снова не переметнулись на сторону Хайду. А тот почти разбил Хубилая, которому изменил его главный полководец Наян, но все же не достиг решительного успеха — война продолжалась все правление Хубилая.

Эта война закончилась уже в начале XIV в. при Тогон-Тимуре, внуке Хубилая, формальным возвращением единства империи. Однако к тому моменту времена реальности такого единства были далеко позади, и государства, выросшие из улусов Джучи, Чагатай и Хулагу, давно жили своей отдельной политической жизнью и каждое развивалось в рамках своей собственной модели. Те или иные контакты между ними в этот период, иногда довольно тесные, были или нормальной межгосударственной практикой, или следами бывшего единства — как, например, сейчас между государствами нынешнего Британского Содружества наций, выросшего из Британской

Империи. Дороги государств, частей бывшей мировой державы Чингисхана, и унаследовавших их династий Чингизидов расходились все дальше и дальше. Судьбы монгольских завоевателей и их династий сложились в них по-разному — сначала улус Чагатай был поделен на мелкие владения между его размножившимися потомками и соседними улусами (Джучи и Хулагу), потом пали и погибли физически хулагуиды в «обоих Ираках» и Закавказье, затем национальная китайская династия Мин сменила в Китае монгольскую Юань, последним монгольским ханам которой оставалось править только коренным юртом — Монголией и еще несколько десятилетий вести войну с китайцами, а улус Джучи вообще претерпел ошеломляющие перемены, нам в России хорошо известные. Но все это уже совсем другая история...

Рассмотренные в книге вопросы истории монгольской мировой империи и ее особенностей как военно-экспансионистского государства позволяют заключить — империя Чингисхана во многом опередила свое время, как по системе организации военно-полицейского аппарата, этой несущей конструкции данного государства, так и по размаху своих владений. Мировые империи, ближайšie аналоги ее по этим параметрам, приблизились к империи чингизидов только в период колониальной экспансии Великобритании и расцвета Российской империи, лишь они и смогли превзойти свою предшественницу XIII века. При всем при этом государство Чингисхана оказалось недолговечным, через 60 лет оно распалось на части, которые или трансформировались под воздействием культурных традиций народов, завоеванных монголами, приняв их модели государственного развития, или погибли, не приспособившись к изменениям.

Хронологическая сетка основных событий

- 1147 — «Хамаг Монгол улус» Амбагай-хана
- 1155 — рождение Темучжина
- 1167 — смерть Есугай-баатура
- 1168 или 1169 — попадание Темучжина в зависимость от тайчжиутов
- 1178 или 1179 — освобождение от тайчжиутов, начало активной деятельности Темучжина
- 1183 — меркитский набег и плен жены Темучжина
- 1184 — победа Темучжина и Чжамухи над меркитами
- 1186 — уход Темучжина от Чжамухи
- 1187—1188 — происходит присоединение к Темучжину нескольких монгольских обоков
- 1189 — избрание Темучжина выборным ханом рядом родовичей-аристократов, принятие им титула Чингиса
- 1190—1191 — устройство своего улуса Чингисханом, дело с Чжочи-Дармала и младшим братом Чжамухи Тайчаром, битва при Далан-Балчжугах, пиррова победа Чжамухи
- 1196 — разгром татар Мэгуджин-Сеульту, кэрэитский хан Тогорил становится Ван-ханом
- 1197 — расправа Чингисхана с Сача-беки и Тайчу и подчинение чжуркинцев; его поход на тункаитов, подчиненных брата Ван-хана Чжаха-Гамбу
- 1198 — Ван-хан разбил меркитов, первые трения с Чингисханом
- 1200 — разгром тайчжиутов Чингисханом
- 1201 — Чжамуха избирается частью степных нойонов Гур-ханом, Ван-хан в союзе с Чингисханом побеждает коалицию Чжамухи
- 1202 — разгром и уничтожение татар осенью, начало трений с Ван-ханом
- 1203 — разрыв и борьба Чингисхана с Ван-ханом и Чжамухой, гибель Ван-хана
- 1204 — разгром найманов, окончательная консолидация власти в степи в руках Чингисхана
- 1205 — первый внешний поход монголов — набег Елюй Ахая на Си Ся
- 1206 — Великий курултай, Чингисхан — каан, проведение им государственных реформ

1207 — первый большой поход Чингисхана за пределы монгольской степи и поражение тангутов, присоединение «лесных народов»

1208 — присоединение ойратов к государству Чингисхана, разгром меркитов и убийство их вождя Токтая, Кугулука с найманами бежит к каракитаям

1209 — уйгуры добровольно принимают власть Чингисхана, война с Си Ся

1210 — добровольное подчинение карлуков Арслан-хана, разрыв с Цзинь

1211 — начало войны с Цзинь, военная катастрофа чжурчженей

1213 — монголы овладели 862 городами Цзинь

1214 — мирный договор с Цзинь, в котором чжурчжэни признают за Чингисханом право быть императором-кааном

1215 — в апреле взят Пекин (Средняя столица Цзинь)

1217 — Мухали назначен наместником в Северном Китае, разгром монголами остатков меркитов, подавление мятежа туматов

1218 — поражение Кучулука-хана, «Отрарская катастрофа», решение о войне с хорезмшахом

1219 — начало войны с хорезмшахом в сентябре

1220 — взятие Отрара, Бухары, Самарканда и Хорезма, в конце декабря умирает хорезмшах Мухаммед ибн Текеш

1221 — весь Мавераннахр в руках монголов, они переносят операции в Хорасан и Иран

1222 — монголы в Афганистане, в ноябре они доходят до Инда, тумены Чжэбэ и Субэдэя проходят через Кавказ в Северное Причерноморье и разбивают алан и половцев

1223 — в мае Чжэбэ и Субэдэя разбивают русско-половецкое войско на Калке

1224 — Чингисхан доходит до Индии, но поворачивает назад в Центральный улус

1225 — возвращение Чингисхана в Центральный улус и начало войны с тангутами

1227 — смерть Чингисхана осенью и гибель тангутского государства Си Ся

1227—1228 — регентство Толуя, младшего сына Чингисхана

1229 — избрание кааном Угэдэя, рейды Субэдэя в Поволжье — неудачные попытки захватить Булгар

1230 — начало последней войны с Цзинь

- 1231 — в августе погибает последний упорный враг монголов султан Джелал ал-Дин Манкбурны, смерть Чжэбэ
- 1231—1232 — война в Корее, подчинение ее как вассала Монгольской империи
- 1232 — поход на волжских Булгар
- 1234 — уничтожение чжурчжэньской империи Цзинь, ее последний император повесился и его тело сожжено
- 1235 — курултай, решивший начать большой поход на Запад
- 1236 — начало Великого западного похода; тактика набегов на Сун и карательный рейд в Корею, гибель Булгара и других повожских городов
- 1237—1240 — Батыево нашествие на Русь
- 1237 — взятие монголами Рязани 21 декабря, в самом конце декабря они придвигаются к Коломне
- 1238 — Москва взята монголами 20 января, в марте монголы ушли на юг после разгрома русского войска на р. Сить 4 марта, в конце обратного пути уничтожив Козельск; осенью поход на восставших мордву, ясов-алан и черкесов; заключение мира с Сун
- 1239 — война с аланами; погром Черниговского и Переяславского княжеств; 26 декабря монголы взяли Сурож (Судак) на Южном берегу Крыма
- 1240 — осенью последний поход Батыев на Русь, взятие и разгром Киева 6 декабря
- 1241—1242 — нашествие монголов в Центральную Европу — Польшу, Венгрию, Чехию и вплоть до Адриатики и Болгарии
- 1241 — смерть Угэдэя в декабре и начало почти пятилетнего междуцарствия
- 1243 — первые русские князья едут к Батыев в Орду за ярлыками на княжения
- 1245—1246 — русские князья в Каракоруме, окончательное оформление отношений Руси с монголами после Батыева погрома
- 1246 — крупный рейд на Сун
- 1248 — разрыв Гуюка и Бату, смерть Гуюка предотвращает войну между ними, смерть Субэдэя
- 1249 — новое междуцарствие
- 1251 — выбор Батыем Мэнгу как нового каана, решение Мэнгукаана покорить Сун
- 1252 — Неврюева рать на Руси, война с Сун
- 1253—1257 — общеимперская перепись, «численники» на Руси в 1257 г.

1255 — смерть Бату

1258 — взятие Хулагу Багдада, казнь халифа и конец Багдадского халифата

1259 — смерть Мэнгу и междоусобица в Центральном улусе

1260 — одновременное избрание двух каанов, начало развала мировой империи монголов

1262 — война между ильханатом и Золотой Ордой

1262—1263 — имперские даньщики на Руси избиваются, власти Золотой Орды не вмешиваются в это

1265 — смерть Хулагу в январе

1266 — смерть Берке, Золотая Орда окончательно рвет отношения с нелегитимным кааном Хубилаем, начало 40-летней усобицы Хубилая и потомков Угэдэя за власть в Центральном улусе

1267 — Менгу-Темур, хан Золотой Орды, чеканит монету, где титулуется себя «великим ханом», т. е. объявляет себя кааном, равным каану в Каракоруме.

Критический обзор источников и литературы

Основными источниками для целей настоящей работы можно считать письменные известия, созданные как непосредственно в период монгольских завоеваний, так и поколением позднее (XIII век). Более поздние источники (до XV века включительно) могут быть также привлечены, но только при наличии в них информации, восходящей к современным источникам событиям, и при тщательной ее проверке. Источники второй группы, т. е. периода XVI—XVIII вв., привлекаются для уточнения и сверки данных основной группы источников. Ниже приведен критический обзор важнейших источников первой группы. Полезно будет рассмотреть их классифицированными по этногосударственной принадлежности. Внутри каждой такой группы источники рассматриваются в хронологическом порядке.

Монгольские источники

Безусловно, на первом месте по своей значимости находится «Сокровенное сказание» или «Секретная история монголов» (часто используется и другой вариант перевода — «Тайная история монголов», далее ТИМ) — написанное в 1240 г. в жанре богатырского эпоса историческое повествование. «Сокровенное сказание» дошло до нас в виде транслитерированного китайскими иероглифами монгольского текста (это вообще отдельная научная проблема — расшифровать эту транслитерацию, т. е. выяснить точное фонетическое звучание монгольского текста, записанного совершенно неприспособленными для этого китайскими иероглифами, и корректно восстановить этот монгольский текст, написанный на языке XIII века). Кроме того, есть два вида его китайского перевода — подстрочник (дающий китайское значение каждого монгольского слова) и сокращенный литературный перевод

(связный перевод, но с потерей части содержания СС); оба относятся к середине — концу XIV в. [29, с. 77—78]. Работу по восстановлению монгольского текста СС и его перевод провели всего в нескольких странах, в России ее сделали С. А. Козин [16] и Б. И. Панкратов [29, с. 38—104]. Перевод первого был опубликован в 1941 г. и вызвал ряд замечаний. В основном этот перевод носит литературный характер, сохраняющий смысл СС, но в ряде моментов неточный. Лингвистически точным является перевод Б. И. Панкратова. Но, в отличие от полного перевода Козина, от перевода Панкратовым 243 параграфов СС (всего в СС 282 параграфа) сохранились переводы далеко не всех: имеются лакуны с 84-го по 103-й и со 198-го по 219-й параграф, т. е. наличествует перевод $\frac{2}{3}$ всего СС [29, с. 42—43]. Однако есть подробные, по каждому параграфу СС, замечания Панкратова на перевод Козина, уточняющие его. Вместе с тем, переводы Козина и Панкратова взаимодополняют друг друга. Исследованиям СС посвящена обширная литература¹. Приведем несколько выводов из них, полезных для понимания значения СС.

Использование СС должно производиться с учетом вкрапления в текст традиционных формул, сюжетов, фантастических элементов и гипербол, стандартных оборотов сказительского мастерства, присущих любому народному сказанию, как то: «три дня и три ночи», мотив троичности вообще («трижды», «три меркита», «трижды облагали гору» и т. д.), постоянного использования метафор («четыре пса» Чингисхана — его полководцы, которые «мясо людское в дни сечи едят» [16, с. 147]), таких сюжетов, как добро и воздаяние за него, зло и месть за него, мотивы предопределенности судьбы поступков героев и т. п.

Весьма важным наблюдением является то, что хотя СС и несет на себе черты богатырского эпоса, к концу своего повествования оно приобретает все более хроникальный характер. Таким образом СС имеет довольно сложный составной характер — на народные предания (у монголов не было

¹ См. например [183].

письменности и исторические повествования сохранялись в устной форме), обработанные автором СС, накладывались обработанные записи мемуаров участников событий и попытки автора писать в манере, близкой к летописной. Косвенно это подтверждается резким изменением в датировке событий — она становится регулярной с 1201 г. и выглядит как позднейшее наложение хронологической сетки на уже готовое в основном произведение. Поэтому хронология до 1204—1206 гг. в СС изобилует анахронизмами и требует уточнения по другим данным. Есть также определенная диспропорция между сведениями о внутримонгольской политике и о внешней экспансии государства Чингизидов в пользу первых. Существует довольно аргументированная гипотеза о том, что авторство СС принадлежит Шиги-Хутуху — одному из самых выдающихся сподвижников Чингисхана, его приемному сыну и первому Великому судье монгольского государства, бывшему притом первым монгольским книжником и довольно неудачливым полководцем. На это косвенно указывает непропорционально большое число упоминаний Шиги-Хутуху в СС, причем часто со специфическими чертами — уменьшительными именованиями его, описание его жизни в СС ведется с самого начала (единственный случай в СС помимо самого Чингисхана) и т. п.

Подытожив, можно сказать, что при условии вычленения традиционных эпических элементов и сверки хронологии СС является самым ценным источником по ранней истории монголов и становлению государства Чингисхана. Менее подробные сведения СС по внешним походам монголов не снижают его ценности, так как могут быть восполнены многочисленными источниками тех стран, в которые вторгались и завоевывали монголы.

Иные монгольские источники периода существования единой монгольской империи — «Чингисов камень», письма монгольских ханов в Западную Европу в адрес королей и пап, ярлыки и пайцзы. Все они представляют интерес как пред-

ставители очень небольшого количества аутентичных документов, сохранившихся до наших дней. Однако ввиду своего малого объема и специфичности содержания (например, «Чингисов камень» — это памятная запись о торжественном пире и соревновании лучников) они представляют интерес для исследования довольно узкой проблематики (в основном для филологии старомонгольского языка), а потому специально здесь не рассматриваются.

Китайские источники

«Мэн-да бэй-лу» (Полное описание монголо-татар) Чжао Хуна — единственный китайский источник, прижизненный Чингисхану, при этом самый ранний вообще, он датируется 1221 г. В 1220 году от командующего пограничными войсками Сун был направлен к монголам посол, некий чиновник Чжао Хун. Он отправился к наместнику Чингисхана в Северном Китае Мухали и встретился с ним в Яньцзине (современный Пекин) в 1221 г. (сведения о нем сохранились в официальной истории династии Сун — «Сун ши» [127, с. 20—22]). Это сочинение, представляющее собой комбинацию отчета и записей, ведшихся во время пребывания у монголов, является миниэнциклопедией по всем аспектам их жизни и было составлено в 1221 г., сразу после возвращения Чжао Хуна в Сун. Именно потому, что оно затрагивает едва ли не все аспекты жизни монголов, его называли «Полным описанием», несмотря на довольно небольшой объем самого текста.

Чжао Хун долго добирался на аудиенцию к Мухали, ему пришлось почти год прожить среди монголов, и он собрал за это время огромной важности сведения о практически всех сторонах жизни монголов, причем писал он только либо о том, что видел сам, либо о том, что знал из первых рук — с тем же Мухали он много беседовал и получил исключительные по ценности сведения. Видимо, его задачу облегчало его происхождение — Чжао Хун, по сведениям Чжоу Ми, автора сочинения второй половины XIII в. «Ци-дун е-юй» (Речи восточ-

ноциского дикаря), был «и-лэй», то есть «породы варваров». С учетом того, что он числился по пограничному ведомству, и с учетом его принадлежности к нетитульной нации, вполне можно предположить, что Чжао Хуна выбрали потому, что в его обязанности входило общение с пограничными империи Цзинь «варварами», чем он и был ценен в этой своей по сути разведывательной миссии. Подробный отчет о ней и представляет собой его записка. Общая характеристика источника — это чрезвычайно ценный по своей информативности и достоверности текст, ошибки в нем редки и в основном связаны с ходячими в то время литературными штампами, которые поэтому легко распознаются. Большую работу по критическому изданию источника провел выдающийся китайский ученый Ван Го-вэй, чьи комментарии к «Мэн-да бэй-лу», основанные на привлечении огромного количества смежных источников XIII—XIV вв., имеют собственную ценность. В данной работе используется академическое издание перевода на русский язык ([22]) критического текста «Мэн-да бэй-лу», подготовленного и откомментированного Ван Го-вэем. Имеющееся в данном издании воспроизведение китайского текста позволило оговаривать имеющиеся разночтения с переводом Н. Ц. Мункуева.

«Хэй-да ши-люе» (Краткие сведения о черных татарах) Пэн Да-я, Сюй Тина — компиляция, датируемая 1237 г. Она была составлена из записок Пэн Да-я (побывал у монголов в 1233 г.) и Сюй Тина (побывал у монголов в 1235—1236 гг.). Записи Пэн Да-я поабзацно дополнены отрывками из Сюй Тина, почему последнего иногда считают комментатором Пэн Да-я. Данное сочинение относится, с одной стороны, к жанру путевых записок (что ценно ввиду достоверности его как свидетельства очевидцев), но с другой стороны — это и вид памятной записки для властей государства Южная Сун, что определенным образом формализует сведения, в нем изложенные. Немаловажным обстоятельством является и то, что сведения о монголах приведены по данным двух разных

путешествий (что позволяет сопоставить и проверить их), хотя несколько неуклюжая редакторская правка при своде их воедино привнесит некоторые шероховатости в их восприятие. Особенно ценны их сведения по письменности у монголов и социально-экономической политике в монгольском государстве. К сожалению, критическое исследование и перевод на русский язык этого памятника охватывают только около половины текста «Хэй-да ши-люе». Поэтому сведения по военному делу монголов (не вошедшие в русский перевод), привлекаемые из его оригинального текста, требуют более тщательного анализа, вследствие чего в данном исследовании используются только самые бесспорные сообщения Пэн Да-я и Сюй Тина.

Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая, советника и первого министра у Чингисхана, Угэдэя и регентши Туракины — китайский источник о первых монгольских ханах, созданный после 1243 г. китайским ученым Сун Цзы-чжэнем. Жанр надгробных надписей заслуженных сановников Юань позволил сохранить многие сведения, которые в официальных историях редактировались. Видимо, поэтому значительная часть этой надписи дословно вошла в жизнеописание Елюй Чуцая в «Юань ши». Данный источник имеет огромное значение — как один из самых ранних, а также из-за высокого положения Елюй Чуцая, внесшего большой вклад в создание мировой монгольской империи. В основном сведения надписи являются достоверными, если, конечно, делать скидку на определенную жанром панегиричность содержания. Это источник огромной важности, так как, независимо от группы источников типа СС, РД, ШУЦЧЛ и «Мэн-да бэй лу», подтверждает многие их сообщения и дает дополнительные данные по персоналиям военной и политической элиты монгольской империи.

«Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столе-

тия» — записки о путешествии к монголам Чжан Дэ-хуя в 1248 г. Несмотря на достаточно позднее происхождение, они вполне подходят для получения ретроспективных сведений о быте, нравах и обычаях ранних монголов. Для получения сведений о политической истории они менее пригодны, хотя и любопытны в плане сравнения с аналогичными путевыми отчетами европейских путешественников (Карпини и Рубрука), побывавших у монголов в те же годы. Их основное значение состоит в описании географии Монголии с приведением аутентичных названий XIII в.

«Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад» — написано в конце 20-х годов XIII в. Ли Чжи-чаном, учеником Чан Чуня. Чан Чунь — это даосский монах, знаменитый китайский ученый, живший в конце XII — начале XIII в. Сочинение представляет собой обработанный путевой дневник путешествия Чан Чуня с учениками от Пекина до Балха в 1221 г. Содержит подробные сведения о климате, физической и экономической географии местностей, пройденных путешественниками, нравах населяющих их народов, о памятниках старины, которые они видели в пути. Написанное в объективном ключе (пишется что видится) сочинение тщательно фиксирует следы недавних завоевательных походов монголов. Весьма важную часть сочинения составляет изложение бесед Чан Чуня с Чингисханом, что делает памятник уникальным источником для описания личности Чингисхана, не имеющим аналогов в этом. Дает также богатую номенклатуру как собственных имен деятелей государства Чингисхана, так и географических названий XIII в.

«Шэн-у цинь-чжэн лу (Описание личных походов священно-воинственного [Чингисхана])» (в переводе П. Кафарова «Старинное китайское сказание о Чингисхане») — предположительно сочинение Чагана конца XIII — начала XIV в., сохранилось в китайском переводе (возможно, сильно отредактированном). Во многом это подражание «Сокровенному

сказанию» [87, с. 15], точнее сочинение на его основе — Чаган в царствование Буянту-хагана¹, который «восхищался древностями» [55; цз. 137, с. 1467], делал по его заказам переводы. Так, «Юань ши» в жизнеописании Чагана сообщает, что Чагану от Буянту-хагана «еще последовал указ перевести «Ди-фань»^{II}. Потом [ему] еще было приказано перевести «То-би-чи-янь»^{III}. Перевод стал известен как «Шэн-у кай-тянь цзи», и вместе с «Цзинянь цзуань-яо»^{IV}, «Тай-цзун нин Цзинь ши-мо»^V и прочими сочинениями, [они] все были переданы в шигуань^{VI}» [55; цз. 137, с. 1467]. Если о степени исполнения указа о переводе «Ди-фань» нам наверное не известно (точнее, до нас не дошел этот перевод), то о переводе/пересказе «Тобчиян»^I в виде сочинения «Шэн-у кай-тянь цзи», которое, возможно, переименовали в «Шэн-у цинь-чжэн лу» [87, с. 15], известно точно^{VII}. Для создания ШУЦЧЛ кроме «Сокровенного сказания» скорее всего привлекались сведения летописи «Алтан дебтер», так как СС по внешним походам монголов не имеет сведений аналогичных ШУЦЧЛ, которое по этой части сходно со сведениями Рашид ад-Дина, пользовавшегося «Алтан дебтер».

Гипотезу японского исследователя Кобаяси Такасио о

^I Жэнь-цзун по храмовому имени, 1312—1320 гг.

^{II} Букв. «законы/установки государя», само это название представляет жанр китайских наставлений императорам, но тот факт, что данный «Дифань» переводился на китайский язык или с монгольского, или уйгурского языка, указывает на то, что привычным для китайцев названием был обозначен официальный монгольский документ, а не китайское сочинение; поэтому это скорее всего транскрипция монгольского слова «дэбтэр» в персидской огласовке «дефтер», т. е. именно то сочинение, которое цитирует Рашид ад-Дин — «Алтан дефтер», причем название которого было транскрибировано такими китайскими иероглифами, которые к тому же имели определенный смысл, сходный со смыслом исходного монгольского документа — ведь «Алтан дебтер» тоже содержал название монгольским ханам и законы, по которым они должны были править.

^{III} «Тобчиян», по-монгольски «краткая история», ср. с названием СС по-монгольски «Монгол-ун ниуча тобчиян».

^{IV} В переводе — «Существенное из погодных записей».

^V «Хроника усмирения Тай-цзуном Цзинь от начала до конца».

^{VI} Коллегию историографов, ведавших составлением династийных хроник.

^{VII} Есть, однако, и другая точка зрения, см. [126, с. 163—165] — возможно, что ШУЦЧЛ было написано раньше, чем «Шэн-у кай-тянь цзи», примерно в 1294 г. Однако аргументы в пользу этого предположения могут считаться лишь отражением факта бытования более раннего варианта работы Чагана по описанию деяний Чингисхана и Угэдэя, т. е. собственно ШУЦЧЛ, которое было потом переработано в «Шэн-у кай-тянь цзи».

том, что «Тобчиян» — это ТИМ [87, с. 11], можно подтвердить следующим наблюдением — в ТИМ нет ни даты рождения, ни продолжительности жизни Чингисхана, в ШУЦЧЛ этот вопрос тоже практически обойден, кроме одного туманного упоминания возраста Чингисхана в период после его победы над Ван-ханом и просто неверной цифры (60 лет) его возраста на момент смерти. А ведь вопрос о дате рождения выдающейся личности был довольно важен в китайской традиции, в то время как для ранних монголов, не затронутых еще китайским культурным влиянием, он не был столь актуальным, о чем поведал первый описатель монгольских обычаев Чжао Хун [22, с. 49]. Таким образом налицо сохранение в сочинении Чагана, который сам относился к уже во многом китаизированным монголам, традиции, присущей раннему периоду, т. е. ко временам составления ТИМ.

Надо заметить, что сведения ШУЦЧЛ часто привлекались составителями ЮШ в цзюанях, касающихся периода деятельности Чингисхана. При этом существуют и разночтения между ЮШ и ШУЦЧЛ — например, различный выбор иероглифов для транскрипций некитайских собственных названий, отсутствие четкой хронологии и так далее, которые показывают, что данное сказание имелось в нескольких вариантах и дошедший до нас перевод монгольского прототипа отличается от того, который был в распоряжении авторов ЮШ середины XIV в. Поэтому оно особенно полезно для критического анализа «Юань ши». Но это сочинение, видимо, использовали и иные, не дошедшие до нас источники, например, П. Пельо предположил существование тибетской хроники, использованной Чаганом. Но вполне возможен и обратный вариант — сочинение Чагана могло попасть в Тибет. Так, через 20 лет после Чагана тибетский ученый Гунга-Дорчжэ работал в юаньских архивах и написал в 1346 г. «Дэбтэр-марбо» [87, с. 12]. Его путаная хронология (в частности, по вопросу дат жизни Чингисхана) показывает, что он не имел доступа к оригинальным монгольским книгам из коллегии историографов, а пользовался чьими-то записями оттуда. Вполне возможно,

что он привлекал именно работу Чагана, где этот вопрос также не освещен через указание точных дат. Отсутствие точных сведений о деятельности первых ханов для широкого круга юаньских историографов не удивительно — эти историографы, которые по указу юаньского императора составляли в начале XIV в. три династийные хроники, подали прошение в Ханьлиньюань¹ дать им доступ к материалам по первым ханам, так как в соответствующих «шилун» или не было необходимой информации, или она была искажена редактированием в предшествующие времена [55; цз. 181, с. 1946], но им было отказано со ссылкой на строгий запрет в законах монгольских владык Китая. Видимо, в похожей ситуации был и Чаган — он писал свою книгу раньше них и тоже не мог написать более того, что могла пропустить монгольская цензура. Таким образом становится ясно, что еще в 1346 г. Гунга-Дорчжэ не мог иметь больше информации, чем она содержалась в ШУЦЧЛ. При этом он мог иметь ШУЦЧЛ — не имея допуска к секретным архивам, он мог пользоваться другим крупным хранилищем, т. е. департаментом историографии, а там как раз и имелся экземпляр ШУЦЧЛ, заменявший собой недоступную ТИМ, хранившуюся в сокровищнице юаньских императоров (ср. с «золотым сундуком», где ханы ильханата или Золотой Орды хранили «Великую Ясу» и «Алтан дебтер», см. [71, с. 42], [37, с. 67], [38, с. 16]).

Все эти соображения показывают, что первоисточники иных, чем в ТИМ, сведений в ШУЦЧЛ пока еще окончательно не выяснены, а их изучение может принести важные результаты. Тем не менее ШУЦЧЛ должно считаться для периода жизни Чингисхана одним из главнейших источников смешанного, т. е. монголо-китайского, происхождения.

«Юань ши» — китайская официальная хроника составленная в 1368—1369 гг. Она была составлена по канонам, утвержденным еще Сыма Цянем в его «Ши цзи» (I в. н. э.) и повторяемых в последующих династийных историях: опи-

¹ Императорская академия наук в старом Китае.

сывается весь период царствования династии, составляется такая хроника после падения династии на основании материалов, собранных во время ее правления особыми чиновниками-историографами (так называемые «шилун» — т. е. «правдивые записи»); хроника содержит в себе изложение событий в хронологическом порядке, обычно без специального указания внутренних связей между ними (раздел «Бэньцзи» — т. е. «Основные записи»); хронологические и генеалогические таблицы (раздел «Бяо» — «Таблицы»), описания обрядов и обычаев, состояния администрации, торговли, наук и искусств в описываемую эпоху, сведения о других народах, с которыми имела контакты династия (раздел «Чжи», т. е. «Трактаты», монографические работы о разных областях жизни и науки при данной династии); биографии всех выдающихся деятелей того времени («Лечжуань» или «Жизнеописания знаменитостей»). Структура ЮШ следующая: 1) «Основные записи» (1—47 цз.); 2) «Трактаты» («Трактат о законах», «Трактат об экзаменах», «Трактат о товарах и деньгах» и т. д., 48—105 цз.); 3) «Таблицы», генеалогические и хронологические (106—113 цз.); 4) «Жизнеописания знаменитостей» (т. е. биографии, как индивидуальные, так и подобранные по типам героев — «злодеи», «добродетельные чиновники», «верные жены» и т. д., 114—210 цз.). Всего в ЮШ 210 цзюаней.

«Юань ши», сохраняя эти черты традиционной китайской историографии, носит при этом достаточно отрывочный и несистематизированный характер сравнительно с другими китайскими сводами-хрониками иных династий. Однако ее ценность в том, что возможен сравнительный анализ с другими источниками, в первую очередь с «Сокровенным сказанием» (которое не было известно составителям «Юань ши»), со «Сборником летописей» Рашид ад-Дина (использовавшего официальную и «тайную» летописи монгольских каанов, а также сведения Пулад-чэнсяна, прибывшего в 1286 г. из Китая в Иран) и «Шэн-у цинь-чжэн лу». Такое сравнение позволяет вычленять независимо подтвержденные сведения из всех этих источников и, возможно, получать представление о

первоисточниках этих сведений. Последняя задача очень важна, так как таких первоисточников по периоду Чингисхана очень мало — «Сокровенное сказание» со стороны монголов, сочинение ан-Насави со стороны их противников и «Мэн-да бэй-лу» как относительно нейтральный источник.

Другой важной особенностью «Юань ши» является стремление ее составителей опираться на доступные им документы, современные событиям, затрагиваемым в соответствующем разделе. Узость базы таких источников — это не вина составителей, так сложились условия сохранности документов — часть их была изначально недоступна китайцам как пораженному в правах и покоренному монголами большинству населения юаньского Китая, часть была недоступна из-за языковых барьеров, а еще большая часть была просто уничтожена в ходе многолетней войны за независимость от монголов. Поэтому есть очевидное неравенство и неровность в материалах хроники — чем дальше от эпохи первых каанов и ближе ко времени составителей «Юань ши», тем больше и систематизированнее ее информация, тем более она достоверна. Впрочем, даже в кратких, часто с искаженными транскрипциями иноземных и варварских для китайца названиях имен и местностей, в нередких перестановках событий и искаженной хронологии, все равно проглядывают реальные документы эпохи Чингисхана и его первых преемников, которые трудолюбивые компиляторы хроники сумели раздобыть где только можно — в том числе в ходе рискованной экспедиции во враждебную Монголию [87, с. 13].

Этот упор на документы привел к еще одной особенности — сведения в разделе жизнеописаний знаменитых личностей более информативны и достоверны (конечно, с необходимой поправкой на известные штампы китайского жанра эпитафий «добродетельным чиновникам»), чем в «Основных записях». Частично это связано с тем, что масштаб общегосударственных событий, которые заносились в отдел официальной государственной хроники, заслонял частные события жизни, пусть и у выдающихся, но отдельных людей.

Но есть и другое объяснение — общегосударственные архивы в основном были недоступны создателям «Юань ши», зато частные архивы и частные документы сохранились лучше государственных. Поэтому составители ЮШ и шли на несколько необычный для китайской традиции составления династийных хроник шаг — вносили в «Основные записи» выжимки сведений из материалов к жизнеописаниям знаменитостей, живших в тот период, который рассматривался в соответствующей цзюани из основной части хроники. Так, в жизнеописании Алахуш-дигитхури (цзюань 118) почти дословно цитируется надгробная надпись на могиле его потомка, где приведен текст императорского указа от 1305 г. с перечислением подвигов его предков [128, с. 147—150].

Значение ЮШ тем еще важно, что именно через нее в позднюю монгольскую и тибетскую историографию попали сведения о первых монгольских ханах. Данное обстоятельство приводит к тому, что во многих случаях, особенно в вопросах хронологии, надо осторожно подходить к известиям монгольских и тибетских источников XVII—XVIII вв. То есть всегда есть вероятность, что их первоисточником была ЮШ — критерием может быть сравнение с ТИМ, в которой дат немного и потому их «уточнение» на базе ЮШ бывает сомнительным. Датировки ЮШ надо использовать при условии их сравнения с более надежными (с точки зрения хронологии) источниками — например с Рашид ад-Дином. Существует также проблема несверенности ряда материалов сводчиками ЮШ — они иногда дwoятся², названия одних и тех же людей, местностей, некитайских титулов и должностей постоянно записываются по-разному (различными иероглифами) в разных разделах ЮШ. С одной стороны, это мешает восприятию информации, но с другой — открывает возможности для вычленения и критики первоисточников ЮШ, а значит и их реконструкции.

Еще одной особенностью ЮШ является ее пересечение с ШУЦЧЛ: есть очень ценное прямое указание в ЮШ на существование косвенного доступа сводчиков династийной

хроники «Юань ши» к сведениям «Тобчиян», под которой понималась ТИМ [87, с. 11], но доступна условного — только через посредство ШУЦЧА. Ведь самого ТИМ они не знали, а вот ШУЦЧА, точнее одну из его версий — отредактированный перевод ТИМ Чагана³, был в коллегии историографов согласно вышеприведенному отрывку ЮШ. К самой «Гобчиян» китайские историографы не допускались (см. [55; цз. 181, с. 1946] и [119, с. 148]) и вынуждены были довольствоваться отрывками ее сведений из других сочинений.

На значение ЮШ для истории монголов рано обратили внимание отечественные исследователи: в 1829 г. первый перевод на русский язык фрагментов первых четырех цзюаней сделал и издал под названием «История первых четырех ханов из Дома Чингисова» выдающийся русский китаевед о. Иакинф (Бичурин). Для того времени это было колоссальное достижение, намного опередившее европейскую синологию. Однако сейчас ряд недостатков этого издания (помимо его крайней библиографической редкости) уже не может быть терпим. Дело в том, что бичуринский перевод ЮШ был не самостоятельным переводом, а совмещением переводов отрывков ЮШ с переводами позднейшей хроники «Тунцзянь ганму», которые вместе составили «Историю первых четырех ханов из Дома Чингисова». Кроме того, в переводе о. Иакинфа использовались собственные названия, сильно искаженные ципской комиссией для «высочайшего утверждения слов в Юаньши» при императоре Цяньлуэне в XVIII в. По этой причине вся номенклатура собственных имен в переводе Бичурина должна быть подвернута сплошному пересмотру и исправлению. Позднее, в начале XX в., А. И. Иванов сделал переводы части фрагментов ЮШ, в которых были упоминания о походах монголов на Русь. Эти переводы в определенной мере дополнили работы о. Иакинфа, но только по данной теме. Но на тот момент не существовало ни критических работ по Рашид ад-Дину, ни исследований по языку монгольско-китайской канцелярии при Юань, что не могло не сказаться в восприятии специфического текста ЮШ, широко использовавшего

некитайские имена, названия местностей, должностей и бытовых реалий некитайских народов. Для точной расшифровки всего этого на данный момент есть все возможности, накопленные за последние десятилетия исследователями истории монгольской империи.

В частности, в начале XX в. китайский историк Кэ Шао-минь на основе дополнительных источников дополнил и многое исправил в ЮШ, его «Синь Юань ши» («Новая история [династии] Юань») была даже утверждена специальным декретом президента Китайской Республики как официальная династийная хроника (кстати, это вообще последний случай «официальной династийной истории» в Китае). Поэтому сведения из «Синь Юань ши» можно в ряде случаев привлекать к уточнению ЮШ, хотя, к сожалению, Кэ Шао-минь, как правило, не указывает их источников. Тем не менее эта работа имеет огромное значение как справочное пособие при использовании сведений ЮШ и стала своеобразным приложением и дополнением собственно «Юань ши».

Персидские источники

«Таарих-и джахангушай (История Покорителя вселенной)» Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни. Ее автор — высокопоставленный чиновник монгольских ханов Ирана (ильханов-хулагуидов). Он родился в 1225 г. и с молодых лет находился на службе у монгольских правителей Хорасана, которым служил уже его отец. Он несколько раз ездил в Монголию и Центральную Азию. Джувейни с 1256 г. находился на службе у Хулагу-хана, который назначил его в 1259 г. губернатором Багдада, Ирака и Хузистана; в этой должности он находился и при Абага-хане до 1282 г., умер в 1283 г. Джувейни был младшим современником монгольских завоеваний, когда были живы еще их очевидцы. В написании своей книги Джувейни пользовался их устными рассказами, многие события середины XIII в. были ему известны по официальным документам и по личному опыту. Его сочинение начато в 1252

или в 1253 г. и закончено в 1260 г. Оно состоит из трех частей: 1) истории монголов от первых походов Чингиз-хана до смерти Гуюк-хана; 2) истории хорезмшахов и монгольских наместников Хорасана до 1258 г.; 3) продолжения истории монголов до 1257 г. и истории исмаилитов в Иране. Многие его данные использовал в своем труде Рашид ад-Дин, однако пользоваться этим источником надо весьма осторожно — это парадное, заказное, описание деятельности предка Хулагу-хана — основателя династии хулагуидов, на службе которой состоял Джувейни.

«Табакат и-Насири» («Насириновы разряды»), написанные Джузджани около 1260 г. Абу-Омар Минхадж-ад-дин Осман ибн Сирадж-ад-дин ал-Джузджани родился в Гузгане, или Джузджане, в современном Афганском Туркестане, около 1193 г. и служил при дворе султанов области Гур, в центральной части современного Афганистана. В 1226 г. он бежал от монголов в Индию и устроился при дворе тамошних султанов. Джузджани служил им в качестве главного казия (судьи) в Дели. Его сочинение «Насириновы разряды», названное в честь султана Насир-ад-дина Махмуд-шаха I (1246—1265), принадлежит к обычному для арабских и персидских исторических сочинений типу всеобщей истории, т. е. заключающих события от сотворения мира до времен автора. По мнению исследователей, те его разделы, которые посвящены «султанам Гура, хорезмшахам и монголам, и некоторые другие имеют значение первоисточника» [49, с. 4].

Джузджани был, видимо, самым ранним персидским автором, писавшим о монголах, чье сочинение дошло до нас. И хотя Джувейни написал свое сочинение в том же году, что и Джузджани, но Джувейни был младшим современником событий, т. е. родился поколением позже Джузджани и опирался на чужие свидетельства. Джузджани же сам был современником и очевидцем завоеваний монголов в Средней Азии и Иране. Кроме того, Джузджани является единственным антимонгольским персидским историком, он был ярким предста-

вителем антимонгольской направленности в своем творчестве и антагонистом «Истории Покорителя вселенной» Джувейни. Степень его настроенности против монголов характеризуют проклятия и сочные эпитеты в их адрес, которыми снабжено его сочинение.

Недостатком его работы является то обстоятельство, что до Джузджани, жившего в Индии, сведения о монголах после 1226 г. могли доходить только через посредников, а значит в искаженном виде, и потому при учете его сообщений данное обстоятельство нужно иметь в виду. Кроме того, как представитель мусульманского духовенства, он был склонен преувеличивать влияние ислама на первых монгольских ханов.

«Сборник летописей» Рашид ад-Дина начала XIV в. Выдающаяся энциклопедия сведений о средневековом Востоке — так характеризовали его «Сборник летописей» знаменитые русские историки и востоковеды, в частности В. В. Бартольд. Несмотря на то что «Сборник летописей» был составлен через сто с лишним лет после появления Чингисхана на политической сцене, источники Рашид ад-Дина использовали документы из первых рук, непосредственно исходившие из канцелярии первого хана, а сам Рашид ад-Дин как великий визирь мог быть допущен к строго секретным летописям монголов, хранившимся в сокровищнице ильханов, например к «Алтан дефтер» (монг. «алтан дэбтэр» или «золотая книга») и «Великой Ясе». Некоторые исследователи считают, что «Алтан дэбтэр» только копия ТИМ [87, с. 13], но сплошная сверка сведений Рашид ад-Дина и «Сокровенного сказания» по именам, ключевым событиям жизни Чингисхана и этнической номенклатуре показывает, что расхождения нельзя свести только к различной политической направленности авторов СС и «Сборника летописей» или к просто привлечению других источников Рашид ад-Дином. Дело в том, что по ряду позиций сведения «Сборника летописей» имеют большие совпадения с «Юань ши», часто почти дословные, одновременно сильно расходясь с версией «Сокровенного

сказания». И это при том, что точно известно о незнании авторами «Юань ши» собственно «Сокровенного сказания». И наоборот — иные уникальные сведения СС, отсутствующие у Рашид ад-Дина, трудно объяснить просто опусканием их последним, так как они не нарушают его концепции, а только подкрепляют. Таким образом эти два документа, бывшие в сокровищницах у всех улусных ханов Монгольской империи, являются аутентичными, независимыми от других сохранившихся источников, свидетельствами о законодательстве, династийных связях и практике политической деятельности Чингисхана и созданы при нем самом и по его приказам. К сожалению, они не сохранились в оригинале и доступны только в виде изложения другими авторами. Из них всех в самом выгодном положении оказываются только Джувейни и Рашид ад-Дин — они оба были высокопоставленными чиновниками монгольских администраций династии хулагуидов. Причем Рашид ад-Дин в преимущественном положении — он был не просто визирем у ильханов, но и личным другом Газанхана, который увлекался историей своего великого предка и потому мог допустить Рашид ад-Дина к тем документам, которые были разрешены для чтения только Чингизидам. Немаловажно и то, что Джувейни был в общем обычным для той эпохи автором — то есть не беспристрастным историком, но, скорее, придворным историографом. Рашид ад-Дин же — явление уникальное, как заметил выдающийся советский исследователь-востоковед И. П. Пеструшевский: «Джами ат-таварих» занимает совершенно исключительное положение среди средневековых персоязычных источников. Рашид ад-Дин... преодолел традиционную узость их мысли» [142, с. 23]. Исследователи творчества Рашид ад-Дина отмечают, что в тех местах, где нет необходимости защищать свою политическую линию, он оказывается точным в передаче своих источников [142, с. 35—36]. Все это делает «Сборник летописей» источником, значение которого не меньше, чем у СС, «Мэн-да бэй-лу», ШУЦЧЛ или ЮШ.

Арабские источники

Ибн ал-Асир — арабский историк, автор гигантского исторического труда «ал-Камиль фи-т-тарих» (Всемирная история), умер в 1232/33 г. Он хотя и не очевидец, но современник событий, аккуратно записывавший рассказы очевидцев. При этом он настроен антимонгольски, что позволяет с помощью его данных корректировать сообщения промонгольских авторов. Его ценность в том, что через приведенные в сочинении рассказы большого числа людей широко представлена картина жизни мусульманского мира накануне и во время походов Чингисхана, что позволяет проникнуть в мир чувств и понятий арабского населения того времени и соответственно — разобраться и критически подойти к сведениям авторов из этой среды. Принадлежность к историческому жанру освобождает это сочинение от литературных стереотипов арабо-персидской литературы беллетристического жанра (повестей, жизнеописаний и т. п.), что ведет к более деловому стилю изложения. Его сведения о монголах обычно признаются достаточно достоверными и широко привлекаются всеми исследователями.

«Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)», написанное Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави — личным секретарем последнего хорезмшаха Джелал ал-Дина. «Жизнеописание» было, видимо, написано вскоре после гибели в 1231 г. султана Джалал ад-Дина. Оно важно как труд противника монголов, при этом очевидца и участника событий. Принадлежность к верхушке государственного аппарата хорезмшахов делает многие сообщения ан-Насави просто неоценимыми, так как они исходят от человека как принимавшего государственные решения, так и фиксировавшего их принятие хорезмшахами и их министрами. Недостатком является пристрастие к каноническим в арабо-персидской литературе штампам, ориентированным на «красивость» слога

и вычурность конструкций, а также к изображению ситуаций по принятым стереотипам. Например, описания сражений часто грешат подгонкой под то «как надо», т. е. как писали литературные авторитеты, скажем, Фирдоуси в батальных сценах «Шахнамэ». Отсюда и появляются в течении вполне делового рассказа «Жизнеописания» элементы не информативные, а литературные, которые необходимо вычленять.

Армянские источники

«История Армении», написанная вардапетом¹ Киракосом Гандзакеци (1200—1271), является самым значительным источником в этой группе. «История Армении» была начата в 1251 г. и писалась до 60-х годов XIII в. Она состоит из двух резко выделяющихся частей — компилятивного обзора истории армянского народа и самостоятельного изложения событий монгольского нашествия. Последняя часть собственно и интересна для нашего исследования, тем более что Киракос Гандзакеци был очевидцем большинства описываемых им событий. Поэтому он включает много ценного материала по общественному строю, быту, нравам, политической истории и фактам завоеваний монголов как в Закавказье, так и в Передней и Средней Азии. Авторство чужих сообщений Киракос Гандзакеци обычно оговаривает, что, правда, не помешало появлению в его книге ряда вымышленных историй, точнее, ходячих в то время легендарных и мифологических сюжетов.

Другие армянские источники, современные событиям, крупные произведения («История инока Магакии» Григора Акнерци) и небольшие произведения, так называемые «мелкие хроники», а также разнообразные памятные записи, в частности, такие как «Летопись Себастиаци», «Летопись Степанюса», «Летопись Смбата Спарапета», являются продуктом развитой летописной и исторической традиции Армении. Ведшиеся в них погодно записи донесли довольно много современных известий о монголах, достоверность которых доста-

¹ Священный чин в Армянской церкви.

точно велика, что обнаруживается сравнением их с сообщениями того же периода у других народов Кавказа и Передней Азии. Их направленность различна — от ненависти к монголам до принятия их как властителей. Данное обстоятельство позволяет более взвешенно оценивать характер их известий.

Европейские источники

Известия венгерского миссионера, монаха Юлиана относятся к 1236—1238 гг. Юлиан, вернувшийся после путешествия в приуральские степи в 1235—1237 гг., составил в письмах отчет для своего руководства. Поэтому в целом надо признать высокую достоверность сведений, приведенных в них, так как это внутренний, закрытый документ делового характера. В известиях о монголах, разгромивших Булгар и прочие народы Приволжья и Приуралья, чему Юлиан был свидетелем, он пытался предупредить венгерских владетелей о грозящей опасности. Однако это у него не получилось, более того — еще в беседах с суздальским князем он потерпел аналогичную неудачу, хотя к русским землям тогда монголы были куда ближе, чем к Венгрии.

К венгерским известиям примыкает и «Горестная песнь о разорении Венгрии» Рогериуса (1244 г.) вместе с «Хроникой» Фомы Сплитского. Рогериус и Фома Сплитский были очевидцами монгольского вторжения в Венгрию, их сочинения писались сразу после него. Их достоверность касательно описания монгольского нашествия в Венгрию весьма высока.

«История монголов» Плано Карпини составлена по материалам миссии монахов францисканского ордена к монгольскому каану в 1245—1247 гг., отправленной с дипломатическими поручениями папой Иннокентием IV. В ходе ее Карпини со спутниками прошел через русские земли (в том числе был в Киеве) на Волгу в ставку хана Бату, а оттуда через Хорезм, Семиречье в Каракорум. Там он был свидетелем курултая, возведшего на престол каана Гуюка, в ставке которого

миссия пробыла четыре месяца. Отчет миссии папе Иннокентию IV, составленный Карпини, и представляет собой основу «Истории монгалов». Суть «разведывательной миссии», по определению Н. П. Шастиной, была в сборе подробной информации о всех сторонах жизни монголов и их государства. Можно констатировать, что со своей задачей Карпини справился — его книга является очень ценным источником почти по всем аспектам истории монгольской империи.

Фламандец Виллем Рейсбрук, или Гильом Рубрук во французской огласовке (Рубруквис — латинская форма его имени), был главой французской миссии к монголам (1253—1255 гг.), направленной королем Людовиком IX. По мнению ряда исследователей Рубрук, довольно образованный по тем временам человек, был хорошо подготовлен к миссии, в том числе за счет учета результатов предыдущих европейских путешественников к монголам. Поэтому по сравнению с Карпини он смог создать более значительное, как по объему, так и по содержанию, описание монгольской империи. Возможно даже сказать, что по своему значению, среди всех средневековых описаний Востока, его сочинение уступает только «Книге Марко Поло».

Общей чертой для Карпини и Рубрука была дань штампам европейской литературы того времени. Учитывая их особенности («кочевник коварен, невежествен и опасен» и т. п.) нетрудно выявить составляющие, обусловленные не реальным наблюдением тех или иных реальных явлений, а либо идеологией, либо невозможностью уйти от топосов, обязательных для средневекового автора.

«Великая хроника» Матфея Парижского — один их важнейших европейских источников. Она писалась синхронно событиям и доведена до 1259 г. В ней есть в том числе рассказ очевидца событий в Руси и Венгрии — русского епископа Петра, который участвовал в Лионском соборе в 1245 г.

Данная хроника вместе с отрывками из сочинений Роджера Бэкона и анналов ряда европейских монастырей не является первоисточником, но в них с разной степенью достоверности переданы сведения, почерпнутые у очевидцев.

«Книга Марко Поло» — это книга, представляющая собой записи рассказов венецианского купца Марко Поло, сделанные Рустичано во время их совместного пребывания в генуэзской тюрьме в 1298 г. Считается, что это одна из первых книг жанра «книг описания стран» для торговли или своеобразного «дорожника» купца, которая «разбавлена» по сравнению с другими значительно большими подробностями из личного опыта как Марко Поло, так и его семьи. По имеющимся данным, книга была записана Рустичано под диктовку Марко Поло, который передал часть своих воспоминаний (возможно, Марко Поло еще в Венеции составил примерный их конспект для своего «дорожника»). Скорее всего, этот надиктованный текст затем прошел правку, сделанную Рустичано. Из-за этих обстоятельств и ввиду языковых проблем (Поло говорил на венецианском диалекте, Рустичано — на тосканском, а записывал он на старофранцузском, который знал не очень твердо) географическая и этническая номенклатура «Книги Марко Поло» имеет, как правило, большие искажения, к тому же накапливавшиеся при копировании списков «Книги».

Относительно «Книги Марко Поло» существуют определенные сомнения в ее достоверности, основанные на отсутствии упоминания Великой китайской стены и незнании Поло китайского языка и иероглифов. Хотя на самом деле, при ближайшем рассмотрении ситуации юаньского Китая XIII в., данные обстоятельства скорее свидетельствуют в пользу точности Марко Поло. Так, Великая китайская стена именно в период путешествий семьи Поло была в самом жалком виде — по крайней мере 200 лет она не только не чинилась, но и постоянно разрушалась варварскими династиями киданей и чжурчжэней, правившими Северным Китаем. Более того, когда чжурчжэням понадобилось защищаться от монголов,

они построили другую систему обороны, основанную не на Великой китайской стене, а на вырытых в других местах рвах и поставленных валах. Материалы для них брались в частности и из Великой стены. Разрушаемая веками Великая китайская стена, разумеется, не восстанавливалась монголами, и нынешнее ее величие — это заслуга китайской династии Мин (1368—1644), которая опять отгородилась от степняков и возродила Великую китайскую стену буквально из руин. Поэтому для Поло, маршрут которого проходил поблизости от ее остатков, в середине XIII в. не было особой необходимости описывать ее отдельные части, не дававшие цельного представления о всех «10 000 ли» стены и казавшиеся всего лишь отдельными крепостями и стенами, каких он видел немало по Китаю и иногда описывал. Например, стену длиной в 26 км в районе Долоннора (к северу от Пекина) [15, с. 95] или стены самого Пекина — внешнюю в 6 км и внутреннюю (т. е. «Запретного города») [15, с. 105—106].

Что касается китайского языка и иероглифов, то и тут Марко Поло не пошел дальше, чем более любознательные и интеллектуальные путешественники. Ведь Плано Карпини вообще не отметил китайских иероглифов (хотя должен был их видеть). И только Рубрук первым из европейцев описал с некоторыми ошибками (врочем, вполне извинительными) китайские иероглифы. Будучи сановником в юаньском Китае времен Хубилая, Марко Поло вполне мог обходиться «татарским» языком, так как официальной письменностью были уйгурские буквы (и чуть позднее — особая письменность для монголов, так и не прижившаяся), которыми писали официальные документы и по-монгольски, и по-тюркски. Китайский язык был языком самой бесправной части населения юаньского Китая — ханьжэнь и наньжэнь, т. е. северных и южных китайцев. Существовало четкое разделение на языки повелителей (монголов и приравненных к ним иноземцев, так называемых сэмужэнь) и подданных — т. е. китайцев, изучение китайцами монгольского и иноземных языков запрещалось [91, с. 9]. Во времена Хубилая китайский язык только

начал опять возвращаться для использования в официозе, но пока еще на нижних уровнях чиновничества, куда стали допускать китайцев. Высшие уровни государственной иерархии, к которым относился Марко Поло как губернатор провинции, не были в то время еще затронуты влиянием китайского языка и письменности.

Важно еще заметить, что на «Книгу Марко Поло» мало повлияла книжная традиция средневековых хронистов и авторов историко-географических сочинений, в значительно большей степени в ней проявляется влияние разных фольклорных мотивов, которые привносили информаторы Поло. То же, что Поло лично видел и счел нужным сообщить, как правило, точно передает реалии монгольской империи XIII в., а не стереотипные представления европейского книжника о них. Ряд наблюдений это подтверждает, например такое — Марко Поло везде говорит (а за ним правильно записывает Рустичано) «татары», а не «тартары», как было принято во всех современных Поло европейских источниках.

Русские источники

Они представлены русскими летописями, житиями и повестями, восходящими к первой половине XIII в. Большая работа исследователей русских летописей, таких как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, Н. Г. Бережков, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов, В. Ю. Франчук, Я. С. Лурье, Б. М. Клосс, О. В. Творогов и Ю. А. Лимонов, которые провели критический анализ как генетической схемы русского летописания, так и состава отдельных летописных известий, позволяет достаточно надежно выявить в них сообщения, относящиеся к периоду монгольских нашествий на русские земли в первой половине XIII в. Имеющиеся у специалистов по русским летописям обоснования их выводов по тем или иным летописям в настоящей работе специально не оговариваются, а приводятся только их заключения. В целом, основными источниками для данной работы приняты Лаврентьевская, Ипатьевская и

1-я Новгородская летописи, Устюжский летописный свод, Тверская и Никоновская летописи, «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о Меркурии Смоленском», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора».

Вкратце затронем вопрос об использованной в работе литературе. Научную литературу по истории монгольского государства можно условно разделить на пособия и специальную литературу. Пособиями будем называть крупные, часто несущие обзорный характер, научные работы, которые охватывают самый широкий круг тем, касательно истории монгольских государств. Список важнейших пособий приведен в начале книги. Из остальной использованной литературы о монголах (библиография приведена ниже) надо отметить работы следующих крупных специалистов по проблематике: отечественных исследователей — Б. И. Владимирцова, В. В. Бартольда, С. А. Козина, Б. И. Панкратова, А. Н. Насонова, М. Г. Сафаргалиева, Н. П. Шастиной, Е. И. Кычанова, Н. Ц. Мункуева; монгольских — Ц. Дамдинсурэна, Ш. Сандага, Ч. Далая; и зарубежных специалистов — П. Пельо, И. де Рахевильца, П. Рачневского, Ф. Кливза. Остальная литература относится либо к истории соседних с монголами народов в периоды времени, синхронные со становлением монгольской империи, либо к разрядам справочной или общеисторической.

Переводы из «Юань Ши» (фрагменты)

Ниже помещены переведенные автором книги некоторые фрагменты «Юань ши». Целиком даны переводы цзюаней 1 и 2 («Основные записи»), в которых авторы ЮИШ разместили анналы первых трех монгольских каанов: Чингисхана, Угэдэя и Гуюка. Кроме того, приведены полностью следующие жизнеописания: Субэдэя (1-я биография — цзюань 121, с дополнениями и уточнениями к ней из его 2-й биографии в цзюани 122), его сына Урянхатая (цзюань 121) — выдающихся мон-

гольских полководцев; Чагана (цзюань 120), Джафара (цзюань 120), Исмаила (цзюань 120) — известных соратников Чингисхана из немонгольских народов; Аньмухая — первого монгольского камнеметчика, первого командира инженерно-технического подразделения в армии Чингисхана и создателя своеобразной «школы» осадного искусства.

Для перевода были привлечены комментированные издания «Юань ши»: «Юань ши», Тайбэй 1966 (с параллельными текстами из «Синь Юань ши», т. е. «Новой истории Юань» Кэ Шао-миня) и «Юань ши», «Чжунхуа шуцзюй чубань», Пекин 1976 (с комментарием к некитайским собственным именам, географическим названиям, социальным терминам и т. п.). Так как текст ЮШ пестрит разнообразными географическими названиями, монгольскими и другими, некитайскими, собственными именами и терминами, которые передаются китайскими иероглифами (вообще очень слабо приспособленными к транслитерации чужих языков), то установление их правильного чтения, соответствующего фонетике монгольского языка и прочих языков XIII в., представляет огромную трудность. Дело в том, что знаки, которые использовались для транскрипций некитайских слов в XIV в., имели тогда иные произношения, чем современные. Кроме того, сводчики ЮШ работали с источниками разной сохранности, что еще усугублялось слабым знанием иностранных языков. Только сверка транскрипций, полученных при использовании реконструированных произношений знаков XIV в., с именами и названиями в других источниках (РД, СС, ШУЦЧЛ и некоторых других), позволяет определить — кто (или что) описывается в тексте ЮШ.

Необходимость обоснования прочтений слов из номенклатуры (географической, исторической, социальной и т. п.) и имен собственных, а также задача облегчения их восприятия, потребовала определенной системы в тексте перевода, примечаниях и комментариях к нему:

1) Впервые встречающиеся в тексте слова/термины, которые требуют пояснения, разъясняются в подстрочном примечании;

2) В подстрочных примечаниях размещаются также указания на разночтения и варианты, в самом же тексте перевода слово оставляется в своей основной форме;

3) Перевод дат на григорианский календарь дается в подстрочном примечании;

4) В самом тексте перевода размещены уже расшифрованные китайские транскрипции в понятной форме, их китайская транскрипция с разъяснением расшифровки дается при первом появлении в тексте в подстрочном примечании, далее в тексте перевода используется только расшифровка, например — 鐵木真 Те-му-чжэнь, Темучжин, Тэмучжин — СС, Тэмуджин — РД (первым идет китайская транскрипция в современном произношении ее иероглифов, потом расшифровка, которая используется далее по тексту перевода, затем — варианты этого слова, взятые из других источников, в данном случае из Рашид ад-Дина и «Сокровенного сказания»); и далее везде в тексте будет использоваться «Темучжин»;

5) Транскрипции, которые или не поддаются однозначной расшифровке, или расшифровка которых является неуверенной, оставляются в форме русской транскрипции современного произношения соответствующих иероглифов, например — «Шо-шо-лань».

6) Комментарии выносятся в сводный комментарий по всем разделам книги.

7) В квадратных скобках помещаются восстановленные пропуски в тексте ЮШ и поясняющие слова, добавленные для связности русского текста.

Юань ши

(Официальная хроника династии Юань)

Основные записи

Цзюань 1

Тай-цзу¹

Тай-цзу, «Фа-тянь ци-юнь^{II}, Шэн-у хуанди^{III}», [его] запретное прижизненное имя — Темучжин^{IV}, род — кият^V, из людей монгольских¹.

Его предок в десятом поколении — Бодончар^{VI}, [его] мать прозывалась Алан-Гоа^{VII}, [она] была замужем за Добун-Мэрганом^{VIII} и родила двух сыновей, старшего звали — Букун-Хадаги^{IX}, другого — Бухату-Салчжи^X. Вскоре муж умер, а Алан-Гоа осталась вдовствовать. Ночью [она] спала в юрте, [ей] снилось — белый свет проник в верхнее отверстие юрты² и обернулся в золотого цвета божество, скользнувшее на лежанку [где она] спала. Алан-Гоа проснулась в испуге. В связи с этим [событием] стала беременной и произвела на свет сына,

¹ Великий предок, стандартное имя родоначальника династии.

² «Сообразующийся с Небом и открывающий судьбу», перевод предложен Н. Ц. Мункуевым [126, с. 92].

^{III} Священно-Воинственный Император.

^{IV} 鐵木真 Те-му-чжэнь, Тэмучжин — СС, Тэмуджин — РД.

^V 奇渥溫 ци-во-вэнь, кият — СС, кият — РД.

^{VI} 孛端叉兒 Бо-дуань-ча-эр, Бодончар-каан — РД, Бодончар-муниха, т. е. «простак» — СС.

^{VII} 阿蘭果火 А-лань-го-хо, Алан-гоа — СС, Алан-куа — РД.

^{VIII} 脫奔咩哩韃 То-бэнь-Ме-ли-цзянь, Дубун-байан — РД, Добун-мэргэн — СС.

^{IX} 博寒葛答黑 Бо-хань-гэ-да-хэй, Бугу-Хадаги — СС, Букуи-катаки — РД.

^X 博合賭撒裡直 Бо-хэ-ду-са-ли-чжи, Бухату-Салчжи — СС, Бугу — РД.

это и был как раз Бодончар. Выражение лица у Бодончара было странное, [сам] крайне молчалив и немногословен, домашние считали его тупым. Одна только Алан-Гоа говорила остальным так: «Этот ребенок не слабоумный, в будущих поколениях его дети и внуки обязательно будут весьма знатными». [Когда] Алан-Гоа не стало, братья поделили семейное состояние³ без него. Бодончар сказал: «Бедность и худородство, богатство и знатность — судьба [решит]! Чтобы приобрести имущество — пожалуй достаточно путей». В одиночку сел на очень белого коня, добрался до местности Балчжун-арал¹ и остался там. Но еды и питья [там] не было. Случилось так, что ястреб-тетеревятник сшиб в поле зверя и поедал [его], Бодончар из шнура приготовил ловушку и изловил [ястреба]. Ястреб быстро приручился. Тогда с ястребом на руке [Бодончар] стал охотиться на зайцев и птиц, чем добывал пропитание. Быть в нужде и сразу получить помощь — похоже само Небо поддерживало его. Прожил [он] несколько лун, когда некий народ из нескольких десятков семей [рода] болюк с Тунгилика², подгоняемый [нуждой], передвигался по степи [вслед] за травой и водой. Бодончар связал шалаши и помог им обосноваться, [они] действовали сообразно потребностям и с тех пор средства к существованию мало помалу стали достаточными. Однажды младший [из Бодончаровых] старших братьев внезапно вспомнил про него: «Бодончар уехал один и не взял с собой ничего, уж не голодает и замерзает [он]? Как никак близкий человек». Тогда [он] лично направился навестить [Бодончара], встретился с ним и оба вернулись в свои места. Бодончар по дороге обратился к старшему брату и сказал так: «Собрался тут народ с Тунгилика, никому не принадлежит и не служит. Что если удержим их как воинов, могут ведь и послужить [нам]?» Брат с радостью согласился. Прибыв к [тем] семьям, сразу набрали молодцов и назначили Бодончара командовать их авангардом, который, конечно, полностью ему покорствовал.

¹ 八里屯阿懶 Ба-ли-тунь-а-лань, Балчжун-арал — СС, РД — нет сведений.

² 統急里忽魯 Тун-цзи-ли Ху-лу, род болюк с реки Тунгелик — СС.

Бодончар умер, ему наследовал сын Барин-Ширату-Хаби-чи^I. Он родил сына, названного Мэнэн-тудун^{II}. Жена Мэнэн-тудуна звалась Муналун^{III}, она родила семь сыновей^{IV} и потом овдовела. По натуре Муналун была вспыльчивой. Как-то ва-тага ребяташек из обока чжалаирав^V выкапывала в поле ко-решки, чтобы поесть, Муналун ехала в повозке, случилось [ей] их увидеть. [Она], рассердившись, сказала так: «Это поле то место, где мои сыновья занимаются скачками, а толпа детей осмелилась самоуправно поргить его непотребным образом». Погнала повозку и помчалась напрямик [к ним], наехала и передала колесами детей, да так что до смерти. Чжалаиры вознегодовали и разозлились, угнали все до последнего табу-ны коней Муналун. Сыновья Муналун, услышав об этом, и, не будучи облачены в доспехи, устремились преследовать их. Му-налун в глубокой печали сказала так: «Мои дети отправились бездоспешными, боюсь не смогут победить врага». [Она] при-казала женам сыновей нагрузить повозки доспехами и отпра-виться им вслед, но [они] уже не догнали [их]. Вскоре стало до-стоверно известно о поражении и что все шесть сыновей по-гибли. Чжалаиры, воспользовавшись победой, убили Муналун и истребили всю ее семью. Только единственного, старшего внука Хайду^V, бывшего еще ребенком, кормилица скрыла внутри густых зарослей, чем и спасла. Еще до этого, седьмой сын Муналун Начин^{VI} был зятем в приемах у народа баргут^{VII} и потому не постигло его несчастье [как других]. [Он] слышал,

^I 八林昔黑刺秃合必畜 Ба-линь-си-хэй-ла-ту-хэ-би-чу. Бука — РД, Барин-Ширату-Хабичи (у С. А. Козина) или Барим-шиилату-хабичи (у Б. И. Панкратова) — СС.

^{II} 呼然篤敦 Ме-нянь-ду-дунь, Мэнэн-тудун — СС или Дутум-Мэнэн — РД.

^{III} 莫罕倫 Мо-на-лунь, Мунулун или Мунулун-хатун, по прозвищу «жирная» — Мунулун-таргун — РД, Намолун — СС.

^{IV} 押刺伊而 я-ла-и-эр, джалаир — РД, чжалаир — СС.

^V 海都 Хай-ду, Хайду — СС, Кайду — РД.

^{VI} 納真 На-чжэнь, Начин — РД, Начин-баатур — СС.

^{VII} 八刺忽 ба-ла-ху, бархун в СС, баргут в РД, но в версии РД есть противоречие: Начин был женат на женщине или из монголов — [38, с. 16], или из канбаутов — [38, с. 19]; версия РД о Начине как зяте у канбаутов, видимо, ошибка — РД смешивает его с Кайду, который имел жену из канбаутов, в то время как в описании племен РД относит баргутов к собственно монголам — [37, с. 77] и роду, из которого родовичи по линии Бартан-Есугай-Темучжин постоянно брали себе жен — [38, с. 16]

что его семья подверглась бедствиям, и прибыл разузнать о ней. Увидел только с десяток больных старух, да еще находившегося там Хайду, которые понятия не имели куда деваться. К счастью, прискакал конь — соловый конь старшего брата, который трижды вырывался из арканов⁵ [чжалаиров] и убежал, [а теперь] вернулся назад. Начин подошел к нему и смог сесть на него. Затем он, притворившись, что пасет коней, отправился к чжалаирам. По дороге он встретил двух всадников, отца с сыном, скачущих друг за другом, которые охотились с ручным соколом. Начин узнал этого сокола и сказал [себе] так: «Это же его поднимал [в небо] мой старший брат!» Он поспешил вперед и, чтобы обмануть младшего [из них], сказал так: «У меня есть рыжий конь, который везет табун лошадей на восток, не видел ли ты его?» Тот ответил: «Нет». Затем младший сам спросил: «Ты тут ездешь везде, а есть [здесь] дикие утки и гуси?» [Начин] сказал: «Имеются». [Собеседник] спросил: «А ты можешь проводить меня вперед?» [Начин] ответил: «Могу». Далее поехали вместе. Река там делала излучину, а задний всадник был на достаточном удалении от них, и [Начин] зарезал его [младшего всадника]. Привязав коня с соколом, он поспешил [назад] встретить оставшего всадника, чтобы одурачить того, как и первого. Отставший всадник спросил: «Тот, кто впереди стрелял уток и гусей — мой сын. И чего же [он] разоспался и не встает?» Начин ответил, что это из-за носового кровотечения. Всадник тогда рассердился [на сына]. Начин же, воспользовавшись удобным моментом, зарезал и его. Отправившись дальше, добрался до подножия одной горы, там было несколько сот лошадей, которых пасло всего несколько подростков, в виде развлечения пинавших ногами цин¹. Начин внимательно присмотрелся к нему — да это же вещь, принадлежащая семье его брата! Чтобы якобы расспросить подростков, направился к ним. Когда [Начин] поднялся в гору, то огляделся на все стороны — спокойно ли, нет ли идущих людей, и убил всех пастушат. Погоняя коней, с ястребом на руке, [Начин] вернулся, забрал Хайду вместе со

¹ Каменный гонг.

старухами, возвратился в земли баргутов и там остался. Хайду постепенно рос, а Начин возглавлял народ баргутов с [реки] Кэлурэн^I, совместно поставивших [его] на престол как государя. После [него] вокняжился Хайду, который с войском напал на ѓжалаиров, подчинил их и сделал рабами, положение его все более возвеличивалось. Он расставил шатры в курень⁶ на реке Бархуджин^{II}, расположив [их] по обеим берегам реки, соединенных мостом, чем было удобно пользоваться проходящим. С тех пор обоки и рода, которые со всех сторон стекались туда, постепенно увеличивались в числе.

[Когда] Хайду умер, ему наследовал сын Байшинхур^{III}. Байшинхур умер, ему наследовал сын Тумбинай^{IV}. [А когда] Тумбинай умер, ему наследовал сын Хабул-хан^V. Хабул-хан умер, ему наследовал сын Бартан^{VI}. Умер Бартан, ему наследовал сын Есугай^{VII}, который слил воедино все обоки, оставшиеся [после отца], силы [его] все более полнились. [После того как] Есугай скончался, в десятой луне 3-го года «Чжи-юань»^{VIII} [он] получил посмертные имя и титул Ле-цзу^{IX} Шэнь-юань хуанди^X.

Первоначально, Ле-цзу пошел походом на обок татар^{XI} и захватил главу их обока Тэмучжина⁷. Сюань-и тайхоу Хоэлун^{XII} как раз родила государя^{XIII}, [который] держал в руке сгусток крови похожий на красный камень. Ле-цзу

^I В тексте 怯谷 «це-лу», т. е. «Кэлурэн», более привычная форма названия этой знаменитой монгольской реки — Керулен.

^{II} 八刺合黑 Ба-ла-хэ-хай, Буркуджин-тукум — РД, Бархуджин-токум — СС, по-видимому р. Баргузин, приток оз. Байкал.

^{III} 拜姓忽兒 Бай-син-ху-эр, Байсонкур — РД, Байшинхор-дохшин — СС, первый из трех сыновей Хайду.

^{IV} 敦必乃 Тунь-би-най, Тумбинэ-хан — РД, Тумбинай-сээн — СС.

^V 葛不律寒 Гэ-бу-люй-хашь, Хабул-хаган — СС, Кабул-хан — РД.

^{VI} 八哩丹 Ба-ли-дань, Бартан-баатур — СС, Бартан-бахадур — РД.

^{VII} 也速該 Е-су-гай, Есугэй-бахадур — РД, Есугай-баатур — СС.

^{VIII} 30 октября — 27 ноября 1266 г.

^{IX} Прославленный предок.

^X Божественного императора-основателя династии.

^{XI} 塔塔兒 та-та-эр, татары.

^{XII} 月倫 Юэ-лунь, Оэлун-учжин (Козин), Хоэлун-экэ (Панкратов) — СС, где монг. «экэ» — мать, у РД ее зовут — Ауалун-аикэ. Впередн дан ее титул — Полная добродетелей вдовствующая императрица.

^{XIII} Чингисхан родился в начале 1155 г.

был поражен этим и потому назвал его Тэмучжином, ради события захвата [главы татар], чтобы запечатлеть [его] воинственность и славу⁸.

Родовичи обока тайчжиутов^I издавна были дружны с Ле-цзу. Но вследствие случившегося дела с Таргутаем^{II} вскоре родилась неприязнь и они порвали [с Есугаем] и не были вместе. К моменту кончины Ле-цзу, когда государь был уже крепким ребенком⁹, большое количество народа обока [Есугая] ушло к тайчжиутам. [Среди] приближенных слуг имелся Тодан-хорчин^{III}, который тоже собрался изменить. Государь со слезами [уговаривал] его остаться. Тодан-хорчин сказал так: «И глубокий пруд тоже высыхает, самый крепкий камень тоже крошится! Зачем же еще оставаться!»¹⁰. В конце концов [он] увел народ и откочевал. Сюань-тайхоу^{IV} рассердилась на его негодное управление, подняла бунчук и повела воинов, собственной персоной отправившись преследовать отступников, нагнала их большую часть и вернула.

Тогда же подчиненный государя Чжочи^V отселился на реку в Саари-[кээр]^{VI}. Человек обока Чжамухи^{VII} Тактайчар^{VIII} жил при источнике Улагай^{IX} и однажды задумал причинить обиду — вторгнуться, чтобы захватить лошадей, пасшихся в Саари-кээр, и угнать [их]. Но Чжочи скомандовал своим людям спрятаться внутри стада лошадей, а затем они, стреляя из луков, убили его [Тактайчара]. Чжамуха был этим разозлен, поэтому задумал план соединиться с обоком тайчжиутов и пойти воевать тремя туменами. Государь в то время расположил вой-

^I 泰赤烏 тай-чи-у, тайчжиуты.

^{II} 塔兒不舎 Та-эр-бу-тай, Таркутай-Кирилтук — РД или Таргутаи-Кирилтук — СС, «кирилтук» — завистник, по РД — он враждовал с родичами Есугая.

^{III} 脫端火兒真 То-дуань-хо-эр-чжэнь. Тудан-тахурчи — РД, «хорчин» по-монгольски «стрелок», Тодоен-Гиртай (Козин) или Тодойон-гиртэ (Панкратов) — СС.

^{IV} Т. е. Хозлун.

^V 朮只 Шо-чжи, Джучи-тармалэ — РД, Чжочи-Дармала — СС.

^{VI} 薩里 Са-ли, Саари-кэхэр — РД, Саари-кээр — СС, монг. «кэхэр» — степь, т. е. имеется в виду река в степи Саари.

^{VII} 札木合 Чжа-му-хэ, Чжамуха — СС, Джамукэ-сэчэн — РД.

^{VIII} 秃台察兒 Ту-тай-ча-эр, совпадает с ШУЦЧЛ, Такудачар — РД, или Тайчар, младший брат Чжамухи — СС.

^{IX} 玉律哥 Юй-люй-гэ, Олэгай-булах — СС, Улакай-булак — РД.

ска в поле при Далан-Баджуты¹, он узнал о смуте, сделал большой сбор войск всех обоков, разделил [его] на десять крыльев, имелись [еще] три, чтобы ждаты². Как только Чжамуха прибыл, государь с ним решительно сразился, разбил и прогнал его.

В те времена среди всех обоков только тайчжиуты [имели] обширные земли и множество народа, они были известны чрезвычайной мощью. Обок джарэитов³, родственный им, был поблизости от мест, где пребывал государь. Как-то государь выехал поохотиться, к нему присоединились джарэиты, которые по случайности [тоже] скакали на охоту. Государь сказал им так: «Может сегодня вечером вместе остановимся на ночлег?» Джарэиты ответили так: «Совместно переночевать — само собой, хотим. Вот только пришло нас 400, а поскольку провианта не заготовили, то отправим половину [людей] обратно. Что если сейчас сделаем так?» Государь настойчиво приглашал остановиться на ночлег, всех их оставил и сполна [дал] им еды и питья. На следующий день опять собрались для облавной [охоты]. Государь приказал своим приближенным гнать зверей в сторону джарэитов и джарэиты получили множество добычи на обратную дорогу. Весь народ был преисполнен благодарности ему, говорил промеж себя так: «Тайчжиуты с нами хоть и братья, но часто крали наши повозки и коней, отбирали наши еду и питье, нет среди них людей благородных качеств. Что касается людей благородных, то разве что Темуджин единственный такой!» Улуг⁴, начальник джарэитов, некогда подвергся мучениям от тайчжиутов и поэтому, не имея возможности одолеть [тайчжиутов], вместе с Тагай-Далу⁵ подчинился [Чингисхану] совместно с руководимым [им] обоком и со всех сил подстрекал перебить тайчжиутов. Государь сказал [ему] так: «Я все время крепко спал, к счастью ты разбудил меня⁶. Отныне встреченное на

¹ 答蘭版朱思 Да-лань-бань-чжу-сы, Талан-бадджус — РД, Далан-Бадджут — СС, совпадает с ШУЦЧЛ.

² Т. е. резерв.

³ 照烈 чжао-ле, совпадает с ШУЦЧЛ, джадаран или джаурэит — СС, джурь-яг — РД.

⁴ 玉律 Юй-люй, Улуг-бахадур — РД.

⁵ 塔海答魯 Та-хай-да-лу, Тагай-Далу — РД, Та-хай Да-лу — ШУЦЧЛ.

пути колеи [наших] повозок и следов людей, все полностью будет отбираться в твою пользу!» Но вскоре эти двое не смогли сдержать свое слово, опять взбунтовались и откочевали. Тагай-Далу прошел полпути, когда был убит людьми обока тайчжиутов, после чего обок джарэитов пропал.

В то время как государевы слава и добродетель расцветала с каждым днем, среди обока тайчжиутов многие страдали от того, что их глава не следует закону, видя [при этом] государевы доброту и милосердие, когда он жаловал людей мехами и конями, а сердце его радовалось. И тогда Чилаун^I, а равно и Чжэбэ^{II}, и Ширгуту-эбугэн^{III}, а также обоки дуланкитов^{IV}, чжаларов^V и мангутов^{VI}, ища справедливости, все перешли на сторону [Чингисхана].

Государь собрал в улус¹² Сэчэ[-беки]^{VII}, Тайчу^{VIII} и прочих, каждого [одарил] колесницей с бунчуком^{IX} да еще кумысом и устроил пир на реке Онон^X. Государь со всем улусом предстал перед матушкой Сэчэ-беки Хуурчин^{XI} и на всех поставил один бурдюк кобыльего кумыса, а перед младшей матушкой Сэчэ-беки^{XII} Эбэгай^{XIII} [на нее] одну — один бурдюк. Хуурчин рассердилась и сказала так: «Сегодня не почтили меня, а уважили [только] Эбэгай?» Она заподозрила в этом государева главного стольника¹³ Шикиура^{XIV}, и потому его избili палками. Из-за этой несправедливости явился разлад. В то время государев младший брат Бельгутаи^{XV} ведал государевыми конями¹⁴, а

^I 赤老温 Чи-лао-вэнь, Джиллаукан — РД или Чилаун, сын Сорхан-шира — СС.

^{II} 哲別 Чжэ-бе, Джэбэиз йисут — РД, Чжэбэ — СС.

^{III} 失力哥也不干 Ши-ли-гэ-е-бу-гань, Ширкату-абукан — РД, Ширкуэту-Эбугэн — СС, «эбугэн» по-монгольски «предок».

^{IV} 朵郎 до-лан, до-лан-ги — ШУЦЧЛ, дуланкит — РД.

^V 札剌兒 чжа-ла-эр, чжалаир, у РД пояснение, что это ветвь джалаириров.

^{VI} 忙兀 ман-у, манхуа — СС.

^{VII} 薛徹別吉 Се-чэ[-бе-цзи], Сача-беки — СС, Сэчэ-беки — РД.

^{VIII} 大丑 Тай-чоу, Тайчу — СС, Тайчу-кури — РД.

^{IX} Знак княжеского достоинства.

^X 斡難 Во-нань, Онон.

^{XI} 忽兒真 Ху-эр-чжэнь, Кхуражин-хатун — РД, Хуурчин-хатун — СС.

^{XII} Т. е. младшей женой его отца — РД, по СС — она молодая жена Сача-беки.

^{XIII} 野別該 Е-бе-гай, Эбэгэй — СС, Имуии — РД.

^{XIV} 失丘兒 Ши-цю-эр, Шикиур — СС, Сиучар — РД.

^{XV} 別里古台 Бс-ли-гу-тай, Бельгутаи — СС, Бэлгутаи-нойон — РД.

Бури¹ ведал конями¹¹ Сэчэ-беки. Поскольку челядинец Бури воровски уводил на поводу коня, Бельгутаю его схватил. Бури, разозлившись, рубанул Бельгутая и ранил в спину. Его приближенные хотели драться, но Бельгутаю остановил их, сказав так: «Вы желаете немедленного возмездия? К счастью я ранен не сильно, давайте-ка пока отложим это!» Те не послушались — [ведь] каждый набрался кумыса¹⁵, и устроили ожесточенную драку шестами, ограбили [и захватили] Хуурчин и Хоричин¹¹¹, двух хатуней¹⁶, и вернулись [домой]. Сэчэ-беки отправил посла просить мира, поэтому [Чингисхан] приказал вернуть домой [этих] двух хатуней. Случилось так, что глава татар Мэгучжин-Сэулту^{1V} нарушил договор с Цзинь, а владетель Цзинь послал первого министра¹⁷ Ваньянь Сяна предводительствовать войсками, которые пошли на север преследовать его [Мэгучжин-Сэулту]. Государь узнал об этом и послал ближние войска с реки Онон встретить [татар] ударом, и как всегда отдал распоряжение Сэчэ-беки командовать людьми его обока и привести их на помощь. Прошло шесть дней, они не пришли. Государь лично сражался, и Мэгучжин-Сэулту был убит, его обоз и кибитки были полностью захвачены.

Вышло так, что подчиненных государя ограбили люди из обока найманов^V, государь захотел покарать их и вновь отправил к Сэчэ-беки 60 человек набирать воинов. Сэчэ-беки по причине старой обиды убил 10 человек из них, а 50 человек лишил одежды и вернул их назад. Государь рассердился и сказал так: «Сэчэ-беки некогда избил палками моего Шикиура, порубил и ранил моего Бельгутая, а теперь снова посмел, воспользовавшись моментом враждебной обстановки, оскорбить меня!» Ввиду чего [Чингисхан] повел воинов через каменистую и песчаную пустыню, напал на него, побил и полонил народ из его обока, только Сэчэ[-беки]¹⁸ и Тайчу едва спасли жен и

¹ 播甲 Бо-ли, Бури-Боко — СС, Бури — РД.

¹¹ Букв. ведал дела «цилесы», см. Комментарий, прим. 14.

¹¹¹ 火里真 Хо-ли-чжэнь, Хориджин — СС, Куринджи — РД.

^{1V} 蔑兀真笑里徒 Ме-у-чжэнь-сло-ли-ту, Мэгуджин-Сэулту — СС, Муджин-Султу — РД.

^V 乃蠻 най-мань, найманы.

детей. Прошло несколько месяцев, государь опять пошел карательным походом на Сэчэ[-беки] и Тайчу, преследовал их до теснин Тэлэту^I и истребил их.

Чжаха-Гамбу^{II}, из обока кэрэитов^{III}, стал вассалом [Чингисхана]. Сам-то Чжаха-Гамбу был младшим братом главы обока^{IV} Ван-хана^V. Ван-хан [ранее] именовался Тоорил^{VI}, [он] принял от Цзинь возведение в ранг вана, но изменил слово [ван] на звучащее [с ним] одинаково. Вот почему, величая себя ваном, [он] стал Ван-ханом^{VII}.

Вначале, вскоре после того как отец Ван-хана Хурчаус-Буирух^{VIII} умер и Ван-хан наследовал престол, [он] умертвил и казнил старших и младших братьев. Его дядя Гур-хан^{IX} повел войско сразиться с Ван-ханом, прижал к ущелью Хараун^X и разбил его, едва лишь сотня с чем-то всадников спаслась бегством — бежали к Ле-цзу^{XI}. Ле-цзу лично повел войска, прогнал Гур-хана, который ушел в Си Ся^{XII}, заново отбил людей обока [кэрэитов] и вернул Ван-хану. Ван-хан принял их, после чего был заключен взаимный союз и они назвали [друг друга] анда^{IX}. Когда Ле-цзу скончался, младший брат Ван-хана Эркэ-хара^{XIII}, разозлившись на Ван-хана по причине множества его убийств, опять возмутился и вернулся в обок найманов. Глава обока най-

^I 帖烈徒 Те-ле-ту, место первого сражения: Тулан-булдак — РД, Долоан-болдуг — СС; место истребления: совпадает с ШУЦЧЛ, Тэлэту амасар или Тэлэгэту амсар — СС, Таладубин-амсрэ — РД.

^{II} 札阿紺字 Чжа-а-гань-бо, Чжаха-Гамбу — СС, Джакамбу-андэ — РД.

^{III} 克烈 кэ-ле, кэрэиты.

^{IV} Т. е. кэрэитов.

^V 汪罕 Ван-хань.

^{VI} 脱里 То-ли, Тоорил-хан — СС, Тогорил — РД.

^{VII} Китайское название владетельного князя 兀. «ван» и имя «Ван-хан» — 汪罕 записываются разными иероглифами, но при этом одинаково звучащими.

^{VIII} 忽兒札胡思益祿 Ху-эр-чжа-ху-сы-бэй-лу, Хурчаус-буирух — СС, Курджакуз-буирук-хан — РД.

^{IX} 菊兒罕 Цзюй-эр[-хань], Гурхан — РД.

^X 哈剌溫 Ха-ла-вэнь, Хараун-хабчал — СС, Караун-капчал — РД, монг. «хаб-чал» — ущелье, теснина.

^{XI} Т. е. к Есугай-бахадuru, отцу Чингисхана.

^{XII} «Западное Ся», Хэ-си, Капин — все это названия страны Тангут, находившейся на территории современных пров. Ганьсу и НХАР (Ниися-Хуэйского Автономного Района) в КНР.

^{XIII} 也力可哈剌 Е-ли-кэ-ха-ла, Эркэ-хара — СС, Аркэ-кара — РД.

манов Инанч^I послал войско в карательный поход на Ван-хана и отобрал всех людей, принадлежащих народу его обока. Ван-хан ушел через три государства — Хэси^{II}, Хуйху^{III} и Хуйхуй^{IV}, и бежал к киданям^V. Вскоре он опять [там] изменил и вернулся назад. В дороге закончился провиант, доили коз и овец, чтобы пить молоко, прокалывали верблюдов, чтобы питаться их кровью, тяготы их были чрезмерные. Государь ради дружеских отношений Ле-цзу с ним [Ван-ханом] отправил приближенных пойти пригласить его. Государь лично встретил, поддержал и одарил [Ван-хана], разместил [его] войско для отдыха, навел среди него порядок и снабдил [необходимым]. Затем на собрании у реки Туула^{VI} [Чингисхан] почел Ван-хана отцом²⁰.

Немного погодя государь отправился карательным походом на обок меркитов^{VII}, сразился с главой их обока Тохтоа^{VIII} при горе Муначэ^{IX}. В результате захватил его богатства и имущества, хлеба на корню и отослал к Ван-хану. После этого народ обока Ван-хана понемногу собрался.

Пожив сколько-то времени, Ван-хан самолично [решил], что его силы достаточны для действий, и, не сообщая государю, один повел войска для повторного нападения на обок меркитов. Люди обока [меркитов] потерпели поражение и бежали, Тохтоа убежал в теснину Бархучжин^X. Ван-хан много награбил и вернулся, государю и единой [вещи] не передал, но государь не придал тому значения.

Было так, что глава обока найманов Буюрук-хан^{XI} не подчинялся, государь вместе с Ван-ханом вновь пошел похо-

^I 亦難赤 И-нань-чи, Инанч-хан — РД, Инанча-билгэ-хан — СС.

^{II} Страна тангутов.

^{III} 回鹘 Хуй-ху, Уйгур.

^{IV} 回回 Хуй-хуй, мусульмане вообще, уйгуры в т. ч.

^V В данном случае — кара-китай государства Западное Ляо в Восточном Туркестане.

^{VI} 十兀刺 Ту-у-ла, Туула-ин харатун, т. е. «Темный Бор на реке Туула» — СС, Караун-капчал — РД, «сошлись на реке Тола в черном лесе» — ШУЦЧЛ.

^{VII} 蔑里乞 ме-ли-ци, т. е. меркиты.

^{VIII} 脫脫 То-то, Тохтоа-беки — СС, Токта(й)-беки — РД.

^{IX} 莫那察 Мо-на-ча, совпадает с ШУЦЧЛ, Мунджа — РД, Муручэ сэул — СС.

^X 八兒忽真 Ба-эр-ху-чжэнь, совпадает с ШУЦЧЛ, Баргуджин — РД, Бархуджин тогум — СС.

^{XI} 不[欲魯]汗 Бу{-юй-лу-}хань, Буюрук-хан — РД, Буирух-хан — СС.

дом на них, дойдя до степей при Кэшил-баш¹, встретился с их передовым отрядом Еди-туклука^{II}, который приказал сотне всадников выйти на бой. Увидев, что силы армии [Чингисхана] постепенно приближаются, [Еди-туклуку] отошел и занял горные высоты, но его седло сползло, он упал и был схвачен. И вот немного спустя государь опять встретился с двумя отважными полководцами найманов — Кокэсэу и Сабрахом^{III}. Случилось так, что были уже сумерки и каждая сторона вернулась за валы лагерей, договорившись сразиться завтра²¹. Той же ночью Ван-хан зажег множество огней внутри лагеря, несомненно указывая [на наличие] людей, и скрытно перевел народ обока в другое место. С рассветом государь сразу узнал об этом, поэтому весьма заподозрил его в имеющихся коварных замыслах и скомандовал отход к реке [в] Саари-кээр. Вскоре после Ван-хан тоже вернулся к реке Туула, [куда и] сын Ван-хана Нилха-[Сангун]^V с Чжаха-Гамбу пришли на соединение. Кокэсэу, Сабрах и другие дознались об этом, воспользовались их неготовностью и внезапным набегом захватили народ обока, находившийся в пути. Нилха-[Сангун] бежал и сообщил [об этом] Ван-хану, Ван-хан приказал Нилха-[Сангуну] с Бурхудаем совместно преследовать их и одновременно отправил посла [к Чингисхану] сказать так: «Найманы несправедливо схватили моих людей. Старший сын^V имеет четырех искусных полководцев и может быть даст [их] мне взаймы чтобы смыть позор?» Государь погодил выразить [свои] прежние обиды и потому отправил к нему Боорчу^{VI}, Мухали^{VII}, Борохула^{VIII} и Чи-

¹ 黑辛八石 Хэй-синь-ба-ши, современное оз. Улунгур в Синьцзяне, оз. Кишил-Баши — СС, Кызил-Баш — РД.

^{II} 也的脫字魯 Е-дэ-то-бо-лу, Ииди-туклуку — РД, Еди-тублух — СС, Б. И. Панкратов считает, что это описка вместо тюркского «туглуку», т. е. семизнаменный.

^{III} 曲薛吾撒八刺 Цюй-се-у Са-ба-ла, по РД и СС полководец один: Куксу-Сабрак — РД, Кокэсэу-Сабрах или Коксэгу Сабрах — СС.

^V 亦刺合 И-ла-хэ, Нилха-Сангун — СС, Нилкэ-Сангун — РД, И-ля-ха Сянь-купь — ШУЦЧЛ, «Сангун» — это монгольская передача китайского ранга «сянгуна».

^V Букв. 太子 «тайцзы», кит. «наследник, старший царевич», т. е. Чингисхан, считается «сыном» Ван-хана.

^{VI} 博爾朮 Бо-эр-чжу, Бурджу-найан — РД, Боорчу — СС.

^{VII} 木華黎 Му-хуа-ли, Мухали — СС, Мукли-куиан, т. е. Мухали-гойон — РД.

^{VIII} 博羅渾 Бо-ло-хунь, Бурагул-найан — РД, Борохул-нойан — СС.

лауна, 4 человек, командующих войсками. [Эти] командующие не дошли еще, как Нилха-[Сангун] уже приблизился к Кокэсэу и Сабраху, сразился с ними и потерпел сильное поражение, а Бурхудай стал пленником. Шальная стрела попала в ляжку коня Нилха-[Сангуна] и он едва не был схвачен. Через мгновение четыре полководца подошли и ударили по найманам, которые бежали. Они отобрали все то, что было награблено, и вернули Ван-хану. После этого вместе с августейшим младшим братом [Джочи]-Хасаром^I повторно пошли карательным походом на найман, которые держали оборону на склоне горы Улаан^{II}, нанесли им сильное поражение, полностью поубивали всех предводителей их родов и сделали над грудой трупов могильный холм. Вследствие чего мощь найманов ослабела.

В то время тайчжиуты были все еще сильны. Государь соединился с Ван-ханом на реке [в] Саари-[кээр], вступил в большое сражение с Ханху и прочими предводителям тайчжиутов^{III} на реке Онон, разбил и прогнал их, показнил и набрал рабов несчетно.

Обои хатагинов^{IV}, салчжиутов^V, дорбенов^{VI}, татар и хунгиратов^{VII}, услышав про поражение найманов и тайчжиутов, все испытывали страх перед величием [Чингисхана] и неуверенность в себе. Они собрались у источника Алхуй^{VIII}, обезглавили белого коня в знак клятвы и пожелали сделать набег на государя и Ван-хана. Глава хунгиратов Дэй-[сэчэн]^X, боясь, что дело не получится, тайно отправил человека сообщить о мятеже. Государь с Ван-ханом из болот Кутун^X вышли

^I 哈撒兒 Ха-са-эр, Джуджи-Касар — РД, Джочи-Хасар — СС.

^{II} 忽蘭 Ху-лань, в СС — урочище Улаан-хуте, см. [16, с. 126].

^{III} Контаминация Аучу-баатур, Хотон-орчан и Худуудар — СС, или Анку-хакуджу, Курил и Кудуудар — РД, ближе всего к ЮШ сокращение от их китайской транскрипции: Хан-хуа-у-чу, Ху-лянь и Ху-ду-да-эр-бе-цзи в ШУЦЧЛ.

^{IV} 哈答斤 ха-да-цзинь, катакин — РД, хатагин — СС.

^V 散只兀 са-чжи-у, салджиут — СС, салджиут — РД.

^{VI} 朵魯班 до-лу-бань, дорбены — СС, дурбан — РД.

^{VII} 弘吉剌 хун-цзи-ла, кунгират — РД, унгират — СС.

^{VIII} 阿雷 А-лэй, Алхуй-булах — СС.

^X 迭夷 Де-и, Дергек-Эмель-Алхуй — СС, по РД сведения передает тесть Чингисхана Дай-сэчэн(нойон) — РД, в чтении СС — Дэй-сэчэн.

^X 虎圖 Ху-ту, озеро Хуту — ШУЦЧЛ, Кутун-науур — РД, Койтен — СС.

на встречный бой в долине реки Буир^I и еще раз нанесли им сильное поражение.

Ван-хан затем разделил войско, сам же пошел от реки Кэлурэн^{II}. Чжаха-Гамбу устроил совет с Алтун-ашухом^{III}, Алхутуром^{IV} и прочими²², сказав так: «Нрав моего старшего брата непостоянен, а поскольку [он] вырубил-истребил наших старших братьев, то разве [он] ко всему оставит нас единственно уцелевшими?» Алтун-ашух разболтал эти слова. Ван-хан приказал арестовать Алхутура и других и привести в его шатер, [приказал] освободить их от пут, покамест обращался с речью к Алхутуру, сказав так: «Мы шли из Хэси^V, по дороге голодали и бедствовали, ваши клятвы поддерживать [меня] были произнесены, почему же вдруг забыли их?» Затем он плюнул в их лица. Сидевшие люди все вскочили и плевали в них. Ван-хан в придачу постоянно укорял Чжаха-Гамбу и довел [до того, что тот] не смог выдержать. Чжаха-Гамбу и Алхутур и другие все бежали к найманам.

Государь расположил армию в горах Чэкчэр^{VI}. Он поднял войска в карательный поход на обок татар²³. Начальники обока — Алак-Удур^{VII} и другие²⁴ вышли на встречный бой, но потерпели крупное поражение²⁵.

В то время обок хунгиратов хотел перейти на службу [Чингисхану], [Джочи]-Хасар, не зная про их намерение, наехал и ограбил их. Тогда хунгираты вернулись в обок Чжамухи, вместе со всеми обоками дорбенов, икирэсов^{VIII}, хатагинов, хоруласов^{IX}, татар и садджиутов собрались на реке Гянь^X и совместно

^I 益亦烈 Бэй-и-ле, оз. Буир-нор, Буир-науур — РД.

^{II} 怯緣隣 [Це-]люй-лянь Кэлурэн — РД, СС, т. е. р. Керулен.

^{III} 接敦阿述 Ань-тунь-а-шу, Алтун-Ашук — РД, Алтун-ашух — СС, совпадает с ШУЦЧЛ.

^{VI} 燕火脫兒 Янь-хо-то-эр, Аил-Кункур — РД, Эл-хутур — СС, совпадает с ШУЦЧЛ.

^V Тангут.

^{VI} 徹徹兒 Чэ-чэ-эр, Чакаджар — РД, Чэкчэр — СС.

^{VII} 阿剌兀都兒 А-ла-у-ду-эр, Алак-Удур — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, но он не татарин, а меркит.

^{VIII} 亦乞刺思 и-ци-ла-сы, икирэс — СС, икирас — РД.

^{IX} 火魯刺思 хо-лу-ла-сы, хорулас — СС, куралас — РД.

^X 韃 Цзянь, р. Гянь — приток Аргуни, Кан-мурэн — СС, Гам — РД, совпадает с ШУЦЧЛ.

возвели на престол Чжамуху как гур-хана²⁶. Был заключен союз на берегу реки Тулубэр^I, в качестве клятвы было сказано: «Все мы собрались в союз и с тем, кто разгласит этот уговор, [поступим] подобно обрушению берега и подобно вырубке леса». Закончив клятву, все поднялись топтать ногами берег и размахивая клинками рубить лес, [затем] ударные части войска направились в набег. Тогда был среди [этого] народа Тагай-ха^{II}, который находился в родственных отношениях с подчиненным государя Чаоуром^{III}. Чаоур по счастливой случайности отправился повидать его и детально узнал об их сговоре, [он] сразу же вернулся к государю, чтобы подробно доложить об их заговоре. Государь сразу поднял войска, дал встречное сражение в местности Тени-горохан, при Хайларе^{IV} и разбил их. Чжамуха спасся бегством, а обок хунгиратов покорился.

В год жэнь-сюй^V государь послал войска на реку Улхуй-Шилэнчжин^{VI} покарать алчи-татар^{VII} и чаган-татар^{VIII}, два обока [татар]^{IX}. Перед [боем] предводители дали клятву, сказав так: «Если разобьем врага и погоним на север, то увидев брошенные и потерянные вещи, ни в коем случае не подбирать, а подождать — [после] окончания воинских дел разделим их». Сразу как победа стала очевидной, родовичи Алтан^X, Хучар^{XI} и Даритай^{XII}, три человека, нарушили договоренность. Государь

^I 秃律别兒 Ту-люй-бе-эр.

^{II} 塔海哈 Та-хай-ха, по РД это был Меркитай, возможно смешение с Дай-сэчэном из аналогичной ситуации выше.

^{III} 抄吾兒 Чао-у-эр, совпадает с ШУЦЧЛ, известие это передал по РД — Куридай, а по СС — Хоридай.

^{IV} 海刺兒帖尼火魯罕 Хай-ла-эр Те-ни-хо-лу-хань, Хайлар Тэни-горохан, р. Хайлар, приток Аргуни, совпадает с ШУЦЧЛ, Ииди-куркап — РД, «ииди» описка вместо «тини».

^V С 26.01.1202 г. по 13.02.1203 г.

^{VI} 兀魯回失速真 У-лу-хуй-ши-лянь-чжэнь, Хулку-Силуджиуджукт — РД, Улхуй-Шилугэджит — СС, совпадает с ШУЦЧЛ.

^{VII} 接木塔塔兒 ань-чи-та-та-эр, алчи-татар — РД, СС.

^{VIII} 察罕塔塔兒 ча-хань-та-та-эр, чаган-татар — РД, чаан-татар — СС.

^{IX} Совпадает с ШУЦЧЛ и РД, в СС еще упомянуты Дутаут-татар и Алухай-татар.

^X 按彈 Ань-дань, Алтан, сын Кутула-каана — РД, Алтан-отчигин, сын Хутула-хана, внук Хабул-хана — СС.

^{XI} 火察兒 Хо-ча-эр, Кучар, сын Нэжун-тайджи — РД, Хучар-беки — СС.

^{XII} 答力台 Да-ли-тай, Даритай-отчигин, дядя Чингисхана — РД, СС.

рассердился, все набранное ими отобрал и разделил среди войска.

Поначалу, когда Тохтоа был разбит, [он] бежал в теснины Баргуджина. Но вскоре вновь вышел [оттуда] и стал опасен. Государь повел войска, чтобы покарать и прогнать его. Что касается этого [дела], то к тому же собрались найманы обока Буюрук-хана²⁷ и договорились со всеми обоками дорбенов, татар, хатагинов и салджиутов перейти в нападение. Государь отправил всадников оседлать высоты и наблюдать все четыре стороны. Узнав, что войско найман постепенно подходит, государь с Ван-ханом передвинули армию в укрепление. Нилха-[Сангун] с северного фланга вышел занять узел обороны на вершинах гор, войско найман атаковало его, но не сдвинуло [с позиции] и потому вернулось. Нилха-[Сангун] преследовал их, [потом] опять зашел в укрепление. Управляя сражением, государь переместил обозы в другое место, и вместе с Ван-ханом, опираясь на укрепление Арал^I в качестве вала, дал большой бой в поле Куитэн^{II 28}. Найманы послали шаманов молениями вызвать ветер и снег, желая посредством их силы предпринять нападение. Вскоре ветер переменился и, напротив, ударил по их [собственным] боевым порядкам. Войско найман не могло сражаться и решило отступить. Снег переполнил горные протоки и ручьи, государь, учтя это, придержал войска, а найманы понесли тяжелый урон. В то же время обок Чжамухи поднял войска на помощь найманам, но увидев их поражение, сразу вернулся. В пути те, кто был поставлен руководить [войском Чжамухи], много своевольничали, занимались грабежом и [потом] разбежались.

Государь посватал старшего сына Джучи^{III} за дочь Ван-хана Чаур-беки^{IV}. А Ван-ханов Тусаха^V тоже пожелал жениться на

^I 阿蘭塞 А-лань-сай, кит. 塞 «сай» — «укрепление, укрытие, окоп»; Арал — РД, в ШУЦЧЛ: «опираясь на окоп А-лань как на стену».

^{II} 闕突壇 Цюэ-и-тань, совпадает с ШУЦЧЛ, Куйтан.

^{III} 朮赤 Чжу-чи, Джучи, Джочи-хан — РД, Чжочи — СС.

^{IV} 抄兒伯姬 Чао-эр-бо-цзи, Джауур-бики — РД, Чаур-беки — СС.

^V 禿撒合 Ту-са-хэ, Тус-бука, сын Нилха-Сангуна — РД, Тусаха — СС.

дочери государя Ходжин-беки¹, но оба [дела] не сладились. Из этого вышла большая ссора. Еще в самом начале, [когда] государь с Ван-ханом совместным войском наступали на найман и договорились сражаться на рассвете, Чжамуха сказал Ван-хану так: «Я у Вас жаворонок, а другие люди — дикие гуси, так-то вот! Жаворонок и зимой, и летом постоянно находится на севере, дикие гуси же, с наступлением зимы, обязательно летят на юг согреться!» Смысл сказанного — намерения государя нельзя гарантировать. Ван-хан, выслушав его [Чжамуху], впал в подозрения и поэтому перевел людей своего обока в иное место. Когда брачные планы не исполнились, Чжамуха опять воспользовался разладом и сказал Нилха-[Сангуну] так: «Старший сын [Чингисхан], хоть и говорил, что является сыном Ван-хана, но в свое время передал сведения найманам, чтобы вы — и отец, и сын, потерпели поражение. Если бы Вы смогли увеличить войско, я бы последовал за ним и примкнул для помощи Вам». Нилха-[Сангун] поверил ему. Случилось так, что Даритай-отчигин, Хучар и Алтан взбунтовались, вернулись к Нилха-[Сангуну] и к тому же сказали ему так: «Мы желаем попросить младшего господина покарать всех сыновей государыни!» Нилха-[Сангун] очень обрадовался, послал гонца рассказать Ван-хану. Ван-хан ответил: «Чжамуха говорит ловкие речи, человек недостойный доверия! Не следует слушать!» Нилха-[Сангун] энергично возражал, неоднократно посылая к нему и обратно [гонцов]. Ван-хан сказал так: «На протяжении моей жизни верный старший сын был поистинне добр. [Мои] усы и борода уже седы, а брэнное тело рассчитывает получить успокоение. А ты так и будешь болтать без конца? Ты сам позаботься об этом, не доставляй мне забот, действуй!» Чжамуха тогда пустил огонь, пожег пастбища государя и ушел.

¹ 火阿真伯姬 Хо-а-чжэнь-бо-цзи, Худжин-беги — РД. Ходжин-беки — СС, старшая дочь Чингисхана, и вообще его первый ребенок, выдана замуж за Боту, главу обока икирэс.

² В тексте 宣懿太后 «Сюань-и тайхоу» т. е. «Полная добродетелей императрица», Оэунь — мать Чингисхана.

В год гуй-[хай]^I Ван-хан с сыном задумали план, пожелав погубить государя, и тогда отправили посла сказать [ему] так: «Некогда собирались устроить брачные дела, теперь подходящее время выдать замуж [дочь Ван-хана]. Приглашаем приехать вышить на пиру в знак помолвки». Государь согласился на это, указал 10 всадникам поехать с ним. Проехали полпути, как в душе [Чингисхана] зародилось подозрение, [он] приказал одному всаднику поехать с вежливым отказом, а государь тогда повернул назад. Поскольку заговор у Ван-хана не получился, [он] сразу решил поднять войска и напасть. Некий конюх Кишилих^{II} услышал про это дело и вместе с младшим братом Бадаем^{III} тайно сообщил государю. Государь сразу же рассредоточил войска по укрепленнию Арал, переместил все обозы в иное место, отправил Чжэньмэ^{IV} в авангард и, дожждав подхода Ван-хана, сразу перестроил войско и выступил на бой. Раньше всех [Чингисхан] встретился с обоком чжиргинцев^V, вторым встретился с обоком тункаитов^{VI}, в придачу к ним встретился с обоком Хори-Шилэмуна^{VII} и всех их разбил. Самым последним [он] встретился с родовым войском Ван-хана и тоже разбил его. Нилха-[Сангун], видя силы [кэрэитов] в опасности, бросился на атакующие порядки, но был поражен стрелой в щеку, сразу же сплотил вокруг себя воинов и отступил. Люди обока киреев^{VIII} поэтому бросили Ван-хана и покорились.

Вскоре после того как Ван-хан был разбит и вернулся [в свои места], государь тоже повел воинов, чтобы возвратиться

^I С 14.02.1203 г. по 02.02.1204 г.

^{II} 乞失力 Ци[-ши-ли], Кишилик — РД, Кишилих — СС.

^{III} 把帶 Ба-дай, Бадай — РД.

^{IV} 折里麥 Чжэ-ли-май, Чжэньмэ-гоа — СС, Джэзэ-ухр — РД.

^V 朱力斤 чжу-ли-цзинь, чжиргин — СС, джиркин — РД.

^{VI} 董哀 дун-ай, тункаит — РД, род кэрэитов.

^{VII} 火力失烈門 Хо-ли-ши-ле-мэнь, Кури-Шилэун-тайши — РД, Хори Шилэун-тайши — СС.

^{VIII} В тексте — 怯里亦 це-ли-и, возможно вариант китайской транскрипции 兒烈 кэ-ле, т. е. кэрэит, так как через «це» транскрибировалось «кэ»; но другой, наиболее вероятный вариант — это племя кирей (о киреях см. [81, с. 419—425]), а в цз. 122, в жизнеописании Хасана, бывшего из 怯烈亦氏, т. е. из «рода це-ле-и», говорится что он воевал на стороне Чингисхана против кэрэитов Ван-хана, т. е. он не относился к кэрэитам.

к топям Тунгэ^I и поставит там войско. Он послал Архай- [Хасара]^{II} выразить упрек Ван-хану: «Вы преследовались своим младшим дядей Гур-ханом и терпя лишения скитались. Мой отец сразу же напал на Гур-хана, разбил его в Хэси^{III}, его земли и людей сполна взыскал в пользу Вас. И это первая из великих заслуг перед Вами! Когда Вы подверглись нападению найманов, то бежали на запад и не было [Вам] где сделать дневку. Ваш младший брат Чжаха-Гамбу был на границе Цзинь, я спешно послал к нему человека с призывом вернуться [на помощь Ван-хану]. Вдобавок, еще до [его] прибытия, люди обока меркитов занялись притеснениями [Ван-хана], я попросил моего старшего брата Сэчэ-беки с моим младшим братом Тайчу отправиться перебить их. И это вторая из великих заслуг перед Вами! В то время, когда Вы в нужде скитались, я прошел через Хадихлик^{IV}, повсеместно у всех обоков отбирал овец, коней, ценности и имущество, чтобы сполна поднести Вам — и не прошло полмесяца как сделал так, чтобы у Вас голод сменился сытостью, а худоба — упитанностью. И это третья из великих заслуг перед Вами! Вы не сообщили мне, что уходили в набег на обок меркитов, многое захватили и вернулись назад, но ни шерстинки мне не выделили. Я тем не озаботился. Вам, который был сокрушен найманами, я послал 4 полководцев отбить и вернуть ваших людей, вновь возвести на престол вашего государства. И это четвертая из великих заслуг перед Вами! Я ходил походом на дорбенов, татар, хатагинов, садджиутов и хунгиратов, всего 5 обоков. Как ловчий сокол хватает гусей — диких ли, домашних ли, так и [я] что видел, то и захватывал, а захваченное обязательно представлял Вам. И это пятая из великих заслуг перед Вами! Все эти 5 заслуг — ясная проверка [меня], а вот Вы уже не можете отплатить мне тем же примером. Теперь же пусть и малым добром воздайте

^I 董哥 Дун-гэ, река Тунгэ — СС, Тункэ-науур Торкэ-Корокан — РД, наур — т. е. «озеро», в ШУЦЧА — «достигши озера Дунга, места Торхо-Хорхэ».

^{II} 阿里海 А-ли-хай, Аркай-Джиун — РД, были посланы двое: Архай-Хасар и Сукэ-гай-Джеун — СС, у РД они соединились в одно лицо.

^{III} Т. е. Тангут.

^{IV} 哈丁里 Ха-дин-ли, Катикилик, где был белый тоноль «хаданг» — РД, Хадихилих-нируу, т. е. горная цепь Хадихилих — СС.

[за те заслуги] и тотчас присоедините [свои] войска к моим!» Ван-хан выслушал это и сказал Нилха-[Сангуну]: «Эти слова ко мне, каковы, а? Мой сын¹ по истине верно их [сказал]». Нилха-[Сангун] ответил: «Ход дел сегодня уже не изменить, только и остается, что напярчь силы и побороться-сразиться. Мы победим — тогда ему кланяться, он победит — мы поклонимся! Для чего тут много разговаривать».

В то время [люди] государева улуса, Алтан и Хучар, собрались все на стороне Ван-хана. Государь поэтому послал Архай-[Хасара] и приказал сообщить им [свои] порицания и обвинения Ван-хана, сказав так: «Некогда наше государство-улус не имело главы. Сэчэ-беки и Тайчу, этих двух человек, потомков Бархаха^{II}, брата нашего деда²⁹, [мы] хотели возвести на престол [улуса]. Они вдвоем тогда наотрез отказались. Затем, тебя — Хучара, сына моего дяди Нэкуна^{III}, тоже пожелали возвести на престол. Ты сам, [Хучар], также отказался наотрез. Однако дело не могло быть оставлено на полпути, и опять, [уже] тебя — Алтана, сына Хутула-[хана]^V, старшего в нашем роду, также хотели возвести на престол улуса. Ты, [Алтан], тоже отказался наотрез. Тогда вы все признали меня главой и выдвинули во владетели улуса. Да разве было у меня с самого начала в глубине души [это]?! Не сам замыслил, но [вами] сообща был понуждаем к этому! У Трех рек^V, там где предки положили начало [роду], не нашлось других людей для этого. Вы делали добрые дела Ван-хану, но нрав у Ван-хана неустойчивый и, прикинув как это было [у вас] со мной, разве не сделает [он] выводы о вас? Я теперь ухожу, покидаю ныне [вас]!» Алтан с остальными не имели что ответить.

Государь после того как направил посла к Ван-хану, двинул затем в набег войска, чтобы захватить чжиркинцев^{VI},

¹ Т. е. Чингисхан.

^{II} 八剌哈 Ба-ла-ха, Окин-бархах — СС, Укин-Баркак — РД, монг. «укин» — девушка.

^{III} 赫坤 Не-кунь, Нэкун-тайджи — СС, Некун-тайши — РД.

^{IV} 忽都剌 Ху-ду-ла, Хутула-хан — СС, Кутула-хан — РД.

^V Т. е. Онон, Керулен и Тола.

^{VI} 潮兒斤 жо-эр-цзинь, разночтение с другой транскрипцией «чжиргин», восстанавливается по СС.

особый обок хунгиратов. Когда дошли до реки Балчжуна^I, реки мутной и своенравной, государь напился от нее ради присяги народу. Некий человек из обока икирэсов, по имени Боту^{II}, будучи разбит обоком хоруласов, сошелся с государем и заключил с ним союз. [Джочи]-Хасар жил отдельно в горах Хараун^{III}, когда Ван-хан набегом полонил его жен и детей. Взяв с собой самого младшего сына Туху^{IV}, он бежал. [Когда] кончилось продовольствие — искали птичьи яйца для пропитания. Они пришли на соединение [с Чингисханом] к реке^V. Когда соразмерили силы, которые у Ван-хана велики и могучи, а у государя — малы и слабы, то не зная наврное [будет ли] победа или поражение, многие из народа весьма испугались опасности. Но все те, кто объединились как «пившие воду реки», — так называли пивших мутную воду [Балчжуна], сказали, что вот они-то и будут едины в трудностях и лишениях. Войска Ван-хана двинулись и встретились в бою с государем в местности Халахаджин^{VI}, что в Шато^{VII}. Ван-хан потерпел крупное поражение. Его подчиненные Алтан, Хучар и Чжамуха составили план убийства [своего] государя Ван-хана, но не получилось. Тогда они убежали к найманам. Обоки Даритай-отчигина, бааринов^{VIII} и некоторые прочие, поклонились [Чингисхану] и покорились.

Государь, переместив войско к истоку реки Онон, задумал нападение на Ван-хана. Он снова отправил двух послов к Ван-хану, якобы со словами [Джочи]-Хасара, сказавшего так: «Мой старший брат и [ваш] старший сын³⁰, ныне неизвестно где обретается, да в придачу мои жены и дети находятся у вана. Если бы я решил уйти [от брата], даст ли тогда [ван] мне

^I 班朱尼 Бань-чжу-ни, Балджиунэ — РД, оз. Балджуна — СС.

^{II} 字徒 Бо-ту, Буту или Буту-гургэн — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, «Боду фума», т. е. «императорский зять Боду» в «Хэй-да ши-люе».

^{III} 哈刺汗 Ха-ла-хунь, Караун-Джидун — РД, Хараун-Джидун — СС.

^{IV} 脫虎 То-ху, Туку — РД, Туху — СС, однако по СС Джочи-Хасар оставил у Ван-хана жен и всех сыновей вместе с Туху.

^V Т. е. у Балджуна.

^{VI} 哈蘭真 Ха-лань-чжэнь, Халахаджит-элэт — СС, Калааджит-Алат — РД.

^{VII} Так назывались земли кочевых народов на севере Ганьсу, Шаньси и Шэньси, см. [128, с. 92].

^{VIII} 把憐 ба-лянь, баарин — СС, РД.

прочно обосноваться? Если ван пренебрежет мной, то сделает ошибку — пусть вспомнит, что я [с ним] издавна был в ладах. В таком случае я умываю руки и отправляюсь восвояси!» Ван-хан поверил им, поэтому послал людей вслед этим двум послам, чтобы передать кожаный мешок, наполненный кровью, [в знак] союза с ним, [Джочи-Хасаром]. Пока они добирались, этими двумя послами уже были проведены ночью очень быстрым и бесшумным маршем войска к горам Чжэчжэр-ундур^I. Они вывели их, [войска], неожиданно и внезапно напали на Ван-хана и поразили его. Был полностью покорен народ обока кэрэитов. Ван-хан с Нилха-[Сангуном] отчаянно [сражаясь], избежали [плена] и ушли. Ван-хан, вздыхая, сказал: «Я своим сыном^{II} был введен в заблуждение и раскаяние о сегодняшних бедствиях — к чему оно [теперь]!» Ван-хан, продвигаясь, на дороге встретил военачальника обока найманов, который его убил. Нилха-[Сангун] бежал в Си Ся, день за днем разбойничал и грабил для себя богатства. Вскоре затем, опять направившись в набег на Си Ся, дошел до государства Куча^{III}. Владелец государства Куча с войском пошел карательным походом и убил его.

Государь после гибели Ван-хана [устроил] большую охоту у реки [в] Темэн-[кээр]^{IV}, [там] издал указы по армии, воодушевил на победы и вернулся. В то время глава обока найманов Таян-хан^V, устранившись душой могущества государя, отправил посла сговориться с владыкой обока белых татар Алахуш^{VI} и сказать так: «Я узнал, что в восточной стороне некто объявил себя государем³¹. На небе нет двух солнц — неужели народ имеет двух ванов?! Вы можете содействовать моему правому крылу — я собираюсь отнять его [Чингисхана] лук и стрелы». Алахуш сразу сообщил этот план государю, оставаться на

^I 折折運都 Чжэ-чжэ-юнь-ду, Джэджээр-ундур или Чжечжеерские высоты — СС, Джэджир-ундур — РД.

^{II} Т. е. Чингисханом.

^{III} 龜茲 Цю-цзю, уйгурское государство Куча в Синьзяне.

^{IV} 帖麥該 Те-май-гай, Темен-кеере — СС, т. е. у реки в степи Темен-кеер.

^V 太陽汗 Тай-ян-хань, Таян-хан, Тайан-хан — РД, СС.

^{VI} 阿剌忽思 А-ла-ху-сы, онгутский Алахуши-дигит-хури — СС, Алакуш-тигин-Кури — РД.

месте не было причины — он поднял обок и стал вассалом [Чингисхана]³².

В год цзя-цзы¹ государь сделал большой сбор у реки [в] Темэн-{кээре}, чтобы обсудить карательный поход на найманов. Все подданные ввиду худобы весенних коней говорили, что необходимо ждать осенней высоты [трав]. Августейший младший брат [Тэмугэ]-Отчигин¹¹ сказал так: «Дело это правильное, порешить их давно пора — как можно худыми конями отговариваться?» Бельгутаи тоже высказался так: «Найманы хотят отобрать у нас лук и стрелы. Такое мое малое мнение, что нам по справедливости следует их всех убить. Они полагаются на величие своего государства³³ и бахвалятся. Если воспользоваться их неготовностью и ударить по ним, то успех может быть полным!» Государь был доволен и сказал так: «Таким большим войском и не победить — как было бы печально». После этого двинул войска покарать найманов. Остановив армию в горах Кантэгай¹¹¹ [Чингисхан] вначале послал Хубилая^{1V} и Чжэбэ, двух мужей, быть с передовыми отрядами.

Таян-хан вышел с Алтая^V, стал лагерем в горах Ханхай³⁴ и вместе с главой обока меркитов Тохтоа, главой обока кэреитов Алин-тайши^{VI}, главой обока ойратов^{VII} Кутуку-беки^{VIII}, и обоками дорбенов, татар, катакинов, салджиутов развернул очень сильное войско. Тогда среди нашего отряда имелись отощавшие кони, которые понесли и забрались внутрь лагеря найманов. Таян-хан увидел их и, посоветовавшись со всеми, сказал так: «Монгольские кони худые и слабые подобно этим. Теперь следует заманить монголов зайти поглубже, а затем

¹ С 03.02.1204 г. по 21.01.1205 г.

¹¹ 韓赤斤 Во-чи-цзинь, Тэмугэ-отчигин — СС, у РД ошибочно «Отчигин-нойон, дядя Чингиз-хана».

¹¹¹ 建武該 Цзянь-тэ-гай, в СС указывается местность Кэлтэгай-хада на реке Халха, в РД упоминается только Калаат, т. е. Халха.

^{IV} 虎必來 Ху-би-лай, Хубилай — СС и ШУЦЧЛ, ошибочно Кутула — РД.

^V 按臺 Ань-тай, Алтай — СС, р. Алтай — РД.

^{VI} 阿憐太石 А-линь-тайши, Алин-тайши — РД.

^{VII} 猥刺 вэй-ла, ойрат — РД.

^{VIII} 忽都花別吉 Ху-ду-хуа-бе-цзи, Кутукэ-беки — РД.

сразиться и захватить их». Его военачальник Хорису-бечи¹ возразил: «Прежний ван сражался и карал, храбрецы пойдя вперед, не возвращались назад. [Ван] не давал врагам увидеть ни их спин, ни хвостов коней. Теперь с этим планом отступлений и оттяжек, разве не поселится в душах боязнь? И если есть такая боязнь, то почему бы не приказать идти вместе с войском и женам государя». Таян-хан разгневался, немедленно бросил в галоп коня и ввязался в бой.

Государь поставил [Джочи]-Хасара во главе центра войск. Когда Чжамуха пришел к Таян-хану и увидел, что государево войско исполнено твердого порядка, то сказал окружающим так: «Найманы поначалу подняли войска и рассматривали монгольское войско как несмышленных и беспомощных ягнят, уже полагая, что не оставят [от них] копыт и шкур. А теперь я вижу их [монголов] дух и силу, и как бы не пора уходить!» После чего отвел воинов своего обока и скрылся. В тот же день государь ожесточенно сражался с войском найманов вплоть до вечера, захватил и убил Таян-хана. Войска всех обоков были сразу все разгромлены, ночью бежали горными кручами, тех, кто упал со скал и погиб, невозможно было всех и подсчитать. На следующий день остатки полностью капитулировали. Тогда дорбены, татары, катакины и салджиуты, всего 4 обока, тоже пришли и покорились.

Вслед за тем снова ходили карательным походом на обок меркитов. Их глава Тохтоа бежал к младшему брату Таян-хана Буюрук-хану. Его подданный Даир-Усун^{II} встретил [Чингисхана], подчинился ему и подарил дочь, но скоро опять взбунтовался и откочевал. Государь пришел в укрепление Тайхал^{III} и поручил Борохулу и Чимбаю^{IV}, вдвоем командовать правым крылом войска и отправиться усмирить его [Даир-Усуна].

В год и-чоу^V государь пошел походом на Си Ся, овладел

¹ 火力速八赤 Хо-ли-су-ба-чи, Хорису-бечи — СС, Субэчу-Кори — РД, однако по СС сначала возражал сын Таян-хана Кучулук, а потом только Хорису-бечи.

^{II} 帶兒兀孫 Дай-эр-у-сунь, Дайр-Усун — РД, Даир-Усун — СС.

^{III} 泰寒寨 Тай-хань-чжай, Тайхал — СС, Дайкал-курбан — РД.

^{IV} 沈白 Чэнь-бай, Чимбай — СС, Джимбай — РД.

^V С 22.01.1205 г. по 09.02.1206 г.

укреплением Лицзили^I, подверг [осаде]^{II} город Лосы^{III}, много захватил людей с их верблюдами и вернулся обратно.

В начальный год правления, [год] бин-инь^{IV}, государь сделал большой сбор всех ванов^V и всех сановников, соорудил белое знамя с девятью кистями, после чего у истока реки Онон восшел на императорский престол. Все ваны и все сановники вместе почтительно преподнесли [ему] титул и нарекли — Чингис^{VI} хуанди^{VII}. Тот год на самом деле — 6-й год девиза «Тай-хэ» династии Цзинь.

Сразу после восшествия на престол император опять послал войска в карательный поход на пайман. В это время Буюрук-хан охотился в горах Улуктаг^{VIII}, его схватили и вернулись с ним. Сын Таян-хана Кучулук-хан^{IX} с Тохтоа бежали на реку Эрдьш^X.

Император стал замышлять поход на Цзинь. Начать с того, что цзиньцы убили государева предка Хамбахай-хана^{XI} и император в свою очередь захотел отомстить. Вышло так, что все пленные цзиньцы рассказывали: цзиньский владетель Цзинь незаконно тиранствует и насильничает. Император тогда определенно решил направить карательную экспедицию, однако не осмелился двинуться необдуманно.

Осенью года дин-мао^{XII}, 2-го [от установления правления], вторично ходили карательным походом на Си Ся, овладели го-

^I Лижили — РД, совпадает с ШУЦЧА.

^{II} См. примечание 11 к главе III в Комментарий.

^{III} Клинок-лоши или Лин-лоши — РД, совпадает с ШУЦЧА.

^{IV} С 10.02.1206 г. по 29.01.1207 г.

^V Позднейшая китаизация монгольских реалий начала XIII в., имеются в виду князья рода Чингисхана.

^{VI} 成吉思 Чэн-цзи-сы.

^{VII} Император по-китайски, таким образом передана титулатура — «каан Чингис».

^{VIII} 兀魯塔 У-лу-та, Улук-тах — СС, Улук-так — РД.

^{IX} 屈出律罕 Юй-чу-люй-хань, Кучулук-хан — СС, Кушлук — РД.

^X 也兒的石 Е-эр-дэ-ши, р. Иртыш, Эрдьш — СС, Ирдьш — РД.

^{XI} 咸補海罕 Хань-бо-хай-хань, Хамбахай — РД, Амбагай-хаган — СС.

^{XII} Август — начало ноября 1207 г.

родом Волохай^I. В этот же год, [Чингисхан] отправил Алтана и Буру^{II}, вдвоем послами к киргизам^{III}. Вскоре после этого обоки Еди и Инала^{IV} и обок Алтиера^V, все направили послов и приподнесли в дар знаменитых соколов.

Весной года у-чэнь^{VI}, 3-го [от установления правления], император прибыл из Си Ся. Летом [Чингисхан] спасался от жары в императорской ставке. Зимой он вторично ходил походом на Тохтоа и Кучулук-хана. В то время обоки ойратов^{VII} и прочих встретили наши передовые отряды и не сражаясь добровольно подчинились, вследствие чего стали использоваться как проводники. Когда дошли до реки Иртыш, то покарали обок меркитов — истребили их [всех]. Тохтоа был поражен пальной стрелой насмерть. Кучулук-хан бежал к киданям^{VIII}.

Весной года цзи-сы^{IX}, 4-го [от установления правления], государство Уйгур^X стало вассалом³⁵. Император вошел в Хэси^{XI}. Сяский^{XII} владетель Ли Ань-цюань поручил своему наследнику возглавить войска и сражаться [с монголами], но его разбили, а его заместителя, главнокомандующего Гао-лингуна^{XIII} — за-

^I 韓羅孩 Во-ло-хай, Валохай или Уйрак/Урахай, совпадает с названием столицы Си Ся, на самом деле крепость в горном проходе Алашаньских гор в Нинся — по Палладию Кафарову.

^{II} 不兀刺 Бу-у-ла, Бура — РД, по СС к лесным народам и киргизам был направлен Джучи с проводником Буха.

^{III} 乞力吉思 ци-ли-цзи-сы, киргизам.

^{IV} 野牒亦納里 Е-де-и-на-ли.

^V 阿里替也兒 А-ли-ти-е-эр, А-ли-ти-е-эр, киргизские нойоны Еди, Инал и Алтиер — СС; эмир Урус-Инала и его посол Илик-Тимур в местности Еди-Урун — РД.

^{VI} Февраль — начало мая 1208 г.

^{VII} 韓亦刺 во-и-ла, ойраты, разночтение с предыдущей транскрипцией названия ойратов — 猥刺 вэй-ла.

^{VIII} Т. е. к кара-китайскому гур-хану — РД.

^{IX} Февраль — начало мая 1209 г.

^X 畏吾兒 Вэй-у-эр, уйгуры, здесь не использовано собственно китайское слово «хуйху», означавшее уйгуров, а имеется транслитерация монгольского их названия.

^{XI} Т. е. Тангут.

^{XII} Тангутский.

^{XIII} Лингун — это должность государственного секретаря в номенклатуре китайских государств, здесь также часть имени знатного тангута, такая практика включения в имя названий разных китайских рангов и титулов была распространена у соседей китайцев, тот же сын Ван-хана имел приставку к имени «сангун», искаженное «сянгун».

хватили. Был занят город Урахай¹, его тайфу¹¹ господин Сиби был пленен. [Монголы] продвинулись к заставе Имэнь, еще раз разбили командующего Ся, захватили его полководца Вэй-мин-лингуна. [Монголы] растеклись по окрестностям столицы [тангутов] Чжунсина, отвели воды реки и залили его [Чжунсин]. Дамбы были прорваны, водой было затоплено все снаружи города. Поэтому [монголы] сняли осаду и вернулись восвояси. В Чжунсин был послан тайфу Эда объявить императорские указы владетелю Ся. Тангутский владетель, прося мира, отдал дочь в жены императору.

Весной года гэн-у¹¹¹, 5-го [от установления правления], цзиньцы, задумав выступить в поход, возвели крепость Ушапу^{1v}. Император велел Чжэбэ внезапно напасть и перебить всех в ней, а затем захватить земли к востоку [от нее].

Поначалу государь вносил дань Цзинь ежегодными подношениями. Цзиньский владетель послал Вэйского вана Юнь-цзи в Чжэнчжоу получить дань. Император принял Юнь-цзи, не совершив [подобающего] церемониала. Юнь-цзи вернулся [в Цзинь] и пожелал просить войск, чтобы напасть на него. Случилось так, что цзиньский владетель Цзин умер и Юнь-цзи унаследовал престол. Был манифест [о восшествии на престол], дошедший до государства [монголов], в котором было предписано, что надлежит принимать [манифест] с поклонами. Император спросил цзиньского посла так: «Кто новый государь?» Посол ответил: «Это Вэйский ван». Император сразу повернулся на юг, плюнул и сказал так: «Я считаю императором в Срединной равнине^v того, кто отмечен Небом. Но ведь этот же является заурядным и робким, как такому кланяться!» Тут же сел на коня и ускакал на север. Цзиньский посол

¹ 兀刺海 У-ла-хай, Урахай/Валохай; Арикай, Иригай или Арикгай — РД, Иргай по-монгольски т. е. г. Нинся, в ШУЦЧА — Бо-ван мяо.

¹¹ В данном случае — правитель и командующий войсками.

¹¹¹ Февраль — начало мая 1210 г.

^{1v} Туша или Нуша — РД, совпадает с ШУЦЧА, запад совр. аймака Уланчаб в Автономном районе Внутренняя Монголия, далее сокращенно — АРВМ.

^v 中原 Чжунъюань, т. е. в Китае, в других местах ЮШ еще может употребляться в узком смысле — как Северный Китай.

вернувшись все рассказал. Юнь-цзи рассвирепел, но пожелал выждать, когда государь опять явится с подношениями и тут-то придет момент его погубить. Император узнал об этом и потому порвал с Цзинь, увеличил строгости [дисциплины] в войсках, чтобы быть готовыми.

Весной года синь-вэй^I, 6-го [от установления правления], император находился у реки Кэлурэн. Прибыл глава племени карлуков^{II} Западного края^{III} Арслан-хан^{IV} и подчинился [Чингисхану]. Владелец государства уйгуров³⁶ тоже принял покровительство [Чингисхана] и явился представиться императору.

Во второй луне^V император сам повел войска в поход на юг, разбил цзиньского полководца Дин Се у хребта Ехулин^{VI}, взял уезды Дашуйло^{VII} и Фэньли^{VIII}. Цзиньцы вновь соорудили укрепление Ушапу.

Осенью, в седьмой луне^{IX}, [Чингисхан] повелел Чжэбэ напасть на укрепления Ушапу с лагерем Уюэин и захватить их.

В восьмой луне^X император сражался с цзиньским командующим у [города] Сюаньпин^{XI} при реке Хуйхэ и разбил его.

В девятой луне^{XII} [Чингисхан] захватил [город] Дэсинфу^{XIII}. Защищавший заставу Цзюйюнгуань^{XIV} полководец, спасая себя, бежал. Тогда Чжэбэ вошел в [эту] заставу и приблизился к Средней столице^{XV}.

^I Февраль — начало мая 1211 г.

^{II} 哈剌魯 ха-ла-лу, карлуки — РД.

^{III} Так китайцы называли земли западнее Китая, т. е. это Средняя и Центральная Азия.

^{IV} 阿昔蘭汗 А-си-лянь-хань, Арслан-хан — РД.

^V 15 февраля — 16 марта.

^{VI} Горы в 15—20 км на сев-запад от совр. г. Чжанцзякоу, в СС — Хунэгэн дабаан, т. е. «лисий перевал», его название переведено на китайский буквально — 野狐嶺.

^{VII} Совр. Шаньси.

^{VIII} Западная граница уезда Чжанбэй в пров. Хэбэй.

^{IX} 10 августа — 8 сентября.

^X 9 сентября — 8 октября.

^{XI} Совр. г. Сюаньхуа.

^{XII} 9 октября — 6 ноября.

^{XIII} Тасинфу — РД, совпадает с ШУЦЧА, совр. г. Баоань на юго-востоке от г. Сюаньхуа.

^{XIV} По СС — монгольское название Чабчиял, Джан-джиал — РД, 40 км к сев-зап. от Пекина и 10-12 км от г. Чанпин.

^{XV} «Чжунду», или г. Яньцзин, совр. Пекин.

Зимой, в десятой луне^I, [монголы] набегом увели в свои земли коней из цзиньских государственных табунов. Елюй Ахай покорился и прибыл на аудиенцию к императору, когда тот проходил в тех местах. Царевичи Джучи, Чагатай^{II} и Угэдэй^{III}, разделившись, облавой брали округа Юньнэй^{IV}, Дуншэн[чжоу]^V, Ушо[чжоу]^{VI}, которые пали перед ними.

Той же зимой^{VII} походная ставка императора была на северных границах Цзинь. Лю Бо-линь³⁷ и Цзягу Чангэ^{VIII} подчинились [Чингисхану].

Весной, в начальной луне года жэнь-шэнь^{IX}, 7-го [от установления правления], Елюй Люге собрал своих людей в Лунъани^X и, будучи сам главнокомандующим^{XI} [у цзиньцев], отправил посла [к монголам], чтобы присоединиться к ним. Император сокрушил города Чан[чжоу] и Хуань[чжоу]^{XII} и Фу[чжоу]^{XIII}. Цзиньский полководец Хэшиле Цзюцзинь³⁸, повел 300 000 солдат и выдвинулся на [их] спасение. Император сразился с ними при Хуаньэрцзуй^{XIV} и нанес им сильное поражение.

Осенью^{XV} была окружена Западная столица^{XVI}. Аотуньсян^{XVII}, главный дуцзянь^{XVIII} цзиньского главнокомандующего, был поставлен во главе войска, которое выдвинулось [ей] на помощь. Император послал войско, которое заманило [отступ-

^I 7 ноября — 6 декабря.

^{II} 察合台 Ча-хэ-тай, Чагатай — РД, Чаадай — СС.

^{III} 窩闊台 Во-ко-тай, Угэдэй, Октай — у РД, Огодай — в СС.

^{IV} Ун-нуй — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, ныне уезда Ююй в Шаньси.

^V Туджинк — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, уезд в Шаньси.

^{VI} Ну-джиу — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, ныне уезда Шосянь в Шаньси.

^{VII} Ноябрь 1211 — январь 1212 г.

^{VIII} Кидань Цзягу Чангэ и китаец Лю Бо-линь были цзиньскими полководцами.

^{IX} 5 февраля — 4 марта 1212 г.

^X В окрестностях современного г. Ачэн.

^{XI} В тексте — дуоаньшуай.

^{XII} В бывшей провинции Чахар, теперь северо-западная часть АРВМ.

^{XIII} Развалины Хара-Баласагун в 50 км от Калгана по дороге к Улан-Батору в районе г. Долоннор.

^{XIV} Куан-джиу — РД, совпадает с ШУЦЧЛ.

^{XV} Август — начало ноября.

^{XVI} Совр. уездный г. Датун в провинции Шаньси.

^{XVII} Ао-тунь — ШУЦЧЛ, эмир Уаун — РД.

^{XVIII} Военный комендант.

лением] к Мигукоу^I, но, развернувшись навстречу, атаковало их и полностью истребило. При повторном штурме Западной столицы в императора попала шальная стрела, поэтому осаду сняли.

В девятой луне^{II} Чаган^{III} овладел Фэншэнчжоу.

Зимой, в день цзя-шэнь двенадцатой луны^{IV}, Чжэбэ штурмовал Восточную столицу^V, но не взял, тогда отвел [войска] и ушел. Но ночью быстрым маршем вернулся назад и внезапным нападением овладел ею.

Весной года гуй-ю^{VI}, 8-го [от установления правления], Елюй Люге возвел [сам] себя на престол в качестве вана [государства] Ляо и изменил эру правления на девиз «Юаньтун».

Осенью, в седьмой луне^{VII}, [монголы] овладели Сюаньдэфу^{VIII}, затем напали на Дэсинфу. Царевич Толуй^{IX} и зять императора Чигу^X первыми взойшли на [стены] и заняли его. Император продвинулся и дошел до Хуайлай^{XI}. Он сразился с губернатором провинции Ваньянь Цзином и командующим Гао Ци^{XII}, разбил и преследовал их до [Гу]бэйкоу^{XIII}. Так как цзиньские войска держали [заставу] Цзюйюн[гуань], [Чингисхан] приказал Кэтэю^{XIV} и Бочэ^{XV} блокировать^{XVI} ее. После чего уст-

^I Крепость-застава в Великой китайской стене, прикрывавшая Западную столицу Цзинь, совр. Датун.

^{II} 27 сентября — 25 октября.

^{III} 察罕 Ча-хань, Чаган-нойон, глава личной тысячи Чингисхана, тангут усыновленный Чингисом как 5-й сын — РД, см. цз. 120 ЮШ.

^{IV} 14 января 1213 года.

^V Совр. г. Ляоян.

^{VI} Февраль — начало мая 1213 г.

^{VII} 7—17 августа.

^{VIII} Сун-ти-джиуи — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, совр. г. Сюаньхуа к северу от Пекина.

^{IX} 拖雷 То-лэй, Тулуй-хан — РД, Толуй — СС.

^X 赤駒 Чи-цзюй, Джигу-курхан — РД, Чигу-гурэгэн — СС, монг. «гургэн» — «зять», Чи-цзюй — ШУЦЧЛ.

^{XI} Хуаили — РД, совпадает с ШУЦЧЛ, город на полпути между Пекином и Калганом (Чжанцзякоу).

^{XII} Гюки-джункши — РД, он же «Цзинь цзюнь Чжуху Гаоци» в «Тунцзянь ганму».

^{XIII} Крепость в Великой китайской стене, восстанавливается по ШУЦЧЛ.

^{XIV} 可忒 Кэ-тэ, Катай — РД, Кэтэй — СС, Цэ-тай — ШУЦЧЛ.

^{XV} 薄剌 Бо-ча, Бочэ — РД, совпадает с ШУЦЧЛ.

^{XVI} 守 — букв. «охранять».

ремился к Чжолу. Начальник гарнизона цзиньской Западной столицы¹ Хушаху сбежал. Император вышел из прохода Цзыцзингуань^{II}, разбил цзиньского командующего на перевале Ухуйлин и овладел двумя городами — Чжо[чжоу]^{III} и И[чжоу]. Кидани Уланбар^{IV} и другие преподнесли [Чингисхану] Бэйкоу^V, поэтому Чжэбэ взял Цзюйюн[гуань] и соединился с Кэтэем и Бочэ.

В восьмой луне^{VI} цзиньский Хушаху совершил цареубийство своего господина Юнь Цзи^{VII} и приветствовал вступление на престол Фэнского вана Сюнь.

Той же осенью войска были разделены на три направления: было приказано — царевичам Джучи, Чагатаю и Угэдэю быть правым крылом армии, они следовали вдоль Тайхан^{VIII} и на юг, взяли города Бао[чжоу]^{IX}, Суй[чжоу], Аньсу[чжоу], Ань[чжоу], [Чжэнь]дин[чжоу]^X, Син[чжоу], Мин[чжоу], Цы[чжоу], Сян[чжоу], Вэй[чжоу]^{XI}, Хуй[чжоу], Хуай[чжоу] и Мэн[чжоу]^{XII} ³⁹, разграбили округа Цзэ[чжоу], Лу[чжоу], Ляо[чжоу], Цинь[чжоу], Пинъян[чжоу], Тайюань[чжоу]^{XIII}, Цзи[линьчжоу], Си[чжоу], захватили округа Фэнь[чжоу], Ши[чжоу], Лань[чжоу], Синь[чжоу], Дай[чжоу] и У[чжоу], после чего вернулись; младшему брату императора [Джочи]-Хасару с Алчи-нойоном^{XIV}, Чжурчитаем^{XV} и Бочэ⁴⁰ [было приказано] быть левым

¹ Совр. г. Датун.

^{II} Си-кин-киу — РД, Цзыцзин-коу — ШУЦЧЛ, горный проход и крепость в северо-западной части провинции Хэбэй.

^{III} Джо-джиу — РД, совпадает с ШУЦЧЛ.

^{IV} 訛魯不兒 Э-лу-бу-эр, Уланбар, Улаан-дегилень — СС.

^V Северное устье ущелья Цзюйюн.

^{VI} 18 августа — 15 сентября.

^{VII} Т. е. цзиньского императора.

^{VIII} Хребет Тайхан.

^{IX} Бу-джиу — РД, Бао-чжоу — ШУЦЧЛ.

^X Джинг-динг-фу — РД, Чжэньдинчжоу — ШУЦЧЛ.

^{XI} Джиу — РД, Вэйчжоу — ШУЦЧЛ.

^{XII} Пров. Хэбэй.

^{XIII} Пров. Шаньси.

^{XIV} 斡陳那顏 Во-чэнь-на-янь, Алчи или Алчи-гургэн — СС, брат старшей жены Чингисхана Бортэ, Алчи-нойон — РД, Во-чэнь — ШУЦЧЛ, в цз. 118 ЮШ есть еще транскрипция «Ань-чэнь».

^{XV} Чжо-чи-дай, младший сын Чингисхана Джурчитай — РД, нойон Чжурчэ-дай — СС, совпадает с ШУЦЧЛ.

крылом армии, они следовали вдоль моря и на восток, взяли области Цзичжоу, Пин[шань]^I, Луань^{II} и Ляоси, и вернулись назад; сам император с царевичем Толуем составлял центр армии, [они] взяли области: Сюн, Ба, Мо, Ань[го], Хэцзянь, Цан[чжоу], Цзин, Сянь, Шэнь^{III}, Ци^{IV}, Ли^V, Цзи^{VI}, Энь^{VII}, Пу^{VIII}, Кай[фын]^X, Хуа^X, Бо[чжоу]^{XI}, Цзи, Тайань^{XII}, Цзинань^{XIII}, Бинь^{XIV}, Ди, Иду^{XV}, Цзы[бо]^{XVI}, Вэй, Дэн, Лай^{XVII} и И[шуй]. Еще [Чингисхан] приказал Мухали напасть на [город] Мичжоу, Мухали вырезал его. Полководцы Ши Тянь-эр и Сяо Бо-ди привели свои войска и покорились, Мухали на свою ответственность подчинил их себе обоих в качестве начальников над десятками тысяч^{XVIII}. Император, дошедший до Средней столицы, вернул войска [этих] трех направлений, соединил и расквартировал у Дакоу.

В тот же год области и уезды [провинции] Хэбэй были целиком захвачены, и только лишь Средняя столица, Тун, Шунь, Чжэньдин, Цин, Во, Дамин, Дунпин, Дэ, Пэй и Хайчжоу, 11 городов, не пали.

Весной, в третьей луне года цзя-сюй^{XIX}, 9-го [от установления правления], императорская ставка^{XX} была в северных

^I Город и уезд в пров. Хэбэй.

^{II} Уезд в пров. Хэбэй.

^{III} Все — уезды в пров. Хэбэй.

^{IV} Уезд в пров. Шаньси.

^V Уезд в пров. Хэбэй.

^{VI} Уезд в пров. Хэбэй.

^{VII} Уезд в пров. Шаньдун.

^{VIII} Уезд в пров. Шаньдун.

^{IX} Город и округ в современной пров. Хэнань.

^X Уезд в современной пров. Хэнань.

^{XI} Округ в пров. Шаньдун.

^{XII} Уезд в пров. Шаньдун.

^{XIII} Центр пров. Шаньдун.

^{XIV} Уезд в пров. Шаньдун.

^{XV} Город и округ в пров. Шаньдун.

^{XVI} Город и округ в пров. Шаньдун.

^{XVII} В пров. Шаньдун.

^{XVIII} Т. е. назначил их темниками над их же войсками.

^{XIX} 12 апреля — 10 мая 1214 г.

^{XX} Т. е. орда Чингисхана.

предместьях Средней столицы. Все полководцы просили [Чингисхана] воспользоваться победами и сокрушить Янь[цзин]^I, но император не последовал [просьбам], только лишь отправил посла к цзиньскому владетелю с указом, гласящим: «Твои округа и уезды в Шаньдуне и Хэбэе полностью принадлежат мне, а ты защищаешь один лишь Яньцзин. Небо уже сделало тебя слабым, а я еще подвину тебя к краю пропасти, и что Небо скажет мне? Я теперь возвращаю войска, [и если] ты не сможешь одарить командующих^{II} для усмирения [войны], то разве не разозлятся все мои полководцы?» Поэтому цзиньский владетель отправил посла добиваться мира и преподнес [Чингисхану] принцессу Циго-гунчжу⁴¹, дочь Вэйшао-вана, в дар вместе с золотом, шелками, пятьюстами молодыми девушками и юношами и тремя тысячами коней, вследствие чего был послан первый министр⁴² Ваньянь Фусин сопровождать императора в выезде к Цзюйюн[гуань].

Летом, в пятой луне^{III}, цзиньский владетель переселился в Бянь^{IV}, его наследник Шоу-чжун стал наместником Средней столицы, поддерживаемый [чэнсяном] Ваньянь Фусином и цаньчжэном^V Маньянь Цзяньчжуном.

В шестой луне^{VI} цзиньские войска из дю^{VII} [под командой] Чжода и прочих, убили своего главнокомандующего⁴³ и все перешли на сторону [Чингисхана]. Был дан императорский указ Самухе^{VIII}, Шимо Минганю^{IX} вместе с Чжода окружить Среднюю Столицу. Император же спасался от жары в Юйэр-бо^X.

^I Т. е. Средняя столица/Чжунду (Пекин).

^{II} Монгольской армии.

^{III} 10 июня — 8 июля.

^{IV} Старое название г. Кайфына.

^V Советник и помощник первого министра.

^{VI} 9 июля — 7 августа.

^{VII} В иной огласовке — «цзю», конные отряды из кочевых народов, несших пограничную службу в Цзинь, Н. И. Муикуев, см. [128, с. 121—122], считает их функции сходными с казачеством в Российской Империи.

^{VIII} 三摸合 Сань-мо-хэ, Самуха, военачальник из племени салджиут, это сообщает ШУЦЛ — сань-чжи-у-эр Сань-му-хэ ба-ду, где сань-чжи-у-эр — salji'ut это ед. ч. от этнонима salji'ut, он же Самукэ-бахадур — РД

^{IX} 石抹明安 Шимо Мин-ань, кидань Шимо Мингань, его биография в цз. 150 утверждает, что он перешел на сторону монголов в году жэнь-шэнь, т. е. в 1212 г.

^X 魚兒渌 Юй-эр-бо, где «бо» — озеро по-китайски, у РД — куауул, возможно это тюрк. «куул» — «озеро» [РЗ8, с. 175], в ШУЦЛ — «Юй-эр-ли».

Осенью, в седьмой луне^I, цзиньский наследник Шоу-чжун бежал в Кайфын.

Зимой, в десятой луне^{II}, Мухали отправился карательным походом в Ляодун. Гаочжоуские Лу-цун и Цзинь Пу сдались. Чжанцин в Цзиньчжоу^{III} убил своего цзедуши^{IV}, объявил себя Линьхайским ваном и отправил посла, чтобы перейти на сторону [монголов].

Весной, в начальной луне года и-хай^V, 10-го [от установления правления], Пуча Цицзинь, второй помощник цзиньского командующего^{VI}, сдал Тунчжоу^{VII}, за что стал командующим.

Во второй луне^{VIII} Мухали напал на Северную столицу^{IX}, цзиньские командующие Илдуху^X и У Гу-лунь сдали город. За это Илдуху стал наместником, а Уер^{XI}, опираясь [на должность] верховного главнокомандующего армией⁴⁴, держал его в повиновении. Командующий в Синчжунфу Ши Тянь-ин перешел на сторону [монголов], за это [Ши] Тянь-ин стал правителем Синчжунфу.

В третьей луне^{XII} цзиньский юйши-чжунчэн^{XIII} Ли Ин и прочие командиры войск пришли на помощь Средней столице, но в Бачжоу^{XIV} [монголы] приняли бой и разбили их.

Летом, в четвертой луне^{XV}, [монголы] взяли два города — Цинчжоу и Шуньчжоу. Был дан императорский указ Чжанцингу объединить 10 территориальных отрядов войск^{XVI} Северной столи-

^I 8 августа — 5 сентября.

^{II} 7 ноября — 2 декабря.

^{III} Город в совр. провинции Ляонин.

^{IV} Правитель крупного города, генерал-губернатор.

^V 1 февраля — 1 марта 1215 г.

^{VI} В тексте «юаньшуай».

^{VII} Округ в окрестностях Пекина.

^{VIII} 2—31 марта.

^{IX} Город Дадин в Ляодуне.

^X 寅答虎 Инь-да-ху, Илдуху, Индур — РД.

^{XI} 吾世而 У-е-эр, Уяр-ваншай — РД, его жизнеописание в изд. 120 ЮШ.

^{XII} 1—30 апреля.

^{XIII} Личный секретарь императора или начальник цензора.

^{XIV} Совр. уезд Басянь в Хэбэй.

^{XV} 6—29 мая.

^{XVI} Т. е. гарнизона.

цы и отправиться в поход на юг. Чжанцзин задумал взбунтоваться и был казнен. Поэтому Чжанчжи, младший брат Чжанцина, захватил Цзиньчжоу, самозванно присвоил титул «император Ханьсин» и изменил эру правления на девиз «Син-лун».

В пятой луне, [в день] гэн-шэнь^I, Ваньянь Фусин, наместник цзиньской Средней столицы, принял яд и умер, а Маньянь Цзяньчжун бросил город и сбежал. [Шимо] Мингань вступил в город и удержал его. В том же месяце [Чингисхан] спасался от жары в Ляпцзине, что в Сюаньчжоу^{II}. Он послал [Шиги]-Хутуху^{III} и других сделать опись казначейства Средней столицы.

Осенью, в седьмой луне^{IV}, главарь разбойников в горах Хунлошань Ду Сю предался [монголам], за что [Ду] Сю стал цзедуши Цзиньчжоу^V. Был послан цишили^{VI}, отправившийся с повелением к цзиньскому владельцу, чтобы все невзятые города Хэбэя и Шаньдуна были отданы [монголам], а он снял титул императора [с себя] и стал бы Хэнаньским ваном, тогда войска будут остановлены. [Цзиньский император] не согласился. [Чингисхан] дал указ Ши Тянь-эру пойти карательным походом на юг, пожаловал ему [звание] второго помощника главнокомандующего и вручил золотую пайцзу⁴⁵ с [головой] тигра^{VII}.

В восьмой луне^{VIII} Ши Тянь-эр взял Пинчжоу^{IX}, цзиньский цзинлюе^X Цичжу сдался. Мухали направил Ши Цзинь-дао и других напасть на Гуаннинфу, который им покорился.

Той осенью было взято в итоге городов — 862.

Зимой, в десятой луне^{XI}, цзиньский сюаньфу^{XII} Пусянь Ваньну захватил Ляодун, самозванно присвоил титул «Тянь

^I 26 июня.

^{II} Округ в пров. Ганьсу.

^{III} 忽都忽 Ху-ду-ху, Шиги-Хутуху, Шики-Кутуку — РД.

^{IV} 7—26 августа.

^V Пров. Ляонин.

^{VI} Чиновник, сообщающий официальные указы.

^{VII} Знак военачальника высокого ранга.

^{VIII} 27 августа — 24 сентября.

^{IX} Совр. Лулун в пров. Хэбэй.

^X Правитель военного времени с чрезвычайными полномочиями.

^{XI} 7—22 ноября.

^{XII} Командующий войсками или начальник пограничной области.

ван»^I, государство [свое] назвал «Дачжэнь» и изменил эру правления на девиз «Тянь-тай».

В одиннадцатой луне^{II} Елюй Люге прибыл к императорскому двору, его сын Седу⁴⁶ вошел в свиту [императора — Чингисхана]. Ши Тянь-сян покарал Синчжоу, захватил его цзедуши Чжао Шоу-юй.

Весной года бин-цзы^{III}, 11-го [от установления правления], [Чингисхан] вернулся в свою походную ставку на реке [А]руут^{IV}. Чжанчжи попал в ловушку в Синчжунфу — Мухали напал на него и усмирил.

Осенью^V садджиутский Самуха-батур вывел войска из Си Ся и быстро достиг Гуаньчжуна, затем прошел и взял заставу^{VI} Тунгуань, взял в плен цзедуши цзиньской сианьской армии Нипангу Болуху, овладел местностями в Жучжоу^{VII} и, дойдя до Бяньцзина^{VIII}, вернулся.

Зимой, в десятой луне^{IX}, Пусянь Ваньну покорился [монголам], его сын Тегэ вступил на службу [им]. После чего он опять взбунтовался и самочинно назвал [свое государство] Дун Ся^X.

Летом года дин-чоу^{XI}, 12-го [от установления правления], разбойник Ци-хэшан^{XII} овладел Упином. Ши Тянь-сян пошел карательным походом на него и усмирил, затем поймал цзиньского полководца Чао-юаньшуа^{XIII} и был награжден. Чаган разбил цзиньского цзяньцзюня^{XIV} Се Гу⁴⁷ при Бачжоу и Цзинь запросила мира. Чаган вернулся назад.

^I «Небесный ван».

^{II} 23 ноября — 21 декабря.

^{III} Февраль — начало мая 1216 г.

^{IV} 盧州 лу-юй, видимо, пропущен знак, передающий «а», так как в СС (по С. А. Козину) местность названа Ауруут.

^V Август — начало ноября.

^{VI} При горном проходе.

^{VII} Совр. Линьжу в пров. Хэнань.

^{VIII} Кайфын.

^{IX} 11 ноября — 10 декабря.

^X Т. е. Восточное Ся.

^{XI} Май — начало августа 1217 г.

^{XII} «Хэшан» значит «монах».

^{XIII} Т. е. командующего Чао.

^{XIV} Инспектор армии.

Осенью, в восьмой луне^I, Мухали, ставший тайши^{II} и возведенный в ранг гована⁴⁸, повел монголов, «дю-кочевников»^{III} и ханьцев^{IV}, всех [собранных в] армию, в поход на юг и захватил Суйчэн и Личжоу^V.

Зимой^{VI} [войска Мухали] овладели Даминфу^{VII}, затем на востоке утвердились в округах Иду[чжоу], Цзы[чжоу], Дэн[чжоу], Лай[чжоу], Вэй[чжоу] и Ми[чжоу]^{VIII}.

В том же году народ обока туматов^{IX} поднял мятеж, Чингисхан приказал Борохулу^X и Дурбану^{XI} пойти карательным походом и усмирить его.

Осенью, в восьмой луне года у-инь^{XII}, 13-го [от установления правления], [монгольские] войска выступили из Цзыцзинкоу, взяли в плен исполняющего обязанности командующего Чжан Жоу, но [Чингисхан] приказал вернуть его на прежнюю должность. Мухали из Западной столицы проник в Хэдун^{XIII} и овладел [городами] Тайюань и Пинъян вместе с округами Синь[чжоу], Дай[чжоу], Цзэ[чжоу], Лу[чжоу], Фэнь[чжоу] и Хо[чжоу]^{XIV}. Цзиньский полководец У Сянь напал на Маньчэн^{XV}, но Чжан Жоу внезапно ударил по нему и нанес поражение.

В том же году был карательный поход на Си Ся, его столица была окружена, сяский владетель Ли Цзуньсюй вырвался и бе-

^I 3 сентября — 1 октября.

^{II} «Наставник императора», высшее звание, наместник императора.

^{III} «Дю» в основном состояли из киданей, онгутов и кочевых чжурчжэньских, т. е. тунгусо-маньчжурских, народностей.

^{IV} Т. е. северных китайцев.

^V Пров. Хэбэй.

^{VI} Ноябрь—январь.

^{VII} Пров. Хэбэй.

^{VIII} В пров. Шаньдун.

^{IX} 禿滿 ту-мань, тумат — СС, его предводитель Тайтула-Сокар — РД и Дайдухулсохор — СС.

^X 鉢魯完 Бо-лу-вань, Борагул-нойон — РД, Борохул — СС.

^{XI} 朵魯伯 До-лу-ба, Дурбан-нойон — РД.

^{XII} 23 августа — 21 сентября 1218 г.

^{XIII} Земли восточного берега Хуанхэ, обычно имеется в виду Шаньси.

^{XIV} В пров. Шаньси.

^{XV} В пров. Хэбэй.

жал в Силян^I. Кидань [Елюй] Люгэ захватил город Цзяндун^{II} принадлежащий Корее^{III}. [Чингисхан] приказал полководцам Хачину^{IV} и Джалару^V усмирить его. Корейский ван Коджон поэтому покорился [Чингисхану] и выпросил [разрешение] давать ежегодную дань местными изделиями.

Весной года цзи-мао^{VI}, 14-го [от установления правления], Чжан Жоу разбил [цзиньского полководца] У Сяня и ему сдались города Циян, Цюйян и Чжуншань^{VII}.

Летом, в шестой луне^{VIII}, в Западном крае были убиты послы, император лично повел войска в карательный поход [туда], взял город Отрар^{IX} и захватил его главаря Гаир-Иналчука^X.

Осенью^{XI} Мухали овладел округами Кэ[чжоу], Лань[чжоу], Цзи[чжоу] и Си[чжоу], атаковал Цзянчжоу^{XII}, штурмом овладел его стенами и вырезал город.

Весной, в третьей луне года гэн-чэнь^{XIII}, 15-го [от установления правления], император овладел городом Бухара^{XIV}.

Летом, в пятой луне^{XV}, [Чингисхан] овладел городом Самарканд^{XVI} и поставил императорскую ставку на реке Иртыш.

^I Совр. Ушэн в Ганьсу.

^{II} Корейский г. Кандон.

^{III} 高麗 Гао-ли, китайская транскрипция «Корё», т. е. Корея.

^{IV} 哈真 Ха-чжэнь.

^V 札剌 Чжа-ла, ШУЦЛА — Чжалар.

^{VI} Февраль — начало мая 1219 г.

^{VII} В пров. Хэбэй.

^{VIII} 13 июля — 6 августа.

^{IX} 訛答剌 Э-да-ла, Отрар, в «Си ю лу» Елюй Чуцаю он назван «Хуатала», отметим, что знаки 訛 «э» мог получиться из 化 «хуа», через включения в него как детерминатива отдельного знака «янь» («говорить, называть»).

^X 哈只兒只蘭禿 Ха-чжи-эр-чжи-лань-ту. Наместника Отрара звали Иналчук, по прозвищу Гайир-хан, и если «чжи» передает «йи», то транскрипция XIV в. могла передавать «Га-йи-р Йи-лан-ту», т. е. «Гайир-Иналчук».

^{XI} Август — начало ноября.

^{XII} В пров. Шаньси.

^{XIII} 5 апреля — 3 мая 1220 г.

^{XIV} 蒲華 Бо-хуа, Бухара.

^{XV} 3 июня — 1 июля.

^{XVI} 尋思干 Сюнь-сы-гань, Самарканд.

Осенью^I [Чингисхан] напал на город Отрар^{II} и взял его. Мухали обошел земли вплоть до Чжэньдина, [полководец] У Сянь вышел [из города] и покорился. [У] Сянь стал помощником у Ши Тянь-эра, являвшегося главнокомандующим всеми войсками Хэбэя в западном лу^{III} и исполнявшего [там] правительственные обязанности. Дунпинский Янь Ши переписал в податные реестры 300 000 дворов в округах Чжандэ[чжоу], Таймин[чжоу], Цы[чжоу], Мин[чжоу], Сы[чжоу], Бо[чжоу], Хуа[чжоу] и Цзюнь[чжоу] и признал себя вассалом [Чингисхана], Мухали на свою ответственность вручил [Янь] Ши знаки высшего сановника^{IV}, чтобы [тот] исполнял обязанности губернатора провинции.

Зимой^V У Гуй, цзедуши цзиньского Синчжоу, покорился [монголам]. Мухали напал на Дунпин, но не овладел [им], оставил Янь Ши сторожить его, убрал окружение и быстро направился к Минчжоу, разделив войска для обхода всех областей в Хэбэе.

В тот же год Дун Цзюнь был выдвинут [на должность] старшего командира гвардии «Дракона и Тигра» и младшего помощника главнокомандующего.

Весной года синь-сы^{VI}, 16-го [от установления правления], император напал на города Бухара^{VII} и Самарканд^{VIII}⁹. Царевич Джучи атаковал города Янгикент^{IX} и Барккенд^X, оба [города] пали.

^I Август — начало ноября.

^{II} 斡脫羅兒 Во-то-ло-эр, Отрар, в ШУЦЧЛ — «Отолор», дублирование сообщения о взятии Отрара, о котором было сообщено в предыдущей годовой записи, видимо, отражает два события: начало длительной осады в 1219 г. и окончательное взятие Отрара через 5 месяцев уже в 1220 г.

^{III} Лу, букв. «дорога», самая крупная административная единица в Сун и Цзинь, при монголах Северный Китай был разделен на 10 лу.

^{IV} В тексте «вручил золотую печать и пурпурный шнур».

^V Ноябрь—январь.

^{VI} Февраль — начало мая 1221 г.

^{VII} 卜哈兒 Бу-ха-эр, Бухара.

^{VIII} 薛迷思干 Се-ми-сы-гань, Самарканд, в такой же транскрипции он зафиксирован в «Си ю цзи» Ли Чжи-чана.

^{IX} 養吉干 Ян-цзи-гань, Янгикент.

^X 八兒真 Ба-эр-чжэнь, Барккенд, он же Барчанлыгкент, см. [38, с. 200].

Летом, в четвертой луне^I, походная императорская ставка была в Темэньгуань^{II}. Цзиньский владетель прислал Угусунь Чжундуаня преподнести грамоту с просьбой о мире, называя императора «старшим братом». [Чингисхан] не согласился. Ман Гу, исполнявший обязанности губернатора цзиньского Дунпина, бежал, бросив город. Янь Ши занял его. [Государство] Сун прислало Гоу Мэн-юя просить о мире.

Летом, в шестой луне^{III}, Ши Гуй, честно и справедливо управлявший сунским [уездом] Ляньшуй^{IV}, перешел с войсками на сторону [монголов], за что [Ши] Гуй [стал] управлять тремя округами — Цзи[чжоу], Чун[чжоу] и Шань[чжоу].

Осенью^V император напал на Балх^{VI} и прочие города. Царевичи Джучи, Чагатай и Угэдэй по отдельности атаквали Урунгеч^{VII} и другие города, которые пали.

Зимой, в десятой луне^{VIII}, царевич Толуй овладел городами Меручак^{IX}, Херат^X и Серахс^{XI}. Мухали вышел к Хэси и овладел округами Цзя[чжоу], Суйдэ[чжоу], Баоань[чжоу], Фу[чжоу], Фан[чжоу] и Дань[чжоу], штурмовал Яньань, [но тот] не пал.

В одиннадцатой луне^{XII} Чжан Линь, аньфуши^{XIII} сунского Цзиндуна, выразил покорность [Чингисхану] вместе с городом и всем к нему принадлежащим. За это [Чжан] Линь

^I 6—22 мая.

^{II} «Застава Железные ворота», горный проход в Байсунских горах, где проходила караванная дорога из Бухары и Самарканда в Хисарскую долину, см. [38, с. 217—218].

^{III} 22 июня — 20 июля.

^{IV} Уезд в провинции Цзянсу.

^V Август — начало ноября.

^{VI} 班勒紇 Бань-лэ-хэ, Балх.

^{VII} Юй-лун-цзе-чи, Ургенч, оп же Гургандж.

^{VIII} 7—15 ноября.

^{IX} 馬魯察葉 Ма-лу-ча-е, Меручак, см. [38, с. 219].

^X 可馬魯 Кэ-ма-лу, тут сводчики ЮШ ошибочно повторили знак 馬 из названия первого города, вместо знака «у», это восстанавливается из ШУЦЧА, там список этих городов следующий: Малучае, Кэулу и Силасы, которые П. Кафаров расшифровывает как «Малиу», «Кабул» и «Шираз», см. [28, с. 193], но по РД все города, завоеванные Толуем известны, «Кэ-у-лу», при инверсии «лу-у», передает «К/Хе-ра-ат», т. о. это г. Херат/Герат.

^{XI} 昔剌思 Си-ла-сы, Серахс, см. [38, с. 219].

^{XII} 16 ноября — 14 декабря.

^{XIII} Соответствует генерал-губернатору.

[стал] исполнять обязанности главнокомандующего в округах Цан[чжоу], Цзин[чжоу], Бинь[чжоу] и Ди[чжоу].

В том же году было высочайшее повеление округу Дэшунь-чжоу.

Весной года жэнь-у, 17-го [от установления правления]^I, царевич Толуй овладел городами Тус^{II} и Нишапур^{III}. [Он] круговым рейдом⁵⁰ прошел государство Мулаи^{IV} и сильно ограбил его^V. [Толуй] переправился через реку Шо-шо-лань^{VI} и овладел Е-ли с прочими городами. После чего встретился с императором и [они] объединенным войском штурмовали укрепление Таликан^{VII} и захватили его. Войска Мухали завладели округами Цянь[чжоу], Цзин[чжоу], Бинь[чжоу] и Юань[чжоу], атаковали Фэнсян, [но тот] не пал.

Летом [Чингисхан] скрывался от жары в крепости Таликан. Владелец Западного края Джалал ад-Дин^{VIII} бежал из [страны] и соединился с Мелик-ханом^{IX}. [Шиги]-Хутуху сразился с [ними] безрезультатно. Император лично повел войска в атаку на них, захватил Мелик-хана, а Джалал ад-Дин сбежал. [Чингисхан] послал Бала^X в погоню за ним, [но тот] не поймал [его].

Осенью Цзинь снова прислала Угусунь Чжундуаня просить мира, император принял [его] в Хуйхуго^{XI}. Император спросил:

^I Февраль — начало мая 1222 г.

^{II} 徒思 Ту-сы, как и в ШУЦЧА, г. Тус, находящийся рядом с Нишапуром.

^{III} 柁察兀兒 Ни-ча-у-эр, как и в ШУЦЧА, Нишапур.

^{IV} 木剌夷 Му-ла-и, видимо, это Мультан, историческая область Северной Индии и город в современном Пакистане.

^V В Индии монголы разграбили Мультан с Лахором в Пенджабе и вернулись через Пешавар и Кабулистан.

^{VI} 捌捌蘭 Шо-шо-лань, возможно, это река Джелам, приток Ченаба, на которой стоит Мультан, так как в пути из Лахора в Пешавар надо переправляться и через Ченаб, и через Джелам, фонетически «шо-лань» соответствует «джо-лам».

^{VII} 塔里寒 Да-ли-хань, крепость Таликан, Талакан или Толкан, на северо-западе Афганистана.

^{VIII} 札蘭丁 Чжа-лань-дин, Джалал ад-Дин, Чалол-ад-Дин — персидское произношение имени Джелал ад-Дина, сына последнего хорезмшаха — РД.

^{IX} 滅里可汗 Ме-ли-кэ-хань, Мелик-хан, туркмен Хан-Малик, наместник Мерва — РД.

^X Бала-нойон.

^{XI} Собственно, земли уйгуров, но в данном случае — мусульманские земли вообще.

«Я ранее пожелал, чтобы твой господин отдал мне земли Хэ-шо^I и приказал именоваться ему Хэнаньским ваном, [поступи] он так — и боевые действия были бы прекращены. Твой господин не послушался. Ныне, когда Мухали уже целиком взял их^{II}, то в таком случае, для начала что бы потребовать?» [Угусунь] Чжундуань [только] молил о сострадании. Император сказал: «Помня, что ты проделал дальний путь и что я уже владею северными землями, где только несколько городов в Гуаньси еще не пали, то их уступка — [и будет] плата мне. Приказываю твоему господину именоваться Хэнаньским ваном, и чтобы [он] не смел снова ослушаться^{III}!» [Угусунь] Чжундуань тогда вернулся. Цзиньский Пингъянский гун Хутянь Цзо сдал крепость Цинлунпу.

Зимой, в десятой луне^{III}, цзиньский Хэчжунфу^{IV} присоединился [к монголам], Ши Тянь-ин в качестве главнокомандующего армией присматривал за ним^V.

Весной, в третьей луне года гуй-вэй^V, 18-го [от установления правления], скончался тайши гован Мухали.

Летом [Чингисхан] скрывался от жары у реки Ба-лу-вань^{VI}. Царевичи Джучи, Чагатай и Угэдэй соединились с войсками Бала-нойона. После чего установили порядок в городах Западного края и поставили там даругачи^{VII} надзирать за ними.

Зимой, в десятой луне^{VIII}, цзиньский государь Сюнь умер, на престол вошел его сын Шоу-сюй.

В том же году Сун снова прислало [посла] Гоу Мэн-юя.

Летом года цзя-шэнь^{IX}, 19-го [от установления правления],

^I Т. е. севернее Хуанхэ, левобережье р. Хуанхэ, или Северный Китай.

^{II} Т. е. северные земли Китая.

^{III} 7 ноября — 4 декабря.

^{IV} Областной центр.

^V 3 апреля — 1 мая 1223 г.

^{VI} 八魯灣 Ба-лу-вань, Парван, ср. с Перван у РД [38, с. 225], совпадает с ШУЦЧА.

^{VII} В функции даругачи входил контроль за исполнением приказов монгольской власти, термин также означал начальника в самом широком смысле слова.

^{VIII} 7—23 ноября.

^{IX} Май — начало августа 1224 г.

Пэн И-бинь, управлявший сунским Дамином, вторгся в Хэбэй. Ши Тянь-эр сражался [с ним] в Сычжоу и нанес ему поражение.

В том же году император дошел до востока страны Инд. Был замечен единорог⁵³, войска были отведены на отдых.

Весной, в начальной луне года и-ю^I, 20-го [от установления правления], [Чингисхан] вернулся в походную ставку^{II}.

Во второй луне^{III} У Сянь взбунтовал [город] Чжэньдин и убил Ши Тянь-эра. Также и Ли Цюань, делопроизводитель при Дун Цзюне, взбунтовал Чжуншань.

В третьей луне^{IV} Ши Тянь-цзэ атаковал [У] Сяня и вытеснил его, опять [заняв] Чжэньдин.

Летом, в шестой луне^V, Пэн И-бинь с войсками откликнулся [на зов] [У] Сяня, [Ши] Тянь-цзэ отразил [его] у Цзаньхуана, схватил и обезглавил его.

Весной, в начальной луне 21-го года [от установления правления]^{VI} император из-за того, что Си Ся прятало [его] врага Нилха-Саггуна⁵⁴ и не посылало в заложники сына [правителя], лично повел войска покарать его.

Во второй луне^{VII} был взят Хэйшуй и прочие города.

Летом [Чингисхан] скрывался от жары в горах Хуньчуйшань. Были взяты Ганьчжоу и Сучжоу.

Осенью [Чингисхан] взял уезды округа города Силянфу — Шолосьянь, Хэлосянь и прочие. После чего, преодолев Шато⁵⁵, дошел до Цзюду^{VIII} на реке Хуанхэ и взял Инли с прочими уездами.

В девятой луне^{IX} Ли Цюань схватил Чжан Линя, а цзюньван^{XI} Дайсун^{XII} привел войска и окружил [Ли] Цюаня в Иду.

^I 9 февраля — 10 марта 1225 г.

^{II} «В орду» у РД.

^{III} 11 марта — 8 апреля.

^{IV} 9 апреля — 8 мая.

^V 7 июля — 5 августа.

^{VI} 5—27 февраля 1226 г.

^{VII} 28 февраля — 29 марта.

^{VIII} В переводе — «Девять переправ».

^{IX} 23 сентября — 22 октября.

^{XI} Пожалованный князь или особа 4-го ранга в Цзинь.

^{XII} 帶孫 Дай-сунь, Дайсун, брат Мухали.

Зимой, в одиннадцатой луне, [в день] гэн-шэнь^I, император напал на Линчжоу. Ся направило Вэймин Лингуна на помощь [Линчжоу]. [В день] бин-инь^{II} император переправился через [Хуан]хэ, внезапно атаковал сяского командующего и разбил его. [В день] дин-чоу^{III} увидели на северо-западе собравшееся [вместе созвездие] Усин⁵⁶. Императорская ставка была на реке Яньчжоу-чуань.

В двенадцатой луне^{IV} Ли Цюань покорился. Чжан Жоу было поручено исполнять обязанности тысячника и быть главнокомандующим над округами Баочжоу и прочими.

В том же году царевич Угэдэй и Чаган руководили окружением Южной столицы^V Цзинь. Они направили Тан Цина взыскать ежегодные дары^{VI} с Цзинь.

Весной года дин-кэ, 22-го [от установления правления]^{VII}, император оставил армию штурмовать столицу [государства] Ся, а сам, поведя войска и переправившись через [Хуан]хэ, атаковал Цзишичжоу.

Во второй луне^{VIII} был сокрушен Линьтаофу.

В третьей луне^{IX} были сокрушены две области Синина — Таочжоу и Хэчжоу. Был послан Алчи-нойон напасть на Синьдуфу, который и был захвачен.

Летом, в четвертой луне^X, император, остановившись в [области] Лундэ, захватил Дэшунь и прочие округа. Дэузиньский цзедуши Ай Шэнь и цзиньши Ма Цзяньлун погибли там.

В пятой луне^{XI} были отправлены Тан Цин и другие послами в Цзинь.

^I 18 ноября.

^{II} 23 ноября.

^{III} 4 декабря.

^{IV} 21 декабря 1226 г. — 18 января 1227 г.

^V Т. е. Кайфына.

^{VI} Т. е. дань.

^{VII} Февраль — начало мая 1227 г.

^{VIII} 18 февраля — 18 марта.

^{IX} 19 марта — 17 апреля.

^X 6—16 мая.

^{XI} 17 мая — 15 июня.

Во вставной луне^I [Чингисхан] скрывался от жары в горах Люпаньшань.

В шестой луне^{II} Цзинь прислало Ваньянь Хэчжоу и Аотунь Аху просить мира. Император обратился ко всем сановникам и сказал так: «Мы с прошлой зимы, когда пять планет соединились, приказывали не убивать и не грабить, но находились пренебрегавшие отданными повелениями. Ныне немедленно объявить, здесь и повсюду, что приказываем тем, кто будет так делать, чтобы узнали о нашей воле». В том же месяце Ли Сянь, владетель Ся, сдался. Император достиг уезда Циншуй в Сицзяне.

Осенью, в седьмой луне, [в день] жэнь-у^{III} [Чингисхан] заболел. [В день] цзи-чоу^{IV} почил в походной ставке Халаоту на реке [в] Саари-кээр. Перед кончиной, обратившись к окружающим, сказал: «Отборные войска Цзинь в [горном проходе] Тунгуань, с юга поддержаны горами Ляншань, с севера защищены Великой рекой^V, поэтому трудно разбить [их]. Если сократить путь через Сун, то Сун, вечный кровник Цзинь, обязательно сможет разрешить нам [проход], и тогда пошлем войска к Тан и Дэн, напрямик протащим [их] к Даян. Цзинь будет в затруднении и обязательно заберет войска из Тунгуани. И [будь] их всех хоть десятки тысяч, то спеша на помощь за тысячи ли^{VI}, люди и кони истощатся силами и хотя бы и дойдут, то не смогут сражаться. Разобьем их обязательно!» Закончив речь, почил. Продолжительность [его] жизни — 66 [лет]. Был погребен в ущелье Циняньгу. Зимой, в десятой луне, 3-го года «Чжи-юань»^{VII}, был дан посмертный титул «Шэн-у хуанди». Зимой, в день гэн-чэнь одиннадцатой луны, 2-го года «Чжи-да»^{VIII}, посмертный титул был дополнен

^I 16 июня — 14 июля.

^{II} 15 июля — 13 августа.

^{III} 1 сентября.

^{IV} 8 сентября.

^V 大河 — «Дахэ».

^{VI} 1 ли — 0,5 км, казначейский ли = 576 м.

^{VII} Ноябрь 1266 г.

^{VIII} 19 декабря 1309 г.

до «Фа-тянь ци-юнь Шэн-у хуанди». Храмовое имя [Чингисхана] — Тай-цзу. Находился на престоле 22 года.

Император имел важные замыслы серьезной глубины, использовал войска как божество, поэтому смог стереть с лица земли 40 государств, после чего усмирил Си Ся. Его удивительные свершения исключительны, их следы — многочисленны. Как жаль, что в то время историографы не имелись в штате [двора Чингисхана], пожалуй, многое потеряно в записях и документах!

Год у-цзы¹. В этом году регентствовал царевич Толуй.

Основные записи

Цзюань 2

Тай-цзун¹¹

Тай-цзун, или Инвэнь-хуанди^{III}, [его] запретное прижизненное имя — Угэдэй^{IV}, третий сын Тай-цзу. Мать [его] звалась Гуан-сянь хуанхоу^V, [была] из рода хунгират. Тай-цзу ходил карательными походами на Цзинь, установил порядок в Западном крае, большую часть его славы составляло то, что государь штурмом брал города и захватывал земли. Тай-цзу почил, из земель Хобо^{VI} пришли на траурный сбор.

Летом начального года [правления] цзи-чоу^{VII} 57, [Угэдэй] прибыл в местность Ху-лу-бань-сюэ-бу-чжи^{VIII}. Августейший младший брат^{IX} прибыл на аудиенцию [к императору].

¹ С 8.02.1228 г. по 29.01.1229 г.

^{II} «Великий предок», второй император династии.

^{III} «Гениально-культурный император».

^{IV} 窩闊台 О-ко-тай, Огодай/Угэдэй.

^V «Одаренная светом императрица», по СС мать Угэдэя — Бортэ-уджин.

^{VI} 窩博 Хо-бо.

^{VII} 5 мая — 4 августа 1229 г.

^{VIII} 忽魯班雪不只 Ху-лу-бань-сюэ-бу-чжи, в ШУЦЧЛ это местность названа — Хуба.

^{IX} Т. е. Толуй.

Осенью, в восьмой луне^I, был большой сбор всех князей^{II} и всех чинов в местности Кудеу-арал^{III} на реке Кэлурэн, посмертным рескриптом Тай-цзу император был немедленно возведен на престол в Кудее-арале^{IV}. Первым делом был установлен придворный этикет, родственники старшего поколения августейшего рода все совершили поклоны. Была обнаружена Великая Яса^V. Цзинь послала Агудая^{VI} принести вассальные траурные подношения Тай-цзу, но император сказал так: «Твой хозяин долго не покорялся, вынуждал прежнего, старого, государя вступать в сражения, могу ли я забыть [это] и для чего [эти] траурные подношения!» и отвергнул их. Поэтому задумали карательный поход на Цзинь. Был дан приказ монгольскому народу из имеющихся 100 лошадей отдать одну кобылу, из 100 коров отдать одну корову, из 100 овец отдать одного белого барана, [приказ] стал постоянным установлением. Впервые были устроены житницы⁵⁸, поставлены ямы — почтовые станции⁵⁹. Было приказано ханьскому^{VII} народу Хэбэя провести перепись дворов и отдать налоги, Елюй Чуцай [был назначен] главным над этим; люди Западного края были переписаны по едокам и отдали налоги — Махмуд Хорезми^{VIII} был главным над этим. Государь страны Иньду^{IX} и государь страны Му-ло-и^X прибыли ко двору. Старшина города Исфарайн^{XI} в Западном крае покорился [монголам]. В тот же год Цзинь опять направило послов со сватовством. [Они] не были приняты.

^I 21 августа — 19 сентября 1229 г.

^{II} В тексте ванов, это китаизация монгольских рсалий, имелись в виду монгольские князья-члены «золотого рода».

^{III} 曲離阿蘭 Цюй-дяо-а-лань, в СС — «Кэлуренский Кодеу-арал».

^{IV} 庫鐵烏阿刺裡 Ку-те-у-а-ла-ли, то же что и Кудеу-арал, в СС тоже есть разночтение с первым вариантом названия — «Кодее-арал».

^V 大法令 букв. «Великие законы и распоряжения», калька с «Эке ясак билик».

^{VI} 阿虎帶 А-ху-дай.

^{VII} Т. е. северным китайцам.

^{VIII} 麻合沒的潛刺西迷 Ма-хэ-мо-дэ Хуа-ла-си-ми — тут назван также как и у ан-Насави; он же Махмуд Ялавач в других источниках, как и ниже в тексте этой же цзюани; «ялавач» по-тюркски означает «посол».

^{IX} Индия.

^X 木羅夷 возможно это Мультап в Пенджабе, в ШУЦЧЛ это «Булади».

^{XI} 伊思八刺納城 И-сы-ба-ла-на, область в Хорасане — РД [39, с. 34].

Весной, в начальной луне, года гэн-инь^I, 2-го [от установления правления], были изданы императорские указы, которые с настоящего момента и в будущем безоговорочно выполнялись. [В них] было установлено по всем лу [ставки] налогов: по вишней монополии⁶⁰ было признано справедливым брать из 10 частей прибыли одну [часть]; а по дополнительным налогам — брать одну [часть] из 30 [частей].

Той же весной^{II} император с Толуем охотились на реке Орхон^{III}, после чего были посланы войска окружить Цзинтао. Цзиньский владетель приказал войскам идти на подмогу, но они были разбиты, и преследуя [их], захватили этот город.

Летом^{IV} [Угэдэй] спасался от жары на реке Тамиэр. Дохолху^V сразился с цзиньскими войсками и был полностью разбит, было приказано Субэтаю⁶¹ помочь ему.

В осенние луны^{VI} император лично повел войска в карательный поход на юг, младший брат императора Толуй и сын брата императора Мэнгу^{VII} вели войска вместе с ним. [Они] заняли Тяньчэн и прочие крепости, а затем переправились через [Хуан]хэ и атаковали Фэнсян.

Зимой, в одиннадцатой луне^{VIII}, впервые были поставлены сборщики налогов в 10 лу: Чэнь Ши-кэ и Чжао Фан посланы в Яньцзин^{IX}, Лю Чжун и Лю Хуань посланы в Сюаньдэ[фу], Чжоу Ли-хэ и Ван Чжэнь посланы в Западную столицу^X, Люй Чжэнь и Лю Цзы-чжэнь посланы в Тайюань, Ян Цзянь и Гао Тин-ин посланы в Пинъян, Ван Цзинь и Цзя Цун посланы в Чжэньдин, Чжан Юй и Ван Жуй посланы в Дунпин, Ван Дэ-сян и Хоу Сянь посланы в Северную столицу^{XI}, Се Гу и Чэн Тай посланы в Пинчжоу, Тянь Му-си и Ли Тянь-и посланы в Цзинань.

^I 5—14 февраля 1230 г.

^{II} 5 февраля — 4 мая.

^{III} 韓兒寒 Во-эр-хань.

^{IV} 5 мая — 4 августа.

^V 朵忽魯 До-ху-лу, Тукулку-Чэрби — РД [39, с. 23], Дохолху-Чэрби — СС.

^{VI} Август — начало ноября.

^{VII} 蒙哥 Мэн-гэ, Мэнгу — сын Толуя.

^{VIII} 6 декабря 1230 г. — 4 января 1231 г.

^{IX} Современный Пекин.

^X Т. е. Западную столицу Цзинь, совр. г. Датун.

^{XI} Т. е. Северную столицу Цзинь, г. Дадинфу в Жэхэ.

В той же луне войска наступали на горные заставы Тунгуань и Ланьгуань, но не овладели [ими].

В двенадцатой луне^I были взяты укрепление Тяньшэн вместе с городами Хапчэн и Бочэн.

Весной, во второй луне, года синь-мао^{II}, 3-го [от установления правления], овладели Фэнсяном, атаковали Лоян, Хэчжун^{III} и все [прочие] города, и они [все] пали.

Летом, в пятой луне^{IV}, [Угэдэй] спасался от жары в Цзюшицзюцюань⁶². [Он] приказал Толую вывести войска к Баоцзи. Джубхан^V был отправлен послом, [он] был проездом через Сун и сунцы убили его. Еще был направлен послом Ли Го-чан в сунский Сюйлян.

Осенью, в восьмой луне^{VI}, [Угэдэй] осчастливил [посещением] Юньчжун. Впервые была учреждена государственная канцелярия — чжуншушэн⁶³ и были произведены изменения в рангах и чинах свиты: Елюй Чуцай стал главой чжуншушэн^{VII}, Нянхэ Чуншань^{VIII} стал первым заместителем канцлера⁶⁴, Чинкай^{IX} стал вторым заместителем канцлера⁶⁵.

В той же луне, ввиду того, что в Корее убили посла, было приказано Саритаю^X повести войска и покарать ее [Корею]. Было взято свыше 40 городов, корейский ван Коджон прислал своего младшего брата Хвеан-гона просить принять капитуляцию. Саритай на свою ответственность учредил должности и поставил на них [людей], распределив [обязанности] по умиротворению этих земель, после чего вернулся назад.

^I 5 января — 3 февраля 1231 г.

^{II} 6 марта — 3 апреля 1231 г.

^{III} Совр. г. Юнцзи в Шаньси.

^{IV} 2 июня — 1 июля.

^V 搠不罕 Шо-бу-хань, по СС это Чжубхан, см. [128, с. 102].

^{VI} 29 августа — 27 сентября.

^{VII} 中書令 «чжуншулин», государственный секретарь, глава всех ведомств государственной канцелярии, канцлер.

^{VIII} 粘合重山 Нянхэ Чун-шань, чжурчжэнь высокого рода, бывший в заложенниках у Чингисхана и вступивший в его гвардию-кэшиг, один из высших сановников при монгольских каанах.

^{IX} 鎮海 Чжэнь-хай, кэрэит, один из нукеров Чингисхана, позже — один из высших сановников при нем и его наследниках.

^X 撒禮塔 Са-ли-та, Саритай-хорчи.

Зимой, в день и-мао десятой луны^I, император окружил Хэчжун. В день цзи-вэй двенадцатой луны^{II} заняли его.

Весной, в день у-цзы начальной луны, года жэнь-чэнь^{III}, 4-го [от установления правления], император из Байпо переправился через [Хуан]хэ. [В день] гэн-инь^{IV}, Толуй переправился через реку Ханьцзян и прислал вестника с донесением, что уже выступил со всем войском. [В день] цзя-у^V, достигли Чжэнчжоу^{VI}. Ма Бо-цзянь, управляющий цзиньского Фанчэна, покорился, [Ма] Бо-цзяню была дана золотая пайца и поручено охранять его [Фанчэн]. [В день] бин-шэнь^{VII}, был сильный снег. [В день] дин-ю^{VIII}, снова был снег. Достигли Синьчжэна. В тот же день Толуй сразился с цзиньским полководцем у [горы] Саньфэншань^{IX} в Цзюньчжоу и нанес ему сильное поражение. Был взят в плен цзиньский полководец Пуа^X. [В день] у-суй^{XI}, император прибыл к Саньфэншань. [В день] жэнь-инь^{XII}, атаковали Цзюньчжоу, овладели им и захватили цзиньского полководца Хэда^{XIII}. Затем пали округа: Шан[чжоу], Го[чжоу]^{XIV}, Сун[чжоу]^{XV}, Жу[чжоу]^{XVI}, Шань[чжоу]^{XVII}, Ло[чжоу], Сюй[чжоу], Чжэн[чжоу]^{XVIII}, Чэнь[чжоу]^{XIX}, Бо[чжоу]^{XX}, Ин[чжоу], Шоу[чжоу], Суй[чжоу], Юн[чжоу]^{XXI} и прочие.

^I 18 ноября 1231 г.

^{II} 20 января 1232 г.

^{III} 17 февраля 1232 г.

^{IV} 19 февраля.

^V 23 февраля.

^{VI} В пров. Хэнань.

^{VII} 25 февраля.

^{VIII} 26 февраля.

^{IX} Букв. «Три ника», находится в уезде Юйсянь в Хэнане.

^X Полное имя — Ила Пуа.

^{XI} 27 февраля.

^{XII} 2 марта.

^{XIII} Ваньянь Хэда.

^{XIV} Оба в пров. Шэньси.

^{XV} Округ и уезд в пров. Хэнань.

^{XVI} Округ в пров. Хэнань.

^{XVII} Округ и уезд в пров. Хэнань.

^{XVIII} Все в Хэнане.

^{XIX} На границе провинций Хэнань и Аньхуй.

^{XX} Округ и уезд в пров. Аньхуй.

^{XXI} Все в пров. Аньхуй.

В третьей луне^I было приказано Субэтаю и другим осадить Южную столицу^{II}. Владетель Цзинь прислал своего младшего брата Экэ, вана Цао, в качестве заложника. Император вернулся назад, оставив Субэтая охранять^{III} Южную столицу.

Летом, в четвертой луне^{IV}, [Угэдэй] перебрался в Юн^V и спасался от жары в горах Гуаньшань⁶⁶. Взбунтовались в Корее, назначенные там управлять чиновники были убиты. [Угэдэй] переехал в Цзянхуадао^{VI}.

Осенью, в седьмой луне^{VII}, был отправлен Тан Цин послом в Цзинь, чтобы объявить повеление покориться, цзиньцы его убили.

В восьмой луне^{VIII}, Саритай снова ходил походом в Корею и погиб от случайной стрелы. Цзиньский вице-канцлер⁶⁷ Ваньянь Сыле и Хэншаньский гун Усянь пришли освободить Южную столицу, [монголы] сразились с их войсками и разбили их.

В девятой луне^{IX} Толуй скончался и император вернулся в ханскую ставку^X.

Зимой, в одиннадцатой луне^{XI}, [Угэдэй] охотился в полях при Наран-чуула^{XII}.

В двенадцатой луне^{XIII} [Угэдэй] подобно Тай-цзу был в походной резиденции.

Весной, в день гэн-шэнь начальной луны, года гуй-сы^{XIV}, 5-го [от установления правления], владетель Цзинь бежал в

^I 24 марта — 21 апреля.

^{II} Т. е. Кайфын.

^{III} Т. е. блокировать.

^{IV} 5—21 мая.

^V На территории современной пров. Хубэй.

^{VI} В пров. Хунань.

^{VII} 6—17 августа.

^{VIII} 18 августа — 15 сентября.

^{IX} 16 сентября — 13 ноября.

^X Букв. «драконовы палаты», название кочевых ставок каганов, начиная с сюнну.

^{XI} 14 декабря 1232 г. — 11 января 1233 г.

^{XII} 納蘭赤剌溫 На-лань-чи-ла-вэнь.

^{XIII} 12 января — 10 февраля 1233 г.

^{XIV} 9 марта 1233 года.

Гуйдэ[фу]. [В день] у-чэнь^{II}, цзиньский командующий западной стороной [города] Цуй Ли убил наместника Ваньянь Нушэня [вместе с] Ваньянь Синеабу и сдал Южную столицу.

Во второй луне^{III} [Угэдэй] удостоился посещением земли Тэ-лэту^{IV}. [Он] созвал всех князей на совет по карательному походу на [Пусянь] Ваньну. Затем было приказано царевичу Гуюку^V вместе с его чжуваном Алчидаем^{VI} вести левое крыло армии и покарать его [Пусянь Ваньну].

Летом, в четвертой луне^{VII}, Субэтай вышел к Цинчэну. Ввиду того, что цзиньская государыня Ванши и Хоуту Даньши вместе с Лянским ваном Цункэ, Цзинским ваном Шоучуань и прочими пришли к войскам [монголов], Субэтай послал Цуй Ли сопровождать [их] в походную резиденцию [императора] и потом вступил в Южную столицу.

В шестой луне^{VIII} цзиньский владетель бежал в Цай[чжоу]^{IX}, а Тачар^X повел войска, чтобы осадить его. Был издан указ, чтобы потомка Конфуция^{XI} в 51-м поколении Юань Цо-си возвести в ранг яньшэнгун^{XII}.

Осенью, в восьмой луне^{XIII}, [Угэдэй] охотился в местности Убисы^{XIV}. [Он] поставил Атункэ^{XV} и других исполнять обязанности императорских посланцев⁶⁸ для расследования деятель-

^I Совр. г. Шанцю в Хэнани.

^{II} 13 марта — 10 апреля.

^{III} 15 февраля.

^{IV} 鐵列都 Те-ле-ду, урочище Телесту в СС.

^V 貴由 Гуй-ю, Гуюк, старший сын Угэдэя.

^{VI} 按赤帶 Ань-чи-дай, вариант имени Илджигидэй, сын Хачиуна, брата Чингисхана, поэтому он имеет титул чжувана, в генеалогических таблицах «Бяо» ЮШ в цз. 107 он назван 按只吉歹 Ань-чи-цзи-дай, разные варианты этой транскрипции, разным набором иероглифов, встречаются далее по тексту ЮШ.

^{VII} 11 мая — 9 июня.

^{VIII} 9 июля — 6 августа.

^{IX} Современный г. Жунань пров. Хэнань — последняя столица Цзинь.

^X 塔察兒 Та-ча-эр, в ШУЦЧЛ он назван Тачар-хорчи.

^{XI} 孔子 Кун-цзы, букв. «Учитель Кун», т. е. Конфуций.

^{XII} Букв. «Продолжатель Совершенномудрого», титул прямых потомков Конфуция.

^{XIII} 6 сентября — 4 октября.

^{XIV} 兀必思 У-би-сы.

^{XV} 阿同葛 А-тун-гэ.

ности казенных учреждений и провести внесение в реестр⁶⁹ дворов в Чжунчжоу, куда было внесено более 730 000 дворов.

Зимой, в одиннадцатой луне^I, Сун прислало на помощь Мэи Хуна, дутуна^{II} Цзин и Ло^{III}, с провиантом для войск. В двенадцатой луне^{IV} все войска, соединенные с армией Сун, напали на Цай[чжоу]. Было нанесено поражение У Сяню в Сичжоу^V, цзиньские войска сдали округа Хай[чжоу]^{VI}, Лай[чжоу]^{VII} и Вэй[чжоу]^{VIII}. Той же зимой император прибыл в походный дворец в Аурухе^{IX}. Сильный ветер [поднял] пыльную мглу, которая стояла 7 ночей. [Угэдэй] издал указ о приведении в порядок дворца Конфуция вместе с [установкой] небесной сферы-глобуса.

Весной, в начальной луне года цзя-у^X, 6-го [от установления правления], владетель Цзинь^{XI} передал престол отпрыску императорского рода Чэнлиню^{XII}, а потом повесился и [тело его] было сожжено. Город^{XIII} был взят, захватили Чэнлиня и убили его. Сунские солдаты взяли останки цзиньского владетеля и с ними вернулись домой⁷⁰. [Империя] Цзинь пала. Той же весной собрались все ваны⁷¹, пировали и стреляли из луков на реке Орхон.

Летом, в пятой луне^{XIV}, император находился в местности Талан-даба^{XV}, был большой сбор всех князей и всех подданных,

^I 3 декабря 1233 г. — 1 января 1234 г.

^{II} Военный губернатор, командующий войсками провинции.

^{III} Пров. Хубэй.

^{IV} 2—25 января 1234 г.

^V Совр. уезд в пров. Хэнань.

^{VI} Пров. Хэнань.

^{VII} В совр. Шаньдуне.

^{VIII} Совр. уезд в Шаньдуне.

^{IX} 阿魯兀忽可吾 А-лу-у-ху-кэ-у, «а-лу-у-хэ» — это монг. «a'uruq» — «стан», в СС императорская ставка называется «Аурух».

^X 31 января — 1 марта 1234 г.

^{XI} Цзиньский император Нингьесу.

^{XII} Ваньянь Чэнлинь.

^{XIII} т. е. Цайчжоу.

^{XIV} 30 мая — 27 июня.

^{XV} Тут стоит 達蘭達葩 Да-лань-да-ба, ниже в ЮШ, в хронике Гуюка эта местность названа — 答蘭答八思 Даланьдабасы, у РД она называется Талан-даба — [39, с. 35], возможно указанная выше у РД «местность Алтан...» и есть «Талан...» или полностью — Талан-даба.

были доведены до всеобщего сведения военные распоряжения, в которых было сказано так: «Все те, кто в случае сбора не придут, а останутся в праздности у себя, — будут обезглавлены. [Для] всех входящих или выходящих в ханской ставке — у каждого должен иметься сопровождающий. Мужчины и женщины, располагаются на ночлег группами, образованными из 10 человек, категорически не допускается переменяться друг с другом в них. В войске всякому десятку ставится десятник¹, все слушаются его команд, тот, кто действует самовольно — признается виновным в [воинском] преступлении. В том десятке, где десятник пойдет по делу в ставку, сразу же ставится один из десятка временно замещать [его]. Не допускается одному или двум выходить за пределы десятка, кто преступит это — того покарают. Все те, кому доведены до сведения [их] обязанности или еще не доведены, да крепко удержат в [своих] ушах: за повторный проступок — битье бамбуковыми палками; за третий проступок — наказание батогами; за четвертый проступок — приговаривают к смерти. Всякого тысячника, который нарушит ранее принятые решения темника, того потом² расстрелять стрелами с деревянными наконечниками. Сотник или десятник, в подразделении которого совершено преступление, наказывается наравне с ним [подразделением]. Тот, кто не придерживается этих законов — выгоняется из армии. Отныне и впоследствии, если в войске, пришедшем на сбор, в десятке есть нехватка нескольких человек, то его укомплектовывают, забирая излишки в ближайших подразделениях и направляя в неуккомплектованные. Все люди, будь они дома, или находятся в войске, не смеют громко кричать. Все пришедшие на сбор [должны] иметь на службе 50 добрых коней в одном поводу, которых охраняют 5 человек, 3 человека [занимаются их] откормом для пополнения⁷², цилесы³, охраняющих [коней] — 3 человека. Кто украдет хоть 1 или

¹ В тексте термин 十戶 «цзячжан», который имеет в Китае вполне определенный смысл — глава «цзя», т. е. единицы круговой поруки в 10 человек.

² Т. е. после боя.

³ Юаньское слово, означающее конюха.

2 коней — тот немедленно приговаривается к смерти. Кони всех людей не должны стреноживаться у цилесы, которые должны держаться близко и все время не давать людям и зверям поживиться [ими]. Признаются виновными все женщины, которые: или притесняют внуков, или носят домашнюю одежду не соответствующую законам; а также те, которые завистливые — их провозить верхом на неоседланных коровах по всему их боку, после чего сразу же взимать [с них] приданое для [отдачи] в новое замужество».

Осенью, в седьмой луне¹, [Угэдэй назначил] Хутуху-нойона^{II} в Чжунчжоу судьей⁷³. [Угэдэй] отправил Тагай-гамбу^{III} в поход на Шу^{IV}. Той же осенью император находился в 8 ли от местности Талан-даба и лично совещался с полководцами о походе на Сун. Гован Чилаун^V просил [поручить ему] выполнение, поэтому послали его [в этот поход].

Зимой [Угэдэй] охотился в местности Тобухань^{VI}.

Весной, года и-вэй^{VII}, 7-го [от установления правления], были возведены стены города Хэлинь^{VIII} и строился исключительно совершенный дворец. [Угэдэй] отправил чжувана Бату вместе с сыном императора Гуюком и сыном императорского брата Мэнгу в поход на западные страны, [отправил] царевича Кодана^{IX} — пойти походом на Цинь^X и Гун^{XI}, а сына императора Кучу^{XII} вместе с Хутуху[-нойоном] — воевать Сун, [и отправил] Тангута^{XIII} в поход на Корею.

¹ 28 августа — 25 сентября.

^{II} 胡土虎那顏 Ху-ту-ху-на-янь, Худуху в ШУЦЧЛ, Шиги-Хутуху по [126, с. 113], ошибочно у РД — Кутуку, сын Джочи-Хасара, [39, с. 36].

^{III} 達海紉卜 Да-хай-гань-бу, в ШУЦЧЛ он назван Тохай-ганьбо.

^{IV} Историческое название Сычуани.

^V 查老溫 Ча-лао-вэнь, Чилаун.

^{VI} 脫卜寒 То-бу-хань.

^{VII} 6 февраля — 4 мая 1235 г.

^{VIII} Китайское название Каракорума.

^{IX} 闊端 Ко-дуань, второй сын Угэдэя Кодон или Кутан — [38, с. 9,11] или Кудэн — [39, с. 115].

^X Т. е. Шэньси.

^{XI} Совр. уезд Гунсянь в пров. Хэнань.

^{XII} 曲出 Цюй-чу, Кучу, 3-й сын Угэдэя.

^{XIII} 唐古 Тан-гу, Тангут, сын Джучи.

Осенью, в девятой луне^I, чжуван Куун-Буха^{II} взял в плен сунского начальника военного приказа⁷⁴ Хэ.

Зимой, в десятой луне^{III}, Кучу осадил Цзаоян^{IV} и взял его, потом прошел рейдом [по округам] Сян[-ян]^V, Дэн[чжоу]^{VI} и вторгся в Ин[чжоу]^{VII}, забрал несколько десятков тысяч людей, коней, скота и вернулся.

В одиннадцатой луне^{VIII} Кодан напал на Шимэнь^{IX}, цзиньский полномочный главнокомандующий войсками округа⁷⁵ Ван Ши-сянь сдался. Сановники чжуншуншэн обратились с ходатайством [к императору] выверить и исправить [календарь] «Даминли»^X, последовало [согласие] на это.

Весной, в начальной луне года бин-шэнь^{XI}, 8-го [от установления правления], [Угэдэй] приготовил для всех чжуванов пиршественный стол и собрал [их] на праздник⁷⁶. Была окончена постройка и сдан многопалатный дворец. [Угэдэй] указал напечатать бумажные ассигнации и пустить их в обращение.

Во второй луне^{XII} [Угэдэй] приказал: Го Шэну в Инчжоу, Бо-шу-лу-цзю^{XIII} в Цзюньчжоу — стоять [там] постоем, а Чжао Сяну из Дэнчжоу — идти вместе с Гуюком в поход на Сун, выполняя роль авангарда.

^I 14 октября — 5 ноября.

^{II} 口湍不花 Коу-вэнь-бу-хуа. Среди чингизидов такое имя отмечает Н. Ц. Мункуев в [126, с. 114], как сына Бельгута, младшего брата Чингисхана, но, возможно, это брат гована Мухали — Буха, причем вместе с «гованом Дасы», т. е. с Дайсуном, другим братом Мухали, унаследовавшим после его смерти титул гована, а Буха, видимо, получил другой титул — чжувана. То, что ему пожаловали титул членов императорской фамилии, может объясняться или тем, что говану Мухали по приказу Чингисхана должны были отдаваться такие же почести как и каану, или тем, что «Буха-гургэн», упомянутый в СС, т. е. «Буха — зять императора», совпадал с Буха — братом Мухали.

^{III} 12 ноября — 11 декабря.

^{IV} Город в пров. Хубэй.

^V В пров. Хэнань.

^{VI} Уезд в пров. Хэнань.

^{VII} Город Чжунсян в пров. Хубэй.

^{VIII} 12 декабря 1235 г. — 9 января 1236 г.

^{IX} Город в пров. Хунань.

^X 大明歷.

^{XI} 9 февраля — 8 марта 1236 г.

^{XII} 9 марта — 7 апреля.

^{XIII} 李術魯九 Бо-шу-лу-цзю, видимо, передает монг. имя «Буджурук».

В третьей луне^I дворец Конфуция достроили еще башней Императорской обсерватории.

Летом, в шестой луне^{II}, снова было внесение в реестр дворов в Чжунчжоу, внесено дополнительно более 1 100 000 дворов. Елюй Чуцай ходатайствовал учредить бяньсюсо⁷⁷ в Яньзине, цзинцзисо⁷⁸ в Пинъяне для собирания и составления классических сочинений по истории и литературе, были призваны: конфуцианский ученый Лян Шэ — исполнять должность главного начальника, а Ван Вань-цин и Чжао Чжу — быть его помощниками.

В осенние луны^{III} [Угэдэй] приказал Чэнь Ши-кэ ревизовать все дела по [сбору] налогов шелками и серебром⁷⁹, и вообще всех налогов, наградить достойных и наказать виновных, выявить недостатки и вразумить нерадивых. Был издан указ преподнести крестьянские дворы в Чжэньдине императрице в качестве «банного подворья»^{IV}, а крестьянские дворы всех округов^V Чжунъюани^{VI} пожаловать князьям императорского рода^{VII} и прочим родственникам императорского рода и членам императорской ставки^{VIII}, выделив [их следующим образом]: для Бату — в округе^{IX} Пинъянфу; для Чагатая — в округе Тайюаньфу; для Гуюка⁸⁰ — в округе Даминфу; для Буралдая^X — в округе Синчжоу; для Кулькана^{XI} — в округе Хэцзяньфу; для Бельгута⁸¹ — в округе Гуаннинфу; для Еку^{XII} — были выделены

^I 8 апреля — 6 мая.

^{II} 5 июля — 3 августа.

^{III} 6 августа — 5 ноября.

^{IV} Так назывались земли в личной собственности членов императорской фамилии.

^V 州 чжоу, административная единица в Китае, при Юань на один разряд ниже лу, в ЮШ сказано, что «лу управляло чжоу» [55, цз. 58].

^{VI} «Срединная равнина», т. е. Китай.

^{VII} в тексте 諸王 чжу ван, т. е. букв. «все ваны», в данном случае имеются в виду члены рода Чингисхана.

^{VIII} 斡魯朵 во-лу-до, транскрипция слова «орда».

^{IX} 府 фу, адм. единица в Китае, примерно равна чжоу.

^X 孛魯帶 Бо-лу-дай, по РД — Буралдай или Буралтай, преемник Боорчу на посту предводителя войск правой руки и его родственник, он сменил Боорчу при Угэдэе, согласно РД он участвовал в походе Бату в Европу, видимо, его называли Бурундаем русские летописи.

^{XI} 果魯干 Го-лу-гань, Кулькан, сын Чингисхана, погибший зимой 1237/38 г. под Коломной.

^{XII} 野苦 Е-ку, по РД — сын Джочи-Хасара, брата Чингисхана

пожалования из дворов в Ифу и Дуфу, двух округов Цзинани; для Алчидая — в округах Биньчжоу и Дичжоу; для Отчигиннойона^I — в округах Пинчжоу и Лочжоу; для императорского сына Кодана, императорского зятя Чигу^{II}, принцессы Алахай^{III}, принцессы Хочжин-беки^{IV}, гована Чилауна, Чагатая, Дуаньчжэнь^V, Мэнгу-Халчжа^{VI}, Алчи-нойона, Ки-нойона^{VII}, Хо-доу^{VIII} и Джунсу^{IX} — на всех поровну выделили дополнительное пожалование дворов в округе Дунпин. Елюй Чуцай доложил [императору] о нерациональности [этого], поэтому последовало повеление: прекратить титулованным особам ставить [своих] даругачи, а податные поступления с вышеуказанных дворов им будут выдавать чиновники, назначенные императорским двором; и без получения императорского указа — не набирать солдат и собирать подати. Кодан, возглавляя Ван Ши-сяня и других [полководцев], вторгся в Шу, взял сунские крепости-заставы на внешней границе Шучжоу и обезглавил шуского полководца Цао Ю-вэня.

Зимой, в десятой луне^X, Кодан вошел в Чэнду. Был объявлен манифест для Цинь^{XI}, призывавший прийти с повинной, и в 20 с лишним уездах^{XII} те, кто [ранее] боялся, все сдались. Царевич Кучу скончался. Чжан Жоу и прочие напали на Инчжоу и захватили его. Округ Сяньянфу покорился, Ю Сяня [поставили] вести дела в Сяньяне и Фаньчэне.

^I 斡陳那顏 Во-чэнь-на-янь, Тэмугэ-отчигин, самый младший брат Чингисхана, см. [128, с. 139].

^{II} 赤苦 Чи-ку, сын Алчи-нойона, см. [128, с. 152].

^{III} 阿剌海 А-ла-хай, Алахай-беки, 3-я дочь Чингисхана.

^{IV} 果真 Го-чжэнь, Хочжин-беки — старшая дочь Чингисхана, у РД — Фулжин-беги, см. [128, с. 146].

^V 鍛真 Дуань-чжэнь.

^{VI} 蒙古寒札 Мэн-гу-хань-чжа, по РД — тысячник из мангутов Мункэ-Калджа, сын Куилдар-сэчэна, а в СС это два разных лица — Монкэ и Халджа.

^{VII} 斡那顏 Ци-на-янь.

^{VIII} 火斜 Хо-доу, возможно это Хадаан, начальник кебтеулов Угэдэя по СС.

^{IX} 術思 Шусы, «шу» в транскрипции, принятой в ЮШ, передает «чжу», ср. имя старшего сына Чингисхана в ЮШ: «Шучи» — «Джучи», по СС «Шусы» — это Джунсу, см. [16, с. 277].

^X 1—29 ноября.

^{XI} Шэньси.

^{XII} Тут — Чжоу.

Весной, года дин-ю^I, 9-го [от установления правления], [Угэдэй] охотился в озерах⁸² долины Цекцер^{II}. Мэнгу ходил походом на кипчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана^{III}.

Летом, в четвертой луне^{IV}, построили город Саолинь, [в нем] сделали палаты Цзя-цзянь-ча-хань-дянь.

В шестой луне^V среди обоков левого крыла были сплетни о наборе в народе девушек, император разгневался и поэтому [в самом деле] произвел набор [девушек] и пожаловал ими подчиненных.

Осенью, в восьмой луне^{VI}, [Угэдэй] приказал Шу Ху-наю и Лю Чжуну провести экзамены среди ученых-конфуцианцев во всех лу, всего отобранных, за исключением кандидатур, оспоренных комиссиями на местах, оказалось 4030 человек.

Зимой, в десятой луне^{VII}, [Угэдэй] охотился на реке Ема, посетил императорский дворец и потом отправился в походную ставку. Той же зимой Куун-Буха и другие осадили Гуанчжоу, [Угэдэй] приказал Чжан Жоу, Гун Янь-хуй и Ши Тянь-цзе атаковать и взять его. После этого [они] по отдельности напали на Цичжоу^{VIII}, покорили Суйчжоу и захватили территорию вплоть до Хуанчжоу. Сун устранилась и запросила перемирия, тогда [войска] вернулись.

Весной, года у-суй^{IX}, 10-го [от установления правления], войска [гована] Дайсуна^X дошли до Бэйсягуань, сунский полководец Ван Тун-чжи сдался.

Летом^{XI} бецзян^{XII} Лю И в Сяньяне возмутился, арестовал

^I 6 февраля — 4 мая 1237 г.

^{II} 揭揭察哈 Цзе(ци)-цзе(ци)-ча-ха, в СС — Цекцерская степь, через «ча-ха» передано слово «чжалха», «урочище».

^{III} 八赤蠻 Ба-чи-мань, Бачман.

^{IV} 5—25 мая.

^V 24 июня — 23 июля.

^{VI} 22 августа — 20 сентября.

^{VII} 21 октября — 18 ноября.

^{VIII} Округ в пров. Хубэй.

^{IX} 18 января — 16 февраля 1238 г.

^X 塔思 Та-сы, в ШУЦЧЛ он назван «гован Дасы», это Дайсун, брат и преемник Мухали.

^{XI} 5 мая — 5 августа.

^{XII} Воевода округа.

Ю Сянь с прочими и перешел к Сун, Сун опять взяла Сянь[ян] и Фань[чэн]. Император охотился в озерах долины Цекцер. Был возведен город Тусуху^I и отделан дворец Инцзядянь.

Осенью, в восьмой луне^{II}, Чэнь Ши-кэ, Гао Цин-минь и прочие сообщили о засухе и саранче во всех лу, последовал указ освободить на текущий год от поземельного налога, а также приостановить платежи по давним недоимкам, отложив расчет по ним на урожайные годы.

Весной, года цзи-хай^{III}, 11-го [от установления правления], [Угэдэй] снова охотился в озерах долины Цекцер. Войско царевича Кодана достигло реки Цзысичуань.

Осенью, в седьмой луне^{IV}, Ю Сянь бежал из Сун и перешел на сторону [монголов]. Ввиду стихийных бедствий во всех лу Шаньдуна они были освобождены от зернового налога⁸³.

Зимой, в одиннадцатой луне^V, войска под командой Мэнгу окружили город алан Ме-ке-сы^{VI} и через три месяца захватили его.

В двенадцатой луне^{VII} торговый человек Абд-ар-Рахман^{VIII} откупил налоги в Чжунъюань^{IX} за 22 000 слитков^X серебра, для того, чтобы ему поступила [вся годовая] сумма в 44 000 слитков.

Весной, в начальной луне года гэн-цзы^{XI}, 12-го [от установления правления], Абд-ар-Рахману поручено исполнение обязанностей по руководству всеми управлениями по сбору налогов. Царевич Гуюк овладел всеми не сдававшимися областями Западного края и прислал гонца с докладом о добыче.

^I 圖蘇湖 Ту-су-ху, в ШУЦЧЛ он назван Тусыр.

^{II} 10 сентября — 9 октября.

^{III} 6 февраля — 5 мая 1239 г.

^{IV} 6—31 августа.

^V 27 ноября — 26 декабря.

^{VI} 蔑怯思 Ме-це-сы, в фонетике XIII в. передает согласные «М-к-с».

^{VII} 27 декабря 1239 г. — 25 января 1240 г.

^{VIII} 奧都剌合蠻 Ао-ду-ла-хэ-мань.

^{IX} Синоним Китая.

^X «Слиток», или 錠 «дин», вместо знака 錠 «дин», который составлял 50 лян, 1 лян — 37,3 г.

^{XI} 26 января — 24 февраля 1240 г.

[Угэдэй] приказал Чжан Жоу и другим, всего восьмерым темникам, воевать Сун.

Зимой, в двенадцатой луне^I, [Угэдэй] дал указ Гуюку отозвать войска [для отдыха и пополнения]⁸⁴. Было дано высочайшее повеление: если в округах и областях случались кражи и не было схваченных [преступников], то возмещение шло за счет казенного имущества. В начале государства приказывалось возмещать за счет населения, народ во множестве бежал [от исполнения этого] приказа. Отныне это прекращалось.

В тот же год был такой ярлык-приказ: поскольку чиновники и народ брали ссуды деньгами у мусульман-уйгур⁸⁵ для уплаты казне, [сумма] за год удваивалась, что называлось «прибылью ягнятами»^{II}, и вред [от этого] был очень велик; [поэтому] был указ возместить оставшиеся [задолженности] казенным имуществом, всего 76 000 дин [серебра]; еще было приказано, чтобы облегчались все многолетние ссуды — как только проценты становятся равными телу займа, то [рост процента] сразу же останавливается. Были записаны в податные крестьяне^{III} [те] мужчины и женщины, которые держались в плену всеми царевичами и высшими сановниками.

Весной, во второй луне, года синь-чоу^{IV}, 13-го [от установления правления], [Угэдэй] охотился в озерах долины Цекцер. У императора случилась болезнь, и [он] издал указ о помиловании в Поднебесной заключенных в тюрьмах. Император поправился.

Осенью^V, ван Кореи Коджон прислал одного из сыновей в заложники.

Зимой, в десятой луне^{VI}, [Угэдэй] указал Махмуду Ялавачу^{VII}

^I 15 декабря 1240 г. — 13 января 1241 г.

^{II} 羊羔息 ян-гао си, так называлась годовая ставка в 100%, [36, с. 157].

^{III} В тексте 民 «минь», т. е. букв. «народ, простонародье», но в данном случае это сокращение от юаньского слова 民戶 «миньху» — «крестьяне», «податные крестьянские семьи», таким образом пленные были переведены в разряд податного населения.

^{IV} 14 марта — 12 апреля 1241 г.

^V Август — начало ноября.

^{VI} 5 ноября — 3 декабря 1241 г.

^{VII} 牙老瓦赤 Я-лао-ва-чи, Махмуд Ялавач, см. выше годовую запись «гэн-инь».

ведать делами ханьского народа⁸⁶. [В день] дин-хай одиннадцатой луны^I была большая охота. [В день] гэн-инь^{II} [Угэдэй] вернулся к горам Э-те-цзинь-гу-ху-лань. Абд-ар-Рахман преподнес [Угэдэю] вино. Император получал удовольствие от питания, [он] всю ночь [пил] и оттого занемог. На рассвете [дня] синь-мао^{III} император почил в походном дворце. Находился на престоле 13 лет. Продолжительность жизни [составила] — 56 [лет]. [Угэдэй] был погребен в ущелье Циняньгу⁸⁷. Посмертно поименован как Инвэнь-хуанди^{IV}, храмовое имя — Тай-цзун.

Император обладал обширными и крупными способностями, душе [его] были присущи искренность и великодушие, [его] духовная сила вовремя смиряла телесную, и [он] начинал дела без ошибок, Хуася⁸⁸ был богатым и многонаселенным, табуны коней и овец были наполненными, путешествующие не ...^V продовольствию. Времена [Угэдэя] именовались как «великое спокойствие в государстве»⁸⁹.

Весной года жэнь-инь^{VI} императрица^{VII} Лю, из рода най-мачжэнь^{VIII}, начала регентствовать. Осенью, в седьмой луне^{IX}, Чжан Жоу от устья реки Ухэ переправился через Хуай[хэ] и напал на округа Сун — Ян[чжоу]^X, Чу[чжоу] и Хэ[чжоу]^{XI}.

Весной, в начальной луне, года гуй-мао^{XII} Чжан Жоу выде-

^I 27 декабря 1241 г.

^{II} 30 декабря 1241 г.

^{III} 31 декабря 1241 г.

^{IV} «Гениально-культурный император».

^V Пропуск в тексте, по контексту пропущено «нуждаться/нужда», таким образом фраза может быть восстановлена как — «путешествующие не терпели нужды в продовольствии».

^{VI} 6 февраля — 5 мая 1242 г.

^{VII} 皇後 хуанхоу.

^{VIII} Регентшей стала мать Гуюка Туракина-хатун, по РД она была из племени меркит.

^{IX} 6—27 августа.

^X Пров. Цзянсу.

^{XI} Обя округа — пров. Аньхуй.

^{XII} 22 января — 20 февраля 1243 г.

лил войскам землю для военных поселений в Сянчэн^I. Летом, в пятой луне^{II}, Марс вторгся в «Покои»⁹⁰. Осенью императрица приказала Чжан Жоу ведать войсками, охраняющими границы Ци^{III}.

Летом, в пятой луне, года цзя-чэнь^{IV}, скончался первый министр^V Елюй Чуцай.

Осенью года и-сы^{VI} императрица приказала главнокомандующим конницей и пехотой Чагану и другим выступить с 30 000 всадников и вместе с Чжан Жоу захватить земли западнее Хуай[хэ]. [Они] атаковали Шоучжоу^{VII} и заняли его, потом напали на Сычжоу^{VIII}, Сюйи^{IX} вместе с Ян[чжоу]. Сунский пограничный губернатор^X Чжао Цай запросил мира, тогда [войска] вернулись.

Дин-цзун

Дин-цзун, или Цзяньпин-хуанди^{XI}. [Его] табуированное имя Гуюк. Он был старшим сыном Тай-цзуна. Его мать именовалась императрица Лю, из рода наймачжэнь^{XII}. Императора [она] родила в году бинь-инь^{XIII}. Как-то Тай-цзун приказал чжувану Алчидаю⁹¹ отправиться в поход на Цзинь. Император^{XIV} как старший царевич участвовал в нем, [он] взял в плен члена императорской семьи [Цзинь] и вернулся. Еще он участвовал

^I Уезд в пров. Хэнань.

^{II} 20 мая — 18 июня.

^{III} Т. е. в пров. Хэнань.

^{IV} 7 июня — 6 июля 1244 года.

^V 中書令 чжуншулин, «канцлер».

^{VI} Конец августа — начало ноября 1245 г.

^{VII} Уезд в пров. Аньхуй.

^{VIII} Уезд в пров. Аньхуй.

^{IX} Уезд в пров. Цзянсу.

^X 制置 вместо 制置使 чжичжиши, т. е. полномочный губернатор пограничной провинции.

^{XI} «Справедливо судивший император».

^{XII} Туракина-хатун, ее монгольское имя — Торэгэн.

^{XIII} 10.02.1206 г. — 29.01.1207 г.

^{XIV} Т. е. Гуюк.

в западном походе чжувана Бату, потом в [походе в] пределы асов¹. [Он] атаковал и окружил горное укрепление Мучжашань, где сражался [вместе с] тридцатью с чем-то воинами, император был там вместе с Сянь-цзуном¹¹. Тай-цзун в свое время указал на императорского внука Ширамуна¹¹¹ как на наследника. Тай-цзун почил, а императрица стала регентом и созвала всех князей и нойонов⁹² в местности Талань-даба, после чего курултай поставил на престол императора [Гуюка].

Весной, в начальной луне, года бин-у^{IV}, начального [от установления правления], Чжан Жоу был на аудиенции императора в Хэлинь.

Осенью, в седьмой луне^V, было возведение императора на престол в местности Ван-цзи-су-ме-ту-ли. Император хотя и взошел на престол, но государственные дела по-прежнему были в руках императрицы Лю.

Зимой [Гуюк] охотился на дзеренов на реке Ема. Исполняющий обязанности темника Ши Цюань и другие сделали демонстрацию войск южнее Хуай[хэ]. [Они] атаковали укрепления заставы Хутоугуань и взяли их. Продвинулись и осадили Хуанчжоу^{VI}.

Весной, года дин-вэй^{VII}, 2-го [от установления правления], Чжан Жоу напал на Сычжоу. Летом^{VIII} [Гуюк] спасался от жары в местности Цюй-люй-хуай-хэй-ха-су.

Осенью [Гуюк] объезжал с инспекцией западные [пределы]. В восьмой луне^{IX} [Гуюк] приказал Элчжидаю^X повести воинов

¹ Алан.

¹¹ Т. е. с Мэнгу-кааном.

¹¹¹ 失烈門 Ши-ле-мынь, по РД — Ширамун, сын Кучу, внук Угэдэя, [38, с. 9].

^{IV} 19 января — 17 февраля 1246 г.

^V 13 августа — 11 сентября.

^{VI} Город в пров. Хубэй.

^{VII} 7 февраля — 5 мая 1247 г.

^{VIII} Май — начало августа.

^{IX} 1—29 сентября.

^X 野裡知古帶 Е-ли-чжи-цзи-дай, Элчжидай/Илчжидай или Илджигидэй, один из высших сановников при Угэдэе, в 1229 г. был поставлен над всеми нойонами, см. [36, с. 147].

племен шосымань^I в поход на запад. В том же месяце [Гуюк] указал каждой сотне монгольских кибиток^{II} быть под управлением одного батура^{III}.

В девятой луне^{III} [Гуюк] взял половину личной стражи Тай-цзуна и передал ее под команду Еку-Мэндара^{IV}.

Зимой, в двенадцатой луне^V, было внесение дворов в реестр^{VI}.

Весной, в третьей луне года у-шэнь^{VII}, 3-го [от установления правления], император почил в местности Хэн-сян-и-эр. Находился на престоле 3 года. Продолжительность жизни [составила] — 43 [года]. [Гуюк] был погребен в ущелье Циняньгу. Посмертно поименован как Цзяньпин-хуанди^{VIII}, храмовое имя — Дин-цзун.

В тот же год была большая засуха, воды в реках совершенно высохли, степные травы выгорели — из каждых 10 голов лошадей или скота 8 или 9 пали и люди не имели чем поддерживать жизнь. Все князья императорского рода и каждый обок направили посланцев во все области южнее Яньцзина — собирать ценные товары, луки со стрелами и предметы конной упряжи; то же в мусульманские [страны] Западного края — искать и забирать самоцветы; то же в Хайдун — набрать ястребов и соколов-сапсанов; а гонцы на перекладных шли потоком, днем и ночью, не переставая^{IV}, силы народа совершенно истощились. Так пошло начиная с года жэнь-инь^{IX}, нормы закона^{IX} не были едиными [для всех], внутри и вне государства [появились] настроения по отделению [от него] и после правления Тай-цзуна все ухудшалось.

^I Племена Южного Китая.

^{II} В тексте 人戶 жэньху, «семья, двор».

^{III} 1—29 октября.

^{IV} 世出門答兒 Е-цуюй-мэнь-да-эр, транскрипция реконструируется как передача имени «Еку-Мэндар».

^V 29 декабря 1247 г. — 27 января 1248 г.

^{VI} См. комментарий 69.

^{VII} 27 марта — 24 апреля 1248 г.

^{VIII} «Справедливо судивший император».

^{IX} 2 февраля 1242 — 21 января 1243 гг.

В год цзи-ю¹.

В год гэн-суй¹¹.

После того как Дин-цзун почил, курултай не мог определиться с возведением на престол. Все это время, уже три года, не было государя. Подробности хода этого дела утеряны в записях архивов и неоткуда [взять для] исследования.

Жизнеописания знаменитостей

Цзюань 121

Восьмое повествование о знаменитых

Субэтай

Субэтай^{III}, человек из монгольских урянхаев^{IV}. Поколения его предков охотились в верховьях реки Онон, с Тумбинэ-хаганом они ладили и потому завязали взаимную дружбу. Ко временам Тай-цзу [было их] уже 5 поколений. Что касается Нелиби, [то он] родил Бохуду, который всем был известен как «чжэлима». Что касается «чжэлима», то по-китайски это слово означает — «стратег»⁶. Внук [Нелиби] в третьем поколении Хачиун^V родил Хабаня^{VI}. Хабань [имел] двух сыновей, старший — Хулухунь^{VII}, другой — Субэтай, оба отменные молодцы, отличные наездники и стрелки. Когда Тай-цзу был на реке

¹ 16 января 1249 г. — 2 февраля 1250 г., в тексте пропуск.

¹¹ 3 февраля 1250 г. — 23 января 1251 г., в тексте пропуск.

^{III} 速不台 Су-бу-тай, Субээтай-Баатур — СС, Субудай — РД.

^{IV} 兀良合 у-лян-хэ, т. е. урянхай.

^V 合赤溫 Хэ-чи-вэнь, восстанавливается как Хачиун — ср. с 赤老溫 Чи-лао-вэнь, т. е. Чилаун в цз. 1.

^{VI} 哈班 Ха-бань.

^{VII} 忽魯渾 Ху-лу-хунь.

Балчжуна, Хабань как раз гнал табун овец, чтобы преподнести [Чингисхану], но встретился с разбойниками и был схвачен. Хулухунь с Субэтаем пришли к [нему] на подмогу, пиками перекололи этих [разбойников], все [они] повалились — кони, люди, [только] жалкие остатки банды убежали. Вследствие чего они спасли из беды отца, а овец доставили в назначенное место. Хулухунь в качестве сотника следовал за императором в сражениях с главарем обока найманов к югу от Великой стены. Хулухунь застрелил его, а народ его бежал в горы Кочитань^I и рассеялся.

Субэтай в качестве сына-заложника служил императору, [потом] стал сотником. В год жэнь-шэнь^{II} [он] напал на цзиньский Хуаньчжоу^{III}, раньше всех взшел [на стены] и занял этот город. Император приказал наградить [его] повозкой золота и шелка.

Сильный и процветающий обок меркитов⁹⁷ не служил [Чингисхану]. [В год] бин-цзы^{IV} император собрал всех полководцев в Черном лесу на реке Туула и спросил: «Кто сможет для меня пойти карательным походом на меркитов?» Субэтай попросил поручение себе, император одобрил и разрешил это. Тогда [Субэтай] выбрал помощником полководца Аличу^V и назначил [его] в авангард с сотней людей, чтобы высмотреть их [меркитов] положение. Субэтай двинулся вослед. Субэтай дал наставление^{VI} Аличу, сказав так: «Ты когда будешь останавливаться на ночлег, обязательно держи детскую утварь наготове, чтобы уходя, оставить ее — пусть будет похоже на то, как будто [вы] убегаете, захватив с собой семьи». Меркиты увидели это дело и в самом деле решили, что тот убегает, поэтому оказались не готовыми [к нападению].

[В год] цзи-мао^{VII} [Субэтай] большим войском пошел к реке Чань⁹⁸, встретился с меркитами, в одном сражении взял в плен

^I 闕赤檀 Ко-чи-тань.

^{II} 5 февраля 1212 — 4 марта 1213 г.

^{III} В бывшей провинции Чахар, теперь северо-западная часть АРВМ.

^{IV} С 21 января 1216 г. по 7 февраля 1217 г.

^V 阿里出 А-ли-чу.

^{VI} 戒 цзе, значит также и «предостерегать» и «быть настороже».

^{VII} С 18 января 1219 г. по 5 февраля 1220 г.

их двух полководцев и полностью покорил их народ. Глава их обока Хуту^I бежал к кыпчакам^{II}, Субэтай преследовал его и у кыпчаков при горной долине Юйюй^{III} сразился и разбил его.

[В год] жэнь-у^{IV}, император пошел карательным походом на Хуйхуйго^V, их владетель Мелик^{VI} вручил государство [наместнику] и ушел. [Чингисхан] приказал Субэтаю и Чжэбэ⁹⁹ преследовать его. Те достигли реки Хуйли^{VII}, Чжэбэ сразился, но безрезультатно¹⁰⁰. Субэтай поставил войско к востоку от реки, предписал всем своим людям зажечь по три факела, чтобы увеличить силу войска^{VIII}. Пресловутый владетель^{IX} ночью сбежал. Опять был издан приказ командовать войсками тумена [Субэтаю], [который] из города Биркан^X на реке Бухань^{XI} отправился преследовать его, [вана], и прошел те места, в которых были сплошь безводные земли. Когда же переправлялись через реки, то вперед посылалась тысяча быстрой конницы для осмотра, чем поддерживался форсированный марш днем и ночью главного войска. К моменту его прибытия, Мелик убежал в море^{XII} и не прошло месяца, как он заболел и умер¹⁰¹. Были захвачены все брошенные им драгоценности и сокровища, и преподнесены [Чингисхану]. Император сказал так: «Субэтай — опора и поддержка в кровавых битвах, [он] отдает все силы служению нашей фамилии, мы весьма одобряем его!» и одарил большой жемчужиной и серебряным кувшином.

[В год] гуй-вэй^{XIII} Субэтай представил доклад трону и просил [разрешения] покарать кыпчаков¹⁰². Согласие на это [было

^I 霍都 Хо-ду, Хуту — СС, Куау — РД, сын Тохтоа, совпадает с ШУЦЧА.

^{II} 欽察 цинь-ча, кыпчаки.

^{III} Югур, местность в Дешт-и-Кыпчак, возможно Иргыз — см. [62, с. 434].

^{IV} С 13 февраля 1222 г. по 2 февраля 1223 г.

^V Мусульманские страны.

^{VI} 滅里 ме-ли, искаженное араб. «мелик», т. е. «царь», видимо имеется в виду хорезмшах Мухаммед.

^{VII} 灰里 Хуй-ли, р. Кайлы по Джувейни, см. [62, с. 436].

^{VIII} Т. е. создать для противника видимость многочисленности войск Субэдэя.

^{IX} Т. е. хорезмшах.

^X 必里罕 Би-ли-хань, т. е. г. Биркан.

^{XI} 不罕川 Бу-хань-чуань, букв. «Бухань-река», т. е., видимо, Аму-Дарья, «Бухарская река» — на ней стоят и Биркан и Бухара.

^{XII} Каспийское.

^{XIII} С 2 февраля 1223 г. по 21 марта 1224 г.

дано]. После чего [Субэтай] повел войска кругом Каспийского моря^I, окольными путями дошел до перевала Тайхэ^{II}, пробивал камень, открывая дорогу, и вышел там, где его не ожидали¹⁰³. Дошли и встретились с их [кыпчаков] главарями Юрием^{III} и Татауром^{IV}, которые как раз собрались вместе у реки Буцзу^V. [Субэтай] пустил воинов в решительную атаку, рассеял и разогнал их людей. Был поражен стрелой сын Юрия, который сбежал в леса. Его рабы явились [к монголам] с донесением и его [сына Юрия] схватили¹⁰⁴, остальные целиком покорились [монголам], после чего [монголы] заняли их [кыпчаков] пределы. Также дошли до реки Калки^{VI}, встретились и имели одно сражение со старшим и младшим Мстиславами^{VII} племени русских^{VIII}, которые сдались. Усмирили земли племени алан^{IX} и вернулись. Рабы кыпчаков ходатайствовали о начальнике над ними, а Субэтай отпустил их в качестве вольного народа. Когда [он] вернулся, об этом стало известно и император сказал так: «Рабы, которые не соблюдают верности господину, разве будут готовы стать верными другим?» и потому казнил их. Добавим к тому же, что [Субэтай] подал доклад трону, чтобы «тысячи»^X из меркитов, найманов, кирей^{XI}, канглов^{XII} и

^I 寬定吉思 Куань-дин-цзи-сы, т. е. «Хвалисы», Каспийское море, еще его называли по-арабски «Кулзум».

^{II} 太和 Тай-хэ, Тимур-Калу — [48, с. 74], Тэмур-кахагэ — т. е. «Железные ворота», Дербентский проход, [39, с. 109], русское летописное «Обезы и Железные ворота».

^{III} 玉里吉 Юй-ли-цзи, половецкий хан Юрий Кончакович.

^{IV} 塔塔哈兒 Та-та-ха-эр, по НИА это Данила Кобякович, однако есть в Ипатьевской летописи половецкое имя Тотоур, которое передает кыпчакское Татаур.

^V Передает «Бу-ку», возможно инверсия «Кубу», так по-печенежски называлась р. Кубань, согласно Г. Шрамму [203, с. 45], от тюркского «qıba» — «светло-бурая».

^{VI} 阿里吉 А-ли-цзи, китайская транскрипция для «Алки», т. е. «Калки».

^{VII} 密赤思老 Ми-чи-сы-лао, т. е. Мстиславы — киевский Мстислав Романович и черниговский Мстислав.

^{VIII} 韓羅思 во-ло-сы, русские.

^{IX} 阿速 а-су, ясы-аланы.

^X Тут — военно-административная единица племен.

^{XI} 怯烈 це-ле, возможно, что это вариант китайской транскрипции 克烈 кэ-ле, т. е. кэрэит, так как через «це» иногда транскрибировалось «кэ»; но скорее всего самый вероятный вариант — племена кэрэдай или кирей.

^{XII} 杭斤 хан-гэнь, это кангар — название части родов канглы, если для знака Лг взять чтение «гэнь», а не привычное «цзинь», передающее звучание «гин» в XIV в.; канглы — это тюркские племена, кочевавшие от Приаралья до Восточного Туркестана в составе каганата кимаков, после распада которого часть канглов/кангар откочевала на запад и составила печенежское племенное объединение.

кыпчаков — всех этих обочков, вместе составили одну армию. [Чингисхан] последовал ему. [Когда] наводили порядок в племенах е-ми-ли-хо-чжи^I, отловили 10 000 голов лошадей для преподношения [Чингисхану].

Император пожелал пойти походом на Хэси^{II}, и ввиду того, что последние годы Субэтай находился вонне^{III}, [Чингисхан] боялся, что отец и мать беспокоятся о нем [Субэтае] и послал [ему] приказ вернуться на родину. Субэтай подал доклад, желая последовать [за Чингисханом] в западный поход. Император приказал [Субэтаю] пройти походом через большую каменистую пустыню.

[В год] бин-суй^{IV} [Субэтай] напал и подчинил племена сали-вэй-у, тэ-цин^V, чи-минь вместе с округами Дэшунь[чжоу], Чжэньжун[чжоу], Лянь[чжоу], Хуй[чжоу], Тао[чжоу] и Хэ[чжоу]^V. Были взяты 5000 кобылиц и все преподнесены трону.

[В год] дин-кэ^{VI} [Субэтай] узнал о кончине Тай-цзу и тогда вернулся.

[В год] цзи-чоу^{VII}, сразу после вступления на трон, Тай-цзун^{VIII} выдал за него принцессу Тумегань^{IX}. В последовавшем нападении на заставу Тунгуань^X войска [Субэтая] не добились успехов и император возложил ответственность на него. Во время Жуй-цзуна^{XI} [Субэтай] находился в отдаленных резиденциях, а войска добивались решительных побед не часто. [Субэтай] испросил повеления, [учитывая] заслуги, дать ему

^I 也迷里霍只 е-ми-ли-хо-чжи, возможно, это транскрипция «эмир Ходжа», т. е. монголы восвали с «племенем эмира Ходжи», но скорее всего тут испорченное написание реки Эмиль (Имиль) на границе пров. Синьцзян и Казахстана, куда вернулись Субэдэй и Чжэбэ.

^{II} Тангут.

^{III} Т. е. за пределами родных мест.

^{IV} С 30 января 1226 г. по 18 января 1227 г.

^V Местности в Тангуте.

^{VI} С 19 января 1227 г. по 7 февраля 1228 г.

^{VII} С 27 января 1229 г. по 16 февраля 1230 г.

^{VIII} Угэдэя.

^{IX} 秃滅干 Ту-ме-гань.

^X Важная горная застава на стыке границ трех провинций — Шэньси, Шаньси и Хэнань.

^{XI} Храмовое имя Толуя, имеется в виду его регентство — с момента смерти Чингисхана до 1229 г.

применение. Поэтому [ему] было приказано повести войска, следуя за Жуй-цзунном, чтобы навести порядок в Хэнани. Путь шел через заставу Ньютоугуань¹, где встретили цзиньского полководца Хэда¹⁰⁵, командовавшего несколькими десятками тысяч конных и пеших, и давшего оборонительное сражение. Жуй-цзун спросил, каким способом овладеть [позицией], Субэтай сказал так: «Люди, сидящие за стенами, не привыкли к тяжкому труду, дадим им побольше потрудиться и посражаться, тогда сможем победить!» Войска были сосредоточены у горы Саньфэншань, и цзиньские солдаты были охвачены несколькими кольцами окружения. Случилось так, что учинились великие ветер и снег, и их [цзиньцев] солдаты и командиры стали коченеть и валиться, войска [монголов], воспользовавшись этим, перебили и перерезали [их] почти полностью. От этого цзиньская армия не была в состоянии оправиться.

Летом [года] жэнь-чэнь¹¹ Жуй-цзун вернулся на квартиры в Гуаньшань, а Субэтай оставил руководить всеми делами армии, окружившей Бянь¹¹¹.

[В год] гуй-сы^{1v}, владетель Цзинь переправился через [Хуан]хэ, убегая с севера, [Субэтай] догнал и разбил его у горного хребта Хуанлунган, было обезглавлено более 10 000 человек. Владетель Цзинь по-прежнему убегал на юг, к Гуйдэфу^v, а вскоре опять бежал — в Цайчжоу^{vi}. Бянь сдался, [Субэтай] захватил [цзиньскую] императрицу и других жен [цзиньского государя] с их драгоценностями и утварью, для преподнесения [императору], и отправился осаждать Цайчжоу.

[В год] цзя-у^{vii} Цайчжоу был сокрушен, владетель Цзинь погиб, бросившись в костер. Тогда Бяньлянь долго претерпевал от войск [монголов], в течение года был голод, люди поедали друг друга. Субэтай издал приказ, отпускавший его [Бяньляня]

¹ Горная застава Ньютоу.

¹¹ Май — начало августа 1232 г.

¹¹¹ Город Кайфын — столица Цзинь.

^{1v} С 11 февраля 1233 г. по 30 января 1234 г.

^v Совр. г. Шанцю в Хэнани.

^{vi} Совр. г. Жунань пров. Хэнань — последняя столица Цзинь.

^{vii} С 31 января 1234 г. по 20 января 1235 г.

население на север, для переправы через [Хуанхэ] и поисков пропитания.

[В год] и-вэй^I, Тай-цзун приказал чжувану¹⁰⁶ Бату^{II} пойти в Западный поход на Бачмана^{III}, и еще сказал так: «[Мы] услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэтай тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». Поэтому приказал [Субэтаю] быть в авангарде и сразиться с Бачманом, а затем еще назначил [его] командовать главной армией. После чего были захвачены жены и дети Бачмана на Каспийском море¹⁰⁷. Бачман узнал о приходе Субэтая, сильно оробел и сбежал в море.

[В год] синь-чоу^{IV}, Тай-цзун приказал чжувану Бату и прочим пойти карательным походом на владельца племени русских^V Е-ле-бань^{VI}. Ему было нанесено поражение, город Ту-ли-сы-гэ¹⁰⁸ был окружен, но не взят. Бату подал доклад [императору], [чтобы] прислали Субэтая руководить сражением, Субэтай выбрал из хабичи¹⁰⁹ войско и пятьдесят с лишним человек [их] це-лянь^{VII}, которые усердно работали на него, и в одном сражении захватил Е-ле-бань. [Субэтай] выдвинулся вперед, атаковал Ту-ли-сы-гэ и за три дня овладел им, полностью взял племя тех русских и вернулся. Проходя горы Ха-цза-ли¹¹⁰, напали на владельца племени венгров^{VIII} — короля¹¹¹. Субэтай был в авангарде, вместе с чжуваном Бату, Орду^{IX}, Шибаном^X и Каданом^{XI},

^I С 21 января 1235 г. по 8 февраля 1236 г.

^{II} 拔都 Ба-ду, Бату — т. е. Батый русских летописей.

^{III} 八赤蠻 Ба-чи-мань, Бачман — РД и Джувейни.

^{IV} С 13 февраля 1241 г. по 1 февраля 1242 г.

^V 兀魯思 у-лу-сы, урусы, т. е. русские.

^{VI} 也烈班 Е-ле-бань.

^{VII} Китайская транскрипция «кэрэл», искаженного монголами венгерского слова «кираль», т. е. «король», часть этих подчиненных монголам «королей», на самом деле племенных князьков, были мордвой.

^{VIII} 馬札兒 ма-чжа-эр, мадьяры, т. е. венгры.

^{IX} 呼里兀 Суй-ли-у, по Джувейни под началом Бату в Западном походе участвовали его братья, в том числе Хорду [49, с. 22], его имя в форме «Орду» есть в других источниках. Здесь два возможных объяснения: 1) Это Хулагу/Хулэгу, который в цзю-апи 107 передан как 旭烈兀 Суй-ле-у, но по другим известиям Хулагу не участвовал в этом походе; 2) Знаком 呼 «суй» в XIV в. передавали «ху», и таким образом транскрипция в первоисточниках представляла имя «Ху-р-уд», т. е. «Хорду».

^X 昔班 Си-бань, Шибан, Сыбан у Плано Карпини.

^{XI} 哈丹 Ха-дань, Кадан.

которые продвигались по отдельным пяти дорогам. Люди говорили так: «Войско короля исполнено силы, не сможем легко продвигаться». Субэтай выдвинул отличный план — заманить его [короля] войско к реке Хонин. Войска чжувана находились в верхнем течении, [где] мелководье и лошади могут перейти вброд, кроме того посередине имелся мост. В нижнем течении, [где] вода глубокая, Субэтай хотел связать плоты для скрытной, подводной, переправы, выводящей в обхват врага сзади. Не [дождавшись] переправы, чжужан первым перешел вброд реку для сражения. Войско Бату стало бороться за мост, но вместо укрепления [там], из [числа] латников, вместе с его [Бату] подчиненным военачальником Бахадуром¹, утонул каждый тридцатый. Сразу после переправы чжужан, ввиду множества приближающихся врагов, захотел потребовать возвращения Субэтая, с запозданием рассчитывая на него. Субэтай сказал так: «Ван желает вернуться — [пусть] сам возвращается. Пока я не дойду до города Мача² на реке Дунай³ — не вернусь!» и помчался к городу Мача. Чжужан также подошел [к городу], затем атаковал, захватил его и вернулся назад. Все ваны соединились и Бату сказал так: «Во время дела на реке Хонин Субэтай опоздал помочь, погиб мой Бахадур». Субэтай ответил так: «Ван хотя знал, что в верхнем течении мелководье, все равно завладел мостом, чтобы переправиться и сразиться, не узнав, что я в нижнем течении [еще] не завершил связывание плотов. А сегодня знай себе говорит — я опоздал, и думает, что именно в этом причина». Тогда Бату тоже уяснил [дело]. Позже, на большом сборище, пили кобылье молоко и виноградное вино. Говоря про события во время похода на короля, сказали так: «Все, что захватили в то время, — это заслуга Субэтая!»

[В год] жэнь-инь⁴ Тай-цзун почил.

¹ 八哈秃 Ба-ха-ту, Bohetog у Рогериуса, венгерского хрониста, очевидца событий и бывшего в плену у монголов, по В. Пашуто он переправлялся через р. Серет. Видимо, имеется в виду Бахадур — сын Шейбана, племянник Бату — РД [39, с. 74], косвенно подтверждает это слова Бату «мой Бахату» ниже в тексте.

² Пешт, как главный город мадьяр или «ма-ча» в тексте.

³ 秃納 Ту-на, Дунай.

⁴ Со 2 февраля 1242 г. по 21 января 1243 г.

[В год] гуй-мао^I был великий сбор всех ванов, Бату пожелал не отправляться [туда]. Субэтай сказал так: «Великий ван во всем роду старший, как можно не отправиться?»

[В год] цзя-чэнь^{II} последовал сбор на реке Ечжили.

[В год] бин-у^{III} взошел на престол Дин-цзун^{IV}. Сразу после курултая^V [Субэтай] вернул семью в верховья реки Туула.

[В год] у-шэнь^{VI} [Субэтай] умер, [было ему] лет — 73. [Он] был посмертно пожалован званиями: «Сяо-чжун сюань-ли цзо-мин гун-чэнь»^{VII}, его превосходительство «итун саньсы»^{VIII} и «шанчжуго»^{IX}, посмертно возведен в ранг Хэнаньского вана. [Его] посмертное почетное имя — «Чжун-дин»^X. Имел сына Урянхатая^{XI}.

Урянхатай вначале служил Тайцзу. Когда Сянь-цзун^{XII} был [в ранге] императорского внука и еще ребенком, поколение Урянхатая было [уже] заслуженными сановниками, допущенными, чтобы защищать и воспитывать его. Поэтому [когда] Сянь-цзун находился в укомной резиденции будущего императора, в полномочиях [Урянхатая] было ведать [его] постоянной охраной.

В год [гуй]-сы^{XIII} [Урянхатай] руководил войсками, следовавшими за Дин-цзуном в поход на государство чжурчжэней¹¹², сокрушил Ваньну^{XIV} в Ляодуне. [Урянхатай] участвовал

^I С 22 января 1243 г. по 9 февраля 1244 г.

^{II} С 10 февраля 1244 г. по 29 января 1245 г.

^{III} С 19 января 1246 г. по 6 февраля 1247 г.

^{IV} Гуюк, сын Угэдэя.

^V В тексте букв. «собрание династии».

^{VI} С 28 января 1248 г. по 15 января 1249 г.

^{VII} «Верно и старательно отдававший все силы в помощи царствующим императорам заслуженный сановник».

^{VIII} Высший ранг сановника — буквально означает «равен саньсы», где «саньсы» или три гуна, означают трех высших министров императора — сыма, сыку и сыту.

^{IX} Высшее почетное звание для сановника, буквально — «высшая опора государства».

^X Т. е. «Твердый в верности».

^{XI} 兀良哈台 У-лян-хэ-тай, Урянхатай или Урянхадай — РД.

^{XII} Императорское имя Мэнгу при Юань

^{XIII} С 11 февраля 1233 г. по 30 января 1234 г.

^{XIV} Пусянь Ваньну, государь эфемерной империи Дун Ся в Ляодуне, см. ЮШ цзюань 1, запись о годе и-хай, ноябрь 1215 г.

со вспомогательным [войском] вместе с чжуваном Бату в походе на все племена кыпчаков, русских, алан¹¹³ и болгар¹.

[В год] бин-у^{II}, [Урянхатай] снова участвовал с Бату в карательном походе на племена поляков^{III} и немцев^{IV} и усмирил их.

[В год] цзи-ю^V Дин-цзун почил. Бату вместе с членами императорского рода и высшими сановниками держали совет о возведении на престол Сянь-цзуна, дело длилось долго и не решалось. В четвертой луне^{VI} был большой сбор^{VII} всех ванов, [вдовствующая] императрица Дин-цзуна^{VIII} спросила о том, кто должен воцариться, все растерялись, смутились и не решались ответить. Урянхатай возразил, сказав так: «Это совещание уже определило раньше! Не можем снова переменить». Бату сказал так: «Урянхатай говорит правильно!» Совещание поэтому определилось [на счет Мэнгу].

[Когда] на будущий год Сянь-цзун взошел на престол и Ши-цзун^{IX}, как младший брат императора, сосредоточил войска для карательного похода на все государства юго-западных варваров у-мань, бай-мань^X и гуй-мань, Урянхатай ведал военными делами. Эти гуй-мань — как раз государство Читугэ.

Осенью [года] гуй-чоу^{XI} большая армия вышла с хребта Даньдан и вступила в пределы Юньнани. Главари двух племен мосе^{XII} Сохотоинь и Талима вышли навстречу и покорились, поэтому [армия] дошла до реки Цзиньшацзян^{XIII}. Урянхатай отдельными отрядами войск вошел в Чаханьчжан, заблокиро-

¹ 李烈兒 бо-ле-эр, болгары, арабское «болар», см. ал-Гарнати.

^{II} С 19 января 1246 г. по 6 февраля 1247 г.

^{III} 李烈兒乃 бо-ле-эр-най, у РД поляки «булар», что сходно с «болар» — «болгары», а то, что это именно поляки, ясно из их соседства с упоминанием «немисы», т. е. немцев.

^{IV} 捏迷思 не-ми-сы, немцы, так данный этноним ЮШ расписывают китайские историки, см. [209, с. 40].

^V С 16 января 1249 г. по 2 февраля 1250 г.

^{VI} 14 мая — 12 июня 1249 г.

^{VII} Курултай.

^{VIII} Жена Гуюка.

^{IX} Хубилай.

^X «Белые мань».

^{XI} Август — начало ноября 1253 г.

^{XII} Народность в пров. Юньнань

^{XIII} Среднее течение р. Янцзы в провинциях Сычуань и Юньнань.

вал бай-мань в одном месте, установив частоколы, а другой частью [войска] напал и принудил их капитулировать. Один Атала находился в укреплении^I Банькунхэ, которое [с одной стороны] опиралось на горы, а [с другой] — прикрывалось рекой, [он] был в [таком] надежном месте, что невозможно [было его] схватить. [Урянхатай] послал людей наблюдать за ним, сказав [им], чтобы заранее прерывали его пути к источникам [воды]. Урянхатай повел отборные войска, установил камнеметную артиллерию и атаковал его [Атала]. Атала отправил людей дать отпор, а Урянхатай послал своего сына Ачжу^{II} контратаковать их, солдаты за частоколом отступили. Поэтому [Ачжу] вместе со своим младшим братом Ашу оказался в укреплении и захватил его. Продвинувшиеся войска взяли горную заставу Лундаогуань, обеспечив фланги Ши-цзуну, который вошел в столицу государства Дали^{III}.

Осенью [года] цзя-инь^{IV} Урянхатай, опять разделив войска, взял и присоединил [к владениям монголов] столицу Шаньчань. [Урянхатай], повернув, напал на речное укрепление Хэлачжан и вырезал его. Хэлачжан как раз блокировало бай-мань. Передовые части войска [монголов], которые [были в] Лобуфу, когда старший главарь Гао-шэн собрал воинов всех племен и стал сопротивляться и воевать, разгромили его у подножия гор Икэлан, а затем продвинулись к у-мань, к их столице — городу Ячи. Город [был] в границах озера Дяньчи^V, так что три его стороны были окружены водой, и [был] настолько же неудобный, насколько и крепкозащищенный. [Урянхатай] выбрал отборных храбрецов, которые камнеметами ломали его северные ворота, пускали огонь и шли в атаку на [город], но все не [помогало] овладеть [им]. Тогда, под сильный грохот барабанов и гонгов, [храбрецы] выдвигались и делали свое дело, делали и останавливались, в случае, если не удавалось удержаться. Вот

^I Букв. «частокол».

^{II} Аджу — [39, с. 172].

^{III} Государственное образование этнических групп на территории современной Юньнани.

^{IV} Август — начало ноября 1254 г.

^V На территории современной пров. Юньнань.

так 7 дней они караулили момент их [защитников города] усталости и утомления, а ночами гремели 5 барабанов, [пока Урянхатай не] послал своего сына Ачжу скрытно подвести воинов и рывком вспрыгнуть [на стены], ворваться, учинить смятение и разбить их [защитников]. Потому [город] и был сильно разгромлен. Дойдя до болот кунь¹ схватили главу их государства Дуань[-син-чжи] вместе с его атаманом Махэлasi для вручения [императорскому двору]. Что касается остатков народа [кунь], которые прикрывались непроходимыми горами и ущелиями, то [Урянхатаем] было по отдельности приказало бицзянам² Ели, Тобо и Ячжэнь — неожиданно ударить по ним справа, а Хэтайхувэю — ударить по ним слева. Примерно за три дня [они] развернулись и прошли внутрь. К тому времени, как окружение было замкнуто Ачжу, который вел 200 лучших конных лучников, прошло, как договаривались, три дня. Когда все четыре стороны [были окружены] — [они] бросились атаковать. Урянхатай ворвался на позиции врага и вел кровопролитный бой, раз за разом атакуя укрепление Сяньчжай, пока не захватил его. Дойдя до города Ганьдэгэ, Урянхатай заболел и передал ведение боевых действий Ачжу. Город [Ганьдэгэ] был взят в кольцо, была установлена камнеметная артиллерия, травой заваливались крепостные рвы. И, как только все войско там сосредоточилось, Ачжу сразу повел войска, которые поотрядно стали сражаться врукопашную наверху городских стен и потому город был сокрушен.

[В год] и-мао³ [Урянхатай] напал на Бухуахэинь, Ахэаинь и еще один город. Ачжу первым поднимался на стены и взял эти три города. Еще раз напали на горные укрепления [государства] Читугэ, Ачжу пробрался по краю горного хребта и ударил, почему и захватил их. Воспользовавшись победами, [монголы] внезапными нападениями сокрушили город Тацзюнь государства Лу[лу]сы и еще был взят город Хулань. Государство Лулусы сильно испугалось и попросило принять капитуляцию.

¹ Т. е. «куньминь» — «куньминские иноплеменники», племена в Сычуани и Юньнани.

² «Бицзян» — помощник или второстепенный полководец.

³ С 9 февраля 1255 г. по 28 февраля 1256 г.

Государство Або имело войско в 40 000 [человек] и не сдавалось. Ачжу напал на него, занял его города¹¹⁴ и побудил [это] государство просить принять [его] капитуляцию. Снова атаковали укрепления [города] Алу в горах, продвинувшись, напали на сам город Алу и овладели им. Тогда розыскали и схватили непокорных. Встретившись с войском [государства] Читугэ у гор Хэдатай, преследовали вплоть до самых обрывов [гор] и полностью перебили его. С выступления [в поход] до этого [момента] прошло полных два года, было усмирено 4 округа, 8 областей и 5 городов [государства] Дали, умиротворено 37 племен черных, белых и прочих [варваров] мань. Могущество войска настолько увеличилось, что не было таких, которые бы добровольно не покорялись.

[В год] бин-чэнь^I [Урянхатай] отправился в поход на государства бай-мань и Боли. Ачжу взял живьем их сильного полководца, [как] трофей [его] доставили к императорскому двору. Было распоряжение [Урянхатаю] обеспечить соответствующим образом занятые дороги^{II} для соединения с войсками Тегадара^{III}. Поэтому [он] выступил [в поход] на у-мань, быстро достигнув реки Луцзян, сравнял с землей три города тула-мань, отразил тридцатитысячную армию сунского генерала Чжан Ду-туна, отобрал у него 200 джонок на реке Маху, а убитых и пленных невозможно было пересчитать. Затем были проведены дороги к Цзядину и Чунцину^{IV} и [Урянхатай], достигнув Хэчжоу и переправившись через реку Шуцзян^V, соединился с Тегадаром.

[В год] дин-сы^{VI}, ввиду умиротворения Юньнани, [Урянхатай] был послан к императорскому двору преподнести военную добычу, [там он] подал совет следовать порядкам Хань^{VII} и сделать из всех [земель] юго-западных варваров округа и уезды,

^I С 29.01.1256 г. по 16.01.1257 г.

^{II} Т. е. обеспечить коммуникации для армии.

^{III} 鐵哥帶兒 Те-гэ-дай-эр.

^{IV} Т. е. к центру провинции Сычуань.

^V Река в Сычуани.

^{VI} С 17.01.1257 г. по 4.02.1258 г.

^{VII} Династия Хань, 206 г. до н. э. — 220 г. н. э., период максимального могущества Китая.

чему и последовал [император]. Было пожаловано его войскам 5000 лян серебра, 24 000 кусков разноцветных шелков. [Урянхатай] получил серебряную печать вместе со [званием] даю-аньшуай^I. [Урянхатай] вернулся, чтобы привести к покорности [государство] Дали, и потому прошел через горы Люпаньшань^{II} к области Линьтао и занялся управлением с еще большим рвением. Через месяц с лишним опять пошли карательным походом на у-мань.

Осенью, в девятой луне^{III}, были отправлены послы в [государство] Цзяочжи^{IV} с указом покориться, но [послы] не вернулись. В десятой луне^V войска угрожающе придвинулись к [его] границам. Глава этого государства Чан Тхай Тонг, будучи на другой стороне реки^{VI}, выстроил в огромном множестве слонов, конницу и пеших воинов. Урянхатай, разделив армию на три отряда, переправил [ее] через реку: Чэчэду следовал по нижнему течению реки и переправлялся первым, главнокомандующий был в центре, фума^{VII} Хуайду с Ачжу находились сзади. Перед этим [Урянхатай] дал Чэчэду [указания] по стратегии, сказав так: «Твое войско, как только переправится, не должно ввязываться в бой с [противником], он обязательно постарается пойти навстречу мне, фума же вслед за этим поразит его сзади, а ты выждешь удобный момент и отберешь их суда. Когда мань будут разгромлены и будут разбегаться, они не должны у реки найти корабли, и будут обязательно мной схвачены!» Вскоре полководцы подняли на высокий берег и сразу повели в бой войска, а Чэчэду нарушил приказ — поэтому хотя мань и потерпели сильное поражение, но получили возможность, погрузившись на корабли, спастись и уйти. Урянхатай рассердился и сказал так: «Авангард нарушил

^I Соответствует европейским: верховный полководец, главный фельдмаршал — генералиссимус.

^{II} Горный хребет в Нинся-Хуэйском автономном районе.

^{III} 9 октября — 7 ноября 1257 г.

^{IV} Историческое китайское название Тонкина и Кохинхины, современные северные Вьетнам и Лаос.

^V 8 ноября — 7 декабря 1257 г.

^{VI} Река Сам, севернее Ханоя.

^{VII} Зять императора, по монгольски «гурган».

мой приказ только переправляться, войска его заслуживают наказания по военным законам!» Чэчэду испугался, выпил яд и умер. Урянхатай вошел в Цзяочжи, для длительной стоянки и приведения в порядок [армии], войска [он] держал в строгости, но справедливо, так что ни волоса ни с кого не упало. По прошествии семи месяцев [Чан] Тхай Тонг попросился стать вассалом, по такому случаю было поставлено войску вино и большое угощение. [Урянхатай] вернул армию в город Сячи.

[В год] у-у¹ [Урянхатай] повел войска к границам Сун, в ее землях с жарой и ядовитыми испарениями, воины армии [монголов] все заболели, и когда встретились с врагом, едва могли сопротивляться и войско потеряло каждого четвертого человека. Ачжу контратаковал [противника], [но] из его воинов был захвачен каждый двенадцатый человек. И когда его помощь наконец добралась до [Урянхатай], то Ачжу [смог только] тридцатью всадниками, а вспомогательный [отряд] Амату пятидесятью всадниками, ударить и обратить [противника] в бегство. В то время Урянхатай уже заболел и приказал войскам поворачивать обратно. Ачжу, у которого ночью тула-мань украли 50 боевых коней, прибыл с докладом, сказав так: «Моих коней всех до единого угнали разбойники, что прикажешь делать?» Сразу же разделили войска, чтобы искать и разузнавать. Выяснили, что имеется три частокола с загонами для лошадей на самой вершине гор. Ачжу лично повел воинов, [они] вскарабкивались на скалы и выше, разбили эти частоколы, схватили живьем разбойничьего атамана, заполучили там всего около 1700 разбойничьих лошадей и тогда вырезали город Ячи.

Сяньцзун прислал гонцов с высочайшим указом, на будущий год, в первой луне^{II}, собрать войска в Чанша. Тогда [Урянхатай] повел четырех ванов с 3000 конных воинов и 10 000 человек [ополчения] из бо^{III} и мань, сокрушил укрепление Хэншаньчжай^{IV}, открыл проход заставы Лаоцан и пошел рейдом во внутренние земли Сун. Суны расположили шестидесятиты-

^I С 5 февраля 1258 г. по 24 января 1259 г.

^{II} 25 января — 23 февраля 1259 г.

^{III} Народность в пров. Юньнань, Сычуань и Гуйчжоу.

^{IV} Около 40 км к востоку от совр. уезда Юнпин на юге провинции Гуанси.

сячное войско в выжидательной позиции. [Урянхатай] послал Ачжу с четырьмя ванами скрытно [пройти] по не приметным дорогам и рассеять их главные силы. [Ачжу] нанес им сокрушительное поражение, толпы их были полностью перебиты. Воспользовавшись [его] победой, [Урянхатай] атаковал и гнал побежденных, раздавил и вытоптал города Гуйчжоу и Сянчжоу, вошел в область Цзинцзянфу, а также сокрушил два округа — Чэньчжоу^I и Юаньчжоу^{II} и напрямую вышел под город Таньчжоу^{III}. Таньчжоу вывел войско в 20 000 [человек], которое отрезало нашим обратную дорогу. Урянхатай послал вперед войска Ачжу и Дана с Улун-Тэмуром^{III}, а сам, с войсками четырех ванов, был сзади, [они] зажали [войско Таньчжоу] в клещи и внезапным ударом разгромили его. Войска с момента вторжения во вражеские пределы проделали с боями 1000 ли, ни разу не потерпев поражения. Было 13 больших и малых сражений, убито 400 с лишним тысяч солдат Сун, захвачено его военачальников, больших и малых, — три человека. Этот город [Таньчжоу] опять послал войско атаковать, но его загнали ко рвам с водой у ворот, прижали и утопили [в них] почти всех, так что более не смели делать вылазки. Под стенами города стояли более месяца. В это время Ши-цзун как раз переправился через [Янцзы]цзян и встал у Эчжоу^{IV}. [Он] послал Ели-Мэнгу во главе войска в 2000 человек, чтобы как прийти на помощь [Урянхатаю], так и чтобы добавить усердия [в осаде] и разузнать [положение дел]. Вскоре после, [Хубилай] от берегов Эчжоу [пошел] на север, а [Урянхатай], переправившись у Хуанчжоу^V, соединился с главной армией.

[В год] гэн-шэнь^{VI} Ши-цзун взошел на престол. Летом, в четвертой луне^{VII}, Урянхатай прибыл в столицу. Через 12 лет [он] умер, было [ему] лет — 72. [Его] сын Ачжу имеет свое жизнеописание.

^I Округа в современной провинции Хунань.

^{II} Совр. г. Чанша.

^{III} 王能帖兒 Юй-лун-те-му-эр, Улун-Тэмур.

^{IV} Совр. г. Учан.

^V Город между Учаном и Хуанганом в пров. Хубэй.

^{VI} С 13 февраля 1260 г. по 31 января 1261 г.

^{VII} 12 мая — 10 июня.

Из 2-й биографии Субэтай в 122-й цзюани ЮШ:

«В 18-м году [правления Чингисхана]^I [Субэтай] отправился в карательный поход усмирить кыпчаков. [Он] имел кровопролитнейшее^{II} сражение с русскими, со старшим и младшим Мисгиславами, и покорил их. [Субэтай] подал доклад трону, чтобы «тысячи» из обоков меркитов, найманов, киреев, канглов и кыпчаков сошлись в единую армию^{III} ...

В самом начале, когда Тай-цзу был в походе на Си Ся, он обеспокоился его [Субэтай] долгим нахождением в рядах войска и высочайше повелел вернуться и посетить аудиенцию^{IV}. Субэтай ответил так: «Господин поощряет недостойного слугу, чью старательность не надо содержать в праздности». Император одобрил [это] и прислушался к его [словам]. Цзиньский полководец Хэда был опять пленен^V, но пока [его] еще не предали казни, [он] спросил, где находится Субэтай, и просил разрешить задать тому один вопрос. Субэтай вышел [к нему] и сказал так: «Тебе осталось жить мгновение^V, чего хочешь от меня узнать?» [Тот] ответил так: «Подданный^{VI} тоже отдал все служению своему господину, но Вы отвагой превосходите всех полководцев. Небо породило героя, с которым я нечаянно встретился! Я увидел Вас и могу с легкой душой смежить веки!»

^I 1223 г.

^{II} В тексте 屠 «ао», букв. «резня, побоище».

^{III} Тут почти текстуальное совпадение с цз. 121, кроме того, что в цз. 121 сказано о согласии Чингисхана с докладом.

^{IV} В цзюани 2 сообщается, что в марте 1232 г. при взятии Цзюньчжоу Ваньянь Хэда попал в плен.

^V 汝須臾人耳 — букв. «ты уже человек мгновения».

^{VI} Ваньянь Хэда говорит в возвышенном стиле, причем униженно о себе.

Цзюань 120

Седьмое повествование о знаменитых

Чаган

Чаган¹, первоначальное имя — Идэ, из рода Тан-у-у-ми^{II}. Отец — Цзюйе Целюй, был сановником в Ся^{III}. Его наложница как раз и была беременной Чаганом, [когда он] не соглашался [брать] ее в главные жены и определил к управлению стадами овец в отдаленных местах. Чаган постепенно вырос, его мать поведала [ему] об этом и сказала еще так: «У главной жены есть еще и твой младший брат!» Чаган воинственностью и отвагой превосходил других. В детстве, пася стада овец в поле, [он] втыкал палку в землю, снимал шапку и вешал на конец палки, преклонял колени, кланялся [ей], пел и танцевал. Тай-цзу, выйдя поохотиться, увидал [это] и спросил [причину]. Чаган отвечал так: «Когда нахожусь в одиночестве, то шапка меня старше и [я] почитаю [ее], когда нахожусь вдвоем, то почитаю того, кто старше летами. Сейчас был в одиночестве, потому адресовал [свое] поклонение шапке. Ведь [я] слышал, что в большие сановники выходят те, кто заранее практиковался в церемониале, так вот!» Император подивился ему, и тогда, взяв [Чагана] с собой, вернулся к себе. [Чингисхан] сказал императрице Гуансянь^{IV} так: «Сегодня, выйдя на охоту, обрел замечательного ребенка, как отрадно позаботиться о нем». [Чингисхан] приказал дать [ему] занятие внутри императорского двора. По достижении возраста, [Чингисхан] даровал [ему] монгольскую фамилию и женил на придворной девушке из рода хунгират. Как-то, устав, [Чаган] снял сапоги, постелил травы и лег спать. Крики совы рядом с ним потревожили его и [он] кинул сапог, метя в нее.

¹ 察罕 Ча-хань, Чаган.

^{II} Видимо, надо читать — «тангутский род Уми».

^{III} Си Ся, т. е. в Тангуте.

^{IV} Старшая жена Чингисхана Борте-уджин.

Оказалось, что из сапога выпала белая змея. Когда [он] вернулся, об этом деле стало известно. Император сказал так: «Эта птица является добрым духом, который указывает на тех людей, что замышляют зло против тебя. Следует быть твоим детям и внукам осторожными и не убивать [птицу] ее породы».

[Чаган] следовал за тайными замыслами императора и искусно осуществлял их. Цзиньский полководец Дин Би¹¹⁶ поддерживал оборону перевала Ехулин крупными силами войск, император послал Чагана разведать ситуацию. [Тот] вернулся и доложил, что его конница достаточно легко продвигается и [там] не слишком опасно. Император барабанами приказал двинуться вперед и затем сокрушил их [цзиньцев] войска. Байлоу был в осаде семь дней и был захвачен, за заслуги [Чаган] был назначен главой тысячи, [что находится] перед императорским шатром. [Он] был вместе с императором в походе на два города в Западном крае — Бухару¹ и Самарканд¹¹. Владелец мусульманских стран Джелал ад-Дин упорно защищал Темэньгуань¹¹⁷ и войска не могли пройти. Чаган раньше всех прорвался и открыл путь, обезглавил их [противника] полководца и взял в плен всех оставшихся. [Чаган] также был вместе с [Чингисханом] в нападении на Си Ся и сокрушил там Сучжоу. [Он] повел войска к следующему [городу] — Ганьчжоу, в нем был наместником Цзюйе Целюй, отец Чагана. Чаган выстрелом из лука послал ему записку, в которой приглашал его к себе и выражал стремление увидеться со своим младшим братом, а брату тогда было 13 лет. [Чаган] сказал, чтобы тот поднялся на стену, на высокое место, чтобы его можно было видеть. [Чаган] отправил посланца с императорским приказом, чтобы город сдался утром. Помощник его [отца] Ачжо с еще 36 людьми составил заговор, [они] убили Цзюйе Целюй — и отца, и сына, вместе с ними убили и посланца, совместными силами [они] стали сопротивляться и защищать [город]. [Когда] стены были сокрушены, император хотел всех их закопать живьем, но Ча-

¹ 李哈裡 Бу-ха-ли, Бухара.

¹¹ 薛迷思干 Се-ми-сы-гань, Самарканд.

ґан замолвил слово за простой народ, что он не виновен, оставив вину только за [этими] тридцатью шестью людьми. [Затем] продвинулись к Линчжоу^I, 100 000 людей Ся поспешили ему на выручку, но император лично вступил с ними в бой и нанес им сильное поражение. Следующим окружили Люпань^{II}, а владетель Ся крепко оборонял Чжунсин^{III}. Император направил Чагана войти в город и предложить на выбор — несчастье или благополучие^{IV}. Народ как раз стал совещаться о сдаче, но случилось так, что император почил^V. Полководцы тогда схватили владетеля Ся и убили. К тому же решили вырезать Чжунсин. Чаган изо всех сил увещевал остановить это, прискакал в город и успокоил оставшийся народ.

Как только Тай-цзун^{VI} взошел на престол, [Чаган] вместе с ним задумал [поход] на Хэнань. [Он] с севера окружил циншуйские^{VII} земли Талан-даба и ему были пожалованы 300 коней, жемчужное одеяние, золотой пояс и седло. Царевич Кучу и [Шиги]-Хутуту пошли карательным походом на Сун, Чагану было приказано быть в разведке. Еще [Чаган] участвовал в карательном походе на юг чжувана Куун-Бухи, в год и-вэй^{VIII}, [они] овладели Цзаояном вместе с войсками Гуан Хуа. Вскоре Куун-Бухе приказали явиться и быть при [императоре], а войско целиком передать Чагану.

[В год] дин-ю^{IX} [Чаган] с Куун-Бухой снова выдвинулся и овладел Гуанчжоу.

[В год] у-суй^X [Чаган] получил [звание] главнокомандующего^{XI} командовал всеми отборными войсками в наступлении

^I Он же Линьцзю.

^{II} В районе современного г. Циньлян.

^{III} Столица тангутов.

^{IV} Т. е. сдаться на милость.

^V Т. е. когда умер Чингисхан.

^{VI} Угэдэй.

^{VII} Территория севера Ганьсу и Внутренней Монголии.

^{VIII} С 21 января 1235 г. по 8 февраля 1236 г.

^{IX} С 28 января 1237 г. по 17 января 1238 г.

^X С 18 января 1238 г. по 5 февраля 1239 г.

^{XI} «Мабуцзюнь дуоюаньшуай», т. е. «главнокомандующий над конными и пешими войсками».

и взятии уезда Тяньчжан с округами Чу[чжоу], Шоу[чжоу], Сы[чжоу]¹ и прочими. Когда на престол взошел Дин-цзун^{II}, [Чагану] были пожалованы одна соболья шуба и 10 булатных мечей, и было приказано расширить земли в Цзянхуай^{III}.

Когда на престол взошел Сянь-цзун^{IV}, [он] призвал [Чагана] на аудиенцию и многое пожаловал: 5000 лян золота, украшенное жемчугом платье, две штуки золотистого узорчатого шелка, назначил на [должность] главнокомандующего, одновременно управляющего делами шаншуншэн, даровал для кормления 3000 с лишним дворов в Бяньлян, Гуйдэ, [в уездах] Хэнани — Хуай и Мэн, [в уездах] Цао, Пу^V и Тайюань^{VI} вместе с сенокосными лугами в их окрестностях, кроме того добавил более 14 500 цин^{VII} [земли] с 20 с лишком тысячами дворами. Вскоре [его] опять призвали [ко двору] и пожаловали 450 лян золота, золотистый узорчатый шелк, лук со стрелами и прочие вещи.

[В год] и-мао^{VIII} [Чаган] скончался. Был посмертно пожалован званиями: «Гуй-чжун кай-цзи и-юнь гун-чэнь»^{IX}, его превосходительство «итун саньсы» и «шанчжуго», посмертно возведен в ранг вана Хэнани. [Его] посмертное почетное имя — «У-сюань»^X. [Имел] десять сыновей, старший из них — Мухули^{XI}.

¹ В совр. провинции Аньхуй.

^{II} Гуюк.

^{III} Название провинций Цзянсу и Аньхуй.

^{IV} Мэнгу.

^V 2 уезда в пров. Шаньдуи.

^{VI} В пров. Шаньси.

^{VII} 1 цин — 0,667 га.

^{VIII} С 9 февраля 1255 г. по 28 января 1256 г.

^{IX} «Верно и настойчиво поддерживавший и бывший опорой трону заслуженный сановник».

^X Т. е. «Распространяющий воинственность».

^{XI} 木花裡 Му-хуа-ли, Мухули.

Джафар-ходжа

Джафар-ходжа^I, человек из сай-и^{II}. Сай-и — был старейшиной племен в Западном крае, потом по [нему] стали [называть] род. Ходжа — так называют их чиновников. Джафар^{III}, с огромным телом и прекрасными усами с бородой, имел квадратные зрачки^{IV} и высокий лоб, был отважным молодцом, прекрасно ездил на коне и стрелял. Первоначально [когда он] сделал визит Тай-цзу, бывшему среди войск, [тот] с первого взгляда выделил его. Тогда у Тай-цзу произошел раскол с кэ-рэитским Ван-ханом. Однажды вечером Ван-хан скрытным и скорым маршем привел войско, не дав подготовиться. Войско было многочисленное и [Чингисхан] был разгромлен, Тай-цзу в спешке отвел войска и бежал, всего было тех, кто оттуда выбрался, только 19 человек. Джафар был вместе с ними. [Когда] дошли до реки Балчжуна, дорожный провиант весь исчерпался, а раздобыть еды очень долго не могли. Случилось так, что на север скакала дикая лошадь, чжуван стрелял из лука в нее и убил. Затем [ее] освеживали и выпотрошили для котла, в который налили воды из реки, при помощи камней развели огонь, сварили и съели ее. Тай-цзу поднял руки, запрокинул голову к небу и поклялся, сказав так: «В случае если я совершу великое дело, то [я] буду со всеми этими людьми вместе — и в сладости, и в горечи. Если нарушу эти слова, то стану похожим на воду [этой] реки!» Среди воинов не было таких, которые бы не расчувствовались и не прослезились. Сразу после истребления Ван-хана обстоятельства дел с племенами Западного края тоже были улажены, и тогда [Чингисхан] отправил Джафара послом в Цзинь. Цзиньцы не исполнили надлежащего ритуала и [Джафар] вернулся. Цзиньцы надеялись отсидеться в добро-

^I 札八兒火者 Чжа-ба-эр-хо-чжэ, Джабар-ходжа или Джафар-ходжа.

^{II} Букв. «сай-варвар», т. е. возможно, что имелся в виду «сарт», по [174, с. 346] слово означало в частности купцов Средней Азии, от санскр. «сартаваха» — «предводитель каравана», но скорее всего в данном случае это транскрипция термина «сейид», т. е. буквально «потомок пророка Мухаммеда», ставшего нарицательным для уважаемых людей и для представителей власти — светской или духовной.

^{III} По сведениям Чжао Хуна он был уйгур — [22, с. 64].

^{IV} Признак долголетия.

тных крепостях, с запаянными расплавленным железом воротами застав, Джафар сразу по возвращении доложил [про это]. Тай-цзу после этого двинул войска, но заставы отбивались так, что и один из сотни не мог приблизиться. [Чингисхан] призвал Джафара и спросил о плане [действий], [тот] ответил так: «Если идти отсюда на север, то есть в лесу Хэйшулинь нехоженная дорога, всадники смогут пройти по одному, я сам [там] когда-то часто проходил. Если воины будут придерживать коней и идти тихо и осторожно¹ при выходе [с горы], то к концу вечера можно пройти». Тай-цзу тогда приказал Джафару быть проводником впереди на коне и без лат. К закату солнца вошли в ущелье, а на рассвете все войско было уже на равнинной местности и стремительно мчалось к Нанькоу. Звуки гонгов и барабанов как будто шли со всей Поднебесной. А цзиньцы по-прежнему спали и не ведали! Поднявшись по тревоге в последний момент, [цзиньцы] уже не могли сопротивляться, мечи и стрелы настигали [их], кровью были залиты поля. Как только застава была сокрушена, Средняя столица^{II} весьма задрожала от страха. После этого цзиньские люди^{III} пересехали в Бянь^{IV}. Тай-цзу осмотрел обстановку окрестностей Средней столицы и обратился к оружавшим его ближним сановникам, сказав так: «В том, что мы дошли досюда, есть огромная заслуга Джафара». И еще сказал Джафару так: «Ты натяни лук, выстрели из него, а где потом упадет стрела — все тебе дарю [там] в собственные земли». Император вернулся на север, оставив Джафара со всеми полководцами охранять Среднюю столицу. [Джафару] была дана [должность] главного¹¹⁸ даругачи Поднебесной [на территории] к северу от Хуанхэ и к югу от Темэнь. [Ему] были пожалованы на будущую старость 100 дворов вместе с дворцом четырех ванов^V в качестве местопребывания.

¹ Букв. «держа палочки в зубах» — идиома о беззвучном и осторожном движении воинов.

^{II} Современный Пекин.

^{III} Имеется в виду цзиньский императорский двор.

^{IV} Кайфын.

^V Так называемые «4 кулюка», самые приближенные к Чингисхану — Боорчу, Борохул, Мухали и Чилаун.

Джафар много раз сражался, будучи облачен в тяжелый доспех и фехтуя боевой секирой¹, [он] врывается в строй [противника] и пробивал его как будто легая. Много раз [он] использовал верблюдов для сражений, чего никто больше не мог делать. Был тогда некий «бхикшу»-монах^{II}, настоящий праведник, который относился к людям «дао»-пути и, соответственно, жил среди гор Куньлуня. Тай-цзу услышал про его славу и приказал Джафару отправиться проведать его. Бхикшу сказал Джафару так: «Я распознал гуна^{III} в [Джафаре]». Джафар ответил так: «Я тоже увидел настоящего праведника». На другой день сидели друг напротив друга и [бхикшу] спросил Джафара, сказав так: «Желает ли гун сам лично достичь пределов знатности и благородства? Или желает, чтобы [число его] детей и внуков бурно преумножилось?» Джафар сказал так: «По прошествии 100 лет зачем богатства и знатность? С детьми и внуками [моими] все в порядке, [их] достаточно, чтобы собирать жертвоприношения предкам!» Бхикшу ответил так: «Судьба [твоя] ясна!» И действительно, свершилось как пожелалось, [Джафар] умер в 118 лет. [Он] был посмертно пожалован званием: «Гуй-чжун сюань-ли цзо-мин гун-чэнь»^{IV}, тайфу и его превосходительства «итун саньсы» и «шанчжуго», посмертно возведен в ранг гуна Лянго. [Его] посмертное почетное имя — «У-дин»^V. [Имел] двух сыновей: Али-хана и Минлича.

Хэсымайли-Исмаил

Исмаил^{VI}, человек из гузов^{VII} Западного края. Вначале был приближенным слугой у гур-хана Западного Ляо. Потом был

¹ «Шо» — длинная боевая секира.

^{II} В тексте просто «цю», пропущен знак «би» в слове «бицю» — санскритское «бхикшу», т. е. «монах». Судя по дальнейшему описанию, это был Чан Чунь.

^{III} Т. е. «великого человека», а также 1-й ранг знатности после вана.

^{IV} «Верно и настойчиво отдававший все силы в помощь царствующим императорам заслуженный сановник».

^V Т. е. «Твердый в воинственности».

^{VI} 曷思麥裡 Хэ-сы-май-ли, Исмаил.

^{VII} 谷則韓兒朵 гу-цзэ-во-эр-до, т. е. «орда гузов», по мнению П. Пельо и В. В. Бартольда — это Семиречье, принадлежавшее тогуз-огузам.

правителем Касана^I и Басыха^{II}, которые принадлежали гузской орде^{III}. [Когда] Тай-цзу был в походе на запад, Исмаил командовал начальниками^{IV} городов Касан и прочими, [он] вышел навстречу и сдался [монголам]. Главный полководец Чжэбэ^V запросил о нем императора, [тот] приказал Исмаилу быть в авангарде у Чжэбэ. [Исмаил] атаковал найманов, покорил их и обезглавил их господина Кучулук[-хана]. Чжэбэ приказал Исмаилу взять голову Кучулука и обойти с нею все его земли. И тогда в городах Кашгар^{IV}, Яркенд^V и Хотан^{VI} все те, кто держали нос по ветру^{VII}, покорились и присоединились [к монголам]. К этому надо добавить, что [когда] Исмаил последовал [за Чингисханом] в поход на город Нишапур^{VIII}, [то он] уговорил его сдаться. Император лично отправился в поход на Самарканд и с его владетелем Джелал ад-Дином сразился в местности Урунгечи^{IX} и разбил его. Преследуя его, внезапно напали на Джелал ад-Дина и прочих у города А-ла-хэй^X. Сражались у гор Ту-ма-вэнь^{XI} и опять разбили его. Преследуя, дошли до западных укреплений города Хань-янь^{XII} и снова нанесли им поражение. Джелал ад-Дин сбежал в море^{XIII}. Исмаилу достались его драгоценности и богатства, после чего [он] вернулся. Были взяты города Юй-эр-гу и Дэ-хэнь-лян, вслед за тем пал также город Хань-янь. Император направил гонца поторопить Чжэбэ, чтобы он поспешил с карательным походом на кыпчаков.

^I 可散 Кэ-сань, Касан, в районе Урусшаны и Ферганы.

^{II} Это по мнению Бартольда Ахсикет [62, с. 469], но есть перевод П. Пельо, по которому Исмаил был баскаком Касана.

^{III} Бартольд считает, что тут речь идет о Баласагуне [62, с. 469].

^{IV} 可失哈兒 Кэ-ши-ха-эр, Кашгар.

^V 押兒牽 Я-эр-цянь, Яркенд.

^{VI} 韓端 Во-дуань, скорее всего Хотан — тоже относится к владениям Кушлук-хана и фонетически эта транскрипция вполне возможна.

^{VII} Букв. «ждать ветра», идиома, означающая карьеристов и тщеславных людей.

^{VIII} 你沙不兒 Ни-ша-бу-эр, Нишапур.

^{IX} 月戀揭赤 Юэ-лянь-цзе-чи, Урунгечи, т. е. Ургенч/Гургандж.

^X Видимо, горная крепость Ардахин, в районе г. Рея в трех днях пути от Теера.

^{XI} Возможно, горы Демавенд.

^{XII} Скорее всего Хабушан, старое название Кучана в Хорасане.

^{XIII} В описании смешаны события преследования отца Джелал ад-Дина хорезмшаха Мухаммеда, с которым он был вместе некоторое время.

Было приказано Исмаилу довести указы императора городам Грузии^I, Ширвана^{II} и прочим, которые все покорились. Дошли до племени гурджиев^{III} и племени алан^{IV}, ввиду враждебности и сопротивления [их] войск, сразились со всеми, разбили и покорили. Кроме того, склонили к сдаче город Хэй-линь^V. Напали на русских в горах Те-эр^{VI}, покорили их, захватили главу их государства Мстислава¹²¹. Чжэбэ приказал Исмаилу представить его перед царевичем-наследником Джучи¹²² и [потом] его казнили. Продолжая поход на канглов, дошли до города Бо-цзы-ба-ли^{VII}, сразились с их главой ханом Хотосы. Кроме того, что разбили его войско, продвинулись к кыпчакам и также усмирили их. По возвращении войска Чжэбэ умер. Случилось так, что император самолично отправился в поход на Хэси, Исмаил, держа в руках захваченные драгоценности и многоценный^{VIII} зонт, приветствовал [Чингисхана] на аудиенции в Алсы-булахе^{IX}. Император, оглядев всех саповников, сказал так: «Чжэбэ часто говорил о заслугах Исмаила, и хоть его тело маленькое, зато слава — весьма большая». Закончив [речь], [Чингисхан] одарил его, всеми принесенными драгоценностями, сообразно его [Исмаила] усилиям в победах. Почему и указал [Исмаилу] вместе с Сечавуром^X быть битекчи¹²³. Немного погодя, Исмаил подал доклад, [о том, что] в прошлом он уговорил воинов, стоявших в городе Ибали, присоединиться [к монголам], и следует дать ему указ сопровождать в свите императора в походе на Хэси. [Чингисхан] согласился с ним и

^I 曲兒忒 Цюй-эр-тэ, Грузия, так как сельджуки называли страну грузин аль-Кураж.

^{II} 失兒灣沙 Ши-эр-вань-ша, Ширван, возможно имелся в виду его владетель — ширваншах.

^{III} Гу-эр-чи, т. е. грузины, или гурджи, как их называли тюрки.

^{IV} Асы-аланы.

^V Букв. «Черный лес», видимо, это Карабах, имеющий сходное значение по-тюрки.

^{VI} Букв. «Железные».

^{VII} «Бали» — это транскрипция тюркского слова «балык», т. е. «город», возможно, имелся в виду Булгар-Болгар — транскрипция «бо-цзы» передает «бол-кы/гы».

^{VIII} Букв. «семи драгоценностей», переносно — «очень ценный».

^{IX} 阿剌思不剌思 А-ла-сы-бу-ла-сы, Алсы-булах, «булах» — урочище.

^X 薛徹兀兒 Се-чэ-у-эр, Сечавур — СС.

приказал [ему] постоянно быть в ближнем окружении. Когда дошли до Егригайя^I, то снова покарали и усмирили Шидургу^{II}. Исмаил последовал за Тай-цзу в поход на Бянь^{III}, дошли до Хуаймэн[чжоу]. Было приказано [Исмаилу] ведать делами войсковых станов^{IV}. Император^V из Байпо переправился через Хуанхэ, соединился с войсками Жуй-цзуна^{VI}, атаковал цзиньского полководца Хэда^{VII} и разбил его. [Потом] вернулись на постой при реке Цзиньяляньчуань.

[В год] жэнь-чэнь^{VIII} [Исмаил] получил назначение быть даругачи¹²⁴ Хуаймэнчжоу, носил золотую пайцзу.

[В год] гуй-сы^{IX} цзиньский генерал Цян Юань привел войска и окружил Хуай[мэн]чжоу, Исмаил командовал своими людьми вместе с Серкизом^X, блокировал [цзиньцам] проход к Лахай и прочим [местам], всеми силами сражался и цзиньское войско отступило. Опять послали Пуча Ханьну, [как] цишиле-чжалу^{XI}, объявить императорский указ цзиньскому верховному командующему войсками Фань Чжэню приказать своим подчиненным, как воинам, так и гражданским, [всего] десятку с лишним тысяч человек, прибыть и покориться.

В шестой луне года цзи-хай^{XII} император, ввиду того, что Исмаил, будучи с войском в Западном крае, отдавал все силы и внес большой вклад, приказал старшему сыну [Исмаила] Не-чжи-би-си быть даругачи Хуаймэн[чжоу], другому сыну Ми-ли-цзи-си — быть битекчи, а самому Исмаилу велено

^I 也吉裡海牙 Е-цзи-ли-хай-я, Егригайя, Еригай, Ницзя или Иньчуань — это Чжунсин, столица Си Ся.

^{II} 失的兒威 Ши-дэ-эр-вэй, Шидургу — таугутский князь, Наньпинский ван Сянь.

^{III} Кайфын, последняя столица Цзинь.

^{IV} В тексте «аолу», китайская транскрипция монгольского слова «a'ulug» — «стан».

^V Т. е. Угэдэй, в цз. 2 это событие датировано 17 февраля 1232 г.

^{VI} Т. е. Толуя.

^{VII} Кидань Ваньянь Хэда — «Тунцзянь ганму».

^{VIII} С 24 января 1232 г. по 10 февраля 1233 г.

^{IX} С 11 февраля 1233 г. по 30 января 1234 г.

^X 昔裡吉思 Си-ли-цзи-сы, Серкиз, тюркское имя.

^{XI} «Чжалу» — транскрипция «jalik», т. е. ярык-указ, т. е., видимо, Пуча Ханьну был глашатаем, доводящим до населения указы-ярыки.

^{XII} 3—31 июля 1239 г.

быть яргучи¹²⁵ и вернуться в Западный край. Главкомандующий^I Чаган и наместник провинции Темудар^{II} прислали доклад [с просьбой] оставить его, император дал согласие на эту просьбу.

[В год] гэн-цзы^{III} [Исмаил] был выдвинут в даругачи Хуаймэн[чжоу] и еще 28 крупных городов Хэнани. Там, где в областях и округах учет велся не согласно эдиктам, [он] приказал провести составление реестра их дворов.

В пятой луне [года] и-мао^{IV} [Исмаил] умер.

Цзюань 122

Девятое повествование о знаменитых

Аньмухай

Аньмухай^V, монгол из рода баргутов^{VI}, вместе со [своим] отцом Бохэчу, вдвоем служили Тай-цзу и в боевых походах имели заслуги. Император расспрашивал [его] о способах нападения на крепостные стены, захвата вражеских земель и какое оружие [надо применять] прежде всего, [Аньмухай] отвечал так: «Нападение на крепостные стены проводится прежде всего через [удары] камнями камнеметов, потому что [их] сила велика и действует на дальние расстояния». Император был доволен и тут же приказал [Аньмухаю] сделаться камнеметчиком.

В год цзя-сюй^{VII} тайши гован Мухали шел в поход на юг, император дал ему указание, сказав так: «Аньмухай рассказывал, что стратегия использовать камнеметы для нападения

^I Тайшуай.

^{II} 帖木迭兒 Те-му-да-эр, Темудар — турхаут Угэдэя, см. [16, с. 196].

^{III} С 26 января 1240 г. по 12 января 1241 г.

^{IV} 6 июня — 5 июля 1255 г.

^V 俺木海 Ань-му-хай, Аньмухай.

^{VI} В тексте 八剌忽□氏 — т. е. «ба-ла-ху...», с пропуском иероглифа, соответствует бархун в СС и баргут в РД.

^{VII} 12 февраля 1214 г. — 31 января 1215 г.

на укрепленные города очень хорошая. Ты можешь назначить его на должность и [если] какой-то город нельзя разрушить, то сразу же давай ему золотую пайцзу и посылай в соответствующем направлении в качестве даругачи камнеметчиков». Аньмухай выбрал 500 с лишним человек, которых обучали [камнеметному делу], и впоследствии наводил порядок во всех странах, только лишь опираясь на их силы.

Сразу после того как Тай-цзун вступил на престол, он оставил [Аньмухай] в приближенных сановниках, так что тот занимался обучением воинским искусствам¹²⁶.

В год жэнь-чэнь^I [Аньмухай] участвовал в наступлении на [земли] южнее [Хуан]хэ и имел заслуги.

[В год] жэнь-цзы^{II} Сянь-цзун^{III} специально выдал [Аньмухайю] пайцзу с головой тигра, повысив в главнокомандующие.

В год гуй-чоу^{IV} [Аньмухай] участвовал в походе цзунвана¹²⁷ Хулагу^V на племена, находящиеся западнее [Хуан]хэ — западных варваров ла-ли, тао-ли с гор Доуцзюй и прочих, которые все сдались ему. [Аньмухай] умер, [его] сын Тэмутар^{VI} за заслуги в сражениях получил золотую пайцзу и унаследовал управление камнеметчиков¹²⁸.

^I 24 января 1232 г. — 10 февраля 1233 г.

^{II} 12 января 1252 г. — 30 февраля 1253 г.

^{III} Мэнгу-каан.

^{IV} 31 января 1253 г. — 20 февраля 1254 г.

^V 旭烈兀 Сюй-ле-у Хулагу-хан, брат Мэнгу-каана и Хубилая, см. в ЮШ раздел генеалогических таблиц «Бяо», цзюань 107.

^{VI} 忒木台兒 Те-му-тай-эр, Тэмутар.

Сводный комментарий

Введение

1. «Гован» — изначально китайский титул, в данном случае означающий нечто вроде «вице-короля», т. е. чиновника, замещающего императора в определенном регионе; Чингисхан на время своего похода на Запад оставил Мухали своим наместником в Монголии и Китае.

2. Центральная часть современного Афганистана.

К главе I

1. Подробнее см. [72, с. 70].

2. Известен пример венгров (мадьяр), чья женская лексика, касающаяся ведения домашнего хозяйства, была в основном славянского происхождения.

3. Пояснение исследователя «Мэн-ду бэй лу» Ван Го-вэя: «По монгольскому тексту ЮЧБШ, монголы во всех случаях называют себя манхол, а не говорят «татары». Здесь [монголы] разговаривают с китайцем и поэтому употребляют название, [распространенное] в Китае» [22, с. 53].

4. От слова merit — «заслуга».

К главе II

1. В китайском языке, чтобы написать число «65» — 六十五, надо к знакам 六十 «шестьдесят» дописать знак 五 «пять». Хэ Цю-тао дописал цифру пять, чтобы получить такое число лет Чингисхана от рождения (по китайской системе отсчета, с момента зачатия) до года бин-суй (т. е. в 1226 г.), которое соответствовало бы более раннему упоминанию возраста в 42 года Чингисхана в год гуй-хай (1203 г.). Поэтому те, кто принимает данную конъектуру, и считают, что на следующий год — 1227 г., когда Чингисхан умер, ему было 66 лет по китайскому счету возраста.

2. Дафтар или дефтер — «тетрадь» по-персидски, в данном случае так назывались монгольские реестры с росписью даней и прочих повинностей покоренных территорий и народов, ср. с «Докончанием великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем»: «А оу тебя ми имати выход по старым дефтерем» [9, с. 108].

3. «В год рождения Чингиз-хана этому гур-хану должно было быть тридцать четыре года от роду» [38, с. 79], а родился этот гур-хан в 515 г. х. [там же].

4. Пограничный чиновник-военачальник с правом привлекать на службу местное население в китайской номенклатуре званий/должностей.

5. По ШУЦЧЛ Чжаха-Гамбу еще раньше перешел на сторону Чингисхана и вместе с ним воевал против части кэрэитов, отколовшихся от Ван-хана [28, с. 158]. Возможно, это более вероятное известие, так как и РД сообщает, что результатом этой победы была передача изменивших кэрэитов Ван-хану.

6. Правда, по СС это произошло после избрания гур-ханом Чжамухи, но, видимо, это анахронизм, так как по другим источникам, например по «Шэн-у цинь-чжэн лу» [28, с. 160—161], дело было до данного события.

К главе III

1. Ср. с другой китайской калькой «дуаньшигуань», букв. «решающий дело чиновник», от монгольского слова «дзаргучи», т. е. «судья».

2. Ср. с должностью даруги/даругачи в монгольской империи, в функции которого входил и контроль за исполнением каких-либо дел, и наказание за его нарушение, этимология самого слова вполне характерна — от глагола «дару», т. е. «давить».

3. Наиболее систематическое изложение «Великой Ясы» дал египетский автор XV в. Макризи, который пользовался пересказом положений не дошедшего до нас экземпляра из библиотеки египетского султана.

4. Это также и центральные органы власти, министерства вообще.

5. Государственным секретарем, главой всех ведомств государственной канцелярии.

6. 左丞相 «левый чэнсян», старший из чэнсянов.

7. 右丞相 «правый чэнсян», младший из чэнсянов.

8. «Гургэн» по-монгольски «зять».

9. См. реконструкции Ю. С. Худякова по редким археологическим находкам остатков пластинчатых доспехов кочевников Центральной Азии — [193].

10. Т. е. захваченные люди, которых использовало на тяжелых работах захватившее их войско; термин мусульманской средневековой военной традиции.

11. Знак 經 «цзин» означает буквально «прошел», но он имеет также значение «подвергать чему-либо, испытывать что-либо».

12. Необходимо тут пояснить, что в переводе Н. Ц. Мупкуева дано однозначное толкование знака 洞 «дун», в основном означающего «пещера, грот, дыра, отверстие», в отличие от первоначального варианта перевода, который дал В. П. Васильев. В. П. Васильев переводил его как «подкоп» — именно для тяжелой работы по рытью мог использоваться хашар. Хотя не исключен и вариант «куполов для штурма» или «винеи», так как знак «дун» входит в сочетания знаков, которыми обозначали крытые галереи, через которые штурмующие могли подойти невредимыми под стены крепости. Этот возможный двойной смысл отрывка с «дун» надо иметь в виду в использовании текста «Мэн-да бэй-лу».

13. Букв. «сай-варвар», т. е. возможно, что имелся в виду «сарт», это слово по [174, с. 346] означало в частности купцов Средней Азии, от санскр. «сартаваха» — «предводитель каравана», но скорее всего в данном случае это транскрипция термина «сеид», т. е. «потомок пророка Мухаммеда».

К главе IV

1. В ЮШ есть сведения, что существовал подробный план войны с Цзинь из 10 пунктов, предложенный киданем Елюй Ахаем, но насколько эти пункты, записанные постфактум китайскими историками через полтора века после событий, соответствовали реальному плану войны с Цзинь, пока не ясно.

2. В существующих источниках есть большой разнобой в датировках этого рейда — от осени 1211 г. до весны 1213 г. Видимо, поэтому китайские военные историки в своей «Истории военного дела Китая» вообще предпочли обойти молчанием важнейший факт взятия монголами Восточной столицы Цзинь. Но со стратегической точки зрения этот рейд был очень важен и уместен именно летом 1211 г., и датировка его годом Овцы, т. е. 1211 г., присутствует в самом авторитетном источнике — в «Сокровенном сказании», а также в биографии Уера в ЮШ: «Уер на 5-м году Тай-цзу¹ с Чжэбэ-нойоном овладел Восточной столицей Цзинь» [55; цз. 120, с. 1304], что добавляет достоверности данному известию ЮШ, так как в биографиях ЮШ, основанных на частных документах, сведения обычно более точные, чем в сводных официальных записях из «Бэньцзи». Хотя в СС рейд Чжэбэ и упомянут после сражения за Чабчиял-Цзюйюнгвань, но это, возможно, ошибка, вызванная контаминацией со сведениями о другом, неудачном рейде на Восточную столицу позже, в 1212 г., почему и появляются в РД и ШУЦЧЛ эти нереальные «500 ли» или «50 фарсангов», т. е. 250 км, на которые якобы отходил Чжэбэ, чтобы взять Восточную столицу. При этом надо учитывать, что если бы Чжэбэ отправился к Ляояну от Пекина осенью 1211 г., то он не смог бы пройти незамеченным по территориям внутри Великой китайской стены, а о разорении там округов монголами в указанное время известий не имеется; если же он шел бы к Ляояну северным маршрутом — с возвратом к Долоннору и затем через Жэхэ, то тогда это заняло бы очень много времени и он бы не успел вернуться к последующим событиям.

¹ Имется в виду 5-й год каганства Чингисхана, т. е. 1211 г.

3. Подробности этого сражения есть в жизнеописании Чагана, цз. 120 «Юань ши», см. в Дополнении.

4. Попытка нового взятия Восточной столицы на этот раз монголам не удалась.

5. Например, Чжанцин выступил против монголов, когда было издано «высочайшее повеление Чжанцину объединить 10 территориальных отрядов войск Северной столицы и отправиться в поход на юг. Чжанцин задумал взбунтоваться и был казнен», поэтому «Чжанчжи, младший брат Чжанцина, захватил Цзиньчжоу, самозванно присвоил титул «император Ханьсин» и изменил эру правления» [56; цз. 1, с. 18].

6. Т. е. монгольский, киданьский и китайский, о таком подразделении по национальному признаку монгольских армий в Китае говорится в ШУЦЧЛ и ЮШ.

7. Дата его смерти — 3-я луна года гуй-вэй, т. е. апрель 1223 года, содержится и в «Основных записях», и в биографии Мухали в ЮШ, см. [56; цз. 1, с. 22], [55; цз. 119, с. 1289].

8. Неясно, правда, в составе чьих войск — монголов или половцев, был этот рассказчик Ибн ал-Асира в этих сражениях, скорее всего это был кипчак, сумевший бежать после Калки в Крым и оттуда добраться в Константинополь, переплыв Черное море, по крайней мере на это указывает подробное описание последнего эпизода в хронике Ибн ал-Асира.

9. В тексте — [И]-ла-хэ-сян-гунь [56; цз. 1, с. 23], однако есть и другое чтение — Шилгаксан-хона, по [117, с. 205].

10. Но не более двух туменов, так как в 1243 г. у Бачунойна, сменившего на командовании Чормагана, было около 40 000 человек.

11. У РД все наоборот — это монголы хотели откопать труп и взять его голову, а сунцы этого не хотели и спорили, в конце концов они отдали монголам чью-то руку [39, с. 26].

12. В ЮШ этот эпизод датирован 1235 г. — в биографии Субэдэя, и 1237 г. — в «Основных записях», что представляется ошибкой, каких много в хронологии Великого западного похода в версии авторов ЮШ, слабо информированных о нем, так как достоверные документы, касающиеся его событий,

имелись лишь в западных улусах империи, а в Китае они были недоступны или попадали туда в сильно искаженной передаче.

13. У Татищева даже сказано, что послов рязанцы не отправляли, но это вызвано тем обстоятельством, что Татищев не видел в имевшихся в его распоряжении летописях данных о посольстве рязанцев, вследствие чего написал собственное умозаключение об его отсутствии.

Критический обзор источников и литературы

1. Или в его пересказе, по мнению Ч. Далая [87, с. 11].

2. Так, в ЮШ имеются два различных жизнеописания Субэдэя.

3. Чаган — предполагаемый автор ШУЦЧЛ, его биография есть в 137-й цзюани ЮШ.

Дополнение

Переводы из «Юань ши»

1. В тексте — 蒙古部人 — т. е. буквально «человек монгольского «бу», где 部 «бу» — это монгольско-китайский заменитель монгольского слова обох-обок, а «обок» — это родовой союз нескольких ясун-«костей/поколений», т. е. разновидность «большой семьи» сложной структуры, включавшей не только кровных родственников по прямой мужской линии (линиджи), но и зависимых людей и даже другие роды, см. Рачневского и Б. Я. Владимирцова; во многих переводах 部 считают эквивалентом слова «племя, народ», которые у монголов передавались словами и обох и ирген, причем чем ближе к временам Чингисхана, тем более они смешивались и взаимозаменялись, что видно по употреблению и обох и ирген в тексте «Сокровенного сказания» как взаимозаменяемых слов; однако исходно китайское значение знака не несет в своей семантике этих понятий, оно значит — «часть, подразделение, область», иногда — «подданные», последнее

совпадает с пониманием иргэн как эль/улус, которые в свою очередь имели основой людей-подданных, таким образом сводчики ЮШ, путаясь в точном разграничении монгольских терминов ясун-обок-иргэн-эль/улус, нашли способ их унификации с помощью ближайшего по смыслу и фонетике знака, характерно поэтому очень редкое употребление в тексте 1-й цзюани ЮШ в отношении монгольских реалий XII — начала XIII в. более точных китайских эквивалентов монгольских понятий: 祖 — поколение/ясун, 氏 — род, 民 — народ/иргэн, 國 — государство/улус, однако некоторое количество их в тексте данной цзюани ЮШ указывает на то, что в исходных для создания ЮШ материалах имелись правильные эквиваленты монгольских терминов, которые сводчики ЮШ постарались унифицировать по самому распространенному варианту — т. е. передавая все через «бу» — обок, но не везде последовательно провели эту работу; в настоящем переводе все случаи употребления 部 в тексте ЮШ в составе монгольско-тюркских этнонимов передаются как «обок», которое может выступать в значении и собственно обока и его развития в иргэн или даже эль/улус.

2. 天窗 тянь-чуан, букв. «небесное окно», так китайцы называли верхнее отверстие юрт кочевников.

3. В тексте иероглиф 貲, который тут хотя и используется как «богатство, имущество», но он может означать также «рабы и рабыни», что указывает на содержание состояния кочевника, выраженного в том числе в его зависимых людях — «карачу» или рабах — «богол».

4. По СС их тоже 7, имена перечислены, но нет истории Муналун с чжалаирами, а по РД — у нее 9 сыновей.

5. Букв. — «шест с петлей».

6. В тексте 列營帳, т. е. букв. «расставил в порядке лагерь из шатров», что соответствует описанию куренного способа кочевания у РД: «Значение [термина] „курень“ следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. В ту эпоху тысячу кибиток, располагающихся таким образом, считали за один курень» [38, с. 18].

7. По СС и РД его звали Тэмуджин-Угэ.

8. Данный обычай — называть по самому значительному на тот момент событию — был распространен среди многих народов.

9. По сообщениям РД — это 1167 г., т. е. Чингисхану около 12 лет.

10. В СС — «ключевые воды пропали, бел-камень треснул».

11. РД более подробно поясняет, что это было иносказание — «Я был подобен спящему, ты меня дернул за чуб и разбудил меня! Я сидел [неподвижно], ты извлек [меня] из тягот моих [и] поставил [на ноги]. Я выполню все, что только будет возможным ради взятого [мною] обязательства в отношении вас!» [38, с. 89].

12. В тексте — 祖 — поколение, род, но также и народ, объединение в народ, что вполне соответствует ситуации начала 80-х гг. XII в., когда улус Темучжина не более чем объединения близких родов обока монгол, поэтому переводится в данном случае понятием улус как организованного Темучжином сообщества людей.

13. В СС — «баурчи-багурчи» по-монгольски, т. е. букв. «повар».

14. 乞列思事 «цилесы ши», букв. «занятие цилесы», где монголизм «цилесы» означает — «запрещать чужим стреноживать коней», по СС — Бельгутаи был «актачин», т. е. «конюший».

15. Букв. «держа в руках конское молоко», возможно, пропуск знака 囊 нун, «бурдюк», тогда сходно с описанием СС, где дрались дубинками и бурдюками; но возможно, что знак не пропущен и версия аналогичная РД, по которой дрались только палками.

16. 哈敦 ха-тунь, передача монгольского слова «ханша», жена или мать хана.

17. 丞相 чэн-сян, кит. «первый министр, министр».

18. Есть только 2 знака из его полного имени, т. е. только «Се-чэ», без «бе-цзи».

19. 按答 ань-да, монг. «анда», т. е. побратим.
20. Признание кого-то «отцом» или «дядей» означало формулу признания себя вассалом у данного сюзерена.
21. Это штамп в китайской литературе — он означал просто перенос сражения на утро из-за наступившей темноты, см. для сравнения «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна.
22. В других источниках они названы: Хунь-ба-ли — ШУЦЧЛ, Хулбари — СС, Кул-бури — РД.
23. По РД и ШУЦЧЛ — на татар, меркитов и тайчжиутов.
24. РД и ШУЦЧЛ их перечисляют: тайчиутский Киркан-тайши — РД, Цзи-эр-ха-тай-ши — ШУЦЧЛ; татарские Джакур и Калбакар — РД, Ча-ху-цзинь-те-му-эр — ШУЦЧЛ.
25. Это сражение при Далан-Нэмургэс — РД, СС.
26. Тут совпадение в дате у основных источников: СС и РД, везде указан год, соответствующий 1201 г.
27. В тексте пропуск 2 знаков — Бу[-юй-лу]-хань.
28. В одной рукописи РД «алусан», т. е. возможны пересечения с кит. «А-лань-сай»; монг. «куйтэн», т. е. «холодный» Койтэн в СС, там этот эпизод соединен с курултаем при источнике Алхуй-булах и выборами Чжамухи в гурханы в 1201 г.
29. Имеется в виду Барган-Баатур, см. СС.
30. В тексте 太子 тай-цзы — Чингисхан считался «старшим сыном»/«наследником» Ван-хана, так как признавал его своим «отцом», т. е. сюзереном.
31. Букв. «хуанди», т. е. «императором», каан или каган — это тюркско-монгольский эквивалент.
32. Данный рассказ об Алахуш-дигитхури практически полный пересказ из надгробной надписи, датируемой августом 1305 г., его потомка Ко-ли-цзи-сы, т. е. Korgic=Georges или Георгий, текст сохранился в «Го-чао вэнь-лэй (Образцы сочинений правящей династии)», составленной Су Тянь-цзюэ, см. [128, с. 147].
33. В тексте стоит 國 го, «государство» по-китайски.
34. Горный хребет Хангай к северу от Алтая, Канкай — РД, Канхай-ин Хачир-усун-а, т. е. «на хангайской реке Хачир-усун» — СС параграф 194, «основал лагерь на ханхайской реке Хаджин-усун» — ШУЦЧЛ.

35. 來歸 лай-гуй, т. е. «подчинилось», «признало верховенство над собой».
36. Идикут Барчук, см. его биографию в ЮШ цз. 122.
37. Его биография в цз. 149, Чжао Хун утверждает, что он был женат на вдове одного из сыновей Чингисхана и был крупным сановником у него.
38. В ШУЦЧЛ — чжаотао, т. е. «уполномоченный по усмирению» Цзю-цзинь, про чжаотао есть и в биографии Шимо Минганя в цз. 150, есть также искаженная контаминация в РД — «Гю-гин джаутау и Он-ну Кан-гюн».
39. Совпадает с ШУЦЧЛ, по РД пропущены все города этого списка после Баочжоу кроме Чжэньдинчжоу и Вэйчжоу; даны еще только 3 последних, причем как одно название — Хуи-Минг-джиу, причем «хуи» может относиться как к Хуйчжоу так и к Хуайчжоу.
40. Согласно СС (параграф 253) — это был не он, а Толунчерби.
41. 公主 гун-чжу, титул принцесс крови в Китае.
42. Тут — чэнсян, канцлер, министр чжуншунэна.
43. В тексте 主帥 чжу-шуай, его имя — Суунь, сообщает ШУЦЧЛ.
44. По-китайски — «бинма дуоаньшуай».
45. В тексте — 符 фу, «верительная бирка».
46. Его другое имя — Хивэсэ.
47. Он перешел на сторону монголов, так как во 2-й цзюани он перечислен в составе налоговых инспекторов в лу Пинчжоу в 1230 г.
48. Букв. «князь государства», титул 1-го ранга, «великий князь», см. также примечание 1 в комментарии к «Введению».
49. Дублирование сообщений о нападении и взятии Бухары и Самарканда, о которых было сообщено в предыдущей годовой записи. Очевидно, тут сводчики ЮШ некритически отнеслись к использованию данных из других источников, при этом они не сверили названия одних и тех же городов, записанных разными знаками.

50. Здесь переставлена последовательность событий — в Северную Индию Чингисхан с Толуем пошли после взятия Таликана в 1221 г., возможно смешение событий с рейдом Бала-нойона и Дурбай-нойона в Пенджаб в 1222 г.

51. Вариант — «не подчиниться».

52. Букв. — «стерег его».

53. В тексте — зверь «цзюэдуань» 角端.

54. В тексте — [И]-ла-хэ-сян-гунь, однако есть и другое чтение — Шилгаксан-хона, по [117, с. 205]

55. Земли тюркских племен шато, на северо-западе Китая.

56. Букв. «Пять планет».

57. В тексте этой цзюани везде стоит 魄 «чоу» вместо циклического знака 丑 «чоу».

58. Вариант — «ссыпные пункты, амбары».

59. 驛傳 букв. «передавать конными подставами», просто «ям» — это в китайском 站 «чжань» или «чжам», у монголов — «джам», а у тюрков — «йам». Установление Угэдэем всех этих постановлений и законов [39, с. 36] относит к принятым на курултае на год Барана, т. е. 1235 г., видимо, законодательство принималось постепенно — под 1234 г. ЮШ ниже сообщает о введении военных законов.

60. В тексте 酒課, «акцизы на вино», но поскольку 課 «кэ» название монопольных налогов при Юань вообще, то в переводе используется общее понятие монополии.

61. По Рашид ад-Дину — послали Чаган-Буку.

62. Букв. «99 источников», по ШУЦЧЛ в это лето Угэдэй спасся от жары в Гуншань, как пишет архимандрит Палладий, это местность «на севере от укрепления Цзюйюн» [28, с. 197]

63. Это также и центральные органы власти, министерства вообще.

64. 左丞相 «левый чэнсян».

65. 右丞相 «правый чэнсян».

66. У РД название неполное — «в китайской области в местности Алтан...» [39, с. 24]

67. 參政 «цаньчжэн» — помощник и советник первого министра.

68. 宣差 сюань-чай, имел в том числе функции даругачи — см. [128, с. 107], на Руси они назывались «сеунчи».
69. 括 гуа, букв. «реквизиция, наложение повинностей», в монгольской практике это соответствует термину «брать число» русских летописей, или «расписать в реестре-дефтере» по выражению из «Сокровенного сказания», т. о. это понятие можно передать как «перепись».
70. См. прим. 11 Комментария к главе IV.
71. Т. е. князя Чингизиды.
72. Вариант — «приплода».
73. В тексте стоит 斷事官 «дуаньшигуань», букв. «разбирающий дела чиновник», китайская калька с монгольского слова джаргучи/яргучи, букв. «судья».
74. 太尉 «тайвэй», может означать и губернатора столицы.
75. 都總帥 дуцзуншуай, ср. с 都總官 дуцзунгуань, «главноначальствующий в округе».
76. 宴 янь, «пир, торжественный банкет», передает «той» у монголов, т. е. «праздник и пиршество».
77. 編修所 бяньсюсо, это учреждение не имелось в номенклатурах китайских канцелярий других династий, по предположению Н. Ц. Мункуева в нём «собирались и хранились архивы и исторические труды» [126, с. 112].
78. 經籍所 цзинцзисо, букв. «бюро канонической литературы», по предположению Н. Ц. Мункуева оно «представляло собой только хранилище произведений китайской литературы, которые в условиях военного времени гибли во множестве» [126, с. 112].
79. 科差 кэ-чай, общее название для двух налогов: «сыляо», т. е. «налог шелком», и «бао-инь», «налог серебром».
80. 古與 Гу-юй, разночтение с обычным 貴山 Гуй-ю.
81. Младший брат Чингисхана.
82. Или болотах — в тексте стоит 澤 цзэ, «болото, озеро».
83. 稅糧 шуй-лян, букв. «налог зерном», означал взимание поземельных податей деньгами и зерном/продовольствием.
84. В тексте 班師 сокращение от 班師振旅 «отзывать войска для отдыха и пополнения».

85. 回鹘 хуй-ху, уйгуры. Но может означать и мусульман вообще.
86. Хань — 3-я категория из 4-х, на которых было разделено монголами население империи Юань, к ним относились северокитайцы, ниже их были только наньжэнь, население Китая южнее Янцзы.
87. Согласно цз. 1, там похоронен и Чингисхан.
88. Возвышенный синоним Китая, букв. «Цветущее Ся», Ся — древнее название Китая.
89. 治平 термин официоза, означающий удачное правление императора.
90. Четыре звезды в 4-м созвездии Скорпион.
91. У РД он назван Илджидай или Элджидай.
92. 諸王百官 букв. «все ваны и чиновничество», поэтому переведено через монгольские эквиваленты.
93. 拔都魯 бадулу, транскрипция монг. «баатур», т. е. воин, богатырь.
94. Обеспечение гонцов перекладными лошадьми, питанием и прочим, ямская служба вообще — все это не финансировалось из госказны, а было вменено в обязанности местного населения, поэтому оно несло большие затраты на обслуживание потока проезжающих монгольских гонцов и прочих представителей власти.
95. 法度 фа-ду, это также обозначает систему законов и административного аппарата как единого целого.
96. 漢言有謀略人 — «человек, составляющий планы и стратегии».
97. В тексте 滅里吉 «ме-ли-цзи», что отличается от цз. 1, где 蔑里乞 «ме-ли-ци».
98. Чан-мурэн — РД, Чань или Чам, но иной знак в ШУЦЧЛ.
99. В тексте 只別 Чжи-бе, отличается от 哲別 Чжэ-бе в 1-й цзюани.
100. По РД они шли отдельно — первым в авангарде с одним туменом Чжэбэ, за ним, со вторым туменом — Субэ-тай.

101. Смешение с событиями 1220/1221 г., с обстоятельствами смерти хорезмшаха Мухаммеда.

102. Отсутствует упоминание Чжэбэ, который вел второй тумен.

103. Монголам не дали пройти через Дербент, они были вынуждены пройти через Ширванское ущелье на Северный Кавказ, см. [5, с. 23].

104. Ниже рассказывается как Чингисхан отплатил им за предательство своего господина.

105. Ваньянь Хэда, согласно «Тунцзянь ганму».

106. Титул близкого родственника императора, эквивалентен «великому князю».

107. 寬田吉思 Куань-тянь-цзи-сы, разночтение с приведенным выше — Куань-дин-цзи-сы.

108. 禿里思哥 Ту-ли-сы-гэ, это или Торжок, что подходит под китайскую транскрипцию, но не совпадает по времени и по фактологии, так как Торжок был взят в 1238 г.; или это искаженное/замененное именем другого города из событий 1241 г. название Козельска, у которого монголы простояли два месяца в 1238 г.

109. Монгольское хавсігүр — т. е. «подвластный, находящийся под феодальным протекторатом», в причастной форме — хавсі.

110. Видимо, имеются в виду т. н. «Русские ворота» или Верецкий перевал, см. [139, с. 218].

111. 怯憐 це-лянь, т. е. транскрипция слова «кэрэл» или «кираль», «король» по-венгерски, в ЮШ оно принимается за имя.

112. В тексте «Нюйчжэньго», т. к. чжурчжэней по-китайски называли «нюйчжэнь», т. о. имеется в виду государство Цзинь.

113. В тексте просто «а», пропущен знак «су» в названии алан-асов.

114. Вариант — «столицу».

115. В тексте 省覲 т. е. букв. «посещать и представляться императору на аудиенции», но, видимо, тут описка вместо

省親 «посещать родных», так как в цзюани 121 говорится о заботе Чингисхана насчет посещения Субэдэем именно родителей.

116. В 1-й цзюани ЮШ его зовут Дин Се.

117. См. в переводе цзюани 1 подстрочные примечания к году синь-сы.

118. В тексте ЮШ — 都 ду, букв. «столичный».

119. В тексте «цю» — презрительное к инородцам, «атаман, главарь».

120. В тексте стоит «Чжэ-бо», разночтение со стандартным Чжэбе в цз. 1.

121. В тексте «Ми-чжи-сы-ла», отличается от «Ми-чи-сы-лао», используемого в биографии Субэдэя в цз. 121.

122. В тексте «Шу-чи», разночтение с «Чжу-чи» цзюани 1.

123. В тексте «бичжэчи» — транскрипция монгольского слова, букв. «писец», доверенный чиновник монгольских ханов, или по-тюркски «баскак».

124. В тексте — 達魯花赤 да-лу-хуа-чи, транскрипция монгольского слова даругачи, т. е. уполномоченный высший чиновник над администрацией покоренных земель, «правитель» или «губернатор».

125. В тексте — 札魯火赤 чжа-лу-хо-чи, транскрипция монгольского слова жаргучи/яргучи, букв. «судья».

126. 武藝 т. е. «воинское мастерство».

127. Т. е. князь из императорской фамилии, примерно соответствует великому князю в императорской России.

128. 砲手總官 «паошоу цзунгуань», где знак 官 «гуань» «казенное учреждение, приказ» может указывать на то, что камнеметчики были сведены под начало специального приказа/управления.

Используемые сокращения

ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.

ПСРА — Полное собрание русских летописей.

РД — Рашид ад-Дин, «Сборник летописей».

САИ — Свод археологических источников.

СМИЗО — В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.

СС — «Сокровенное сказание» или «Тайная история монголов», см. С. А. Козин. «Сокровенное сказание».

ТИМ — «Тайная история монголов», см. СС.

ШУЦЧЛ — «Шэн-у цинь-чжэн лу» (Записки о личных походах Священно-воинственного [Чингисхана]), см. Палладий. Старинное китайское сказание о Чингисхане.

ЮШ — «Юань ши».

ЮЧБШ — «Юань-чао би-ши», китайский перевод СС.

Источники

1. «Автобиография Тимура и богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире», М.—Л., Academia, 1934.

2. «Анналы Бёртонского монастыря»// В. И. Матузова. Английские средневековые источники IX — XIII вв. М., Наука, 1979.

3. «Анналы Уэверлейского монастыря»// В. И. Матузова. Английские средневековые источники IX — XIII вв. М., Наука, 1979.

4. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе// «Исторический архив», т. III. М.—Л., Издательство АН СССР, 1940.

5. «Армянские источники о монголах». М., Издательство восточной литературы, 1962.
6. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., Издательство АН СССР, 1950.
7. Роджер Бэкон. «Великое сочинение»// В. И. Матузова. Английские средневековые источники IX—XIII вв., М., Наука, 1979.
8. «Древнетюркский словарь», Л., Наука, 1969.
9. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., Издательство АН СССР, 1950.
10. Е Лун-ли Цидань гочжи (История государства киданей). М., Наука, 1979.
11. «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание», книга 2. М., Наука, 1987.
12. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов// «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрук». М., Государственное издательство географической литературы, 1957.
13. «Картлис цховреба» (фрагменты)// «Летописи и хроники. 1980 г.». М., Наука, 1981.
14. Киракос Гандзакецци. История Армении. М., Наука, 1976.
15. «Книга Марко Поло». М., Государственное издательство географической литературы, 1955.
16. Козин С. А. Сокровенное сказание. М.—Л., Издательство АН СССР, 1941.
17. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана Хивинского. М.—Л., Издательство АН СССР, 1958.
18. Лубсан Данзан Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., Наука, 1973.
19. «Материалы по истории сюнну». М., Наука, 1968.
20. «Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху». М., Наука, 1984.
21. Матфей Парижский «Великая хроника»// В. И. Ма-

тузова Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., Наука, 1979.

22. «Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»»). М., Наука, 1975

23. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

24. «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., Издательство АН СССР, 1950.

25. «Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета». Новосибирск, Наука, 1991.

26. Палладий. Си ю цзи или Описание путешествия на Запад//«Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине», т. IV. СПб., 1866.

27. Палладий. Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия//«Записки Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества», кн. 9—10. Иркутск, 1867.

28. Палладий. Старинное китайское сказание о Чингисхане. Шэн-ву-цин-чжэн-лу (Описание личных походов священно-воинственного). Перевод с предисловием и примечаниями//«Восточный сборник», I. СПб., 1877.

29. Панкратов Б. И. Переводы из «Юань-чао би-ши»//«Страны и народы Востока», выпуск XXIX. СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 1998.

30. «Памятники литературы Древней Руси. XIII век». М., Художественная литература, 1981.

31. Патканов К. П. История инока Магакия. СПб. 1871.

32. «Полное собрание русских летописей»

— т. 1, «Лаврентьевская летопись». М., Издательство восточной литературы, 1962.

— т. 2, «Ипатьевская летопись». М., Языки славянской культуры, 2001.

— т. 9—10 «Патриаршая или Никоновская летопись», М., Наука, 1965.

— т. 15, «Рогожский летописец. Тверской сборник», М., Наука, 1965.

— т. 17, «Западнорусские летописи». СПб 1907.

— т. 26, «Вологодско-пермская летопись» М.—Л., Издательство АН СССР, 1959.

— т. 30, «Владимирский летописец». М., Наука, 1965.

— т. 36, «Сибирские летописи». М., Наука, 1987.

33. Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам//«Записки историко-филологического факультета Императорского Петроградского Университета», ч. СXXXIII. Пг., 1916.

34. «Псковские летописи», т. I. М.—Л., Издательство АН СССР, 1941.

35. «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153 гг.)». М., Наука, 1971.

36. Пэн Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах// «Проблемы востоковедения», 1960, №5, публикация Линь Кюн и Н. Ц. Мункуева.

37. Рашид ад-Дин Сборник летописей, т. I, ч. 1. М.—Л., Издательство АН СССР, 1952.

38. Рашид ад-Дин Сборник летописей, т. I, ч. 2. М.—Л., Издательство АН СССР, 1952.

39. Рашид ад-Дин Сборник летописей, т. II. М.—Л., Издательство АН СССР, 1960.

40. Рашид ад-Дин Сборник летописей, т. III. М.—Л., Издательство АН СССР, 1946.

41. Рашид ад-Дин Переписка. М., Наука, 1971.

42. Гильом де Рубрук Путешествие в восточные страны// «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., Государственное издательство географической литературы, 1957.

43. Садр ад-Дин Али ал-Хусайни Сообщения о сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях. М., Наука, 1980.

44. Сун Цзы-чжэнь Стела на пути духа его превосходительства чжун-шу лина Елюй [Чу-цая] // Н. Ц. Мункуев. Китайский

источник о первых монгольских ханах. М., Наука, 1965.

45. Сыма Цянь. Исторические записки, т. VI. М., Наука, 1992.

46. Татищев В. Н. История российская, том третий, М.-Л., Наука, 1964.

47. Татищев В. Н. История российская, том пятый, М., Наука, 1965.

48. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

49. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., Издательство АН СССР, 1941.

50. «Устюжский летописный свод». М.—Л., Издательство АН СССР, 1950.

51. Фома Сплитский История архиепископов Салоны и Сплита. М., Индрик, 1997.

52. «Шара туджи. Монгольская летопись XVII века». М.—Л., Издательство АН СССР, 1957.

53. Ло Гуаньчжун. Саньго яньи (Троецарствие), «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ», Пекин, 1979.

54. «Хэй-да ши-люе» (Краткие сведения о черных татарах)// Ван Го-вэй Хайнин Ван Цзин-ань сяньшэн ишу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина), т. 37. Чанша, 1940, «Шанъу иньшугуань».

55. «Юань ши» (История династии Юань). Тайбэй, 1966.

56. «Юань ши», «Чжунхуа шуцзюй чубань». Пекин, 1976.

57. Ata-Malik-Juvaini. The History of the World Conqueror, trans. by J. A. Boyle. Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, 1958.

Использованные пособия и литература

58. Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, ОГИЗ, 1941.

59. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, Гылым, 1999.

60. Базарова Б. З. Ц. Дамдинсурэн как исследователь «Тайной истории монголов»// «Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии». Новосибирск, Наука, 1989.
61. Базарова Б. З. Влияние официальной китайской историографии на монгольскую// Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, Наука, 1992.
62. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Сочинения т. I. М., Издательство восточной литературы, 1963.
63. Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана// Сочинения т. V. М., Наука, 1968.
64. Бартольд В. В. Чингиз-хан//Сочинения т. V. М., Наука, 1968.
65. Бартольд В. В., Минаев И. П. Примечания к «Книге Марко Поло»//«Книга Марко Поло». М., Государственное издательство географической литературы, 1955.
66. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г., Средневековый город Средней Азии. Л., Наука, 1973.
67. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., Издательство АН СССР, 1963.
68. Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097—1231 гг.). М., Наука, 1986.
69. Буниятов З. М. Комментарий//Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
70. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., Наука, 1983.
71. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис Хана. Bruxelles, Les editions Petropolis, 1939.
72. Викторова Л. Л. Монголы. М., Наука, 1980.
73. Владимирцов Б. Я. Чингис-хан//Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

74. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. А., Изд-во АН СССР, 1934.
75. Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., Наука, 1975.
76. Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М., Наука, 1983.
77. «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816—1843». М., Российский архив, 1997.
78. «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура». М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
79. Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.
80. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., Издательство АН СССР, 1950.
81. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 3. Л., 1926—1930.
82. Груссе Р. Чингисхан: Покоритель Вселенной. М., Молодая гвардия, 2002.
83. Грушевський М. С. Історія України-Руси, том II. Київ, Наукова думка, 1992.
84. Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII—XIII вв. // «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.
85. Гуревич И. С., Зограф И. Т. Хрестоматия по истории китайского языка III—XV вв. М., Наука, 1982.
86. Чулууны Далай. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской империи// История и культура Востока Азии. т. 3 — Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, Наука, 1976.
87. Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.
88. Довженок В. О. Сторожевые города на юге Киевской Руси// «Славяне и Русь». М., Наука, 1968.
89. Довженок В. О. Среднее Поднепровье после татаро-

монгольского нашествия// «Древняя Русь и славяне». М., Наука, 1978.

90. Егоров В. А. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., Наука, 1985.

91. Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция. М., Наука, 1984.

92. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., Чарли, 1997.

93. «История Монгольской Народной Республики». М., Издательство АН СССР, 1954.

94. «История народов Восточной и Центральной Азии». М., Наука, 1986.

95. Кадырбаев А. Ш. О двух тенденциях в политике монгольских завоевателей по отношению к оседлому населению Китая XIII—XIV вв. // «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». Алма-Ата, Издательство «Наука» Казахской ССР, 1987.

96. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., Наука, 1972.

97. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., Высшая школа, 1967.

98. Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., Издательство АН СССР, 1958.

99. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, выпуск 3// САИ, Е1-36. Л. Наука, 1971.

100. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси. Л., Наука, 1976

101. Кирпичников А. Н. К оценкам военного дела средневековой Руси// «Древние славяне и Киевская Русь». Киев, Наукова думка, 1989.

102. Клаузевиц К. «О войне», т. 1. М., Государственное военной издательство НКО СССР, 1937.

103. Кляшторный С. Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха)// «Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., Наука, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993.

104. Крадин Н. Н. Империя Хунну. М., Логос, 2002.

105. Крымский А. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.), часть вторая, История от древнейших времен// «Труды, по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных языков», вып. XV, ч. 2. М. 1912.

106. Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., Наука, 1987.

107. Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

108. Кучера М. П. Переяславское княжество// «Древнерусские княжества X—XIII вв.». М., Наука, 1975.

109. Кучера С. Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань// «Роль традиций в истории и культуре Китая». М., Наука, 1972.

110. Кучера С. Некоторые проблемы экзаменационной системы и образования при династии Юань// «Китай: государство и общество». М., Наука, 1977.

111. Кызласов Л. Р. Ранние монголы// «История и культура Востока Азии. т. 3 — Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века». Новосибирск, Наука, 1976.

112. Кычанов Е. И. Звучат лишь письма. М., Наука, 1965.

113. Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., Наука, 1968.

114. Кычанов Е. И. О татаро-монгольском улусе XII в. // «История и культура Востока Азии. Восточная Азия и соседние территории в средние века». Новосибирск, Наука, 1986.

115. Кычанов Е. И. Исследование. Тангутское право// «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание», книга 1. М., Наука, 1988.

116. Кычанов Е. И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников)// «Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., Наука, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993.

117. Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

118. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

119. Кычанов Е. И. История династии Юань («Юань ши») о Золотой Орде// «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», выпуск XIX. СПб., изд. СПбГУ, 2000.

120. Лебедева Е. П. К вопросу о родовом составе монголов// «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова» М., Издательство восточной литературы, 1958.

121. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., Наука, 1987.

122. Лубо-Лесниченко Е. И., Шафрановская Т. К. Мертвый город Хара-Хото. М., Наука, 1968.

123. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. СПб., Университетская книга, 2001.

124. Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

125. «Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси»// МИА, №77. М., Издательство АН СССР, 1958.

126. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., Наука, 1965.

127. Мункуев Н. Ц. Мэн-да бэй-лу — важный источник по истории древних монголов// «Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»»). М., Наука, 1975.

128. Мункуев Н. Ц. Комментарий// «Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»»). М., Наука, 1975.

129. Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

130. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.—Л., Издательство АН СССР, 1940.

131. Насонов А. Н. История русского летописания. М., Наука, 1969.
132. «О Кудатку-Билике Чингис-хана», реферат П. М. Мелиоранского // «Вестник всемирной истории». СПб. 1900, апрель № 5
133. «Очерки истории российской внешней разведки», том 1. М., Международные отношения, 1999.
134. Палладий (Кафаров). Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марка Поло по Северному Китаю. СПб., 1902.
135. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.—Л., Издательство АН СССР, 1950.
136. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., Государственное издательство политической литературы, 1956.
137. Пашуто В. Т. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XV вв. // «Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России». М., Наука, 1968.
138. Пашуто В. Т. Александр Невский. М., Молодая гвардия, М. 1975.
139. Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.
140. Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
141. Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.
142. Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин Сборник летописей, т. I, ч. 1. М.—Л., Издательство АН СССР, 1952.
143. Пигулевская Н. В. Сношения монгольских ханов с западноевропейскими государствами и роль сирийцев // «История мар Ябалахи III и раббан Саумы», Издательство восточной литературы. М. 1958.
144. Пикулин М. Г. Чингисхан в Афганистане // «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

145. Плетнева С. А. Половецкая земля // «Древнерусские княжества X—XIII вв.». М., Наука, 1975.
146. Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., Наука, 1982.
147. Плетнева С. А. Половцы. М., Наука, 1990.
148. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг., т. II, Дневник и маршрут 1893 года. СПб., Издание Императорского Русского Географического общества, 1898.
149. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., Наука, 1978.
150. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства // «Летопись занятий Археографической комиссии за 1917 год», вып. 30. Пг., 1920.
151. Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1976.
152. Пубаев Р. Е. «Пагсам-джонсам» — памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск, Наука, 1981.
153. Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., Издательство Московского университета, М. 1977.
154. Рапов О. М. Русские города и монгольское нашествие // «Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины». М., Издательство Московского университета, 1983.
155. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества // МИА, №52. М.—Л., Издательство АН СССР, 1956.
156. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА, №105. М.—Л., Издательство АН СССР, 1961.
157. Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X — XIV вв. // МИА, № 140. Л., Наука, 1967.
158. Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII—XIV вв. // «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова». М., Издательство восточной литературы, 1958.

159. Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный городок Вщиж// «По следам древних культур. Древняя Русь». М., Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1983.

160. Рыбаков Б. А. Куликовская битва// «Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины». М., Издательство Московского университета, 1953.

161. Рыгдылон Э. Р. О монгольском термине онгу-богол// «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова». М., Издательство восточной литературы, 1958.

162. Рязановский В. А. Монгольское право. Харбин, 1931.

163. Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., «Наука», 1977.

164. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1960.

165. Свечин А. Эволюция военного искусства, том первый, Государственное издательство. М.—Л. 1927.

166. Седова М. В. Ярополч Залесский. М., Наука, 1978.

167. Серов В. М. Поход монголов в Корею в 1231—1232 гг. и его последствия// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

168. Скрынникова Т. Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI—XII вв. // «Исследования по истории и культуре Монголии». Новосибирск, Наука, 1989.

169. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

170. «Словарь географических названий Китая». М., Наука, 1982.

171. Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., Наука, 1989.

172. Терентьев-Катанский А. П. Материальная культура Си Ся, М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993.

173. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй. М., Издательство восточной литературы, 1959.

174. Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., Издательство Московского университета, 1958.

175. Толочко П. П. Киевская земля // «Древнерусские княжества X—XIII вв.». М., Наука, 1975.

176. Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, Наукова думка, 1987.

177. Толочко П. П. Київська Русь. Київ, Абрис, 1996.

178. Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, Абрис, 1999.

179. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., Издательство АН СССР, 1948.

180. Трепавлов В. В. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // «Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., Наука, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993.

181. Тренавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., Наука, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993.

182. У. Монтгомери Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу. М., Наука, 1976.

183. Успенский В. Л. «Сокровенное сказание» и монгольская историография XVII—XVIII вв. // «Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., Наука, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993.

184. Фалина А. И. Рашид ад-Дин и его переписка // Рашид ад-Дин. Переписка. М., Наука, 1971.

185. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

186. Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М., Наука, 1968.

187. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., Издательство Московского университета, 1973.

188. Федчина В. Н. Китайский путешественник XIII в. Чан

Чунь// «Из истории науки и техники Китая». М., Издательство АН СССР, 1955.

189. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М., Прогресс, 1989.

190. Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., Наука, 1975.

191. Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218)// «История и культура древнерусского города». М., Издательство Московского университета, 1989.

192. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, Наука, 1986.

193. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья, Новосибирск, Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997.

194. Цулая Г. В. Джелал ад-дин в оценке грузинской летописной традиции// «Летописи и хроники. 1980 г.». М., Наука, 1981.

195. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., Наука, 1988.

196. Чекин А. С. Картография христианского средневековья. VIII—XIII вв. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

197. Черепнин Л. В. Русская хронология. М., Издательство Главного архивного управления НКВД СССР, 1944.

198. Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.)// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

199. Шан Юэ. Очерки истории Китая, Издательство восточной литературы. М., 1959.

200. Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов// «Татаро-монголы в Азии и Европе», 2-е изд. М., Наука, 1977.

201. Школяр С. А. О китайских огнеметных аппаратах

XI в. // «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока». М., Издательство восточной литературы, 1961.

202. Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., Наука, 1980.

203. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья, М., Eastern Communications, 1997.

204. Шумовский Т. А. Введение// Ахмад ибн Маджид Книга польз об основах и правилах морской науки, ч. I. М., Наука, 1985.

205. Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...// Утемиш-хаджи Чингиз-наме. Алма-Ата, Ыбылым, 1992.

206. Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча// ИГАИМК, т. VI, вып. II. Л., 1930.

207. Янин В. А. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // «Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова». М., Наука, 1982.

208. Кэ Шао-минь. Синь Юань ши (Новая история Юань)// «Юань ши», Тайбэй, 1966.

209. Чжан Би-бо, Дун Го-яо. Чжунго гудай бэйфан минь-цзу вэньхуаши (История культуры северных народов Китая в древности). Харбин 2001, «Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ».

210. Чжоу Вэй. Чжунго бици шигао (История китайского оружия). Пекин, 1957, «Шэнхо душу синьчжи шудянь чубань».

211. «Чжунго цзюньши ши» (История военного дела Китая), т. II. Пекин, 1986, «Цзефанцзюнь чубаньшэ».

212. «A literary and historical atlas of Asia». London—New York, 1910.

213. F. W. Cleaves The Historicity of the Baljuna Covenant// Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 18э 1955.

214. John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, and Albert M. Craig, East Asia: Tradition and Transformation. Boston, 1978.

215. Aleksey Martyniuk Die Mongolen im Bild: orientalische, westeuropaische und russische Bildquellen zur Geschichte des

Mongolischen Weltreiches und seiner Nachfolgestaaten im 13. —16. Jahrhundert. Hamburg, 2002.

216. Ig. de Rachewiltz and Nakano Miyako Index to biographical material in Chin and Yuan literary works. Canberra, 1970.

217. «The Jenghiz Khan miniatures», Spring books. London, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Источники и пособия.....	11
Глава I.....	27
Глава II.....	49
Глава III.....	122
Глава IV.....	279
Заключение.....	397
Хронологическая сетка основных событий.....	400
Критический обзор источников и литературы.....	404
Переводы из «Юань Ши» (фрагменты).....	432
Сводный комментарий.....	526
Используемые сокращения.....	541
Источники.....	541
Использованные пособия и литература.....	545

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Храпачевский Роман Петрович
Военная держава Чингисхана

Научный редактор В. Рыбаков

Редактор А. Сидорович

Художественный редактор О. Адашкина

Компьютерный дизайн: Ю. Хаджи

Компьютерная верстка: В. Смолянинов

Технический редактор О. Панкраткина

Корректор А. Богданова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.